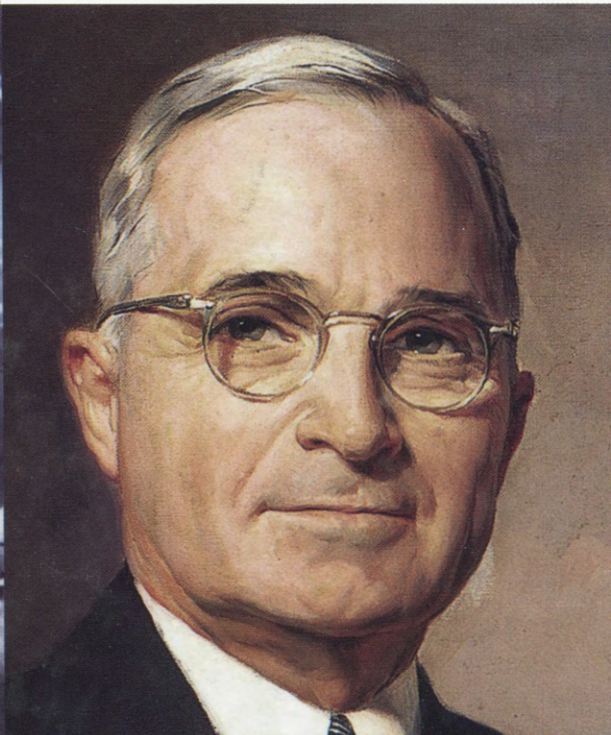

ТРУМЭН

Георгий
Чернябский
Лариса
Дубова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1790

(1590)

Георгий Чернябский
Лариса Дубова

ТРУМЭН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(73)(092)“19”
ББК 63.3(7)6
Ч-49

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-03891-2

© Чернявский Г. И., Дубова Л. Л., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

*Я никогда не мог понять, для чего
люди играют в придуманные игры,
когда на свете столько настоящих игр.*

Курт Воннегут

*Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного,
Но если можно бы сначала
Жизнь эту вымолить у Бога,
Хотелось бы, чтоб было снова
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.*

Давид Самойлов

ВВЕДЕНИЕ

Авторам этой книги очень нелегко было писать популярную работу о Гарри Трумэне — фермере, мелком предпринимателе, провинциальном политике, сенаторе, вице-президенте, на каковом посту он пробыл менее трех месяцев, чтобы волею судьбы стать президентом Соединенных Штатов Америки в переломный момент развития страны и всего мира — на заключительном этапе Второй мировой войны.

Трудность состояла в том, что с бытовой, можно даже сказать мещанской точки зрения Трумэн был очень «правильным» — он имел определенные представления о долге, чести, совести и стремился действовать в точном соответствии с этими принципами. Он занимался только своим делом, ни на что иное не отвлекаясь. Ведь нельзя считать отвлечением от дела игру в карты или рюмку бурбона по вечерам. Художественную литературу он читать не привык. Многие годы Трумэн жил на весьма умеренное жалованье и сохранил в Белом доме повадки среднего американца. Трумэн не имел высшего образования, даже неполного высшего — он всего два года проучился на юридическом факультете провинциального университета. В зависимости от настроения автора (или читателя) это может трактоваться и положительно (несмотря на нехватку официального образования он стал выдающимся президентом!), и отрицательно (вот какие неучи попадают в президентское кресло!). Но так или иначе эта не частая в Америке последних ста лет особенность представляет героя этой книги как обычного, рядового американца.

В книге о Дуайте Эйзенхауэре мы уже вспоминали об остроте, которая распространялась его недоброжелателями: Франклин Рузвельт доказал, мол, что даже милли-

онер может стать президентом, Гарри Трумэн убедил, что каждый может быть президентом, Дуайт Эйзенхауэр продемонстрировал, что страна может вообще обойтись без президента¹. Если применительно к Эйзенхауэру это высказывание было явно несправедливо, то в отношении Трумэна оно содержало какую-то долю истины.

Формально Трумэн был примерным семьянином — верным супругом, образцовым отцом единственной дочери. Но и жена, и дочь были у него на втором, если не на более дальнем плане. Все свои силы, все свои помыслы обыкновенного гражданина Соединенных Штатов, каковым он сам считал себя, он отдавал тому делу, которым был занят в данный период. Это было поведение ответственного рядового гражданина США на ответственном государственном посту. Так что писать о Трумэне — это в первую очередь рассказывать об американской политике — вначале провинциальной, а затем общегосударственной.

Как при этом не сбиться на содержание и стиль учебного пособия? Как представить читателю именно данного героя, сосредоточив внимание на его личных особенностях, взглядах, манере поведения? Авторы попытались осуществить эти задачи, рассказывая (естественно, наряду с обычными биографическими вехами) о событиях американской провинциальной, общенациональной (а затем и мировой) истории сквозь призму личностного развития и взглядов Гарри Трумэна, а о самом Трумэне — обращая особое внимание на то, как внешние социальные, политические, военные и прочие события отражались в его сознании и сказывались на поведении, формировали и развивали его как общественного деятеля, политика, руководителя государства.

Естественно, мы уделили наибольшее внимание тем поворотным моментам, которые вписали имя Гарри Трумэна не только в историю Соединенных Штатов, но и во всемирную летопись. Ведь именно на время его президентства — последние месяцы Второй мировой войны и первые послевоенные годы — пришлось такое нагнетание событий, которые предопределили развитие человечества на многие десятилетия. Среди международных событий, к которым Трумэн был причастен непосредственно, — Потсдамская конференция глав трех великих держав; атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки, ускорившая окончание войны; доктрина оказания помощи странам, которые находились под угрозой коммуниз-

ма, начало холодной войны и атомное противостояние с СССР; план Маршалла, фактическим соавтором которого являлся Трумэн; создание Организации Североатлантического договора (НАТО); начало корейской войны. В то же время Трумэн был инициатором целого ряда либерально-демократических реформ внутри страны, которые вписались в программу его «справедливого курса», являвшегося продолжением «нового курса» Франклина Рузвельта. Среди них были мероприятия по расовой интеграции, по льготной продаже жилья бедной части населения, по повышению налогов на корпорации и крупные землевладения. По инициативе Трумэна была принята конституционная поправка, ограничившая пребывание президента на своем посту двумя сроками (не более восьми лет).

Так получилось, что скромный и непритязательный, почти случайно оказавшийся на высшем исполнительном посту, Гарри Трумэн вошел в историю как один из наиболее заметных американских президентов.

В американской литературе имеется несколько общих биографических работ о 33-м президенте Соединенных Штатов. К числу лучших из них, основанных на достоверном фактическом материале и содержащих более или менее детальный анализ основных этапов жизненного пути своего героя, относятся книги Роберта Феррелла² и Алонзо Хэмби³. Этим работам предшествовали многочисленные исследования этих авторов, относящиеся к разным этапам и проблемам деятельности Трумэна, а также подготовленные ими документальные сборники.

Интересные и важные подробности, особенно о допрезидентских годах Трумэна, можно найти в написанных в разные годы книгах Дж. Дэниелса⁴, А. Стайнберга⁵, Б. Бернса⁶, Д. Джиангреко⁷ и некоторых других, а также в многочисленных статьях, опубликованных в американских научных и популярных журналах.

Немаловажные справочные данные содержатся в обьемистом томе «Энциклопедии Гарри С. Трумэна», статьи которой посвящены как эпизодам жизни и деятельности самого Трумэна, так и лицам и событиям, в различной степени связанным с ним на различных этапах⁸.

Все эти работы, включая энциклопедические статьи, при всей их ценности, не свободны от пробелов, произвольных оценок, фактических неточностей. В тех случаях, когда авторы этой книги ссылались на названные труды, они стремились проверить их информацию по первоисточникам.

Нельзя не отметить в то же время, что в США подчас появляются труды, внешне соответствующие научным стандартам (если судить, например, по обилию сносок), которые на самом деле продиктованы отнюдь не научными, а сугубо политическими соображениями и ставят своей целью опорочить то ли определенное лицо, то ли его партию, то ли какой-то период национального развития. В 2012 году вышла огромная книга кинорежиссера Оливера Стоуна и историка с левыми взглядами Питера Кузника, вроде бы рассказывающая о развитии США в первой половине XX века, но на самом деле пытающаяся убедить читателя, что в развитии этой страны за полстолетия не было ни единой светлой страницы, что Соединенные Штаты являлись (и являются) источником зла на всей планете, первым и главным захватчиком чужих территорий, основным виновником развязывания холодной войны и т. п. Элементарная проверка фактов, в частности касающихся деятельности Трумэна, которого Стоун и Кузник считают чуть ли не исчадием ада (его президентству посвящено более сотни страниц), показывает, что эти авторы не гнушаются прямой фальсификацией данных, а иногда и обманом, обвиняя Трумэна во всех возможных грехах, даже в антисемитизме⁹. Мы упоминаем об этой книге, в частности, в связи с тем, что она удивительно быстро была переведена и издана в России, причем в роскошном оформлении, что, в свою очередь, свидетельствует об определенной историко-пропагандистской тенденции¹⁰.

В российской исторической литературе нет ни единой книги, непосредственно посвященной Гарри Трумэну. Единственная серьезная статья на русском языке о нем написана известным американско-российским политологом и историком Николаем Васильевичем Злобиным, причем она представлена журналом «Континент» как «промежуточный результат работы над книгой о жизни и деятельности 33-го президента США Гарри Трумэна, которую готовит автор»¹¹. К сожалению, свой план написать биографию Трумэна Злобин за последующие 15 лет так и не реализовал. Сама же статья, содержательная и основанная на комплексе документов, не лишена произвольных оценок и идеализации Трумэна, а также ряда фактических неточностей. Злобин утверждает, например, что через полвека после того, как Трумэн стал президентом, историки стали его «называть одним из лучших президентов в истории»¹². Между тем попытки авторов книги, которая сейчас лежит

перед читателем, найти хотя бы одну американскую работу с такой оценкой Трумэна успехом не увенчались. К тому же это не статья о всей жизнедеятельности героя, а кроме кратких предварительных, «энциклопедических» сведений работа посвящена только Трумэну-президенту.

Н. В. Злобину принадлежат также небольшое эссе о роли Трумэна в создании государства Израиль, написанное в основном на базе американской литературы, и важная статья, проливающая новый свет на выступление Уинстона Черчилля в американском городе Фултоне 5 марта 1946 года, в котором была сформулирована мысль, что в центре Европы опустился «железный занавес». Статья интересна тем, что к фултонской речи Черчилля имел непосредственное отношение Трумэн, присутствовавший на ней и представивший Черчилля аудитории¹³.

Самые общие сведения о программных установках Трумэна-президента содержатся в обзорной статье В. В. Мотылева, основанной лишь на нескольких американских биографических работах и страдающей рядом неточностей¹⁴.

О Трумэне идет речь, правда, лишь в эпилоге и несколько скороговоркой, в ценной, основанной на массе первоисточников работе В. О. Печатнова, посвященной советско-американским отношениям, главным образом в военный период¹⁵.

Разумеется, вне какой бы то ни было историографии находятся появляющиеся подчас в Интернете голословные, основанные на фиктивных догадках, продиктованные чувствами глубокого неприятия, а подчас и политическими соображениями антитрумэновские материалы, обвиняющие Трумэна в том, что он был причастен к якобы имевшему место убийству Франклина Рузвельта, организованному антисоветскими и просионистскими кругами. Один из такого рода авторов, некий А. А. Голиков, ухитрился в обоснование своих домыслов использовать так называемую логикологию, будто бы раскрывающую «тайные связи и взаимоотношения букв и цифр, чисел, их значение в создании мироздания и влияние на процессы эволюции жизни», в частности занимающуюся «кодами полного имени»!¹⁶

Основным источником фактической информации для предлагаемой работы явилась массивная документация, представленная в Архиве Библиотеки Гарри Трумэна в городе Индепенденсе, штат Миссури. Этот архив содержит

фонды (файлы), относящиеся как ко времени работы Трумэна в сенате США, так и в качестве президента страны. В нем собраны и официальные президентские документы, и огромное число его личных писем, памятных записок, дневниковых записей, мемуарных отрывков и других самых разнообразных материалов, относящихся ко всем этапам его жизненного пути.

Помимо личных фондов Трумэна в архиве сберегается документация многих его сотрудников и членов семьи, которая позволила предпринять попытку воссоздать портрет героя со многими личностными особенностями и манерой поведения.

Наконец, в специальном разделе архива хранится огромное число неопубликованных воспоминаний о Трумэне. При должном критическом к ним отношении они позволяют воспроизвести некоторые моменты биографии Трумэна, что было бы невозможно на базе других источников.

В книге использованы материалы из ряда других американских архивов, которые дополняют информацию названной нашей главной документальной базы. Это — Национальный архив Соединенных Штатов, Архив Федерального бюро расследований, Архив Центрального разведывательного управления, Архив Министерства энергетики США, архивные отделы библиотек Герберта Гувера (Вест-Брэнч, штат Айова), Франклина Рузвельта (Гайд-Парк, штат Нью-Йорк) и Дуайта Эйзенхауэра (Абилин, штат Канзас), рукописные фонды Библиотеки Конгресса и нескольких крупных университетских библиотек (Колумбийского университета в Нью-Йорке, Университета им. Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, университетов штатов Айова и Миссури, Национального университета обороны в столице США).

Авторы этой книги располагали обширным фондом опубликованной мемуарной литературы, к которой относились с должной осторожностью, имея в виду характерные особенности воспоминаний как исторического источника. Авторы вполне согласны с писателем Василием Аксеновым, который, объясняя, почему он назвал свои воспоминания романом, писал, что «всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру... Неизбежны провалы и неточности, которые в конце концов могут привести — и чаще всего приводят — к вранью. Стремление к хронологической точности часто вызывает путаницу. Желание создать образы

реальных людей под реальными именами может вызвать у читателя раздражение и отторжение: они, дескать, были не такими и *такого* с ними не могло произойти»¹⁷. Но к этим обычным свойствам человеческой памяти, проявляющимся в воспоминаниях, надо добавить естественное желание мемуаристов, сосредоточив внимание на личной деятельности, невольно (а подчас и намеренно) поставить себя в центр событий, преувеличить в них личную роль или роль своих близких.

Учитывая это, мы стремились заимствовать из мемуаров не столько факты, сколько их оценку авторами, воспроизводить на их основании неповторимый колорит событий, который невозможно выявить из других источников. В этом отношении ценными были воспоминания самого Трумэна¹⁸ и его дочери, профессиональной писательницы Маргарет Трумэн, изданные в двух томах¹⁹. В некоторых случаях полезными оказались и мемуарные книги друзей, советников, членов правительства Трумэна.

Необходимо сделать некоторые разъяснения по поводу структуры этой книги. Первоначально авторы предполагали разделить ее на три части, хронологически далеко не равнозначные. Если первая часть должна была охватывать полстолетия жизни Трумэна вплоть до того, как он стал президентом, и ее предполагалось построить в соответствии с этапами его становления как политического деятеля, то вторая и третья части должны были носить синхронный характер, освещая, соответственно, внешнюю и внутреннюю политику американского президента.

Однако при работе над рукописью оказалось, что такая структура не позволяет в должной мере рассмотреть все стороны деятельности Трумэна. Проблемы внутренней и внешней политики тесно переплетались, и подчас невозможно было выделить тот или иной аспект, отнести его к определенной сфере деятельности, не впадая в искусственное схемотворчество, не жертвуя элементарной логикой. Некоторые же проблемы (в частности, президентские выборы 1948 года) имели прямое отношение к обеим сторонам деятельности Трумэна, и их просто невозможно было втиснуть в ту или другую часть.

В связи с этим авторы отказались от деления книги на части, сочтя более целесообразным построить ее в основном в хронологической последовательности, лишь иногда прибегая к проблемному построению, опять-таки основанному на последовательном ходе событий.

Трудно перечислить все те учреждения и тем более называть имена коллег и друзей, сотрудников архивов и библиотек, которые оказали помощь при работе над этой книгой подбором документов, самого разного рода консультациями и суждениями, доброжелательной поддержкой. Всем им наша сердечная благодарность. Мы особенно признательны администрации Библиотеки Гарри Трумэна за предоставленное нам право использовать ее огромные коллекции, в частности коллекцию фотоматериалов, насчитывающую около 43 тысяч единиц хранения.

Глава первая
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

1. Деды, родители, ранние годы

О родословии героя этой книги известно немного. И это неудивительно. Гарри Трумэн происходил из скромной семьи среднего достатка, не претендовавшей на какое-либо видное общественное положение, стремившейся сохранить свое относительное благополучие в жизненном море страстей и тревог, индивидуализма и возможностей Америки второй половины XIX века, казавшихся безграничными.

Известно лишь, что в 1846 году Андерсон Шиппи Трумэн со своей молодой женой Мэри Джейн поселился в районе городка Вестпорт-Лэндинг (штат Миссури). Жили они неподалеку от другой пары, также приехавшей сюда из столь же провинциального штата Кентукки, — Соломона и Гариетт Янг.

О более отдаленных предках будущего американского президента ходили только слухи. Говорили, что род восходил к ранним пришельцам из Великобритании, что предки жили в Вирджинии и проявили храбрость в войнах с индейцами.

Сами же Андерсон и Мэри Джейн смогли купить участок земли средних размеров (примерно 200 акров*), получили в качестве свадебного подарка несколько черных рабов, построили небольшой, но удобный дом, регулярно посещали баптистскую церковь. Со временем в семье появились пятеро детей. Третий ребенок Джон родился в 1851 году.

Во время Гражданской войны между Севером и Югом 1861—1865 годов, которая имела много сторон и оттенков, но преимущественно воспринималась как война за освобождение негров, семейство Трумэн полностью и целиком было на стороне Юга. Лишь в малой степени это было свя-

* 1 акр — примерно 0,4 гектара.

зано с экономическими причинами — пара семей негритянских рабов не играла решающей роли в их хозяйстве. Скорее приверженность к Югу была связана с культурной традицией, консервативными наклонностями, нежеланием быть свидетелями коренной ломки сложившегося уклада и тем более участвовать в ней.

Но с жизненными реалиями приходилось считаться. Вскоре после начала войны Трумэны освободили своих рабов, а в апреле 1863 года принесли клятву верности федеральному правительству Авраама Линкольна. Местные власти графства Платте, где они жили, относились, однако, к Трумэнам как к бывшим рабовладельцам с подозрением: им было запрещено покидать место жительства. Однажды на участок Трумэнов вторгся отряд так называемых «красноногих» — добровольческое полувоенное формирование северян под командованием Джима Лейна — полуофицера, полубандита, которого боялись тамошние фермеры, так как он мог запросто повесить чем-то ему не понравившегося местного жителя.

При приближении отряда Лейна вся семья укрылась в соседнем лесу. Испуг был нешуточным. Но все дело обошлось малым ущербом — пополнив запасы продовольствия и фуража и лишь немного повредив дом и инвентарь, слегка пограбив семейство, забрав, в частности, столовое серебро, Лейн отправился дальше, а Трумэны возвратились в свой дом и сравнительно быстро восстановили нарушенный порядок²⁰.

Непосредственно после войны Трумэны переселились в графство Джексон, в район местечка Хикманс-Миллс, где вели фермерское хозяйство на участке около 200 акров. Мэри Джейн скончалась в 1879 году. Андерсон же оставался сравнительно бодрым и все силы отдавал ферме, опираясь на помощь сына Джона (остальные сыновья покинули родной штат в поисках лучшей доли). Неподалеку от Трумэнов поселились их друзья — семейство Соломона Янга, которому сопутствовала удача: Янги установили связи с надежными посредниками, выгодно продавали полученный урожай и оказались в состоянии по сравнительно небольшой цене приобретать новые земли. К концу 1860-х годов их ферма располагала более чем двумя тысячами акров. Семья Янг быстро росла. Отношения между Трумэнами и Янгами оставались дружескими, несмотря на различие в имущественном весе (у Янгов было в шесть раз больше земли, чем у Трумэнов). Имея в виду простоту нравов тогдашней аме-

риканской глубинки, не было удивительным, что предложение, которое сделал Джон Трумэн Марте Эллен, восьмому по счету ребенку Янгов, было встречено благосклонно как самой девушкой, так и ее родителями.

Свадьбу сыграли 28 декабря 1881 года, после чего молодожены переселились в южную часть штата Миссури, где приобрели сравнительно небольшой участок земли. Хозяйством здесь стал в основном заниматься также переселившийся сюда Андерсон, тогда как Джон в основном занялся торговлей скотом. Через много лет дети Джона, в частности Гарри, вспоминали о нем с теплотой. По их словам, это был невысокий человек, мягкий по отношению к окружающим, почти не наказывавший детей и уж во всяком случае не прибегавший к весьма распространенным жестоким телесным наказаниям. Все же со временем Джон, по словам его потомков, стал более жестким, так как не добился от жизни всего того, что, как он полагал, могло принадлежать ему по праву²¹. Джон, однако, был не совсем справедлив по отношению к самому себе: о нем вспоминали как о хитром торговце, оказавшемся способным найти незримую линию в промежутке между добросовестной рекламой своего товара и прямым обманом покупателя, сочетавшем трудолюбие с рискованными авантюрами²².

Жена Джона Марта Эллен имела неплохое образование — она окончила Центральный колледж для женщин в Лексингтоне (штат Миссури), где изучала музыку и живопись. Она играла на фортепиано, была актрисой-любительницей, в какой-то степени знала английскую литературу. Как это часто бывало в маленьких американских поселках, жена была образованнее мужа, и именно на нее ложилась основная ноша не только по воспитанию детей, но и по передаче им основных элементарных, поверхностных знаний, которые в провинции считались признаком «культурного человека». Современники отмечали разговорчивость этой дамы, которая имела собственное мнение по любому вопросу и охотно вступала в споры, пытаясь убедить собеседников в своей правоте²³.

Первая беременность Марты завершилась неудачей — она родила мертвого ребенка. Супруги с волнением ожидали рождения следующего. На этот раз все было благополучно. 8 мая 1884 года Марта родила здорового мальчика. Его назвали Гарри в честь брата матери Гаррисона и, как это принято в большинстве американских семей, присвоили ему еще и «среднее» имя. Однако в отличие от обычной

практики, когда «среднее» имя записывается в документы полностью, а в других случаях употребляются только инициалы, никакого полного «среднего» имени новорожденному не дали. В его документах только проставлен инициал «С.», значение которого объясняли по-разному. Так до конца и не было выяснено, в честь кого этот инициал был проставлен. Дочь Трумэна Маргарет утверждала, что промежуточный инициал должен был обозначать имена двух дедов ее отца — Шиппи и Соломона, но тут же противоречила себе, говоря: «Чтобы умиротворить своих чувствительных стариков, его родители добавили “С.”, но упорно не желали решить, означало ли оно Шиппи или Соломон»²⁴. Любопытно, что, став государственным деятелем, Гарри Трумэн после этого инициала, или скорее просто промежуточной буквы упорно, вопреки грамматическим правилам, ставил не точку, а запятую²⁵.

Через два года, в апреле 1886 года, у Гарри родился младший брат Вивиан.

В трехлетнем возрасте Гарри впервые столкнулся со смертью. Это было первое его хорошо очерченное воспоминание. Своего деда Андерсона Трумэна он знал мало, жили они в последнее время отдельно. Но однажды вся семья отправилась в местечко Грэнд-Вью, где находился дед, очевидно, узнав о его тяжелой болезни. Услышав от кого-то слова «Он покинул нас» и зайдя в соседнюю комнату, мальчик увидел лежавшего на кровати деда, удивился услышанным только что словам и схватил деда за бороду, пытаясь его разбудить²⁶.

После смерти Андерсона Джон с семьей перебрался в Грэнд-Вью, где, не прекращая своих торговых операций, занялся фермерским ремеслом при помощи нескольких наемных работников. Дело шло неплохо. Удалось купить новые участки земли, семья не роскошествовала, но и не нуждалась. В августе 1889 года родился третий ребенок, на этот раз девочка, получившая имя Мэри Джейн в честь матери Джона.

Детство Гарри проходило сравнительно спокойно. Родители берегли его. С соседскими ребятами он встречался, но в опасных играх не участвовал, почему и получил прозвище «маменькиного сынка». Эта кличка, вероятно, была связана и с тем, что в пятилетнем возрасте у Гарри была обнаружена деформация глазного яблока («плоский глаз», как тогда говорили), и ему были прописаны сильные очки, которые он носил постоянно. Уже после ухода с пре-

зидентского поста, выступая перед школьниками, Трумэн разоткровенничался: «Я никогда не был популярным. Популярными были те парни, которые побеждали в играх, у которых были большие, сильные кулаки. Я никогда не был таковым. Без очков я был слеп, как летучая мышь, и, честно говоря, был в определенной степени маменькиным сыном. Если возникала драка, я всегда убегал»²⁷.

Надо сказать, что своих очков Трумэн никогда не стеснялся. Друг детства Майз Питерс вспоминал: «Тогда было очень необычно, когда дети носили очки. Ребята смеялись над теми, кто очки носил. Их называли четырехглазыми. Но его [Гарри] нимало не беспокоило, когда его так называли»²⁸.

Обычно Гарри играл с младшим братом, ухаживал за маленькой сестрой, даже пел ей колыбельные песни перед сном, с удовольствием помогал матери по хозяйству²⁹. Так что кличка «маменькин сынок» имела под собой некоторые основания.

Когда Гарри исполнилось шесть лет, семья перебралась в соседний город Индепенденс. В значительной степени переезд был связан именно с тем, что старший сын подрастал, ему надо было идти в школу, хороших школ поблизости от фермы не было. Таковые имелись только в сравнительно крупных населенных пунктах, к которым и относился Индепенденс.

Это был растущий промышленный городок, спутник одного из крупных американских центров Канзас-Сити, жители которого хвалились тем, что их город лежит в самом центре страны. Собственно говоря, в ту пору и назвать Индепенденс самостоятельным городом было трудно — в 1890 году в нем проживало всего 6380 жителей. Но здесь были уже большие дома, заасфальтированные улицы в центре (чуть в стороне улицы, правда, не имели никакого покрытия, после дождя пройти по ним было почти невозможно), но, главное, школьная система имела полную вертикаль — от начальной школы до так называемой «высшей» («high school»), то есть полной средней, окончание которой давало право на поступление в университет.

Индепенденс отличался и тем, что здесь процветало пьянство: кабаки (салуны) были переполнены всю ночь, нередко возникали драки, обычным делом были грабежи как жилых домов, так и запоздавших пешеходов. От соседнего уже «окультуренного» Канзас-Сити с полумиллионным населением (если считать одним городом два центра под одним и тем же названием — Канзас-Сити в штате Миссу-

ри, о котором мы ведем речь, и Канзас в штате Канзас, расположенный на противоположном берегу реки Миссури) Индепенденс отличался сильно: отсутствием водопровода, канализации, электрического освещения. Но Канзас-Сити был рядом, туда было сравнительно легко добраться, что было особенно важно для Джона, который почти расстался с сельским хозяйством и занимался в основном торговлей, вначале совмещая свой бизнес с работой ночным сторожем на зерновом элеваторе.

Джон купил удобный домик, который располагался как раз напротив железнодорожной станции, соседний земельный участок, где построил амбар для товаров, которые покупал по дешевке и собирался выгодно продать, нанял черную супружескую пару в качестве слуг и помощников в торговом деле. Дети этих супругов Симпсон выполняли мелкие поручения и нередко играли с Гарри, чему не препятствовали родители мальчика. Так что Гарри с детства рассматривал своих черных сверстников как обычных людей, не находящихся на каком-то низшем уровне.

Помимо торговли, которая теперь стала профессией Джона, и сельского хозяйства, которым продолжал заниматься и переселившись в город, он интересовался политикой, в основном на местном уровне. Он поддерживал Демократическую партию, но не по каким-либо идеологическим соображениям, а потому, что считал эту партию более «нравственной», более традиционалистской, нежели Республиканская партия, которая рассматривалась им и ему подобными людьми как сила, вносящая разлад в жизнь общества, как прибежище северных финансистов и индустриалистов, как покровительница распутства и пренебрежения к традициям.

Тот факт, что фактически Демократическая партия на Юге была совсем не той, какой она была на Севере США, Джона не волновал ни в малейшей мере. Он просто пренебрегал этим. В 1900 году Джон даже присутствовал на национальном съезде демократов, заседавшем в Канзас-Сити, и приветствовал вторичное выдвижение на президентский пост Уильяма Дженнингса Брайана, который пытался преодолеть раскол в среде демократов, но мало в этом преуспел³⁰.

В хозяйство Джона входили скотный двор, огород и фруктовый сад. Здесь собирались соседские дети, с которыми Гарри играл, а попутно, вместе с ними, выполнял мелкие хозяйственные задания, к которым приучали его родители. Он научился доить коз, водить их на пастбище, занимал-

ся прополкой, собирал фрукты. Более того, Джон прививал сыновьям коммерческую жилку, видя именно в этой области их будущее. Шестилетний Гарри продавал газеты соседям по кварталу. «Капитал и прибыль мы обычно тратили на мороженое, а затем отец опять снабжал нас финансами, так что у нас было немало радости», — вполне серьезно вспоминал отставной президент в письме знакомому³¹.

2. Школа

Осенью 1892 года Гарри, которому придавали серьезность очки с толстыми линзами, отправился в первый школьный класс. Преподавали незамужние дамы средних лет, как это было принято в провинциальных штатах среднезападной Америки в конце XIX века. Эти весьма серьезные учительницы обращались с детьми строго по правилам, объясняли что-либо редко, заставляли учеников зубрить, почти никогда не улыбались. Задать учительнице вопрос считалось верхом бестактности.

Справедливость, однако, требует сказать, что эти не очень интеллектуальные учительницы, как правило, трудились добросовестно, за нищенскую заработную плату, пунктуально пытаясь внушить детям некие весьма неопределенные идеалы, которые были им самим привиты с малых лет.

С первых лет пребывания в школе Гарри осознал, что учение и работа — не развлечение, что к делу надо относиться весьма серьезно, что и в школе существует конкуренция и выиграть в ней можно только напряженным трудом.

В школе Гарри, беря пример с учительниц, редко улыбался и уж никогда не смеялся громко. Постепенно такая манера поведения вошла и в повседневный обиход. Он вспоминал: «С самого моего прихода в классную комнату я наблюдал за поведением учительницы и ее отношением к ученикам, исправно готовил уроки и стремился знать их лучше всех остальных»³². Так «маменькин сынок» стал превращаться в образцового ученика.

Через полтора года после поступления в школу, в январе 1894 года, Гарри, как и его брат Вивиан, заболел дифтерией. В то время это была страшная болезнь, нередко приводившая к смерти, а еще чаще к осложнениям, оставлявшим следы на всю жизнь. Младший брат справился с болезнью быстро. У Гарри налеты в горле не исчезали, хотя принимались все доступные тогда меры. А были они примитивны-

ми. Ребенка поили настоем корней таволги — травянистого растения с высоким содержанием аскорбиновой кислоты и дубильных веществ. Таволга применяется и в современной медицине, но лишь как дополнительное средство к мощным лекарственным препаратам. Настой нравился Гарри своим медовым ароматом. Но вместе с таволгой ребенку давали виски. Он должен был полоскать горло крепким напитком, а затем глотать его. Ему было очень больно, и только строгие внушения матери заставляли проделывать всю эту процедуру.

На всю жизнь Трумэн сохранит неприязнь к виски того времени, а вместе с тем и к некоторым другим крепким спиртным напиткам, и будет пить их только по необходимости, не получая от алкоголя удовольствия, обычно свойственного многим людям. Выпивку взрослый Трумэн будет в основном рассматривать как «деловое мероприятие», хотя от рюмки одного из видов виски — бурбона, считающегося чисто американским напитком, отказываться не станет.

Пока же дифтерия затянулась, а затем произошло страшное — правая часть тела ребенка оказалась парализованной. Свой десятый день рождения в мае 1894 года Гарри провел в детской коляске своей младшей сестры. То ли под воздействием препаратов и растираний, то ли, скорее всего, в результате неких внутренних сил в целом здорового организма, летом 1894 года мальчик стал ощущать, что у него есть рука и нога, затем начал двигать ими, а вслед за этим быстро выздоравливать. Дифтерия и последовавший за ней почти полугодовой паралич были единственной серьезной болезнью, которые Трумэн перенес вплоть до старости.

Хотя Гарри несколько месяцев не посещал занятия, его репутация в школе уже была такова, что пропускать год обучения не пришлось. Осенью, после строгой проверки знаний, он был переведен в следующий класс и зачислен в ту самую группу детей, в которой начал свои школьные годы.

Именно тем летом 1894 года Гарри пристрастился к чтению. Заниматься спортом, бегать с приятелями он еще не мог, школьную программу наверстал быстро. Между тем в Индепенденсе была приличная по тем временам библиотека (около трех тысяч книг), которую стал посещать мальчик. Оказаться в библиотеке было просто — она находилась в том же здании, что и школа. Гарри привлекали не столько художественные произведения, сколько различные энциклопедические и справочные издания, особенно посвященные известным людям. Увидев в библиотеке только что вы-

шедший четырехтомник «Великие мужчины и знаменитые женщины»³³, он уговорил маму купить ему это прекрасно иллюстрированное издание, несмотря на высокую цену. С особым упоением читал он первый том под названием «Солдаты и моряки», получив из него первые существенные знания по истории войн и о деятельности великих полководцев Александра Македонского, Ганнибала и др. Прочитав раздел о Гае Юлии Цезаре, юный Гарри даже соорудил модель моста, который Цезарь построил на Рейне, чтобы добраться до галльских племен и разгромить их³⁴.

Что же касается художественной литературы, то здесь возник умеренный стандартный интерес к современным американским писателям, прежде всего к Марку Твену, чьи книги Гарри перечитывал, запоминал не только их сюжеты, но и высказывания героев, а позже нередко цитировал Твена. Особенно нравилось изречение: «Всегда поступай правильно. Это удовлетворит некоторых людей и удивит остальных»³⁵. У Твена было немало более остроумных высказываний, и то, что Трумэну особенно понравились именно эти, довольно тривиальные слова, характерно: он нуждался в фундаментальных истинах, остроумие оставалось на втором плане.

Спокойно, без каких-либо приключений Гарри окончил начальную, а затем и неполную среднюю школу. Все эти годы он подрабатывал, как и другие ученики, продавая газеты и подметая улицы.

Полная средняя школа в Индепенденсе имела три класса (в крупных городах в таких школах учились четыре-пять лет), но это устраивало и Гарри, и его родителей: право на поступление в местный университет школа давала, а на престижные университеты вроде Гарвардского или Йельского семья не рассчитывала. Но школа претендовала на солидность, она предоставляла своим выпускникам вполне приличное образование. Через много лет, когда Трумэн был вице-президентом при президенте Франклине Рузвельте, он как-то в приватном разговоре с Франклином (таких разговоров почти не было — Трумэн мог вспомнить только один) поделился воспоминаниями о школьных годах. Оказалось, что преподаваемые курсы в бесплатной общественной школе, которую посещал Гарри, не очень отличались от дисциплин, изучавшихся примерно в то же время Франклином в дорогой, привилегированной школе в Гротоне³⁶.

Пожалуй, единственным серьезным отличием между школьным образованием и воспитанием двух президентов

была моральная сторона. Рузвельт воспитывался как человек свободомыслящий, гибкий, верящий в относительность понятий «хорошего» и «плохого», добра и зла. Трумэн же приучали быть догматиком. Уже в подростковом возрасте он усвоил казавшееся непреодолимым различие между положительным и отрицательным, уверовал, что между ними почти нет некой «серой области»³⁷.

В возрасте одиннадцати лет Гарри стал проявлять интерес к музыке, который всячески поощряла его мать. Она надеялась теперь, что ее сын когда-нибудь станет известным концертующим пианистом и принесет в семью не только материальный достаток, но и известность. Преодолев некоторое сопротивление бережливого супруга, Марта Эллен договорилась об уроках с жившей неподалеку учительницей музыки миссис Уайт, слывшей неплохим педагогом. Более того, семья приобрела в рассрочку дорогой рояль, за который пришлось выплачивать долг с процентами в течение восьми лет.

Поначалу Гарри делал успехи, в его репертуар через пару лет вошли произведения Бетховена и Шопена. У мальчика явно обнаруживался музыкальный талант. Когда в Канзас-Сити гастролировал известный польский пианист Игнацы Ян Падеревский, который был одно время учеником миссис Уайт, последняя не только взяла Гарри с собой на выступление, но и повела его за кулисы, представив маэстро, который снисходительно, но вместе с тем строго предупредил мальчика о трудностях и невзгодах профессии музыканта.

Вряд ли предупреждение Падеревского сыграло какую-то роль в том, что музыка вскоре оказалась на втором плане. Правда, Гарри продолжал учиться игре на фортепиано все школьные годы и некоторое время после окончания школы, но постепенно и добросовестные занятия общеобразовательными предметами, и всевозможные другие заботы отодвинули рояль на второй план. Юноша подходил к инструменту все реже, а затем и вовсе забросил занятия музыкой. В 1911 году Гарри писал своей возлюбленной и будущей жене Бесс Уоллес по поводу своих музыкальных занятий: «Я рад, что мои деньги окончились раньше, чем я зашел слишком далеко»³⁸. А через много лет Гарри шутил: «В ранние годы моей жизни у меня был выбор стать пианистом в публичном доме или политиком; сказать по правде, разница между тем и другим не очень большая»³⁹. Как видим, в конце своей политической карьеры Трумэн лучше,

чем в молодости, видел, что между «хорошим» и «плохим» все же лежит довольно обширная «серая зона».

Соученики относились к Гарри снисходительно. Его считали «слабаком», в основном потому, что, по требованию глазного врача и настояниям матери, он не вступал в драки, уходил или даже убегал, когда возникали конфликты со сверстниками. Обычно, однако, к нему особенно не приставали. Подростки отделивались насмешками, особенно когда видели его, серьезно идущего на урок музыки с нотной папкой в руке, да еще и в очках на носу.

Подлинных друзей у него не было. С несколькими соучениками Гарри довольно часто общался. Это были такие же, как он, дети-полуинтеллигенты, умеренные любители литературы. С Элмером Туайменом, сыном семейного врача, Гарри часто вместе готовил уроки. Совместно с ним же был подготовлен школьный ежегодник. Но и с Элмером связи оборвались после окончания школы.

Девочек своего возраста и старше Гарри побаивался, о чем откровенно писал в мемуарах⁴⁰. Все же женское общество у него было — младшая сестра Мэри Джейн и ее подружки. Но на одну девочку он засматривался с раннего возраста. Эту блондинку звали Элизабет (Бесс) Уоллес. Она была дочерью одного из самых богатых людей Индепенденса. Дэвид Уоллес владел значительной долей в компании, которой принадлежало несколько мельниц. Он был собственником отличавшегося изяществом дома в самом центре города. Юный Гарри чувствовал, что Уоллесы принадлежат к более высокому социальному классу, чем его родители. Помимо этого, привлекательная девочка была хорошей спортсменкой, отлично играла в теннис и новую игру баскетбол. Так что и в этом отношении Гарри чувствовал, что он ей не ровня. И все же, поглядывая на нее издали, он надеялся добиться когда-нибудь такого положения, чтобы Бесс обратила на него внимание.

Глава вторая

ПОИСК ПУТИ

1. Юный клерк и национальный гвардеец

В числе других одиннадцати юношей и тридцати девушек Гарри окончил среднюю школу в 1901 году. Он подумывал о военной карьере, о поступлении в одну из армейских

академий. Но об этом вскоре пришлось позабыть, главным образом из-за плохого зрения, но также вследствие связанной с этим недостаточной физической подготовленности. К этому времени капитал отца приблизился к 40 тысячам долларов, что было тогда немалой суммой, и первый год по окончании школы Гарри мог позволить себе не наниматься на какую-либо постоянную работу, перебиваться случайными заработками, оставаясь частично семейным иждивенцем.

Сначала он работал приемщиком писем в городской газете, получая 7 долларов в неделю. Затем удалось устроиться на значительно более высокооплачиваемую работу — учетчиком на строительстве железной дороги с недельным жалованьем 35 долларов. В его обязанности входило не только учитывать труд рабочих, но и каждые две недели выдавать им заработную плату.

Происходило это в одной из пивных (такие дешевые пивнушки в США еще с ковбойских времен называли салунами). В своих воспоминаниях отставной президент рассказывал, что именно в салуне он познавал все богатство английского языка, изобиловавшего «непонятными для образованных» оборотами, с широким употреблением нецензурной лексики. В архиве Библиотеки Трумэна как-то чудом сохранился отзыв бригадира строителей о Гарри, которому еще не исполнилось восемнадцати лет. Если исключить из отзыва матерные выражения, то он звучал так: «Это отличный парень от зада до макушки»⁴¹.

На первую постоянную работу юный Трумэн поступил в апреле 1903 года. Он стал клерком в местном отделении Национального коммерческого банка, получая 35 долларов в месяц, что по тем временам для начинающего чиновника считалось приличным заработком, хотя эта сумма была в четыре раза меньше, чем та, которую он получал на строительстве⁴². Гарри соблазнило то, что новая работа была чиновничьей, позволявшей общаться не с работягами, а с аккуратно одетыми молодыми людьми, которых он считал «интеллигентами». Вскоре оклад был повышен на пять долларов. Не удовлетворившись этим, юноша через два года перешел на аналогичную работу в соседний банк, где ему стали платить вначале 60 долларов, а через некоторое время целую сотню в месяц⁴³. Как видно, трудолюбие, добросовестность, усидчивость, послушание молодого чиновника были таковы, что его выделяли среди других сотрудников.

Начальство привлекали в юноше не только добропорядочность и точное исполнение служебного долга без каких-либо мудрствований и сомнительных новаций, но и приверженность церкви. И боссы, и сослуживцы видели, что Гарри соблюдает ритуалы, регулярно посещает баптистские богослужения, молится перед исполнением ответственных поручений. В провинциальной глубинке считалось плюсом, что банковский чиновник сдержанно-отрицательно относился к католикам и иудеям (не евреям по происхождению, а именно тем, кто исповедовал иудаизм — именно такие считаются евреями в американской консервативной культуре по наши дни).

На фоне всех этих добродетелей Гарри прощались некоторые отрицательные манеры, которые постепенно у него вырабатывались, скорее всего в подражание знакомым и для того, чтобы его наконец перестали считать неполноценным мужчиной. Он нередко сквернословил, стал играть в карты и даже поддерживал компанию, когда подбиралась группа — в основном коллег по банку, желавших отметить какое-нибудь памятное событие выпивкой в ресторане или на пикнике⁴⁴. Именно поддерживал, чтобы не отрываться от компании, а не был инициатором.

Именно прежде всего для того, чтобы продемонстрировать окружающим свою мужественность, то, что он полностью преодолел последние следы «маменькиного сынка», в 1905 году, как раз после того как ему исполнился 21 год, Гарри, вместе с несколькими знакомыми по местным банкам, записался в Национальную гвардию.

Американская Национальная гвардия представляла собой и поныне является своеобразным видом военного формирования. Это — группы резерва, существующие в каждом штате и подчиняющиеся как властям штата, так и федеральному правительству. Зародилась Национальная гвардия еще до Войны за независимость США в XVIII веке и сохранила основы своей структуры и организации на протяжении следующих столетий. Ее офицеры и солдаты — штатские лица, записывающиеся в запасные воинские формирования добровольно. Периодически они собираются на военные сборы для совершенствования воинского мастерства. Нацгвардейцы могут быть призваны на службу решением как общенациональных властей, так и губернатора штата для выполнения задач, главным образом внутри страны (подавление бунтов, ликвидация последствий стихийных бедствий и т. п.), а со времени Первой мировой

войны — и за пределами США, правда, в исключительных случаях⁴⁵.

Трумэн был зачислен в только что сформированную артиллерийскую бригаду Нацгвардии, которой командовал капитан Джордж Коллинс. В семье решение Гарри было воспринято однозначно отрицательно. Синяя униформа национальных гвардейцев очень напоминала форму северян времен Гражданской войны, к которым сохранилось свойственное бывшим южным рабовладельцам крайне негативное отношение. Когда Гарри, не подумав об этом, появился в доме своей бабушки Гариетт Янг, чтобы покрасоваться перед ней, она, по воспоминаниям Трумэна, «осмотрела меня с головы до ног... Она сказала затем: “Впервые с 1863 года синяя униформа появилась в этом доме. Больше не приходи в ней сюда”. Я так и поступил»⁴⁶.

Гарри упивался «военным» опытом. Ему нравились не только стрелковые учения, но и строевая подготовка, пение в строю. Неудивительно, что за свое усердие вскоре он получил звание капрала и, что еще более характерно, его сделали... клерком батареи. Тут Трумэн оказался в своей банковской стихии — все бумаги, которые полагалось оформлять капитану, но которые тот выправлять не любил, были передоверены верному помощнику. Впрочем, капитан настолько расхамился, что однажды поручил Трумэну стянуть с него сапоги. Это «задание» также было выполнено, но, видимо, увидев выражение лица своего подчиненного, более Коллинс столь мерзко себя не вел⁴⁷.

Нельзя сказать, что капрал Трумэн был всего лишь исполнителем солдатом. При случае он мог подшутить над новобранцем. Но шутки его были обычно беззлобными и в общем довольно примитивными. Его товарищ по батарее Тэд Маркс, который только за несколько месяцев до этого переселился в США из Великобритании, вспоминал, что Трумэн как-то спросил его, как долго тот находился в США, и, услышав, что со времени приезда прошло всего полгода, с каменным лицом произнес: «А ты уже довольно хорошо говоришь по-английски»⁴⁸. Шуточка была тривиальная — на тему, что английский язык — это лишь слегка испорченный американский, и Тэду Марксу она вспомнилась лишь потому, что связана была с тем человеком, который вознесся на вершину власти.

В своих воспоминаниях Трумэн не упоминает о встречах с девушками, о юношеских романах. Похоже, что сколько-нибудь серьезных увлечений, тем более плотских связей

у него долго не было. Он иногда встречался с Бесс Уоллес, был тайно влюблен в нее, но никак не осмеливался объясниться.

Между тем самой Бесс в это время жилось нелегко. В 1903 году покончил самоубийством ее отец, страдавший раком. Недоучившуюся в школе девушку мать забрала на год в другой штат к близким людям. По возвращении она стала посещать Школу для переростков, которую окончила в 1906 году. Несмотря на способности, Бесс не стремилась получить высшее образование, не стала искать работу: она фактически превратилась в сиделку при постоянно больной (или притворявшейся больной) матери. Казалось бы, у Гарри теперь были благоприятные основания для сближения с девушкой, которая ему очень нравилась, но он, непонятно почему, выжидал и встречался с Бесс лишь изредка, хотя она уже относилась к молодому человеку вполне благожелательно⁴⁹.

Было очевидно тем временем, что Гарри делает вполне приличную карьеру как банковский служащий, устанавливавший различные связи и в деловых кругах Индепенденса, и по линии Национальной гвардии. Но в середине 1906 года он, как и брат Вивиан, также служивший в одном из банков, оставил работу клерка, покинул город и занялся сельским хозяйством.

2. На ферме

Гарри, как он позже неоднократно говорил, «надоели цифры», то есть надоела скука канцелярской работы. Повидимому, это было действительно так. Перспектив сколько-нибудь высокого продвижения в банковском деле он не видел, будущее представлялось однообразным, периодические повышения жалованья были небольшими и особенно скрасить жизнь не могли.

Между тем у семейства Янг (родных матери) неподалеку от города, в сельской местности графстве Джексон (охватывающем и Канзас-Сити), была ферма, в значительной мере бесхозная. Именно туда по предложению родственников и переселились братья, к которым присоединились и родители, так как отец не очень преуспевал в торговом деле. Троице мужчинам удалось привести ферму в приличное состояние. В течение восьми лет (до 1914 года), пока сохранялось их сельскохозяйственное содружество, ферма

давала все бóльшую прибыль. В значительной степени это было связано с тем, что цены на продукты земледелия и скотоводства в эти годы росли, но немалыми факторами были трудолюбие владельцев, их умение вести хозяйство. Пригодились и торговые навыки Джона, и сложившаяся уже финансовая хватка Гарри. Выращивали пшеницу, кукурузу и другие культуры. Разводили свиней и крупный рогатый скот.

Разумеется, как всегда в сельском хозяйстве, не обошлось без потерь. В 1911 году ферма понесла большие убытки в результате засухи. В следующем году Трумэны потеряли почти все свиное стадо из-за некоей эпидемии, которую называли тогда свиной холерой. Но все эти трудности и неудачи с лихвой перекрывались растущими доходами, позволявшими расширять хозяйство, нанимать все большее число сезонных рабочих и наращивать доход.

Образ жизни семьи был примитивным. Для освещения двухэтажного дома использовались керосиновые лампы. Печка была только на нижнем этаже, а наверху в зимнее время было невероятно холодно. Ни больницы, ни даже врача поблизости не было. Однажды у Марты Эллен начались сильные боли в нижней части живота. Пока удалось привезти доктора из города, прошло долгое время. Он установил приступ грыжи, причем состояние больной было таково, что в любой момент могли начаться опасные для жизни осложнения. Врач, хотя и не был хирургом, решился на операцию, которую успешно провел посреди ночи в амбаре. Гарри писал Бесс: «Он сделал большой разрез с правой стороны и удалил какие-то куски. Я должен был стоять рядом и держать лампу. Я надеюсь, что никогда более не буду свидетелем чего-то подобного»⁵⁰.

Если с ближайшими родными у Гарри оставались сердечные отношения, то с более дальними родственниками отношения не только постепенно охлаждались, но начинались прямые распри. В 1909 году умерла бабушка Янг, оставив в наследство Трумэнам принадлежавшие ей 500 акров земли (как раз они и входили в трумэновскую ферму). Однако сыновья покойной возбудили судебное дело, утверждая, что завещание было подписано под давлением, при замутненном сознании, и требуя перераспределения земли. Судебная тяжба тянулась пять лет, выматывая нервы и деньги у всех участников, за исключением адвокатов, не особенно торопившихся завершить прибыльное для них дело. Судебные инстанции принимали решения в пользу то

одной, то другой стороны. В конце концов только в 1914 году было достигнуто внесудебное соглашение, что Трумэны выплатят семь с половиной тысяч долларов отступного и земля останется за ними. Отношения между родственниками были вконец испорчены⁵¹.

Повседневные трудности и чрезвычайные события в первые годы фермерской жизни Гарри не считал главными в своей судьбе. Он испытывал чувство удовлетворения от напряженного труда и его материальных результатов. Выработывалось даже какое-то подобие сельской философии. Не отказываясь от городских соблазнов и культурных благ крупного города (именно таковым был Канзас-Сити, который Гарри нередко посещал), он чуть ли не проповедовал блага сельской глубинки и высказывал сожаление, что Америка не осталась страной аграрной идиллии.

В 1911 году Трумэн писал: «Если бы остановили иммиграцию лет двадцать или тридцать тому назад, добрые американцы могли бы иметь изобилие земли, и мы навсегда остались бы сельскохозяйственной страной»; «Известно, что если страна остается таковой, люди более независимы и становятся лучшими гражданами. Когда же строятся заводы и крупные города, вскоре возникает депрессия и формируются различные классы людей»⁵².

Похоже, однако, что такие весьма поверхностные рассуждения были прикрытием все большего разочарования сельскохозяйственными буднями. С показным оттенком юмора, но по существу искренне, со все большим напором он жаловался все той же Бесс: «Я двигаю вилами каждые две секунды, и моя голова болит, мои глаза полны материземли и батюшки-огня, мои руки ноют, как у ревматика». Участие в вакцинации свиней описывалось так: «Двухсотфунтовый кабан может выбить ребра, когда я хватаю его за задние лапы»⁵³. Подобными нерадостными описаниями полны и другие послания.

Определенным развлечением в условиях тяжелой фермерской рутины стало присоединение Гарри Трумэна к масонскому ордену в 1909 году. Кто-то из родственников предложил ему посетить собрание масонов в соседнем городке Белтоне. Гарри понравились ритуалы, некая тайна (на самом деле фиктивная), окутывавшая орден. Он стал регулярно посещать собрания, изучал правила поведения, причем многократно повторял их, чтобы ничего не забыть. Когда он работал на поле, Гарри «учил масонству своих лошадей»⁵⁴, как он рассказывал позже. Трумэн настолько

преуспел в масонской догматике, что даже стал обучать ей новых членов ложи. Он получил титул мастера в ложе штата Миссури. Заразил он масонством и свою сестру Мэри Джейн.

Постепенно отношения Гарри и Бесс становились все более близкими. До конца 1910 года их переписка носила случайный характер. Письма были дружескими, в основном информативными. Об интимных делах речь в них не шла. Но примерно на рубеже 1910 и 1911 годов, преодолев застенчивость, Гарри стал посещать дом Уоллесов каждый раз, когда появлялся в Канзас-Сити. А в промежутках молодые люди писали друг другу еженедельно, иногда два раза в неделю. Письма становились все более теплыми, о чем можно судить, к сожалению, только по посланиям молодого человека: миссис Трумэн (бывшая мисс Уоллес), не желая, чтобы ее личные дела стали объектом общественного внимания, уничтожила в пожилом возрасте все свои письма. Девушка городская, любительница театра, спортивных состязаний и публичных развлечений, Бесс оказывала влияние на Гарри, который все более равнодушно относился к своим сельскохозяйственным делам.

Наконец наступил момент объяснения, причем сделал это Гарри не во время свидания, а в письме, да и отчасти иносказательно. 22 июня 1911 года он писал уже не совсем юной, 26-летней девушке: «Вода и картошка скоро станут такой же роскошью, как ананасы и бриллианты. Кстати, по поводу бриллиантов, надела ли бы ты колечко на левую руку, если бы я купил его? Это для меня особо важный личный вопрос, и я надеюсь, ты понимаешь, что это означает. Видишь ли, если бы я был итальянским поэтом, я бы сделал усилие и использовал все изящные слова обоих континентов. Но я всего лишь ни на что не годный американский фермер»⁵⁵.

Ответ, полученный Гарри через день, не был положительным. Да он и не мог быть таковым, ибо «приличное общество» требовало, чтобы девушка не бросалась на шею молодому человеку немедленно, тем более что само предложение если и было высказано, то довольно иносказательно. Бесс пожелала, чтобы они оставались «добрыми друзьями», и с такой ситуацией Гарри вынужден был примириться.

Все большее сближение постепенно, однако, продолжалось. Решающую роль, видимо, сыграло то, что Гарри извещал готовность принять в свой дом не только саму Бесс в качестве супруги, но и ее мать. Миссис Уоллес страдала раз-

личными болячками, и действительными, и надуманными, а любящая дочь была полна решимости до конца дней опекать свою родительницу. Осенью 1913 года Бесс, наконец, объявила Гарри, что «видимо, согласится на брак с ним». С этого момента они считались женихом и невестой, хотя официально о предстоящем браке, как этого требовала негласная традиция, пока не объявлялось⁵⁶. Бесс все тянула с браком. Маргарет Трумэн в биографии отца сокрушалась, что, если бы не случилась мировая война, он, может быть так никогда бы не женился, и она, Маргарет, так и не появилась бы на свет⁵⁷.

С весны 1914 года Гарри стал регулярным визитером в доме Уоллесов и потому, что он все более прохладно относился к делам фермы, и в связи с тем, что стало легче добираться в Канзас-Сити. Матушка Марта, почувствовавшая себя более свободной в финансовом отношении после окончания судебной волокиты, подарила ему подержанный автомобиль фирмы «Стаффорд-мотор», стоивший по тем временам немало — 650 долларов. Дороги оставались отвратительными, в машине часто что-нибудь ломалось, когда она то ли попадала в яму, то ли натыкалась на какое-либо препятствие. У Гарри почти постоянно были синяки на лице, так как он то и дело утыкался носом в руль. Но все это были мелочи — он был чрезвычайно горд, что подъезжал к дому возлюбленной на дорогой игрушке, которая действительно была в то время еще редкостью, особенно в провинции.

К этому времени у молодого фермера стали появляться некие политические амбиции. Они не выливались еще в конкретные действия, оставались в зачатке. И лишь легкими намеками, обычно в полуироничной форме, Гарри делился ими с Бесс и, возможно, со своими родными. В одном из писем говорилось: «Кто знает, может быть я когда-нибудь стану его превосходительством губернатором Монтаны. Хотелось ли бы тебе стать миссис губернаторшей?»⁵⁸

О штате Монтана при этом было упомянуто не случайно. Трумэн еще не отказался от фермерских перспектив. Как раз в сентябре 1913 года он вместе с отцом и братом побывал в этом северном штате, где успешно участвовал в розыгрыше земельной лотереи, получил здесь право на обширный участок земли. Решив, что в Монтане ему будет везти, он склонялся к переезду, вновь писал Бесс, что собирается стать губернатором Монтаны и, если повезет, «глав-

ным исполнительным лицом Соединенных Штатов», то есть президентом. Бесс, однако, была отнюдь не в восторге от сельской перспективы, тем более, как ей казалось, на «крайнем севере». Постепенно и у Гарри намерение переселиться в другой штат таяло, как и мечта о губернаторстве, хотя возникшие в связи с этим политические амбиции не исчезали⁵⁹.

Не очень активно, им все же способствовал отец, который членствовал в Демократической партии и в 1912 году включился в кампанию по выдвижению на президентский пост уроженца родного штата Миссури Чэмпя Кларка. Гарри, в свою очередь, считал наиболее достойным кандидатом профессора-историка из штата Нью-Джерси Вудро Вильсона. Между сыном и отцом возникали споры. Гарри торжествовал, узнав в ноябре того года, что его фаворит стал президентом Соединенных Штатов. С 1912 года Трумэн-младший считал Вильсона образцовым президентом и всячески пропагандировал его деятельность и решения, естественно, в кругу родных, близких и знакомых⁶⁰.

Одновременно с этим по инициативе Джона Трумэна его сыновья стали принимать участие в деятельности организации Демократической партии Канзас-Сити и его окрестностей, которая все более сосредоточивалась в руках партийного босса Тома Пендергаста.

Родившийся в 1873 году Томас Джозеф Пендергаст в молодые годы был подручным своего старшего брата Джеймса — хозяина таверны, в которой собирались жившие в Канзас-Сити иммигранты, являвшиеся, как правило, сторонниками Демократической партии. Не имевший, видимо, даже среднего образования, но хитрый и властный, физически очень сильный, Том быстро овладел техникой организации предвыборной борьбы, очернения противников, мошеннических трюков, подкупа и взяток, системой контроля над избирателями и избирательными комиссиями. В 1910 году Джеймс по болезни отказался от «общественной» деятельности, а в следующем году умер, оставив своим наследником Тома.

До 1916 года Том Пендергаст участвовал в городском совете Канзас-Сити, а затем отказался от совмещения двух работ — «избранника народа» и организатора выборной механики, фактического закулисного хозяина города, предпочтя второе, значительно более прибыльное и влиятельное занятие. Официально его должность называлась — председатель Клуба Демократической партии в

графстве Джексон. Клуб, то есть штаб Пендергаста, располагался в двухэтажном желтом здании в самом центре города, на *Main street* (то есть Главной улице). Лишь с большим трудом в 1920—1930-е годы влияние пендергастовской мафии преодолевалось. Впрочем, по сей день некоторые авторы и городская молва в штате Миссури с ностальгией вспоминают «золотые дни» эпохи Пендергаста, связывая именно с ней и массовое городское строительство, в том числе дешевых домов для бедных, и славу джаза Канзас-Сити⁶¹.

Вот как описывала Пендергаста дочь Трумэна: «Плотный, похожий на медведя с массивными шеей и плечами, с огромными ладонями, Том Пендергаст был человеком мощного характера. Склонный к насилию, он мог сбить с ног единственным ударом кулака в качестве аргумента. Это была какая-то природная сила, вокруг которой другие люди группировались подобно рыбам-спутникам вокруг акулы»⁶².

Пендергаст, однако, не смог монополизировать политическую жизнь Канзас-Сити. В противоположность его сторонникам, которых называли «козлами», в городе действовала оппозиционная ему группировка демократов, именовавших себя «кроликами». Маргарет Трумэн пишет, что никто не мог удовлетворительно объяснить происхождение этих названий⁶³, и можно было только догадываться, что «козлов» назвали так потому, что они вели себя агрессивнее, чем более робкие «кролики».

Пока же отец и сын Трумэны произвели на Пендергаста благоприятное впечатление своей преданностью партийному делу и отсутствием прямых своекорыстных интересов. Босс «благословил» назначение Джона смотрителем дорог в графстве Джексон. Это была в основном почетная должность, дававшая, правда, незначительный дополнительный доход. Соответственно квазидемократическим нормам это назначение требовало утверждения населением на первичных собраниях. Гарри активно участвовал в агитационной кампании своего отца, и Джон получил эту работу. Став смотрителем, Джон не только сам стал энергично инспектировать состояние дорог в графстве, но и привлек к этому обоих сыновей. Гарри, в частности, объезжал местных фермеров и заставлял их чистить участки дорог, примыкавшие к их владениям, вырывать сорняки и т. п. О своей деятельности Гарри регулярно отчитывался Бесс, считая эту работу проявлением гражданской активности⁶⁴. Следует признать,

что существенно лучше в результате этих усилий дороги не становились.

Джон Трумэн упивался своей «ответственной должностью». Что касается Гарри, то он относился к ней снисходительно-иронически. Да и в целом у него вырабатывалось двойственное отношение к той самой «гражданской активности», в которую он оказался вовлечен. «Политика безусловно разрушает многих хороших людей»; «Если бы я был действительно богатым, я тратил бы деньги, покупая голоса и офисы, как яхты и автомобили»⁶⁵.

Насмехаясь над общественно-политической деятельностью, но одновременно все более вовлекаясь в нее, Гарри Трумэн как бы накликал беду на свою семью. В конце лета 1914 года его отец Джон, стремясь подать пример кому-то из соседей, попытался поднять с дороги огромный камень, оказался не в силах удержать его, опустил на землю и почувствовал сильную боль в животе. Оказалось, что история с камнем только обострила другую, страшную болезнь. Просвечивание показало, что в полости его живота образовалась раковая опухоль. Около полутора месяцев он отказывался от операции, в конце концов согласился на нее, но опухоль оказалась уже неоперабельной.

3 ноября Джон Трумэн скончался. Последние дни Гарри и Вивиан дежурили у его постели. Как раз 3 ноября была очередь Гарри. Он вспоминал: «Я сидел возле него и наблюдал за ним долгое время. В какой-то момент я задремал. Когда я проснулся, он был мертв»⁶⁶.

После кончины отца Гарри продолжал участвовать в местной политике, выполняя незначительные задания организации Демократической партии и в то же время включаясь в различные финансовые операции, пытаясь накопить капитал. Почти во всех случаях его авантюры завершались безуспешно, хотя и не приводили к разорению. Единственная работа, дававшая некоторое удовлетворение, была унаследована от отца. По решению председателя суда в графстве Джексон (некоторые суды в графствах штата Миссури не судили, как можно было бы предположить, а являлись носителями исполнительной власти* — именно такую должность Гарри рассчитывал получить как венец своих общественных усилий) он был назначен на должность смотрителя дорог. На этой должности он, однако,

* Наряду с ними существовали и суды в обычном понимании этого слова.

долго не удержался. Вначале судья отказался платить ему (как, впрочем, и другим зрителям) ту мизерную сумму, которая полагалась за эту работу, и Трумэн написал ему язвительное письмо, упрекая адресата в невежестве⁶⁷. Правда, письмо пролежало на столе Гарри несколько дней и так и не было отправлено — осторожность в общении с властями предрешающими все более входила в привычку нашего персонажа. Мы еще не раз столкнемся с тем, что неотправленные письма будут оседать в его архиве.

Но это не означает, что Трумэн был человеком трусливым. Он скорее был осмотрительным и расчетливым, откладывавшим решительные действия на крайний случай.

Когда речь шла о личном поведении, не связанном с деловыми интересами или перспективами карьеры, он проявлял себя человеком, не лишенным мужества. Такова, в частности, была его позиция в связи с вступлением США в Первую мировую войну.

Глава третья

МИРОВАЯ ВОЙНА

1. Против «германских варваров»

Война в Европе началась еще в 1914 году. Соединенные Штаты два с половиной года воздерживались от участия в ней, сохраняя торговые отношения с обоими воюющими блоками — с одной стороны, Антантой в составе Великобритании, Франции и России, с другой стороны — блоком центральных держав Германии и Австро-Венгрии, к которым затем присоединились Турция и Болгария, в результате чего возник Четверной союз.

В конце концов, однако, президент Вудро Вильсон и Конгресс склонились к вступлению в войну, особенно после того, как Германия начала неограниченную подводную войну, были существенно затронуты экономические интересы Америки и потоплены несколько американских кораблей. Окончательно решение о войне было принято после Февральской революции 1917 года в России, создавшей опасность выхода этой страны из войны и распада Антанты. 6 апреля 1917 года по предложению президента Вильсона Конгресс объявил войну Германии. Правда, американские вооруженные силы прибыли в Европу позже и вступили в военные действия только в октябре 1917 года.

Трумэн горячо приветствовал вступление своей страны в войну. С самого ее начала его симпатии были на стороне Антанты. Через годы, примерно в середине 1930-х годов, он написал воспоминания «Военная карьера миссурийца», которые так и остались неопубликованными, сохранились в архиве и могут служить важным источником для характеристики его деятельности, связанной с войной. В качестве такового они использованы в этой книге⁶⁸ (в тех случаях, когда ссылки на цитаты и конкретные факты военной биографии Трумэна отсутствуют, это значит, что соответствующие данные взяты из этих воспоминаний).

«Я был взволнован до глубины души выступлением Вудро Вильсона по поводу войны. Я чувствовал, что должен отправиться на нее... Я чувствовал, что мы обязаны Франции за Лафайета», — писал Трумэн, имея в виду маркиза Жильбера де Лафайета — видного участника американской Войны за независимость, а затем революций во Франции 1789—1799 и 1830 годов.

Сложный характер войны, переплетение интересов и противоречий в ее происхождении и возникновении были Гарри недоступны. Для него немцы были варварами, и главным среди таковых являлся кайзер Вильгельм II. «Только подумай, — писал Гарри Бесс, — что он сделал бы с нашей прекрасной страной и с нашими чудесными женщинами, если бы только был в состоянии». Трумэн считал себя «подлинным патриотом»⁶⁹.

Призыв в армию Соединенных Штатов, даже в военное время, был сугубо выборочным. По ряду параметров Трумэн не подлежал мобилизации. Еще в начале 1916 года в связи с «занятостью общественными делами» он прекратил участие в Национальной гвардии. Он уже считался человеком среднего возраста. Мужчины тридцати трех лет подлежали службе в армии только в том случае, если являлись «незаменимыми специалистами». Таковым Гарри отнюдь не был. От мобилизации могла освободить близорукость. Даже если бы всех этих обстоятельств не было, предотвратить отправку на европейский фронт могла просто женитьба — новобрачных в армию не брали. Бесс же теперь была готова на немедленный брак, лишь бы уберечь Гарри от армии.

И тем не менее воинственно-патриотический дух одержал верх. Через два месяца после вступления США в войну он подал заявление о восстановлении в Нацгвардии и вновь был принят в артиллерийскую батарею, входившую

во 2-й Миссурийский артиллерийский полк. Нацгвардейцы на свои деньги покупали униформу и каждый вечер посещали полевые военные занятия.

Когда Гарри в первый раз явился в дом Бесс в военной форме, она бросилась к нему в объятия и сама предложила немедленно заключить брак. То, что ответил жених, он затем зафиксировал в письме, посланном Бесс: «Я думаю, что было бы неправильным просить тебя связывать свою жизнь с возможным будущим калекой»⁷⁰. Дело пока ограничилось тем, что невеста подарила жениху свою фотографию с надписью: «Пусть это фото благополучно возвратит тебя домой из Франции». Гарри бережно хранил снимок на фронте, а через многие годы он постоянно находился на его рабочем столе в президентском кабинете Белого дома⁷¹.

5 августа полк Нацгвардии, в котором числился лейтенант Трумэн, был включен в регулярную армию или, как тогда определяли, «федерализирован», но лишь в конце сентября новая 16-я артиллерийская бригада 35-й дивизии была направлена на серьезную военную подготовку. Подготовка проходила в городе Форт-Силл в южной части штата Оклахома.

Местность была известна своими пыльными бурями, которые стали первым испытанием для Трумэна и его товарищей. Он писал: «Не видно даже соседней палатки. Пыль у меня на зубах, в глазах, волосах, в носу и ползет вниз по шее. Соседний повар принес мне яблоко, запеченное в тесте. Когда я ел его, у меня трещало на зубах. Все равно я его съел, вместе с песком»⁷².

Начались обычные тренировочные будни, нудные, утомительные, но воспринимаемые Трумэном со всей серьезностью как предпосылка будущего участия в военных действиях. Постепенно у Гарри установились добрые, а в некоторых случаях и дружеские отношения с рядом офицеров. Среди таковых были бизнесмены и другие деловые люди из Канзас-Сити — банкир Артур Эллиот, ставший подполковником, адвокат Джон Тэтчер, служивший теперь майором, майор Джон Майлс, занимавший различные политические посты, и др. Со всеми этими людьми Трумэн будет поддерживать связь, используя ее после войны для продвижения по социальной лестнице.

Но особенно важной оказалась дружба с командиром соседней батареи Джеймсом Пендергастом, родственником того самого босса демократов в Канзас-Сити, о кото-

ром уже упоминалось. Надо сказать, что юный Пендергаст, хотя и был членом мафиозного клана, не увиливал от службы, пользовался авторитетом среди солдат. Сам факт теплых с ним отношений позже будет весьма благоприятен для карьеры Гарри.

Полагая, что Трумэн обладает здоровой сметкой и коммерческим опытом, офицеры поручили ему организовать нечто вроде столовой с магазином, закупая для этого заведения необходимые бытовые товары вроде ручек, карандашей, туалетных принадлежностей, а также вкусную пищу, которой военная кухня не баловала. Громко об этом не говорилось, но в обязательный ассортимент входили и крепкие напитки. Трумэн исправно вел бумаги этого хозяйства, которое пользовалось популярностью во всем лагере.

Но Гарри оказался не только приличным коммерсантом. Он исправно тренировал своих солдат, сам изучал новинки артиллерийского дела, проявлял инициативу. Командир полка Карл Клемм несколько раз выражал удовлетворение его службой, а однажды даже заявил: «Никто так хорошо не проявил себя», как Трумэн.

Гарри был счастлив, узнав, что его невеста записалась во вспомогательное женское подразделение, которое было направлено именно в Форт-Силл. На обороте фотокарточки, которую Бесс послала ему незадолго до встречи, было написано: «Ты ведь не ожидал меня так скоро в Форт-Силле, не так ли? Я надеюсь проводить тебя во Францию и встретить по приезде оттуда все таким же целым и невредимым». Бесс действительно вскоре появилась в форте, где приняла активное участие в хозяйственных работах и, что было особенно важным для Гарри, даже подружилась с супругой командира его полка миссис Клемм, которая приехала проводить своего мужа.

Между тем военная карьера Трумэна развивалась вполне успешно. 22 февраля 1918 года вместе с другими лейтенантами он сдал экзамен на получение капитанского звания. Правда, сам этот экзамен поначалу доставил ему волнения и разочарование. В комиссии председательствовал старый и заслуженный артиллерийский генерал Люсьен Берри, известный своими причудами. После ответов лейтенантов Берри, как вспоминал Трумэн, вскочил на ноги, схватил себя за огромные усы и стал кричать: «Знаете, кто вы? Вы просто невежественные мошенники. Это будет катастрофой для страны, если вы станете командовать солдатами».

Трумэн и его товарищи были уверены, что они полностью провалились, и боялись даже, что их лишат лейтенантских званий. Но через несколько дней выяснилось, что экзамен они сдали успешно и должны ожидать приказа о присвоении звания. Впрочем, административная рутина двигалась медленно, и приказ о присвоении звания капитана Трумэн получил, уже находясь во Франции.

Утром 20 марта 1917 года сформированное перед этим в Форт-Силле Особое заморское соединение, куда входила бригада Трумэна, было погружено в железнодорожный состав для переброски в Нью-Йорк, откуда предстояло отправиться в Европу. Когда же соединение прибыло в лагерь Мерритт в соседнем с Нью-Йорком штате Нью-Джерси, оказалось, что корабль, на котором они должны были отплыть, уже покинул порт. У офицеров появилось несколько свободных дней. Естественно, Трумэн использовал их для знакомства с Манхэттеном и его достопримечательностями — в Нью-Йорке он был впервые.

Удивительно, но этот великолепный город с его небоскребами, роскошной Пятой авеню и Бродвеем, многочисленными театрами и другими развлечениями его разочаровал. Скорее всего, отрицательным эмоциям способствовало то, что он чувствовал себя одиноким, в чем признавался Бесс: «Если бы только я мог провести эти два дня в Канзас-Сити... я чувствовал бы себя гораздо лучше»⁷³. Единственное, что произвело на него яркое впечатление, это Вулворт-билдинг на Бродвее, построенный незадолго до этого и принадлежащий мощной розничной торговой компании. Гарри считал его великолепным. Скорее всего, такой выбор был случайным, связанным, возможно, с тем, что над 57-м этажом здания была площадка обозрения, с которой Гарри смог впервые осмотреть огромный город.

2. Западный фронт

29 марта воинская часть Трумэна погрузилась на транспортный корабль «Джордж Вашингтон» и после двухнедельного плавания, которое обошлось без происшествий, 13 апреля выгрузилась в порту французского города Брест. Отправлять на фронт их, правда, не спешили. Гостеприимные французы поселили американских офицеров в элегантном отеле. Недельку изучали они язык страны, пробовали вина и деликатесы кухни.

Но у Трумэна росло раздражение — он, убежденный, что прибыл во Францию для спасения этой страны от бошей, возмущался медлительностью хозяев, не понимавших вроде бы, что американцев надо как можно скорее отправить на самый ответственный участок фронта. Раздражение распространялось на все, что было связано с этой страной и, более того, даже со всем Европейским континентом. В письмах, а через годы и в автобиографических заметках он отзывался обо всем французском со снисходительно-презрительной усмешкой.

Даже старинные французские особняки казались ему ничтожными по сравнению с образцами американской провинциальной архитектуры. Даже французская железная дорога вызвала у него саркастические замечания, вроде «маленькие, почти микроскопические паровозы», «петушиные свистки» и т. п. Гарри жаловался, что американцы должны платить в ресторане втридорога, что их там попросту обирают. Его удивляли маленькие поля французских крестьян, которые никак не могли сравниться с благородными американскими фермерами, имения которых имеют четкие прямоугольные очертания, тогда как у французов границы полей «идут по различным направлениям, и я не понимаю, как они будут просто описывать свои владения, если захотят их поменять».

И все же Франция ему нравилась. В одном из писем говорилось: «Я никогда не соглашусь поменять часть Соединенных Штатов на такую же часть Франции, но, если я не смог бы быть жителем Миссури, я стал бы гражданином Франции»⁷⁴.

21 апреля часть Трумэна была направлена, но не на передовую линию, а в резерв, в район крохотного городка Монтиньи-сюр-Об с населением всего две тысячи человек в Бургундии. Вслед за этим часть была переведена в другое место, а Трумэн оставлен в городке, где как раз в это время разместилась артиллерийская школа. Только здесь Трумэн по-настоящему почувствовал, что такое армейский произвол. Полковник Дик Берлесон, в распоряжение которого поступила часть, был простым, деревенским парнем из Техаса, который упивался своей властью и пытался компенсировать собственную малограмотность стремлением «научить» своих подчиненных. А учил их (разумеется, при помощи более грамотных подчиненных) чему угодно. Рабочий день, жаловался Гарри, начинается в 7 утра и заканчивается в 9.30 вечера. Гарри писал невесте: «Когда я

вернусь домой, я буду топографом, математиком, проектировщиком-механиком, лошадиным доктором, снайпером и вообще крутым гражданином, если они продержат меня здесь достаточно долго»⁷⁵.

Не всё, однако, чему его учили, пропадало зря. Французские 75-миллиметровые полевые пушки, которыми располагала батарея, были в это время лучшими в своем роде. Считалось, что они способны производить до 30 выстрелов в минуту. Это, правда, была идеальная цифра, требовавшая буквально тепличных условий, но и четыре выстрела за минуту, которые быстро научилась производить батарея Трумэна, были по тем временам неплохим результатом.

Муштровка также была полезной для Гарри, что он вынужден был признать. К этому времени он стал полнеть, появилось брюшко, физическая подготовка не была удовлетворительной. «Возле нас находится парк, окруженный высокой каменной стеной, где мы каждый день занимаемся гимнастикой от 11 до 11.30. Эти упражнения почти убивают некоторых из нас — стариков. Мышцы одной моей руки и одной ноги так болят, что я почти не могу ими двигать»⁷⁶.

В начале июня занятия были завершены. Трумэн и другие офицеры отправились в свои части. Полк Трумэна находился в это время неподалеку от старинного города Анже, к юго-западу от Парижа, в департаменте Мен и Луара. Как раз к этому времени получивший звание капитана Трумэн стал адъютантом командира батальона и одновременно артиллерийским инструктором.

Прошел месяц с лишним, и Гарри вновь получил повышение, став 11 июля командиром батареи 129-го полка действующей американской армии. Правда, его подчиненные встретили нового командира в штыки. Им не понравилось, что прежнего начальника перевели в другое место как бы в наказание за попустительство недисциплинированным подчиненным, что Трумэн был провинциалом, да еще и «очкариком».

Той же ночью трумэновские солдаты устроили потасовку в казарме, пролилась кровь, была разбита мебель. Наутро Трумэн, не разбираясь в причинах драки и не выискивая виновников, вызвал к себе сержантов и ефрейторов и заявил: «Не я должен подстраиваться к вам, а вы ко мне. И если объявился кто-то, не желающий этого делать, пусть он скажет это сразу сейчас, и я отправлю его назад», то есть на родину для военного суда. Вслед за этим действитель-

но возникали отдельные случаи неповиновения, и Трумэн, если верить его информации, реализовал свою угрозу. Во всяком случае, некая дисциплина в батарее была установлена. Гарри Трумэн проявил себя более или менее волевым командиром⁷⁷.

В середине августа батарея Трумэна была, наконец, направлена на фронт. Ей предстояло разместиться в отрогах горного массива Вогезы в Эльзасе. Этот регион со смешанным германо-французским населением до Франко-прусской войны 1870—1871 годов входил в состав Франции, после войны отошел к Германской империи, а теперь вновь находился в основном в руках французов в силу хода военных действий.

Активных военных операций в этом районе не было, и командование Антанты разумно решило расположить здесь необстрелянные американские части, чтобы они приобрели начальный боевой опыт.

Но трудности начались не в связи с огнем или атаками противника, а при выходе на позиции. Невысокие горы Вогезы, да еще в дождливую погоду, оказались труднопреодолимым препятствием. Лошади, запряженные в пушки, не могли справиться с крутым подъемом, подчас под углом 20—30 градусов. Солдатам вместе с офицерами пришлось толкать пушки, утопая в вязкой глине.

29 августа батарея Трумэна вступила в бой. В соответствии с приказом она должна была накрыть залпами германские позиции, а затем отойти, прежде чем немцы начнут ответный огонь. С некоторой заминкой, так как лошади не были приведены вовремя, Трумэн выполнил задачу и начал движение в тыл как раз в тот момент, когда стали стрелять германские пушки. Осколки шрапнели, казалось, покрывали все пространство. Бросив пушки, солдаты скрылись в соседнем лесу. Капитан Трумэн, впервые, как и его подчиненные, оказавшийся под огнем, проявил завидную выдержку, воспользовавшись, правда, тем, что немецкий огонь быстро стих. Обнаружив своих солдат, капитан, по собственным его словам, обрушил на них весь запас цензурной брани, которой его учили рабочие в Миссури, а во время войны и собственные подчиненные.

Получивший первое боевое крещение, артиллерийский полк, в который входила бригада Трумэна, был переброшен затем в район Аргонского леса — холмистой местности на северо-востоке Франции, недалеко от бельгийской границы. Именно здесь ожидалось одно из решающих насту-

плений, которое, по замыслу командования, должно было решить исход войны. Наступление началось на рассвете 26 сентября мощным артиллерийским огнем. Трумэн вспоминал: «Шум был такой, что человеческое ухо не могло его перенести. Солдаты, обслуживавшие пушки, теряли слух на несколько недель. Все небо было красного цвета... В 6.30 рассвело. Это было дымное, туманное утро. Мы видели, как позади нас стали подниматься воздушные шары наблюдения. Пушки становились очень горячими. Надо было охлаждать их мокрыми мешками и вытирать после каждого второго-третьего выстрела».

Затем в бой вступили танки. Пушки следовали за ними, однако вынуждены были остановить продвижение, так как немецкий пулеметный огонь стал буквально косить наступающих. К тому же из строя вышло несколько лошадей. Когда французские пехотинцы подавили пулеметчиков, наступление с участием артиллерии возобновилось.

Трумэн проявил неожиданную инициативу. В его расположении появилась группа — некий французский бригадный генерал со своей свитой, явившийся для инспекции наступления. Не мудрствуя лукаво, Гарри вежливо попросил их слезть с коней и передать их артиллеристам, чтобы нагнать пехоту.

Через день-два наступление затормозилось. Решающего результата оно не дало. В следующие недели батарея Трумэна расположилась на позициях вдоль дороги, ведущей к городу Варен-ан-Аргон. Противники изредка обменивались огнем. Особенно интенсивно немцы стали обстреливать американские позиции после того, как разведывательные самолеты бошей обнаружили расположение американцев.

Несмотря на опасность, Трумэн с огромным интересом рассматривал невиданные воздушные аппараты, которые, как и танки, знаменовали начало нового этапа в истории войн. О том, какое развитие получит авиация в следующие десятилетия, он, вероятно, тогда не подозревал. Но о том, что она может выполнять не только разведывательные задачи, он узнал на собственной шкуре уже 2 октября, когда позиция его батареи была обнаружена немецкой эскадрильей, нанесяшей пулеметный удар и сбросившей несколько бомб. Каким-то чудом были ранены только два солдата, один из которых скончался в госпитале.

В этот же день Трумэн получил приказ отойти в тыл для отдыха и перегруппировки⁷⁸.

3. Во французском тылу

Этим, собственно говоря, завершилось непосредственное участие Гарри Трумэна в военных действиях. Хотя оно и продолжалось лишь несколько дней и Трумэн участвовал только в двух операциях, это было действительно тяжелое и опасное время, когда нервы были напряжены до предела и жизнь могла оборваться каждую секунду. Биограф пишет: «Дни и ночи непосредственной опасности без сна и регулярной еды повлияли на нервную систему и превратили [Трумэна и его подчиненных] в подлинных чучел. Они отходили в тыл как живая демонстрация, что воинский долг нелегок»⁷⁹.

Почти все последние недели мировой войны Трумэн со своей батареей провел в городке Сейньель, который в течение всех лет военных действий находился вблизи фронта, но оставался мирным и почти беззаботным. Ставшего уже закоренелым фронтовиком Трумэна это просто бесило. Особенно он негодовал, что с него, как и с других американцев, требуют полной оплаты товаров и услуг, которые они получали. «Эти люди любят франки больше, чем свою страну», — высказывал он свои негодующие чувства Бесс. И продолжал, явно демонстрируя немалое чувство национального превосходства: «Они (французские городки. — *Г. Ч., Л. Д.*) очень хороши, если смотреть на них, расположенных в аккуратных долинах, со стороны, с их красными крышами и церковными шпилями. Но когда вы приближаетесь к ним, вы втягиваетесь в грязные улицы и зловонную атмосферу, что заставляет вас отправляться назад, на прежний холм, чтобы отвлечься от этого пейзажа»⁸⁰.

В середине октября полк, в который входила батарея Трумэна, был вновь направлен на фронт и занял позицию к востоку от Вердена, но в боях не участвовал. Утром 11 ноября войскам было объявлено сообщение командования: «В 11 часов военные действия по всему фронту прекращаются». Этим утром в Компьенском лесу во французском регионе Пикардия главнокомандующий войсками Антанты французский маршал Фердинанд Фош подписал с представителями германского командования перемирие, условия которого были близки к капитуляции Германии. В 11 часов по всему фронту западные союзники произвели залп (101 выстрел), после чего наступила тишина.

Хотя Гарри Трумэн участвовал в военных действиях всего два раза по несколько дней, он проявил себя на войне

достойно, что отмечали его начальники. Новый командир полка Эмери Смит всячески уговаривал его остаться в регулярной армии, обещая в ближайшее время произвести в майоры⁸¹. Но к постоянной военной карьере Трумэн не стремился и мечтал как можно скорее возвратиться на родину.

В конце ноября — начале декабря, получив двухнедельный отпуск, Гарри с несколькими товарищами совершил поездку по стране, побывав в Париже, Марселе и Ницце.

Несмотря на все прежнее брюзжание по поводу Франции и французов, эта поездка, и особенно столица, оставила незабываемое впечатление, которое Трумэн позже многократно вспоминал до старости. Места, где побывала группа, были стандартными: Триумфальная арка, могила Наполеона Бонапарта, собор Парижской Богоматери. Обедали в ресторане «Максим», который произвел особое впечатление не только изысканными дорогими блюдами, но и роскошными драпировками. Известно было, что здесь собираются известные писатели, актеры, режиссеры, светские львицы. Поглазеть на французских знаменитостей также было немаловажно. В Гранд-опера Гарри слушал оперу Массне «Таис». Любитель классической музыки, он наслаждался постановкой. Но не меньшее впечатление произвело на него здание — он писал Бесс, что одна только его архитектура стоит тех денег, которые надо было уплатить за билет. Спустившись на грешную землю, группа офицеров отправилась в знаменитое кабаре с варьете Фоли-Бержер, о котором Гарри также потом вспоминал с восторгом. Любопытно, что в Лувре Трумэн так и не побывал, объяснив это тем, что даже для поверхностного осмотра потребовалось бы три недели.

Во время поездки по средиземноморскому побережью Трумэн с товарищами заглянули в Монте-Карло — фактически этот город княжества Монако является пригородом Ниццы. В игорные дома они не заходили, ибо это было строжайше запрещено американским военнослужащим, и только смогли поужинать в ресторане при казино. Оставшийся сугубым провинциалом, Трумэн был в восторге от того, что как раз в это время в ресторане появилась принцесса Монако со свитой. Пораженный Гарри писал невесте: «О господи, она пила пиво! Можешь ли ты вообразить, что принцесса пьет пиво?»⁸²

После отпуска наступили нудные дни, а затем месяцы ожидания отправки за океан. Правительство США возвра-

шало армию на родину постепенно и из-за нехватки транспортных судов, и по экономическим причинам: демобилизованным надо было предоставлять работу, а это было нелегко. Власти и бизнес с полным основанием ожидали, что вслед за хозяйственным подъемом, связанным с военными заказами, наступит спад, если не затяжной кризис. Вначале батарея Трумэна располагалась в военном лагере под Верденом, затем ее перевели в другой лагерь, в районе главного города департамента Мез Бар-ле-Дюк (северо-восточная Франция). Оба лагеря страдали плохим снабжением и еще более отвратительными санитарными условиями — заводились вши и другие паразиты. Офицеры проводили целые дни за игрой в бридж, одновременно ворча на свою судьбу и пренебрежительное отношение к ним со стороны правительства. Некоторые офицеры попросту спивались.

Трумэн обычно от критики властей своей страны воздерживался. Максимум, что он мог себе позволить, это заявления по адресу своего любимого президента Вудро Вильсона вроде: «Я очень надеюсь, что Вуди прекратит шархаться и пошлет нас домой всех сразу и быстро». Между прочим, из этого письма следовало, что, несмотря на участие в европейской войне, Гарри полностью сохранил свои изоляционистские настроения и, подобно абсолютному большинству американцев, проявлял почти полное безразличие к тому, что происходило теперь в других частях света. «Что касается нас, то большинство из нас не дадут и ломаного гроша (это еще мягко сказано), будет ли у России красное правительство или не будет никакого правительства вообще и захочет ли король лиллипопов перерезать своих подданных или [зарезать] своего премьер-министра. Для нас все это совершенно безразлично»⁸³. К алкогольным напиткам Гарри не привык, но к игре в карты пристрастился. Бридж стал его любимым занятием в свободное время в течение всей дальнейшей жизни.

Среди подчиненных Трумэна настроения были не столь спокойными. Особенно это касалось некоторых выходцев из Ирландии, где незадолго перед этим, в апреле 1916 года, было подавлено восстание за независимость. Отзвуки его проявились в инциденте, происшедшем 17 февраля 1919 года, когда главнокомандующий американскими войсками во Франции генерал Джон Першинг вместе с британским принцем Уэльским инспектировал военный лагерь. Когда высокопоставленные гости приблизились к батарее Тру-

мэна, один из его солдат довольно громко произнес: «Капитан, спросите этого маленького сукина сына, когда он собирается освободить Ирландию». И Трумэн, и почетные гости сделали вид, что ничего не услышали⁸⁴. Маргарет Трумэн, впрочем, считает (видимо, со слов отца), что Першинг действительно не услышал реплики, иначе Трумэну было бы несдобровать⁸⁵.

Единственной радостью для Гарри стала еще одна поездка в Париж, во время которой он купил обручальное кольцо для своей невесты.

Наконец 9 апреля полк Трумэна погрузили на трофейный германский корабль «Цеппелин». Одиннадцатидневное путешествие по Атлантике было ужасным. Началось с того, что судно было перегружено (52 офицера и 1274 солдата являлись грузом, более чем вдвое превышавшим обычный груз парохода). Затем возникли всевозможные неполадки в открытом океане, связанные с тем, что это был первый трансатлантический рейс корабля и американская команда лишь по ходу дела разбиралась в навигационном оборудовании методом проб и ошибок. Трумэн и его товарищи надеялись, что, если уж удалось не попасть под германский огонь, они до родины как-нибудь доплывут. На протяжении почти всего плавания Гарри страдал морской болезнью, он потерял восемь килограммов веса. В своем дневнике он писал, что хотел тогда только одного (в явном противоречии со словами об уверенности, что доплывут до берегов Америки благополучно) — вновь оказаться на Аргонском фронте и достойно умереть⁸⁶.

Все окончилось действительно благополучно. 20 апреля «Цеппелин» вошел в гавань Нью-Йорка. Встречали воинов торжественно. Плакаты со словами «Дом, родной дом», пакеты со сладостями, сигаретами, пасхальными яйцами — все это вызывало у самых жестких солдат слезы. Впрочем, почти сразу Гарри как обычно начал брюзжать по поводу большого города. Прибывшие были временно размещены в лагере Миллс неподалеку от Нью-Йорка и имели возможность посещать город. «Пошел в зоопарк в Бронксе, — писал он Бесс. — Это было похоже на толкучку»⁸⁷.

Через неделю Трумэн был фактически демобилизован и отправился вместе со своим полком в родной штат. Здесь он 6 мая рассчитался с воинской службой, сдал униформу и получив взамен свою одежду и 60 долларов в качестве окончательного расчета. Началась мирная жизнь — Трумэн возвратился к фермерским и коммерческим делам.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БИЗНЕС И МЕСТНАЯ ПОЛИТИКА

1. Деловые инициативы и вхождение в группу Пендергастов

Переход на положение штатского человека ознаменовался прежде всего женитьбой, к которой, как мы уже знаем, Трумэн готовился на протяжении нескольких лет. 28 июня 1919 года состоялась свадьба, которая привлекла внимание местной прессы. Газета «Индепенденс экзаминаер» описывала ее в тот же день как «необыкновенно красивую и интересную». Было все — и торжественное белое платье невесты, и сшитый лучшим местным портным черным костюм жениха, и пышные букеты роз, и музыка Мендельсона. Так в возрасте тридцати пяти лет Гарри Трумэн, наконец, обзавелся семьей.

Первые месяцы супружеской жизни Трумэн вспоминал в письме жене, написанном в 38-ю годовщину свадьбы, как «счастливый год»⁸⁸.

Молодожены поселились в доме матери Бесс, требовавшей постоянного семейного ухода. Мадж Уоллес страдала теперь не столько от болезней, сколько от болезненной привязанности к дочери, и чувствовала себя покинутой, если та не проявляла к ней постоянного внимания. Что же касается физического состояния, то в свои 70 лет она вполне была в форме и даже участвовала в охоте на кроликов⁸⁹. Поначалу Гарри полагал, что пребывание в доме тещи будет временным, продлится до тех пор, пока миссис Уоллес привыкнет к тому, что ее дочь — замужняя женщина. Собственно говоря, он явился в новый дом с одним чемоданчиком, в котором были носильные вещи и кое-что из армейской атрибутики. Но «привычка» так и не выработалась, и Трумэны остались в доме Уоллесов по улице Делавер, 219, на долгое время.

После медового месяца, проведенного в поездке в Чикаго, Детройт, Порт-Гурон и окрестные места, началась жизнь обычной семьи среднего класса, не претендующей на горизонты за пределами штата Миссури. Гарри занялся местным бизнесом, Бесс ходила в дамский клуб, где играла в бридж, исправно посещала церковь, установила связь с дамами примерно равного положения и приглашала их на чай. По вечерам семья (бабушка, мать Бесс и ее брат Фрэнк, студент местного университета, супруги Трумэн)

собиралась в гостиной. Иногда Гарри развлекал всех игрой на рояле. Но обычно каждый занимался своим делом. Гарри предпочитал читать историческую публицистику и биографии знаменитых людей. Бесс также читала книги, но предпочитала всевозможные мистерии⁹⁰.

Что же касается бизнеса, то здесь дела Трумэна шли не очень успешно. На войне было намного проще — надо было исправно выполнять приказы начальства, проявляя минимальную инициативу. Теперь же инициатива, сопряженная с риском, становилась важным условием успеха.

Гарри полностью не отказывался от фермерских дел, хотя в основном сельским хозяйством занималась теперь его сестра Мэри Джейн, проявившая отличную сметку. Она, например, ухитрилась за два года отсутствия брата увеличить стадо свиней с шестнадцати до двухсот тридцати. В сентябре 1919 года семейство устроило «большой аукцион» на ферме. Продавали свиней и крупный рогатый скот, зерно, старое оборудование и т. д. Получена была немалая сумма — около 15 тысяч долларов (впрочем, если учесть, что она была разделена между супругами Трумэн, Мэри Джейн и матерью Мартой, каждому досталось не так уж много)⁹¹.

Сельскому хозяйству, однако, Гарри уделял лишь незначительное внимание. Он втягивался в различные предпринимательские дела, но и в них не проявлял особой активности, в результате чего получал лишь незначительный доход, если вообще получал таковой.

Вначале вместе со своим другом военных лет Эдди Джекобсоном Трумэн основал инвестиционную фирму. В самом центре Канзас-Сити, в районе банков и коммерческих контор, а также нескольких кинотеатров, которые, как новое средство развлечения, пользовались вниманием взыскательной публики, фирма открыла магазин одежды, в котором продавались мужское белье, рубашки, шляпы, плащи и т. п. Магазин торговал высококачественным товаром, и, соответственно, цены не были низкими. Особым успехом пользовались шелковые рубашки и лайковые перчатки.

Оба владельца сами работали в своем магазине, который был гордо назван фирмой «Трумэн и Джекобсон», с утра до полуночи, платя себе лишь по 40 долларов в неделю, так как стремились как можно скорее погасить банковский кредит. Но дела в магазине шли все менее успешно. Пытаясь удержаться на плаву, приятели в 1921 году выпустили собственные акции, назвав свою фирму акционерным обществом. Но акции продавались очень плохо. В конце кон-

цов Джекобсон объявил себя банкротом, магазин закрыли. Трумэн от банкротства отказался, оставив за собой обязательство возратить долги. Когда подсчитали, оказалось, что они составили около 30 тысяч долларов. На погашение этой суммы ушло свыше пятнадцати лет⁹².

Неудача с первым послевоенным бизнесом не особенно смутила Гарри. Еще до краха магазина одежды он совместно с неким местным дельцом по имени Дэвид Морган основал фирму по очистке нефти и продаже бензина. С самого начала «Морган и компания» создавалась как акционерное предприятие, в котором Моргану принадлежало две трети капитала. Последний оказался хитрым дельцом. Формально не выходя за рамки закона, он в декабре 1919 года, через несколько месяцев после создания общества, распродал свои акции по низким ценам, фактически обесценив акции Трумэна, не очень разбиравшегося в финансах. Его доля с 33 процентов сократилась до одного процента, то есть он фактически был устранен из компании⁹³.

И эта неудача не смутила упрямого Гарри. За те несколько месяцев, когда он занимался нефтяным бизнесом, Морган познакомил его с рядом представителей делового мира Канзас-Сити, кто-то из которых предложил ему сотрудничество в торговле недвижимой собственностью и ее эксплуатации. В 1921 году совместно с брокером Джорджем Чини Гарри, получив банковский кредит (не рассчитавшись еще за предыдущий!), купил трехэтажный дом, который стал использовать путем сдачи квартир. Расположенный на одной из центральных улиц, этот кирпичный дом на этот раз стал давать собственникам не очень значительный, но устойчивый доход. За счет него Трумэн смог вносить вклад в семейный бюджет и начал возвращать долги⁹⁴.

Занимаясь бизнесом, Трумэн с начала 1922 года стал постепенно включаться в местную политическую жизнь. Толчок этому дал отец его товарища по мировой войне Джима Пендергаста Майк, являвшийся одним из представителей того самого клана, который распоряжался в Миссури всем аппаратом («машиной») Демократической партии. Майк предложил Гарри выставить свою кандидатуру на должность судьи восточной части графства Джексон.

Как уже упоминалось, в штате Миссури были суды двоякого рода. Одни из них занимались тем, чем занимаются подобные учреждения в других странах, да и в других штатах США. Другие, под тем же названием, являлись местными органами исполнительной власти. Именно на долж-

ность такого судьи прочил Пендергаст Гарри Трумэна⁹⁵. Что же побудило его сделать такой выбор? Конечно, прежде всего сыграла роль рекомендация сына, а в рекомендательной характеристике отпрыска — безусловно в первую очередь трудолюбие, честность в исполнении служебных обязанностей и строгая дисциплина Гарри. Вряд ли можно согласиться с биографом Трумэна Алонзо Хэмби, полагающим, что определяющую роль сыграло стремление помочь Трумэну, находившемуся в сложном финансовом положении, и мнение, что у него «строго независимый облик»⁹⁶. Пендергастам явно были по душе другие качества Трумэна, нежели независимость, которой тот, честно говоря, особенно не отличался. Именно послушание, дисциплина в сочетании с аккуратностью и точным исполнением поставленных перед ним задач являлись теми качествами, которые вызвали интерес мафиозного клана.

Впрочем, была, пожалуй, еще одна причина, почему Пендергасты остановили свой выбор на Трумэне. У него был непродолжительный довоенный опыт работы в качестве дорожного инспектора, а проблема дорог становилась в графстве Джексон особенно насущной, имея в виду экономическое развитие штата, все более расширявшиеся связи с другими территориями, развитие общенационального рынка. Между тем дороги оставались в плачевном состоянии. Мощеные дороги были только в зонах крупных городов, да и то далеко не везде. Даже главные «магистралы» между городами, которые служили основными путями для грузовиков с товарами, оставались грунтовыми и становились непреодолимыми во время дождей.

В особенно отвратительном состоянии были дороги в восточной части графства Джексон, где как раз в это время освобождалась должность административного судьи. Пендергасты возлагали на Трумэна главную задачу — наладить эффективное улучшение дорожной системы.

При всей влиятельности клана Пендергастов они не были единственными хозяевами Канзас-Сити и его окрестностей. Действовали и несколько более слабых групп демократов (вспомним, например, «кроликов»). В борьбе участвовали и республиканцы. Объединение их сил могло поставить под вопрос избрание Трумэна на предназначенный ему пост. Так что полагаться только на покровительство было невозможно.

На предварительных выборах (они проводятся в рамках одной партии и определяют наиболее достойного кандида-

та) Трумэну противостояли четверо соперников. На предвыборных собраниях Гарри проявил боевые качества. Его сторонники усиленно распространяли листовки и значки с портретом кандидата, расхваливая его патриотизм, верность долгу, энтузиазм молодости и прочие позитивы, не забывая отметить при этом, что Гарри — способный бизнесмен. Разумеется, неудачи в бизнесе, которые скрыть было невозможно, объяснялись кознями соперников, сугубой честностью кандидата, что также должно было сыграть ему на руку. В начале мая специально для поддержки Трумэна был сформирован Сельский клуб графства Джексон, сосредоточивший всю свою деятельность на продвижении «фермера и бизнесмена исключительных способностей и кристальной честности». Разумеется, за спиной этого клуба стояли влияние «машины» Пендергастов и их средства. Трумэна активно поддерживала газета «Индепенденс экзаминер», которая даже публиковала передовые статьи, посвященные Трумэну⁹⁷.

На предвыборных собраниях Трумэн повторял одни и те же простые лозунги, ставя в центр внимания проблему дорог. Он провозглашал: «Моя программа: хорошие дороги, обеспеченный дорожный фонд, экономия, ежедневная оплата, достойная ежедневного труда, меньше автомобилей и больше работы для служащих графства». Особым ораторским искусством Гарри не обладал. Поэтому его выступления были краткими, он предпочитал вести вроде бы приватный разговор с небольшим числом собеседников или даже один на один с фермерами, рабочими, мелкими чиновниками.

С негритянским населением штата Трумэн предпочитал не общаться, тем более что под разными предлогами, в нарушение конституции, оно лишалось избирательного права. «Превосходство белых» Трумэн никоим образом не ставил под сомнение в политике, хотя по этому вопросу старался не подавать голоса. Когда в прессе появились данные, что негры активно участвуют в первичных выборах демократов, местная газета высказалась авторитетно: «Миссури — это вполне южный штат, чтобы допустить участие только белых в первичных выборах демократов». Когда Трумэна спрашивали избиратели (разумеется, белые), как он относится к такой позиции, он выражал согласие с ней⁹⁸.

Более того. Именно в 1922 году в штате Миссури стала проявлять повышенную активность ранее находившаяся в состоянии дремы ультрарасистская организация ку-клукс-клан. Внешне отказавшаяся от откровенно преступных ак-

ций вроде убийства непокорных негров, кукуклуксклановцы представляли себя самыми последовательными защитниками чистоты расы, традиционной морали, стопроцентного американизма. На их собраниях на открытом воздухе зловещим символом пылали костры на деревянных крестах, напоминая не только присутствовавшим, но и посторонним наблюдателям, что на подобных крестах ранее сжигались черные.

Трумэн явно флиртовал с ку-клукс-кланом. Он встретился с представителем этой организации и передал ему небольшую сумму денег. Однако когда было объявлено, что он присоединился к клану и обязался предоставлять работу только протестантам, Трумэн опроверг эти утверждения и потребовал назад свои доллары⁹⁹. Сколько-нибудь существенно он не рисковал — значительным влиянием в штате кукуклуксклановцы не располагали.

Определенную помощь Трумэну оказали местные масоны, с ложей которых он, как мы знаем, был связан еще с 1909 года. Хотя сколько-нибудь заметной активности Трумэн как масон не проявлял, он все же получил следующий ранг «молебственного мастера», поднявшись еще выше над рядовыми членами ложи¹⁰⁰.

Программа Трумэна мало отличалась от обещаний других кандидатов. В общении с избирателями он был, пожалуй, активнее, но не намного. Главное, что обеспечило ему победу, была поддержка Пендергастов и в определенной степени масонской ложи.

Выборы состоялись 1 августа. Хотя дело не обошлось без фальсификаций и нарушения правил голосования, большинство голосов, правда лишь незначительное, было подано за Трумэна (за него голосовало 35,6 процента, за второго по счету кандидата 33,3 процента). Тем не менее Трумэн был горд. Он писал своему двоюродному брату Ральфу: «Я выиграл самую грязную и тяжелейшую кампанию, которая когда-либо была в восточном Джексоне, без денег или обещаний»¹⁰¹. О поддержке могущественных Пендергастов он забыл упомянуть.

2. Администратор графства

Суд графства Джексон состоял из двух судей, располагавших властью в западном и восточном дистриктах, и председательствовавшего судьи, попеременно собиравшего

своих представителей в дистриктах в Канзас-Сити и Индепенденсе. Полномочия суда распространялись на местный бюджет, оплату чиновников, полицию и тюремную систему и, что было особенно важно, на содержание и улучшение дорог. Прежде всего это относилось именно к восточному дистрикту, в основном сельскому, где дороги оставались крайне плохими.

Средства местной администрации находились в плачевном состоянии. Налог на недвижимую собственность, являвшийся основной статьей дохода, поступал нерегулярно, а эффективных средств заставить землевладельцев и домовладельцев рассчитаться с долгами у суда графства не было. В 1922 году еще только ожидалось поступление 50 тысяч долларов за 1920 год¹⁰².

Между тем Трумэн застал свой дистрикт с долгом около 750 тысяч долларов. Заняв свой пост, новый судья стал устанавливать режим жесткой экономии, потребовав от своих подчиненных крайне бережного расходования средств и предельной эффективности в их использовании. Он заверил чиновников Канзасской городской торговой палаты, от решений которой зависела выдача новых кредитов дистрикту, что намерен «служить графству так, как если бы я был президентом частной корпорации»¹⁰³.

При всех добрых намерениях Трумэна, который действовал совместно с судьей западного дистрикта Генри Макэлроем, добиться значительных успехов в руководстве администрацией провинциального дистрикта ему не удавалось. Материальные интересы, конкурентная борьба, сопровождаемая часто прямой недобросовестностью, не давали возможности существенно улучшить дело даже в той области, которая являлась самой приоритетной, — состоянии дорог.

Гарри столкнулся с сильным противником Лео Келером, который формально находился у него в подчинении, но фактически вел себя независимо, пользуясь поддержкой не только местной организации Республиканской партии, но и связями с окружением президента страны республиканца Уоррена Гардинга. Келер, дорожный инженер и контролер дорог в графстве, подписывал контракты на дорожные работы с теми фирмами, которые оказывали ему личные услуги и, как поговаривали, хотя это не было юридически доказано, давали немалые взятки. И это в дополнение к двум его денежным ставкам в качестве контролера и инженера — восемь тысяч долларов, которые он получал,

что превышало заработную плату губернатора штата. Положение осложнялось тем, что должность Келера была выборной и срок полномочий истекал только в 1924 году¹⁰⁴. Увы, тогда же истекал срок полномочий Трумэна.

Сколько-нибудь значительного улучшения дорожной системы ему добиться не удалось. Но плохое состояние дорог было характерно для всей территории США. Как раз в этой области Трумэн достиг хоть каких-то результатов. Он гордился цифрами: 538 миль грязных дорог были очищены, 110 миль выровнены, 75 миль выпрямлены¹⁰⁵. Конечно, эти результаты не были значительными — ни одна миля дорог не была замощена, сравнительных цифр (какова была общая протяженность дорог в восточном дистрикте графства) Трумэн не называл. Контракты по ремонту дорог выполнялись подрядчиками не более чем наполовину. Но какого-то улучшения дорожного хозяйства добиться все же удалось.

Мероприятия по экономии средств давали противоречивые результаты. Трумэн отказался начать строительство запланированной предыдущим судьей школы рабочих профессий для негритянских мальчиков, что позволило сберечь какие-то деньги, но вызвало острое недовольство черного населения. Уличные выступления негров, грозившие перерасти в бунт, пришлось разгонять, что, в свою очередь, потребовало затраты средств и вызывало негодование черных¹⁰⁶.

Трумэн проявил себя энергичным сторонником моральных принципов, которые аккомпанировали введению сухого закона — запрета на продажу, производство и транспортировку алкогольных напитков, введенного 18-й поправкой к Конституции США в 1920 году. Владение алкоголем в частной собственности и его потребление законом не ограничивались — непонятно было только, как могли приобрести люди спиртные напитки, не нарушая поправки. Введение сухого закона породило острые противоречия и проблемы в американском обществе — сторонники («сухие») представляли его как победу нравственности, залог улучшения здоровья населения, противники («мокрые») рассматривали закон как нарушение основ свободы личности и права выбора. Эффективно выполнять сухой закон властям не удавалось, широкое распространение получили тайные алкогольные притоны и бутлегерство* — незаконная торговля спиртным¹⁰⁷.

* Бутлегер — сленговое обозначение барыги.

Не только в силу своего служебного положения, но и по убеждениям Трумэн выступил в пользу последовательного осуществления сухого закона. Он обязал маршала графства Джона Майлса, с которым поддерживал дружеские отношения (должность маршала в штате Миссури предусматривала ответственность за осуществление федеральных законов и судебных решений, напоминала функции судебного исполнителя), не только тщательно следить за недопущением подпольных распивочных и бутлегерства, но и сурово преследовать пьянство на дороге, секс в автомобилях и другие нарушения нравственности, которые получили немалое распространение в Канзас-Сити, как и в других крупных городах.

Это было время «ревуших» 1920-х годов, когда радикально менялись мода и стиль одежды, приобретавшие вольные черты и порывавшие с прежними представлениями о скромности, когда наступил расцвет джаза, кинематограф превращался в массовый вид досуга и вид искусства, а секс становится естественной и необходимой, открыто провозглашаемой потребностью любого нормального человека¹⁰⁸.

В этих условиях усилия Трумэна и его помощников не встречали значительной поддержки в Канзас-Сити, значительная часть населения которого относилась к ним с насмешкой. Тем не менее он упорно продолжал борьбу за строгую нравственность, ратовал за возвращение к «викторианским ценностям», которые были на деле не более чем данью лицемерию, внешнему приличию. Гарри писал в дневнике (правда, несколько позже, но имея в виду именно первую половину 1920-х годов): «Когда-нибудь мы пробудимся, прочувствуем реформацию наших сердец, научим детей подлинной чести и прикончим какое-то число сексуальных психологов, отправим мальчиков в среднюю школу с учителями-мужчинами (а не неженками), прикроем все женские школы, пристрелим всех экспертов в области эффективности и станем, наконец, нацией Божьих людей»¹⁰⁹. Ну и мысли возникали у будущего американского президента, которыми он все же осмеливался делиться только с самим собой!

Между тем выборный срок — два года — пробежал быстро, и Трумэну уже вскоре пришлось задуматься о переизбрании. Имея в виду, что за последнее время в восточном дистрикте графства Джексон несколько усилились оппоненты Пендергаста, Гарри сосредоточил свою избирательную кампанию не только на достижениях (главным обра-

зом морального свойства, но также на значительном, почти вдвое сокращении долга), но прежде всего на своем вроде бы независимом поведении, оторванности от демократической партийной «машины». Он демонстративно назначил судью Элиху Хайеса, члена Республиканской партии, дорожным контролером, устранив с этого поста прежнего контролера, который был демократом, но имел репутацию взяточника.

У Гарри был уже определенный политический опыт, он смелее выступал на массовых собраниях, хотя по-прежнему стремился ограничиваться краткими речами, не считая себя искусным оратором. Соперник Трумэна республиканец Роберт Худ проводил, по словам Гарри, «кампанию слухов». «Я в центре самой жаркой и грязной кампании. Я выступаю по два раза каждый вечер и обычно также в середине дня», — писал он одному из своих бывших командиров по мировой войне¹¹⁰.

В ходе избирательной кампании проявилась усиливавшаяся разьединенность течений в организации Демократической партии. Пендергасты начинали терять влияние. Трумэн, правда, выиграл первичные выборы (в рамках своей партии). Но к концу избирательной кампании стало ясно усиление позиций республиканского кандидата. Яростную агитацию против Трумэна проводили куклуксклановцы, разъяренные его отказом вступить в их организацию и выполнять их требования. Гарри полагал даже, что куклуксклановцы собирались его прикончить. Он рассказывал через много лет, как направлялся к своей машине после одного из собраний. «Там я увидел банду с пистолетами, сидевшую в машине. Хорошо, что они не приехали раньше»¹¹¹.

Вряд ли этот рассказ звучит убедительно. Пребывание группы вооруженных людей на автомобильной стоянке — отнюдь не свидетельство их антитрумэновских намерений. Да и ку-клукс-клан к этому времени, оставаясь организацией крайне правого толка, утратил свои экстремистско-криминальные характеристики. Тот факт, что он проводил агитацию против Трумэна, якобы предавшего «американские ценности», был известен. С легкой руки клановцев распространялись слухи о еврейском происхождении Трумэна по материнской линии, о том, что одного из его дедов звали Соломоном, и эта антисемитская пропаганда сыграла некоторую роль, побудив часть избирателей голосовать за «безусловно чистого» американца¹¹².

На всеобщих выборах, проходивших 4 ноября 1924 года, победу в национальном масштабе, в штатах и отдельных регионах одержали республиканцы. Президентом был избран Кальвин Кулидж, занимавший этот пост ранее, после смерти Уоррена Гардинга. В восточном дистрикте графства Джексон судьей стал республиканец Генри Раммел, обновивший Трумэна не намного (52,5 и 47,5 процента).

После выборов не особенно печалившийся в связи с провалом Трумэн возвратился к коммерческим делам, которые он полностью не прерывал, занимая судейскую должность.

Менее чем за год до выборов, 17 февраля 1924 года, Бесс Трумэн родила ребенка. Супруги с волнением ожидали исхода беременности, так как ранее у Бесс уже были неудачные роды. Бесс настолько пессимистически относилась к тому, что должно было произойти, что запретила покупать какие-либо вещи для ребенка. На этот раз все было благополучно — на свет появилась здоровая девочка, которую назвали Мэри Маргарет, но обычно называли вторым именем, под которым она позже вошла в историю культуры, став известной американской писательницей. Пару дней ребенок спал в ящике письменного стола, пока радостный отец не купил кроватку и все остальное, что было необходимо.

Радость, связанная с появлением на свет дочери, вскоре сменилась рутинной. Гарри любил девочку, но, будучи занятым бизнесом и политикой, уделял ей незначительное внимание. Бесс, ставшая матерью в том возрасте, когда дети других женщин уже завершают среднее образование, относилась к ребенку с повышенной требовательностью, а внимание часто подменялось окриками. Маргарет вспоминала, что голос матери и во взрослом возрасте для нее «все еще звучал в тоне приказов, нетерпения и стремления дисциплинировать». Однажды девочка решила, что с ней так строго обращаются, потому что она не родная, мол, а приемная дочь, и прямо спросила об этом мать. Та, не мудрствуя лукаво, ответила: «Нет, если бы это было так, мы бы обращались с тобой лучше»¹¹³.

К счастью, жившие по соседству родственники Бесс заботились о ребенке, окружали девочку теплотой, играли с ней, в целом сыграли большую роль в ее развитии, чем мать и отец. Маргарет явно преувеличивала в воспоминаниях, называя свои ранние детские годы временем счастья. «Мой отец — в центре этих воспоминаний... Он постоянно усту-

пал соблазну нянчиться со мной и портить меня, тогда как мать отчаянно стремилась исправить то, что было испорчено... Мои детские воспоминания полны любви и смеха»¹¹⁴.

Занимаясь бизнесом средней руки, в основном связанным с недвижимой собственностью (купля-продажа, сдача внаем), Гарри Трумэн вел активную социальную жизнь. Он участвовал в масонской ложе, регулярно посещал сборы Офицерского резервного корпуса, записался в правую организацию ветеранов Американский легион и даже некоторое время был председателем его отделения в Индепенденсе.

К тому же он осознал, что не имеет высшего образования, и в сентябре 1923 года поступил в Правовую школу (юридический факультет) университета Канзас-Сити. Занятия проводились по вечерам. Преподавателями были не ученые и педагоги, а в основном практикующие адвокаты, занимавшиеся попутно политической деятельностью. С некоторыми из них Гарри уже встречался ранее в качестве союзников или противников, но на взаимоотношениях в университете это никак не отражалось. Одним из преподавателей был Чарлз Виттакер, который позже станет членом Верховного суда США. Другим являлся Уильям (Билл) Бойл, который при президенте Трумэне займет пост председателя Национального комитета Демократической партии.

В подготовке юристов большое внимание уделялось самостоятельной исследовательской и публицистической работе студентов. Известна лишь одна работа, подготовленная Трумэном, под названием «Честь и государственная власть». Учился он средне. За год в его матрикульной книжке появились одна посредственная оценка, десять хороших, две отличные и одна отлично с плюсом. Столь высокую оценку Гарри получил за тщательное и добросовестное изучение знаменитых «Комментариев английского права», написанных британским юристом, политиком и историком права Уильямом Блэкстоном и впервые изданных в четырех томах в 1765—1769 годах¹¹⁵ (тома были посвящены правам личности, праву на имущество, преступлениям частного характера и социальным преступлениям).

Проучился Гарри в университете всего лишь два года. Он объяснял свой уход необходимостью полной отдачи общественной деятельности. Но скорее причины состояли в том, что за обучение надо было платить немалую сумму, отрывая средства от содержания семьи и деловых предприятий, да и сам бизнес требовал максимального внимания.

Через два десятилетия, когда Трумэн стал президентом страны, университет Канзас-Сити присудил ему, не имевшему высшего образования, ученую степень гонорис кауза, то есть за заслуги. Такую же степень он получил в distinguished Оксфордском университете (Великобритания).

3. Судья-председатель

В поисках новых сфер бизнеса Трумэн в феврале 1925 года стал членом, а затем секретарем автомобильного клуба Канзас-Сити. По существу дела, это был не клуб, а коммерческая организация, оказывавшая платные услуги автовладельцам, начиная с помощи при авариях и несчастных случаях и завершая предоставлением различных средств повышенной безопасности на дорогах. Помимо прямой материальной выгоды, деятельность в этом клубе давала возможность укрепить связи с городской элитой и получить большую известность в среде городского среднего класса. В автомобильном клубе Трумэн работал около полутора лет (до возвращения к активной политической деятельности). За это время он заработал около пяти тысяч долларов, что было близко к его зарплате в качестве судьи дистрикта¹¹⁶. Одновременно Гарри сотрудничал с местными банками, покупая и продавая ценные бумаги и несколько пополняя таким образом семейный бюджет.

1925 год знаменовался новым возвышением главы клана Пентергастов Тома, покровительствовавшего Трумэну. Путем ряда махинаций босс добился ослабления соперничавшей фракции демократов и обеспечил своим людям полное преобладание в городском совете Канзас-Сити. Вслед за этим совет назначил бывшего председательствовавшего судью графства Джексон Макэлроя городским управляющим. Место судьи-председателя в Джексоне оказалось вакантным.

Для Трумэна возникла благоприятная возможность вновь вернуться к административно-политической деятельности, на этот раз на одну ступеньку выше. В графстве его хорошо знали. Когда он выдвинул свою кандидатуру на освободившуюся должность, Гарри был избран сравнительно легко. Ему даже не пришлось проводить утомительную предвыборную кампанию. Более того, когда шли предвыборные баталии 1926 года, он значительную часть этого времени провел в летнем военном лагере запасных офицеров.

На состоявшихся в начале ноября выборах Трумэн получил 56% голосов.

Новый суд графства вступил во власть 3 января 1927 года. Первая забота, с которой его судье-председателю пришлось столкнуться, состояла в подборе лиц на административные должности. Трумэн договорился с Пендергастом, что будет предоставлять работу преимущественно членам Демократической партии, одобренным им, но убедил босса, что тот сам должен быть заинтересован в их компетентности и трудолюбии. Именно в этом духе Трумэн выступил на церемонии принесения клятвы верности 3 января, поддержанный своими главными подчиненными — судьями восточного и западного дистриктов Робертом Барром и Говардом Врумэном. Речь звучала довольно жестко: «Мы назначим демократов на доступные должности, но проследим, чтобы каждый человек за свою заработную плату выполнял полноценную работу. Иными словами, мы собираемся заниматься делами графства как можно эффективнее и экономнее»¹¹⁷.

По всей видимости, Трумэн сознавал, что он идеализировал ситуацию. Значительная доля реальной власти находилась в руках судей дистриктов, а от них он вряд ли мог ожидать значительной помощи. Западный судья Врумэн (сходство фамилий приводило иногда к комической путанице, по поводу которой Трумэну несколько раз приходилось объясняться) был торговцем недвижимостью, сколотившим немалое состояние, но человеком легкомысленным, заядлым карточным игроком, от которого особого служебного усердия ожидать не приходилось. Восточный судья Барр, окончивший Военную академию Вест-Пойнт и являвшийся ветераном мировой войны, был хорошим знакомым Трумэна и его партнером в некоторых коммерческих делах. Но и Барра Трумэн знал как человека ленивого и лишенного того идеализма, который, по его мнению, был характерным для выпускников самой престижной в США военной академии¹¹⁸.

Действительно, оба судьи дистриктов проявили себя, по мнению Трумэна, людьми безынициативными, готовыми согласиться с любым решением или распоряжением судьи-председателя. В 1929 году Врумэн ушел в отставку, и судьей дистрикта стал бывший начальник строительства предприятия «Электричество и освещение Канзас-Сити» Томас Бэш.

С новым помощником отношения не сложились сразу, так как Трумэн полагал, что его электростанция установ-

ливает чрезмерно высокую оплату за свои услуги. Бэш со своей стороны явно покровительствовал своему бывшему детищу. Дело дошло до того, что в конце 1929-го — начале 1930 года между Трумэном и Бэшем произошли довольно острые публичные дебаты, последствием которых было то, что и Бэш покинул свой пост¹¹⁹.

Главной своей задачей на административном посту Трумэн считал создание высококачественной дорожной системы в графстве Джексон. Это действительно было требованием времени не только потому, что местные фермеры крайне нуждались в надежных коммуникациях, связывавших их с рынком, но и по причине быстрого роста Канзас-Сити, появления новых пригородов, куда охотно переселялись не только богатые дельцы и профессионалы (врачи, адвокаты и др.), но также и представители верхней прослойки среднего класса, которые теперь, как правило, имели автомашины. Между тем дороги всего штата, и графства в частности, оставались в ужасном состоянии.

Крайне трудноразрешимой была проблема финансов. Трумэн застал администрацию графства почти лишенной средств на строительство и ремонт дорог. Администрация обсуждала два возможных пути решения проблемы. Один состоял в том, чтобы повысить существовавший налог на содержание дорог вдвое, доведя его до 25 центов в месяц на каждого налогоплательщика. Это позволило бы содержать дороги в минимально пристойном состоянии и строить современные автомагистрали черепашьим темпом — лишь по несколько миль ежегодно. Более перспективным для Трумэна и городских властей Канзас-Сити казался второй путь — выпуск специальных ценных бумаг на строительство новой системы дорог, расходы на которые, как предполагалось, будут с хорошей прибылью покрыты платой за пользование дорогами.

Решительно выступив в пользу второго варианта, Трумэн смог привлечь на свою сторону не только организации Демократической партии, но и ряд общественных объединений, в частности особенно влиятельный в консервативном штате Американский легион, для лидеров которого он организовал своеобразную «экскурсию» по отвратительным дорогам графства.

В результате привлеченные им специалисты разработали план строительства дорог, которые должны были охватывать все графство, прочно связывать Канзас-Сити с самыми отдаленными уголками, с тем чтобы расстояние

от каждой фермы до дороги с твердым покрытием не превышало двух миль. 34 мили дорог предусматривалось покрыть асфальтом, около 200 миль уплотненным бетоном. В то время как большинство дорог Америки оставались грунтовыми, лишь частично имеющими мягкие дешевые покрытия, план Трумэна по праву мог считаться попыткой прыжка в новую эру дорожного строительства¹²⁰.

После долгих бюрократических проволочек 8 мая 1928 года (это был день рождения Трумэна — ему исполнилось 44 года) было проведено, наконец, голосование избирателей по поводу выпуска дорожных ценных бумаг (бондов).

Вторым проектом, по поводу которого должны были высказаться граждане, было строительство муниципальной больницы для престарелых. Оба проекта получили полное одобрение¹²¹.

В сентябре 1928 года были подписаны первые три контракта на дорожные работы по сравнительно невысоким ценам. Вся беда, однако, состояла в том, что получившие заказы фирмы были из других штатов (Канзаса и Айовы) и, разумеется, не были связаны с «машиной» Пендергастов. Трумэн вспоминал, что вслед за этим ему позвонил Том Пендергаст, заявивший: «Гарри, у меня тревога. Приезжай ко мне». Появившись вслед за этим в штаб-квартире Демократической партии, Трумэн сразу понял, в чем дело. В кабинете Пендергаста он застал троих «ручных контракторов»¹²² Тома, в делах которых тот то ли сам принимал участие, то ли получал от них взятки. «Эти ребята сказали мне, что ты не дал им контрактов», — тоном, не предвещающим ничего хорошего, заявил босс. Судя по мемуарам, Трумэн ответил жестко, сообщил, что местные фирмы требуют слишком высокой оплаты работ, что они не соблюдают правил честной конкуренции.

Это весьма сомнительно. Вряд ли Гарри осмелился проявить себя столь неуправляемым. По всей видимости, он говорил мягко, с характерной для него застенчивой улыбкой. Он объяснил, что у графства просто нет таких денег, которые необходимы для оплаты местных контракторов, что поиск наиболее дешевых партнеров — это тот самый курс, который одобрил босс. Отпустив своих бизнесменов, Пендергаст благословил Трумэна на сохранение подписанных им контрактов¹²³.

В этом рассказе, по всей видимости, правдива была лишь основная канва. Что же касается деталей, то они представляются далеко не столь благостными. Судя по дру-

гим источникам, Пендергаст был взбешен. Окруженный подхалимами, которые называли его человеком, который «всегда говорит правильно», Пендергаст обозвал Трумэна «молокососом» (вспомним, что речь шла о человеке уже весьма немолодого возраста). Гарри, вроде бы произнес он, «твой гонор не стоит и понюшки»¹²⁴.

Пендергаст, однако, был хитроумным политиканом, а Трумэн, в свою очередь, знал уже хорошо пределы власти босса. Выразив недовольство поведением своего ставленника, последний не потребовал, чтобы тот разорвал уже подписанных соглашений. Такой поступок (а Трумэн, по всей видимости, послушно выполнил бы волю хозяина города, если бы она была высказана в решительной форме) моментально стал бы известен по слухам и явно не способствовал бы репутации Пендергаста. Так что на этот раз Трумэн одержал верх.

Когда в 1930 году Трумэн переизбирался на должность судьи-председателя графства Джексон, его главным аргументом было эффективное и сравнительно дешевое строительство дорожной системы. Трумэн с гордостью повторял вновь и вновь, явно преувеличивая собственные заслуги, что именно он вывел фермеров из состояния изоляции и сделал все красоты сельской жизни доступными для городских жителей, добился повышения ценности каждого акра фермерской земли в среднем на 50 долларов. Он декларировал, что намерен выпустить новый заем, чтобы расширить дорожное строительство¹²⁵.

Как раз ко времени выборов открылась и та самая больница, за строительство которой высказались избиратели в мае 1928 года. Здесь, правда, дело было не совсем чисто, так как главным архитектором здания Гарри назначил своего шурина Фреда Уоллеса, несмотря на то, что брат Бесс слыл заядлым алкоголиком. Сам Гарри относился к Фреду со снисходительным презрением, но пошел навстречу настойчивым просьбам супруги¹²⁶. Так что нельзя сказать, что Трумэн был напрочь лишен nepотизма — во имя успокоения супруги он был готов иногда пожертвовать принципами.

Так или иначе, благодаря Фреду Уоллесу или вопреки ему, больница была построена, и это также Трумэн относил к своим заслугам, в чем была немалая доля истины.

В начале ноября 1930 года Трумэн был переизбран на пост судьи-председателя графства Джексон подавляющим большинством голосов.

К этому времени, видимо, созрела политическая философия Трумэна, который был типичным представителем американского среднего класса. Он резко отрицательно относился к большому бизнесу, к формирующимся финансовым структурам, охватывавшим не только банковскую систему, но и различные области производства и торговли (такие структуры получили название конгломератов). Его взгляды были отчасти близки политической системе скончавшегося в 1925 году сенатора от штата Висконсин Роберта Лафоллета, к которому он относился с глубоким почтением.

Являвшийся в начале своей деятельности левым республиканцем, Лафоллет стал руководителем основанной Теодором Рузвельтом Прогрессивной партии, которая призывала к ужесточению антитрестовского законодательства, национализации железных дорог, демократизации политической жизни страны и другим реформам. На президентских выборах 1924 года Лафоллет выставлял свою кандидатуру, но добился победы только в своем штате Висконсин.

Трумэн не во всем был согласен с Лафоллетом. Он осуждал его антивоенные взгляды (Лафоллет был одним из шести сенаторов, проголосовавших против вступления США в Первую мировую войну), не считал необходимым огосударствление железнодорожной сети, полагал, что Лафоллет смотрит назад, а не вперед. Трумэн же причислял себя к модернистам. Отвергая централизованную частную экономику, он приветствовал современную организацию производства (хотя не конкретизировал, что имеет в виду под этим), считал необходимым экспертную оценку хозяйственных инициатив и экономическую эффективность всей производственно-коммерческой деятельности.

Понятие эффективности Трумэн стремился распространить на местное административное управление. Главным он считал упразднение ряда выборных должностей. Считая таковые в ряде случаев лакомыми местами для бездельников, которых невозможно устранить, он полагал, что замена их наемными работниками позволит значительно улучшить ведение дел.

Довольно долго Трумэн, пользуясь помощью юристов, работал над проектом закона, который был внесен на рассмотрение легислатуры штата Миссури в 1932 году. Проект формулировал, что судья-председатель является «главным административным руководителем» графства, обладает правом назначать ответственных служащих (с согласия по

крайней мере одного из судей дистриктов) и увольнять их (на этот раз по собственной воле). Проект устранял должности выборных чиновников, заменяя их назначаемыми служащими.

В штатной легислатуре проект Трумэна встретил энергичную оппозицию. Сенатор-республиканец Мэнвел Дэвис заявил даже, что такой закон превратит судью-председателя в подлинного монарха. Председатель юридического комитета легислатуры на основании обсуждения отказался вносить билль на рассмотрение законодательного органа¹²⁷. Стремление Трумэна к эффективности было, таким образом, расценено как антидемократическое популизм.

Тем не менее он сохранял склонность к реорганизации графств и выступал с предложениями по этому поводу в легислатуре штата. 28 ноября 1931 года, выступая в комитете по законодательству, Трумэн высказал мнение, что графства штата слишком мелкие и на управление ими расходуются излишние средства, что путем укрупнения можно было бы освободиться от массы излишних чиновников. Конкретное предложение состояло в консолидации ста четырнадцати графств в тридцать.

Неудивительно, что под давлением местной бюрократии и эти предложения не получили поддержки законодателей. Тем не менее имя Гарри Трумэна стало все чаще упоминаться в прессе штата как человека, обладающего государственным умом и пекущегося об интересах общества. Когда он выступил с очередной инициативой о проведении в масштабах штата семинара для судей и других чиновников графств по вопросам экономии средств, она была сочтена полезной. Семинар был проведен при поддержке Американской ассоциации политических наук и университета штата Миссури¹²⁸.

Амбиции Трумэна были направлены на то, чтобы добиться некоего планирования административной деятельности, по крайней мере в масштабах графства, а по возможности и штата. Гарри не был в этом деле полностью оригинален. Он внимательно знакомился со сходной деятельностью в других штатах, в частности с Чикагской региональной плановой ассоциацией, охватывавшей 15 графств. В 1930 году он предложил выработать десятилетний план по развитию Индепенденса, в результате чего была образована местная Плановая ассоциация, просуществовавшая, правда, недолго. Вслед за этим в 1932 году последовало предложение о выработке на основе сотрудничества графств рай-

она Канзас-Сити плана создания системы парков и других зон отдыха. И эта инициатива вскоре заглохла.

Сказывалось тяжелое экономическое положение страны, с осени 1929 года вступившей в период Великой депрессии, когда один за другим следовали биржевые крахи, быстро сокращалось промышленное производство, сельскохозяйственная продукция не находила сбыта, невиданными темпами росла безработица. Трумэн просто выражал отчаяние, что его замечательная цель создания единой плановой парковой системы повисла в воздухе. «О! Если бы только я был... Меллоном, я создал бы подлинный рай»¹²⁹, — записал он в дневнике в мае 1931 года. Единственным успешным проектом Трумэна, которым он продолжал по праву гордиться, была система дорог, в частности шоссе, в графстве Джексон. Этому делу он посвятил небольшую книгу, в которой рассказал о том, как замышлялась идея и каковы стали результаты. Текст перемежался с многочисленными фотографиями. У книги было характерное, явно расширительное название «Результаты планов графства». На обложке и титульном листе автор скромно не обозначил свою фамилию, но текст был им подписан¹³⁰.

Между тем Великая депрессия пагубно сказалась не только на планах Трумэна, но и на текущей деятельности администрации графства. Финансы графства вскоре оказались в плачевном состоянии. Приходилось сокращать зарплаты служащих и задумываться о необходимости увольнения части из них.

Именно в это время стали появляться «пиквикские бумаги» (или «пиквикские меморандумы»), названные так потому, что писались они в гостиничной комнате нового недорогого отеля «Пиквик», построенного в Канзас-Сити в 1930 году. Здесь Трумэн, живший за городом, ночевал, когда приезжал по делам. Спал он обычно пять-шесть часов, развлекаться по вечерам не любил и проводил время за письменным столом, используя фирменную бумагу отеля для своих меморандумов. Биограф воспроизводит такую картину: «Можно представить себе, как он сидит за столом и пишет при свете маленькой лампы поздно ночью со стоящими рядом стаканами вина (все еще нелегального, но легко доступного) и воды. Здесь он выплескивал на бумагу самые свои горькие мысли»¹³¹. Лишь глубоко за полночь Гарри отправлялся в постель, обычно с двумя книгами: одной — исторической (часто биографией кого-то из видных политиков), другой — легкой (обычно вестерном). Но читал он

каждую книгу буквально по несколько минут, ибо сон брал свое. Что же касается подлинно художественной литературы, то читать ее Гарри так и не научился и был в этой области, как и в области искусства, почти полным профаном.

«Пиквикские мемурандумы» начинаются 1930-м и завершаются 1934 годом, когда Трумэн выдвинул свою кандидатуру в сенат США и ему стало не до мемуарных записей.

Настроение Гарри, когда он делал эти записи, особенно в первые два года, было отвратительным. И это было понятно. Кризис пагубно отражался на всех замыслах, как оформленных в «планово-административном порядке», так и личных, обыденных. Любопытно, что причины почти всех неудач Трумэн относил не к своим промахам, да, как правило, не к объективным обстоятельствам, а к дурным качествам своих помощников. Тут, конечно, была непоследовательность. Ведь это означало, что сам он оказался неспособным подобрать себе достойных помощников. Единственным лицом, по адресу которого не высказывалось упреков, был Пендергаст. Демократический босс оставался для Гарри образцовым деятелем. Том — «настоящий человек», который держит свое слово, хотя он «дает его очень редко, только когда вполне уверен». Но вот как отзывался Трумэн о Р. Барре: «Фальшивка, слабак, никаких идей, вообще ничего»; или о Т. Б. Бэше: «Я не знаю, что означает “Б” [в его имени]: “бык” [*bull*] или “вздорный” [*baloney*]; или о своем шурине Ф. Уоллесе: «Этот мой пьяница-шурин». Не щадил он и покойных, разумеется, в записях, которые не собирался никому показывать. Об умершем сыне помощника Пендергаста У. Россе, занимавшемся дорожным бизнесом, говорилось: «Я подозреваю, что его прибили от гнилых дорог обанкротили теперь власти ада», а о его отце М. Россе: «Это самый настоящий вор».

Конкретика вела к обобщениям. Трумэн приходил к выводам, что большинство людей охотно бы воровали, если были бы уверены в том, что их не схватят. Сходной была и оценка мошенничавших политиков: «Кого следует обвинять в нынешних условиях, как не сопливых церковных прихожан, которые плачут по воскресеньям, забавляются с проститутками по понедельникам, пьянствуют по вторникам, торгуют своими боссами по средам, каются по пятницам, и все начинают заново по воскресеньям... Я думаю, что босс (о Т. Пендергасте. — Г. Ч., Л. Д.) ближе к небесам, чем все эти сопли»¹³².

Но в отеле «Пиквик» Гарри Трумэн не ограничивался излияниями по поводу своих помощников и знакомых. Он вспоминал пребывание в армии, разные интересные случаи из своей жизни и эпизоды работы в графстве Джексон, представляющие немалый интерес для изучения его биографии.

1 января 1931 года Трумэн, вновь избранный председательствующим судьей графства Джексон, был приведен к присяге и продолжил исполнение своих обязанностей в условиях все углублявшегося кризиса.

Его помощником по восточному дистрикту стал бизнесмен-финансист И. Перселл, человек надежный и, что было немаловажно, красноречивый. Судьей западного дистрикта стал торговец мясом У. Бимен, с которым отношения не сложились.

Как раз к этому времени, в начале 1931 года, кризис стал чувствоваться в графстве Джексон с особой силой. Размеры безработицы в Канзас-Сити и окрестностях вели к подлинному голоду. Бесплатные обеды выдавались нищему населению лишь по большим праздникам — и то руководство графства имело возможность собирать средства на них только при помощи благотворительности. Расходы администрации превышали доходы — Трумэн вынужден был оплачивать долги особыми бондами, которые вроде бы гарантировали обмен на нормальную валюту при более благоприятных обстоятельствах. Пришлось сокращать и расходы самой администрации. Сразу же после вступления в должность на новый срок Трумэн объявил о пятипроцентном уменьшении заработной платы сотрудников и о сокращении числа смотрителей дорог с пятидесяти одного до шестнадцати. Гарри осаждали несчастные люди, лишившиеся работы в разгар депрессии. Ему приходилось вести себя жестко, ибо ничем помочь ходатаям он не мог¹³³.

В связи с этим возник конфликт Трумэна с прокурором графства Джеймсом Пейджем, который объявил, что и сокращение штатов, и уменьшение зарплаты сотрудникам незаконны, ибо и то и другое утверждено более высокими инстанциями. Пендергаст, которому принадлежало решающее слово, занял промежуточную позицию. Некоторых сотрудников пришлось на работе восстановить. Но все же 1931 год Трумэн завершил с экономией средств на 22 процента. На 1932 год новые бюджетные сокращения не предусматривались, так как экономическое положение графства стало чуть лучше¹³⁴.

В 1932—1933 годах Трумэн стал вести себя несколько более свободно, так как постепенно начинало ослабляться влияние Тома Пендергаста, который страдал непонятными заболеваниями, сильно похудел, по несколько месяцев находился вне пределов штата.

Это, однако, не означало, что Миссури освобождался от организованной преступности. Более того, в центральной печати страны и в Конгрессе этот штат подчас называли средоточием криминала всей нации. Дело дошло до того, что нового прокурора графства Джексон У. Грейвса, заменившего Пейджа, стали обвинять в прямом покровительстве гангстерам. Поджоги, перестрелки, похищения людей, налеты бандитов на автомашины, в которых перевозили преступников, с целью их освобождения, стали обычными темами местных газет.

Трумэн старался быть в стороне от всех этих криминальных историй. Когда возникало очередное громкое дело, он обычно укрывался в облюбованном им отеле «Пиквик», где проводил несколько дней за письменным столом. Гарри таким образом старался избежать обычных обвинений в пренебрежении служебным долгом или даже в покровительстве преступникам. Удивительно, но такое затворничество обычно срабатывало.

Вместе с тем у немолодого уже Трумэна начинали зарождаться надежды на достижение более высокого поста, правда, только на местном уровне. Еще в 1929 году, безусловно, с его согласия, Ассоциация графства Генри (это графство охватывало часть Канзас-Сити) приняла резолюцию с предложением о выдвижении Трумэна на пост губернатора штата Миссури. Трумэн вначале как-то не подумал, что губернаторство в штате, согласно местному законодательству, ограничивалось одним четырехлетним сроком и рассматривалось общественностью не как этап политической карьеры, а как ее завершение. Таковое обстоятельство ему, по-видимому, разъяснили, и до официального выдвижения дело не дошло.

Можно полагать, что и Пендергаст, несколько пришедший в себя и с новой силой взявший в руки партийную «машину» местных демократов (именно в это время здание Капитолия в столице штата городе Джефферсон-Сити, в котором заседали местные законодатели, получило саркастическое название «хижины дяди Тома»), высказался против Трумэна на губернаторском посту, считая этот пост бесперспективным¹³⁵.

4. Рузвельтовский курс

В определенной мере дальнейшему продвижению Трумэна способствовало то, что в октябре 1933 года он получил дополнительную работу, которая не запрещалась законом для судьи графства. С подачи федерального сенатора-демократа от штата Миссури Беннета Кларка он был назначен директором представительства Федерального агентства по ликвидации безработицы в своем штате. Тем самым он вступил в прямой контакт с новой администрацией страны, образованной Франклином Рузвельтом, который был избран на пост президента в ноябре 1932 года и в начале 1933-го приступил к исполнению обязанностей.

Главной задачей администрации Рузвельта было преодоление кризиса, для чего была разработана широкая программа государственного вмешательства в экономику и социальные отношения, получившая название «нового курса»¹³⁶. Одним из важнейших элементов «нового курса» были мероприятия, связанные с сокращением безработицы как путем общей стимуляции экономики, так и за счет широкого внедрения общественных работ. Естественно, важную роль в реализации этой программы играло созданное Рузвельтом Министерство труда, которое возглавила Фрэнсис Перкинс — первая женщина-министр, пользовавшаяся полным доверием президента и проявившая высокие организаторские качества.

Гарри Трумэн оказался, таким образом, представителем Перкинс в своем штате, а тем самым представителем правительства и косвенно президента¹³⁷. Вызванный в Вашингтон на утверждение, Трумэн познакомился с министром, которая, в частности, выразила удовлетворение тем, что он занялся работой по совместительству фактически безвозмездно (он должен был получать символическую сумму в 1 доллар в год плюс возмещение служебных расходов).

В задачи руководителя нового административного органа входило создание местных бюро регистрации безработных, подтверждение их права на получение государственной помощи, трудоустройство путем включения в программы общественных работ или на частных предприятиях. В течение нескольких месяцев на территории Миссури были образованы около сотни бюро регистрации безработных.

Трумэн установил связь с рядом федеральных агентств, связанных с трудоустройством. Он вел переговоры с пред-

ставителями центральных и местных органов профсоюзного объединения «Американская федерация труда» (АФТ) и с независимыми профсоюзами, отколовшимися от АФТ, которые вскоре, в 1935 году, объединятся в самостоятельное, несколько более левое профсоюзное объединение «Комитет производственных профсоюзов» (КПП).

Особенно энергично Трумэн включился в набор рабочей силы, в частности для осуществления намеченного еще в 1928 году, но практически реализуемого только теперь «проекта реки Миссисипи», предусматривавшего масштабные очистительные работы и обеспечение надежного речного судоходства. В конечном счете этот проект оказался весьма рентабельным, обеспечив к 2014 году прибыль из расчета 45 долларов на каждый инвестированный доллар¹³⁸. По этому проекту Трумэн сотрудничал с бюро по ликвидации безработицы и другими органами соседних штатов, выходя, таким образом, если не на национальную арену, то по крайней мере на крупный регион¹³⁹.

Дважды за время работы по трудоустройству Трумэн посещал столицу для участия в совещаниях в Министерстве труда. Он познакомился с одним из ближайших советников Рузвельта Гарри Гопкинсом, который по поручению президента выполнял функции чрезвычайного уполномоченного по трудоустройству (как не видеть здесь дублирования функций с Министерством труда!).

Документы и мемуарные свидетельства показывают, что в таком криминальном штате, каковым все еще оставался Миссури, дело не обходилось без взяточничества и других злоупотреблений. Да и партийные пристрастия явно сказывались, несмотря на то, что Трумэн многократно провозглашал, что работа по трудоустройству является сугубо аполитичной и беспартийной. Вначале места в бюро регистрации безработных распределялись преимущественно среди «хороших демократов», которые, в свою очередь, предоставляли право на получение работы за «мелкие вознаграждения», на что обращал внимание и сам Трумэн в своей переписке¹⁴⁰.

Трумэн критически и самокритично отмечал хаотичность, стихийность в работе по трудоустройству, дублирование усилий различными ведомствами, требования детальнейших докладов вышестоящим властям и т. п. Он писал в Министерство труда: «Я пытаюсь добиться, чтобы ситуация не превратилась в смехотворную. Люди на низовой работе скоро придут к верному выводу, что всякие по-

сланцы затрачивают больше денег, чем выделяется средств на помощь и устройство на работу»¹⁴¹.

Тем не менее работа агентств, организованных по инициативе Трумэна, дала неплохие результаты. Только за зиму 1933/34 года работу получили свыше ста тысяч жителей штата Миссури¹⁴².

Именно в этих условиях, под влиянием рузвельтовского «нового курса» и своей работы в одном из секторов этой политики новой государственной администрации Гарри Трумэн стал подумывать о выдвижении своей кандидатуры в высший законодательный орган — Конгресс США. Здесь, правда, была немалая семейная загвоздка. Работа в Конгрессе означала переезд в Вашингтон на почти постоянное жительство — сессии обеих палат Конгресса происходили круглогодично лишь со сравнительно длительными летними каникулами и несколькими краткими перерывами в течение года. Бесс же ни в коем случае не желала расставаться с матерью, а та, в свою очередь, и подумать не могла о том, чтобы покинуть Канзас-Сити.

И все же Гарри, полагая, что ему удастся убедить жену, писал ей (она с Маргарет отдыхала на Миссисипи) в апреле 1933 года после консультации с Пендергастом, обещавшим поддержку партийной «машины», что любые продвижения на местном уровне не могут сравниться с избранием в Конгресс. «У меня будет возможность в качестве конгрессмена влиять на дела всей нации. Мне не надо принимать решения до следующего года. Подумай над этим»¹⁴³.

Пендергаст первоначально предполагал, что будет продвигать Трумэна в палату представителей. Но весной 1934 года, когда до выборов оставалось примерно полгода, демократический босс изменил свое мнение. Трумэну, который уже был немолод и представлялся ему слишком осторожным, он предпочел агрессивного политика Чарлза Джаспера Белла, которого считал «молодым», хотя он был всего на один год моложе Трумэна. То ли своей неумной активностью, то ли явным подхалимажем, то ли, наконец, тем, что он имел высшее юридическое образование (Белл в это время являлся судьей графства Джексон — именно судей в традиционном смысле), тогда как Трумэн не имел даже незаконченного такового (напомним, что он проучился в Правовой школе всего два года), но намерения Пендергаста неожиданно изменились.

Взамен он предложил Трумэну должность коллектора графства (лица, ответственного за сбор налогов) с окладом

10 тысяч долларов в год, что было даже выше, чем ставка члена палаты представителей. Для Гарри, однако, это было подлинным разочарованием, ибо он уже мыслил себя общенациональным деятелем. Узнав о решении босса, он даже сгоряча заявил ему, что намерен покончить со всеми общественно-политическими делами и вновь стать фермером.

Пендергаст, однако, вскоре установил, что на пост сенатора от Миссури, который как раз в этом году переизбирался (сенаторы избираются на шесть лет, каждые два года обновляется одна треть верхней палаты Конгресса), претендует член палаты представителей Джекоб Миллигэн, считавшийся героем Первой мировой войны и политиком с большим государственным опытом. С полным основанием считая, что Миллигэн не станет выполнять его воли, Пендергаст решил сделать ставку на Трумэна. Когда Пендергаст сообщил Гарри свое решение, тот подумал, что над ним насмеются, и не преминул сообщить свое мнение Тому. Высокомерно поглядывая на собеседника, партийный босс объявил: «Гарри, я не шучу, и если сложатся благоприятные условия, я буду за тебя, нравится тебе это или нет»¹⁴⁴.

Для вида Гарри слегка посопровтивлялся. Он говорил, что Миллигэн — слишком серьезная кандидатура, чтобы ему противостоять, что включаться в кампанию уже поздно, наконец — и это было, очевидно, главным аргументом, — что у него нет денег на предвыборную кампанию. Возражения во внимание приняты не были. Пендергасты объявили, что они позаботятся о том, чтобы у Трумэна были достаточные суммы на ведение предвыборной борьбы. Складывались, таким образом, все предварительные условия, чтобы Гарри Трумэн стал, как позже издевательски стали говорить остряки, «сенатором из Пендергаста».

Но все это будет впереди. Пока же, с огромным трудом преодолев сопротивление супруги, Гарри Трумэн 14 мая 1934 года объявил о выдвижении своей кандидатуры в сенат США. Реакция общественности штата была неоднозначной. Если в Канзас-Сити отклики в основном были положительными, то в других центрах штата, в частности в одном из крупнейших городов Среднего Запада Сент-Луисе, являвшемся важным политическим и культурным центром, кандидатура Трумэна была встречена сдержанно. Объяснялось это прежде всего тем, что «машина» Пендергаста оказывала на этот город слабое влияние. Кроме того, о своем желании участвовать в сенатских выборах объявил

член палаты представителей из Сент-Луиса Джон Кокран. В родном городе поддерживали Кокрана, но за спиной Трумэна стояли не только Пендергасты — к нему благоволила администрация штата, немалую роль сыграла его работа по преодолению безработицы в качестве представителя рузвельтовского Министерства труда.

Уже довольно опытный в политике, пока, правда, местной, Трумэн, не мешкая ни дня, развернул предвыборную кампанию. Он совершил три тура по штату, останавливаясь не только в городах, но и в небольших селениях, на фермах, беседуя с представителями всех слоев населения, с местными администраторами, депутатами представительств городов, графств, дистриктов. Впечатления, которые складывались от встреч с ним, свидетельствовали, что ранее не очень общительный Трумэн в какой-то мере научился политической кухне, овладел методикой «очаровывать» избирателей не только обещаниями, но и манерой поведения. Вот как передавал свое впечатление от встречи с кандидатом в сенаторы журналист агентства «Юнайтед Пресс» Ричард Харкнесс, ранее никогда с ним не встречавшийся: «Он своеобразный приятный джентльмен, умеющий быстро вступать в дружеские отношения. Его поддерживают, потому что он нравится людям»¹⁴⁵. Трумэн вел дневник, в который исправно записал сведения о всех посещенных местах и встречах. Записи свидетельствуют, насколько насыщенными были все дни поездок. Вот лишь первые четыре записи из девяти, сделанные 5 июня 1934 года (цифра в начале каждой записи обозначает количество миль, преодоленных в ходе кампании): «2705. Индеп[енденс]. 7.15 утра. 2780. Клинтон. С 9 до 11 утра. Со-Поаг, Флойд-Сперри, Адейр и весь город. Великолепный прием. 2806. Осиола. С 11.45 утра до 12.30. Со-Пенс, Купер и Крукс, все великолепно. 2819. Коллинс. 12.45 — 1.30. Хоутел и его 84-летний старый друг. Великолепно». В этот же день Трумэн посетил еще пять населенных пунктов¹⁴⁶.

Написанное на следующий день письмо губернатору штата Гаю Парку, требовательное и не очень вежливое, свидетельствует, что, опираясь на разностороннюю поддержку, Трумэн чувствовал себя вполне «в своей тарелке». Там говорилось: «Я разговаривал здесь кое с кем из моих молодых друзей по Демократической партии; они говорят, что некоторые из чиновников штата высказываются, что я хороший парень и что они за меня, но думают, что победит Кокран. Лучше бы меня называли каким-нибудь... (Многоточие ав-

торов. — Г. Ч., Л. Д.), чем обрекать на пустые похвалы. Подумайте, быть может, Вы сможете заставить их говорить, что они думают о моей возможности выиграть и что я делаю дело, занимаясь своей работой»¹⁴⁷.

Во время избирательной кампании не обошлось без прямых насилий над волей избирателей. Оппоненты Трумэна установили, что во время первичных выборов в Индепенденсе людей, обращавшихся за федеральной помощью, заставляли подписывать специальные карточки в пользу Трумэна, которые были равнозначны бюллетеням¹⁴⁸. Чиновникам губернаторства после нагловатого обращения Гарри было предложено при командировках по штату развозить агитационные материалы в пользу Трумэна. Отказавшиеся могли лишиться работы. Шеф полиции Миссури Орест Митчелл совершенно цинично писал Трумэну по поводу предвыборных акций Кокрана: «Мы предпримем необходимые меры здесь, чтобы отбить эту атаку. Зерновой департамент, как и Департамент полиции, полностью организованы и очень мало таковых, которые не следуют установленной линии»¹⁴⁹.

После празднования Дня независимости 4 июля предварительная часть избирательной кампании вступила в завершающий этап. Изнуряющая жара заставила Трумэна, как и его главного соперника, понизить активность, тем более что и избиратели собирались не весьма охотно. Гарри выступал с краткими речами и в основном встречался с влиятельными местными деятелями.

Именно в это время, с лета 1934 года, вступили в практическую стадию основные мероприятия «нового курса» Франклина Рузвельта. Полностью оформились органы государственного регулирования экономики, прежде всего Администрация по восстановлению промышленности и Администрация по регулированию сельского хозяйства, стали проявляться первые результаты их деятельности. Было, правда, ясно, что кризис идет к концу главным образом в силу естественных причин, как результат цикличного развития экономики. Но и мероприятия Рузвельта сыграли свою роль. Трумэн горячо поддерживал рузвельтовский курс, проповедовал «новый курс для Миссури», неустанно повторял, что усилия Рузвельта «продвинуть вперед социальные и промышленные процессы кое-что значат для широких масс»¹⁵⁰.

Проявив себя во время предвыборной кампании чуть ли не как популист, Трумэн, разумеется, при прочих благо-

приятных факторах, обеспечил себе преимущество. Определенную роль сыграл и подчеркнутый изоляционизм кандидата, который совпадал с настроениями широких слоев населения среднезападного штата, которое стремилось быть как можно дальше от социально-политических взрывов этого времени, означавших переход от межвоенного времени к предвоенному. При этом важно внести одно уточнение. По существу, весь период между Первой и Второй мировыми войнами был периодом предвоенным. Версальский мирный договор 1919 года не устранил тягчайших международных противоречий, но породил новые — между победителями и побежденными, между самими победителями, между Советской Россией (а с 1922 года СССР) и западным миром. Но в пределах этого двадцатилетия важным рубежом были именно 1933—1934 годы, когда к власти в Германии пришли нацисты, завершившие летом 1934 года установление тоталитарной системы и взявшие курс на непосредственную подготовку войны за европейское, а в перспективе и мировое господство.

Хотя наиболее дальновидные наблюдатели понимали, что Соединенные Штаты не смогут остаться вне мировых конфликтов, в стране преобладало убеждение, что необходимо прилагать все силы, чтобы как можно дольше не оказаться втянутыми в них, укрепляя тем временем экономическую мощь страны и расширяя свое влияние как на Западном континенте, так и за его пределами. Если даже Рузвельт во время предвыборной кампании 1932 года почти не фиксировал внимания на международных делах, то в еще большей мере это касалось провинциальных политиков. Неудивительно, что Трумэн вообще не упоминал в своих выступлениях ни о Гитлере с нацистами, ни об опасности военного конфликта в Европе.

Возобновив, когда спала летняя жара, интенсивную кампанию, Трумэн почти полностью сосредоточился на общении с низшими слоями населения, обещая добиваться в сенате справедливой оплаты труда, полной ликвидации безработицы, повышения закупочных цен на зерно и другие сельхозпродукты, полной оплаты бонусов, которые получили ветераны мировой войны, но которые из-за сопротивления властей никак не удавалось превратить в настоящие деньги. Подчас Трумэн совершал опасные ходы, ссылаясь на то, что по ряду вопросов образцом для него служит Роберт Лафоллет, которого считали прогрессивным республиканцем, то есть представителем конкурирующей партии.

Кандидатом от Республиканской партии в сенат был маловлиятельный Роско Паттерсон, неактивно проводивший кампанию и не представлявший серьезной опасности для Трумэна. На состоявшихся 6 ноября промежуточных выборах в Конгресс (они так называются, потому что на этих выборах не избирается президент) Гарри Трумэн получил 59,5 процента голосов и стал сенатором.

Глава пятая

СЕНАТОР. ПЕРВЫЙ СРОК

1. Столичные трудности

Восемь недель, прошедших между выборами и вступлением в должность, Трумэн провел в суматохе. Ему надо было завершить местные дела, включая предоставление очередного бюджета графства, и подготовиться к переезду в Вашингтон, поехав туда на сравнительно непродолжительное время для устройства бытовых дел и установления новых связей.

Почти всю первую половину декабря Гарри провел в столице. Он удостоился краткой встречи с президентом Рузвельтом. Тот факт, что никаких подробностей об этой аудиенции Гарри не оставил (он вспоминал только, что во время встречи у него «отнялся язык»), свидетельствует, что это были лишь несколько минут разговора «ни о чем». Иначе, собственно говоря, и не могло быть — Рузвельт просто захотел посмотреть на «молодого сенатора», которому было уже полсотни лет. Более того, отведя на встречу с Трумэном 25 минут, Рузвельт сделал знак секретарю, который его проводил через семь минут после начала аудиенции¹⁵¹. Новый сенатор явно не произвел впечатления на президента. Через много лет Трумэн, вспоминая об этом эпизоде, пытался оправдать свою неразговорчивость в Белом доме. Он говорил дочери, что это не было связано с тем, что Гарри с чрезвычайным почтением относился к Рузвельту. Нет, он почитал сам президентский пост. «Я находился перед величайшим государственным постом в мире»¹⁵².

Столица Трумэну не понравилась. Он чувствовал, что к нему относятся вежливо-снисходительно, как к провинциалу и новичку. Временами возникало полудепрессивное состояние. «Я всего лишь фермерский парень», — говорил он, выражая не только собственное мнение, но также и

впечатления тех, с кем ему приходилось встречаться. Трумэн ощущал серьезнейшие пробелы своего образования и даже заявлял о намерении поступить на юридический факультет Джорджтаунского университета, расположенного в Вашингтоне¹⁵³. На одно его выступление откликнулась ведущая газета «Нью-Йорк таймс», но откликнулась так, что лучше бы, с точки зрения интересов Трумэна, она этого не делала. Мало того что было перепутано его имя (его называли Генри), нового сенатора оценили как «деревенщину из земли Пендергаста»¹⁵⁴.

15 декабря Трумэн устроил прощальный банкет в Канзас-Сити, а в самый канун Нового года, 31 декабря, с женой и дочерью отправился в столицу. Начинался новый этап его политической биографии. Из чиновника глухой провинции ему предстояло превратиться в политика национального масштаба.

Кардинальное превращение давалось с огромным трудом. Трумэн не просто признавал это. Он буквально щеголял тем, какие трудности стояли перед ним и какие невероятные усилия пришлось ему приложить для их преодоления. «Я был робок, как деревенский мальчик, вперые переступающий порог знаменитого университета». Он в то же время надеялся, как писал в мемуарах, что ему «хватит мудрости, чтобы достойно служить людям»¹⁵⁵. Можно полагать, что он не хитрил перед самим собой, а серьезно собирался, невзирая на возраст, работать на национальной арене в соответствии со своим пониманием долга, добросовестности и честности, что было ему присуще на административных должностях среднезападного графства.

Став сенатором в Конгрессе США 74-го созыва, Трумэн чувствовал себя ущемленным не только потому, что был провинциальным новичком, но и в связи с тем, что постоянно нуждался в средствах. К своему пятидесятилетию он не накопил никаких сбережений, имел лишь небольшую земельную собственность, которая обесценилась в условиях кризиса. Рассчитывать приходилось только на жалование сенатора, которое в 1935 году составляло 10 тысяч долларов в год. Это примерно 170 тысяч долларов по курсу 2015 года, то есть чуть меньше жалования сенатора в настоящее время, которое равно 174 тысячам долларов в год.

Трумэны сняли небольшую четырехкомнатную квартиру в северо-западной части столицы на Коннектикутавеню. Это была минимальная жилплощадь, которую мог себе позволить депутат Конгресса, имея в виду, что, кроме

спальни и комнаты для ребенка, ему обязательно полагалось иметь приемную-гостиную и кабинет. За квартиру приходилось платить 150 долларов в месяц, то есть чуть меньше одной пятой всего сенаторского оклада. «Я самый бедный из сенаторов Соединенных Штатов», — жаловался Гарри. В следующие годы квартиры часто менялись, ибо жилье дорожало, и приходилось подыскивать новые, более выгодные варианты. Для покупки мебели, включая пианино, пришлось взять деньги взajem у Гамильтоновского национального банка, которого Трумэн благодарил за готовность предоставить средства на льготных условиях¹⁵⁶.

Вначале предполагалось, что Гарри с семьей будут жить в Вашингтоне только часть года, во время сессий Конгресса, возвращаясь во время длительного перерыва между сессиями в Канзас-Сити. Но оказалось так, что сложные внутренние и международные условия вели к тому, что вслед за обычными сессиями созывались чрезвычайные, и Трумэну приходилось возвращаться в Вашингтон, тогда как жена и дочь оставались в Миссури. Кроме того, вне распорядка сессий работали комитеты и комиссии сената, в которых Трумэн должен был участвовать. Дочери Маргарет, которой в 1935 году исполнилось 11 лет, фактически приходилось учиться в двух школах — в Вашингтоне и в Канзас-Сити.

Сенат 74-го созыва стал ареной борьбы между политическим традиционализмом и новаторством. Свыше трети из девяноста шести сенаторов (от каждого штата в этой верхней палате Конгресса заседают два представителя) занимали свои места еще с довоенного времени, выражая в основном интересы землевладельцев и связанных с ними слоев населения. В то же время свыше половины состава считали себя последователями Франклина Рузвельта, одобряли реформы «нового курса» и ратовали за урбанизацию страны, примирение интересов труда и капитала, углубление демократического строя. Подавляющее большинство сенаторов были членами Демократической партии (республиканцы располагали всего двадцатью пятью местами, причем среди них преобладали прогрессисты, сотрудничавшие с демократами).

Первая проблема, с которой Трумэн столкнулся на Капитолийском холме, состояла в установлении нормальных взаимоотношений со «старшим» сенатором от своего штата Беннетом Кларком. Избранный всего лишь двумя годами ранее, Кларк смотрел на Трумэна сверху вниз, но сам не проявлял активности в работе законодательного органа.

Ограничившись несколькими помпезными речами общего содержания, он уклонялся от работы в комитетах, предпочитая встречи с друзьями, на которых немалыми потоками лились крепкие напитки — благо сухой закон уже не действовал. К реформам Рузвельта Кларк относился с опаской, хотя активно против них не выступал.

Трумэн предпочел тактику «холодного мира» с Кларком. Он продемонстрировал ему свою добрую волю, поддерживая предложение Кларка о назначении одного из помощников Пендергаста Мэтта Меррея на должность директора Трудовой администрации штата Миссури. Собственно говоря, это назначение соответствовало интересам Трумэна — он продемонстрировал свое желание продолжать сотрудничество не только Кларку, но и Пендергасту. Местная пресса прокомментировала назначение как свидетельство верности Трумэна своим связям в штате Миссури¹⁵⁷.

По другим вопросам позиции Трумэна и Кларка обычно были различными, хотя открытые столкновения не происходили.

Дело сложилось так, что в первые годы работы Трумэна в сенате к нему относились в Белом доме с известной подозрительностью, так как рассматривали его в качестве ставленника Пендергаста, которого Рузвельт не без основания считал лицом опасным, связанным с мафиозными кругами и угрожающим демократическим институциям США. Имея это в виду, президентская администрация не раз сопротивлялась назначениям тех или иных лиц на официальные должности, когда за них выступал сенатор Трумэн.

Наиболее ярко это, пожалуй, проявилось в назначении помощника Трумэна Виктора Мессала на пост секретаря Агентства гражданской авиации. Вопрос о создании этого агентства обсуждался в Конгрессе на протяжении нескольких лет. Трумэн горячо ратовал за создание такого независимого государственного учреждения. Он смог привлечь к этому делу внимание ряда конгрессменов. В ходе дебатов несколько вырос его личный авторитет. В 1938 году был, наконец, принят закон о гражданском воздухоплавании, согласно которому учреждался этот орган, имевший право регулировать цены на авиационные билеты и определять маршруты, которые обслуживались частными авиационными компаниями.

Однако когда Трумэн выдвинул на должность руководителя нового учреждения близкого ему человека, это встретило резкий отпор Белого дома. Назначенному секретарем

агентства Клинтону Хестеру Трумэн с обидой писал: «Выглядит так, что люди, с которыми вы сотрудничаете, имеют привычку брать все и ничего не давать взамен. Отношение администрации [президента] в целом, в частности в том, что касается меня, совершенно нельзя назвать учтивым, и я без колебаний скажу, что мне это не нравится»¹⁵⁸.

В свою очередь Рузвельту и его помощникам никак не нравилось, что Трумэн открыто, можно сказать, демонстративно, выражал уважение, даже почтение своему бывшему боссу. Он шокировал многих сенаторов, выставив на обозрение в своем кабинете портрет Пендергаста, хотя знал (свет не без добрых людей!), что миссурийский босс хвастал своим близким: он, мол, отправил в сенат своего «слугу из офиса». Через много лет Трумэн писал, что некоторые конгрессмены буквально воспринимали версию о «слуге из офиса», но он оставался, по крайней мере внешне, совершенно равнодушным к таковому восприятию. «Такое отношение меня не волновало. Я знал, что оно со временем изменится»¹⁵⁹.

Можно, конечно, сомневаться, что сенатора не волновало не слишком дружелюбное отношение к нему и со стороны президента, и со стороны коллег по Капитолийскому холму. Но надо отдать ему должное: он не забыл тех усилий, которые предпринял Пендергаст для его продвижения, его финансовой помощи, и открыто выражал ему благодарность, хотя вел себя на парламентской скамье в целом независимо.

Один раз Рузвельт все же снизошел до того, что сам позвонил Пендергасту (это было в 1937 году) и попросил его оказать влияние на Трумэна, чтобы тот на выборах лидера демократического сенатского большинства поддержал сенатора Олбена Баркли. Баркли был близок Трумэну, но уже была обещана поддержка другому кандидату, и звонок Пендергаста остался без последствий¹⁶⁰. Это не помешало Трумэну, как мы увидим, предложить Баркли вице-президентский пост на выборах 1948 года.

Том Пендергаст только изредка обращался к Трумэну с личными просьбами. Сохранилось лишь несколько писем босса — весьма уважительных, написанных с соблюдением положенной дистанции и содержащих просьбы принять то или иное лицо, которое изложит существо дела. Трумэн обычно помогал, о чем кратко извещал своего бывшего покровителя¹⁶¹.

Чтобы более не возвращаться к линии Трумэн — Пендергаст, отметим, что в 1939 году власти, наконец, добра-

лись до Пендергаста, арестовав его по обвинениям в неуплате налогов и взяточничестве (любопытно, что то и другое было сплетено воедино — босс обвинялся в неуплате налогов с полученной им взятки — прямой статьи о взяточничестве в уголовном законодательстве не было!). Министр финансов Генри Моргантау особо настоятельно требовал «преследовать этого парня как только возможно»¹⁶². Пендергаст был приговорен к пятнадцатимесячному заключению и отправлен в тюрьму.

Наблюдатели ожидали, что сенатор Трумэн отречется от своего бывшего благодетеля. Однако, ко всеобщему удивлению, тот осмелился выступить в Конгрессе с заявлением, фактически дезавуировавшим американскую судебную систему: Пендергасту, мол, следует рассчитывать на справедливое рассмотрение его дела «с такой же вероятностью, с какой на это может надеяться еврей в суде гитлеровской Германии или троцкист в суде Сталина»¹⁶³. А вслед за этим в беседе с журналистами Трумэн заявил: «Он был моим другом, когда был мне необходим. Я не отношусь к тем, кто покидает тонущий корабль»¹⁶⁴.

Когда же в январе 1945 года Пендергаст умер, Трумэн, только перед этим прошедший вместе с президентом Рузвельтом инаугурацию в качестве вице-президента, на военном самолете прилетел в Канзас-Сити для участия в похоронах, чем вызвал волну критики не только со стороны оппозиции, но и в рядах собственной партии, обвинявшей его в преданности преступнику. И на эти обвинения вице-президент ответил утверждением, что он только отдает должное памяти старого друга. «Он всегда был моим другом, как и я был его другом»¹⁶⁵.

Такое поведение Трумэна по отношению к Пендергасту на протяжении ряда лет не может быть оценено однозначно. С одной стороны, оно свидетельствовало о безусловных, хотя и косвенных связях сенатора с преступным миром, ибо босс Том был явным мафиози, который пытался соблюдать подобие внешней респектабельности, официально руководя Клубом Демократической партии в Канзас-Сити. С другой стороны, нельзя не признать определенного упорства, даже мужества Трумэна в отстаивании своего права сохранять верность старому покровителю (его оценка Пендергаста как друга была явным преувеличением). Даже открытые враги вынуждены были признать, что сенатор и вице-президент Трумэн готов платить по долгам.

2. Сенатские будни

Возвратимся, однако, в середину 1930-х годов.

В то время сенаторы Соединенных Штатов располагали очень небольшим штатом сотрудников. У Трумэна были секретарь, помощник по конкретным поручениям и две машинистки, которые одновременно выполняли всю остальную техническую работу в офисе. Незаменимым для Трумэна с первых дней его работы в сенате стал его секретарь Виктор Мессал. Последний остался без работы после того, как его прежний наниматель член палаты представителей от Миссури Франк Ли потерпел поражение на выборах. Мессал вспоминал, что вначале он не хотел сотрудничать с Трумэном на постоянной основе, считая его несамостоятельным политиком, и только согласился помочь ему в бытовом устройстве в Вашингтоне. Но вскоре взаимоотношения наладились, Мессал признал деловитость и скрупулезность нового сенатора и подписал с ним контракт, который действовал девять лет. Несколько лет в офисе сенатора работала машинисткой и жена Мессала Айрин¹⁶⁶.

Мессал оказался незаменимым помощником. Человек трудолюбивый и знающий, знакомый со всеми входами и выходами столичных учреждений, к тому же хорошо осведомленный в финансовых делах (в течение ряда лет успешно играя на бирже), он занимался не только чисто служебными делами Трумэна, но и заботился о нем, когда Бесс была не в Вашингтоне. Имеются многочисленные свидетельства, что Трумэн никогда не игнорировал советов Мессала¹⁶⁷.

Гарри Трумэн поначалу вел себя на Капитолийском холме весьма осторожно. Устанавливая контакты с членами палаты представителей и сената, он постоянно подчеркивал перед ними свою неопытность, желание научиться у знающих коллег, действовать в гармонии с ними. Точно так же он поступал, вступая в контакты с ведущими представителями прессы. Последним такие приемы были хорошо знакомы, но и на них скромность Трумэна производила благоприятное впечатление¹⁶⁸.

В то же время Трумэн уклонялся от контактов с наиболее консервативными сенаторами, хотя и не вступал с ними в прямые стычки. Характерен эпизод, происшедший в августе 1935 года. В один из дней Гарри выпала честь впервые председательствовать на заседании сената. Дело в том, что председателем сената по должности является вице-пре-

зидент США, который приходит на заседание и ведет его только в исключительных случаях, в остальное же время сенаторы председательствуют по очереди. Случилось так, что как раз в этот день выступал отъявленный демагог Хью Лонг (по кличке *Kingfish* — Королевская рыба), который возглавлял популистское движение против рузвельтовского «нового курса». Лонг выдвигал программу «разделения богатства» (именно так называлась созданная им в 1934 году организация), введения жесткого прогрессивного налога, постоянно конфликтовал с крупнейшими финансовыми объединениями*.

Непредсказуемый, дерзкий, постоянно ведущий себя похамски, не гнушавшийся недостойными средствами, Лонг в этот день решил устроить так называемый филибастер (от слова флибуштерство, пиратство). Филибастер — это обструкция парламентских прений, затягивание принятия решения, главным образом при помощи бесконечных выступлений на тему и не по теме прений. На этот раз продолжительность выступления Лонга составила 15 часов 30 минут (без перерыва!). Он обрушился на «новый курс», в частности на внесенный президентом законопроект о социальном обеспечении, на том основании, что его проведение предоставляет работу политическим противникам Лонга в его родном штате Луизиана. Лонг зачитывал Конституцию США со всеми ее поправками, огромные выдержки из пьес Шекспира и даже рецепты приготовления устриц¹⁶⁹.

Постепенно зал заседаний пустел. Вскоре на своих местах остались два-три сенатора. Завершив свое сольное выступление, Лонг обратился к Трумэну с вопросом, понравилось ли оно. Гарри, судя по его воспоминаниям, ответил: «Я вынужден был выслушать вас, потому что сидел в этом кресле и не имел возможности выйти»¹⁷⁰. Имея в виду осторожность нашего героя и его нежелание попадать в непредвиденные ситуации, можно предположить, что в своих воспоминаниях Трумэн заострил свой ответ Лонгу, что в действительности он отделался ничего не значившими фразами, чтобы не наживать открытого врага, не лезшего за словом в карман и готового на любые подлости, чтобы отомстить тем, кого он невзлюбил.

* Российскому читателю и зрителю биография Лонга известна по переведенному роману Р. Уоррена «Вся королевская рать» и советскому фильму по этому роману (режиссер А. Гуткович) под тем же названием с Г. Жженовым в главной роли.

Но тот факт, что Трумэн решительно отвергал лонговскую демагогию, несомненен. Более того, по мнению Маргарет Трумэн, ее отец даже ненавидел Лонга, считая его не просто демагогом, а бездельником, не вникающим в сенатские дела, просматривавшим повестку дня и этим ограничивавшим свою деятельность¹⁷¹. Неизвестно, как бы сложились дальнейшие отношения — в следующем месяце Хью Лонг, намеревавшийся выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1936 года, был убит неким доктором Вайсом в здании Капитолия штата Луизиана. После этого популистское движение против «нового курса» несколько заглохло.

Трумэн всячески стремился к сближению с наиболее влиятельными приверженцами Рузвельта, прежде всего с теми из них, кто энергично проводил законодательство «нового курса» в Конгрессе. Среди них надо прежде всего назвать вице-президента Джона Гарнера, на которого новый сенатор произвел положительное впечатление своей преданностью официальной линии Белого дома. Несколько раз Гарнер принимал Трумэна в своей резиденции, а затем представил его как энергичного сторонника Рузвельта другим влиятельным сенаторам, в частности лидеру демократического большинства Джо Робинсону, а также Сэму Рэйберну, Роберту Вагнеру, Гамильтону Льюису.

Многие вопросы решались за кулисами, обычно во время компанейских обедов с изрядными возлияниями. Трумэн, как мы знаем, не был особым поклонником спиртного, но должен был приспособливаться к обычаям, чтобы его не сочли чужаком или снобом. Опытные сенаторы указывали Гарри, что он ведет себя слишком робко, что ему следует проявлять себя активнее, зарабатывать очки, приобретать национальную известность. Гамильтон Льюис из Иллинойса, которому пошел уже восьмой десяток и который получил прозвище погонщика демократов в Конгрессе, поучал Трумэна: «Не начинай с комплекса неполноценности. Первые шесть месяцев ты удивлялся, как попал сюда, а теперь надо удивляться, как попали сюда другие»¹⁷². На этих встречах сенаторы были цинично откровенными, их шуточки окрашивались в расистские тона, часто звучали анекдоты о сверхсексуальности черных и тому подобном. Трумэну явно нравились такие откровения¹⁷³.

Поддерживая главным образом неофициальные отношения с явными рузвельтовцами, считая некоторых из них своими друзьями, Трумэн в то же время устанавливал

контакты с сенаторами других политических взглядов — независимыми, умеренными консерваторами из числа демократов и даже некоторыми республиканцами. Так он приобретал определенную популярность, которую считал главным своим достижением во время первого срока пребывания в высшем законодательном органе.

В 1939 году Гарри рассказывал в письме Бесс о пьянке, которую он устроил по возвращении из Миссури, привезя оттуда свежую фермерскую ветчину. В пикнике участвовали вице-президент Гарнер и десяток сенаторов. В письме выражалось полное удовлетворение дружеским отношением к нему, особенно в связи с тем, что вскоре истек шестилетний срок его сенаторства, и собеседники единодушно выражали надежду, что он будет переизбран. «Я настолько сошел с ума, что верю в их искренность. Они, наверное, именно так думают, а упомянутые джентльмены-алкоголики держат все под контролем»¹⁷⁴. Осведомленный миссурийский журналист Дьюк Шу высказывал мнение, видимо несколько преувеличивая, что к этому времени Трумэн стал одним из самых популярных сенаторов¹⁷⁵. Хотя это и не было вполне достоверно, суждение само по себе показательное.

Если политическое влияние Трумэна постепенно росло и он превращался в более или менее влиятельного законодателя, то его материальное положение оставалось, правда, не скудным, но во всяком случае весьма скромным. Десятитысячная годовая зарплата могла вполне удовлетворить семью в провинции, но в столице цены были значительно выше, чем в других местах (некоторые сенаторы платили по полторы тысячи долларов за квартиру¹⁷⁶), а у конгрессмена была масса дополнительных расходов (вспомним почти обязательные пирушки, которые устраивались регулярно и являлись частью политического существования). Кроме того, Гарри регулярно посылал хотя бы небольшие суммы своей престарелой матери и теще, за чем бдительно следила Бесс, никогда не дававшая свою маму в обиду.

В свою очередь Марта Эллен, сохранявшая ясность ума и жизненную активность, хотя она завершала уже свой девятый десяток, неизменно именовавшая себя «мама Трумэн», благодарила старшего сына за помощь, внимательно следила за его деятельностью и внушала ему: «Надеюсь, у тебя все в порядке в твоих комитетах и ты хорош в них, но не читай слишком много и не напрягай свои глаза»¹⁷⁷.

Немалые деньги приходилось тратить на еженедельные приемы сенаторских жен, которые подчас появлялись

в доме Трумэн с мужьями. Было заведено негласным протоколом, что по четвергам во второй половине дня супруга сенатора должна пребывать дома, потому что могут появиться незванные-негаданные гости — предупреждать о визите протоколом не было предусмотрено¹⁷⁸.

Подчас Гарри оставался почти без денег. Однажды, получив от приятеля чек на 24 доллара (возврат долга), он писал ему: «Это произошло так кстати, что я снова стал платежеспособным»¹⁷⁹.

В отличие от многих сенаторов Трумэн не имел других значительных источников дохода, кроме оклада (игра на бирже, которую от его имени иногда вел секретарь Виктор Мессал, приносила незначительные средства), сбережений почти не было. Тем не менее Трумэн не принимал сколько-нибудь значительных подношений и тем более косвенных взяток. Он не возражал, когда ему приносили бутылку виски, но решительно отклонял оплату за выступления или даже появление в публичном месте (на благотворительном обеде, собрании и т. п.). Он с негодованием отклонил предложение выступить с рекламой сигарет «Лаки страйк» и в связи с тем, что не курил, и в принципе, полагая, что сенатору негоже популяризировать частную фирму. Он писал Бесс, что не желает, чтобы его приятели рассуждали, сколько денег надо потратить, чтобы его купить¹⁸⁰. Биограф пришел к обоснованному выводу, что, не имея лишних денег, «семья вела существование на грани среднего класса, живя в комфортабельных, но тесных квартирах, пытаясь соблюдать сенаторские манеры, но совершенно не продвигаясь вперед»¹⁸¹.

К чести супруги, надо отметить, что Бесс вполне устраивало скромное существование. Она постепенно привыкла к жизни в столице, по мере сил помогала мужу, в частности поддерживая связи, устраивая малозатратные приемы (приглашая на чай) для сенаторских жен и считая, что такое времяпрепровождение мало чем отличается от «социализации» (общения между людьми) в Канзас-Сити. Маргарет вспоминала, что это были самые приятные времена, которые она когда-либо проводила со своей матерью, настроение которой в столице явно улучшилось¹⁸².

Да и подрастающая девочка чувствовала себя в Вашингтоне как в своей тарелке. Спокойная и общительная, с живым творческим умом, она быстро отвыкла от провинциальной рутины и вела себя на равных с детьми столичных аристократов, обучавшимися в привилегированной част-

ной школе Ганстон-Холл. Точнее говоря, Маргарет легко переключалась со столичной жизни на провинциальную и наоборот, так как часть учебного года она по-прежнему училась в Канзас-Сити, куда на несколько месяцев в году обычно отправлялась вместе с матерью.

У Маргарет проявились музыкальные способности. Отец надеялся, что она будет серьезно учиться игре на фортепиано, но у девочки был хороший голос, и она мечтала о карьере оперной певицы. Одновременно Маргарет пробовала свои силы в литературе. Ее сочинения получали высокую оценку в школе как творческие и стилистически совершенные. Пока все же интерес к музыке преобладал. Она была счастлива, что, несмотря на скромные доходы отца, он смог собрать деньги и сделать ей дорогой подарок — рояль взамен дешевого пианино¹⁸³. В 17 лет Маргарет впервые выступила перед публикой. Правда, ни она не видела публики, ни публика — ее: это было участие в воскресном концерте по радиостанции «Эн-би-си»¹⁸⁴.

Нельзя сказать, однако, что жизнь в Вашингтоне, парламентская работа, при всем ее однообразии, протекала совершенно спокойно. Приспособление к столичным условиям долгое время давалось нелегко. Немолодой уже Трумэн жаловался жене на перегрузки, на частые головные боли, а позже и на приступы тошноты и общую переутомляемость. В августе 1937 года он вынужден был даже лечь на обследование в военно-морской госпиталь в городке Бетесда — пригороде Вашингтона в штате Мэриленд. Врачи не нашли у него серьезных заболеваний, пациенту было предписано соблюдать диету и похудеть. Предписание строго соблюдалось, но состояние не улучшилось. Через месяц с лишним по настоянию Бесс Гарри вновь оказался в больнице, на этот раз в армейском госпитале в штате Арканзас, о высокой квалификации врачей которого Бесс сообщили знакомые. На этот раз тщательное обследование показало небольшой воспалительный процесс в сердечной мышце и эдему (отек, скопление жидкости) в подколенной полости. Что касается головных болей и тошноты, то они были признаны результатом близорукости и астигматизма. Гарри были прописаны новые очки, рекомендованы физические упражнения и, естественно, ограничение умственной деятельности.

Тот факт, что серьезных хронических болезней у него не было, придал Трумэну бодрости. Он вновь почувствовал себя работоспособным и активным. «Я не могу просто

сидеть и ничего не делать»¹⁸⁵, — писал он жене двумя годами ранее. Такое же настроение теперь вновь к нему возвратилось.

3. Казусы «нового курса»

Трумэн со все большей интенсивностью вникал в законотворчество и другие сферы деятельности Конгресса, в частности в работу комитетов и комиссий, которые не только рассматривали законопроекты, но и проводили разного рода расследования. При этом позиция Трумэна по основным внутриполитическим вопросам, да отчасти и по внешней политике, была глубоко противоречивой. Сущность противоречия удачно сформулировал Н. В. Злобин: «Отношения Гарри Трумэна и президента Рузвельта всегда носили двойственный характер. Они не любили друг друга. Однако безоговорочная поддержка, которую оказывал Трумэн политике “нового курса”, была Рузвельту необходима, ибо Трумэн представлял Средний Запад страны, где сам Рузвельт не пользовался большой популярностью. Но сделать Трумэна слепым исполнителем своей воли, “мальчиком на побегушках у Белого дома” президент так и не смог. Трумэн знал, что президенту нельзя доверять, ибо поддержку от него можно ожидать, только если ты нужен Рузвельту в его политических целях»¹⁸⁶.

Недолюбливая Рузвельта и полностью поддерживая внутреннюю политику «нового курса», Трумэн пытался свести одно с другим при помощи верности принципам. Он писал жене, что «политика, которую он (Рузвельт. — Г. Ч., Л. Д.) проводит, по моему мнению, лучшая для страны, и работа не должна смешиваться с общими принципами»¹⁸⁷. Трумэн явно путал, в чем состоит политика и в чем — общие принципы. Но он действительно, по мере своих сил, содействовал проведению «нового курса» на всем протяжении своего первого сенатского срока.

Были, правда, отдельные случаи, когда он голосовал против предложений Белого дома, но они касались вопросов, которые он считал не принципиальными с точки зрения общего курса социально-экономического развития страны и в то же время важными для него с личной точки зрения.

Одним из них был вопрос об оплате бонусов ветеранам мировой войны. Эти бонусы (долговые обязательства)

были выданы бывшим участникам войны по ее окончании, но вопрос о сроках выплаты денег по этим бумагам (суммы зависели от разных факторов, составляя в среднем около одной тысячи долларов на человека) никак не решался. Когда же были подсчитаны требуемые суммы, оказалось, что их выплата просто разорит казну. Власти объявили, что оплата бонусов начнется только в 1945 году. В прессе (в основном крайне левой и крайне правой) бонусы стали называть пенсиями для покойников.

Еще при прежнем президенте Гровере, в 1932 году, состоялся поход ветеранов на Вашингтон с требованием оплаты бонусов. Лагерь ветеранов, разбитый в окрестностях столицы, был разогнан полицией и армией, причем разгоном руководил сам начальник штаба армии США Дуглас Маккартур, сопровождаемый его помощником, будущим премьерником Трумэна на президентском посту Дуайтом Эйзенхауэром. Последний, впрочем, к разгону ветеранов отнесся весьма сдержанно¹⁸⁸.

При Рузвельте вопрос об оплате бонусов вновь был поставлен на рассмотрение Конгресса вопреки воле президента, полагавшего, что их выкуп может начаться только после того, как будут стабилизированы финансы страны. Большинство обеих палат высказалось за оплату бонусов в полном объеме. Именно такой позиции придерживался Трумэн, энергично отстаивавший права ветеранов. Соответствующий закон был принят в 1935 году. Рузвельт наложил на него вето, которое было преодолено двумя третями голосов в обеих палатах. Закон 1936 года о компенсационных платежах ассигновал два миллиарда долларов на оплату бонусов¹⁸⁹. Трумэн торжествовал, что был в числе тех демократов, которые одержали победу над президентом от собственной партии.

Почти по всем остальным вопросам, за исключением нескольких мелочей (речь шла о небольших увеличениях или уменьшениях ассигнований на то или иное мероприятие), Трумэн, как и вся демократическая фракция сената, голосовал в полном единодушии с волей Рузвельта.

В отдельных случаях, когда фракция не была единодушна, он поддерживал позицию президента, даже тогда, когда «старший» сенатор от Миссури Беннет Кларк занимал другую позицию в соответствии с пожеланиями местных политиков и политиканов, в частности Пендергаста. Так было, например, в 1935 году, когда рассматривался внесенный Рузвельтом проект закона об общественных коммуналь-

ных услугах (закон Уилера — Рэйберна), регулировавший и ограничивавший деятельность компаний, производивших электроэнергию и снабжавших ею потребителей. В интервью местной газете Трумэн высказался отчетливо: «Некоторые меры защиты должны быть приняты публикой, затрачивающей свои средства, против операторов, действующих произвольно, и бессовестных подстрекателей, которые используют холдинговые компании, чтобы обокрасть мелких инвесторов»¹⁹⁰.

Другой принципиальной проблемой, по которой Трумэн, правда после некоторых колебаний, поддержал позицию Рузвельта, являлось изменение состава Верховного суда США.

Верховный суд — третья, наряду с Конгрессом и президентом, ветвь государственной власти, имеющая право отменить любой закон, признав его противоречащим конституции. Верховный суд исключительно важен в системе государственных сдержек и противовесов. Но, естественно, в любом органе заседают не манекены, а люди, складывается определенное соотношение сил, которое и определяет позицию органа в целом. Назначают членов Верховного суда президенты, причем назначают бессрочно (решение президента утверждается Конгрессом). Судья либо может покинуть свой пост в результате добровольной отставки, либо остается таковым до самой смерти. В связи с тем, что на протяжении всех 1920-х годов у власти стояла Республиканская партия, по основным вопросам занимавшая более правые позиции, чем демократы, в Верховном суде сложилось консервативное большинство.

В начале «нового курса» Верховный суд помалкивал, чтобы не обрушить всю государственную систему, но когда положение стало стабилизироваться, судьи выступили против мер государственного регулирования экономики и социальных отношений. За полтора года — в 1935-м и в первой половине 1936 года — Верховный суд отменил 11 законов, принятых по заявкам Рузвельта, в том числе такие принципиальные, как законы о восстановлении промышленности и о развитии сельского хозяйства. По поводу второго закона в решении суда говорилось, что если он будет сохранен, США превратятся в «централизованное государство, осуществляющее неконтролируемую власть над всеми штатами Союза, отменяющее любой местный контроль или регулирование по делам, которые относятся к ведению штатов»¹⁹¹. Рузвельт был возмущен этим решением, считая его просто бессмыс-

ленным, ибо государственная аграрная политика должна была проводиться в масштабах всей страны.

Считая нецелесообразным вступать в открытый бой перед очередными президентскими выборами, Рузвельт в 1936 году пытался обойти запреты Верховного суда, внося новые законопроекты или издавая исполнительные распоряжения (так назывались президентские акты, в том числе и по важным государственным вопросам, которые не требовали утверждения Конгресса). После вторичного избрания в ноябре 1936 года Рузвельт ринулся в атаку. В феврале 1937 года он обратился с посланием к Конгрессу, в котором предлагал провести реформу Верховного суда путем его значительного расширения (схемы «упаковки» суда).

Президент действительно был крайне раздражен поведением судей, считал, что они воспитаны в старую эпоху, не понимают реалий, препятствуют ему в проведении мер, жизненно необходимых для прогресса нации. О заместителе председателя суда Джеймсе Макрейнолдсе он ехидно заметил на заседании правительства, что он останется в суде, даже когда ему исполнится 105 лет. Макрейнолдсу в это время шел 75-й год, но уходить в отставку он не собирался. Рузвельт подумывал одно время о внесении принципиальных изменений в Конституцию США, которые то ли вообще ликвидировали бы Верховный суд, то ли лишили бы его «необъятных полномочий». Столь далеко, однако, по здравом размышлении президент не пошел¹⁹².

В предложенном Рузвельтом законопроекте предусматривалось, что, если член Верховного суда по достижении семидесяти лет не уходит в отставку, президент назначает дополнительного судью, пополняя таким образом высший судебный орган своими сторонниками. Правда, в Конгрессе возникла оппозиция предложению президента. Опасаясь, что его предложение будет провалено, Рузвельт отказался от коренного реформирования Верховного суда. В июне 1937 года был принят закон, вносивший в судебную систему не столь серьезные изменения. Предусматривалось, что судьи, достигшие семидесятилетнего возраста, отходят от активной деятельности, но сохраняют свой пост и оклад. О пополнении речи не было¹⁹³.

Непонятно было, правда, как станет функционировать Верховный суд, если постепенно его члены отойдут от работы, не уходя с должности. Не может быть, чтобы законодатели и администрация не подумали об этом. Видимо, была достигнута джентльменская договоренность об уходе

в отставку по возрасту и, соответственно, о назначении новых судей. Именно так и произошло, а в дальнейшем стало негласной нормой, что судья, достигнув семидесятилетнего возраста, уходит на заслуженный отдых.

Колебания Трумэна в начале обсуждения вопроса о Верховном суде проистекали из того, что он, как и многие другие сенаторы, считал намечаемые меры нарушением баланса трех ветвей власти и, следовательно, основ американской политической системы.

По здравом размышлении Трумэн, однако, полностью присоединился к позиции Рузвельта, а по мере того как позиция президента смягчалась, приспосабливался к новым обстоятельствам, колебался «вместе с линией». В любом случае он был убежден, что состав Верховного суда необходимо менять, и выражал это мнение как в Конгрессе, так и вне его. Выступая в Канзас-Сити на массовом собрании (присутствовали свыше трех тысяч человек), он убеждал, что реформировать Верховный суд необходимо, так как он в течение пятидесяти лет «упакован» (обратим внимание, что применялась рузвельтовская риторика) одними лишь консерваторами. Любопытна была и аргументация по поводу того, какая часть его корреспондентов поддерживала законопроект, а какая была против него: сторонники писали, мол, на дешевой бумаге от руки и вкладывали письма в дешевые конверты, а противники печатали на машинке на дорогой бумаге и пользовались красивыми конвертами.

В местной газете отчет об этом выступлении Трумэна был опубликован под крупным заголовком «Долой экономических роялистов, которые пользуются пишущими машинками!»¹⁹⁴. В то же время Трумэн выступал против внесения поправок в конституцию по поводу Верховного суда, считая, что «достаточно ее либеральной интерпретации»¹⁹⁵.

В отдельных случаях президент косвенно обращался к помощи Трумэна, когда возникала угроза, что выдвигаемое им законодательное предложение может не собрать нужного числа голосов. В марте 1939 года, например, в сенате обсуждался вопрос о предоставлении президенту значительно больших полномочий в руководстве исполнительными агентствами и министерствами, минуя Конгресс. Такая мера, по мнению Рузвельта, была особенно необходима в условиях крайнего обострения международного положения, агрессивной политики гитлеровской Германии, которая захватывала или подчиняла себе одну европейскую страну за другой.

Тем не менее Конгресс, всегда крайне озабоченный любым ущемлением своих прав, колебался. В сенате законопроект вполне мог провалиться. По просьбе помощника Рузвельта Стива Эрли Трумэн, находившийся в это время у себя на родине, прилетел в Вашингтон, несмотря на сильную грозу, и принял участие в голосовании. Действительно, за предложение президента было подано 29, а против 28 голосов¹⁹⁶. Голос Трумэна оказался, таким образом, в каком-то смысле решающим.

Для того чтобы подчеркнуть эту свою роль, Гарри позвонил Стиву Эрли и заявил, что ему надоело быть «мальчиком на побегушках у Белого дома». Видимо, помощник сразу доложил Рузвельту о состоявшемся разговоре, ибо сенатор был вслед за этим приглашен на встречу с президентом, во время которой Рузвельт вел себя подчеркнуто любезно и даже признал, что в текучке дел он подчас забывает о таких верных союзниках и друзьях, каковым считает сенатора Трумэна. Об этой встрече Гарри подробно написал своей супруге. Он пытался как можно более выпукло обрисовать свою роль и недостаточную благодарность Рузвельта, но видно было, что Трумэн был очень горд признанием Белым домом его заслуг, хотя вновь, как и ранее, противопоставлял практические дела и некие принципы: президент ненадежен, но «дела, за которые он выступает, по моему мнению, — наилучший вариант для страны, и общие принципы не должны мешать текущим делам»¹⁹⁷.

В чем же все-таки состояло противоречие между практическими делами и принципами, на которое не раз обращал внимание Трумэн? Дело в том, что, поддерживая «новый курс» в целом, выступая за рузвельтовские законопроекты и голосуя за них, Гарри считал, что президент заходит слишком далеко в своих инициативах по государственному регулированию экономической и социальной жизни, по формированию такого общества, которое уже после эпох и Рузвельта, и Трумэна назовут «государством всеобщего благосостояния».

Биограф Трумэна Хэмби публикует ряд выдержек из выступлений и писем своего героя, которые свидетельствуют о названном противоречии. Приведем лишь три из них. 24 января 1936 года: «Я против предоставления хотя бы мелкой монеты тем, кто может работать, имеет для этого возможность, но этого не делает». 26 февраля 1936 года: «Никто не желает, чтобы правительство занималось бизнесом. Мне особенно отвратителен вашингтонский бюрократ — это

худшая форма политического паразита». 5 января 1938 года: «Уменьшить налоги на небольшие корпорации, заставить рабочих и бизнес сотрудничать, провести как можно меньше законов, распустить Конгресс и дать возможность законодателям отправиться по домам». Эти суждения, по мнению Хэмби, «отражают его природу администратора, заботящегося о бюджете, являвшегося продуктом либерального индивидуализма XIX века, и моральным абсолютистом, глубоко верившим в традиционные ценности американского среднего класса»¹⁹⁸.

Авторам этой книги представляется, что Хэмби существенно идеализирует Трумэна. Высказывания Гарри по разным поводам и в различное время были настолько различны и даже противоречивы, что трудно, как мы полагаем, обнаружить у него какую-либо единую систему ценностей, устойчивый комплекс социальных воззрений. Он, разумеется, не был сознательным защитником интересов крупного бизнеса, ему действительно были ближе интересы среднего класса, к которому он изначально принадлежал. Но это не породило у него какой-либо враждебности к крупному капиталу и корпорациям, точно так же как не вызвали у него глубокого сочувствия лишения общественных низов. Став политиком-демократом (в смысле партийной принадлежности) по семейной традиции, Гарри продолжал развиваться как карьерный политический деятель, корректировавший свои позиции в зависимости от обстоятельств. По существу дела, с этим согласен и только что названный автор: «Трумэновский либерализм... был делом практической политики во имя преимуществ избирательных групп по интересам»¹⁹⁹.

4. Комитеты Конгресса США

В наибольшей степени интересы Трумэна в сенате сосредоточились в той области, которая стояла несколько в стороне от главных направлений «нового курса», хотя и была с ними связана. Зато она прямо вытекала из тех занятий, которые находились в центре его внимания в период работы в провинциальной администрации. Это была работа в сенатском Комитете по межштатной торговле, занимавшемся главным образом транспортными проблемами, и в находившейся в ведении обеих палат Комиссии по межштатной торговле. Хотя работа этих органов привлека-

ла мало внимания прессы и не находилась в центре общественных дебатов, она действительно была важна, так как затрагивала интересы как коммерческих перевозчиков, так и пассажиров, состояние дорог, государственное участие в дорожном строительстве и ремонте, занятость и заработную плату соответствующих работников и т. д.

Специфической областью внимания законодателей становилась только еще формировавшаяся гражданская авиация. Возникали многочисленные малые авиационные компании, которые отчаянно конкурировали между собой, в частности добываясь государственного покровительства и субсидий. В 1937 году, наряду с Комитетом и Комиссией по межштатной торговле, которые также проявляли интерес к авиационным перевозкам, под патронажем Конгресса в качестве автономного ответвления Комиссии по торговле были созданы авиационная подкомиссия и под ее руководством Управление гражданской авиации.

Трумэну, являвшемуся членом как комитета, так и комиссии (в комитете он был членом подкомитета по железным дорогам), в 1936 году было поручено возглавить авиационную подкомиссию.

В первый год ее существования эта подкомиссия не проявляла существенной активности, видимо, потому, что сам Трумэн был занят расследованиями фактов банкротства железнодорожных компаний, в частности подозрительной заинтересованности в благоприятном для компаний решении судами коммерческих вопросов, связанных с этими банкротствами. Трумэном и его помощниками были установлены факты недобросовестности нескольких финансовых заведений и правовых фирм Нью-Йорка, после чего последовали судебные дела.

В этой работе Трумэн тесно сотрудничал с сенатором от штата Монтана Бертоном Уилером.

Совместно они подготовили законопроект о транспорте, который в значительной мере устранил финансовый хаос, царивший до этого на железных дорогах и водных путях. Подписанный Рузвельтом 18 сентября 1940 года, закон впервые внес определенный порядок в работу водного транспорта, как в пределах страны, так и на океанских просторах. Точно так же закон вводил единообразие в функционирование железных дорог. Устанавливалось, что определение максимальных и минимальных тарифов подлежит утверждению коммерческой комиссией, которая также должна была теперь давать разрешения на создание

новых транспортных компаний, определять размеры налогов, уплачиваемых компаниями. Был образован совет по исследованию эффективности различных видов транспорта. В целом закон был значительным шагом вперед в функционировании всей транспортной системы США²⁰⁰.

Когда уже законопроект Трумэна — Уилера был в основном подготовлен и вступил в стадию обсуждений, которые длились почти три года, внимание Трумэна постепенно сосредоточилось на вопросах, связанных с авиационным транспортом. Оно стимулировалось тем, что в 1938 году с инициативой подготовки законодательства в этой области выступил председатель Комитета по межштатной торговле сенатор Пэт Маккаррен из штата Невада. Между Маккарреном и Трумэном развернулись ожесточенные дебаты, часто переходившие в личностные нападки, в результате чего был подготовлен законопроект о гражданской авиации, прошедший через Конгресс сравнительно быстро и утвержденный в том же году. Согласно закону, Управление гражданской авиации становилось единственным государственным учреждением, утверждавшим стоимость билетов и других услуг авиации, распределявшим воздушные пути между компаниями.

Правда, в 1940 году распоряжением Рузвельта Управление гражданской авиации было разделено на два органа. Один из них сохранил название прежнего учреждения с крохотным уточнением (Администрация гражданской авиации, что звучало не столь властно), второй получил наименование Совет гражданского воздушного флота (в его функции было включено обеспечение безопасности на воздушных линиях и расследование несчастных случаев, остальные функции сохранились за Администрацией)²⁰¹.

Закон был внесен Маккарреном и получил его имя. Трумэн был этим недоволен. Он считал, что внес настолько значительный вклад в подготовку документа, что он должен был фигурировать под двумя именами. Он действительно внес ряд уточнений в проект. Журнал «Нейшнл ээронаутикс» («Национальная аэронавтика») оценивал его как «скромного и способного западного государственного деятеля... друга и покровителя воздушного транспорта»²⁰².

Маккаррен со своей стороны весьма раздраженно относился к вмешательству Трумэна. Оба они до конца своей жизни сохранили недружелюбие друг к другу, отпуская в адрес конкурента язвительные ремарки²⁰³.

Не все проекты, которые отстаивал Трумэн, превратились в законы. Он, например, выступил в 1937 году с пред-

ложением о разработке федеральных стандартов для водительских прав, чтобы права, выданные в каком-либо штате, действовали на всей территории страны. Проект удалось в 1938 году провести через сенат, но комиссия по законодательству палаты представителей даже не поставила его на рассмотрение²⁰⁴.

Приблизительно полтора года первого срока пребывания Трумэна в сенате были связаны со сложным и противоречивым его противостоянием с губернатором штата Миссури Ллойдом Старком, избранным на этот пост в 1937 году. Старк, являвшийся, как и Трумэн, ветераном мировой войны, был по своим взглядам недалек от него, был активным членом Демократической партии и сторонником «нового курса». Но, возглавив местную администрацию при прямой помощи Пендергаста, он развернул против своего бывшего покровителя энергичную борьбу, считая его шефом и вдохновителем всех взяточников и казнокрадов штата.

Являясь теперь деятелем общеамериканского масштаба, Трумэн в борьбе Старка против Пендергаста и его клики оказался на стороне своего бывшего босса, которого не пожелал покинуть в трудное время, считая это долгом своей чести и своеобразным психологическим обязательством. Началось с того, что в первых числах мая 1938 года со стола сенатора исчезла фотография Старка с его автографом. Когда же посетители стали задавать по этому поводу вопросы, Трумэн обычно отвечал, что фотография находится в шкафу для одежды и обращена лицом к стене. На этом, естественно, расспросы прекращались²⁰⁵.

Вслед за этим каждый раз, когда Трумэн сталкивался с делами в родном штате, особенно когда приезжал в Канзас-Сити или другие места, находившиеся под административным руководством Старка, он высказывался против губернатора, принимал участие в направленных против него кампаниях. В начале января 1940 года Гарри, например, участвовал в собрании в городе Спрингфилде, на котором присутствовали свыше семисот человек, недовольных деятельностью губернатора, в частности его мерами против партийной «машины» Пендергаста, и считавших, что эти меры направлены против Демократической партии. В другом месте того же Спрингфилда одновременно собрались сторонники Старка. Только полицейские меры предотвратили прямое столкновение между двумя группами²⁰⁶.

СЕНАТОР. ВТОРОЙ СРОК

1. Выборы 1940 года

Посещение Миссури, о котором мы рассказали в конце предыдущей главы, было началом второй предвыборной кампании Трумэна, решившего без долгих уговоров вновь баллотироваться в сенат. Он счел, что, несмотря на сопротивление губернатора, сможет одержать победу. Демократическая партия по-прежнему обладала в штате явным преимуществом. Что же касается фракций в партии, то последователи Пендергаста, который считал Старка, избранного при его помощи, предателем, составляли большинство и контролировали основные местные газеты. Именно Старк оказался главным оппонентом и объектом атак Трумэна во время этой избирательной кампании, тем более что и он выдвинул свою кандидатуру в сенат.

Трумэна поддержали ряд сенаторов-демократов, в том числе такие видные рузвельтовцы, как Роберт Вагнер и Олбен Баркли, инициаторы ряда законов «нового курса». Баркли направил избирателям Миссури специальное послание, в котором горячо ратовал за Трумэна. Помимо разрешенных сборов пожертвований на избирательную кампанию, были использованы и секретные фонды, включая четыре тысячи долларов, предоставленных известным финансистом и советником Рузвельта Бернардом Барухом. В сенате было инициировано расследование деятельности губернатора Старка, которого обвиняли, в частности, в том, что свою предвыборную кампанию он проводил, опираясь на того же Пендергаста, которого теперь преследовал. Друзья Трумэна организовали сбор высказываний сенаторов в его пользу²⁰⁷.

Помогла Трумэну и поддержка профсоюзов, прежде всего транспортных рабочих и служащих, которые относили к его заслугам упорядочение на железных дорогах и водных путях, что привело, в числе прочего, к некоторому повышению зарплаты и улучшению условий труда. Братство железнодорожников провело два крупных уличных выступления — в Канзас-Сити и Сент-Луисе — в его поддержку и выпустило специальный номер своей газеты «Лейбор» («Труд»), посвященный кампании и заполненный хвалебными материалами. В Миссури были распространены полмиллиона экземпляров этого номера. В поддержку Трумэна

выступил весьма влиятельный президент Американской федерации труда (АФТ) Уильям Грин²⁰⁸.

Прежнюю избирательную кампанию Трумэн проводил, дискутируя только по вопросам внутренней политики. Теперь, в 1940 году, когда бушевала уже новая мировая война, он не мог ограничиться лишь экономическими и социальными проблемами своей страны. К осени 1940 года Германия и СССР разделили Восточную Европу, капитулировала Франция, считавшаяся до середины 1930-х годов сильнейшей континентальной державой, немецкая авиация начала бомбардировки Лондона и других британских городов. Судя по всему, Германия готовилась к высадке своих войск в Великобританию.

Во всех предвыборных выступлениях Трумэн теперь высказывался по вопросам, связанным с войной, но делал это в очень осторожных тонах. Он не был полным изоляционистом, как некоторые сенаторы и члены палаты представителей. Трумэн считал необходимой экономическую и военную подготовку на случай вовлечения в войну, если это произойдет против воли американского народа, но он возражал против призыва в армию и тем более против прямого вступления в конфликт с Германией.

Но в то же время сама риторика, высказывания об опыте двадцатилетней давности и якобы решающей роли США в победе Антанты в Первой мировой войне благоприятствовали его кампании. И он сам, и его сторонники при случае напоминали, что сам кандидат участвовал в боях на территории Франции и готов в случае необходимости использовать свой военный опыт на пользу родине. С этой целью была проведена довольно длительная поездка по лагерям американской армии, в ходе которой Трумэн прилагал все силы, чтобы продемонстрировать свои качества военного эксперта²⁰⁹.

Одним из главных вопросов, от которого зависел исход выборов, было отношение к кандидатам со стороны государственной администрации, которая отождествлялась с руководством Демократической партии.

Старк всячески представлял себя в качестве креатуры Белого дома. Несколько раз он посещал Вашингтон, был принят президентом. Распространялись слухи (скорее всего, именно губернатор был их источником), что президент намеряет Старка на пост военно-морского министра — должность особенно важную в условиях начавшейся мировой войны. В свою очередь Трумэн считался одним из ярких

поборников «нового курса», энергичным проводником соответствующих законов в сенате. Однако личные отношения между ним и президентом в это время были напряженными в связи со все той же проблемой организованной преступности в штате Миссури и отношением к Пендергасту. По этому вопросу преимущество было явно на стороне Старка.

Официально Рузвельт отказался выступить в пользу того или иного кандидата от штата Миссури. Но все же по некоторым признакам представлялось, что президент в большей степени благоволит к Трумэну. Видимо, он не считал Старка достаточно опытным государственным деятелем для законодательной работы национального масштаба. Возможно, он относился к нему с известным подозрением в связи с тем, что губернатор, будучи избранным при помощи Пендергаста, вслед за этим начал преследовать своего покровителя.

В августе 1939 года в числе группы сенаторов Трумэн был принят в Белом доме. Во время встречи президент вроде бы пошутил, но, по существу дела, произнес вполне серьезно несколько слов, обращаясь лично к Трумэну: «Я не верю, что ваш губернатор действительно либерал. У него нет чувства юмора. Он преувеличивает свое я». Обмениваясь мнениями по дороге домой, сенаторы единодушно сделали вывод, что Рузвельт поддерживает Трумэна. Однако ни одного прямого высказывания в пользу Гарри президент так и не произнес²¹⁰.

Надо, однако, сказать, что официально Трумэн начал свою избирательную кампанию с некоторым опозданием, когда кандидаты других штатов, да и Старк, вели ее уже полным ходом. Только в речи 15 июня 1940 года в городе Седалии Гарри объявил, что намерен добиваться переизбрания. Это заявление было хорошо подготовлено и произнесено на массовом митинге, собравшем толпу около шести тысяч человек, причем присутствовал и выступил с горячей поддержкой Трумэна приглашенный на шоу сенатор от штата Вашингтон Льюис Швелленбах, активный сторонник «нового курса», считавшийся близким к президенту. Участие в мероприятии этого сенатора являлось, по утверждению прессы, свидетельством того, какова позиция президента. Привлечены были и другие влиятельные фигуры из армии, профсоюзов, церкви. На присутствующих произвело впечатление, что в митинге участвовала и 87-летняя матушка Гарри, которая приветствовала собравшихся. Трумэн показал, что он уже стал неплохим публичным политиком, мастером политической рекламы.

Выступление самого Трумэна подытоживало его предыдущие, по существу предвыборные заявления и определяло содержание последних месяцев предвыборной кампании. Он говорил о необходимости укрепления национальной обороны США в условиях мирового кризиса, как он называл мировую войну. Оратор призывал к изгнанию из США «подрывных элементов», справедливому отношению к неграм, к «честному отношению» к фермерам²¹¹. Иначе говоря, речь была выдержана в общих и осторожных тонах, но произнесена так, что должна была понравиться самым различным социальным кругам.

В свою очередь Старк пытался всячески укрепить свои позиции. Путем закулисных махинаций ему удалось добиться, что на предвыборном съезде Демократической партии он был назван в качестве кандидата в вице-президенты. Два-три дня его имя не сходило с первых газетных полос. Однако Рузвельт, который выдвигался на президентский пост в третий раз, предпочел в качестве кандидата в вице-президенты левوليберального деятеля Генри Уоллеса.

Мнения наблюдателей по поводу этого события расходятся. Большинство считали, что неудача на съезде подорвала престиж Старка. Беннет Кларк назвал происшедшее «плохо задуманным и смехотворным фиаско»²¹². Представляется, однако, что сам факт выдвижения на второй по значимости административный пост придал вес губернатору Миссури, который получил кратковременную национальную известность. А это повысило его шансы, которые до съезда были незначительными.

Завершающий этап первичной предвыборной кампании Трумэн провел почти в непрерывных поездках по пыльным дорогам штата, изнывая от жары и делая краткие остановки чуть ли не во всех населенных пунктах, повторяя призывы к усилению национальной обороны и напоминая о тех важных для населения законах, которые были проведены на Капитолийском холме при его прямом участии. Немалое внимание уделялось критике Старка в качестве губернатора. Местные профсоюзные организации, поддерживавшие Трумэна, предоставили ему средства на издание агитационных брошюр. В одной из них под названием «Вы можете узнать их по плодам их»* против Старка выдвигает

* В этом заголовке было использовано высказывание из Евангелия от Матфея (7:16) «По плодам их узнаете их».

лись даже сенсационные обвинения в злонамеренной неуплате налогов²¹³. Губернатор аргументированно опроверг обвинения. Вместо компрометации Старка эта злосчастная брошюра только повысила его шансы. К моменту праймериз его позиции явно укрепились.

Первичные выборы состоялись 6 августа 1940 года. Предварительные результаты свидетельствовали, что Старк опережает Трумэна, правда небольшим числом голосов. Гарри улегся в постель после полуночи, будучи уверенным, что потерпел поражение. Через несколько часов раздался телефонный звонок из Сент-Луиса. Бесс, поднявшая трубку, услышала поздравления и раздраженно прервала разговор, будучи уверенной, что это розыгрыш, если не издевательство. Но звонок повторился. Взяв трубку, Гарри узнал, что в этом городе он одержал победу, изменившую в его пользу общее соотношение голосов. Оказалось, что именно он стал кандидатом Демократической партии в сенат, хотя разница составляла 7966 голосов²¹⁴.

5 ноября выборы проходили по всей стране. Это был первый вторник после первого понедельника ноября високосного года, когда в США проводятся выборы президента, палаты представителей, одной трети сената и различных других органов. Рузвельт был переизбран президентом. Трумэн получил в своем штате 51,2 процента голосов, опередив республиканского кандидата Мэлвела Дэвиса, и стал во второй раз сенатором.

2. Во главе сенатских расследований

Вашингтон в начале 1941 года напоминал пчелиный улей. За вторую половину 1940 года Конгресс США по заявкам президента принял целый ряд законов, направленных на укрепление обороны страны, строительство современных вооруженных сил с преимущественным развитием боевой техники: танков, артиллерии, авиации, военно-морского флота. Соответствующим образом перестраивалась столичная бюрократическая система. Частные фирмы вели переговоры с государственными органами о предоставлении заказов. Широко использовались знакомства, нередко были прямые или косвенные взятки. Между самими представителями администрации возникали споры по поводу подписания контрактов с частными поставщиками. Выгодные заказы, естественно, получали крупные фирмы.

Средний и тем более мелкий бизнес не выдерживал конкуренции, беднел и разорялся быстрее, чем ранее.

Возобновив работу в сенате в самом начале 1941 года, Гарри Трумэн счел наиболее целесообразным для себя сосредоточить внимание на расследовании фактов недобросовестности и коррупции во взаимоотношениях между государством и частными предпринимателями, в первую очередь защищая интересы малого и среднего бизнеса.

3 февраля 1941 года Трумэна, по его просьбе, принял президент. Речь шла именно о том, что интересы государства, вполне законные и обоснованные, приходят в противоречие с чаяниями и жизненными потребностями рядовых американцев, предпринимателей средней руки, рабочих и служащих небольших предприятий, составляющих костяк тех сил, на которые опирался Рузвельт. Трудно сказать, повлияли ли на президента жалобы сенатора. Он писал на следующий день своему другу Лу Холланду, который перед этим возглавил только что созданное Управление военных ресурсов центральных штатов, что сомневается, добился ли чего-либо от Рузвельта, кроме «сердечного приема»²¹⁵.

Все же по крайней мере одного Трумэн добился — Рузвельт лучше узнавал его как активного и теперь уже компетентного сенатора, стремившегося к наиболее благоприятному сочетанию общенациональных целей и интересов широких слоев населения. Трумэн, впрочем, явно не в полной мере учитывал, что в складывавшихся обстоятельствах интересы крупного бизнеса, резко расширявшего военное производство, теснейшим образом связаны с интересами всего населения, ибо именно мощные предприятия предоставляли работу, шли на увеличение заработной платы, содействовали общему повышению жизненного уровня. Эта сторона дела Рузвельту была яснее. Но и позиция Трумэна, и тех слоев, которые выражали беспокойство складывавшейся ситуацией, главе государства была понятна.

Встреча с президентом, во время которой он по крайней мере не встретил противодействия своим замыслам, явно вдохновила Трумэна. 10 февраля он выступил в сенате с большой речью, в которой требовал расследования ряда аспектов программы национальной обороны. Он жаловался, что государственные органы игнорируют мелких и средних предпринимателей в своих заказах, вынуждая их выходить из бизнеса. Эту тенденцию он возводил в некий принцип, которого придерживаются административные органы. «Представляется, что политика состоит в том, что-

бы сделать большого человека еще больше, а маленького человека полностью вывести из дела». Более того, оратор выдвигал в качестве особой опасности неизменно усиливавшийся «фаворитизм». Гарри продолжал: «У меня значительный опыт в заключении общественных контрактов, и я постоянно обнаруживал контракторов, которые, если за ними не наблюдать, оставят правительство с пустыми карманами».

Чтобы в какой-то мере уравновесить свою критику, Трумэн осуждал и профсоюзы, которые взыскивают со своих членов высокую «вступительную плату» за предоставление новой работы²¹⁶, и возражал против сосредоточения рабочей силы в уже и так перенаселенных городских центрах²¹⁷.

Трумэн не ограничился только довольно агрессивной речью, которая все же не носила «повстанческо-популистского характера»²¹⁸, как полагает Алонзо Хэмби, ибо была безусловно конструктивной.

Сенатор внес проект резолюции о создании специального комитета по расследованию. Что именно будет расследовать этот орган, в названии комитета не говорилось, но из текста проекта вытекало, что ему будут подведомственны любые аспекты всех программ, связанных с обороной страны.

Во время многочисленных встреч с сенаторами Трумэн заверял, в частности, что работа комитета будет способствовать более равномерному и справедливому распределению военных заказов между штатами. Обсуждалась также проблема, как сделать работу комитета наиболее продуктивной, быстрой и эффективной при минимальном бюрократическом аппарате и без излишней бумажной волокиты.

И в исполнительной администрации, и в сенате постепенно приходили к выводу, что предлагаемый орган будет полезен в борьбе против финансовых и прочих злоупотреблений, в экономии средств, ассигнуемых на оборонные цели. Трумэн убеждал, что деятельность его комитета (он, разумеется, не называл комитет своим, но по определению подразумевалось, что он будет играть в комитете ведущую роль) будет весьма благоприятной для расширения национального военного производства²¹⁹.

В Белом доме высказывалась все же озабоченность, как бы деятельность такого комитета не стала препятствием перевооружению страны. Трумэн парировал ее заверениями, что комитет будет тесно сотрудничать с правительством и руководством Конгресса. Тем не менее военные руководители, как и президент, опасались, что создание и деятель-

ность комитета по контролю за оборонной индустрией станет помехой для быстрого наращивания военных усилий США.

Они ссылались на негативный опыт Объединенного комитета по ведению Гражданской войны, действовавшего во время войны между Севером и Югом 1861—1865 годов. Действительно, тот комитет, вместо занятия вопросами, для решения которых был создан (главным был вопрос о причинах потерь армии Севера), стал трибуной для генералов, обвинявших друг друга в то время, когда всякий намек на нелояльность был тягчайшим обвинением, и сам комитет создавал весьма болезненную атмосферу подозрительности и недоверия. Исследованиями было установлено, что в этом комитете господствовали радикальные республиканцы, не имевшие военного опыта, но настаивавшие на немедленной расправе со всеми, кто вызывал их подозрение²²⁰.

Трумэн решительно возражал против сравнения проектируемого им комитета с органом восьмидесятилетней давности. Он провел несколько дней в читальном зале Библиотеки Конгресса, изучая годовые доклады того пресловутого комитета и другие материалы с тем, чтобы, как он говорил, избежать недостатков в работе новой институции. Серьезнейшей поддержкой явилось одобрительное заявление генерала Джорджа Маршалла, о котором говорили, что он «знает больше о технике и организации... командования, чем любой другой человек», что в военном искусстве «это подлинный гений», что Маршалл и только немногие другие военные смогут научиться в будущей войне преодолевать «националистические соображения»²²¹.

Трумэна поддержал и сенатор от Южной Каролины Джеймс Бирнс, которого в законодательном органе считали «правой рукой Рузвельта» на Капитолийском холме. Трумэн и Бирнс запросили на комитет небольшую сумму в 25 тысяч долларов в год, но в результате торга согласились удовлетвориться 15 тысячами²²².

В итоге почти единодушного голосования 1 марта 1941 года (воздержался один человек) был образован сенатский Специальный комитет по расследованию контрактов, заключенных в рамках национальной программы обороны. Трумэн стал председателем комитета²²³. Почти сразу новый орган окрестили Комитетом Трумэна.

Сотрудники Белого дома, отвечавшие за связи с Конгрессом, попытались было добиться, чтобы в комитете

преобладали твердые сторонники «нового курса», который к этому времени уже не был новым и, по существу дела, оказался замененным курсом военной мобилизации; речь шла о личных приверженцах Рузвельта. Сопротивление сенаторов-республиканцев, с которыми на этот раз фактически солидаризовался Трумэн, привело к тому, что сформировался двухпартийный орган, состоявший из политиков-прагматиков, которых отбирал сам председатель комитета, заявляя, что критериями для него являются честность, практичность и устойчивое трудолюбие²²⁴. В состав комитета, кроме Трумэна, вошли четыре сенатора-демократа и два республиканца. Из семи его членов пятеро были «молодыми» сенаторами, то есть избранными впервые.

Трумэн играл ведущую роль и в формировании рабочего штата комитета. Он предложил включиться в его работу в качестве главного консультанта на «полный рабочий день» опытному юристу Хью Фултону, который до этого работал прокурором в Министерстве юстиции и был известен своей принципиальностью и свойствами великолепного детектива. В первый момент Трумэн был просто шокирован — исключительно высоко оценивая собственные качества, Фултон потребовал зарплату в девять тысяч долларов в год, то есть 60 процентов всего бюджета комитета. Многие наблюдатели и даже друзья считали, что Гарри первый раз в своей жизни пошел на финансовую авантюру, согласившись на это, — он надеялся, что, после того как комитет предъявит первые результаты своей работы, которые сэкономят государству миллионы долларов, он сможет добиться значительного увеличения бюджета.

Вряд ли это была авантюра в чистом виде — будучи убежденным, что работа комитета увенчается в скором времени раскрытием финансовых злоупотреблений, что авторитет комитета в результате этого повысится, его эффективность станет известна всей стране, он играл почти наверняка.

С остальными сотрудниками было намного проще — за умеренную оплату в нем согласились работать адвокаты Рудольф Хэлли и Герберт Мэлец, а также старый знакомый Трумэна по миссурийской политической «машине» Уильям Бойл из Канзас-Сити. Наконец, следователя комитета Мэтта Коннэлли Трумэн получил «бесплатно» — «взаимы» из Комитета по расследованию расходов по избирательной кампании. К июню 1941 года было завершено формирование штата комитета. В нем служили теперь десять следователей и десять административных сотрудников²²⁵.

Ключевую роль играли в комитете его председатель Трумэн и консультант Хью Фултон, который фактически являлся руководителем следственной группы. Почти ежедневно, по утрам, обычно в половине восьмого, они встречались и за чашками кофе намечали план текущей работы, который затем обсуждался с остальными сотрудниками²²⁶.

Первым делом, которым по инициативе Трумэна занялся комитет, стало расследование злоупотреблений и беспорядков в строительстве жилых и служебных помещений в военных лагерях и других центрах вооруженных сил. Эта задача была избрана не случайно — во время агитационных поездок предвыборной кампании Гарри посетил несколько лагерей в своем штате, где ему не раз приходилось выслушивать сетования и даже прямые претензии офицеров и солдат на бесхозяйственность в строительстве и ремонтных работах, а также жалобы на взяточничество, разумеется, ничем не доказанные.

23 апреля 1941 года Трумэн объявил о начале первых расследований — в форте Мид, штат Мэриленд, в воинском резерве Индиантаун-Гэп в Пенсильвании и в лагере Уоллес в Техасе²²⁷. Серьезных злоупотреблений расследования не вскрыли, факты коррупции обнаружены не были. Но следователи установили чудовищную бесхозяйственность, неразбериху, заключение контрактов на случайной основе, недобросовестное выполнение договоров и тому подобные факты. Комитет пришел к выводу, что главной причиной названных пороков было то, что строительными работами занимался квартирмейстерский корпус армии, для которого жилищное и служебное строительство было второстепенной функцией (главными задачами были снабжение вооруженных сил продовольствием и всевозможными материалами, за исключением вооружения, военным транспортом, обслуживание офицеров и солдат в полевых условиях и т. п.).

Когда были обнародованы соответствующие материалы, командующий корпусом генерал Брион Сомервелл буквально разъярился и выступил с заявлениями, что Комитет Трумэна был сформирован для политических целей, что этот комитет ставит целью скомпрометировать квартирмейстерский корпус и его лично²²⁸. Однако в ходе следствия были собраны столь неопровержимые доказательства халатности, что Сомервелл вынужден был их признать и согласиться с выводом комитета о необходимости передать строительно-ремонтные работы в вооруженных силах дру-

гому ведомству. В качестве такового Трумэн рекомендовал армейский инженерный корпус.

Сенат согласился с выводами комитета. Его рекомендации были приняты исполнительной администрацией и военными министерствами (в США в то время существовали отдельно министерства армии и военно-морского флота, фактически автономной была военная авиация). 1 декабря 1941 года все военные строительно-ремонтные работы были переданы армейскому инженерному корпусу²²⁹.

Передача оказалась весьма целесообразной. Под руководством инженерного корпуса в 1942—1945 годах были выполнены более 27 тысяч военно-строительных проектов, в том числе за рубежом, где вели военные действия американские вооруженные силы. Общая их стоимость составляла свыше 15 миллиардов долларов. В числе объектов строительства были заводы по производству танков и самолетов, лагеря для 5,3 миллиона солдат, портовые сооружения, госпитали. Корпус осуществлял строительство зданий и сооружений по строжайше засекреченному Манхэттенскому проекту, в рамках которого создавалось атомное оружие. Именно он строил громадное пятиугольное здание в окрестностях Вашингтона — Пентагон, где после войны были размещены как созданное тогда Министерство обороны, так и отраслевые военные министерства. Генерал Сомервелл позже признавал, что передача строительных работ из его ведомства в инженерный корпус позволила сэкономить не менее 250 миллионов долларов²³⁰.

Успех, которого добился Комитет Трумэна в первые месяцы работы, обеспечил ему авторитет во властных структурах, что позволило уже в конце 1941 года более чем втрое увеличить его бюджет, доведя его до 50 тысяч долларов в год. Это дало возможность расширить штаты и размах исследований. Трумэн позаботился о том, чтобы работе комитета было обеспечено то, что в наше время называют пиаром. Заседания проводились открыто, с участием прессы, в отдельных случаях не в скромном помещении комитета в здании сената, а в помпезном зале собраний верхней палаты.

Пресса отмечала, что, в отличие от других следственных органов, Комитет Трумэна проводил свои заседания в спокойной обстановке, без излишней торопливости, соблюдая уважение к лицам, вызванным на заседания, даже в тех случаях, когда против них выдвигались серьезные обвинения. В то же время указывалось на настойчивость и требовательность председателя комитета²³¹.

Трумэн в основном соблюдал свое обязательство работать в контакте с администрацией Рузвельта и всячески содействовать осуществлению его военных планов. Собственно говоря, именно на это были направлены все расследования, связанные с неэффективным строительством и разбазариванием средств.

В то же время по одному вопросу комитет занял позицию, противоположную тому курсу, который проводил Рузвельт. Речь идет о сознательном создании по инициативе президента нескольких ведомств, которые дублировали работу друг друга. От имени своего комитета Трумэн выступил против такой практики, не осознавая в должной мере, что дублирование было задумано Рузвельтом с той целью, чтобы между ведомствами возникла конкуренция и чтобы каждое из них стремилось добиться наилучших результатов. Особенно резко Трумэн возражал против того, что вслед за созданием в январе 1941 года Управления по организации производства (во главе него были поставлены сразу два руководителя — профсоюзный деятель Сидней Хиллмэн и бизнесмен Уильям Кнудсен) в июле того же года был образован Совет по снабжению, приоритетам и распределению ресурсов примерно с такими же функциями. Играя на аббревиатурах обоих органов, Трумэн выразил возмущение этим «алфавитным супом», причем на заседании сената обвинил в нем Белый дом²³². В то же время во всех других случаях Трумэн энергично возражал против попыток оппозиции из числа республиканцев возложить всю ответственность за бесхозяйственность и злоупотребления на Белый дом.

Чтобы более не возвращаться к этому вопросу, кратко осветим деятельность комитета после того как в декабре 1941 года Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну. Само это вступление было вынужденным, спровоцированным нападением Японии на американскую военно-морскую базу, расположенную в заливе Перл-Харбор на Гавайских островах. В условиях, когда все основные усилия страны должны были теперь направляться на нужды войны, некоторые видные государственные деятели сочли, что работа сенатского Комитета по расследованию дел, связанных с военными ведомствами, может затормозить их усилия. Именно такую позицию занял военный министр Генри Льюис Стимсон, предсказывая, что Комитет Трумэна окажется совершенно излишним препятствием на пути расширения военного производства. Следуя линии своего

шефа, заместитель военного министра Роберт Паттерсон призвал президента оказать давление на сенат, с тем чтобы Комитет Трумэна был упразднен. Он мотивировал это, в частности, тем, что предоставление комитету всех сведений, которые тот требует, повредит правительственным усилиям в стремлении быстро отвечать на все запросы войны и, главное, станет разглашением государственной тайны.

Рузвельт, однако, не пошел навстречу этим критическим требованиям, хотя в них была определенная логика. Наоборот, идя навстречу тем, кто считал, что и в условиях войны американское общество, включая его военные усилия, должно носить максимально открытый характер, президент несколько раз с похвалой отзывался об усилиях сенатского Комитета по контролю за военными программами. В свою очередь сам комитет энергично отстаивал собственную жизнеспособность, в частности опубликовав 15 января 1942 года детальный отчет о своей деятельности за предыдущий год, свидетельствующий о его значительной роли в упорядочении работ по укреплению обороноспособности и военного могущества США²³³. Обвиняя как большой бизнес, так и профсоюзы в эгоистическом поведении, в «неимоверной неэффективности», отчет содержал призыв к большей опоре государства на средний и мелкий бизнес.

Еще в августе 1941 года Комитет Трумэна начал расследование деятельности Совета по снабжению, приоритетам и распределению ресурсов, созданного лишь за месяц до этого. Продолжавшееся пять месяцев следствие привело к неутешительным результатам. В подготовленном в январе 1942 года, но пока не опубликованном отчете приводились многочисленные фактические и статистические данные, свидетельствовавшие о бесхозяйственности, связанной в первую очередь, как гласил основной вывод, с дублированием деятельности по заключению контрактов на поставки, строительство и другие нужды. «Ошибок в заказах был легион; ошибок в отказах от заказов было еще больше». Доклад был в полном смысле слова обвинительным актом против бездарности администрации и халатности в условиях войны²³⁴.

Проявляя лояльность по отношению к президенту, Трумэн до публикации послал доклад в Белый дом. Он был глубоко удовлетворен, когда узнал, что через несколько дней Рузвельт издал распоряжение о ликвидации как Совета по снабжению, так и дублирующего его органа и о замене их

единым Советом по военному производству²³⁵. Когда же доклад был опубликован, то дело выглядело так, что Комитет Трумэна только подтвердил правильность и дальновидность решения президента. Хитрости и политиканства Рузвельту было не занимать, и они являлись составными частями его государственного опыта.

3. Расследования военного времени

В мае 1942 года комитет был реорганизован. Из его названия (напомним: Специальный комитет по расследованию контрактов, заключенных в рамках национальной программы обороны) были исключены слова «контрактов, заключенных в рамках». Получив название Специальный комитет по расследованию национальной программы обороны, этот сенатский орган значительно расширил свои функции, став важнейшим парламентским учреждением по контролю за экономическим обеспечением боеспособности Соединенных Штатов. В связи с реорганизацией сенат увеличил бюджет комитета на десять тысяч долларов в год, что позволило несколько расширить его штат. К концу 1942 года в нем работали 12 следователей и примерно 20 административных работников и вспомогательных служащих²³⁶. В работу комитета включился авторитетный сенатор-демократ Клайд Херринг, с которым Трумэн тесно сотрудничал.

Постепенно Трумэн и его сотрудники определили более или менее четкий порядок работы. Первым шагом было изучение огромной почты, поступавшей со всех концов страны. Необходима была высокая квалификация сотрудников, чтобы в гуще пустопорожних жалоб, клеветнических сообщений и просто мусора обнаружить действительно ценную информацию, над которой следовало вести дальнейшую работу. После отбора и изучения соответствующей корреспонденции определялись важнейшие текущие проблемы, которые необходимо было разрабатывать в первую очередь.

В соответствующие города, в учреждения и фирмы, подозреваемые в нелояльности или просто в неэффективности работы, направлялись следователи комитета. Выявленный материал, если, по мнению следователя, он заслуживал дальнейшей работы, с согласия Трумэна передавался одному из участвовавших в комитете сенаторов, который

докладывал его на очередном заседании. Такие заседания проводились каждые две недели. В особо важных случаях о проблеме докладывали двое или трое сенаторов. Если уж вопрос ставился на официальном заседании, как правило, принималось решение о тщательном расследовании.

Вслед за этим начиналась работа по двум направлениям. С одной стороны, следователи вызывали к себе должностных лиц или бизнесменов для допроса «с пристрастием». Не обладая правами следователей юридического ведомства, они могли допрашивать вызываемых только в качестве свидетелей, и лишь в случае необходимости дело передавалось в соответствующие органы исполнительной власти для уголовного или иного преследования. С другой стороны, группа следователей (иногда во главе с сенатором) выезжала в тот или иной штат на определенное предприятие или группу предприятий, на то или иное строительно-расследование на месте путем наблюдения за объектами, бесед с рабочими, инженерами и техниками, организаторами производства или строительства.

После этого доклады как о допросах в Вашингтоне, так и расследованиях на месте направлялись ответственным лицам, о которых шла речь во время следствия или которые несли ответственность за данный участок работы. Им предоставлялась возможность подготовить обоснованный ответ, после чего вопрос вновь обсуждался на заседании комитета и готовился итоговый доклад с рекомендациями²³⁷.

Особо важное расследование 1942 года касалось крайнего дефицита резиновых изделий, столь важных в условиях войны. Комитет пришел к выводу, что в предыдущем году этот стратегический материал произвольно предоставлялся частным автомобильным компаниям, что привело к подлинной «оргии потребления» и лишило страну резерва. В центре обвинений была федеральная Корпорация резервного фонда резины²³⁸, которая не накопила достаточных запасов этого материала в условиях назревавшего участия страны в войне. Попутно высказывались серьезные упреки в адрес корпорации «Стандард ойл оф Нью-Джерси», которая не приступила в предвоенное время и в начале Второй мировой войны к производству необходимого запаса синтетической резины²³⁹.

На основании комитетского расследования государственные органы и частные объединения предприняли необходимые срочные меры по увеличению производства резины, в том числе синтетической.

Трумэн продолжал следить за этой отраслью промышленности, которую полагал особенно важной. Комитет несколько раз возвращался к проблеме, причем его руководитель позволял себе все более острые высказывания. Он говорил, например: «Совет военного производства должен осуществлять свою власть жестко... Когда это требуется, кое-кого необходимо хорошенько проучить»²⁴⁰. Об эффективности расследования, разумеется наряду с другими факторами, свидетельствует то, что в 1944 году 87 процентов всего производства резиновых изделий давали предприятия, созданные не ранее 1942 года²⁴¹.

В 1943 году внимание общественности привлекло расследование комитетом деятельности крупнейшей сталелитейной корпорации «Юнайтед Стейтс стил» (*United States Steel*), в частности ее подразделения Карнеги — Иллинойс, которая была уличена в сознательных поставках военноморскому флоту низкокачественных стальных плит. С подачи Комитета Трумэна Министерство юстиции возбудило уголовное дело против компании по нескольким десяткам пунктам коммерческого обмана.

На этот раз Трумэна постигло разочарование. После трехнедельного суда компания была признана невиновной²⁴². Это был единственный случай, когда расследование комитета не получило желаемых практических результатов.

В одном случае Трумэн чуть было не напоролся на серьезную неприятность и для самого себя, и для президента, и в целом для секретных правительственных планов. В 1943 году его следователи обнаружили, что в городе Миннеаполисе работает какой-то подозрительный завод. Что этот завод производит, узнать было невозможно. Следователей комитета туда просто не пускали, в разговоры с ними не вступали. Сенатор настаивал на допуске, и продолжалось это довольно долго. В конце концов ему позвонил военный министр Генри Стимсон, который в резкой форме потребовал прекратить интересоваться этим предприятием, так как оно связано с особо ответственным оборонным заданием. Речь шла об одном из элементов так называемого Манхэттенского проекта создания атомного оружия²⁴³.

В целом на протяжении военных лет репутация Комитета Трумэна неизменно росла. Его расследований бизнесмены попросту стали бояться. Одной угрозы проверки бывало достаточно, чтобы предприниматели обратили внимание на бесхозяйственность или проявления бесчестности. Так что реально сэкономленные в результате деятельности ко-

митета средства было просто невозможно подсчитать²⁴⁴. При этом за все время его существования на содержание комитета было затрачено около 400 тысяч долларов — значительно меньше, чем на любой другой комитет или комиссию Конгресса²⁴⁵.

Став уже опытным политиком и явно стремясь продолжать свое продвижение вверх по карьерной лестнице (о президентстве он тогда еще вряд ли думал, хотя до него оставалось всего два-три года), Трумэн прилагал максимум усилий, чтобы деятельность комитета и его имя в качестве главы ответственного государственного органа постоянно находились в сфере внимания общественности. Было отлично известно, например, что именно он не только формально возглавляет комитет, но и реально находится в центре всей его деятельности. Тем не менее на заседаниях, которые проводились публично, в присутствии прессы, он обычно поручал председательствовать кому-то из других сенаторов, а сам «скромно» сидел в стороне. Это давало основание журналистам обращать особое внимание на «непритязательность» Трумэна. Однако, когда рассматривались наиболее важные вопросы, в прессе появлялись фото, на которых отчетливо было видно, кто именно является лидером.

Наблюдатели отмечали, что для комитета были характерны такие черты, как беспристрастность, отсутствие то-ропливости, двухпартийный характер.

В значительной степени этому способствовали не все-гда намеренные, но привлекавшие внимание прессы и политиков столкновения с Белым домом. Первое из них произошло уже 14 августа 1941 года, когда на заседании комитета состоялся диалог Трумэна с республиканским сенатором Артуром Вандербергом. Последний задал вопрос, кто виновен в отсутствии координации в области обороны страны, которая была обнаружена комитетским расследованием. Далее последовал обмен репликами:

«Мистер Трумэн: Существует только одно место, на которое должна быть возложена ответственность.

Мистер Вандерберг: Каково оно — это Белый дом?

Мистер Трумэн: Да, сэр.

Мистер Вандерберг: Я благодарю сенатора. (Смех.)»²⁴⁶.

Еще одно фактическое столкновение с президентом произошло в значительной степени помимо воли Трумэна в августе 1942 года, когда он дал интервью журналу «Америкэн мэгэзин». Видимо, репортер — дама из журнала — застал его в дурном расположении духа после какого-то стол-

кновения на заседании комитета. В результате интервью оказалось желчным, а местами просто злобным. Речь шла о необходимости значительно более решительной борьбы против бюрократизма, наведении порядка в военном производстве, назначении компетентных людей на ответственные административные посты в экономической области и т. п. Стремился интервьюируемый к этому или нет, но многие положения явно читались как направленные против президента.

Через день-два настроение улучшилось, и Трумэн просто позабыл о том разоблачительном тоне, который был свойствен его высказываниям. Когда журналистка принесла ему текст интервью на визу, он просто подмахнул его. Прочитав вслед за этим номер журнала, в котором его интервью было опубликовано под кричащим заголовком «Мы можем проиграть войну в Вашингтоне»²⁴⁷, Гарри просто ужаснулся собственным словам. Он даже безуспешно попытался добиться судебного решения об изъятии номера из продажи. Трумэн жаловался жене: «Чем больше я думаю об этом, тем хуже это выглядит с политической точки зрения»²⁴⁸. Имеются свидетельства, что, познакомившись с интервью, Рузвельт заявил, что не желает более разговаривать с сенатором Трумэном²⁴⁹.

Независимо от намерений самого Трумэна, его критика Белого дома создавала имидж беспристрастного, внепартийного политика, готового пожертвовать своими амбициями во имя достижения истины в интересах страны и успешного ведения войны.

В марте 1943 года, как раз тогда, когда комитету исполнилось два года, на обложке популярного еженедельного журнала «Тайм» («Время») появился портрет с подписью «Следователь Трумэн». Резко прорисованные черты лица, освещенные полуденным солнцем, на фоне индустриальных предприятий создавали впечатление о видном государственном деятеле, пекущемся о благе страны, о ее процветании. В номере была опубликована редакционная статья «Охранитель миллиарда долларов» (слово *watchdog* — «охранитель» — можно перевести и как «сторожевой пес» — это изначальный, точный перевод). Трумэн был назван в статье «честным и отважным человеком», не отказывающимся от друзей (даже если это преступный Пендергаст), сделавшим много для усиления военной мощи страны. Комитет Трумэна характеризовался в этой статье как «одно из наиболее полезных государственных агентств в условиях

Второй мировой войны», как учреждение, наиболее близко стоящее к высшему командованию вооруженных сил, то есть к президенту Рузвельту, который по должности являлся Верховным главнокомандующим²⁵⁰.

Это было явное преувеличение, ибо никакой близости к президенту вплоть до 1944 года у Трумэна не было. Но оценка была характерной — она свидетельствовала, что уже в 1943 году Трумэн воспринимался прессой и широкой общественностью как один из наиболее ответственных лидеров страны, на что обращают внимание некоторые биографы²⁵¹. У них есть для этого все основания, так как уже в мае 1944 года другой популярный журнал «Лук» («Взгляд») назвал его одним из десяти наиболее влиятельных людей Вашингтона. Трумэн был единственным сенатором в этом списке²⁵².

Выступления Трумэна как сенатора и главы комитета, отчеты комитета создавали ему репутацию не просто влиятельного сенатора, но одного из наиболее либеральных конгрессменов, даже лидера либерального крыла Демократической партии²⁵³. Такое представление о нем было справедливо лишь отчасти. Он не пытался, как утверждают некоторые историки, в том числе авторитетный биограф Алонзо Хэмби, ликвидировать власть большого бизнеса и создать благоприятные возможности для мелких предпринимателей²⁵⁴.

Если бы это было так, Трумэн оказался бы неисправимым утопистом, деятелем, просто опасным в условиях войны. Но таковым он в действительности не был. Он искренне стремился, чтобы мелкий и средний бизнес соседствовал и сотрудничал с крупным предпринимательством, что было для страны благоприятно во всех отношениях. Репутация «борца против большого бизнеса» создавалась в результате искаженного психологического среза, связанного с тем, что расследования Комитета Трумэна предпринимались, естественно, именно в отношении крупных промышленных и иных объединений, ибо как раз они определяли характер, направленность и наращивание производства и снабжения, необходимых стране в военных условиях.

Однажды Трумэн заявил в полемике, что хотел бы избавиться от людей, которые работают на правительство за один доллар в год (то есть от крупных бизнесменов, занятых на государственной службе). Председатель Совета военного производства Дональд Нельсон возразил ему, что он нуждается в этих людях, пообещав, что будет контролиро-

вать их, чтобы не допустить nepoтизма и других нарушений. Трумэн только ответил: «Я не собираюсь спорить с вами по этому вопросу. Мы вместе стремимся выиграть эту войну»²⁵⁵.

Для того чтобы максимально привлечь средний и малый бизнес к содействию военным усилиям страны, Трумэн выступил инициатором создания федеральной корпорации небольших военных предприятий (формально, но не по существу, более точный перевод «...меньших военных предприятий»), которую, по его рекомендации, возглавил друг Гарри Лу Холланд. Последний, однако, в поставленной задаче не преуспел, был заменен членом палаты представителей от Техаса Мори Мавериком, который также не добился успеха.

Оказалось, что именно крупные и крупнейшие финансово-производственные объединения в наибольшей степени содействуют победе в войне, что война способствует превращению крупных объединений в еще большие²⁵⁶.

Трумэн постепенно, но все глубже осознавал, что ставить перед собой необъятные задачи, цели, которые невозможно выполнить, отнюдь не следует. Поражение в столкновении со сталелитейной корпорацией было для него немаловажным уроком. Да и раньше он редко направлял свои стрелы на наиболее мощные частные хозяйственные объединения. Тем более его комитет не затрагивал интересов конгрессменов, министров, не говоря уже о президенте страны. Это в значительной степени облегчило Трумэну коалицию с Рузвельтом в 1944 году во время последней для того избирательной кампании.

Гарри Трумэн прекратил работу в комитете летом 1944 года в связи с выдвижением его кандидатуры на пост вице-президента. Работа в комитете была одним из главных оснований для Рузвельта, когда он после определенных колебаний избрал своим спутником на выборах Трумэна в качестве компромиссной фигуры, о чем будет рассказано ниже.

Но о высших государственных постах Трумэн не задумывался вплоть до середины 1944 года. Можно предположить, что максимум, на что он рассчитывал до этого времени, было пребывание в сенате еще пару сроков, возможно, лидерство во фракции Демократической партии, а затем спокойная отставка и последние сравнительно безмятежные годы в родном штате Миссури.

Пока же сенатор, уделяя внимание и другим сторонам парламентской деятельности, в основном сосредоточивался на своем комитете.

4. Семейные дела и общеполитические взгляды

Первая половина 1940-х годов была периодом некоторых изменений в личной жизни Трумэнов. Дочь Маргарет в 1942 году окончила школу. Оказалось так, что из всех выпускников школы Ганстон-Хилл этого года она была самой «знатной» — ее отец занимал наиболее видный государственный пост и был хорошо известен стране. Поэтому именно Трумэна попросили выступить на выпускном торжестве с напутствием от имени родителей. Трумэн ограничился краткой речью, в которой призвал юношей доблестно защищать свою родину на фронтах мировой войны, а девушек посвятить все свои силы делу поддержки своих воюющих товарищей и всех вооруженных сил страны для достижения скорейшей победы над силами зла²⁵⁷.

Осенью того же года Маргарет поступила в Университет им. Джорджа Вашингтона в столице, избрав в качестве своей будущей специальности историю. Одновременно она продолжала брать уроки пения, надеясь стать не учительницей или научным работником, а оперной или камерной певицей.

Жили Трумэны весьма скромно. В 1944 году к ним переехала весьма пожилая Мэдж Уоллес, матушка Бесс, ей даже не смогли выделить отдельную комнату, и она жила в одной комнате с Маргарет²⁵⁸.

Когда в 1941 году Виктор Мессал, секретарь Трумэна, ушел от него, найдя более высокооплачиваемую работу в Агентстве гражданской авиации, Гарри договорился с вице-президентом Генри Уоллесом (напомним, что вице-президент по должности является председателем сената), что его место займет Бесс. Она стала секретарем своего мужа, получая небольшой оклад — 2400 долларов в год (правда, в 1944 году ее оклад был повышен до 4500 долларов). Как всегда в таких случаях, нередко раздавались голоса «доброжелателей» по поводу того, что жена Трумэна получает зарплату от государства, не выполняя в действительности никакой работы. Отвечая на злопыхательства, Гарри не раз говорил, что Бесс являлась незаменимым помощником и советчиком, что он не готовил ни одной речи и не принимал ни одного решения, не проконсультировавшись с ней²⁵⁹. По всей видимости, сенатор преувеличивал. Но тот факт, что Бесс оказывала своему супругу определенную помощь, можно считать безусловным. Во всяком случае, семейная жизнь протекала в гармонии. Супруги вели себя

скромно. Бесс никогда не возражала против того, что ее муж неизменно отказывался от гонораров за выступления и за участие в торжественных мероприятиях.

Приходилось заботиться также о матери Гарри Марте Эллен и о незамужней сестре Мэри Джейн. К ним проявляли внимание местные власти. Мэри Джейн была даже назначена «вспомогательным клерком» сенатора Трумэна в штате Миссури, по существу дела, выполняя лишь разовые поручения, связанные с делами в Канзас-Сити. Марта, которой в 1942 году исполнилось 90 лет, жила на своей ферме под присмотром сына Вивиана и старых друзей. Естественно, Гарри посылал и Марте, и тем, кто за ней ухаживал, необходимые денежные суммы²⁶⁰.

Будучи почти полностью занятым делами Конгресса, Трумэн уже в силу неразрывной связи между внутренней и внешней политикой, между социально-экономическими заботами страны и ходом Второй мировой войны, взаимоотношениями с другими воюющими и нейтральными государствами откликался на глобальные события в мире.

Во второй половине 1930-х — начале 1940-х годов он, подобно другим сенаторам, отражая настроения большинства населения США различных социальных прослоек, придерживался умеренного изоляционизма. Это был один из немногих вопросов, по которому он расходился с курсом президента Рузвельта, неизменно выступавшего за участие США во всех мировых делах, в частности путем сотрудничества с международной организацией Лига Наций.

США не участвовали в этой организации, созданной в 1919 году, но стремились использовать ее для совместных действий демократических держав, прежде всего с Великобританией и Францией, чтобы сдержать агрессию гитлеровской Германии и ее союзницы Японии — о прямом отпоре захватнической политике нацистов и восточноазиатских милитаристов речь пока не шла. Да и США в военном отношении были слабы. Необходимы были громадные усилия для создания мощной военной промышленности и высокобоеспособных вооруженных сил. Этими делами правительство Рузвельта занималось энергично, но выходить из изоляционизма, превращать страну в мировую державу можно было только постепенно и медленно.

Трумэн же оставался принципиальным сторонником изоляционизма. Ему не нравился «новый порядок», установленный Гитлером в Германии, но американский сенатор не предполагал, что фюреру удастся реализовать свои

намерения установить такой же человеконенавистнический порядок во всей Европе. Более того, вспоминая свое раздражение бытом и поведением французов во время его пребывания в этой стране, он фактически игнорировал принципиальное различие между демократической Францией и тоталитарной системой, сложившейся в Германии. В 1936 году Гарри писал одному из своих знакомых: «В течение года я находился во Франции и занимался самой трудной работой, которой когда-либо может быть занят человек — пытался спасти эту страну от немцев. Но сегодня, после всего того, что было сделано тогда, я, если говорить честно, хотел бы быть на стороне Германии... “Лягушатникам”^{*} следует заплатить нам то, что они должны»²⁶¹. В этом высказывании ни в коем случае нельзя увидеть какой-либо симпатии к нацистской Германии. Это было выражение не позитивных чувств по отношению к ней, а негативных чувств к французам, тем более что они так и не расплатились по военным долгам Соединенным Штатам. Высказывание отнюдь не перечеркивало изоляционистских настроений Трумэна.

В согласии с другими членами Конгресса Трумэн голосовал за закон о нейтралитете, принятый в 1935 году и подтвержденный в следующие два года. Главной в законе была первая статья, предусматривавшая, что «с началом войны между двумя или более государствами или в ходе ее президент объявляет об этом факте, после чего запрещается экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения из любого пункта в Соединенных Штатах или их владениях в любой порт воюющих государств или в любой нейтральный порт для транспортировки в воюющее государство или для его использования». За нарушение эмбарго грозили штрафом или тюремным заключением, либо тем и другим одновременно. Вначале закон был принят на один год, но в 1936 году продлен, а в 1937 году объявлен постоянным. Правда, на этот раз текст закона был существенно изменен. Он не запрещал продажи оружия воюющим странам, а предусматривал принцип «кэш энд кэрри» — «плати и вези». Иначе говоря, оружие и другие товары военной необходимости могли продаваться воюющим странам при двух условиях: немедленная оплата и вывоз на кораблях покупающей стороны. Вместе с тем предусматривались всяче-

^{*} Прозвище «лягушатники» французы получили в связи с тем, что в их кухне используются некоторые виды лягушек.

ские ограничения, которые сводили возможность покупки оружия к минимуму. Принцип «кэш энд кэрри» пока звучал абстрактно, фактически не распространялся на практическую политику²⁶².

Сторонники акта о нейтралитете, с которыми был полностью солидарен Трумэн, убеждали президента, что США сохраняют за собой полную «свободу рук». Видимо, поддаваясь этим внушениям, Рузвельт, не являвшийся изоляционистом, не вел активной борьбы за отмену закона вплоть до начала Второй мировой войны. К тому же многие американские историки с полным основанием полагают, что закон о нейтралитете приблизил войну, так как агрессоры считали, что в случае ее развязывания США останутся в стороне²⁶³.

Будучи принципиальным сторонником неучастия США в заморских делах, Трумэн постепенно убеждался, что этот столь желаемый им курс, скорее всего, окажется нереальным. Он даже иногда публично высказывался в этом смысле, например, 20 апреля 1937 года, выступая в городке Ларчмонт, фактически являвшемся пригородом Нью-Йорка. Вряд ли, говорил он, правительство сможет долго удерживать нашу страну на нейтральном положении, если большая война будет все-таки развязана. Трумэн не скрывал своего скептицизма.

Хотя эта речь была произнесена в крошечном городке, она была весьма важной для оценки значительного отхода от изоляционизма, точнее говоря, изоляционистский курс сохранялся в теории, как принцип, но не в качестве основы практической политики. Речь была в значительной мере сконцентрирована на недавней истории. Трумэн подверг критике внешнюю политику демократического президента Вудро Вильсона, а затем республиканских администраций в 1920-е годы. Отказ США подписать Версальский мир явился, по его мнению, отказом от «нашей ответственности как мировой державы». Зато подписание Соглашения об ограничении морских вооружений 1922 года было наиболее благоприятным Японии и не дало возможности развивать американский военно-морской флот. Впрямую речи о возможном военном союзе с европейскими демократическими державами не велось, но весь контекст выступления был именно таковым. «В грядущей борьбе между демократией и диктатурой демократия должна быть готова защищать свои принципы и ценности», — говорил Трумэн и для ясности распространял это положение на США следующим образом: «Мы можем и будем сражаться за наши права, несмо-

тря на существование малой, но крикливой пацифистской группы. Я думаю, что старый пуританин, который регулярно молил Бога защитить его против индейцев, находился в гораздо большей безопасности, когда он в то же время держал свой порох сухим»²⁶⁴.

Своей речи в Ларчмонте Трумэн придавал большое значение. На протяжении следующих двух лет он неоднократно ее цитировал.

Когда 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу и объявлением через двое суток Великобританией и Францией состояния войны с Германией началась Вторая мировая война, Трумэн полностью поддержал курс Рузвельта на отказ от изоляционистской политики. В октябре 1939 года, выступая в родном штате, он говорил: «Я придерживаюсь того мнения, что мы не должны помогать разбойникам, отказываясь продавать оружие нашим друзьям. Я думаю, что в наших интересах, в наших эгоистических интересах отменить эмбарго»²⁶⁵.

До отмены эмбарго на поставку оружия союзникам прошло долгих два года. В этом промежутке Трумэн полностью поддержал принятие закона 1941 года о призыве в армию. Когда же в условиях критического финансового положения Великобритании, которая не была в состоянии расплачиваться за военную продукцию, заказанную в США, Рузвельт выдвинул концепцию «арсенала демократии», каковым должна была стать его страна, Трумэн горячо поддержал президента.

Собственно говоря, эта установка была довольно хитрой — она позволяла, по крайней мере в ближайшее время, непосредственно не участвовать в войне и не посылать американских парней на поля сражений. Но помощь, намечаемая президентом, должна была стать разнообразной, включать не только собственно средства ведения войны, но также продовольствие, различные виды логистического оборудования и т. д. В результате 19 февраля 1941 года палатой представителей, а 11 марта сенатом был принят закон об обеспечении защиты Соединенных Штатов, название которого в окончательной редакции было уточнено и он стал именоваться законом о передаче вооружения, боеприпасов, продовольствия и любых других материалов в аренду или взаймы тем странам, оборона которых представляет жизненно важную важность для США. Закон получил, как полагали, счастливый исходный номер 1776, — он совпадал с годом провозглашения Декларации независимости США.

На свет появился знаменитый закон о ленд-лизе*, ставший практической предпосылкой реализации рузвельтовского лозунга «арсенала демократии». Ленд-лиз был распространен прежде всего на Великобританию, а затем, после нападения Германии на СССР, — и на Советский Союз. Современные авторы делают вывод об исключительном значении не только поставок, но и информации о новых образцах оружия и промышленного оборудования для победы в войне. Российский специалист Б. В. Соколов пишет: «Без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже... противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами»²⁶⁶.

Гарри Трумэн в сенате полностью поддержал закон о ленд-лизе и последующие, вытекавшие из него акты, в частности о вооружении американских транспортных судов, направлявшихся с поставками по ленд-лизу в Великобританию. Попутно он теперь коренным образом изменил свое мнение по поводу французов, которые не оплатили американцам их поставки периода Первой мировой войны. Прямо отрицая свою прошлую негативную оценку этой нации и готовность вместе с немцами бить ее, явно сожалея о ней, Трумэн писал теперь: «Я никогда не осуждал особенно сильно тот факт, что деньги, которые мы одолжили... во время прежней мировой войны, не были возвращены, потому что я действительно придерживаюсь мнения, что мы послали деньги вместо человеческой крови»²⁶⁷.

5. Германия, СССР, война

Уже на первом этапе Второй мировой войны Трумэн превратился из умеренного изоляциониста в сдержанного «интервенциониста», то есть деятеля, считавшего, что США должны оказывать как можно большую помощь силам, ведущим вооруженную борьбу против стран агрессивного блока — Германии, Италии и Японии. Он считал в то же время, что его страна должна как можно дольше удерживаться от вступления в войну, одновременно накапливая в максимальной мере средства ведения военных действий.

* От английских слов *lend* (давать в займы) и *lease* (сдавать в аренду).

Собственно говоря, именно на это была направлена вся деятельность Комитета Трумэна.

Переписка сенатора отчетливо свидетельствовала о его позиции. Вот две выдержки из нее: «Перед нами кучка негодяев, и единственная теория, которую понимает негодяй, это винтовка и штык». «Хотя мне совершенно не нравится мысль о войне, я все же думаю, что нынешние муки Польши, Голландии, Норвегии, Бельгии и народов Балкан гораздо хуже, чем война»²⁶⁸. Хотя эти взгляды высказывались в частной корреспонденции, Трумэн ясно понимал, что они легко могут стать достоянием общественности — он и не просил адресатов скрывать сказанного им. Он все более отчетливо сознавал, что в конечном счете Соединенным Штатам придется взять на себя ношу определенных военных усилий.

В высказываниях Трумэна 1920—1930-х годов нам не удалось обнаружить ничего, что могло бы дать возможность судить о его отношении к происходившему в СССР. Советский опыт строительства того, что в самом Советском Союзе и за его пределами коммунистами и другими левыми силами называли социализмом, а на самом деле представляло собой становление тоталитарного общества, прагматичного местного деятеля, а затем сенатора не интересовал. Можно лишь предположить, что, выступая за более гармоничное соотношение социальных сил у себя на родине в рамках рыночного частносообщественнического общества, Трумэн не мог относиться к СССР иначе как с подозрительной недоброжелательностью.

Положение, по всей видимости, лишь несколько изменилось после заключения 23 августа 1939 года договора о ненападении между Германией и Советским Союзом — пакта Молотова — Риббентропа, который правильнее было бы называть пактом Сталина — Гитлера. Хотя дополнительный протокол о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе, подписанный одновременно, оставался секретным, события следующих месяцев отчетливо свидетельствовали о существовании некой договоренности Германии и СССР о том, под чьим влиянием окажутся восточная часть Польши, страны Балтии, часть Румынии. Кроме того, весь тон официальной документации показывал, что между обоими тоталитарными режимами установились не просто дружеские отношения, но и явно наметилось сотрудничество в проведении военных и политических акций. Фактически СССР вступил во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года, введя свои войска на территорию вос-

Harry S. Truman

Джон и Марта Эллен
Трумэн,
родители Гарри.
Свадебное фото. 1881 г.

Четырехлетний Гарри
с младшим братом
Вивианом. 1888 г.

Гарри Трумэн в 13 лет

Грандвью — городок
в графстве Джексон,
штат Миссури.
1911 г.

Бесс Уоллес в юности

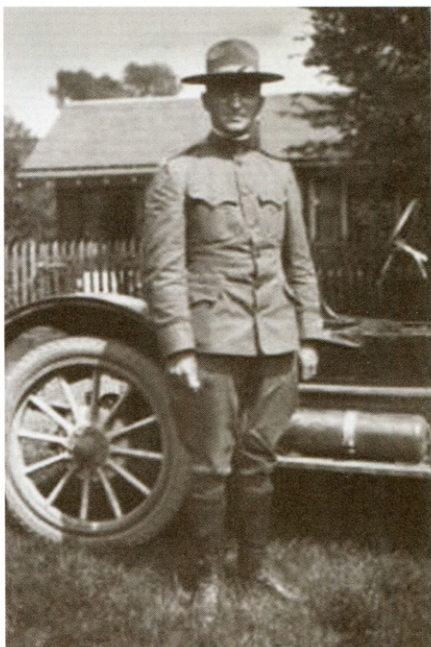

Шестнадцатилетний Гарри

Гарри (крайний слева) с родными и знакомыми
возле своего первого автомобиля. 1913 г.

Гарри Трумэн
на войне во Франции. 1918 г.

Капитан Трумэн.
Франция. 1918 г.

Гарри и Бесс. Свадебное фото. 28 июня 1919 г.

Дом Трумэнов в Канзас-Сити

С женой и дочерью. 1928 г.

Марта Эллен Трумэн, мать Гарри. 1939 г.

Том Пендергаст. 1925 г.

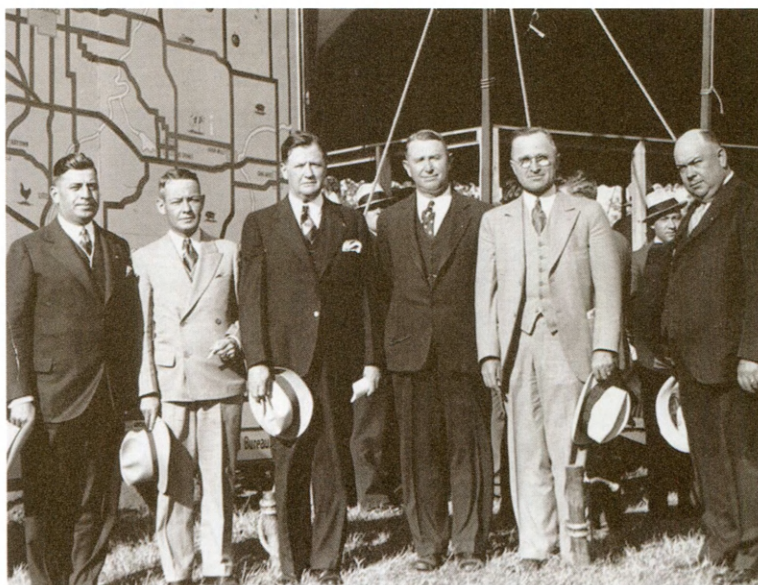
Магазин Гарри Трумэна
и Эдди Джекобсона.
Канзас-Сити. 1920-е гг.

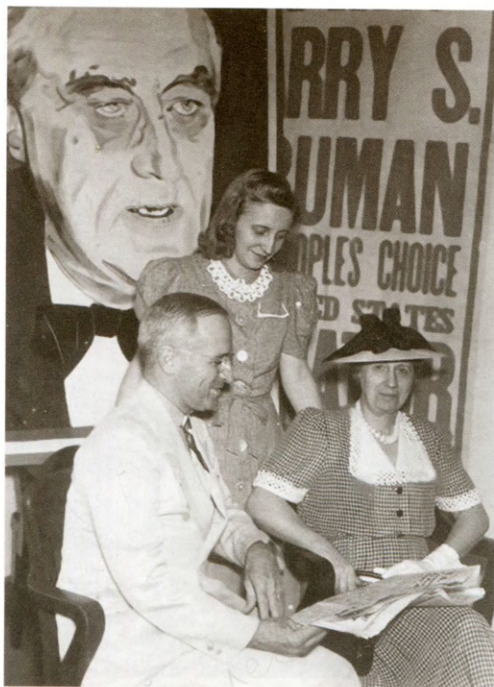

Судья-председатель графства Джексон Гарри Трумэн (сидит в центре) с помощниками и сотрудниками. 1927 г.

Судья-председатель Трумэн со своими сотрудниками. 1932 г.

Сенатская кампания
Трумэна 1934 года.
Помощники —
дочь Маргарет
и жена Бесс

Выступление Трумэна
в ходе кампании
по выборам в сенат
1940 года

Джеймс Бирнс

Роберт Хэннеган

Заседание Комитета Трумэна. 1943 г.

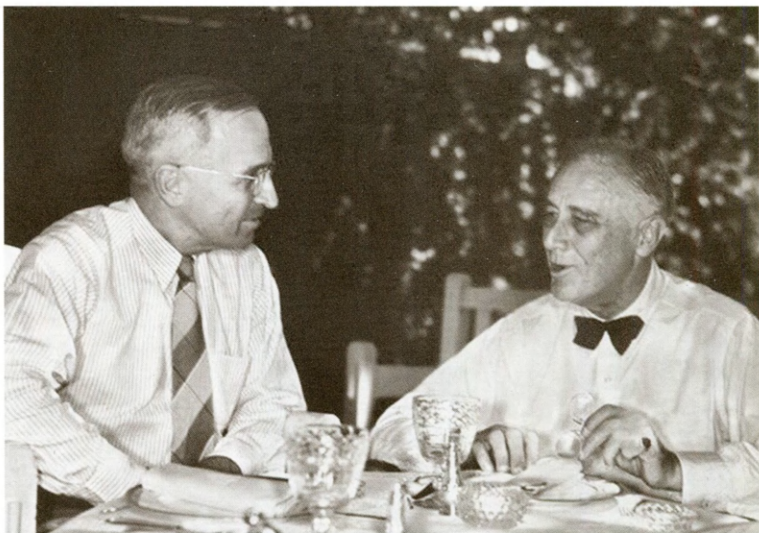

Предвыборный плакат
Рузвельта — Трумэна
1944 года с надписью
«За прочный мир,
за всеобщую безопасность»

Франклин Делано Рузвельт,
Гарри Трумэн
и бывший вице-президент
Генри Уоллес.
10 ноября 1944 г.

Трумэн и Рузвельт в Белом доме после национального съезда
Демократической партии. 1944 г.

Вице-президент Трумэн за роялем в Национальном пресс-клубе.
Начало 1945 г.

На похоронах
Тома Пендергаста.
Канзас-Сити. 1945 г.

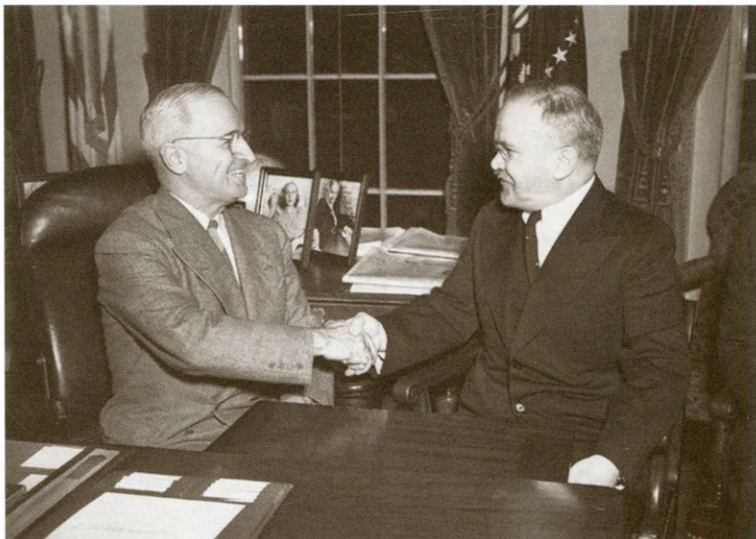
Похороны
президента США
Франклина Делано
Рузвельта.
*Вашингтон.
14 апреля 1945 г.*

Гарри Трумэн приносит клятву в качестве президента США.
Рядом с ним жена Бесс и дочь Маргарет. *12 апреля 1945 г.*

Видимость дружественной встречи: президент США Гарри Трумэн
и нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. *Апрель 1945 г.*

Президент Гарри Трумэн встречает у Белого дома генерала Дуайта Эйзенхауэра. *Июнь 1945 г.*

На крейсере «Аугуста». *Июль 1945 г.*

точной Польши для «освобождения» Западной Украины и Западной Белоруссии.

О том, что Трумэн рассматривал сталинский режим в СССР таким же преступным, как и гитлеровский в Германии, свидетельствует его непосредственный отклик на нападение Германии на СССР. В ответ на вопрос корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс», как он оценивает начало войны между СССР и фашистской Германией, Трумэн заявил: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны оказывать помощь России, а если будет побеждать Россия, мы должны помочь Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу увидеть, что побеждает Гитлер, ни при каких обстоятельствах»²⁶⁹. Эти слова после войны цитировались во всех советских изданиях, связанных с советско-американскими отношениями периода войны, причем из цитаты исключалась последняя часть высказывания о нежелании видеть победу Гитлера. Цитата служила основанием для всевозможных проклятий в адрес президента Трумэна как мракобеса и заклятого антисоветчика, хотя это высказывание, оказавшееся случайным, эмоциональным и должным образом не обдуманном, не отражало истинных взглядов Трумэна, сложившихся по отношению к СССР во второй половине 1941 года.

Нельзя не отметить, что непосредственная оценка сенатором вступления СССР в войну отличалась от тех мыслей, которые были высказаны как президентом его страны, так и Уинстоном Черчиллем, премьер-министром Великобритании. Оба высших государственных руководителя объявили о готовности оказать помощь СССР без всяких условий, а не только, «если будет побеждать Германия». Сэр Уинстон 22 июня выступил в палате общин с речью, которую большинство наблюдателей и историков оценили как образец пламенного красноречия. Он сказал, в частности: «Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги. Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, которую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его столь же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы». Соответствующая часть речи была завершена сравнением: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по крайней мере, благожелательно отозвался бы в палате общин о Сатане»²⁷⁰. Черчилль, таким образом, продолжал считать Ста-

лина Сатаной, но это никак не помешало ему пообещать СССР помощь в войне.

По существу, слова британского премьера были обращением в первую очередь к Рузвельту. Последний слегка помедлил и выступил не с обращением к нации, а перед журналистами, приглашенными в Белый дом. 24 июня он заявил представителям прессы, что при любом ходе войны на Восточном фронте Германия потеряет там значительную часть своих ресурсов, а это даст США время для ускоренной подготовки к вмешательству в европейские дела. Как нечто естественное и безусловное Рузвельт произнес: «Разумеется, мы окажем России всю возможную помощь»²⁷¹.

В первые дни войны между СССР и Германией Трумэн оказался менее предусмотрительным и стратегически мыслящим, нежели высшие руководители США и Великобритании. Объяснялось это, видимо, и тем, что он не слишком внимательно следил за развитием европейских событий, и пробелами в стратегическом мышлении, и свойством высказывать подчас острые, безапелляционные суждения, о которых он вскоре сожалел (так было, например, с заявлением о готовности вместе с Германией бороться против Франции).

Советскую тоталитарную систему Трумэн продолжал осуждать в частном порядке и в следующие месяцы и годы войны. Он писал, например, жене в конце 1941 года, что этой стране «нельзя доверять, так же, как и Гитлеру или Аль Капоне»²⁷².

Так что не вполне прав известный американский журналист Артур Крок, который оценивал заявление Трумэна 24 июня как «не очень серьезное». Оно было вполне серьезным, отнюдь не шуточным, но явно несвоевременным, не соответствовавшим интересам успешного ведения войны против агрессоров, что Трумэн осознал довольно быстро. Именно поэтому вслед за заявлением от 24 июня появилось новое (ответ корреспонденту «Америкэн мэгэзин»): «Что касается меня, то я считаю, что, поскольку русские сдерживают 192 германские дивизии в Европе, это определенно военные усилия, над которыми не следует насмехаться... Я безусловно хотел бы, чтобы России была оказана помощь, поскольку она стремится воевать с Германией до ее полного усмирения»²⁷³.

Трумэну, таким образом, была свойственна двойственность по отношению к СССР. Признав необходимость оказания помощи, то есть рассматривая его как союзника, он

в глубине души продолжал считать его страной, чуждой западным ценностям, находившейся под властью жестокой личной диктатуры. Можно полагать, что в военные годы он постепенно все лучше осознавал временность союза со Сталиным и в этом смысле не встретил холодную войну как какую-то неожиданность или случайность, воспринимал ее как факт неизбежный, по крайней мере при власти Сталина. Правда, и он сохранял, как мы увидим, в течение некоторого времени иллюзии в отношении личности Сталина, от которых избавлялся лишь постепенно.

Вскоре после вступления США в войну Трумэн обратился к начальнику штаба армии генералу Джорджу Маршаллу с просьбой о зачислении его на активную воинскую службу. Остается неизвестным, собирался ли он подать в отставку с поста сенатора или лишь «взять отпуск». Гарри полагал, что он сможет командовать артиллерийским полком, во всяком случае во время подготовки к фронтовым действиям. Как он вспоминал, Маршалл ответил ему в своей манере — он был не улыбочив, резок и краток. Спросив, сколько лет сенатору, и узнав, что тому шестой десяток, он заявил: «Мы не нуждаемся в стариках вроде вас — это война для молодых людей»²⁷⁴.

Действительно, ни по возрасту, ни по состоянию здоровья Трумэн не годился для военной службы. Еще в апреле 1941 года он перенес сильный приступ боли в брюшной полости. Оказалось, что у него желчнокаменная болезнь. Гарри поступил на лечение в военный госпиталь в Хот-Спрингсе, где, помимо основного заболевания, у него обнаружили сильное общее утомление и потерю веса. Двухнедельное лечение позволило восстановить силы и купировать камни в желчном пузыре, но полностью здоровым человеком Трумэн себя не чувствовал, хотя возобновил прежний интенсивный темп работы своего комитета²⁷⁵.

Позиции Трумэна по вопросам, которые рассматривались сенатом и общественностью в целом, свидетельствовали, что он все более определялся как один из лидеров левого крыла Демократической партии или, точнее, его позиция, по собственному определению, находилась «чуть левее центра»²⁷⁶. Несколько изменившиеся установки сенатора были связаны в первую очередь с общим ростом левых настроений в американском обществе в условиях войны, которая рассматривалась прежде всего как всемирная битва против крайней реакции. Соответствующие настроения проявились и в родном штате Трумэна, где явно усилилось

влияние профсоюзных организаций, и объединения негров более или менее четко проявили самобытность.

В сенате Трумэн неоднократно выступал как защитник прав и интересов рабочих. Он возражал против законодательного ограничения повышения зарплаты рабочих в условиях войны, но оказался в меньшинстве. Особенно энергично Трумэн буквально сражался против законопроекта о трудовых спорах (акта Смита — Коннэлли), принятого 25 июня 1943 года, несмотря на вето президента (для того чтобы преодолеть вето, требуется большинство в две трети голосов конгрессменов). Этот закон давал разрешение федеральному правительству вмешиваться в работу предприятий, производивших военную продукцию, если им угрожала забастовка или где уже бастовали. Правительство имело право заменять бастующих иной рабочей силой или объявлять рабочих мобилизованными, тем самым заставляя их вернуться к труду. Трумэн внес в сенат специальный проект резолюции, направленный против мобилизации рабочей силы²⁷⁷. С существенными поправками, ограничивавшими ее, резолюция была принята. Она, однако, противоречила акту Смита — Коннэлли и практически осталась невыполненной.

В то же время, поддерживая тред-юнионы по основным вопросам, Трумэн не раз энергично критиковал некоторых наиболее радикальных профсоюзных деятелей, в частности председателя Объединенного союза горняков Джона Льюиса, считая его требования повышения заработной платы в условиях войны чрезмерными. Льюис, который столь же остро отвечал Трумэну, был, однако, исключением. Подавляющее большинство профсоюзных лидеров оценивали сенатора как своего союзника.

Позиция Трумэна по вопросу о гражданских правах черных была неоднозначной. В своей работе в Конгрессе он не выдвигал данную проблему на первое место. В личных общениях он не раз проявлял умеренный расизм. Помощник Трумэна Гарри Вогэн безусловно правильно передавал отношение своего шефа к неграм, заявляя, что у него аллергия на «особую группу людей» — «эфиопов, окончивших Гарвард» (имелся в виду один из наиболее престижных в США Гарвардский университет)²⁷⁸. Именно примерно в это время сестра Трумэна Мэри Джейн рассказывала, что на ферме, где рос ее брат, никогда не было негров и «никто их там не хотел», что «Гарри — сторонник равенства негров не больше, чем я сама»²⁷⁹.

В то же время в сенате Трумэн, не будучи инициатором соответствующих предложений и законопроектов, неизменно подписывался под законопроектами о тех или иных конкретных расширениях прав чернокожих.

Складывалась его политическая позиция, которая позже, в президентские годы, приведет к первым законодательным ограничениям сегрегации.

Глава седьмая

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ

1. На пути к исполнительной власти

Став одним из известных парламентских деятелей, прежде всего благодаря раскрытиям (подчас сенсационным) комитета, который был известен под его именем, Трумэн не раз — и публично, и в частной переписке — подчеркивал, что работа в сенате — это тот предел, которого он достиг, что на большее он претендовать не намерен. В одном из его писем даже появилась фраза: «Я не хотел бы стать вице-президентом»²⁸⁰. Само появление слова «вице-президент» характерно. Ведь его никто не спрашивал об этом, само слово всплыло из подсознания и скорее всего свидетельствовало о противоположном — о том, что Трумэн теперь отнюдь не возражал бы, если бы какими-то судьбами он был вознесен на вице-президентский пост.

Постепенно складывалась более или менее благоприятная обстановка для этого. У Трумэна появлялись весьма влиятельные друзья. Безусловно, главным из них был Роберт (Боб) Хэннеган. Являвшийся во второй половине 1930-х годов руководителем организации Демократической партии в Сент-Луисе, он энергично поддержал кандидатуру Трумэна во время его второй избирательной кампании, противостоя усилиям губернатора Миссури Старка, строившего против Трумэна всяческие козни. Трумэн считал, что был избран прежде всего благодаря католикам Сент-Луиса, среди которых Хэннеган пользовался серьезным влиянием. Вскоре после этого Трумэн в знак благодарности рекомендовал Боба на должность руководителя ведомства по сбору налогов в Сент-Луисе. На этой должности тот проявил себя требовательным и исполнительным чиновником, при котором поступления в казну из города резко возросли.

Начался молниеносный взлет по карьерной лестнице. Осенью 1943 года Рузвельт назначил Хэннегана федеральным уполномоченным по внутренним государственным доходам. Прошло еще несколько месяцев, и Рузвельт предложил Трумэну возглавить Национальный комитет Демократической партии, что было неизбежно связано с уходом из сената. Отклонив это предложение, Гарри рекомендовал на почетную должность Роберта Хэннегана. В январе 1944 года Хэннеган получил искомую должность и таким образом возглавил все технические структуры партии²⁸¹. Говоря языком, свойственным истории советской коммунистической партии, он получил должность «генерального секретаря ЦК», аналогичную той, которой в 1922 году удостоился И. В. Сталин. Оговоримся, что сравнения тут весьма условны не только потому, что в США существовала юридически многопартийная, а фактически двухпартийная система, но и потому, что формальная власть Хэннегана совпадала с фактической, а Сталин, как незадолго до смерти писал (точнее, надиктовывал) Ленин, «сосредоточил в своих руках необъятную власть».

Однако тот факт, что и власть Хэннегана над партийной «машиной» Демократической партии оказалась весьма значительной, хотя и не необъятной, безусловен.

Тем временем, с середины 1943 года сперва подспудно, а затем все более открыто, разворачивалась предвыборная кампания. В начале ноября 1944 года предстояло избрать нового президента. Несмотря на всю беспрецедентность этого факта, единственным кандидатом от Демократической партии в четвертый раз считался Рузвельт. Хотя страна участвовала в войне и, таким образом, предстояло избрать не только президента, но и Верховного главнокомандующего действующими вооруженными силами (президент, напомним, является по должности главнокомандующим), хотя состояние его здоровья в последнее время значительно ухудшилось (медицинские обследования устанавливали сердечную недостаточность и усиливавшуюся гипертензию²⁸²), у Рузвельта не было колебаний относительно участия в очередных выборах.

Значительно сложнее обстояло дело с определением кандидата в вице-президенты. По поводу этого поста шел ожесточенный торг между группами Демократической партии. Важность вопроса, открыто не обсуждавшаяся, но отлично подразумевавшаяся всеми политиками, состояла в том, что у них были сомнения, сможет ли тяжелобольной Рузвельт до-

жить до завершения очередного четырехлетнего президентства. Ведь в случае его кончины вице-президент автоматически тотчас же должен был занять президентский пост.

Многие считали, что Рузвельт выдвинет на должность вице-президента своего собрата по предыдущему президентскому сроку Генри Уоллеса. В прошлом эффективно руководивший Министерством сельского хозяйства, он в качестве вице-президента с 1941 года энергично и инициативно занимался государственными делами в отличие от подавляющего большинства вице-президентов, являвшихся лишь пассивными исполнителями поручений своих шефов. Наблюдатели признавали, в частности, важную роль Уоллеса в налаживании государственного регулирования военной промышленности, в немалой степени в соответствии с рекомендациями Комитета Трумэна.

Однако на Капитолийском холме вице-президент не пользовался существенной поддержкой. Ни в палате представителей, ни в сенате у него не было близких друзей, его считали чересчур жестким (в частности, когда он по должности председательствовал в сенате), слишком левым, не склонным к компромиссам. Известный журналист и писатель Аллен Друри, являвшийся в 1943—1945 годах сенатским корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс», так записал в своем дневнике господствующее мнение об Уоллесе: «Он выглядит, как деревенщина, говорит, как пророк, и поступает, как обиженный школьник»²⁸³. Если самого Рузвельта считали левым, то его явно следовало теперь уравновесить хотя бы чуть более консервативным вице-президентом.

Рузвельт не мог не считаться со сложившимся мнением парламентариев. К тому же с середины 1943 года его личные отношения с Уоллесом ухудшились в результате перепалки того с министром торговли Джессом Джонсом, которого ценил Рузвельт и к которому весьма благосклонно относилась консервативная часть Конгресса.

Именно в это время, когда в парламентских кругах обсуждались перипетии, связанные с Уоллесом, коллега Трумэна Джо Гаффи задал ему вопрос, как он относится к этому политику. Ответ был просто потрясающим: «Генри был лучшим министром сельского хозяйства, которого мы когда-либо имели». Иначе говоря, о самой высокой должности Уоллеса Трумэн пренебрежительно вообще не упомянул. Последовал новый вопрос, примет ли Трумэн вице-президентскую номинацию, если таковая будет предложена. Ответ был однозначным: «Нет»²⁸⁴.

Но как еще можно было ответить на прямой вопрос за год до номинации? Ведь любой уклончивый ответ звучал бы согласием в то время, когда наиболее ответственные деятели, от которых действительно зависела номинация, о Трумэне пока не задумывались. В то же время ответ Трумэна был, скорее всего, искренним. Прочно уже обосновавшийся в сенатском кресле, не любивший крутых поворотов, далеко не уверенный в том, что он сначала добьется номинации, а затем будет избран вместе с Рузвельтом, Гарри предпочитал не делать, по крайней мере пока, сколько-нибудь обзывавших заявлений.

Между тем на вице-президентский пост к началу 1944 года претендовали уже несколько влиятельных политиков. Генри Уоллес выступал с многочисленными речами в качестве действующего вице-президента. Ему удавалось увлечь своими обещаниями не только наиболее близкую к нему фермерскую, но и городскую, главным образом рабочую, аудиторию. Фактически это уже было началом предвыборной кампании. В то же время как о возможных кандидатах говорили о лидере сенатского большинства Олбене Баркли, о спикере палаты представителей Сэме Рэйберне. Поговаривали о судье Верховного суда Уильяме Дугласе²⁸⁵. На горизонте маячила тень влиятельного, близкого к Рузвельту бывшего судьи Верховного суда, а теперь руководителя Управления военной мобилизации Джеймса Бирнса. В Конгрессе Бирнса часто называли первым помощником президента²⁸⁶.

Отнюдь не было ясно, кого Рузвельт предпочтет в качестве напарника. Считалось, что президент предложит Уоллеса, но в случае отклонения его кандидатуры партийным съездом остановит свой выбор скорее всего на Дугласе.

Рузвельт, однако, продолжал колебаться. Вряд ли он думал о вице-президенте как о человеке, который может вскоре после избрания стать президентом по естественной причине — несмотря на плохое состояние здоровья, Рузвельт надеялся, что очередной президентский срок он сможет полностью провести в Белом доме, и строил перспективные планы на послевоенный период. Колебания были связаны с качествами намечаемых кандидатов, с личным отношением к ним Рузвельта, который, став с годами раздражительным, вспоминал за каждым те или иные промахи или поступки, которые ему просто не нравились. В то же время многие политические деятели были в отношении перспектив Франклина Рузвельта не столь оптимистичны, как он сам. Циники нередко открыто говорили, что, под-

бирая вице-президента, демократы, по существу, намечают будущего главу государства.

11 июля 1944 года Рузвельт ужинал с группой партийных функционеров, включая Роберта Хэннегана. Именно на этой встрече Хэннеган смог не только выдвинуть кандидатуру Трумэна, но и обрисовать его такими красками, что убедил в преимуществах сенатора присутствовавших и, главное, самого Рузвельта. Но уже на следующий день Рузвельт направил Хэннегану следующее странное письмо:

«Дорогой Боб,

Вы писали мне о Гарри Трумэне и Билле Дугласе. Я был бы, конечно, очень рад избираться с каждым из них и полагаю, что каждый из них придал бы подлинную силу бюллетеню»²⁸⁷.

Секретарь Рузвельта Грейс Тулли вспоминала, что в исходном экземпляре первым в письме стояло имя Дугласа, но Рузвельт приказал ей перепечатать текст, поставив первым Трумэна²⁸⁸. Из текста письма вытекало, что было какое-то письмо Хэннегана Рузвельту, написанное до ужина, в котором назывались две вице-президентские кандидатуры, и что Рузвельт после ужина, на котором склонился к выдвижению Трумэна, вновь оставлял вопрос открытым, хотя чаша весов действительно вроде бы сдвинулась в пользу Трумэна.

Но прошел еще день, и в телефонном разговоре с Бирнсом президент заявил, что, если тот будет участвовать в состязании на партийном съезде, обязательно выиграет²⁸⁹. Рузвельт, таким образом, продолжал игру, оставляя окончательное решение до последнего момента, то есть до съезда Демократической партии, назначенного на 17 июля. Сам же Трумэн, в отличие от других кандидатов, в фактическом торге за вице-президентское место не участвовал, продолжая многократно повторять, что он не является одним из кандидатов на этот пост и не собирается на него претендовать. Именно так он ответил Бирнсу, когда тот 14 июля задал ему по телефону прямой вопрос. Более того, Бирнс попросил Трумэна помочь ему подготовить текст речи о принятии номинации, и Гарри внешне охотно согласился²⁹⁰.

2. Номинация и выборы

Съезд Демократической партии открылся 17 июля в Чикаго. Рузвельт не участвовал в нем. Как раз в это время он совершал инспекционную поездку по стране, но, есте-

ственно, поддерживал телефонную связь с партийными лидерами, прежде всего с Хэннеганом. В очередном разговоре после открытия съезда Хэннеган убедил, наконец, президента, что Бирнс не встретит поддержки профсоюзов и черных избирателей (если на Юге им всячески препятствовали голосовать, то в северных штатах голоса негров имели определенный вес). В результате Рузвельт неохотно согласился с «вашим желанием двигать вперед Трумэна»²⁹¹.

Руки Хэннегана были теперь развязаны. Он встретился с Бирнсом и сообщил ему о решении президента. Лишь после этого руководитель партийного аппарата сообщил Трумэну, что именно он будет выдвигаться на пост вице-президента. Гарри, в свою очередь, встретился с Бирнсом, которого застал в состоянии растерянности, и попытался заверить его, что он ни в малейшей мере не участвовал в «конспирации» против отвергнутого теперь кандидата.

Бирнс ответил, судя по записям его помощника Уолтера Брауна, что он никак не обвиняет Трумэна в «двойственности и лицемерии, которые практикуются президентом»²⁹². Вслед за этим Бирнс обратился к делегации своего родного штата Южная Каролина с просьбой не выдвигать его, голосовать за Трумэна и демонстративно покинул Чикаго.

Будучи уже свидетелем непоследовательности Рузвельта в кадровых вопросах, неожиданной смены его решений, Трумэн все еще не давал окончательного согласия баллотироваться. Он во что бы то ни стало стремился услышать слова самого президента. Последний не пожелал пока еще разговаривать лично с Трумэном, но согласился, чтобы Трумэн присутствовал при телефонном разговоре с Хэннеганом. Состоялась следующая примечательная беседа:

«— Боб, ты добился, чтобы этот парень подстроился к нам?

— Нет, это такой упрямый миссурийский мул, каких я никогда не встречал.

— Ладно, скажи ему, что, если он хочет расколоть Демократическую партию в самой середине войны, это будет на его совести.

Ошеломленный Трумэн после пары минут молчания произнес:

— Ну, если ситуация такова, я должен сказать да, но почему, черт побери, он сам мне ничего не сказал?»²⁹³

Теперь Трумэн получил возможность объявить прессе, что его кандидатура выдвигается на пост вице-президента.

19 июля, на третий день работы съезда, Хэннеган выступил с официальным заявлением о желании Рузвельта

баллотироваться вместе с Гарри Трумэном. Вслед за этим состоялось голосование (кандидатура Рузвельта была выдвинута единогласно, без голосования). Хотя упрямый Генри Уоллес все же выдвинул свою кандидатуру, большинство съезда проголосовало за Трумэна. Добившийся победы Хэннеган торжествовал, пожалуй, больше, чем сам новоиспеченный кандидат. Позже Хэннеган говорил: «Я хотел бы, когда я умру, чтобы на моем могильном камне было написано только одно — здесь лежит человек, который добился, что Генри Уоллес не стал президентом Соединенных Штатов»²⁹⁴.

Трумэн поблагодарил за выдвижение лишь несколькими маловыразительными фразами самого общего толка по поводу великой чести, оказанной... штату Миссури (не ему лично!), и пообещал приложить усилия, чтобы приблизить окончание войны под главенством такого великого руководителя, каковым являлся Франклин Рузвельт.

Вместе с Гарри в Чикаго находились жена и дочь. Маргарет вспоминала, что она была в восторге, что отца выдвинули на один из высших постов в стране. Чувства ее матери были сложными. Когда они, встретив Гарри после заседания, наконец пробились сквозь толпу журналистов и праздных наблюдателей, Бесс взглянула на мужа и произнесла: «Неужели нам придется такое переживать всю оставшуюся жизнь?»²⁹⁵

Трумэн, на котором Рузвельт остановился в последний момент, был явно компромиссной фигурой, и никто из известных политиков не думал, что он будет серьезно вмешиваться в государственные дела. Несколько забегая вперед, отметим, что именно так было до самой смерти Рузвельта. Будущий Государственный секретарь Генри Киссинджер отмечал: «Несмотря на ухудшение состояния здоровья Рузвельта, Трумэна за все три месяца пребывания на посту вице-президента ни разу не привлекали к участию в выработке ключевых внешнеполитических решений. Не был он введен и в курс дела относительно проекта создания атомной бомбы»²⁹⁶.

Тотчас после выдвижения Трумэн подал в отставку с поста председателя сенатского комитета и включился в предвыборную кампанию. Рузвельт, наконец, любезно, хотя и сухомерно принял Трумэна в Белом доме. Они вместе пообедали на открытом воздухе, причем о политике речь почти не шла. Трумэн, который долгое время не видел президента на близком расстоянии, был потрясен тем, как тот изме-

нился, как дрожали его руки, когда он пытался налить немного молока в свою чашку кофе. Но перед общественностью Гарри, разумеется, вел себя правильно. После встречи он заявил репортерам: «Президент выглядит превосходно и с большим аппетитом, чем я, съел свой обед. Он остается таким же руководителем, каким был всегда»²⁹⁷.

Особенностью предвыборной «гонки», как называют избирательную кампанию в США, являлось в 1944 году то, что Рузвельт почти не участвовал в ней. Он во всеуслышание объявил об этом, мотивируя тем, что его взгляды хорошо известны и у него нет времени заниматься кампанией в условиях продолжавшегося мирового конфликта²⁹⁸.

Включившись в избирательную кампанию, Трумэн с небольшой группой помощников (главным среди них был Хью Фултон, который до этого, как мы помним, являлся основным консультантом сенатского Комитета Трумэна) посетил ряд штатов. Используя старые связи, в основном в родном штате, Трумэн сумел собрать необходимые средства на свои агитационные поездки.

Именно на Трумэне сосредоточился огонь сторонников кандидата Республиканской партии губернатора штата Нью-Йорк Томаса Дьюи, талантливого администратора, не лишенного либеральных настроений, который ранее был изоляционистом, но в условиях войны изменил свою внешнеполитическую ориентацию, став сторонником создания международной организации безопасности с участием США. Республиканцы критиковали администрацию Рузвельта в общей форме, обвиняя ее в том, что она своим «новым курсом» разрушала свободное предпринимательство. Что же касается внешней политики и ведения войны, то по этим вопросам республиканцы от критики в основном воздерживались.

Иногда, правда, затрагивалась и личность Рузвельта, но почти всегда в том контексте, что он стар и болен и вряд ли будет способен выполнять обязанности Верховного главнокомандующего в течение следующего президентского срока. 29 июля в газете «Вашингтон стар» появилась статья с сомнениями о том, каковы будут качества нового президента, если Рузвельт умрет почти сразу после выборов. Это была явная провокация, ибо было уже отлично известно, кто именно заменит Рузвельта — ведь в этом случае на пост вступал вице-президент.

Если администрацию Рузвельта критиковали осторожно, а его личности оппоненты почти не касались, то сто-

ронники республиканцев отыгрывались на кандидате в вице-президенты, стремясь таким образом косвенно скомпрометировать и его босса. Миссурийский республиканец Эвинг Митчелл первым назвал Трумэна гангстером, «одним из четырех погонщиков телеги Пендергаста», который попал в сенат в результате фальсифицированного голосования и посвятил всю свою карьеру разрушению демократического государства²⁹⁹. Этот мотив затем в различных вариантах циркулировал во всей республиканской пропаганде, сопровождаясь намеками, что Трумэн брал взятки, не гнушаясь даже мелкими подачками. Вспомнили и о том, что давным-давно Трумэн краткое время поддерживал связь с ку-клукс-кланом.

Сам Гарри признавал, что ему было трудно в этих условиях проводить предвыборную агитацию, тем более что он считал себя плохим публичным оратором и пасовал перед кандидатом в вице-президенты от республиканцев Джоном Брикером, неутомимым краснословом, который действительно явно переигрывал Трумэна³⁰⁰. Даже в материалах, выражавших сочувствие кампании демократов, о Трумэне отзывались в лучшем случае снисходительно. Журнал «Тайм» писал, что это политик «не слишком умудренный», политик «домашней выделки», и заключал: «Нет причин подозревать, что он стал бы великим президентом, как и нет причин полагать, что он оказался бы самым плохим»³⁰¹.

В то же время некоторые печатные органы открыто выражали широко распространенное мнение, что Трумэн в случае избрания очень скоро может оказаться в президентском кресле. Газета «Чикаго трибюн» писала, что «голосовать за Рузвельта, вполне вероятно, значит голосовать за президента Трумэна»³⁰². По мнению Николая Злобина, «это скорее была отчаянная попытка остановить Рузвельта, чем мало-мальски серьезный политический прогноз»³⁰³. Но с этим суждением вряд ли можно согласиться, имея в виду повсеместно циркулировавшие слухи о том, что Рузвельт тяжело болен.

Выборы состоялись 7 ноября. В последние недели перед ними республиканцы укрепляли свои позиции, и Рузвельт победил с минимальным отрывом от Дьюи, собрав вместе с Трумэном 53,4 процента голосов (выборы президента и вице-президента проводятся в одном пакете). Трумэн послал новому-старому президенту телеграмму: «Я очень рад более чем впечатляющей поддержке, которую Вы получили. Изоляционизм мертв. Надеюсь на скорую встречу»³⁰⁴.

Личного ответа он не получил — Рузвельт рассматривал эту телеграмму как одну из многих и коллективно поблагодарил всех тех, кто его приветствовал.

3. На новой должности

20 января 1945 года Трумэн принес присягу верности Соединенным Штатам в качестве вице-президента страны. Но это была инаугурация Рузвельта,³⁰⁵ именно о Рузвельте твердила американская и зарубежная пресса, фамилия вице-президента если и упоминалась, то вскользь.

Непосредственно после вступления в должность Трумэн только один раз наедине встретился с президентом. Это неудивительно — через два дня после инаугурации Рузвельт тайно покинул Белый дом и из военной гавани Ньюпорт-Ньюс тайно отправился за океан на вторую встречу «большой тройки». Встреча на этот раз проходила на советской территории, под Ялтой, в Ливадийском дворце, 4—11 февраля 1945 года. О том, что президент покидает страну, Трумэн узнал в самый последний момент, а о том, куда именно он направляется, ему не было сказано вообще. Как шли переговоры со Сталиным и Черчиллем, какие решения были приняты на Крымской конференции по вопросам о создании международной организации безопасности, оккупации и послевоенном устройстве Германии, по проблемам Восточной Европы, об участии СССР в войне против Японии вице-президент узнал постфактум.

Трумэн не был в курсе дел так называемого Манхэттенского проекта — работ по созданию атомного оружия, содержания секретной памятной записки по этому вопросу, подписанной 18 сентября 1944 года Рузвельтом и Черчиллем. Между тем именно в этом документе было намечено то, за что чуть менее чем через год возьмет на себя колоссальную персональную ответственность именно Трумэн. Там говорилось: «Проблему необходимо решать в обстановке чрезвычайной секретности; когда бомба будет, наконец, создана, возможно, после оценки всех последствий, использовать ее против японцев; их следует предупредить, что они подвергнутся повторной бомбардировке, если не капитулируют»³⁰⁵.

Из сказанного понятно, что Трумэн никак не мог знать и о том, что 13 декабря Рузвельт получил доклад генерал-лейтенанта Лесли Гровса, организационного руководителя

Манхэттенского проекта, в котором было сказано: «Сейчас становится совершенно ясным, что наши оперативные планы должны основываться на создании снаряда, мощность которого, по нашим сведениям, будет равна десяти тысячам тонн тринитротолуола. Первая бомба... будет готова примерно к 1 августа 1945 года. Вторая должна быть создана к концу года»³⁰⁶.

Трумэна держали вдалеке от судьбоносных решений и событий. Ему приходилось с этим мириться, он отлично знал, что вице-президентский пост — это в основном резервная позиция на случай неожиданностей.

В марте 1948 года Трумэн писал дочери: «Если и было что-то величайшим секретом, то только следующее, и когда-то я должен буду об этом рассказать. Как ты знаешь, я был вице-президентом с 20 января по 12 апреля 1945 года. Я присутствовал на заседаниях кабинета и видел Рузвельта за эти месяцы один или два раза. Но он никогда не говорил со мной откровенно о войне, или о внешней политике, или о том, что он думал о послевоенном мире»³⁰⁷.

Фактически Трумэн возвратился в сенат, правда, с иной функцией — он стал теперь по должности его председателем. Он руководил заседаниями, на которых обсуждались вопросы, связанные с назначением новых министров. Таковых было всего два — Рузвельт в основном сохранил прежний состав правительства. Наиболее важным изменением было назначение нового Государственного секретаря (министра иностранных дел). Занимавший этот пост с 1933 года Корделл Халл, который сыграл видную роль в формировании и развитии внешней политики страны, теперь считал, что президент все более оттесняет его от решения международных задач, и ушел в отставку, мотивируя это состоянием здоровья.

У Халла были основания для обиды — многие внешнеполитические вопросы Рузвельт решал, минуя Госдепартамент, направляя личных представителей в различные страны. На пост госсекретаря теперь был назначен Эдвард Стеттиниус, в прошлом ответственный администратор программы ленд-лиза и заместитель Халла. Это был прекрасный исполнитель, никогда не претендовавший на ведение самостоятельной политики. У Трумэна сложились дружеские отношения со Стеттиниусом, и он с чувством удовлетворения легко провел его кандидатуру через сенат.

Сложнее было со вторым утверждением. Лишившись поста вице-президента, Генри Уоллес получил теперь долж-

ность министра торговли. Трумэну пришлось приложить немало сил, чтобы убедить сенаторов утвердить амбициозного и громкоголосого политика, который явно поворачивал влево, идеализировал СССР, но все еще стремился остаться в команде Рузвельта. После жарких споров сенат все же утвердил рекомендацию президента, и Уоллес стал министром.

Гарри даже преувеличивал незначительность своего политического влияния. Беседуя с группой журналистов, аккредитованных на Капитолийском холме, он произнес: «В конце концов я — как это говорится? — всего лишь политический евнух». Осведомленный Аллен Друри так не считал. Он записал в дневник: «Гарри, имея за собой сенат, мог диктовать ряд вещей»³⁰⁸. Но в любом случае это была лишь потенция, а не существующий факт.

Согласно регистрации Белого дома, Трумэн в качестве вице-президента посетил Рузвельта только два раза. Дело в том, что после Крымской конференции президент отправился на отдых и лечение, затем посетил несколько мест, в Вашингтон возвратился ненадолго и вновь был вынужден по требованию врачей отдыхать и лечиться на курорте Уорм-Спрингс в штате Джорджия, готовясь к учредительной конференции Организации Объединенных Наций, которая должна была открыться в Сан-Франциско 25 апреля 1945 года. Там Рузвельт работал над своим приветствием новой международной организации. В столице Рузвельт в интервале между инаугурацией 20 января и кончиной 12 апреля находился не более тридцати дней.

Правда, кроме одной или двух личных встреч, президент и вице-президент встречались в официальной обстановке, в частности на совместном заседании обеих палат Конгресса 1 марта, когда Рузвельт выступал с отчетом о Крымской конференции³⁰⁹. Это было его последнее выступление. Трумэн вел это заседание вместе с председателем палаты представителей Сэмом Рэйберном. Выступление Рузвельта произвело на Трумэна и других присутствующих тягостное впечатление. Впервые президент выступал не стоя (это всегда было для него крайне трудно — Рузвельт страдал от последствий полиомиелита), а сидя в кресле. Но выступление было вполне оптимистическим. «Мир, который мы строим, — говорил он, — не может быть американским, британским, русским, французским или китайским. Он должен стать миром, основанным на общих усилиях всех народов».

В этот день Рузвельт сказал Трумэну о своей страшной усталости, но он надеялся, что две-три недели отдыха восстановят его силы. Репортерам, спросившим его о впечатлениях от доклада Рузвельта, Трумэн ответил так, что ответа по существу дела не было. «Это — одно из величайших выступлений, которые когда-либо были»³¹⁰.

День 11 апреля Трумэн провел в обычной рутине, подробности которой он запечатлел в письме матери и сестре, написанном этим вечером. Утром он отвез дочку в университет, в 8 часов 30 минут приехал в свой офис в здании сената, просмотрел часть из огромной груды корреспонденции, поговорил с несколькими сенаторами по поводу заседания, которое должно было состояться на следующий день, принял какого-то чудака, который хотел посмотреть на живого вице-президента, чтобы установить, «умеет ли он ходить и есть ли у него зубы»³¹¹.

Так прошел последний день вице-президента Трумэна.

Глава восьмая

КОНЧИНА РУЗВЕЛЬТА. 33-Й ПРЕЗИДЕНТ

1. Печальная весть и присяга

Следующий день, 12 апреля, должен был быть таким же тривиальным, за исключением планировавшегося небольшого заседания сената, на котором Трумэну предстояло председательствовать.

Так оно и было. После заседания Трумэн зашел к председателю палаты представителей Сэму Рэйберну, чтобы обсудить текущие вопросы и просто поболтать перед отправлением домой. На следующее утро Трумэн должен был лететь в город Провиденс, чтобы выступить на собрании демократов штата Род-Айленд.

Но едва он появился в кабинете Рэйберна, тот сказал ему, что только что звонил помощник Рузвельта Стив Эрли, который не застал Трумэна в его кабинете, и, узнав, куда тот направился, просил Трумэна, как только он появится, связаться с Белым домом. Кто-то из присутствовавших отметил, что лицо Гарри стало серым. Он произнес: «Ребята, должно быть, что-то произошло».

И всё же, не желая, чтобы предстоявший разговор стал достоянием чужих ушей, Трумэн быстро направился в свой кабинет, чтобы оттуда позвонить Эрли. Но по дороге он

передумал и, вызвав свою машину, отправился в Белый дом. Его встретила Элеонора Рузвельт, которая обняла Трумэна и сказала: «Гарри, президент мертв». Растерявшийся Трумэн задал нелепый вопрос: «Что я могу сделать для вас, Элеонора?» Вдова Рузвельта, сдерживая слезы, ответила на вопрос вопросом: «Что я могу сделать для вас, мистер президент? Ведь на вас теперь лежат все заботы»³¹².

«Я чувствовал себя так, как будто меня ударила молния», — говорил Трумэн вскоре своему другу Джону Снайдеру, которого он назначил министром финансов (а тот передал эти слова пресс-секретарю Белого дома Джонатану Дэниелсу)³¹³. По-видимому, его самочувствие было действительно таковым, но только в первый момент. Новый президент, еще не вступивший официально в должность, почти моментально овладел своими чувствами. Скорбеть по поводу кончины предшественника не было ни времени, ни желания. Отношения между Рузвельтом и Трумэном всегда были сугубо официальными. Особой симпатии друг к другу они не испытывали, встречались крайне редко, включая и неполных три месяца после того, как Гарри стал вице-президентом.

Прежде всего Трумэн распорядился оповестить о происшедшем депутатов Конгресса и прессу. Около шести часов вечера радиостанции США, прервав передачи, сообщили, что в 3 часа 35 минут пополудни в городе Уорм-Спрингсе, штат Джорджия, в результате кровоизлияния в мозг в возрасте шестидесяти трех лет скончался президент США Франклин Делано Рузвельт. Диктор радиосети «Си-би-эс» (*Columbia Broadcasting System*) прервал передачу на полуслове и взволнованно произнес: «Только что пресс-служба Белого дома сообщила, что умер президент Рузвельт. Это пока все. Никаких подробностей пока нет, но служба новостей “Си-би-эс” немедленно выйдет в эфир, как только будет получена дополнительная информация из нашей штаб-квартиры». Вскоре после этого населению США стали сообщать детали.

В этот день, 12 апреля, Рузвельт, отдохавший вместе со своей давней любовницей Люси Мерсер-Рутерферд, но не прерывавший работы, читал и подписывал деловые бумаги, сидя за столом, одновременно позируя художнице русского происхождения Елизавете Шуматовой, которую привезла Люси. Иногда Шуматова заговаривала с ним, чтобы портрет получился живее. В час дня президент сказал: «Нам осталось работать пятнадцать минут». Через одну-две ми-

нуты он произнес: «У меня ужасно болит голова», — и потерял сознание. Все попытки доктора Брауна, находившегося вместе с Рузвельтом, восстановить жизнедеятельность не дали результата. Через два часа была констатирована смерть.

Население Соединенных Штатов было потрясено смертью человека, который свыше двенадцати лет стоял во главе страны. Американцы знали, что президент — человек больной, но привыкли к тому, что ими руководит инвалид. Повсеместно считалось, что состояние Рузвельта — это своего рода свойство личности, что и в ближайшие четыре года граждане США будут следовать за президентом, которого большинство из них искренне уважало. Сообщение о смерти Рузвельта в самом начале его нового президентского срока стало горем общенациональным.

Известие о кончине Рузвельта немедленно распространилось по всему миру. Уинстон Черчилль заявил: «Однажды мир поймет, чем он обязан президенту». Соболезнование поступило из королевской резиденции — Букингемского дворца, что было беспрецедентным по отношению к покойному, не имевшему родственных связей с британской династией.

Посол в Москве Уильям Аверелл Гарриман сообщил, что Сталин, не произнося ни слова, почти минуту держал его руку обеими своими руками, а затем со свойственной ему подозрительностью заявил, что надо произвести вскрытие, чтобы проверить, не был ли президент отравлен. В советском некрологе, отредактированном Сталиным, говорилось: «Президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт являлся одним из крупнейших и популярнейших политических американских деятелей на протяжении всей истории страны... Внезапная смерть Рузвельта вызовет скорбь во всех свободолюбивых странах»³¹⁴. К новому американскому президенту советский лидер отнесся с подозрением. «Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкнется с Трумэном»³¹⁵, — говорил Сталин.

В то же время в Берлине торжествовали. Йозеф Геббельс воодушевленно кричал по телефону Гитлеру, находившемуся в глубоком бункере под рейхсканцелярией: «Мой фюрер! Поздравляю вас! Рузвельт мертв! Звезды говорят, что вторая половина апреля будет для нас поворотным пунктом!»³¹⁶

Сравнительно недалеко от Берлина, но по другую сторону Западного фронта, главнокомандующий войсками союзников генерал Дуайт Эйзенхауэр вместе со своими бли-

жайшими помощниками Омаром Брэдли и Джорджем Паттоном вспоминали о своих встречах с Рузвельтом, пили в память о нем и не очень благожелательно рассуждали о его преемнике. «Отсюда Трумэн кажется абсолютно неспособным занять место Рузвельта»³¹⁷, — писал позже Брэдли.

Настроение генералов в полной мере разделяли большинство американцев, включая многих политических деятелей, в том числе являвшихся членами Демократической партии. И дело было не только в том, что Рузвельт, который лишь совсем недавно занял президентский пост в четвертый раз, был лидером привычным, казавшимся естественным руководителем нации, тем более в условиях еще не завершившейся войны. О Трумэне было известно мало, о его вице-президентстве говорили как о случайном, компромиссном выборе.

К тому же при разговоре о нем обычно вспоминали его связь с семейством Пендергаст, которое рассматривалось как одна из наиболее известных провинциальных мафиозных групп. Известный соратник Рузвельта Дэвид Лиллиенталь, являвшийся в это время директором одного из нашумевших хозяйственных проектов Рузвельта — Администрации долины реки Теннесси — заявил, правда в частном разговоре, что он «почувствовал оцепенение при мысли, кем стал этот подонок Трумэн». В свою очередь известный журналист Макс Лернер выразил, на этот раз публично, сомнение, что «человек, которого отождествляют с машиной Пендергаста, будет способен держать в своих руках надутых политиков и боссов»³¹⁸.

Это были суждения крайние, но в какой-то мере они заостряли общую растерянность, на непродолжительное время возобладавшую в стране.

Вполне понятно, как тяжело было Трумэну взять на себя ношу президента, которого сразу же после кончины стали именовать великим. Вел себя Гарри, однако, так, как будто всей своей предыдущей деятельностью готовился к этому моменту.

Около шести часов вечера в Белом доме собрались члены правительства и президентского аппарата. Трумэн официально сообщил им о смерти президента, который «скончался, как солдат», и попросил присутствовавших по-прежнему занимать свои посты. Вслед за этим в Белый дом был приглашен председатель Верховного суда Харлан Стоун. Именно это должностное лицо принимало, согласно американской традиции, присягу президента.

В семь часов с минутами Трумэн, рядом с которым стояли жена и дочь, доставленные к этому времени в президентскую резиденцию, произнес слова присяги. Когда эта краткая, но юридически исключительно важная церемония завершилась, присутствовавшие спохватились, что в суматохе не было сделано ни единого фотоснимка. Церемонии пришлось повторить. По словам тогдашнего министра военно-морского флота Джеймса Форрестала, Трумэн вел себя «достойно и твердо»³¹⁹.

«Я, Гарри Эс Трумэн, — сказал он, держа правую руку на Библии, — торжественно клянусь честно исполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду делать все для сохранения, защиты и охраны Конституции Соединенных Штатов». «Да поможет вам Бог», — сказал Стоун. «Да поможет мне Бог», — повторил Трумэн и поцеловал Библию. У Америки появился 33-й президент.

Первое решение нового президента, принятое тотчас после вступления в должность и обсуждения, как будут организованы похороны Рузвельта, касалось принципиально-го международного вопроса. Посоветовавшись с госсекретарем Стеттиниусом, не следует ли отложить учредительную конференцию ООН, которая должна была открыться менее чем через две недели, Трумэн распорядился объявить, что конференция начнет свою работу в Сан-Франциско 25 апреля, как планировал покойный президент. В связи с этим в прессу было передано сообщение, что новый руководитель исполнительной власти полон решимости претворять в жизнь международные обязательства страны в должном объеме. В разговоре со Стеттиниусом госсекретарю была обещана полная поддержка. По оценке Стеттиниуса, Трумэн производил впечатление «простой, искренней личности, разумеется озадаченной, но намеренной делать все, что было в его силах, чтобы соответствовать чрезвычайным обстоятельствам». Он «совершенно не казался человеком слабым»³²⁰.

Вслед за этим на кратком заседании кабинета Трумэн произнес небольшую речь, основной смысл которой состоял в том, что он собирается продолжать политику Рузвельта, но будет президентом самостоятельным и, по существу дела повторяясь, еще раз подчеркнул, что «важнейшие решения будет принимать сам»³²¹.

Следующие несколько дней заняты были похоронными делами. 14 апреля гроб с телом Рузвельта был доставлен в Вашингтон. После прощания процессия отправилась в

штат Нью-Йорк, где на следующий день состоялось захоронение в рузвельтовском имении Гайд-Парк. Во всех этих траурных мероприятиях участвовал новый президент. По просьбе вдовы Рузвельта он обратился с благодарностью ко всем тем, кто выразил соболезнование родным покойного³²².

Но и в эти траурные дни продолжалась напряженная государственная работа. Одновременно Гарри Трумэн привыкал к новой огромной ноше, внезапно на него свалившейся.

С первых же часов пребывания на президентском посту Трумэн ощущал некий комплекс неполноценности при произнесении публичных речей. Вытекало это из двух взаимосвязанных обстоятельств. Одно из них сводилось к тому, что не только сам Трумэн, но и близкие ему люди считали его посредственным оратором, не вызывающим особых эмоций своими выступлениями, что отмечала и дочь Трумэна Маргарет³²³.

Второе обстоятельство состояло в том, что Трумэн придавал чрезвычайное значение президентским речам. Он знал, что они представляют собой важные государственные документы, что их будут изучать современники и потомки и судить по ним о качествах главы государства. Он панически боялся, что случайно сказанная фраза или неверно истолкованная мысль могут серьезно подорвать его престиж. Поэтому первые свои речи Трумэн никогда не произносил спонтанно. Он всегда использовал либо заранее подготовленный текст, либо подробные тезисы, обычно зафиксированные на карточках.

В результате речи звучали несколько казенно, сугубо официально. Та же Маргарет констатировала, что отец «читал речи плохо, постоянно стремясь поставить точку»³²⁴. Лишь постепенно ораторское искусство оттачивалось, особенно во время избирательной кампании 1948 года, когда Трумэн научился, наконец, выступать свободно, ведя доверительный разговор с аудиторией, как состоявшей из определенного слоя слушателей, так и смешанной, что, разумеется, было гораздо труднее. Биографы Трумэна сходятся в том, что его краткие выступления на «остановках по свистку» персонального поезда сыграли важную, если не основную роль в успешном результате выборов.

Но все это будет в будущем, пока же Трумэн, пробыв вице-президентом 82 дня, переживал первые часы своего президентства.

Еще не считая Белый дом своим обиталищем (да и не мог он так считать, хотя бы потому, что жилые помещения

не были подготовлены для него и его семьи), в половине десятого вечера 12 апреля Трумэн отправился домой на авеню Коннектикут № 4701 и позвонил своей матери. 92-летняя Марта напутствовала сына: «Гарри, старайся делать все как можно лучше, но играй по правилам». Только теперь, поздним вечером, семья Трумэна осознала, что никто из ее членов не ел многие часы. Бесс позвонила соседям, которые принесли какую-то пищу³²⁵.

Через пару дней Гарри записал в дневник по поводу событий 12 апреля, что он не представлял себе, «как отреагирует страна на смерть человека, которого боготворили почти все. Особенно я беспокоился по поводу реакции в вооруженных силах. Я не знал, как все это скажется на военных действиях, на контроле над ценами, на военной промышленности. Я знал, что у президента было множество встреч с Черчиллем и Сталиным*. Я не был знаком со многими вещами, и надо было тщательно все обдумать, но я решил, что всего лучше отправиться домой и слушать музыку». Запись заключал следующий текст: «Отправился в постель, решил спать и больше ни о чем не волноваться»³²⁶.

Когда на следующее утро Трумэн вышел из своей квартиры, чтобы ехать в Белый дом, он, удивившись в первое мгновение, понял, что стал фигурой особого значения, ибо тотчас к нему приблизились какие-то плотные незнакомые молодые мужчины в штатском. Но почти сразу он понял, что это — президентская охрана, которая будет теперь сопровождать его, куда бы он ни направлялся.

Дом был окружен репортерами. Увидев среди них знакомого корреспондента агентства «Ассошиэтед Пресс» Тони Ваккаро, Трумэн пригласил его в свой автомобиль, в котором было дано первое, надо сказать, почти бессодержательное интервью.

В начале десятого утра Трумэн вошел в Овальный кабинет Белого дома, являющийся официальным кабинетом главы государства, и подписал первую свою бумагу — президентское сообщение о смерти Франклина Рузвельта, тело которого как раз в это время медленно вез поезд из Джорджии в Вашингтон, останавливаясь для прощания почти на всех промежуточных станциях³²⁷.

* Трумэн отлично знал, что Рузвельт встречался со Сталиным не «множество раз», а всего два раза, и эти слова отражали отнюдь не некомпетентность, а тщательно скрываемое волнение.

2. Первые шаги нового президента

Первый рабочий день был в основном посвящен информации о военных действиях в Европе и американо-советским отношениям. Особое внимание было уделено сообщениям Стеттиниуса и его помощников о явных нарушениях советской стороной крымских договоренностей по поводу Польши. Тогда стороны условились о прекращении польских границ путем передачи СССР восточной части страны (Западной Украины и Западной Белоруссии) и перемещении польской границы на запад, до линии рек Одер (Одра) и Нейсе (Ныса-Лужицка). При этом намечалось создать польское правительство национального единства из представителей как Польского комитета национального освобождения, находившегося под безоговорочным влиянием советской стороны и состоявшим в основном из коммунистов, так и эмигрантского правительства, пребывавшего в Лондоне.

Официально эти договоренности в решении конференции оформлены не были. Фактически же в Варшаве у власти было поставлено коммунистическое правительство (с формальным участием представителей других партий, также выполнявших волю советского руководства). 27 марта советскими силовыми органами были арестованы 16 представителей лондонского правительства, прибывших на переговоры по реализации крымских договоренностей, в том числе вице-премьер Ян Станислав Янковский (позже над ними был устроен «показательный» судебный процесс в Москве).

Трумэн и его советники оценили происходившее как шаг к новому порабощению Польши, на этот раз советским режимом. Так с первого дня пребывания на посту президента Трумэн стал втягиваться в противостояние с восточным союзником. Вторая мировая война еще не окончилась, но уже возникали первые порывы будущей холодной войны.

Но все же пока необходимо было завершить войну в Европе, а затем и войну против Японии, существенно не нарушая союза. Именно этому было посвящено первое выступление Трумэна на совместном заседании палат Конгресса 16 апреля. Наблюдатели отмечали, что Трумэн собирался начать свое выступление, поднявшись на трибуну, когда председательствовавший Рэйберн (совместное заседание на этот раз вел один председатель, а не два, как полагалось, ибо теперь председателя сената просто не было — он стал

президентом) его остановил. «Разрешите мне представить вас, мистер президент», — произнес он.

Небольшое выступление Трумэна в основном содержало обязательство продолжать курс Рузвельта и, главное, довести войну в Европе до безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Пресса вновь отмечала решительность и твердость нового президента³²⁸. Позитивному его восприятию явно способствовало и опубликованное в «Нью-Йорк таймс» заявление его престарелой матушки, в котором говорилось: «На самом деле я не могу радоваться, что он стал президентом, потому что я скорблю об умершем президенте Рузвельте. Если бы за него (ее сына. — *Г. Ч., Л. Д.*) проголосовали, я размахивала бы флагом, но, наверное, неправильно радоваться или махать флагами сейчас... Все, кто слушал его выступление сегодня утром, поняли, что он был искренним и сделает свою работу как можно лучше»³²⁹.

Еще одной важной проверкой качеств главы исполнительной власти стала первая пресс-конференция, состоявшаяся 17 апреля. Присутствовало на ней около 350 журналистов. Помощник пресс-секретаря президента Эбен Айерс, который обычно являлся техническим организатором встреч Франклина Рузвельта с прессой, сделал вывод, что Трумэн произвел прекрасное впечатление. Такое же мнение выразил корреспондент «Нью-Йорк таймс», написавший: «Он стоял за столом, плотный, активный, энергичный». Хорошее впечатление произвело и то, что Трумэн не пытался отвечать на вопросы, к которым не был подготовлен, а твердо их отклонял, обещая возвратиться к ним в недалеком будущем.

Журналисты сочли, что новый президент открытен, не выглядит высокомерным, держится дружелюбно. Всю американскую печать облетели его слова: «Ребята, если у вас есть привычка молиться, молитесь теперь за меня. Я не знаю, падал ли вам когда-нибудь на голову стог сена. Но когда мне сказали, что произошло, я почувствовал, как будто Луна, звезды и все планеты разом упали на меня». Когда пресс-конференция закончилась, журналисты аплодировали, что бывало очень редко³³⁰.

За несколько первых дней президентства мнение о Трумэне резко изменилось в лучшую сторону. Он получил необходимый базис, чтобы в сложнейших условиях еще продолжавшейся мировой войны, в качестве не только высшего руководителя государственной администрации, но и Верховного главнокомандующего проводить свою политику, которая одновременно являлась продолжением курса

скончавшегося Рузвельта и постепенно приобретала новые, более жесткие черты во внешней политике и тенденцию к углублению внутреннего демократического устройства в политике внутренней.

Так, во всяком случае, казалось широким кругам американского общества и большинству наблюдателей за рубежами страны. Сам же Трумэн, по крайней мере первые два года, отнюдь не всегда высказывал уверенность в своих силах выполнять обязанности высшего государственного руководителя великой страны, о чем свидетельствуют несколько его изречений, приведенных Николаем Злобиным. «Я слишком мелок для этой работы», — говорил он, называл Белый дом «белой тюрьмой», призывал родителей «не воспитывать детей в желании стать президентами»³³¹.

Но это была лишь одна сторона. Трумэн по-прежнему был подвластен настроениям, и нередко заявления, сделанные в частном порядке такого-то дня, почти прямо противоречили высказываниям на следующий день. Уже в июне 1945 года он писал жене: «Что ж, я уже организовался. Пройдет немного времени, и я буду сидеть в кресле и наблюдать всю картину и указывать им, что надо делать в каждом ведомстве. Когда дела будут идти таким образом, у меня будет не больше работы, чем когда я руководил графством Джексон, и будет не больше забот»³³².

Конечно, в этих словах было немало бахвальства, но какую-то сторону образа мыслей и во всяком случае настроения Трумэна в данный момент они отражали. Ведь это было письмо жене, полностью разделявшей его волнения и заботы.

3. Старые и новые кадры

Для того чтобы хотя бы в какой-то мере добиться подобия описанной ситуации, необходимо было, по мнению Трумэна, перестроить штат администрации, обладавшей в условиях войны огромной властью, но не располагавшей кадрами, которые были бы в состоянии эффективно справляться со всеми текущими делами. Как мы уже знаем, будучи председателем сенатской комиссии, Трумэн выступал против рузвельтовской практики создания конкурирующих, в значительной мере дублирующих функции друг друга органов, которые, по его мнению, только надеялись, что работу выполнит соседнее учреждение.

В то же время сам штат президентской администрации был небольшим. Помимо личных помощников, прежде всего по военным делам, он включал два учреждения с не вполне определенными функциями, в значительной мере дублировавшими министерства. Одним из них было Управление военной мобилизации (им руководил Джеймс Бирнс, считавшийся специальным помощником президента), которое в октябре 1944 года в связи с приближением сроков окончания войны было преобразовано в Управление военной мобилизации и реконверсии (Бирнс был заменен Сэмюэлем Розенманом). Вторым президентским органом являлось Бюджетное бюро, в немалой мере дублировавшее Министерство финансов. Оба органа были созданы Рузвельтом, чтобы как можно прочнее держать нити управления в своих руках.

Трумэн с первых дней президентства предполагал провести реорганизацию обоих ведомств, но не торопился в этом деле, откладывая его до завершения войны.

Как любой действительно серьезный руководитель исполнительной власти, он в первую очередь заботился о кадрах, которым мог бы лично доверять и которые были бы достаточно компетентны. Рузвельт в этом отношении оставил ему неплохое наследство. Правда, некоторые из наиболее ответственных и опытных соратников покойного президента вскоре покинули Белый дом, хотя Трумэн хотел бы сохранить их в своем штате.

Особенно он сожалел об уходе Гарри Гопкинса, который на протяжении многих лет выполнял разнообразные ответственные поручения Рузвельта. Гопкинс был тяжело болен и в то же время просто не мог помыслить, что будет работать с кем-то другим, кроме своего покойного друга (он скончался менее чем через год, в январе 1946 года). Правда, Гопкинс успел по поручению Трумэна совершить еще поездку в Москву для встречи со Сталиным, о которой будет рассказано ниже.

Ушел и пресс-секретарь Стив Эрли, получивший хорошую работу в частной компании. Он возвратится на прежнюю должность как пресс-секретарь Трумэна в 1950 году, но проработает только несколько месяцев и скончается в 1951-м от сердечного заболевания.

Трумэн был удовлетворен, что смог сохранить в своем личном штате, правда на недолгое время, руководителей упомянутых специальных ведомств (военной мобилизации и реконверсии и бюджета) Сэмюэля Розенмана и Гароль-

да Смита. Но особой удачей он считал, что на своем посту остался адмирал Уильям Лихи. Он имел огромный военный, административный и дипломатический опыт и являлся с 1942 года руководителем личного штата Рузвельта как Верховного главнокомандующего. Трумэн особенно ценил Лихи как человека, не подлизывавшегося к президенту, а открыто высказывавшего свое мнение, в том числе и самое негативное, по поводу административных и военно-политических решений. Забегая вперед отметим, что Лихи выступил противником применения атомного оружия против Японии, а затем осудил эту акцию³³³, что несколько не ухудшило отношений между ним и президентом.

Пожалуй, важнейшим новым назначением было утверждение в качестве личного секретаря по особым поручениям Мэтью Коннэлли. В этом, казалось, не было ничего удивительного — Коннэлли являлся следователем в сенатском Комитете Трумэна, а во время его краткого вице-президентства служил личным секретарем. Коннэлли станет работать в Белом доме все неполных восемь лет президентства Трумэна. Правда, многие в Вашингтоне вначале думали, что личным секретарем президент изберет другого своего сотрудника по комитету — главного советника Хью Фултона. Этого, однако, не произошло, причем объяснения давались самые различные. Маргарет Трумэн, например, рассказывала, что негодование ее отца вызвала уверенность Фултона, что его назначат на высокий пост в Белом доме — Фултон, мол, растрезвонил на всю столицу, что он будет «фактическим президентом»³³⁴. Так ли это было на самом деле, трудно сказать, но что-то между президентом и его бывшим ближайшим помощником, безусловно, произошло, ибо в своих устных воспоминаниях Трумэн пренебрежительно заявил, что Фултон «оказался слишком большим для своих брюк»³³⁵.

Немаловажной была должность пресс-секретаря. После недолгой работы на этом посту радиожурналиста Леонарда Рейнша, который не смог найти общий язык с газетно-журнальным сообществом, Трумэн договорился о переходе в Белый дом одного из самых уважаемых столичных журналистов Чарлза (Чарли) Росса. Это был шестидесятилетний человек, соученик Трумэна по школе в Индепенденсе, который, получив образование в области журналистики, был корреспондентом и редактором ряда газет, а в 1932 году стал лауреатом Пулитцеровской премии за статью об особенностях экономического кризиса в США.

Как оказалось, Росс был более удачливым журналистом, чем пресс-менеджером Белого дома. Слишком добросовестный для такого рода дел, он не смог создать максимально благоприятного образа президента Трумэна, который «проглотила» бы пресса, может быть, именно потому, что Трумэн для него был прежде всего давним школьным товарищем. Журналисты упрекали Росса, что он не полностью осведомлен обо всем, что происходило в Белом доме, что он неудовлетворительно организует пресс-конференции и т. п.

Росс, однако, добросовестно служил своему шефу и был его доверенным человеком вплоть до декабря 1950 года, когда скоропостижно скончался от инфаркта, сидя за письменным столом после очередной пресс-конференции³³⁶.

Назначение Чарли Росса пресс-секретарем (как и Мэтью Коннэлли личным секретарем) было примером стремления Трумэна привлечь на работу в Белый дом своих старых знакомых, людей, которым он лично доверял. Еще одним примером такого рода были перемещения с одной ответственной должности на другую старого друга по Первой мировой войне Джона Снайдера, который стал вначале администратором федеральных займов, а с июня 1946 года министром финансов. Не пользовавшийся высокой репутацией в финансовых кругах страны (хотя и имевший некоторый опыт работы на второстепенных должностях в этой области), Снайдер по своим взглядам был консерватором, почему и стал жертвой всевозможных нападок со стороны левого крыла Демократической партии. Трумэн, позиция которого была ближе к левым демократам, нежели к Снайдеру, сохранял его на министерском посту до конца своего президентства, несмотря на разногласия.

Еще менее удачным было назначение старого соратника по Первой мировой войне Эдди Маккима главным административным помощником президента. Здесь дело оказалось простым — выяснилось, что Эдди был просто пьяницей. Его уволили через полтора месяца после найма на работу.

В то же время Трумэн был вполне удовлетворен работой еще одного своего старого товарища Гарри Вогэна, который, как и Трумэн, воевал лейтенантом во Франции в 1918 году. В отличие от Трумэна, Вогэн после войны остался кадровым офицером, дослужился до звания бригадного генерала, в каковом и ушел в отставку. В течение всего этого времени дружеские связи между Трумэном и Вогэном сохранялись. Президент назначил Вогэна своим военным по-

мощником. Правда, должность эта была главным образом церемониальной, но все же Вогэн был полезен в решении вопросов, связанных с трудоустройством демобилизованных, и именно он был главным связным Трумэна с разведывательными службами.

Что же касается непосредственно военных дел, то Трумэн предпочитал иметь дело с действующими генералами непосредственно. Вогэн вспоминал: «Мы с президентом обсуждали многие вопросы, но мое влияние на него сомнительно. Я думаю, что никто другой не давал ему такое множество советов и ничьи советы он не использовал меньше, чем мои»³³⁷. Зато Вогэн был отличным партнером по игре в покер.

Структуру штата Белого дома Трумэн в первое время не менял. Этим он займется на втором году президентства, создавая новые бюрократические органы и вновь заменяя их по мере необходимости. Но в целом он и во время своего второго срока (напомним, что во время первого срока он не был избранным президентом) предпочитал простые по составу и подчиненности учреждения личной администрации, по возможности не переполненные служащими, имевшими четкий круг обязанностей и не более двух-трех ступеней по лестнице подчинения, восходящей лично к нему. Важнейшими из таких чисто президентских органов стали Совет экономических консультантов и Агентство общей безопасности.

Что же касается правительства, то Трумэн почти сразу стал менять его состав. Ему явно не нравились большинство министров, которых он застал, став главой государства. Через пять лет он написал, но так и не отправил письмо бывшему пресс-секретарю Белого дома Джонатану Дэниелсу, в котором давал характеристики министров. Названы были десять из них, но полностью положительные краткие характеристики не получил никто. О госсекретаре Стеттиниусе говорилось: «Хороший человек, хорошо выглядит, дружелюбный, готовый сотрудничать, но никогда никакой идеи, новой или старой». О министре финансов Моргентау: «Болван, глупец». О министре труда Перкинсе: «Великолепная дама — но не политик». О министре торговли Уоллесе: «Никаких оснований любить меня или быть ко мне лояльным»³³⁸. За исключением последней оценки, которая соответствовала действительности, остальные отражали эмоции, а не существо дела — все названные личности были компетентными руководителями, которым в

свое время доверял Рузвельт и которые содействовали реализации его «нового курса».

Вполне понятно, что с министерским составом, которому он не доверял, новому президенту было бы нелегко работать. Уже вскоре последовали новые назначения. Почти сразу после учредительной конференции ООН Стеттиниус был назначен представителем США в международной организации, а его заменил Джеймс Бирнс. Это назначение считалось особенно важным, так как должность госсекретаря теперь рассматривалась в качестве второй по значению после президента в условиях, когда в США теперь не было вице-президента. Правда, Бирнс на своем посту удержался недолго — он не проявил необходимых качеств как специалист по международным отношениям и был заменен приобретшим мощный государственный вес Джорджем Маршаллом, бывшим начальником штаба армии в годы войны. Затем Маршалл набрался немалого дипломатического опыта, выполняя тайную посредническую миссию в Китае, где он пытался добиться компромисса между правительством Чан Кайши и китайскими коммунистами, которые во главе с Мао Цзэдуном с помощью СССР овладели Маньчжурией. В качестве Государственного секретаря Маршалл проявил высокие организаторские качества, выработанные им на военных постах, и сыграл, как мы увидим, значительную роль в формулировании и выполнении внешнеполитических задач высшего руководства США в условиях нагнетавшейся холодной войны.

Еще одним важным новым назначением 1945 года была замена 78-летнего Генри Стимсона на посту военного министра его заместителем Робертом Паттерсоном, которому Трумэн полностью доверял.

Постепенно были заменены и другие министры.

После президентских выборов 1948 года в первый и единственный раз избранный на этот пост Трумэн провел очередную смену кабинета, укомплектовав его не политиками, а профессионалами. Авторам этой книги еще придется возвращаться к назначениям и перемещениям должностных лиц и к уже упоминавшимся в связи с этим именам в соответствии с рассмотрением проблем государственной деятельности Трумэна.

Еще во время пребывания в сенате у Трумэна выработалась привычка подниматься на рассвете и совершать прогулки протяженностью в одну милю быстрым шагом. Затем следовали легкий завтрак и чтение газет разных направле-

ний. Он сохранил эту привычку и в Белом доме, несмотря на то, что помощники готовили ему обзоры прессы. Именно знакомство с изначальным газетным материалом, считал он, может дать объективную картину происходящего.

Такое распределение утреннего времени Трумэн, как вспоминал его старший внук, сохранил до глубокой старости³³⁹. Разница по сравнению с сенатским временем состояла только в том, что теперь утренние прогулки совершались по территории, примыкавшей к Белому дому, огражденной высоким металлическим забором, и в том, что в них вслед за президентом следовал агент секретной службы.

Трумэны внесли новые неформальные нотки в быт того жилого дома и одновременно высшего государственного учреждения, которое во всем мире было известно под названием «Белый дом». В отличие от аристократичной семьи Рузвельт, которая при всем своем показном демократизме держалась с прислугой совершенно официально, Трумэн и его семья демонстративно ввели столь же показное равенство между хозяевами и обслуживающим персоналом.

Немало случаев и штрихов, свидетельствующих об этом, содержится в воспоминаниях Маргарет Трумэн, которая, по словам Р. Донована, «внесла студенческую струю» в жизнь президентской резиденции и сотрудников Белого дома³⁴⁰. Сама Маргарет, например, рассказывала о следующем случае: «В самый разгар десерта (это был арбуз) отец выстрелил семечком в маму, а она ответила тем же. Я вступила в игру, и у нас произошла самая настоящая битва семечками на столе. В самый разгар этой битвы кто-то из обслуживающих пришел, чтобы убрать посуду, но быстро отступил под градом арбузных семечек. Я не помню, кто выиграл, но думаю, что это была мама. Ей всегда удавались битвы арбузными семечками»³⁴¹.

Постепенному повышению авторитета нового президента среди рядовых американцев невольно способствовала его матушка. Марта Эллен Трумэн, которой в 1945 году исполнилось 93 года, впервые побывала в столице США только после того, как ее сын поселился в Белом доме. Гарри послал за матерью президентский самолет, а по прибытии ее в Белый дом предоставил ей спальню, в которой когда-то ночевал Авраам Линкольн.

Но на многочисленные вопросы журналистов о ее впечатлениях Марта ответила одной фразой: «Что за чепуха! Если бы я знала, что это такое, я никогда бы сюда не приехала!»³⁴² Непосредственность престарелой мадам Трумэн

воспринималась чуть ли не всей нацией с восторгом. О каждом ее высказывании сообщали центральные газеты³⁴³.

Гарри Трумэн ввел в обычай Белого дома сравнительную открытость и откровенность в общении с прессой — естественно, главным образом в бытовых вопросах, но ни в коем случае не в том, что касалось войны, дипломатии, политических и социальных намерений. Всему Вашингтону было известно, что почти всегда Трумэн проводил выходные дни на борту президентской яхты «Вильямсбург», которая отправлялась в плавание по реке Потомак. Сам же Трумэн, обычно с небольшой группой друзей, из которых выделялся Фредерик (Фред) Винсон (он стал в 1945 году министром финансов, а в следующем году был назначен председателем Верховного суда), усаживался за карточный стол. Когда однажды репортеры спросили президента, что он делал в воскресенье, он ответил прямо: «Играл в покер с ребятами», а на вопрос совсем уже обнаглевшего репортера, что они пили, заявил вовсе уж конкретно: «Бурбон из Кентукки»³⁴⁴.

Поначалу сравнения с Рузвельтом в широких американских кругах были не в пользу нового президента. Казавшийся невысоким (он не был низким — его рост составлял 178 сантиметров, но на фотографиях он выглядел значительно ниже своего роста, вероятно, потому что сутулился), постоянно носивший очки, он скорее напоминал школьного учителя или чиновника, чем динамичного национального лидера.

Но Гарри Трумэн сравнительно быстро осмелел и почувствовал себя подлинным президентом Соединенных Штатов. Оказалось, что он занял новый пост, будучи для него неплохо подготовленным.

Это было тем более важно, что его страна находилась на одном из переломных рубежей мировой истории.

Глава девятая

ПОТСДАМ И «БОМБА»

1. Отношения с СССР в конце войны

Трумэн стал президентом Соединенных Штатов в тот драматический исторический момент, когда шла к завершению тяжелейшая и кровопролитнейшая Вторая мировая война, которая рассматривалась основной массой населения США и в подавляющем большинстве стран как послед-

няя грандиозная схватка сил прогресса с самой мрачной реакцией, воплощенной в германском нацизме, итальянском фашизме, японском полуфеодалном милитаризме.

Естественно, что первой непосредственной задачей своей администрации Трумэн считал скорейшее победоносное завершение войны, а вслед за этим создание эффективной системы международной безопасности.

Вместе с тем новый американский президент сознавал в полной мере, что основной союзник США — Великобритания — выходит из войны значительно ослабленным, что Франции, освобожденной от германской оккупации, понадобится длительное время, чтобы вновь обрести статус великой державы (формально она продолжала считаться таковой). Наряду с США, государством, которое выходило из войны значительно укрепившимся в военно-техническом отношении и которое рассматривалось в мире как основная сила в разгроме Германии, был Советский Союз.

Как мы знаем, отношение Трумэна к СССР на всем протяжении войны было неоднозначным. После нападения Германии на Советский Союз сенатор Трумэн вначале занял позицию почти равнодушного наблюдателя, выразив удовлетворение тем, что два «тоталитарных монстра истребляют друг друга», но вслед за этим, осознав необходимость установления союзнических отношений с СССР в войне, высказался в поддержку Союза.

В 1945 году Трумэн явно находился под влиянием грандиозных побед советских войск на Восточном фронте. Эти победы настолько вдохновляли его, что он стал противопоставлять СССР зарубежным коммунистам. Какие-то основания для этого действительно были. Ему поступали многочисленные сообщения, что Сталин, по существу, проводит не интернационально-коммунистическую, а национально-государственную, великодержавную политику, распустив Коммунистический интернационал и во многом возвращая формы, существовавшие в России до 1917 года (армейские погоны, раздельное школьное обучение девочек и мальчиков и многое-многое другое), и ведя себя как самодержавный правитель. Но все же Трумэн поначалу неправоммерно сильно отличал политику советских властей от курса зарубежных коммунистов. Он не осознавал (как, впрочем, фактически все государственные деятели Запада в конце войны и в первые послевоенные месяцы), что, проводя великодержавную политику одной рукой, в другой Сталин продолжал держать вожжи, которыми управлял за-

рубежными компартиями, причем одно отнюдь не противоречило другому, друг с другом перемешиваясь и взаимно дополняя.

В самом начале июня 1945 года Трумэн записал в дневник (авторы просят прощения за длинную, но показательную цитату):

«Каждый раз, когда мы устанавливаем хорошие отношения с русскими, какой-нибудь идиот, считающий себя умником, вдруг начинает на них нападать. Я не боюсь русских. Они были нашими друзьями, и я не вижу причин, почему бы им всегда ими не быть. Единственная проблема — это сумасшедшие американские коммунисты. Их у нас только один миллион, но они преданы Сталину, а не президенту США. Я бы с удовольствием отправил их в Россию. Я уверен, что Дядя Джо* немедленно отправит их в Сибирь или в концентрационный лагерь. Но я не могу этого сделать, и не сделал бы, если бы мог. Эмма Гольдман** и Уильям Фостер*** на собственном опыте убедились, что диктатура пролетариата не отличается от диктатуры царя или Гитлера. В России нет социализма. Это рассадник особых привилегий. Обычный человек может высказать о своем правительстве не больше, чем акционер “Стандард ойл оф Нью-Джерси” о своей компании. Но мне наплевать, что они делают. Они, видно, любят свое правительство, иначе они бы не умирали за него. Я также люблю наше государство, поэтому давайте уживаться. Я знаю, что американцы — любопытствующие типы. Они вечно засовывают носы в чьи-нибудь дела, которые отнюдь не являются их делами»³⁴⁵.

Из этих корявых строк видно, насколько слабо Трумэн (чуть ли не на уровне рядового американца) разбирался и в советских делах, и в течениях американских левых — достаточно того, что он смешал анархистов и коммунистов в одну кучу или преувеличил численность компартии США примерно в 20 раз!

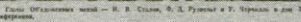
Но в то же время из записи вытекает явно благожелательное отношение к СССР, которое сохранялось непосредственно по окончании войны в Европе. Во всяком случае,

* Так называл Сталина Черчилль, и Трумэн повторял это прозвище.

** Эмма Гольдман (1869—1940) — американская и российская анархистка.

*** Уильям Фостер (1881—1961) — во время войны и непосредственно после нее один из лидеров компартии США, а затем ее генеральный секретарь и позже почетный председатель.

И. СТАЛИН.

Номер газеты «Красная звезда», посвященный победе над нацистской Германией

Трумэн считал, что у президента должна быть возможность выбора из нескольких вариантов внешней политики, но ни один из них не должен быть окрашен какими бы то ни было идеологическими соображениями. В мае 1945 года он говорил британскому министру иностранных дел Энтони Идену, посетившему Вашингтон: «Я нахожусь здесь, чтобы принимать решения, и независимо от того, окажутся они верными или нет, я собираюсь их принимать»³⁴⁶.

Когда произносились эти слова, война в Европе уже завершилась. В ночь с 7 на 8 мая 1945 года в штаб-квартире главнокомандующего союзными войсками Эйзенхауэра в городе Реймсе был подписан акт о капитуляции Германии, который был по требованию Сталина подписан заново в ночь с 8 на 9 мая в пригороде столицы разгромленной Германии Карлсхорсте³⁴⁷. Случилось так, что германская капитуляция совпала с днем рождения Трумэна — 8 мая, который считал это счастливым предзнаменованием. Но мировая война еще не завершилась — основные силы Японии не были разбиты, и аналитики предполагали, что для полного ее разгрома понадобится не менее года.

В этих условиях советско-американские отношения становились все более сложными.

С одной стороны, президенту США во второй половине апреля — начале мая докладывали, что Сталин фактически нарушает крымские договоренности, саботируя создание правительства национального единства в Польше, выдвигает ультимативные требования по поводу устава ООН (участие в организации всех советских республик, право вето великих держав в Совете Безопасности, которое могло сделать этот орган неработоспособным), обвиняет западных союзников в намерении заключить сепаратный мир с Германией и т. д.

С другой стороны, имея в виду неопределенные перспективы завершения войны на Дальнем Востоке, Трумэн считал необходимым поддерживать хотя бы внешне по возможности дружеские отношения с СССР и лично со Сталиным, чтобы обеспечить выполнение достигнутого в Ялте соглашения о вступлении СССР в войну против Японии через два-три месяца после окончания военных действий в Европе.

При этом Трумэн, воспитанный в традициях демократии, до конца не понимал сущности тоталитарной системы в СССР. Он пытался найти объяснение вызывающей, на взгляд американцев и западноевропейцев, политики СССР в конце войны в некоем внутреннем влиянии на Сталина,

оправдывая жесткость его действий давлением различных сил в Советском Союзе. Немалую роль в этом сыграл Стеттиниус, которого Трумэн ценил не очень высоко, но к выводам которого прислушивался, считая их результатом анализа специалистов Госдепа. А Стеттиниус так информировал нового президента: «Нет других объяснений, чем факт, что Сталин сталкивается со своими политическими проблемами внутри Советского Союза и, видимо, определенные влияния оказываются на него в стране»³⁴⁸. Такое неверное понимание внутренней ситуации в СССР усиливало неопределенность по отношению к восточному пока еще союзнику и его могущественному руководителю.

В определенной мере о развитии советско-американских отношений в последние недели войны в Европе и сразу после ее окончания свидетельствует переписка Сталина с Трумэном, которая началась на следующий день после смерти Рузвельта письмом с соболезнованием Сталина и сухим ответом Трумэна со словами: «Я благодарю за Ваше дружественное и справедливое заявление о вкладе, который бывший президент Франклин Рузвельт внес в дело цивилизации, и за Ваши заверения относительно усилий, которые мы сообща внесем в то же самое дело»³⁴⁹. Можно полагать, что, перечитав уже отправленное послание, Трумэн счел его недостаточным и через два дня дополнил его новым письмом: «Мои соотечественники вместе со мной искренне благодарят Вас за Ваше послание с выражением соболезнования, которое является для нас источником большого утешения в связи с нашей потерей. Я убежден, что жертва, принесенная президентом Рузвельтом делу свободы, послужит укреплению решимости всех народов добиться того, чтобы цель, к которой он так неотступно стремился, не оказалась недостигнутой»³⁵⁰. Однако уже 18 апреля в Кремле было получено совместное послание Трумэна и Черчилля, в котором выражалось недоумение по поводу советской позиции по польскому вопросу и выдвигались предложения о формировании коалиционного правительства с целью «предотвратить крушение, со всеми неисчислимыми последствиями, наших усилий разрешить польский вопрос», а для этого осуществить крымское решение о приглашении в Москву для переговоров представителей всех польских демократических партий³⁵¹. Это было сдержанное заявление, в котором еще не чувствовалось того раздражения политикой СССР в Восточной Европе, которое накапливалось у Трумэна.

Через полторы недели после вступления в должность президента Трумэн впервые встретился с высокопоставленным советским деятелем. По дороге на учредительную конференцию ООН Вашингтон посетил советский нарком иностранных дел В. М. Молотов. Он побывал у Трумэна дважды, 22 и 23 апреля. Трудно согласиться с Алонзо Хэмби в том, что американский президент принял высокого советского гостя «сердечно»³⁵². В душе Трумэна бушевали противоречивые чувства. Накануне встречи с Молотовым он провел совещание своих помощников и министров, на котором был поставлен вопрос, что произойдет, если русские не только будут продолжать упрямяться в польском вопросе (в этом уже почти никаких сомнений не оставалось), но и откажутся от участия в конференции в Сан-Франциско. «Дело в том, — подытожил общее мнение президент, — что без русских от международной организации почти ничего не останется»³⁵³.

На встрече американский президент в довольно резкой форме отчитал советского министра, которого перед этим горячо приветствовали в Вашингтоне как представителя страны, в полной мере вытерпевшей всю тяжесть войны и внесшей наибольший вклад в победу. Поэтому явно не очень дипломатические упреки Трумэна по поводу действий советской стороны в отношении формирования демократического польского правительства и необоснованных требований, касавшихся структуры ООН, вызвали гнев Молотова. Действительно, по словам Н. В. Злобина, ранее никогда ему американские представители не говорили, что если СССР не хочет делать то, что требуется, то «может убираться к черту»³⁵⁴. Злобин, правда, напутал. Трумэн не произнес этих слов Молотову в лицо и не мог их произнести в силу дипломатического протокола (до определенной степени он все же его соблюдал!) — они были сказаны на совещании с помощниками, состоявшемся между двумя встречами с советским министром³⁵⁵.

23 апреля была подготовлена памятная записка для Сталина за подписью Трумэна по польскому вопросу, в которой адресату, как ребенку, напоминались «крымские решения» и выдвигалось требование их выполнения. В заключение говорилось: «Советское Правительство должно понять, что если дело с осуществлением крымского решения о Польше теперь не двинется вперед, то это серьезно подорвет веру в единство трех Правительств и в их решимость продолжать сотрудничество в будущем, как они это

делали в прошлом»³⁵⁶. Это было жесткое предупреждение, свидетельствовавшее, что Трумэн, несмотря на заинтересованность США во вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке, готов был идти на ухудшение отношений и не исключал того, что позже назовут холодной войной.

На встрече 23 апреля между гостем и хозяином произошел следующий обмен репликами:

«*Молотов*: Никогда в жизни со мной не говорили в такой манере.

Трумэн: Соблюдайте ваши обязательства, и с вами не будут так обращаться»³⁵⁷.

Когда Молотов, лицо которого, по словам наблюдателей, «стало серым», попытался продолжить спор, Трумэн взял со стола упомянутую выше записку «Для информирования маршала Сталина», вручил ее гостю и распрощался³⁵⁸.

Трумэн был очень горд своим поведением с жестким советским министром, который считался правой рукой Сталина. Он говорил о встрече: «Я дал ему пару раз прямо в челюсть»³⁵⁹.

После этой встречи американской прессе было рекомендовано (разумеется, она не «получила указание» по этому поводу, как пишет В. О. Печатнов, — такое в США совершенно невозможно) «не замалчивать трудности в отношениях между союзниками»³⁶⁰.

25 апреля в Сан-Франциско открылась учредительная конференция ООН, продолжавшаяся до 26 июня. Несмотря на острые противоречия, возникшие в ходе ее по вопросам о колониях и зависимых территориях, о правах основных органов — Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности и особенно о процедуре голосования в Совете Безопасности (в конечном итоге был утвержден принцип единогласия пяти великих держав, то есть их право наложить вето на любое решение Совета, кроме тех, которые являлись процедурными), конференция окончила свою работу принятием Устава ООН.

Считая, что, несмотря на компромиссы по ряду вопросов, конференция завершалась на позитивной ноте, Трумэн посетил ее заключительное заседание, поставил подпись под Уставом ООН и выступил с заявлением, завершавшимся словами: «Давайте не упустим этот великолепный шанс создать всемирное управление разума, установить прочный мир под Божьим благословением»³⁶¹.

Если проблема создания международной организации безопасности в целом решилась удовлетворительно, то со-

вершенно иначе обстояло дело с поставками в СССР по ленд-лизу, в отношении которых Трумэн занял решительно отрицательную позицию. Это не была только его личная позиция.

К маю 1945 года США направили своим союзникам, прежде всего СССР и Великобритании, военное оборудование, всевозможные военные и промышленные материалы, пищевые продукты на сумму свыше 50 миллиардов долларов. Однако уже со второй половины 1943 года военные круги, финансисты и промышленники, многие политические деятели США стали настаивать на постепенном сокращении поставок по ленд-лизу, убеждая высшие власти, что, с одной стороны, союзники теперь в состоянии обеспечить свои потребности собственными силами, а с другой стороны, эти поставки оказывают отрицательное влияние на снабжение американских вооруженных сил и на экономику страны, в частности значительно сокращая налоговые поступления (естественно, страны, получавшие помощь, налогов в американскую казну не платили).

В начале мая 1945 года заместитель Государственного секретаря Джозеф Гру и администратор по зарубежным экономическим вопросам Лео Краули представили президенту предложение о прекращении помощи по ленд-лизу, которое, по их словам, намечалось в последние недели президентства Рузвельта. Согласно их предложению, исключение следовало сделать по отношению к тем поставкам, которые были необходимы для успешного завершения войны на Дальнем Востоке. Однако как выделить таковые, авторы предложения не объясняли, да это было бы почти невозможно. Трумэна убеждали, что продолжение ленд-лиза после войны будет использовано СССР не только для послевоенной реконструкции, но и для наращивания вооружений, для расширения советской сферы господства в Европе.

В течение примерно недели Трумэн колебался. Его, однако, убедили в целесообразности прекращения помощи по ленд-лизу, и 11 мая президент подписал соответствующее распоряжение. Краули немедленно распорядился, чтобы американские корабли, которые направлялись в это время в британские и советские порты с очередными поставками, немедленно повернули назад.

С полным основанием ожидая гневной реакции Сталина и вполне возможный отказ СССР от вступления в войну против Японии, более осторожные советники убедили Трумэна несколько изменить решение. В Москву был на-

правлен Гарри Гопкинс, один из ближайших помощников покойного Рузвельта, которому ранее удалось завоевать доверие Сталина. Теперь Гопкинс пытался убедить советского руководителя, что помощь будет продолжаться, хотя на иной основе и в сокращенных размерах.

Как и следовало ожидать, уговоры Гопкинса Сталина не убедили. Трумэн вспоминал: «Буря вспыхнула сразу же». В беседе с Гопкинсом 30 мая Сталин назвал способ, которым Трумэн прекратил действие соглашений по ленд-лизу, «несчастливым и даже грубым», а затем даже «внезапным и позорным». Сталин жаловался Гопкинсу, что русские ориентировали свои планы послевоенного восстановления, базируясь на продолжении ленд-лиза, что в связи с этим он сожалеет, что не в состоянии выразить свою благодарность за действительно оказанную помощь. Заявления Гопкинса о намерении США продолжать оказывать экономическую помощь были пропущены Сталиным как пустые слова. Отметим, что это соответствовало действительности³⁶².

Последние поставки в СССР, которые рассматривались как связанные с завершением войны против Японии, были осуществлены в августе 1945 года. В сентябре, по окончании войны, Конгресс США принял решение об окончательном прекращении действия всех соглашений, связанных с ленд-лизом³⁶³.

Правда, сталинская буря негодования во время переговоров с представителем Трумэна была несколько приглушена предложением американского президента, переданным через Гопкинса, о встрече глав трех держав ориентировочно 15 июля, с чем Сталин немедленно согласился³⁶⁴. Инструкции, полученные Гопкинсом от Трумэна и реализованные в беседах со Сталиным, фактически означали, что США решили примириться с тем, что Восточная Европа оказалась в сфере влияния СССР (или даже частично вошла в его состав). О последнем свидетельствовало трумэновское перечисление: «Польша, Румыния, Болгария, Чехословакия, Австрия, Югославия, Латвия, Литва, Эстония и т. д. не представляют интереса для Соединенных Штатов»³⁶⁵. Иначе говоря, и по польскому вопросу, который, казалось, оставался одним из камней преткновения во взаимоотношениях между США и СССР, Трумэн пошел на уступки, считая это «реальной политикой», тем более что сферы влияния в Восточной Европе уже были разграничены между СССР и западными державами — со времени переговоров Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года³⁶⁶.

2. Атомное оружие

Летом 1945 года сложилась странная ситуация. Трумэн буквально метался между двумя противоположными курсами — противостояния СССР и достижения компромисса с фактически возникавшей советской империей, включавшей теперь не только нации и народности, входившие в состав СССР, но и соседние с ним страны Европы. Он всячески избегал контактов с Черчиллем до намечавшейся встречи трех лидеров, опасаясь, как бы Сталин не подумал, не дай бог, что западные руководители пытаются сговориться в ущерб интересам СССР.

О своих размышлениях и колебаниях он писал вдове Рузвельта Элеоноре, пытаясь объяснить, что дружба с Великобританией гарантирована Америке безусловно и поэтому надо уделять особое внимание созданию атмосферы взаимопонимания с СССР³⁶⁷.

При этом особые расчеты возлагались на советские военные действия на территории Китая, которые должны были ускорить японскую капитуляцию. Перспективы войны на Дальнем Востоке оставались неопределенными. Трумэна, как и его предшественника, крайне тревожило резкое увеличение американских потерь по мере приближения военных действий к Японским островам.

18 июня 1945 года у президента состоялось совещание с высшими военными деятелями по вопросу о завершении войны на Тихом океане. Они единодушно рекомендовали начать операции на территории Японии путем высадки союзных войск на третьем по величине острове Японского архипелага Кюсю не позднее ноября. Намечалась операция огромного масштаба — в высадке должно было участвовать свыше 750 тысяч американцев и несколько сотен тысяч британцев, причем захват Кюсю рассматривался лишь как первый шаг к овладению Японией. Вслед за этим намечалась высадка на самом крупном и населенном острове Хонсю, где находилась и столица страны Токио. Предполагалось, что война, возможно, затянется еще на полтора года, а человеческие жертвы американских вооруженных сил достигнут 250 тысяч человек³⁶⁸.

Трумэн и участники совещания понимали, однако, что существует некая альтернатива, правда, с совершенно непредсказуемыми последствиями. Считалось, что она могла заставить Японию почти немедленно капитулировать. Но не исключались и другие варианты: срыв плана по чисто

техническим причинам, его малое воздействие на ход событий или, наоборот, неисчислимы бед, которые были бы причинены не только японскому, но и многим другим народам.

Речь шла об использовании против Японии атомного оружия.

Еще во время президентства Рузвельта активно обсуждался вопрос о «бомбе», как обычно называли атомное оружие во время своих встреч наиболее высокопоставленные американские деятели, допущенные к секрету величайшей важности. Их мнения были различными. Рузвельтовский военный министр Стимсон, например, считал (и обосновал свое мнение Рузвельту во время их последней встречи 18 марта 1945 года), что боевое использование этого нового и, видимо, страшного оружия разрушения и уничтожения людей окажет непредсказуемое влияние на послевоенный мир, нарушит баланс сил. Имея это в виду, Стимсон в начале апреля в докладной записке предложил поделиться атомными секретами с СССР — не безвозмездно, а ценой политических уступок. Президент вроде бы проявил понимание, но свое решение откладывал³⁶⁹.

В конце 1944-го — начале 1945 года с предостережениями к Рузвельту обращались и ученые. 25 марта Альберт Эйнштейн направил президенту письмо, в котором просил его принять другого выдающегося физика Лео Сциларда, весьма обеспокоенного политическими вопросами, связанными с атомным проектом. Судя по имеющимся материалам, ознакомиться с этим документом Рузвельт не успел³⁷⁰.

Как мы уже знаем, до вступления на пост президента Трумэн понятия не имел о Манхэттенском проекте. Только в дни, последовавшие за смертью Рузвельта, военный министр Стимсон, а затем Бирнс рассказали ему о существовании этого суперсекретного проекта, сущность которого состояла в создании сверхмощного взрывного устройства. 24 апреля Стимсон написал Трумэну исключительной важности письмо:

«Уважаемый господин президент!

Мне совершенно необходимо как можно скорее переговорить с Вами по чрезвычайно важному и секретному делу. Я вкратце сообщил Вам о нем уже вскоре после Вашего вступления на пост, но потом не считал возможным беспокоить Вас ввиду тех многочисленных трудностей, с которыми Вам пришлось столкнуться. Однако решение этого

вопроса мне кажется столь важным для дальнейшего развития наших международных отношений и столь глубоко занимает мои мысли, что я считаю себя обязанным ввести Вас в курс дела.

Военный министр *Генри Л. Стимсон*»³⁷¹.

Прочитав письмо на следующий день, Трумэн распорядился пригласить Стимсона в Белый дом 26 апреля. Между ними состоялась продолжительная беседа, во время которой министр популярен (иначе он и не мог, ибо сам представлял себе сущность проекта в самых общих чертах) разъяснил, что речь идет о высвобождении энергии атома, при котором может быть произведен взрыв небывалой мощности, причем сила его может быть до проведения испытаний определена только приблизительно. Трумэн осознал, что примерно «через четыре месяца мы, по всей видимости, завершим создание самого страшного оружия, которое когда-либо существовало в человеческой истории»³⁷². Стимсон, а затем Бирнс поведали ему, что бомба «может быть настолько мощной, что потенциально способна стереть с лица земли целые города и уничтожать людей в небывалых масштабах». Как позднее вспоминал Трумэн, Бирнс обрисовал такую перспективу: «В конце войны бомба вполне могла бы позволить нам диктовать наши собственные условия»³⁷³.

К чести Трумэна, он сразу же осознал наиболее вероятное военное и политическое значение создания устройства, которое стали с этого времени называть в обиходе члену немногочисленной группы людей, допущенных к проекту, не просто «бомбой», а «атомной бомбой». Хотя Трумэн позже неоднократно говорил и писал, что именно он несет полную ответственность за применение атомного оружия против Японии, на деле это было не совсем так. В начале мая президент образовал совещательный комитет во главе со Стимсоном, который рекомендовал ему готовиться к использованию нового оружия против Японии с целью скорейшего завершения войны. Трумэну сообщили, что выдающиеся ученые, занятые в Манхэттенском проекте, прежде всего Лео Сцилард, выступают против военного использования атомной бомбы в качестве первого ее практического применения.

Против боевого использования атомной бомбы выступил и великий физик Альберт Эйнштейн. Он вроде бы написал Трумэну: «Я не знаю, каким оружием будет вестись

третья мировая война, но четвертая — палками и камнями»*. Ученые рекомендовали осуществить серию показательных взрывов, пригласив на них наблюдателей из союзных и нейтральных стран, затем предъявить ультиматум Японии и только после вероятного отказа Японии капитулировать осуществить атомную бомбардировку одного-двух городов этой страны. Но Сцилард тщетно добивался приема у Трумэна. Президент перенаправлял ученого к своим второстепенным помощникам, которые отделялись общими фразами. В конце концов Сциларда принял Бирнс, который к этому времени стал Государственным секретарем. Он вежливо выслушал физика, но также не дал ему никакого определенного ответа. Оба они произвели друг на друга самое отрицательное впечатление³⁷⁴.

Обсуждая вопрос о применении атомного оружия в войне, совещательный комитет в соответствии с экспертными оценками ученых рассматривал «бомбу» как оружие огромной мощности, но качественно не отличающееся другими параметрами от обычных средств разрушения и уничтожения. Не учитывался общий эффект полностью уничтожаемого города, население которого, даже непосредственно не пострадавшее от взрыва, обречено на гибель, психологическое воздействие как в атакуемой стране, так и за ее пределами. Вообще не было толком известно о радиоактивном излучении. В то же время политическое значение атомной бомбардировки Японии учитывалось в полной мере не только в смысле резкого ускорения ее капитуляции, но и в качестве демонстрации мощи атомного оружия Советскому Союзу.

1 июня президенту было рекомендовано осуществить атомную бомбардировку как можно скорее, сразу же после проведения полевых испытаний нового оружия. Однако на состоявшемся 18 июня у Трумэна совещании стали раздаваться голоса, выражавшие какую-то степень сомнения. Осторожный заместитель госсекретаря Джон Макклой высказался за то, чтобы предупредить японцев о существовании «бомбы» и, возможно, о проведении показательных испытаний. Обсуждался вопрос, не следует ли отказаться от принципа безоговорочной капитуляции, чтобы уско-

* Эта цитата приводится в нескольких книгах. Попытка обнаружить соответствующее письмо Эйнштейна Трумэну в архиве Библиотеки Трумэна не увенчалась успехом. Судя по описям, в архиве нет ни единого письма Эйнштейна Трумэну.

речь завершение войны, о том, надо ли ставить в качестве неперемного условия отстранение от власти императора Хирохито, которого в это время американцы считали военным преступником, а японцы божеством. Несмотря на колебания, Трумэн в основном придерживался мнения, что атомную бомбардировку придется осуществить³⁷⁵.

Точно так же Трумэн некоторое время колебался, следует ли ему встречаться со Сталиным и Черчиллем для решения послевоенных вопросов, на чем настаивал сэр Уинстон. В конце концов и по этому вопросу было принято позитивное решение — президент считал, что должна состояться новая встреча «большой тройки», причем в ближайшее время. Так вопросы об атомной бомбе и о предстоявшей встрече «большой тройки» переплелись в его сознании, будучи неразрывно связанными с необходимостью скорейшего завершения войны на Дальнем Востоке и растущими расхождениями с СССР. На первый план в оценках перспектив у Трумэна выходила мысль, что, несмотря на то, что работы по атомному оружию еще не завершены, факт создания «бомбы» может быть использован для усиления мощи Соединенных Штатов.

3. На Потсдамской конференции

В результате переписки с Черчиллем и Сталиным встреча, вначале назначенная, по словам Черчилля, «в том, что осталось от Берлина»³⁷⁶, а затем под Берлином, в бывшей столице прусских королей Потсдаме, была намечена на середину июля. 7 июля на крейсере «Аугуста» Трумэн отправился в сторону Европы. В качестве жеста доброй воли он перед отъездом распорядился, чтобы американские войска, занявшие небольшие участки территории, предназначенной СССР в качестве зоны оккупации, начали отход в пределы своей зоны.

Помощники предлагали Трумэну воспользоваться президентским самолетом, названным Рузвельтом «Священная корова». Это был комфортабельный лайнер, переделанный из военно-транспортного самолета С-87А, имевший спальню, радиотелефон и даже лифт (он был необходим для инвалидного кресла Рузвельта). Рузвельт воспользовался этим самолетом только один раз, когда летел на Крымскую конференцию с Черчиллем и Сталиным. Подумав, Трумэн отказался от использования самолета: он решил

отправиться на старый континент морским транспортом, чтобы немного отдохнуть и получше подготовиться к предстоявшей конференции.

Перед отъездом он встретился с группой сенаторов, перед этим побывавшей в Европе. Трумэн надеялся получить от них какие-то новые данные, услышать о живых впечатлениях. Ему, однако, пришлось разочароваться. Вот как он резюмировал панические мнения своих посетителей: «Франция может стать коммунистической так же, как Германия, Италия и Скандинавия... Есть большие сомнения, что Англия окажется здравомыслящей... Все они... уверяли меня, что европейский мир приближается к концу».

Трумэн считал, что он напрасно потратил время на эту встречу, что пессимизм сенаторов не имеет под собой оснований. Он продолжал запись: «Европа часто бывала разрушенной за последние две тысячи лет и всегда восстанавливалась лучше или хуже, чем была, кому как больше нравится, так что их ораторство на меня не произвело впечатления». Трумэн назвал делегацию «умниками», которые, в отличие от Юлия Цезаря, Ришелье, Вудро Вильсона, Чемберлена, «знают все ответы»³⁷⁷.

В то же время Гарри просто боялся, что он спасует на переговорах, имея в виду почти полное отсутствие у него дипломатического опыта. С борта корабля он писал жене: «Мне просто ненавистно это путешествие, оно хуже, чем всё, с чем я когда-либо сталкивался». А в другом месте почти те же слова, но с несколько иной интонацией: «Как мне ненавистна эта поездка. Но я должен ее совершить — победить, проиграть или протянуть [время]. Но мы должны выиграть»³⁷⁸. Все же представляется, что это письмо было навеяно минутным настроением, так как по крайней мере в начале всего недельного пути Трумэн был в основном настроен вполне благодушно. Это был его первый отдых за долгое время, первое ослабление нервной нагрузки после исключительного напряжения трех месяцев работы в Белом доме. Правда, по мере приближения к побережью Германии нервное напряжение стало возрастать.

Трумэн взял с собой старого соратника по работе в штате Миссури Фрэда Кэнфилла, который теперь занимал должность маршала одного из графств штата. Маршалы являлись техническими служащими, занимались розыском, арестом и надзором за содержанием преступников, аукционной продажей конфискованного имущества, выполняли функции судебных исполнителей и т. п. Кэнфилл, рано посевший

человек огромного роста с зычным голосом, был восторженным почитателем Трумэна, и президент просто решил доставить ему удовольствие, одновременно используя его, чтобы разыграть Сталина. Устроив легкую мистификацию, Гарри, не представляя себе личных качеств Сталина, надеялся сблизиться с ним, чтобы решать вопросы огромной важности в более непринужденной обстановке.

Заранее был задуман крохотный спектакль, который Трумэн затем разыграл в Потсдаме. Во время перерыва в заседании он подозвал к себе Кэнфилла, подвел его к Сталину и произнес, нарушив этикет, ибо Сталин к этому времени был уже не маршалом, а генералиссимусом: «Маршал Сталин, я хочу представить вам маршала Кэнфилла». Трумэн полагал, что советский вождь принял его приятеля за какого-то неизвестного ему военачальника и устроил выволочку подчиненным за отсутствие информации³⁷⁹. Во всяком случае, во время конференции советские представители действительно относились к несчастному «маршалу» с особым вниманием... Не исключено, однако, что у злопамятного Сталина этот незначительный инцидент усилил чувство ненависти к Трумэну, которое уже возникло в связи с предыдущими случаями (резкий разговор с Молотовым, прекращение поставок по ленд-лизу и пр.). Так или иначе, никакого сближения не произошло.

Между тем на «Аугусте» Трумэн с помощниками разработал примерную желательную повестку дня встречи. В нее входили вопросы об участии СССР в войне на Дальнем Востоке, о Китае, об устройстве освобожденной Европы, о политических и экономических аспектах германской проблемы.

Настроение президента к концу плавания стало меняться довольно часто. Он стремился услышать от своих советников, от сотрудников Госдепа максимум информации об СССР, о личности Сталина. Но находившиеся в их распоряжении сведения были минимальными, и реальную картину часто просто подменяли догадками. Закрытость СССР в полной мере сохранялась, и то, что американские службы не были в состоянии проникнуть за ту завесу, которую Черчилль вскоре назовет «железным занавесом», злило президента США. Он саркастически записал в своем дневнике: «Эти умники в Государственном департаменте, как обычно, против высших интересов Соединенных Штатов»³⁸⁰.

14 июля «Аугуста» стала на рейд у германского берега, а на следующий день Трумэн прибыл в Потсдам. Здесь его

раздраженное состояние еще более усилилось тем, что, как ему сообщили, конференция откладывается на несколько дней из-за болезненного состояния Сталина. Что произошло со Сталиным в эти дни, точно неизвестно. По одним сведениям, у него был микроинфаркт, по другим — он просто не считал себя еще достаточно подготовленным к встрече. Более вероятна вторая версия, так как вряд ли советский руководитель позволил бы себе после микроинфаркта участвовать в напряженной встрече с Черчиллем и Трумэном.

Раздраженное настроение передалось даже на бытовые детали. Трумэна поселили в некоем особняке. Он описывал это здание как грязное французское шато, которое «какой-то германский архитектор попытался переделать так, чтобы оно выглядело, черт побери, чисто германским»³⁸¹.

Впрочем, настроение улучшилось, после того как на следующий день, 15 июля, Трумэн проехал по разрушенному Берлину и убедился, что союзная авиация, а затем и советские войска хорошо постарались, чтобы превратить в пепелище тот город, который в пропаганде союзных стран называли «логовом зверя». В дневнике президента появилась запись: «Мы отправились в Берлин и увидели абсолютные руины. Это вина Гитлера. Он превзошел самого себя, пытаясь захватить слишком большую территорию. У него не было морали, а его народ его поддержал. Никогда я не видел более печальной картины». И все же Трумэн продолжил: «Как жаль, что человеческие создания не могут в жизни осуществить моральные принципы. Мне кажется, что машины уже несколько столетий стоят впереди морали. Мы всего лишь муравьи на этой планете, и, может быть, когда вгрызаемся в планету слишком глубоко, может наступить расплата, не так ли?»³⁸²

В этот же день состоялась первая встреча с Черчиллем. Если в самом начале оба они не очень понравились друг другу, то вскоре впечатления изменились. О двойственности в оценке сэра Уинстона свидетельствует противоречивая дневниковая запись Гарри, сделанная вслед за встречей: «Он обаятельнейший и очень умный человек — имея в виду умный в английском смысле слова, а не в кентуккийском — лошадином — смысле. Он высказал мне много ерунды о том, какая великая моя страна, и как он любил Рузвельта, и как он намеревается любить меня и т. д.».

Столь же неоднозначной была оценка Черчиллем нового американского президента. Вначале он показался немногим туповатым, так как не желал вступать в дискуссии и

твердо придерживался своей позиции. Но вскоре сэр Уинстон, приглядевшись к своему визави, пришел к выводу, что тому присущи скромность, простота и, главное, сугубо критическое отношение к Сталину. В последнем томе своих воспоминаний о Второй мировой войне Черчилль однозначно позитивно оценил нового американского президента: «Производили впечатление его бодрые, точные, яркие манеры и очевидная сила решений»³⁸³.

Дочь Черчилля Мэри констатировала: «Папа чувствует себя спокойно и твердо. Президент чрезвычайно ему понравился. Отец уверен, что они смогут работать вместе»³⁸⁴. Н. В. Злобин с полным основанием констатирует: «Черчилль был убежден, что ему, как самому опытному и заслуженному политику, теперь предстоит возглавить весь Запад, включая США, во главе которых стоит не обладающий никаким международным опытом президент. Парламентские выборы в Англии опрокинули его надежды»³⁸⁵.

Потсдамская конференция проходила во дворце Цецилиенгоф в два этапа — с 17 по 25 июля и с 28 июля по 2 августа. Перерыв состоялся в связи с тем, что как раз в это время в Великобритании подводились итоги парламентских выборов, которые привели к совершенно неожиданному результату — Консервативная партия, лидер которой Черчилль возглавлял правительство во время войны, потерпела поражение, победы добилась Лейбористская партия, было образовано однопартийное правительство лейбористов во главе с их лидером Клементом Эттли, который и возглавил британскую делегацию на втором этапе конференции. Выборы в Великобритании были бесспорным и жестким уроком демократии, явно укрепившим позиции западных держав на конференции, по крайней мере в моральном отношении.

В 12 часов дня 17 июля, перед официальным открытием конференции, состоялась встреча Трумэна со Сталиным, который посетил американского президента в его резиденции. После обмена любезностями, сопровождавшимися заявлением Трумэна, что он «хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом», и повторив, что «он хочет быть другом генералиссимуса Сталина», что он «не дипломат и любит говорить прямо», стороны согласовали повестку дня встречи. Состоялся любопытный диалог относительно Черчилля. Сталин спросил Трумэна, встречался ли он с британским премьером (как будто он не

знал этого!), в связи с чем, признав факт встречи, президент отметил, что Черчилль уверен в победе на выборах. На это Сталин ответил очень осторожно, фактически выразив в этом сомнение: «Английский народ не может забыть победителя. Правда, английский народ считает, что для него война окончилась. Английский народ, как ему, Сталину, кажется, считает войну против Японии далекой войной и мало проявляет к ней интереса. Англичане думают, что США и Советский Союз выполняют свой долг в войне против Японии»³⁸⁶.

Любопытно отметить, что осторожные советские стенографы не решились занести в текст беседы фривольное обращение «Дядя Джо», которое Трумэн употреблял в разговоре со Сталиным и которое фигурировало в американской записи. Такое обращение Сталину вряд ли понравилось, он не терпел, когда с ним говорили слишком вольно. Известно, например, что, когда, еще до войны, сильно выпивший писатель А. Н. Толстой на приеме обратился к Сталину на «ты» и по имени, тот, мрачно глядя прямо в глаза нарушителю этикета, произнес: «Шутить изволите, Ваше Сиятельство». На этот раз в беседе с Трумэном Сталин, однако, на обращение никак не прореагировал, но, повторяем, в протокол эти слова занесены не были*.

Трумэн считал, что встреча, продолжавшаяся около двух часов, была «сердечной». Перед встречей он полагал, что сообщит Сталину о создании в США атомного оружия, но в ходе разговора предпочел этого не делать.

Дело в том, что как раз в этот день он получил радиogramму: «Роды прошли удачно». Это было закодированное сообщение о результатах испытания атомной бомбы, которое происходило накануне на полигоне Аламогордо (юг штата Нью-Мексико). Испытание, получившее название «Тринити-тест» («Испытание “Троица”»), как было ясно из сообщения, прошло успешно. В дальнейшем, добавим, полигон использовался для военных нужд, а в наши дни стал местом экскурсий.

Подумав, Трумэн, правда, едва овладев своими эмоциями, воздержался от сообщения, решив вначале согласовать этот вопрос исключительной важности с Черчиллем и посоветоваться со своими помощниками. Трумэн писал в

* Из этого, между прочим, вытекает, что советская запись, как и американская, была сокращенной, охватывала только наиболее важные реплики — в записи всего две страницы.

своих мемуарах, что знание о «бомбе» во время встречи со Сталиным явилось для него «динамитом, который я пока не взрываю»³⁸⁷.

В свой дневник Трумэн записал все это несколько подробнее. Запись 17 июля гласила: «Я сказал Сталину, что я не дипломат и всегда отвечаю да или нет на вопросы после того, как услышу все аргументы. Это ему понравилось. Я спросил его, есть ли у него повестка дня для встречи. Он сказал, что есть и что у него есть и другие вопросы, которые [он собирается] представить. Я сказал ему, чтобы он выкладывал. Он это сделал, и это звучало, как динамит, но у меня тоже был своего рода динамит, который я пока не взрываю»³⁸⁸.

После беседы Трумэн пригласил Сталина к столу, они вместе пообедали, произнося тосты за здоровье друг друга, а затем сфотографировались, излучая дружелюбные улыбки.

«Актёр Сталин» (выражение А. В. Антонова-Овсеенко³⁸⁹) произвел на Трумэна, как в свое время и на Рузвельта, самое благоприятное впечатление. Он записал в дневнике, что установил с советским лидером хорошие отношения, что последний «чертовски умен»³⁹⁰. Гарри так сформулировал свои впечатления в письме жене: «Сталин мне понравился. Он прямолинеен, знает, чего хочет, и готов идти на компромисс, когда не в состоянии это получить. Его министр иностранных дел (Молотов. — *Г. Ч., Л. Д.*) не такой сердечный»³⁹¹.

Можно не сомневаться, что Трумэн в общих чертах знал о сталинских преступлениях, о насильственной коллективизации, о Большом терроре. Но гуманистические соображения, обращенные в прошлое, его не волновали. Перед ним стояла задача построения послевоенного мира, по возможности максимально выгодного его стране, и ему было удобно строить свои представления о тех лидерах, с которыми в этом деле надо будет сотрудничать, по соответствующим схемам. Чуть более адекватно Трумэн скажет о Сталине позже, сравнив его с политическим мафиози: «Сталин похож на Пендергаста больше, чем кто-либо, кого я знаю»³⁹².

4. Информация о «бомбе»

Между тем к 21 июля у президента была уже полная информация об испытаниях нового оружия. Он получил подробный доклад генерала Лесли Гровса об испытаниях в Аламогордо и знал, что США располагают двумя атомными

бомбами мощностью каждая около 20 тысяч тонн тринитротолуола. По распоряжению Трумэна доклад был передан для ознакомления Черчиллю. На совещаниях американской делегации было решено использовать обе бомбы против Японии до 10 августа, имея в виду, в частности, сделать по возможности излишним вступление в войну СССР с вытекающим отсюда по крайней мере частичным отказом от тех преимуществ, которые СССР получил бы как страна-победитель над Японией. Трумэн выразил пожелание, чтобы целью бомбардировки «были солдаты и моряки, а не женщины и дети»³⁹³.

Слова эти были как бы не услышаны военными, участвовавшими в делегации, да и сам Трумэн произнес их, по существу дела, лицемерно, так как отлично было известно, что атомные бомбы будут сброшены на крупные японские города, и гибель огромного числа женщин, детей и стариков была неминуемой. Имея в виду наличие всего двух устройств, было решено демонстративных испытаний не проводить. От имени Трумэна, Черчилля и главы правительства Китая Чан Кайши 26 июля Японии был направлен ультиматум (Потсдамская декларация), в котором лишь глухо говорилось, что в случае отказа от капитуляции «альтернативой является быстрое и полное разрушение»³⁹⁴.

Получив этот ультиматум, японское правительство обратилось к Сталину с просьбой о посредничестве, и именно таким образом советский лидер узнал об этом документе. В очередной раз возмущившись тем, что его оставляют вроде бы в стороне от дальневосточных дел, Сталин не преминул выразить свое недовольство на очередном заседании: «Я хотел бы сообщить, что мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии. Хотя нас не информируют, как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях»³⁹⁵.

Подчас Сталин просто капризничал. После перерыва в работе конференции, связанного с британскими выборами, и прибытия новой делегации Великобритании было проведено только одно заседание глав правительств (28 июля), на котором очередное заседание было назначено на следующий день, но Сталин сообщил, что плохо себя чувствует. Заседания два дня не проводились (очередная встреча состоялась только 31 июля).

Сообщение о плохом самочувствии Сталина было не просто принято Трумэном на веру, а многократно переоце-

нено. В его дневнике появилась довольно обширная запись «на заданную тему»: «Если Сталин внезапно умрет, это будет концом существовавшей “большой тройки”. Сначала смерть Рузвельта, затем политическое поражение Черчилля, а потом Сталин. Мне интересно было бы узнать, что случится в России и Восточной Европе, если Джо вдруг умрет. Если какие-либо всадники-демагоги возьмут контроль над мощной военной машиной России, это может временно привести к хаосу в европейском мирном процессе. Мне интересно было бы знать, есть ли человек, достаточно сильный, способный стать на место Сталина и поддерживать мир и единство в его доме. У диктаторов нет привычки готовить себе преемников. Я не увидел никого среди русских на этой конференции, кто был бы способен работать на этом месте. Молотов окажется не в состоянии, то же Вышинский, а Майскому не хватает искренности. Однако проживем — увидим. Дядя Джо еще очень силен психически и физически, но любой человек приходит к концу, мы не можем помочь, но можем только гадать»³⁹⁶.

Гадания Трумэна, естественно, ни к каким выводам не приводили. Между тем, по всей видимости, Сталин просто обдумывал ситуацию. Но это было скорее признаком слабости, а не силы. Зная, что его страна располагает сверхмощным новым оружием, Трумэн вел себя на конференции более твердо и решительно, нежели он предполагал ранее. Стимсон записал в дневник: «Черчилль прочитал доклад Гровса полностью и рассказал мне о вчерашней встрече большой тройки. По тому, как Трумэн энергично и решительно противился нажиму русских и категорически отвергал их требования, он понял, что тот вдохновлен каким-то событием. “Теперь я знаю, что с ним произошло, — сказал он. — Вчера я не мог понять, в чем дело. Когда он пришел на конференцию после прочтения доклада, это был другой человек. Он твердо заявил русским, на что он согласен и на что нет, и вообще господствовал на этом заседании”. Черчилль добавил, что ему понятны причины такого оживления Трумэна, и он сам теперь испытывает то же»³⁹⁷.

Черчилль был в восторге от известия об испытании «бомбы», назвал это событие «вторым пришествием»³⁹⁸. Трумэн, несмотря на прилив силы, приданный ему поступившими известиями, все же видел его несколько панорамнее, считая (это было записано в дневнике после получения известия об испытании атомной бомбы), что «мы создали самую ужасную бомбу в истории мира. Она может вопло-

титься в то огненное разрушение, которое предсказали после Ноя и его замечательного Ковчега»³⁹⁹.

Официальные заседания Потсдамской конференции начались в пять часов дня 17 июля. По предложению Сталина решили, что председательствовать будет Трумэн. Взяв на себя председательские функции, Трумэн сразу же внес ряд предложений, которые затем обсуждались главами делегаций и министрами иностранных дел. В их числе были инициативы о создании Совета министров иностранных дел великих держав для подготовки мирной конференции и, соответственно, мирных договоров с побежденными странами, создании Контрольного совета для Германии, который обеспечивал бы единую политику четырех держав, получивших зоны оккупации Германии (США и Великобритания выделили из своих зон небольшую промежуточную зону для Франции), о реальных демократических преобразованиях в странах Восточной Европы, в частности в тех из них, которые ранее были союзницами нацистской Германии (Болгария, Венгрия, Румыния).

В целом Потсдамская конференция проходила еще в духе сотрудничества, хотя на ней наметились серьезные расхождения между западными державами, с одной стороны, и СССР — с другой, которые, по существу дела, являлись зародышем холодной войны. Так, уже на первом заседании возник спор о судьбе германского флота: Черчилль предлагал его уничтожить, а Сталин разделить. Возобладала позиция советского лидера. Были определены принципы послевоенного устройства Германии, которая, несмотря на наличие зон оккупации, рассматривалась как единая страна. Этими принципами являлись демилитаризация, денацификация, демократизация (иногда к ним на основании отдельных пунктов потсдамских решений добавляют также декартелизацию и демонтаж промышленных объектов).

Вопрос о германских репарациях был решен таким образом, что каждая страна должна была взимать репарации со своей зоны оккупации, но, кроме этого, СССР предусматривалось передать 10 процентов индустриального оборудования из западных зон.

Были отвергнуты требования Сталина о вмешательстве в дела Испании путем устранения правительства Франсиско Франко в связи с его сотрудничеством с Германией в годы войны, изменения статуса Черноморских проливов (Трумэн лишь пообещал, что он поставит перед Турцией вопрос о предоставлении СССР большего доступа к Бос-

фору и Дарданеллам, то есть к выходу на мировые морские просторы).

Заседание 24 июля проходило как обычно. На нем в основном рассматривался вопрос о принятии новых членов в ООН. При этом Трумэн вместе с Черчиллем выступал за предоставление преимуществ Италии как прошедшей определенный путь по пути демократизации. Сталин считал это ущемлением прав Болгарии, Венгрии и Румынии. Он даже заявил, что Болгария прошла дальше по демократическому пути, чем Италия, хотя на самом деле в этой стране был установлен фактически однопартийный коммунистический режим и началась расправа над лидерами других партий.

Хотя на заседании, как видим, возникли споры, в целом сохранялась атмосфера сотрудничества⁴⁰⁰.

Но по окончании заседания Трумэн подошел к Сталину и через его переводчика как бы мимоходом сообщил, что в США создано принципиально новое оружие «необыкновенной разрушительной силы».

Заявление было сделано по предварительной договоренности с Черчиллем.

Беседы по поводу «бомбы» между Трумэном и Черчиллем проходили ежедневно с момента получения президентом известия об успешном испытании. 18 июля Трумэн записал в дневник: «П[ремьер]-м[инистр] и я пообедали вместе наедине. Обсуждали Манхэттен[ский проект] (это был успех). Решили сказать Сталину об этом. Сталин рассказал п[ремьер]-м[инистру] о телеграмме от яп[онского] императора с просьбой о мире. Сталин также прочитал мне свой ответ. Он был удовлетворительный. Я верю, что яп[онцы] сдадутся, прежде чем вступит Россия. Я уверен, что они сделают это, когда Манхэттен (то есть атомная бомба. — *Г. Ч., Л. Д.*) появится над их страной. Я информирую Сталина об этом в подходящее время»⁴⁰¹.

Британский премьер собирался на родину в связи с подведением итогов прошедших выборов и просил Трумэна сообщить Сталину об атомной бомбе до его отъезда, чтобы узнать, какое впечатление это сообщение произведет на Сталина. Обсуждались разные варианты — письменно или устно, на заседании или наедине. Договорились о «мимо-летном сообщении».

На сделанное сообщение Сталин вроде бы вообще не прореагировал. Черчилль писал в мемуарах, что он, зная о том, что собирался сказать президент, буквально впился

взглядом в лицо Сталина. Но он сохранял спокойное и благодушное выражение. «Ну, как прошло?» — спросил Черчилль Трумэна вслед за этим. «Он не задал мне ни единого вопроса»⁴⁰², — ответил президент.

Это было, скорее всего, не совсем так. По позднейшим воспоминаниям Трумэна, Сталин прореагировал единственной фразой, что, как он надеется, «американцы смогут хорошо его (новое оружие. — Г. Ч., Л. Д.) использовать против Японии»⁴⁰³. Имеются, однако, разные свидетельства другого рода. Британский министр иностранных дел Иден, который вместе с Черчиллем наблюдал за беседой, запомнил, что Сталин кивнул головой и сказал: «Благодарю»⁴⁰⁴. В свою очередь В. Н. Павлов, переводчик Сталина, свидетельствует, что тот лишь кивнул головой, но не произнес ни слова⁴⁰⁵. А. А. Громыко, который участвовал в Потсдамской конференции в качестве посла СССР в США, — единственный автор-мемуарист, который утверждает, что Трумэн сказал Сталину о намерении США использовать новое оружие в войне против Японии⁴⁰⁶. Можно полагать, что эти слова Громыко, для воспоминаний которого характерны многочисленные неточности и произвольные оценки, просто выдумал.

В любом случае реакция Сталина была совершенно спокойной. На основании этого Трумэн и Черчилль сделали вывод, что он просто не понял, о чем идет речь, и пропустил сообщение мимо ушей. По всей видимости, это не соответствовало действительности, что подтверждается советской документацией.

В СССР работы в области атомного ядра велись на протяжении всех 1930-х годов. В 1932 году в Украинском физико-техническом институте в Харькове А. К. Вальтером, К. Д. Синельниковым, А. И. Лейпунским и Г. Д. Латышевым впервые в мире было осуществлено экспериментальное расщепление атомного ядра. В 1941 году работы в области атомного ядра были засекречены и в связи с военными событиями на некоторое время почти полностью прекратились. Однако уже с сентября 1941 года по разведывательным каналам стали поступать сведения, что в США ведутся работы в области создания атомного оружия, что оно может быть создано до окончания войны и повлиять на ее ход. В этом духе в октябре 1942 года нарком внутренних дел Л. П. Берия направил письмо Сталину. Вслед за этим было принято постановление Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО) о возобновлении работ по урану, а 11 фев-

раля 1943 года новое постановление — о начале практической работы по созданию урановой бомбы, использовании данных разведки и ознакомлении с ними группы советских ученых, занятых в урановом проекте. Общее руководство было возложено на заместителя председателя ГКО Молотова, который, в свою очередь, назначил главой атомного проекта ученого-организатора И. В. Курчатова (его назначение было подписано 10 марта). Когда советские войска начали военные действия на территории Германии, была образована специальная группа по выявлению и захвату германских ученых-атомщиков и запасов урана. Ученые разной квалификации были действительно обнаружены, что же касается урана, то «улов» был незначительным — несколько тонн малообогащенного уранового сырья из Института кайзера Вильгельма⁴⁰⁷.

Имеются свидетельства, что советская разведка узнала о предстоящем испытании американской атомной бомбы за день или два до его проведения⁴⁰⁸. В США в конце 1990-х годов были рассекречены данные о Теодоре Холле, в 1940-е годы молодом физике, участнике Манхэттенского проекта, который установил связь с резидентурой СССР и сообщил о создании атомного оружия и его испытании⁴⁰⁹.

Сталин был полностью осведомлен о всех этих фактах и работах. Поэтому выражение равнодушия было только маской, за которой скрывалась глубокая озабоченность. В воспоминаниях маршала Г. К. Жукова говорится: «Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал: “Цену себе набивают”. И. В. Сталин рассмеялся: “Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы”. Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы»⁴¹⁰.

В свою очередь престарелый Молотов свидетельствовал: «Трудно за него (Трумэна. — Г. Ч., Л. Д.) сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить. Не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чем идет речь»⁴¹¹.

Имеются сведения, что из Потсдама Сталин действительно позвонил Курчатову и сказал, что надо ускорить работу по «бомбе». Впрочем, это утверждение оспаривалось на основании того, что телефонного звонка недостаточно, мол, чтобы ускорить дело⁴¹². Но ведь речь шла не о каких-либо практических рекомендациях, а о требовании дикта-

тора, который, как подчас выражался Берия, мог превратить любого, кем он был недоволен, «в лагерную пыль».

Авторы этой книги довольно подробно остановились на различных аспектах краткого разговора Трумэна со Сталиным 24 июля 1945 года в связи с тем, что они полностью согласны с мнением американского биографа Д. Маккоя, который полагает, что именно «решения Трумэна и его советников по поводу атомной бомбы, по всей видимости, были наиболее важными событиями, имевшими место в Потсдаме»⁴¹³.

5. Итоги встречи

Фактически Потсдамская (Берлинская) конференция завершилась 1 августа поздним вечером. Но заключительное заседание с любезными словами по поводу успешной работы чуть затянулось. В половине первого ночи, то есть уже 2 августа, Трумэн произнес: «Объявляю Берлинскую конференцию закрытой».

В официальном «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» об итогах конференции говорилось: «Президент Трумэн, Генералиссимус Сталин и Премьер-Министр Эттли покидают эту конференцию, которая укрепила связи между тремя правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания с новой уверенностью, что их Правительства и народы вместе с другими Объединенными Нациями обеспечат создание справедливого и прочного мира»⁴¹⁴.

Во время конференции Трумэн пригласил Сталина посетить США. Трумэн вспоминал: «Я сказал ему, что пошлю за ним броненосец “Миссури”, если он согласится. Он ответил, что хочет сотрудничать с США в мире, как мы сотрудничали во время войны, но это будет сложнее. Добавил, что был ложно понят в США, так же, как я был ложно понят в России. Я сказал ему, что оба мы можем исправить положение у себя дома и что я постараюсь сделать это у себя. Он улыбнулся чрезвычайно сердечно и сказал, что будет не меньше стараться у себя в России»⁴¹⁵.

Казалось, что намерение сотрудничать сохраняется, по крайней мере в завершении войны на Дальнем Востоке, и, судя по имеющейся документации, Трумэн разделял это мнение. При этом как американское руководство, так и советский лидер намеревались в наибольшей степени ис-

пользовать свои преимущества для того, чтобы обеспечить своим странам максимально влиятельные позиции в послевоенном мире.

Трумэн покидал Берлин в добром расположении духа, считая, что он, вместе с Черчиллем, а затем Эттли добился возможного, и надеялся, что согласованные решения, хотя в них было много неясностей, которые предстояло ликвидировать Совету министров иностранных дел, будут способствовать закреплению ведущей роли Соединенных Штатов в решении мировых вопросов, в сотрудничестве не только с Великобританией, но и с СССР.

9 августа Трумэн выступил по радио с речью об итогах конференции. Ее результаты он явно идеализировал, сознательно отвлекаясь от возникших или продолжавшихся серьезных разногласий с восточным союзником. Он говорил, что «были достигнуты фундаментальное согласие и договоренности по вопросам, стоящим перед нами», что «три великие державы сегодня ближе друг к другу, чем когда-либо в стремлении достичь мира». Он весьма оптимистически закончил свою речь словами: «Три великие державы будут продолжать двигаться вперед к прочному миру и счастью всего человечества!»⁴¹⁶

Как мы увидим, этот оптимизм продолжался недолго. Неудачный опыт работы Совета министров иностранных дел, на заседаниях которого не удалось принять ни одного решения по развитию и конкретизации потсдамских договоренностей, усиливавшаяся доминирующая роль СССР в Восточной Европе, страны которой фактически превращались в сателлитов, укрепляли убеждение Трумэна, что с СССР следует разговаривать с позиции силы, используя атомную монополию США. Но саму эту атомную монополию еще необходимо было проверить, а поэтому усиливалась решимость выполнить уже принятое решение сбросить обе созданные атомные бомбы на японские города.

Со временем впечатления Трумэна от Потсдамской конференции, от поведения там Сталина и Черчилля, от собственной линии кардинально изменились. Он считал, что проявил слабость, поддавшись на уловки более опытных политиков. Представляется, что самообвинения не были основательными — Трумэн действовал в Потсдаме не в одиночку, прислушивался к рекомендациям своих советников, вел себя в соответствии с государственными интересами США, как они представлялись тогда ведущим национальным деятелям.

Так что его письмо через много лет бывшему госсекретарю Дину Ачесону можно воспринимать лишь как своего рода самооценку собственного политического роста за прошедшие годы, но не в качестве объективного анализа реалий. В этом письме говорилось: «У России там не было другой программы, кроме захвата свободной части Европы, убийства возможно большего числа немцев и обмана западных союзников. Англия хотела контроля над восточным Средиземноморьем, сохранения Индии, нефти из Персии, Суэцкого канала и всего остального, что оставалось в неопределенном состоянии. И был там на одном углу круглого стола невинный идеалист, который хотел освободить водные пути, канал Дунай — Рейн — Киль, освободить полностью проливы Черного моря и Панамы, восстановить Германию, Францию, Италию, Польшу, Чехословакию, Румынию и Балканы и добиться справедливого отношения к Латвии, Литве, Финляндии, дать свободу Филиппинам, Индонезии, Индокитаю, Китайской Республике и освободить Японию. Это был подлинный спектакль! Однако много соглашений все же было подписано назло препятствиям, но только для того, чтобы быть нарушенными, как только неопиcуемый русский диктатор вернулся в Москву! И мне еще нравился этот маленький сукин сын! Он был на целых пятнадцать сантиметров ниже меня, и даже Черчилль был на семь сантиметров выше Джо! И все же я был самым маленьким в росте и интеллекте! Так, по крайней мере, писала пресса»⁴¹⁷.

Глава десятая

ХИРОСИМА, НАГАСАКИ, ЯПОНСКАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

1. Выбор целей

Уже после Потсдамской конференции Трумэн получил петицию большой группы ученых-атомщиков, которые буквально молили президента не использовать «бомбу», мотивируя это прежде всего гуманистическими соображениями о том, что неизбежно пострадают десятки тысяч мирных людей. В завершении петиции вновь повторялся призыв «не применять преждевременно атомную бомбу для внезапного нападения на Японию. Если США первыми обрушат на человечество это слепое орудие уничтожения, то

они лишаются поддержки общественности всего мира, уско-рят гонку вооружений и сорвут возможность договориться относительно подготовки международного соглашения, предусматривающего контроль над подобным оружием»⁴¹⁸.

Эта петиция была документом наивным и непоследовательным. Ее до предела некорректные слова о «преждевременном» и «внезапном» нападении на Японию вызвали у Трумэна только ироническую ухмылку. Решение им было уже принято, и изменять его президент не собирался. Руководитель Манхэттенского проекта Лесли Гровс пишет: «Президент Трумэн знал об этих противоречивых настроениях. Наверное, он в какой-то степени советовался со своей совестью и сердцем, прежде чем принять окончательное решение. Его вывод — придерживаться первоначального плана — всегда будет примером мужества и государственной мудрости. Я говорю — мужества, поскольку это был первый случай в истории США, когда президент должен был принимать решение о проведении крупной военной операции, за которую он отвечал лично. И я говорю — государственной мудрости, поскольку, если учитывать ценность спасенных жизней американцев, история уже доказала его правоту»⁴¹⁹.

Следует иметь в виду также, что Трумэн считал атомную бомбардировку своего рода возмездием за нападение Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 года, когда был потоплен американский Тихоокеанский флот и погибли тысячи военнослужащих США. Кроме того, президента информировали, что в Японии подготовлены свыше пяти тысяч летчиков-камикадзе (смертников), а это означало потерю новых многих военных судов, когда будут высажены десанты на Японские острова⁴²⁰.

К этому времени одна из целей была определена — это был город Хиросима, являвшийся центром военных складов и крупным военным портом. Вторую цель еще выбирали. Среди вариантов были промышленные центры Киото, Йокогама, Ниигата и Кокура, где находился огромный военный арсенал. Города Нагасаки среди целей не было вообще. Стимсон исключил из списка Киото, стоявший первым, на том основании, что этот город являлся старинным памятником культуры.

Когда Трумэну доложили об этом, он пожал плечами, ибо даже не весьма просвещенному в мировой, в частности японской, культуре американскому президенту было известно, что и другие намеченные цели являлись нацио-

18 June 1945
No objection to
declassification
by AFSP
1/2/80
W.D.C.

WAR DEPARTMENT
 OFFICE OF THE CHIEF OF STAFF
 WASHINGTON 25, D. C.

SAVE

25 July 1945

RECEIVED
 COMBAT TAP
 1 DEC 1945

TO: General Carl Spaatz
 Commanding General
 United States Army Strategic Air Forces

1. The 509 Composite Group, 20th Air Force will deliver its first special bomb as soon as weather will permit visual bombing after about 3 August 1945 on one of the targets: Hiroshima, Kokura, Niigata and Nagasaki. To carry military and civilian scientific personnel from the War Department to observe and record the effects of the explosion of the bomb, additional aircraft will accompany the airplane carrying the bomb. The observing planes will stay several miles distant from the point of impact of the bomb.

2. Additional bombs will be delivered on the above targets as soon as made ready by the project staff. Further instructions will be issued concerning targets other than those listed above.

3. Dissemination of any and all information concerning the use of the weapon against Japan is reserved to the Secretary of War and the President of the United States. No communiques on the subject or releases of information will be issued by commanders in the field without specific prior authority. Any news stories will be sent to the War Department for special clearance.

4. The foregoing directive is issued to you by direction and with the approval of the Secretary of War and of the Chief of Staff, USA. It is desired that you personally deliver one copy of this directive to General MacArthur and one copy to Admiral Nimitz for their information.

This Handwritten
 THOS. T. HANDEY
 General, U.S.A.
 Acting Chief of Staff

CONFIDENTIAL

70226AC

Приказ штаба армии США об атомной бомбардировке японских городов

нальными культурными центрами. Вскоре, однако, выяснилось, что Стимсон решил уберечь Киото, так как за несколько десятилетий до этого он провел там медовый месяц⁴²¹. Так волей случая (за ним последует вторая случайность) вместо одного японского города с землей сровняли другой. Пока же второй целью атомной бомбардировки был избран город Кокура.

Отдавая распоряжение об атомной бомбардировке японских городов и беря на себя полную личную ответственность за эту акцию, Трумэн ставил не только и не столько чисто военную задачу, так как было ясно, что разрушением двух городов военная мощь Японии не будет катастрофически подорвана. Главными были факторы психологические, прежде всего для Японии, так как ее власти после двух бомбардировок не должны были иметь представление, сколько атомных бомб остается в арсенале США. Они, разумеется, не знали, что атомное оружие исчерпывается пока лишь двумя экземплярами.

Вместе с тем применение нового оружия должно было стать убедительным для всего мира, прежде всего для СССР. В отношении СССР ставились две цели — ближайшая и перспективная. Ближайшая состояла в том, чтобы в определенной мере понизить впечатление от вступления СССР в войну, которое ожидалось примерно к 10 августа, перспективная — в демонстрации мощи атомного оружия советскому руководству, с тем чтобы в условиях атомной монополии сделать его более сговорчивым. Именно так стратегические цели формулировались высшим военным руководством еще в мае, именно так они докладывались Трумэну и были им приняты⁴²².

Несколько позже, во время Потсдамской конференции, в дневнике Трумэна появилась запись, повторявшая то, что он уже говорил, и, по существу дела, являвшаяся самооправданием: «Я распорядился военному министру Стимсону использовать бомбу для поражения военных объектов, солдат и матросов, но не детей и женщин. Даже если японцы — беспощадные и фанатичные дикари и варвары, мы, как лидеры мира, не можем сбросить эту ужасную бомбу на старую столицу (Киото) или новую (Токио). Мы оба согласны в этом. Цель будет чисто военной, и мы предупредим японцев и предложим сдаться, чтобы спасти жизни. Я уверен, что они этого не сделают, но мы дадим им такую возможность. Без сомнений, замечательно, что люди Гитлера или Сталина не разработали этой атомной бомбы.

Это наиболее ужасное открытие, когда-либо сделанное, но может быть наиболее полезное»⁴²³.

После того как правительство Японии дало уклончивый ответ на ультиматум с требованием капитуляции, подготовка атомной бомбардировки вступила в завершающую стадию. 26 июля на остров Тиниан, занятый американцами, на крейсере «Индианаполис» была доставлена бомба под названием «Малыш» в собранном виде, а 28 июля и 2 августа самолетами привезены компоненты второй бомбы «Толстяк». 28 июля начальник штаба армии Джордж Маршалл подписал приказ о нанесении ядерного удара «в любой день, начиная с 3 августа, как только позволят погодные условия». В приказе говорилось далее: «Право распространения любой информации, касающейся использования этого вида оружия против Японии, имеют только военный министр и президент США. Запрещается выпуск коммюнике или информационных сообщений по этому поводу без согласования с вышестоящими лицами. Любые сведения, поступающие в печать, следует направлять в военное министерство для соответствующей проверки»⁴²⁴. Дата 3 августа была указана в связи с тем, что именно тогда истек срок ультиматума, адресованного Японии.

2. Бомба в действии

Благоприятные погодные условия появились только 6 августа. Вскоре после полуночи командиру бомбардировщика Б-29 Полу Тиббетсу, находившемуся на острове Тиниан, был отдан приказ отправиться в полет с бомбой «Малыш», для того чтобы сбросить ее на центр Хиросимы (в случае резкого ухудшения погоды запасными объектами бомбардировки являлись Кокура и, в крайнем случае, соседний город Нагасаки). Вместе с самолетом Тиббетса летели еще шесть самолетов, выполнявших разведывательные и контрольные задачи.

Полет к объектам бомбардировки продолжался свыше шести часов. Около семи часов утра японские радары зафиксировали приближение американских самолетов. В Хиросиме и соседних городах была объявлена воздушная тревога. Но вскоре противовоздушные системы установили, что число самолетов незначительное, что они, по всей вероятности, направлены для разведки. С целью экономии горючего и боеприпасов против таких групп вражеских са-

молетов японское командование не применяло ни свои самолеты, ни зенитную артиллерию. Воздушная тревога была отменена.

В 8 часов 15 минут утра с высоты около девяти километров бомба «Малыш» была сброшена на центр Хиросимы. Через 43 секунды произошел взрыв. В городе возник крошечный ад. Почти все те и все то, что находилось в радиусе двух километров от эпицентра взрыва, обратилось в прах. В течение одной минуты погибли 90 процентов людей, находившихся в пределах этого круга. Возникшие пожары в течение короткого времени превратились в один огненный вихрь, двигавшийся со скоростью 50—60 километров в час, поглощавший тех, кто остался жив в первые минуты.

Количество погибших от взрыва и сразу после него, умерших от ран до конца 1945 года, в Хиросиме составило, по разным данным, от 90 тысяч до 160 тысяч человек⁴²⁵. О более или менее отдаленных последствиях атомного взрыва тогда никто не знал. Только постепенно становилось известным, что у людей, оставшихся в живых после бомбардировки, возникает какая-то новая болезнь, которая приводит к сравнительно близкой кончине, что причиной ее является лучевое поражение, и саму болезнь стали называть лучевой.

26 ноября 1946 года Трумэн подписал распоряжение о создании Комиссии по изучению последствий ядерных взрывов. Задачами комиссии являлись сбор и обработка технической информации о взрывах и детальное изучение долгосрочных их последствий, прежде всего воздействия на человеческий организм, считая, что такое исследование «имеет огромное значение для Соединенных Штатов и человечества в целом»⁴²⁶.

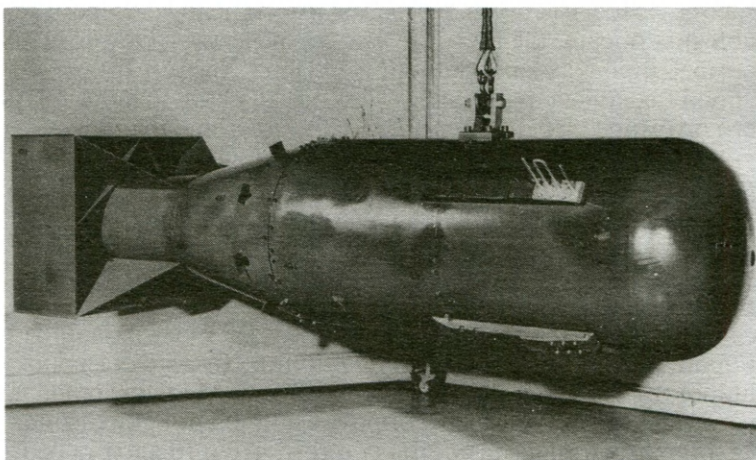
Трумэну передали расшифрованное сообщение о результатах бомбардировки, когда он обедал. В кратком докладе говорилось: «Совершенно очевидно, что результат полностью успешен во всех отношениях». «Это — величайшая новость в истории»⁴²⁷, — произнес президент.

Во второй половине дня 6 августа было предано гласности заявление президента Трумэна, в котором, после сообщения о факте атомной бомбардировки, говорилось: «Мы сейчас готовы уничтожить, еще быстрее и полнее, чем раньше, все наземные производственные мощности японцев в любом городе. Мы уничтожим их доки, их фабрики и их коммуникации. Пусть не будет никакого недопонимания — мы полностью уничтожим способность Японии вести войну. Именно с целью предотвратить разрушение

Газета «Нью-Йорк таймс» об атомной бомбардировке Хиросимы

Атомная бомба «Малыш», которая будет сброшена на Хиросиму

Японии был выпущен ультиматум от 26 июля в Потсдаме. Ее руководство немедленно отвергло его условия. Если оно не примет сейчас наши условия, пусть ожидает дождь разрушений с воздуха, подобного которому еще не было на этой планете»⁴²⁸.

Угроза «дождя разрушений» не имела под собой никаких оснований, ибо США располагали еще только одной атомной бомбой, но лидерам императорской Японии это не было известно. Они восприняли угрозу как реальную, ибо 9 августа была сброшена вторая бомба.

Когда после первой атомной бомбардировки к Трумэну явилась делегация Федерального совета церковей и стала умолять его не повторять подобного ужаса, президент, отлично зная, что через день-два бомбардировке подвергнется еще один японский город, ответил: «Никто в такой степени, как я, не обеспокоен использованием атомной бомбы, но меня еще больше продолжает волновать вероломная атака японцев на Перл-Харбор и убийства наших военнопленных. Единственный язык, который они понимают, — это язык бомб. Когда мы имеем дело со зверем, мы должны обращаться с ним, как со зверем»⁴²⁹. Об атомных бомбардировках как отмщении за Перл-Харбор Трумэн говорил несколько раз. «Мы будем продолжать использовать его (атомное оружие. — *Г. Ч., Л. Д.*), пока мы полностью не уничтожим способность Японии вести войну. Нас остановит только капитуляция Японии»⁴³⁰.

Вторая бомбардировка была проведена на два дня ранее намеченного срока в связи с двумя обстоятельствами, из которых одно носило сугубо политический, а второе технический характер. Утром 9 августа, ровно через три месяца по советскому исчислению после окончания войны в Европе, СССР объявил войну Японии. Советские войска широким фронтом начали вторжение в Маньчжурию, не встречая существенного сопротивления японских войск. Техническая причина состояла в том, что с 10 августа ожидался период плохой погоды, при которой осуществить прицельное бомбометание было невозможно.

Около трех часов ночи 9 августа майор Чарлз Суини, командир бомбардировщика Б-29, на борту которого находилась бомба «Толстяк», начал полет со все того же острова Тиниан. Целью бомбардировки являлась Кокура. При полете к городу с бортов самолетов-разведчиков доложили, что над городом сгущается облачность, но пока еще возможно бомбометание при визуальном контроле. В девять

часов с минутами Суини находился над Кокурой, но к этому времени город полностью затянуло тучами.

Несколько неудачных заходов для сброса бомбы над Кокурой привели к тому, что у Суини стало истощаться горючее, которого хватало только на один подлет к Нагасаки, куда и направился летчик по полученному теперь приказу. Около одиннадцати часов утра, когда самолет появился над городом, небо здесь также было уже затянуто облаками. Но оставался один просвет над городским стадионом, и Суини, не мешкая, нажал рукоять сброса бомбы именно здесь. Взрыв произошел в 11 часов 2 минуты. Мощности его составляла около 21 тысячи тонн тринитротолуола, то есть была чуть большей, чем мощность взрыва над Хиросимой⁴³¹. Тем не менее жертв и разрушений было меньше, так как часть пораженного района приходилась на водную поверхность, а часть была лишь частично заселена. Почти все дома в радиусе двух километров были разрушены, произошли многочисленные пожары. К 1950 году число погибших и умерших от последствий взрыва было определено в 60—80 тысяч человек⁴³².

Тем временем сравнительно быстрыми темпами шло создание новых бомб. Гровс рапортовал, что третья бомба будет готова к середине августа, три будут созданы в сентябре и еще три — в октябре. Генерал писал начальству, то есть фактически президенту и генералу Маршаллу: «Следующая бомба будет готова к доставке к цели в любой подходящий по погодным условиям день после 17 или 18 августа». Маршалл, однако, решил несколько выждать. Представляя рапорт Гровса Трумэну, он прокомментировал: «Она не будет сброшена на Японию без четкого утверждения президентом»⁴³³. Трумэн согласился с этим, изменив, таким образом, принятое им чуть ранее решение сбрасывать атомные бомбы на Японию по мере того, как они будут изготавливаться⁴³⁴.

Как видим, высшее политическое и военное руководство США предпочитало действовать по сравнительно пессимистическому сценарию, хотя и надеялось на мощное морально-психологическое воздействие первых двух бомбардировок.

Между тем подавляющее большинство американцев, полностью соглашаясь с Трумэном, упоенно радовались атомным бомбардировкам японских городов. Опросы показали, что 75 процентов граждан считали, что Япония вполне заслужила то, что с ней произошло, что происшед-

шее ускоряет окончание войны и позволяет спасти огромное число жизней. Опрашиваемые соглашались с тем, что атомные бомбардировки показали мощь США как первой страны мира и в военном, и в экономическом отношениях. Многие при этом соглашались с тем, что теперь начинается «американское столетие», с заявлением популярного журналиста Уолтера Липпмана: «То, чем Рим являлся для Древнего мира, то, чем Великобритания была для Нового времени, Америка станет для мира завтрашнего»⁴³⁵.

3. Конец войны

Известия об атомной бомбардировке Нагасаки и вступлении СССР в войну пришли в императорский дворец в Токио почти одновременно. До этого правительство Японии еще колебалось, причем военное руководство настаивало на том, чтобы продержаться до начала вторжения на Японские острова (это позволит, считали командующие армией и флотом, причинить противнику тяжелые потери и добиться условий прекращения войны, более благоприятных, нежели безоговорочная капитуляция). Теперь же стало ясно, что капитуляции не удастся избежать. 10 августа 1945 года из императорского дворца власти Японии передали союзникам согласие на капитуляцию, единственным условием которой было сохранение императора номинальным главой государства⁴³⁶.

11 августа император Хирохито передал для распространения прессой и радиостанциями свой рескрипт о капитуляции, в котором, по существу дела, признал, что главной причиной сдачи на милость победителя является применение им атомного оружия: «В распоряжении противника находится новое страшное оружие, способное унести много невинных жизней и нанести неизмеримый материальный ущерб. Если мы продолжим сражаться, это не только приведет к уничтожению японской нации, но и к полному исчезновению человеческой цивилизации. Как мы можем в этих условиях спасти миллионы наших подданных и оправдать себя перед священным духом предков? По этой причине мы приказали принять условия совместной декларации наших противников»⁴³⁷.

На протяжении последовавших семидесяти лет в публицистике и в меньшей степени в исторической литературе шла и продолжается дискуссия о степени целесообразности

атомной бомбардировки японских городов и в связи с этим о степени оправданности действий президента Трумэна. В 1946 году с публичным осуждением бомбардировки выступил Альберт Эйнштейн, заявивший о своей уверенности, что, если бы Франклин Рузвельт был жив, он запретил бы атомную бомбардировку⁴³⁸. Позже Эйнштейн писал: «Я всегда осуждал использование атомных бомб против Японии»⁴³⁹. Сэмюэль Уокер в историографической статье по этому вопросу прогнозирует, что споры будут продолжаться и в будущем⁴⁴⁰. Автор с полным основанием полагает, что «фундаментальным вопросом, по которому продолжают споры, является вопрос, были ли эти атомные бомбардировки необходимы для достижения победы в войне на Тихом океане на условиях, приемлемых для США», оправданна ли была позиция президента Трумэна, взявшего на себя решающую ответственность за нанесение ударов и, следовательно, за то, что мир в августе 1945 года вступил в атомную эру. Противники атомных бомбардировок утверждают, что в них не было военной необходимости, и далее переходят к чисто морализирующим доводам, никак не связанным с объективными условиями ведения войны, сбрасывая также со счетов и психологический фактор, столь четко прозвучавший, в частности, в рескрипте императора Хирохито.

Наиболее решительные обвинители, сторонники прокурорских интонаций, открыто называют атомные бомбардировки военными преступлениями или проявлением государственного терроризма. Примерно такой же характер носила вся советская литература по данному вопросу. Отчасти такой тон сохраняется и в постсоветской литературе⁴⁴¹. В недавней статье В. Л. Малькова можно прочесть совсем уж враждебные слова и в адрес Трумэна в связи с его решением, и в адрес США в целом: «Поставленная “эффектная” точка в войне на Тихом океане — японские города Хиросима и Нагасаки, разрушенные атомной бомбардировкой, справедливо трактуется сегодня как бессмысленное жертвоприношение во славу имперской мощи нового гегемона»⁴⁴².

В числе тех, кто считал, что атомные бомбардировки не были вызваны военной необходимостью, и ощущал эмоциональную ответственность и вину, был научный руководитель Манхэттенского проекта Роберт Оппенгеймер, который, посетив Трумэна, заявил ему, что «после варварских бомбардировок японских городов он и его коллеги ощущают кровь на своих руках», на что Трумэн ответил: «Ничего,

она легко смывается водой»⁴⁴³. После этого Трумэн распорядился более не допускать к нему Оппенгеймера.

Иным был разговор с летчиком Тиббетсом, который был на приеме у Трумэна в том же 1945 году. Президент сказал летчику: «Никогда не испытывайте чувства вины. Это *мое* решение. Вы солдат, и у вас не было выбора»⁴⁴⁴.

Авторы, отстаивающие необходимость бомбардировок, значительно более серьезно аргументируют свою позицию, показывая, что они ускорили капитуляцию Японии и, следовательно, предотвратили огромные потери с обеих сторон в случае вторжения войск союзников на Японские острова, что быстрое завершение войны резко сократило число человеческих жертв и материальных разрушений в других странах Азии, в частности в Китае, что именно атомные бомбардировки убедили руководство Японии, и прежде всего императора, в неизбежности капитуляции. Такую аргументацию приводят, в частности, авторы ряда биографических работ о Трумэне⁴⁴⁵.

Такой же убедительной точки зрения придерживаются ряд авторов в современной России. Б. В. Соколов констатирует, например: «Не подлежит сомнению, что еще до начала высадки (войск союзников в Японии. — Г. Ч., Л. Д.) десятки тысяч мирных жителей стали бы жертвами бомбардировок обычными бомбами, а после высадки десятки тысяч американских и японских солдат и мирных жителей погибли бы в боях и от ударов авиации. И решение о применении атомных бомб принималось тогда, когда с Японией планировалось воевать еще полтора года»⁴⁴⁶.

Сказанное позволяет сделать вывод, что решение президента об атомных бомбардировках было оправданным и с чисто военной, и с морально-психологической точек зрения. По существу, при помощи меньшего зла (а это действительно было зло) предотвращалось несравненно большее зло, оказывалось спасенным огромное число жизней и в войсках союзников, и в самой Японии. Полуфеодально-милитаристская Япония получила такой урок, который предопределил ее мирное и демократическое развитие на протяжении всего периода после Второй мировой войны.

Между тем, получив сообщение о готовности Японии капитулировать при сохранении прерогатив императора, Трумэн немедленно вызвал к себе госсекретаря Бирнса, военного министра Стимсона, министра военно-морского флота Форрестала и адмирала Лихи. На кратком совещании было решено принять японскую капитуляцию при встреч-

ном условии, что император Хирохито будет лишен божественного статуса, станет высшим японским должностным лицом, подчиненным союзному главнокомандующему для Японии. Три дня еще продолжались споры в японском руководстве. Наконец 14 августа Трумэн смог объявить, что Япония принимает условия капитуляции.

В семь часов вечера 14 августа Трумэн созвал срочную пресс-конференцию, на которой объявил о капитуляции Японии.

Этот день стал в США Днем победы над Японией, «Днем ви-джи» (*V J Day, Victory in Japan Day*). Так как журналисты знали, что должен сказать им президент, новость с быстрой молнии распространилась по Вашингтону. Перед Белым домом собралась масса людей, которая скандировала: «Мы хотим [увидеть] Гарри». Вместе с женой Трумэн вышел к толпе и сказал лишь несколько слов: «Это великий день. Все мы ждали этого дня. Перед нами стояли великие задачи, и только помощь всех вас помогла их выполнить»⁴⁴⁷. Следующие два дня президент объявил праздничными, нерабочими.

Страна ликовала, не забывая, однако, что немало американских семей лишились своих близких. По позднейшим подсчетам, США потеряли 405 399 человек погибшими. 670 846 были ранены и нуждались в продолжительном лечении. Разумеется, эти цифры были несравнимы с общими потерями, составлявшими около 60 миллионов человек, особенно с потерями народов СССР — более 27 миллионов. Но тот факт, что американские потери были подсчитаны с точностью до одного человека, весьма впечатляет⁴⁴⁸. Хотя при этом неизбежными были ошибки, стремление вспомнить действительно всех поименно имело огромное значение для поддержания морально-патриотического духа американцев. Президент Трумэн, хотя и несколько поторопился провозгласить завершение войны, настаивал на том, чтобы как можно скорее и как можно полнее объявить нации имена всех погибших и пострадавших.

Еще две недели после «Дня ви-джи» фактически продолжались очаговые военные действия. Тем временем советские войска продвигались вглубь территории Китая, создавая условия для передачи в дальнейшем контроля над Маньчжурией китайской компартии и для ее наступления на основные центры страны.

Наконец, 2 сентября в 9 часов 2 минуты по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури» в То-

кийском заливе был официально подписан акт о капитуляции. От имени Японии его подписали министр иностранных дел Сигэмицу Мамору и начальник Генерального штаба Умэдзу Ёсидзиро, от имени союзных держав американский генерал Дуглас Макартур и другие представители союзников, включая советского генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко. Вторая мировая война окончилась. Американский президент был рад, что завершилась она на борту линкора, носившего имя его родного штата.

Глава одиннадцатая

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС» НАЧИНАЕТ ОПУСКАТЬСЯ

1. Старые и новые очаги напряженности

Хотя Вторая мировая война завершилась при сохранении внешне дружеских отношений между западными союзниками и СССР, признаки напряженности, которые существовали на протяжении всех военных лет и стали более явственными в последний военный год, свидетельствовали, что налаживание послевоенных добрососедских отношений будет делом нелегким.

Опираясь на тот бесспорный факт, что СССР вынес на своих плечах основную военную тяжесть, Сталин и вся советская верхушка с осени 1944 года стали формировать свою сферу внешнего господства в Юго-Восточной и Центральной Европе. Реальный вклад союзников в достижение победы, в частности путем американских поставок по ленд-лизу, приуменьшался; в адрес правительств США и Великобритании высказывались обвинения в затягивании открытия второго фронта (сам термин «второй фронт» носил пропагандистский характер, так как и до открытия фронта в Западной Европе американские и британские войска воевали в разных регионах).

В США основная часть населения полагала, что именно их страна внесла главный вклад в победу, что рузвельтовский «арсенал демократии» был главным фактором разгрома обоих основных агрессоров, хотя и признавались героизм, стойкость, терпение русских. Под «русскими» подразумевались все народы, населявшие СССР.

Ко времени завершения войны у Трумэна и других американских руководителей, точно так же как у нового, лей-

бористского руководства Великобритании во главе с премьером Клементом Эттли, не было ясности, как вести себя по отношению к СССР и его «вождю и учителю». Большие надежды возлагались на ООН. Трумэн серьезнейшим образом надеялся, что новая международная организация, устав которой сенат ратифицировал в июле 1945 года, станет серьезным инструментом сохранения всеобщего мира.

Эти надежды, которые не могли не быть полуутопическими, удивительным образом сочетались с ксенофобией, которая имела в США глубокие корни. Порождена она была многими факторами, среди которых главными являлись относительная географическая изоляция Америки от остальных континентов, превращение США в мировую державу собственными силами, без опоры на сколько-нибудь значительные колонии, чувство превосходства над другими нациями, в частности над Великобританией, от которой США не только освободились, но и сильно обогнали ее в экономическом отношении. Американцы свысока относились к «русским», считая сталинскую тоталитарную систему враждебной всему строю их мыслей, настроений, поведения, их ментальности. В то же время в основном должным образом оценивались культура британцев, стойкость и мужество советских людей.

Гарри Трумэн, относивший себя к «простым американцам», даже пребывая на посту президента, сохранял эти чувства со всеми их преимуществами, определенной степенью обоснованности и предубеждениями. Из экономического и финансового могущества США, а вслед за этим из факта атомной монополии вытекало его убеждение, что в любых международных комбинациях его страна должна играть ведущую роль.

Таковые общие убеждения и настроения неизбежно находили выражение на личностном уровне.

Это проявилось уже во время Потсдамской конференции, на которой Трумэн, почти не педалируя, все же вел себя по отношению к Сталину чуть высокомерно, а это было моментально понято советским руководителем, считавшим, что именно он должен определять судьбы послевоенного мира. Достаточно было того, что однажды Трумэн назвал Сталина маршалом, а не генералиссимусом, а в другой раз обозвал его «Джо»!

Примерно так же был расценен характер приглашения Сталина в США, в частности намерение Трумэна послать за ним американский линкор. Действительно, президент

допустил явную бестактность, предложив послать за Сталиным американское судно, тем более военный корабль, да еще и носивший имя его родного штата — тот явно воспринял это как намек, что у СССР нет достойного океанского флота. Отметим, что Сталин вообще никак не ответил на приглашение американского президента.

Николай Злобин полагает, что Сталин «формально принял приглашение... но, вернувшись в Москву, не подтвердил своего согласия»⁴⁴⁹. На основании чего автор сделал этот вывод, непонятно. Ни в советских, ни в американских документах сведений об этом нам обнаружить не удалось. Представляется, что это лишь ни на чем не основанное предположение. Добавим, что после речи Уинстона Черчилля в Фултоне Трумэн вновь предложил Сталину посетить США и выступить в том же городе — дать своего рода ответ бывшему британскому премьеру, на что последовал отказ.

Чтобы более не возвращаться к вопросу о так и состоявшихся встречах Сталина с Трумэном, отметим, что 4 апреля 1946 года новый посол США в СССР Уолтер Беделл-Смит (сменивший У. А. Гарримана) передал Сталину новое приглашение президента посетить США, на что Сталин заявил послу, что он, «Сталин, просит передать Трумэну благодарность за любезное приглашение и сообщить, что он не сможет принять приглашение, так как годы скажутся на его здоровье и врачи не рекомендуют ему предпринимать длительные поездки». Примерно то же Сталин повторил в письме Трумэну от 6 апреля⁴⁵⁰. В конце января 1949 года, отвечая на вопросы американского журналиста Кингсбери Смита, Сталин заявил о готовности подписать с США пакт мира. «Я готов встретиться с президентом США Гарри Трумэном для заключения такого пакта»⁴⁵¹, — заявил Сталин и назвал в качестве возможного места встречи ряд городов СССР, а также Польшу и Чехословакию. В США Сталин ехать не собирался. Имея в виду явно демагогический характер «предложения» Сталина, сделанного не президенту, а журналисту, ответа на него не последовало.

Советская пресса сообщила, что 2 февраля госсекретарь Дин Ачесон на пресс-конференции высказался отрицательно как в отношении пакта мира, так и по другим вопросам, затронутым Смитом. Спустя несколько часов на пресс-конференции выступил президент Трумэн, который присоединился к мнению Ачесона⁴⁵².

Когда же в 1951 году Уинстон Черчилль вновь стал британским премьер-министром и, приехав в США в следую-

шем году, предложил Трумэну попытаться организовать новую встречу на высшем уровне, президент от этого отказался. Он даже предостерег премьер-министра, сказав ему: «Я искренне надеюсь, что Вы публично не предложите встречу со Сталиным, так как это поставит меня в неловкое положение и я должен буду сказать, что, хотя я был бы рад увидеть Сталина в Вашингтоне, я не хочу посещать его столицу». Трумэн добавил, что он не верит, что русские хотят такой встречи, что он принял бы участие только в такой конференции, которая могла бы принести реальные результаты⁴⁵³. К тому же в 1952 году встреча со Сталиным была уже невозможной по причине критического состояния здоровья последнего, хотя таковое и тщательно скрывалось.

К этому времени в распоряжении американской разведки были достаточно серьезные материалы касательно положения в Кремле и расстановки там сил. Об этом свидетельствует меморандум директора Федерального бюро расследований Джона Эдгара Гувера от 22 октября 1951 года. В нем говорилось: «В течение более чем десятилетия сохраняется внешнее подобие единства в Политбюро, и поэтому невозможно оценить верность различных слухов о политических расхождениях в нем. Но в любом случае раскол заканчивается в тот момент, когда Сталин оглашает свою позицию. Политбюро состоит из лиц, подобранных лично Сталиным по качествам лояльности и способностей, и эти лица обязаны своим продвижением только его благосклонности и сохраняют свои должности исключительно по его воле... Враждующие клики никогда не были терпимы Коммунистической партией... Вероятно, в случае смерти Сталина Молотов будет титулярным наследником, но управлять будет триумvirат в составе Маленкова, Берии и его самого, и никаких решительных изменений в политике не произойдет»⁴⁵⁴.

Именно исходя из таких близких к истине, хотя и не вполне точных предположений Трумэн строил свою политику по отношению к СССР в последние год-два своего пребывания у власти.

2. Курс сдерживания

Возвратимся, однако, в 1946 год. Уже самое начало этого года характеризовалось ростом напряженности в очагах, которые существовали до этого, и появлением новых оча-

гов. Советское руководство и его местная агентура в лице компартий усиливали давление в странах Восточной Европы с целью полного перевода их под сталинское управление при помощи изобретенной самим «вождем» формы «народной демократии» (разумеется, никто из представителей подвластной иерархии не осмелился разъяснить Сталину, что термин «народная демократия» является тавтологией, а значит, не имеет смысла). В самих же восточноевропейских странах стремившиеся к полной власти коммунисты пытались провести в жизнь столь же фальшивый лозунг «диктатуры пролетариата», но получали за это выговоры со стороны пока осторожного Сталина⁴⁵⁵. Напряженность росла в Китае, где в 1946 году Маньчжурия, находившаяся под контролем СССР, стала превращаться в плацдарм компартии в условиях начавшейся новой гражданской войны. Она была вначале благоприятной для сил правительства Гоминьдана, но с первой половины 1947 года коммунистические армии стали предпринимать крупные наступательные операции⁴⁵⁶.

Сложная ситуация складывалась на севере Ирана, откуда СССР не спешил выводить свои войска, размещенные там во время войны. Более того, было образовано просоветское, возглавляемое коммунистами правительство Иранского Азербайджана с возможной перспективной его «воссоединения» с советской республикой⁴⁵⁷.

Трумэн и его правительство обращали особое внимание на ситуацию в Китае, с полным основанием считая, что возможный приход коммунистов к власти в этой гигантской стране может коренным образом изменить соотношение мировых сил. Вначале предполагалось, что американские военно-морские соединения, расположенные в китайских портах, будут немедленно по окончании военных действий возвращены на родину. Однако, получив сведения, что трофейное японское вооружение, захваченное советскими войсками, начинает передаваться китайским коммунистическим формированиям, Трумэн изменил свое решение. Военные корабли были временно задержаны в Китае и начали переправлять правительственные силы этой страны с юга на север.

Одновременно президент направил в Китай в качестве посла по особым поручениям только что ушедшего в отставку с поста начальника штаба армии овечьного славы генерала Джорджа Маршалла. Хотя генерал не имел дипломатического опыта, его личные качества проницательного

стратега и жесткого администратора позволяли надеяться, что он сможет выполнить свою миссию — добиться примирения между правительством Чан Кайши и коммунистами во главе с Мао Цзедун.

Трумэн тщетно провозглашал свои миролюбивые намерения в связи с командировкой Маршалла, заявляя, что «мы только стремимся ликвидировать войну. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Китая»⁴⁵⁸.

Но миссия Маршалла заранее была обречена на провал, так как Чан Кайши считал, что он слишком доверяет коммунистам, Мао Цзедун видел в нем гоминьдановского агента, а Сталин счел его миссию предложением для отсрочки вывода советских войск с маньчжурской территории⁴⁵⁹. Поняв, что с китайским примирением дело не выйдет, Трумэн дал распоряжение о выводе американских сил с территории этой страны, и, несмотря на попытки военно-морского министра Джеймса Форрестала несколько затормозить уход, к концу 1946 года военно-морской флот США покинул китайские воды.

По указанию Трумэна госсекретарь Бирнс фиксировал внимание союзников военного периода на ситуации в оккупированной Германии. Еще в сентябре 1945 года он внес предложение о заключении между союзниками договора о демилитаризации Германии сроком на 20—25 лет, который предусматривал бы постепенное свертывание союзной военной оккупации по мере разоружения страны. Предложение встретило жесткую реакцию Сталина. Он писал Молотову: «Предложение Бирнса преследует четыре цели: первое — отвлечь наше внимание от Дальнего Востока, где Америка ведет себя как завтрашний друг Японии, и тем самым создать впечатление, что на Дальнем Востоке все благополучно; второе — получить от СССР формальное согласие на то, чтобы США играли в делах Европы такую же роль, как СССР, чтобы потом в блоке с Англией взять в свои руки судьбу Европы; третье — обесценить пакты о союзе, которые уже заключены СССР с европейскими государствами; четвертое — сделать беспредметными всякие будущие пакты о союзе с Румынией, Финляндией и т. д.»⁴⁶⁰.

Только больному воображению могли бы представиться все эти «козни». Но на самом деле речь шла не о больном воображении, а о трезвой политике силы, при помощи которой Сталин стремился утвердить свое господство на максимальной части Европейского континента.

Столкновения начинали возникать по сравнительно мелким поводам. Во время заседания Совета министров иностранных дел в Лондоне в сентябре 1945 года Молотов, безусловно, с санкции Сталина, пригрозил «хлопнуть дверью», если к обсуждению вопроса о положении на Балканах будут привлечены Франция и Китай. Трумэн по этому поводу попросил Сталина связаться с Молотовым и сказать ему, что «он не должен допустить прекращения работы Совета, ибо это неблагоприятно отразилось бы на международном мире». Сталин отпарировал, что «эти государства не должны привлекаться к участию»⁴⁶¹. Вслед за этим Молотов телеграфировал Сталину: «Надо быть готовыми к открытому антисоветскому выступлению наших “уважаемых” союзников. Отвечать на это придется в зависимости от характера этого нападения». Сталин тут же прореагировал вновь: «Подтверждаю твою позицию. Не воспринимай махинации... в трагическом свете, а смотри на все это спокойно. Мы ничего не проиграем, проиграют только они»⁴⁶².

Подобные инциденты продолжали множиться.

При этом Сталин противопоставлял Трумэна покойному Рузвельту, с которым (и с его советниками) у него сложились, мол, товарищеские, рабочие отношения. Так, 23 января 1946 года, принимая уходящего в отставку посла Уильяма Аверелла Гарримана, Сталин начал с извинения, что, если бы он знал о факте ухода Гарримана со своего поста, он бы «отложил все дела, чтобы его принять». Гарриман же, опытный дипломат, подхватил эту ноту, заявив, что, вероятно, будет работать в правительстве и что он «остается одним из последних звеньев, связующих президента со старыми советниками Рузвельта»⁴⁶³. Сталин передал через Гарримана ритуальный привет Трумэну.

Именно в этих условиях 22 февраля на стол Трумэна легла телеграмма советника посольства США в Москве Джорджа Кеннана (а не посла в СССР, как утверждает Н. В. Злобин⁴⁶⁴, — послом был тогда еще Гарриман), в которой обосновывалась невозможность послевоенного сотрудничества с СССР. Хотя телеграмма была адресована в Госдепартамент, ее сочли настолько важной, что немедленно передали президенту. Видимо, в Госдепе согласились с первыми словами телеграммы: «Я заранее извиняюсь за то, что отягощаю вас, используя телеграфный канал. Но затрагиваемые вопросы являются настолько срочными и важными, особенно в связи с последними событиями, что наши ответы на них, если они вообще заслуживают внима-

ния, мне представляются заслуживающими внимания немедленно».

В этой «длинной телеграмме», как ее стали называть (в ней было примерно 8 тысяч слов), указывалось, что власти СССР уважают только силу, не верят, что с США может быть достигнуто длительное сотрудничество, делают ставку на агрессию «для обеспечения безопасности своего слабого режима». В качестве ответа Джордж Кеннан, считавшийся выдающимся экспертом по истории и политике СССР, предлагал ввести в действие курс сдерживания Советского Союза с целью недопущения его выхода за пределы существующей сферы влияния.

Русские, писал Кеннан, всегда очень чувствительны к «политике силы» и отступают перед ней⁴⁶⁵. Затем последовала статья Кеннана за подписью «Х» в наиболее авторитетном американском журнале по международным отношениям «Форин афферс»⁴⁶⁶.

По распоряжению президента копии телеграммы были распространены среди членов правительства, высших военных руководителей, направлены в посольства США. Фактически, несмотря на то что на телеграмме значилось, что она носит секретный характер, о ней стало известно «городу и миру». Ее содержание определяло теперь курс правительства США по отношению к СССР, получивший название политики сдерживания⁴⁶⁷. Оценки СССР в американском обществе и в связи с поступавшей текущей информацией, и под влиянием «длинной телеграммы» начали быстро меняться: в марте 1945 года 55 процентов американцев, судя по опросам Института общественного мнения Гэллапа, доверяли СССР, в марте 1946 года таковых было лишь 33 процента.

Так Джордж Кеннан, занимавший не самое высокое положение в американской внешнеполитической элите, стал автором «доктрины сдерживания», которая определила американский дипломатический и военный курс на первые послевоенные годы — до тех пор, пока она не была заменена администрацией нового президента Эйзенхауэра «доктриной освобождения» — формально более воинственной, но на деле имевшей основные общие черты с прежней политикой⁴⁶⁸. Прав был известный американский дипломат Генри Киссинджер, который полагал, что «среди дипломатов в нашей истории Кеннан подошел ближе других к авторству доктрины эпохи, в которую жил»⁴⁶⁹. Тем не менее при учете «авторства» Кеннана следует иметь в виду,

что реализацией «доктрины сдерживания» на практике, ее формулировкой применительно к конкретным ситуациям занимались президент Трумэн и его ближайшие советники.

3. Проблемы перемещенных лиц и Палестины

Трудности и конфликты были многообразными. Одной из естественных послевоенных проблем стал вопрос о судьбе так называемых перемещенных лиц, то есть тех, кто вынужден был покинуть свое место жительства в условиях войны. К концу Второй мировой войны в результате насильственных действий Третьего рейха, а также, в значительно меньшей степени, по политическим причинам и с целью спасения от голода, для попытки что-то заработать в Германии оказалось около 10 миллионов жителей других стран (в том числе свыше шести миллионов военнопленных и других людей, насильственно вывезенных с территории СССР)⁴⁷⁰.

На основании секретного соглашения между СССР, США и Великобританией, принятого на заключительном заседании Крымской конференции 11 февраля 1945 года, сразу после окончания войны в Европе в западные зоны оккупации Германии были направлены советские репатриационные комиссии. Это соглашение гарантировало возвращение военнопленных и гражданских перемещенных лиц союзных наций на их родину «на взаимной основе».

На практике ни о какой «взаимной основе» речи, разумеется, не могло быть, так как на территориях, оккупированных советскими войсками, ни американцев, ни британских подданных не было, кроме отдельных, случайно оказавшихся там людей. Предусматривалось, что все советские граждане «содержатся в лагерях или на сборных пунктах до момента их передачи советским властям». Иллюзии о том, что происходило с ними после возвращения на родину, если они и существовали, исчезали очень быстро. Л. П. Берия на совещании в НКВД в апреле 1945 года прямо объявил, что советские представители в комиссиях по репатриации «будут иметь дело с людьми, изменившими Родине... В этом отношении нет разницы между пленными, вывезенными или уехавшими добровольно»⁴⁷¹.

Уже летом 1945 года в США стали поступать сведения, о которых тотчас доложили Трумэну, что многие «ди-пи», как их называли по-английски (сокращение от термина

displaced persons — «перемещенные лица»), сопротивлялись репатриации, что дело доходило до бегств из лагерей и даже самоубийств. Затем поступили сведения, что в советские концентрационные лагеря отправляют не только тех, кто во время оккупации сотрудничал с оккупантами, но и тех солдат и офицеров, которые находились в немецких лагерях для военнопленных. Многие американские и британские офицеры были возмущены тем, что советским репатриационным комиссиям, которые, как было хорошо известно, состояли из сотрудников Главного управления военной контрразведки «Смерть шпионам!» (Смерш), подчинявшейся непосредственно Сталину, были переданы видные участники Гражданской войны в России генералы П. Н. Краснов и А. Г. Шкуро⁴⁷². Оба они были вскоре казнены через повешение.

В связи с этим по согласованию с президентом командующий американскими войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр 4 сентября 1945 года негласно распорядился приостановить принудительную выдачу советским властям тех «ди-пи», которые не желают репатриироваться. Распоряжение нигде не публиковалось, оставалось негласным, но слухи о нем попали в американскую прессу, в которой сообщалось, что репатриация не будет проводиться до «специального указания правительства США». Это был вынужден осторожно подтвердить и представитель Эйзенхауэра на пресс-конференции, заявив: «Возможно, в течение какого-то времени некоторых из них сажали в поезд без детального опроса нами, но теперь все это приостановлено»⁴⁷³.

Вопрос о судьбах «ди-пи» стал одним из факторов зарождения холодной войны. Советские представители в ООН и особенно в специализированной организации — Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA*, ЮНРРА) — добивались возобновления отправки перемещенных лиц на родину.

Правительство Трумэна после некоторых колебаний (несколько раз отправка возобновлялась и прекращалась) в конце концов решительно отвергло требования принудительной репатриации. В связи с этим со всей силой встала проблема расселения «ди-пи», сконцентрированных в Германии и Австрии. Трумэн решил показать пример другим странам, начав в определенной степени переоценку иммиграционной политики. Президент, однако, был связан су-

ществовавшим законодательством в этой области, предусматривавшим регулирование иммиграции в соответствии с расой и национальностью для сохранения «этнического равновесия».

Поэтому президент был вынужден действовать обходными путями, используя свои исполнительные распоряжения. 22 декабря 1945 года он подписал распоряжение о приоритетном праве въезда в США более 40 тысяч беженцев Второй мировой войны, ставшее известным как «директива Трумэна». В 1946—1947 годах президент издал несколько новых распоряжений, согласно которым 90 процентов въездных виз, предназначенных для стран Центральной и Восточной Европы, были предоставлены тем «ди-пи», которые находились в оккупационных зонах и отказались возвратиться на родину. В результате этих мер в 1946—1948 годах в США въехало свыше 40 тысяч человек⁴⁷⁴.

Примеру США последовали Канада, Австралия, отдельные страны Латинской Америки. Через ЮНРРА США, а также некоторые другие страны предоставляли беженцам материальную помощь. Всего через эту организацию было израсходовано, в основном на поддержку «ди-пи», 3,7 миллиарда долларов, из которых США внесли 2,7 миллиарда⁴⁷⁵.

Вместе с тем, учитывая, что реальные проблемы, стоявшие перед ЮНРРА, в основном были решены и что эту организацию все шире использовал СССР в своих политических целях, Трумэн принял решение о прекращении финансирования этой организации, а 22 июля 1946 года ООН прекратила ее деятельность.

Не менее сложной проблемой, стоявшей перед Трумэном в связи с проблемой перемещенных лиц, была судьба европейских евреев, лишь малая часть которых не попала в газовые камеры лагерей смерти и смогла выжить в условиях гитлеровского холокоста. В основном они стремились попасть в Палестину, на родину предков, надеясь создать там свое национальное государство.

В конце Второй мировой войны Палестина оставалась британской подмандатной территорией, образовавшейся в результате распада Османской империи и возникновения подмандатной системы Лиги Наций (мандаты на временное управление колониями получали страны-победители). Появившаяся в 1917 году Декларация Бальфура (она названа по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура, направившего 2 ноября 1917 года соответствующее официальное письмо пред-

ставителю британской еврейской общины лорду Уолтеру Ротшильду) гласила: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране». Несмотря на содержащиеся в декларации оговорки и признание Палестины лишь «очагом» для евреев, общественность обычно трактовала этот документ как согласие на создание в будущем еврейского государства на этой территории.

На основании декларации, одобренной союзниками Великобритании, в частности США,⁴⁷⁶ в 1920-е годы на территории Палестины стали размещаться еврейские поселения. Между мировыми войнами ее еврейское население увеличилось с 80 тысяч до 500 тысяч. Почти непрерывно возникали конфликты между палестинскими арабами и евреями. В период войны палестинские евреи стали создавать вооруженные организации, вступавшие в кровопролитные конфликты не только с арабами, но и с британскими полицейскими подразделениями и даже с регулярными войсками. После образования в Великобритании лейбористского правительства в 1945 году его руководитель К. Эттли начал подготовку ухода из Палестины, хотя воздерживался от определения ее дальнейшего статуса.

Гарри Трумэн в качестве сенатора, а затем вице-президента поддерживал, не мог не поддерживать, осторожный курс Франклина Рузвельта, который уже после избрания на президентский пост в последний раз просил близкого к нему сенатора Роберта Вагнера выступить против просионистской резолюции, которую намеревалась внести группа конгрессменов: «Там находится почти полмиллиона евреев. Еще миллион желает туда отправиться. Есть там всякие — хорошие, плохие, никакие. С другой стороны, там приблизительно 70 миллионов мусульман, которые хотят перерезать им горло в тот день, когда они сойдут на берег. Единственная вещь, которой я хотел бы избежать, — это резня»⁴⁷⁶.

И все же Трумэн еще до того, как стал вице-президентом, а затем президентом, высказывался чуть более определенно. В феврале 1944 года он фактически присоединил-

ся к Декларации Бальфура, считая необходимым «оказать помощь борцам за создание еврейской родины в Палестине»⁴⁷⁷.

Когда же Трумэн стал президентом, он открыто объявил, что солидаризуется с Декларацией Бальфура, так как она соответствует принципу самоопределения, выдвинутому в свое время президентом Вудро Вильсоном. Так новый президент оправдывал свою позицию традицией. Через неделю после принесения президентской присяги Трумэн принял известного сиониста раввина Стивена Вайса и заявил ему, что хорошо знаком и с еврейской, и с арабской точками зрения на проблемы Палестины, как и с тем, что произошло с евреями в годы войны. Он заверил раввина, что США сделают все, чтобы евреи обрели свою родину⁴⁷⁸.

По поручению Трумэна его помощники и подобранные ими ученые провели ряд исследований, которые предоставили неопровержимые доказательства намерений гитлеровцев осуществить полное уничтожение европейского еврейства. Ими были найдены, в частности, некоторые протоколы Ванзейской конференции сановников нацистского рейха, состоявшейся 20 января 1942 года, на которой были намечены «мероприятия», приведшие к уничтожению около шести миллионов евреев⁴⁷⁹.

Помимо этого, Трумэн поручил профессору Пенсильванского университета Э. Харрисону ознакомиться с нуждами евреев из числа перемещенных лиц, которые не желали возвращаться в страны их довоенного проживания и просили вначале разместить их в особых лагерях «ди-пи», а затем содействовать переводу в Палестину. Трумэн согласился с выводами доклада Харрисона, передал этот доклад генералу Эйзенхауэру, а затем обратился к правительству Великобритании с просьбой о выдаче ста тысяч сертификатов на переезд европейских евреев на родину предков.

После этого были заметно улучшены условия проживания перемещенных евреев, которые были переведены из американской зоны оккупации Германии в особые лагеря, где была введена внутренняя автономия. Трумэну было досадно, что, несмотря на его просьбу, положение еврейских «ди-пи» в британской и французской зонах не изменилось.

В то же время проблема переселения евреев в Палестину оставалась крайне сложной из-за ожесточенного сопротивления этому палестинских арабов и внешних сил, которые их поддерживали, в частности советской дипломатии. Весьма сдержанно, несмотря на обещания лейбористского

правительства, относилось к проблеме «еврейского дома» правительство Великобритании. Для американской элиты эта проблема осложнялась геополитическими и экономическими соображениями, в частности связанными с закупками ближневосточной нефти. Заинтересованные американские круги предупреждали сотрудников Госдепартамента и других администраторов, что покровительство еврейской эмиграции в Палестину может привести к резкому сокращению поставок нефтепродуктов из стран региона в США, которые в то время серьезно зависели от импорта энергоносителей.

Президенту Трумэну потребовалась определенная смелость, чтобы начать преодоление сопротивления некоторых звеньев своей администрации, которые предупреждали его, что среди европейского еврейства очень сильна коммунистическая пропаганда, что среди эмигрантов, которые направляются в Палестину, окажется немало советских шпионов и тем более агентов влияния. Любопытно, что такого рода суждения наслаивались на антисиионистскую и в конечном счете антисемитскую пропаганду, которая начинала набирать обороты в сталинском СССР.

Разумеется, Трумэн как политик должен был учитывать всю сложность международной и внутренней ситуации. Несмотря на нее, он оставался твердым приверженцем еврейской эмиграции в Палестину. В своих воспоминаниях он рассказывал, что еще в молодости интересовался историей древних государств Израиль и Иудея, которые, по его словам, были в свое время в числе главных мировых центров. Позже, после того как началось еврейское рассеяние по миру, а в Палестине утвердились арабы, они «никогда не могли сделать этот регион столь же сильным и влиятельным, каким он был ранее, хотя возможности для этого сохранялись». Трумэн полагал, что при условии переселения евреев в Палестину «можно создать прекрасную промышленную систему, а производственные возможности этого региона могли быть использованы и евреями, и арабами»⁴⁸⁰.

Еще осенью 1945 года был образован совместный американо-британский Комитет по исследованию проблемы Палестины. В апреле 1946 года комитет представил рекомендации, состоявшие в том, что целесообразно создать два автономных полугосударственных образования — еврейское и арабское — под строгим контролем ООН не только над Иерусалимом, но и над рядом других участков

Палестины. Госдепартамент выразил согласие с этим планом. Однако, учитывая, что непосредственно заинтересованные стороны — еврейские, арабские организации, да и правительство Великобритании не проявили по этому поводу энтузиазма, Трумэн счел план неудовлетворительным, плодом чиновничьего бумаготворчества.

Он жаловался: «...[чиновники] рекомендуют мне быть как можно более осторожным, говорят, что я не понимаю, что делается в Палестине, что я должен оставить все на рассмотрение “экспертов”. Но некоторые “эксперты” Государственного департамента считают, что именно они должны вырабатывать политику. Пока же я президент, политику буду вырабатывать именно я, а их дело — только ее осуществлять. Те же из них, кому это не нравится, могут оставить работу в любое время, когда этого захотят»⁴⁸¹.

Формально это было проявлением намерения решать палестинский вопрос как можно скорее, причем в основном благоприятно для сионистского движения, но давления, которые на него оказывались как внутри, так и вне США, были самыми противоречивыми, и найти равнодействующую, наиболее благоприятную американским интересам, как их понимал президент, было крайне трудно. С одной стороны, его атаковали арабские круги, не без основания считая его приверженцем еврейских интересов. С другой стороны, американские еврейские организации выражали недовольство медлительностью президента, который несколько раз заявлял, что стремится добиться охлаждения страстей, с тем чтобы в Палестине не возникла кровопролитная война. Министр торговли Генри Уоллес рассказывал, как в его присутствии Трумэн, раздосадованный непониманием со стороны еврейских кругов, воскликнул: «Когда Иисус Христос находился здесь, на земле, даже он не смог удовлетворить их пожеланий, можно ли ожидать, что мне это удастся лучше, чем Ему?!»⁴⁸²

Между тем решение палестинского комплекса проблем действительно грозило надолго увязнуть в бюрократическом болоте. Трумэн пытался найти выход из заколдованного круга. Когда в апреле 1947 года Генеральная Ассамблея ООН образовала специальный Комитет по Палестине, американская делегация под давлением президента (вопреки стремлению Госдепартамента вновь отложить решение проблемы) внесла на его рассмотрение предложения о прекращении британского мандата и создании на территории Палестины двух государств — еврейского и арабского —

при сохранении интернациональной зоны, охватывающей Иерусалим и его пригороды. Вначале была сделана оговорка относительно того, что принадлежность пустыни Негев будет решена в будущем, но в окончательной редакции рекомендаций эта оговорка была снята. Реакция арабов была решительно отрицательной. К границам Палестины стали подтягиваться войска соседних арабских государств.

Тем временем со всех концов США президенту поступали письма с требованием более активного вмешательства. 17 октября Трумэн писал сенатору Клоду Пепперу: «Я получил примерно 35 тысяч писем и пропагандистских материалов от американских евреев. Пока вопрос находится в стадии рассмотрения... я не взгляну ни на одно из писем, потому что считаю, что Комитет по Палестине Объединенных Наций действует как юридический орган, и в его дела не следует вмешиваться»⁴⁸³.

Трумэн на самом деле лицемерил, полагая, что эти его слова, несмотря на конфиденциальность, окажутся достоянием других сенаторов и через них станут общеизвестными. На самом деле он не только ознакомился с поступающими материалами, но через американских представителей в комитете энергично вмешивался в обсуждение проблемы с целью скорейшего ее решения.

Фактическим признанием, на чьей стороне стоит американский президент и, следовательно, вся мощь заокеанского государства, было принятие Трумэном 19 октября 1947 года Хаима Вейцмана, видного ученого-химика и всемирно известного лидера сионизма. Вейцман был председателем Всемирной сионистской организации в 1921—1931-м и 1935—1946 годах. Он не был переизбран на этот пост в 1946 году, так как его некоторое время рассматривали как сторонника британской политики затягивания решения проблем Палестины. Это не соответствовало действительности, хотя ученый старался выступать осторожно. Фактическая ведущая роль Вейцмана в сионистском движении сохранялась, что выразилось, в частности, в том, что именно он рассматривался как наиболее вероятный первый президент будущего еврейского государства, что и произошло.

На встрече Вейцман изложил свои планы создания в будущем государстве мощной промышленной базы, освоения пустынных районов и развития в них интенсивного сельского хозяйства. Он постарался развеять опасения американского президента, что СССР использует новое госу-

дарство для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. Несколько идеализируя ситуацию, он говорил Трумэну: «Если бы существовало серьезное стремление Советов распространить влияние коммунизма через эмиграцию, они сделали бы это в прошлые десятилетия. Образованные крестьяне и квалифицированные рабочие мечтают о высоком жизненном уровне, который не будет принят никогда коммунистами. Опасность коммунизма существует лишь в кругах неграмотных бедных слоев, которые не могут ему сопротивляться самостоятельно».

Трумэн дал согласие на установление дипломатических отношений с еврейским государством, как только оно будет создано, и предоставление ему на льготных условиях займа в 100 миллионов долларов⁴⁸⁴.

Иначе говоря, именно позиция США и прежде всего американского президента сыграла главную международную роль в создании нового государства.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию № 181 в духе рекомендаций специального комитета. С ней согласились большинство еврейских лидеров, но далеко не все (часть из них стремилась к созданию своего государства, охватывающего полностью территорию Палестины), но она была решительно отвергнута арабами. Фактически к началу 1948 года между палестинскими арабами и евреями начались военные действия, которые почти сразу переросли в подлинную войну.

Трумэн, внимательно следивший за развитием событий, признавал чрезвычайную сложность сложившегося положения, тем более что в войну постепенно втягивались соседние арабские государства, которые, как полагали президент и абсолютное большинство его советников (а также почти все экспертное сообщество как в США, так и за их пределами), сотрут с лица земли нарождающееся еврейское государство уже в силу многочисленности своих армий. Министр обороны Джеймс Форрестол пытался разъяснить президенту: «Вы не понимаете, что сорок миллионов арабов столкнут 400 тысяч евреев в море», вновь и вновь напоминая о факторе нефти: «Мы должны быть на стороне нефти»⁴⁸⁵.

В этих условиях некоторые авторитетные государственные деятели США, не только Форрестол, высказывались за то, чтобы отложить выполнение резолюции ООН. Н. В. Злобин, тщательно проанализировавший складывавшуюся ситуацию, показал, насколько тяжело было Трумэну

принимать решения по Ближнему Востоку в условиях, когда к концу 1947-го — началу 1948 года в полной мере уже развернулась холодная война.

Президента особенно озадачило то, что против немедленного создания еврейского государства выступил человек, к которому он относился с особым доверием. Им был Джордж Маршалл, назначенный 21 января 1947 года Государственным секретарем США. Н. В. Злобин отмечает: «По мнению американских военных, вероятность военного конфликта в Европе нарастала с каждым днем. В этой ситуации Маршалла заботила возможность беспрепятственного выхода к ближневосточной нефти. Поэтому все чаще в документах Государственного департамента проскальзывала мысль о том, что надо отложить практическое осуществление решения ООН»⁴⁸⁶.

Аналогичные рекомендации содержались в докладных записках недавно созданного Центрального разведывательного управления (о его создании будет рассказано ниже)⁴⁸⁷.

Трумэн, на которого со всех сторон оказывали давление (преимущественно в смысле отсрочки выполнения решения ООН), стал колебаться. Хотя он и приобрел уже значительный опыт государственной деятельности, в его душе невольно бушевали сомнения. Не придется ли США вводить войска на Ближний Восток? Не станет ли еврейское государство новым бастионом СССР? Не рухнет ли оно сразу после создания под напором многократно превосходящих арабских вооруженных сил? Не будет ли подорван престиж США в результате неудачи его политики поддержки создания еврейского государства? Как будут реагировать те слои американского общества, которые горячо поддерживали создание еврейского государства, если президент не проявит активности по этому вопросу? Ведь Трумэн как-то довольно цинично заявил: «Мне жаль, господа, но я должен отвечать тем сотням тысяч [людей], которых волнуют успехи сионизма. Среди моих избирателей нет сотен тысяч арабов»⁴⁸⁸.

Эти и другие вопросы просто мучили американского президента, который в течение некоторого времени принимал противоречивые решения. Весьма показательным было то, что он вначале отказался вновь принять Хаима Вейцмана, а затем все же принял его, правда тайно⁴⁸⁹. Встреча состоялась 18 марта 1948 года, и авторы этой книги к ней еще возвратятся несколько ниже, рассматривая непосредственное отношение Трумэна к созданию государства Израиль.

Пока же нам с вами, читатель, следует обратиться к основным проблемам деятельности Трумэна непосредственно после войны, в частности к его роли в возвращении своей страны к мирному развитию.

Глава двенадцатая

ТРУДНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕКОНВЕРСИИ

1. Переход к мирной жизни

Американские государственные деятели, и президент страны прежде всего, безусловно, горячо радовались победе, возвращению к мирной жизни. Вместе с тем элементарное знание истории, даже школьное понимание экономических закономерностей, показывало, что переход к миру будет связан для США с немалыми трудностями, неизбежным хозяйственным спадом. В качестве кошмарного призрака перед Трумэном стояла Великая депрессия 1929—1933 годов, которую удалось преодолеть, и то лишь частично, с помощью мероприятий рузвельтовского «нового курса» и которую сменил прочный экономический подъем только в условиях Второй мировой войны.

Между тем этот подъем был действительно грандиозным. Бурное развитие производства военной техники, других средств ведения войны и сопутствующей продукции привело к фактической ликвидации безработицы. В некоторых отраслях рост занятости был просто фантастическим. Так, в авиационной промышленности число рабочих за военные годы увеличилось с 63 тысяч до 1 миллиона 345 тысяч, то есть более чем в 20 раз. В связи с ростом доходов рабочих, мелких и средних служащих, мелких предпринимателей цены на сельскохозяйственные продукты за это же время выросли на 131 процент, а доходы фермеров увеличились с 5,3 миллиарда долларов до 13,6 миллиарда — в два с половиной раза. Резко понизилась фермерская задолженность, являвшаяся постоянным бичом американской экономики на протяжении многих десятилетий⁴⁹⁰. Происходило фактическое сращивание правительственных органов и хозяйственных гигантов, прежде всего в военной промышленности. В самолетостроении на первый план вышли корпорации «Локхид», «Боинг», «Норс америкэн», полностью обслуживавшие правительственные заказы. То же самое происходило в радиоэлектронной и химической

промышленности, в производстве боевых сухопутных машин. Формировался, таким образом, военно-промышленный комплекс, составной частью которого становилась и научно-исследовательская работа, в первую очередь связанная с исследованиями в области атомного ядра.

Накануне Второй мировой войны в США производилось чуть меньше одной трети мировой промышленной продукции, а к концу войны — половина. Связано было это в первую очередь с благоприятной военной хозяйственной конъюнктурой и с тем, что на территории страны не было военных действий. Частный бизнес проявил в этих условиях огромную способность саморазвития, благоприятного в то же время для всей нации.

У медали, однако, была обратная сторона. Трумэн приходил в ужас от одной мысли о том, что произойдет, когда в США начнет возвращаться огромная масса демобилизованных солдат, матросов, летчиков, офицеров и всевозможных других военнослужащих и работников вспомогательных подразделений. В условиях неизбежного крупного сокращения государственных заказов на военную продукцию это грозило неисчислимыми хозяйственными и социальными бедами.

Положение еще более осложнялось тем, что во время последней избирательной кампании 1944 года Рузвельт провел через Конгресс закон о реадaptации военнослужащих, подписанный президентом 22 июня 1944 года, который получил неофициальное название Билля о правах «джи-ай» (первые буквы от выражения *Government Issue* — «проблема правительства»; так называли рядовых солдат, и смысл этого выражения состоял в том, что солдаты являются предметом заботы государственных властей).

Согласно новому закону, выделялись средства на образование и профессиональную подготовку демобилизованных солдат и сержантов, им предоставлялись беспроцентные займы на строительство и покупку домов, гарантировалось бесплатное обучение на всех уровнях, в течение пятидесяти двух недель они должны были получать пособия, предусматривались льготные условия лечения. Закон касался примерно восьми миллионов американцев, которые должны были возвратиться на родину с полей и океанов сражений.

Еще более усугубляя проблему, Рузвельт перед выборами пообещал сразу же по окончании войны вернуть на родину всех американских солдат, воевавших за океанами⁴⁹¹. Скорее всего, он не был вполне искренен в этом обещании

и потому, что сознавал, какую невероятную ношу придется возложить на себя всему народу в связи с биллем о «джи-ай», и поскольку вынашивал планы глобального участия США в мировых делах по окончании войны.

Но в любом случае за обещания Рузвельта теперь приходилось отдуваться его преемнику.

А тяга американских солдат на родину была огромной. Незнакомые с экономическими и демографическими закономерностями, они не понимали, почему власти не торопятся проводить демобилизацию и отправлять их на родину.

В неприязнительном стихотворении, написанном кем-то из военнослужащих, находившихся в это время в Италии, говорилось:

Please Mr. Truman, won't you send us home?
We have captured Napoli and liberated Rome;
We have licked the master race,
Now there's lots of shipping space,
So, won't you send us home?
Let the boys at home see Rome⁴⁹².

Мистер Трумэн, мы Неаполь взяли,
И еще мы, мистер Трумэн, взяли Рим —
Враг повержен? — Значит, нам едва ли
Воевать придется: все домой хотим!
Мы свое в окопах отпахали,
И другим невредно посмотреть на Рим!*

Трумэн же отлично понимал, что возвращение в США огромного числа демобилизованных пагубно отразится на рынке труда, приведя к массовой безработице.

Многие американские политики, а также хозяйственные специалисты и бизнесмены несколько пренебрежительно относились к Трумэну, считая его невежественным в экономике. Но это было не совсем так. Не имея экономического образования (напомним, что он не имел вообще никакого высшего образования), Трумэн обладал немалым практическим опытом как банковский служащий, фермер, торговец. Ему приходилось заниматься хозяйственными делами прежде всего в качестве администратора графства в штате Миссури. А будучи сенатором, Трумэн накопил значительные знания, возглавляя Комитет по расследованию проблем, связанных с военным производством. Дональд

* Перевод Л. Шустера.

Маккой с полным основанием полагает, что Трумэн был более компетентен в экономических вопросах, нежели его предшественник — юрист Рузвельт и его преемник — военный стратег Эйзенхауэр⁴⁹³.

Трумэн внимательно прислушивался к прогнозам и предупреждениям своих советников и членов кабинета. Еще 18 мая 1945 года состоялась его беседа с министром торговли Генри Уоллесом, который сообщил, что, по подсчетам его сотрудников, к 1947 году безработица в США составит не менее семи миллионов человек⁴⁹⁴. Из беседы с леволиберальным министром Трумэн сделал прямо противоположные выводы, чем те, на которые надеялся собеседник. Вопреки его советам о проведении новых законодательных актов в пользу рабочих, он распорядился лишь о резком сокращении военных расходов, хотя война на Дальнем Востоке еще продолжалась.

Между самими советниками Трумэна по экономическим вопросам отнюдь не было единогласия. Так, председатель Совета военного производства Джулиус Круг еще до полного окончания войны в Европе, в начале мая 1945 года, распорядился о прекращении государственного регулирования в подведомственных ему отраслях, выражая уверенность, что они сразу же перейдут на производство мирной продукции. Однако руководители других хозяйственных ведомств вздыбились. Директор Управления по регулированию цен Честер Боулс, директор Управления экономической стабилизации Уильям Дэвис и руководитель Управления военной мобилизации и реконверсии Фред Винсон совместно информировали Трумэна, что они опасаются серьезных последствий, в частности неконтролируемой инфляции, если решение Круга будет реализовано так, как оно было задумано. Они считали крайне целесообразным, по крайней мере временно, сохранить «разумный контроль» над ценами и заработной платой⁴⁹⁵.

В течение примерно трех месяцев Трумэн определенно не выражал свою точку зрения в пользу того или иного хозяйственного курса. В кругах бизнеса, в профсоюзах, в объединениях фермеров высказывались опасения, что правительство не подготовлено должным образом к переходу на мирную экономику. Джеймс Мид, председатель того сенатского комитета, который ранее возглавлялся Трумэном, в июле подверг правительство острой критике за «неадекватное планирование». В докладе Управления военной мобилизации и реконверсии, представленном

президенту тогда же, делался неутешительный вывод, что по окончании войны «мы окажемся в печальном состоянии экономики»⁴⁹⁶.

2. Первые хозяйственные решения

Возвратившись в Вашингтон с Потсдамской конференции в начале августа, Трумэн, вопреки своему желанию, ибо он не совсем справедливо считал, что сфера экономики менее всего ему знакома, сразу же занялся хозяйственными делами. 9 августа он провел совещание с руководителями советов и управлений, занимавшихся в годы войны контролем за экономикой. Руководителю Совета военного производства Кругу было дано указание отменить контроль за производством за исключением тех случаев, когда необходимо было предотвратить спекулятивный ажиотаж и, соответственно, быстрый рост цен⁴⁹⁷. По существу, президент избрал средний вариант борьбы против рецессии и инфляции путем поощрения экономического роста при сохранении частичного контроля за частной инициативой.

Через два дня, 11 августа, Трумэн объявил о созыве сессии Конгресса в сентябре с целью обсуждения и решения проблем послевоенной экономики. Ко всем федеральным службам он обратился с просьбой представить ему предложения для послания Конгрессу по этому комплексу вопросов. С этого дня начались ежедневные консультации с руководителями ведомств, многие из которых были лишь недавно назначены на свои посты. Их переполняли идеи, которые противоречили друг другу и часто только запутывали президента.

18 августа он издал очередное исполнительное распоряжение. Целью этого акта было «содействие быстрому и упорядоченному переходу к мирной экономике, осуществляемой свободной независимой частной инициативой при полной занятости и максимальном производстве в промышленности и сельском хозяйстве, общей стабильности цен и расходов».

Распоряжение предписывало министерствам и другим федеральным исполнительным органам «в максимальной степени содействовать производству товаров и услуг, необходимого для удовлетворения национальных и международных потребностей», «продолжать стабилизацию экономики» путем сохранения государственного контроля и

отмены этого контроля в тех случаях, когда в нем уже нет необходимости.

Важным пунктом было разрешение возобновить переговоры между предпринимателями и профсоюзами о заключении коллективных договоров и использовать забастовки в качестве инструмента давления на предпринимателей. Этим Трумэн фактически вторгся в законодательство, запрещавшее в условиях войны стачечные выступления в отраслях, важных для обороны страны. Была, правда, сделана оговорка, что повышение заработной платы не должно привести к «неадекватному росту цен на товары и услуги». Ответственным за реализацию этих указаний президент назначил только что получившего свой пост исполнительного директора Управления военной мобилизации и реконверсии Джона Снайдера, своего старого знакомого еще по Первой мировой войне, который затем служил в различных частных и государственных хозяйственных организациях и обладал значительным опытом экономической деятельности⁴⁹⁸.

Вслед за этим Трумэн начал подготовку своего послания Конгрессу, назначенному на 6 сентября. Он вновь консультировался с помощниками и министрами, считая себя все еще недостаточно подготовленным к крупным государственным акциям, особенно в хозяйственной политике. Наибольшую помощь оказывал ему бывший помощник Франклина Рузвельта Сэмюэль Розенман. Позже Розенман несколько преувеличенно хвалился, что именно он «направил Трумэна на путь “нового курса”», от которого он теперь никогда не отступал⁴⁹⁹. Трумэн отчасти соглашался с такой оценкой, но считал, что это выступление являлось скорее не продолжением «нового курса» Рузвельта, а началом его собственной внутренней экономической и социальной политики, которую он через некоторое время назовет «справедливым курсом» («fair deal»).

Вне всяких сомнений, однако, что между обоими курсами имеется связь, и это подчеркивается специалистами. Российский историк В. Л. Мальков пишет: «При всех превратностях и нарастающем сопротивлении неоконсерваторов продолжали существовать преемственность в программном обеспечении, опирающемся на интеллектуальный задел и инерцию политического движения прогрессивных демократов». В качестве иллюстрации он называет именно «справедливый курс» Трумэна⁵⁰⁰.

В объемистом тексте, представленном Конгрессу в виде брошюры, и в выступлении 6 сентября на совместном за-

седании обеих палат Трумэн предложил программу из двадцати одного пункта, которая ставила задачей послевоенную реконструкцию Соединенных Штатов. Впрочем, таковой была посвящена только часть предлагаемых мероприятий: совершенствование системы компенсаций в связи с безработицей, «справедливая практика найма» рабочей силы (для этого намечалось образовать специальный государственный комитет с правами министерства), сохранение и совершенствование общего государственного контроля за хозяйственной деятельностью. Намечалось содействие мелкому бизнесу, регулирование речного транспорта, и особое внимание уделялось развитию воздушного пассажирского транспорта и перевозке грузов самолетами. Американские граждане, провозглашал президент, должны получить достойные дома, необходимые медицинские услуги, хорошее образование.

Другие пункты касались текущих задач. В их числе были повышение минимального уровня заработной платы, введение законодательства, способствующего всеобщей трудовой занятости, поощрение сотрудничества профсоюзов с предпринимателями и подписание коллективных договоров, законодательные меры, обеспечивающие стабильное положение фермеров, сокращение налогов, содействие проведению общественных работ, оплачиваемых федерацией и отдельными штатами, государственная поддержка научно-исследовательских работ, как фундаментального характера, так и непосредственно содействующих экономическому росту, социальной стабильности и повышению уровня жизни населения.

Отдельные пункты были связаны с военными и международными делами. Сформулированы они были в самой общей форме, так что подчас нелегко было понять даже, что именно имеется в виду. К таковым относились регулирование атомной энергии, унификация вооруженных сил. Учитывая крайне нестабильное положение в мире, которое он предвидел, несмотря на, казалось бы, благоприятные результаты Потсдамской конференции, Трумэн предлагал ввести всеобщее военное обучение.

Программа, выдвинутая Трумэном, носила либерально-демократический характер. Она была либеральной, так как направлялась на содействие государства частному бизнесу, на поощрение индивидуальной инициативы граждан, прежде всего мелких собственников. В то же время она носила демократический характер, ибо ставила своей целью

обеспечение достойного жизненного уровня для всего населения страны.

Это был пока еще только декларативный, но весомый шаг по направлению к созданию такого общества, которое позже получило название постиндустриального. В современной социологии постиндустриальным обществом (или обществом всеобщего благосостояния; иногда неточно говорят о государстве всеобщего благосостояния) называют такое социальное общежитие, в экономике которого в результате научно-технических достижений и существенного роста доходов населения приоритет переходит от выпуска товаров к оказанию услуг, важным производственным ресурсом становится информация, научные разработки оказываются главной движущей силой экономики, а наиболее ценными качествами работников становятся не только уровень образования, но и обучаемость и способность к творчеству.

В таком обществе при поддержании базисных основ капитализма (частная собственность и рыночные отношения) сохраняется естественная дифференциация в доходах и уровне жизни людей, но каждому человеку, ведущему достойный образ жизни, предоставляется необходимый минимум благ, обеспечивающих комфортные условия существования — питания, образования, воспитания детей, отдыха и развлечений. Важной чертой такого общества является исчезновение нищеты как социального явления (разумеется, при сохранении нищеты как результата асоциального поведения). На наш взгляд, великолепно эту сторону общества благосостояния определил российский писатель Михаил Веллер: «Человек должен сильно-сильно постараться, чтобы умереть с голоду и без всякой медицинской помощи»⁵⁰¹.

Нельзя сказать, что постиндустриальное общество — это уже достигнутый результат в наиболее развитых странах, но значительный отрезок пути по его достижению большинство стран Запада (именно стран Запада), по констатации социологов и экономистов, за последние 60—70 лет проделали⁵⁰².

Читателю этой книги может показаться, что авторы позабыли о ее теме, увлекшись социологическими рассуждениями. Но нам представляется, что это не так, ибо герой книги Гарри Трумэн как раз и был в числе тех первых государственных деятелей, кто всерьез стал заниматься конструированием постиндустриального общества.

Расширенное производство, по мнению Трумэна, влекло за собой «магические последствия». Оно означало полную занятость, которая, в свою очередь, способствовала бы дальнейшему расширению производства, росту государственных доходов, позволявших расширить сферу общественных работ. В то же время США расширили бы свое участие в мировом хозяйственном обмене, а это влекло за собой «большую хозяйственную безопасность и большие возможности для прочного мира во всем мире».

Послание Конгрессу от 6 сентября 1945 года было встречено неоднозначно. Лидер республиканцев в палате представителей Джозеф Мартин заметил: «Даже президент Рузвельт никогда не запрашивал так много во время одного заседания»⁵⁰³. Республиканцы вначале осторожно, а затем все более остро критиковали «трумэновский социализм», сравнивали его с советской индустриализацией и предупреждали, что он приведет к не менее трагическим последствиям для большинства населения страны, к краху американской демократии, к тому, что в стране утвердится тоталитарная модель.

Тем временем администрация Трумэна, не ожидая решений Конгресса, по распоряжению президента продолжила конкретные мероприятия в области реконверсии. 2 сентября было принято правительственное решение о расторжении нескольких тысяч государственных контрактов на общую сумму около 23 миллиардов долларов. В течение следующих месяцев расторжение контрактов на военную продукцию продолжалось. Сохранялось действие договоров только на основные нужды вооруженных сил.

Администрация запланировала демобилизацию пяти миллионов солдат и офицеров из общего числа 12 миллионов военнослужащих в течение года после окончания войны против Японии. Более мощный поток людей, переходящих к мирной жизни, эксперты считали опасным и в экономическом, и в социальном отношениях, ибо процесс адаптации после нескольких военных лет был нелегким.

Однако в стране развернулось движение под лозунгом «Верните домой наших ребят!», и президент вынужден был с ним считаться.⁶ Поэтому число демобилизуемых за год было увеличено до девяти миллионов.

Следующая группа мер была связана с государственным контролем над хозяйственной жизнью. В США сохранялась еще карточная система распределения пищевых продуктов и некоторых товаров повседневного обихода. Прав-

да, уже в 1944 году в связи с бурным ростом производства карточки становились формальностью. Осенью 1945 года карточная система была в основном отменена несколькими президентскими актами. На некоторое время сохранилось распределение по карточкам только отдельных товаров, на которые оставался повышенный спрос (автомобильные шины, обувь, мясные продукты, сахар). Несколько медленнее происходила отмена контроля за ценами, но к концу сентября и здесь были достигнуты существенные результаты. Из остававшихся к началу этого месяца 389 товаров, цены на которые регулировались, были освобождены от контроля 229.

3. Труд и капитал

Наиболее сложной проблемой послевоенной реконструкции должен был стать, как предупреждали Трумэна советники и как он сам понимал на основании трезвой оценки действительности, вопрос о взаимоотношениях между предпринимателями и организованной рабочей силой. Ситуация осложнялась тем, что, по прогнозам экономистов, к концу 1945 года безработица, которой в первом квартале почти не было, должна была возрасти до шести миллионов человек.

Между тем, объявляя, что завершение войны освободило рабочих от их обязательств не прибегать к стачкам, президент не мог не понимать, что он сам способствует значительному обострению классовых столкновений. Вначале объединенный союз сталелитейщиков, а за ним другие рабочие профорганизации стали выдвигать требования повышения зарплаты на 25—30 процентов, а затем объявляли о прекращении работы.

Стачное движение постепенно, но со все большей интенсивностью охватывало всю страну. Трумэн записал в дневнике 20 сентября 1945 года: «“Труд” сошел с правильного пути. Надо теперь вернуть его назад. Но чтобы это сделать, надо иметь силы»⁵⁰⁴.

Действительно, исполнительное распоряжение президента, которое он издал еще 18 августа, носило неопределенный характер и скорее являлось не столько распоряжением, сколько рекомендацией обеим сторонам добиваться взаимного согласия, не прибегая к стачкам и локаутам. Понимая почти полную тщетность такого хода дел, сена-

тор-республиканец от штата Мичиган Артур Ванденберг непосредственно после появления распоряжения предложил созвать конференцию представителей правительства, крупного бизнеса и профсоюзов для выработки условий «промышленного мира» с целью максимального увеличения производства и трудовой занятости.

Согласившись с целесообразностью такой конференции и начав к ней подготовку, Трумэн в сентябре — начале октября выступил с рядом жестких заявлений и распоряжений, в частности в связи с забастовкой, начавшейся на ряде предприятий нефтяной промышленности. Как бы забыв, что война уже завершилась, он объявил 4 октября, что не допустит ничего, что стояло бы на пути адекватного снабжения всем необходимым американских вооруженных сил⁵⁰⁵.

Трумэн, однако, отлично понимал, что никаких принудительных мер по урегулированию отношений между трудом и капиталом он теперь, в условиях мира, принимать не в состоянии, что такие меры будут встречены общественным негодованием, что действовать отныне приходится только уговорами.

5 ноября вступительной речью президента была открыта совместная конференция представителей предпринимателей и профсоюзов АФТ и КПП — двух наиболее мощных профобъединений страны. Трумэн призывал участников разрешить стоявшие проблемы «традиционным, американским, демократическим способом». Он уверял, что переговоры и заключение коллективных договоров способны предотвратить стачки и локауты, что трудовые соглашения, раз уж они подписаны, должны соблюдаться обеими сторонами⁵⁰⁶.

Конференция продолжалась почти месяц, но по существу никаких результатов не дала. На всем ее протяжении происходили острые споры между обеими противостоявшими сторонами. Трумэн вынужден был признать неудачу конференции, выступая перед Конгрессом 3 декабря. Он просил законодателей дать ему право создавать временные органы по расследованию фактов, связанных с трудовыми спорами. Работа этих советов (или комитетов) должна была предшествовать объявлению стачки, таким образом на какой-то срок задерживая ее начало. Так в окружении Трумэна и у него самого стали зреть мысли о способах ограничения забастовочного движения, которые воплотились в жизнь в значительно более острой форме, нежели предпо-

лагал Трумэн — в виде закона Тафта — Хартли 1947 года, о котором будет идти речь.

Тем временем стачечное движение распространилось на всю страну. Требования значительного повышения заработной платы были выдвинуты почти 200 тысячами рабочих концерна «Дженерал моторс». В связи с неудачей переговоров с администрацией к стачке готовились сталелитейщики объединения «Юнайтед Стейтс стил». Еще до принятия решения Конгресса по вопросу о временных органах, связанных со стачками, Трумэн назначил таковые для расследования обоих конфликтов. Каково же было его разочарование, когда Конгресс вначале затянул решение, а затем отклонил предложение президента! Трумэн был вынужден распустить оба совета.

За забастовкой автомобилистов последовало прекращение работы сталелитейщиков. Затем волны стачек охватили новые отрасли. К середине 1946 года число забастовщиков перевалило за четыре с половиной миллиона человек.

Будучи серьезно озабоченным ростом стачечного движения, Трумэн посвятил проблемам взаимоотношений труда и капитала значительную часть своего первого ежегодного послания Конгрессу о положении в стране, датированного 14 января и кратко доложенного 21 января 1946 года*. В послании говорилось: «Промышленный мир между администрацией и рабочими должен быть достигнут при помощи коллективных переговоров с участием государства, но не путем государственного насилия. Это проблема, которая касается не только администраций, рабочих и правительства, но всех нас. Частный капитал и частная администрация призваны адекватно вознаграждаться за эффективность, но бизнес должен признать, что его вознаграждения являются результатом использования ресурсов всей нации. Бизнес — это дело общественного доверия, и он должен придерживаться национальных стандартов в решении своих дел. Эти стандарты включают в себя как минимум установление справедливой оплаты и справедливой практики найма. Рабочие также получают свои новые обязанности в условиях мира. В условиях нашей системы

* Традиция ежегодных президентских посланий Конгрессу родилась еще в конце XVIII века, при Джордже Вашингтоне. Послания направляются в виде брошюры, раздаваемой депутатам, и кратко излагаются президентом на торжественном совместном заседании обеих палат.

коллективных переговоров, которая должна стать все более безопасной, рабочие получают все бóльшую политическую и экономическую власть, а это, как в случае любой власти, означает растущую ответственность»⁵⁰⁷.

Пока это были лишь призывы к взаимной ответственности, но одновременно в словах о справедливой оплате и справедливой практике найма содержались новые подходы к будущему трумэновскому «справедливому курсу».

4. Новые трудности и курс президента

В какой-то мере стачки препятствовали реконверсии, но в целом переход на мирное производство происходил быстрыми темпами. К концу 1945 года свыше 90 процентов предприятий, производивших военную продукцию, были готовы к переходу на производство товаров мирного использования (при сохранении возможности возвратиться на выпуск военной продукции, что, как оказалось, было скоро востребовано). А это, в свою очередь, привело к тому, что безработица не приблизилась к такому уровню, какой предвидели эксперты, — к концу 1945 года она достигла не шести, а двух миллионов человек.

Позитивное воздействие на экономику оказал рузвельтовский Билль о правах военнослужащих. Значительная часть ветеранов не стали искать работу в частновладельческих фирмах, а, пользуясь государственными субсидиями, создавали свои мелкие предприятия, поступали в университеты и другие учебные заведения. Результаты 1945 года означали укрепление малого бизнеса и перспективы значительного увеличения числа образованных американцев.

На родину возвращались молодые парни, которых встречали молодые женщины. Те и другие жаждали друг друга. Стремительными темпами возникали новые семьи. Еще не случился, но приближался «бэби-бум» — массовый рост рождаемости, начавшийся в 1946—1947 годах и продолжавшийся еще более ускоренными темпами в следующие годы вплоть до 1955 года. Коэффициент рождаемости (отношение числа живорожденных детей к соответствующей численности населения, исчисляемое в промилле) рос быстрым темпом (в 1940 году — 19,4 промилле; в 1945-м — 20,4; в 1950-м — 24,1; в 1955-м — 24,8)⁵⁰⁸. Заключались браки и рождались дети, которые распределились бы во времени на протяжении всех лет войны, если бы она им не препятствовала.

Возникшие в годы войны сбережения американцы вкладывали в жилье, автомобили, одежду. Вопреки ожиданиям и отчасти против воли профсоюзных бюрократов население страны, отвлекаясь от назревавших новых международных неурядиц, с оптимизмом смотрело в будущее⁵⁰⁹.

И все же, несмотря на эти благоприятные показатели, президент продолжал действовать очень осторожно. Он понимал, что, несмотря на преобладание его партии в Конгрессе в результате выборов 1944 года, подлинной поддержкой он как либеральный демократ не пользуется. Это было связано с тем, что реальное большинство в обеих палатах принадлежало блоку республиканцев и консервативно настроенных демократов, главным образом из южных штатов (так называемых диксикратов*). Правда, руководители обеих палат — Сэм Рэйберн в палате представителей и Олбен Баркли в сенате — поддерживали Трумэна и большинство его инициатив, но сами они являлись в значительной мере номинальными лидерами, и им приходилось лавировать между президентом, с одной стороны, и консервативным блоком — с другой.

В этих условиях Трумэн предпочитал действовать очень осторожно, прежде всего в экономической области, несмотря на вроде бы в основном благоприятные объективные тенденции.

Некоторые считали, что Трумэн просто ведет себя как наблюдатель, принимая как должное любое состояние вещей. Журналист Сэмюэль Любел описывал Трумэна как человека, стремящегося «купить время». Он имел в виду, что президент был «далек от нахождения решений». «Он стремился отложить любые возможные столкновения, навсегда сохранить политическую ничью, а не покончить с ней»⁵¹⁰.

В основе своей это были верные суждения, применительно, правда, только к первым годам пребывания Трумэна у власти. В наибольшей степени они относились к противоречивым решениям с целью не допустить резкого падения курса доллара, которое назревало непосредственно после войны. По выражению Д. Маккоя, «представлялось, что администрация альтернативно дает пациенту то депрессанты, то стимулянты»⁵¹¹. Действительно, в то время

* Диксикратами в США называли членов Демократической партии из южных штатов, сторонников расовой сегрегации. Термин происходит от слов «Дикси» и «демократ». Дикси — округ в штате Флорида, особенно хорошо известный преследованиями черного населения до Гражданской войны 1861—1865 годов.

как Конгресс по запросам администрации сократил налоги почти на 6 миллиардов долларов, Министерство финансов выпустило облигации, для того чтобы хотя бы частично отвлечь сэкономленные средства от открытого рынка. Точно так же правительство попыталось стабилизировать доходы по краткосрочным займам, установив, что они не могут превышать двух процентов, но одновременно стало поощрять займы в принципе, а это привело к значительному увеличению валюты, находившейся в обращении.

И все же прежде всего в финансовых вопросах Трумэн стремился проявить себя как консерватор, выступающий за меры, направленные против инфляции. Отсюда происходило нежелание президента, чтобы его воспринимали как «либерала» или тем более «прогрессиста». Он предпочитал, чтобы его считали «смотрящим вперед». Именно это он имел в виду, когда говорил своим подчиненным, что первый послевоенный период — это не время для серьезных хозяйственных реформ, что необходимо внимательно присмотреться к складывавшейся ситуации и затем принимать решения. «Я не хочу никаких экспериментов, — говорил он своему советнику Кларку Клиффорду. — Американский народ пережил массу экспериментов, и он хочет отдохнуть от них»⁵¹².

Экспериментировать, однако, приходилось, так как речь шла о поиске путей наиболее безболезненного вывода американской экономики из военного напряжения. При этом значительная часть экспериментов оказывалась неудачной, и приходилось возвращаться к прежним мерам. А это вызывало естественное недовольство тех групп по интересам, которые ранее добивались соответствующих мер, краткое время торжествовали, а затем оказывались в проигрыше. Так, по инициативе Джона Снайдера и с санкции президента в начале 1946 года был отменен контроль над ценами на строительные материалы. Трумэн рассчитывал, что эта мера будет стимулировать жилищное строительство, прежде всего строительство семейных частных домов. Однако крупные строительные компании развернули высокоприбыльное сооружение производственных и офисных зданий. В то же время профсоюзы строительных рабочих выступили с требованиями значительного повышения оплаты труда. В совокупности все это свело на нет эффективность проведенной меры. Пришлось возвратиться к частичному контролю над ценами на строительные материалы, а это, в свою очередь, вызвало бурю недовольства.

Честер Боулс, левонастроенный либерал, руководивший Управлением по регулированию цен, жаловался Трумэну в январе 1946 года: «Правительственная стабилизационная политика не носит постоянного характера, которого Вы добиваетесь. Это — импровизации день за днем, от случая к случаю, причем один кризис ведет к следующему. Короче говоря, здесь нет вообще никакой политики»⁵¹³. Конечно, в этом письме было немало эмоциональных преувеличений, но определенную тенденцию оно отражало.

Срок функционирования органов контроля над ценами истекал в июне 1946 года. Трумэн просил Конгресс продлить деятельность этой администрации, но, как бы издеваясь над президентом, обе палаты, формально согласившись с этим, фактически лишили ее реальной власти, поставив каждое ее решение в зависимость от утверждения законодателей. Опытный конгрессмен Олбен Баркли в этих условиях рекомендовал Трумэну все же согласиться с новым законом. Он говорил: «Гарри, ты должен подписать этот закон. Нравится он тебе или нет, это наилучший закон, которого мы можем добиться от нынешнего Конгресса».

Трумэн отказался и наложил на закон вето. Цены на основные продукты немедленно взмыли — говядина с 55 центов за фунт до 1 доллара, сливочное масло — с 80 центов за фунт до доллара с лишним⁵¹⁴. Через три недели Конгресс принял новый закон, полностью восстанавливавший власть органов, контролировавших цены, но было поздно. Меры, которые теперь принимались, были неэффективными, цены на основные пищевые и промышленные продукты оставались высокими⁵¹⁵.

Нелегкие проблемы возникли во взаимоотношениях между администрацией Трумэна и фермерским сообществом. В условиях контроля над ценами фермеры предпочитали не направлять зерно и другие продукты на открытый рынок, а скармливать его скоту или продавать производителям спиртных напитков, имея в виду, что контроль на эту сферу не распространялся. А это, в свою очередь, влекло за собой новые витки напряжения на рынке.

Несколько более успешными были мероприятия по сокращению государственных расходов, на чем особенно энергично настаивал Трумэн. Действительно, за год они понизились более чем на треть, с 98 миллиардов долларов в 1945 году до 60 миллиардов в 1946-м⁵¹⁶.

Однако проблемы потребительского спроса, роста цен, возросшей инфляции продолжали доминировать. Негодо-

вание потребителей направлялось на правительство. Подогревалось оно не только оппозиционными республиканцами, но и консервативными группами в Демократической партии. В конце лета и осенью 1946 года в нескольких центральных газетах стали появляться саркастические заголовки вроде «Всего 87 дней без мяса осталось до Рождества». Трумэн в частном кругу негодовал по поводу действий «безответственных групп эгоистических людей». Он даже начал готовить текст обвинительной речи, в которой собирался излить свои чувства по отношению к тем американцам, которые готовы были пожертвовать «наилучшим управлением, которое только можно было бы вообразить, ради куска говядины, ради ломтика бекона». Он добавлял в сердцах, что бизнесмены и рабочие лидеры одинаково жадно стремятся к прибыли «за счет крови и самопожертвования храбрых людей, которые подставляли свою грудь пулям»⁵¹⁷.

Безусловно, тезисы этого выступления писались в состоянии возбуждения, нервного напряжения. Поразмыслив и, видимо, посоветовавшись с помощниками, Трумэн отказался от разоблачительного выступления, которое так и осталось лишь в черновой тезисной записи.

Поддаваясь давлению промышленных и финансовых кругов, связанных с ними политиков, Трумэн в середине октября 1946 года отменил контроль над ценами на мясные продукты, а в конце года и над остальными ценами. Управление по контролю над ценами прекратило существование⁵¹⁸. Результатом было быстрое насыщение рынка товарами потребительского спроса, прежде всего пищевыми продуктами, вначале снижение цен, затем интенсивный рост внутреннего потребления и, как результат, новое повышение цен и, соответственно, сокращение потребительского спроса. Такие «качели» были характерны и для следующих лет деятельности трумэновской администрации.

Пытаясь хоть как-то реагировать на эти сдвиги, особенно в условиях, когда в европейских странах, разоренных войной, наблюдалась крайняя нехватка пищевых продуктов, когда, по подсчетам министра сельского хозяйства Клинтона Андерсона, европейский рынок мог поглотить не менее трети американского производства продуктов земледелия и скотоводства, Трумэн пока был в состоянии прибегать только к уговорам. 6 февраля 1946 года он выступил по радио с призывом к американцам добровольно ограничивать свое потребление, с тем чтобы США могли оказать помощь продуктами европейским странам.

Он говорил: «Сегодня голодают и даже находятся под угрозой смерти больше людей, чем в какой-либо военный год. Очевидно, что лишь благодаря сверхчеловеческим усилиям этот массовый голод может быть преодолен». Президент призывал американцев консервировать пищевые продукты, сообщил о своих распоряжениях ограничить использование зерна для производства спиртных напитков, в качестве корма скота и птицы и об использовании 70—80 процентов зерна для помола⁵¹⁹.

Достаточно эффективными эти меры не были. Фермеры по-прежнему крайне неохотно отправляли зерно на помол и свободный рынок, предпочитая прежнюю практику использования его как корма и сырья для производителей крепких напитков. Трумэн жаловался по поводу аргументов одного из защитников такой практики: «Жаль, что его нельзя отправить в Польшу, чтобы он провел остаток зимы и весну в польской деревне на рационе, которым она вынуждена жить»⁵²⁰.

Пытаясь совершить прорыв заколдованного круга, Андерсон и другие советники рекомендовали согласиться на дальнейшее повышение закупочных цен на сельхозпродукты. Однако Трумэн запретил это, опасаясь роста инфляции. В результате длительных обсуждений был лишь достигнут компромисс, по которому фермеры получали право продавать свою продукцию по повышенным ценам за сертификаты, наличная оплата которых откладывалась до апреля 1947 года. Существенно эта мера не увеличила продажу хлеба. 19 апреля 1946 года было объявлено еще об одной мере — фермеры получали по 30 центов за бушель* зерна, проданного на свободном рынке до 25 мая. И этот план не сработал. В конце концов президент был вынужден сдаться. 10 мая он издал распоряжение о повышении закупочных цен, фактически ликвидировав их потолок.

Это почти немедленно привело к резкому росту рынка хлеба и других сельхозпродуктов. К 1 июля в распоряжении административных органов находилось около шести миллионов тонн зерна, предназначенного для отправки в голодающую Европу. До конца 1946 года за океан была отправлена примерно одна шестая часть сельхозпродукции, произведенной в США в этом году⁵²¹.

* 1 бушель для сыпучих тел в американской системе мер равен примерно 35 литрам.

Экономические проблемы первых послевоенных полутора лет в значительной мере подорвали авторитет Трумэна, который стал складываться в результате успешного завершения войны в Европе и Азии. По данным опроса, проведенного журналом «Форчун», в январе 1946 года 82 процента опрошенных считали, что президент работает «великолепно» или «хорошо». В июне число тех, кто одобрял политику Трумэна, сократилось до 52 процентов. В значительной мере это отразилось на результатах ноябрьских промежуточных выборов в Конгресс (то есть таких выборов, на которых не избирается президент, а избиратели голосуют за весь состав палаты представителей и одну треть сенаторов). Оппозиция вела агитацию под лозунгами «Трумэн ошибается!», «Тебе достаточно? Голосуй за республиканцев!». Республиканские агитаторы, имитируя возможное поведение все еще популярного Рузвельта, достаточно нечистоплотно «ошибались», восклицая: «Интересно, как бы поступил Трумэн, если бы он был жив?!»⁵²² (курсив наш. — Г. Ч., Л. Д.).

В результате выборы оказались неудачными для партии президента. В палату представителей были избраны 245 республиканцев и 188 демократов, в сенат 51 республиканец и 45 демократов. В обеих палатах впервые со времени президента Гувера в конце 1920-х — начале 1930-х годов возникло республиканское большинство. Трумэн потерял доверие значительной части американцев.

Гарри Трумэну стало еще труднее руководить исполнительной властью.

Глава тринадцатая

К КАРДИНАЛЬНЫМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ

1. США и СССР: Взаимный страх

Казалось бы, американо-советские отношения в конце 1945-го — начале 1946 года оставались более или менее стабильными. Вместе с тем все более росла взаимная подозрительность, перераставшая в пока еще словесные конфронтации. Трумэн был недоволен поведением Государственного секретаря Бирнса на совещании Совета министров иностранных дел, состоявшемся в Москве в декаб-

ре 1945 года. Считая, что госсекретарь вел себя в советской столице слишком уступчиво, что ему вообще не хватает твердой воли, Трумэн встретил Бирнса по возвращении из Москвы недружелюбно, заявил ему, что он неадекватно информировал своего президента о ходе встречи, допускал утечку информации в прессу без консультаций с ним и т. д.

На встрече, состоявшейся 5 января 1946 года, Трумэн зачитал Бирнсу свое письмо, адресованное ему и выдержанное в острых тонах. В письме в то же время содержалась программа ближайших мер, которые должен был провести Госдепартамент: отказаться от признания властей Румынии и Болгарии до тех пор, пока там не будут проведены свободные выборы и созданы представительные правительства, энергично поддерживать независимость и целостность Ирана, осуществить «интернационализацию» ключевых европейских водных путей, всячески содействовать созданию работоспособных правительств в Китае и Корее. «Я устал нянчиться с Советами»⁵²³, — выговаривал Трумэн госсекретарю.

Эта встреча и письмо явно знаменовали собой намерение Трумэна заменить на посту госсекретаря «уступчивого» Бирнса более жестким политиком и в целом проводить по отношению к СССР курс, основанный на силе. Трумэн явно намеревался использовать ООН и связанные с ней международные организации для всяческой поддержки и пропаганды демократии и индивидуальной свободы, как основных принципов внутреннего развития стран, с которыми США намеревались выстраивать дружественные отношения.

Раздумывая над перспективами советско-американских отношений в начале 1946 года, Трумэн приходил к неутешительным выводам. Его пессимизм подстегивали советники, конгрессмены, журналисты. Некоторые из них буквально впадали в панику, полагая, что Сталин не остановится на подчинении себе той группы стран, где уже утвердилась его власть, что его ближайшими целями является полное подчинение Чехословакии и Финляндии; а вслед за этим его армии, используя «пятую колонну» в лице сильных коммунистических партий Франции и Италии, представители которых входили в правительства, направятся на завоевание Западной Европы.

Вместе с тем серьезные опасения вызывало положение в Турции и Греции, которые рассматривались американскими экспертами как страны—ворота к возможному вы-

ходу СССР в Мировой океан, чего так не хватало для предполагаемого овладения ключевыми позициями в Европе.

Опасения по поводу Турции были связаны с советскими претензиями к ней на территории, которые входили в Российскую империю, а в 1921 году были присоединены к Турецкой Республике (их предполагалось поделить между Грузией и Арменией), а также требованиями Сталина о пересмотре в пользу СССР режима Черноморских проливов. В. М. Молотов и А. Я. Вышинский в беседе с югославским послом в СССР Владо Поповичем даже упомянули о перспективе «сбрасывания Турции с Балканского полуострова, чтобы обеспечить славянам будущее»⁵²⁴.

Опасения по поводу Греции определялись тем, что в этой стране в декабре 1945 года разразилась гражданская война между прокоммунистическими силами (бывшими партизанскими отрядами) и армией монархического правительства, поддерживаемого США и Великобританией. Цель коммунистов состояла в захвате власти и включении Греции в советскую сферу влияния по примеру соседних Балканских стран⁵²⁵.

В том случае, если СССР будет наращивать свою экспансию, полагал Трумэн, США не остановятся перед применением атомного оружия. Тот факт, что все эти планы, рассуждения и выводы делались за спиной народов и правительств самих европейских стран, нимало не смущал президента, исходившего из высших политических соображений. Вопросы большой политики, как и вопросы войны, решались, как и раньше, не народами, а властью имущими, причем лишь наиболее мощными из них, разумеется, в демократических формах, а иногда даже просто в демократической оболочке.

Но и широкие массы населения США, в основном под влиянием средств массовой информации, поддавшись инстинкту толпы, к этому времени верили, что у СССР преобладают агрессивные намерения, что союз с этим государством, которым правит диктатор, подошел к концу. В феврале 1946 года, согласно опросу Института Гэллага, лишь 35 процентов населения полагали, что СССР намерен сотрудничать с США, тогда как в августе предыдущего года таких было 54 процента.

Современные исследования показывают, что Сталин и его окружение в первые послевоенные годы стремились закрепить свое решающее влияние в Восточной Европе, сознавая, что попытки еще более расширить сферу господ-

ства привели бы к вооруженному столкновению с США и Великобританией, к которому СССР, не обладавший еще атомным оружием, готов не был. Холодная война зарождалась и усиливалась в обстановке не просто взаимного недоверия, а глубокого обоюдного страха.

При этом опасения в западных демократических странах, разделявшиеся Трумэном, базировались на характере советской тоталитарной системы, на оценке того лица, который эту систему венчал, как непредсказуемого полновластного диктатора, для которого не имело значения, что в возможной новой войне погибнут новые миллионы людей. В свою очередь, опасения в высших кругах СССР основывались как на крайнем истощении экономических и человеческих ресурсов, так и на существовании атомной монополии США.

Таков был базис холодной войны, в условиях которой ни одна сторона не желала возникновения войны подлинной, горячей, но с ужасом ожидала ее взрыва в результате действий противоположной стороны или просто случайности.

2. Фултонская речь

Гарри Трумэн крайне нуждался в каком-либо мощном стимуле, который позволил бы ему оправдать перед населением своей страны, перед Западной Европой, Латинской Америкой и по возможности другими человеческими общностями свой поворот к конфронтации со сталинским СССР. Удачной возможностью для этого оказался визит в США бывшего британского премьер-министра Уинстона Черчилля, продолжавшего пользоваться огромной популярностью в самых широких кругах американцев.

Черчилль собирался приехать в США на длительный зимний отдых, который намерен был провести во Флориде, наслаждаясь теплым климатом и ласковым морем. Но, будучи политиком до мозга костей, он тщательно следил за развитием мировых событий и был весьма встревожен ходом дел в Восточной Европе, не говоря уже о полусоциалистических (или, по крайней мере, казавшихся таковыми) реформах, которые проводило лейбористское правительство у него на родине.

Именно поэтому сэр Уинстон позитивно откликнулся на приглашение крохотного Вестминстерского колледжа в

городке Фултон, штат Миссури, тем более что просьбу выступить там с лекцией поддержал президент США.

История подготовки, произведения и последствий знаменитой фултонской речи была детально исследована Н. В. Злобиным⁵²⁶, и авторы этой книги воспользуются теми фрагментами его публикации, которые связаны с американским президентом, в необходимых случаях подкрепляя их ссылками на первоисточники.

Идея пригласить Черчилля в заштатный Фултон пришла в голову президенту Вестминстерского колледжа профессору Фрэнку Макклуеру, озабоченному поиском средств для своего учебного заведения и его популяризацией. Гонорар был, по меркам Черчилля, небольшим — 5 тысяч долларов, но у Макклуера был знакомый — генерал Гарри Вайн, являвшийся одним из советников президента Трумэна. Именно на поддержку Трумэна рассчитывал Макклуер, имея в виду, что Фултон находился всего в 160 километрах от Индепенденса — родного города президента. По просьбе профессора Вайн передал Трумэну свою просьбу присоединиться к его ходатайству о приезде Черчилля в Миссури. Трумэн считал такую поездку исключительно удобной по нескольким причинам.

Во-первых, он «передоверял» неофициальному лицу изложить сущность западной позиции по основным послевоенным вопросам, оставляя за собой право то ли присоединиться к сказанному, то ли промолчать, то ли объявить о несогласии. В любом случае Трумэн сохранял свободу рук, используя в то же время огромный престиж Черчилля в США.

Во-вторых, имея в виду как все тот же престиж Черчилля, так и неоднозначное отношение к нему самому, Трумэн, решивший присутствовать на выступлении Черчилля, если оно состоится, рассчитывал демонстрацией близости к нему повысить этим собственную популярность.

В-третьих, приглашая выдающегося британского политика в свой родной штат, Трумэн демонстрировал местный патриотизм.

По команде Трумэна профессор Макклуер приехал в Вашингтон, был принят президентом, который на письме Черчиллю с приглашением выступить с лекцией от руки написал: «Это великолепная школа в моем родном штате. Надеюсь, что Вы сможете это сделать. Я сам представлю Вас»⁵²⁷.

Приписка Трумэна сыграла решающую роль, ибо сам Черчилль, будучи отставным премьером, нуждался в сохра-

нении своей популярности как в США, так и за их пределами. Сэр Уинстон ответил согласием и прислал Трумэну проект информации, которую предлагалось одновременно сделать гласной в Вашингтоне и Лондоне. Там говорилось: «Мистер Черчилль принял приглашение от Вестминстерского колледжа в Миссури произнести речь о “мировых делах” 5 марта 1946 года. Приглашение было подтверждено президентом Соединенных Штатов, который сам представит мистера Черчилля колледжу. Мистер Черчилль направится в Нью-Йорк из Англии морем в середине января. Ему было рекомендовано лордом Морганом, его медицинским советником, провести месяц или больше в теплом климате и полном покое. Он принял приглашение полковника Фрэнка Кларка из Квебека остановиться в его доме во Флориде в феврале. Мистер Черчилль в настоящее время не рассматривает никаких других публичных приглашений в Соединенных Штатах. В поездке во Флориду его будут сопровождать миссис Клементина Черчилль и его дочь миссис Сара Оливер»⁵²⁸.

На следующий день Трумэн получил еще одно письмо Черчилля, в котором тот подчеркивал, что согласился выступить именно в связи с тем, что на лекции будет присутствовать президент. Н. В. Злобин комментирует: «Черчилль настаивал, чтобы американский президент сопровождал его. Присутствие Гарри Трумэна, его вступительное слово придавали речи Черчилля важный политический характер. После поражения на парламентских выборах летом 1945 года влияние Черчилля на мировую политику резко уменьшилось, а так он как бы показывал всему миру, что выступает и от имени президента США»⁵²⁹.

Вначале предполагалось, что Трумэн прилетит во Флориду для встречи с Черчиллем, о чем последний информировал Макклуера, добавляя, что он намерен согласовать с президентом свою речь, которую оценивал как важную политическую декларацию. Трумэн, однако, во Флориде не появился, скорее всего, не из-за занятости, а по соображениям осторожности. Поэтому 10 февраля Черчилль побывал в Вашингтоне, где встретился с президентом. Трумэн не пожелал участвовать в составлении речи, о чем просил британец, но главный ее смысл был согласован, хотя Трумэн решил текст речи не читать вообще, чтобы не чувствовать себя связанным.

Адмирал Лихи в этот вечер записал в дневнике: «С 8.30 до 10.00 Черчилль разговаривал с президентом в Белом доме

в основном о речи, с которой Черчилль выступит 5 марта в Вестминстерском колледже в Миссури. Темой речи будет необходимость полного военного союза Великобритании и Соединенных Штатов в целях сохранения мира до тех пор, пока Организация Объединенных Наций не будет в состоянии поддерживать мир, для чего нужно определенное время»⁵³⁰.

Так как это была лекция, а не просто выступление, ее надо было как-то назвать. Черчилль перебрал несколько вариантов, но в конце концов остановился на тривиальном «Мир во всем мире», правда, перед самым выступлением существенно уточнил название, озаглавив лекцию «Мускулы мира», тем самым придав ей вполне ясный силовой оттенок.

И Черчилль, и Трумэн, и вслед за ними их помощники, а затем репортеры заранее рассматривали лекцию как значительное политическое событие. В Фултоне был, правда, довольно большой зал, имевший около трех тысяч мест, но в очередь на билеты записалось более 15 тысяч человек. Поэтому были оборудованы соседние помещения, куда предполагалось транслировать речь. Для журналистов было подготовлено 400 рабочих мест и 35 телефонных линий. В городке были развешаны приветствия, в которых назывались имена Черчилля и Трумэна, а на сцене зала размещена эмблема президента США.

Н. В. Злобин рассказал о своеобразной, по существу дела бессмысленной, но характерной для США дискуссии, развернутой газетой, издававшейся в миссурийском городе Сент-Луисе, на тему «Чем бы вы накормили Черчилля и Трумэна, если бы они пришли к вам на обед?». Обсуждались варианты — курица, индейка, говядина. Увы, ни на одном из этих вариантов не остановилась супруга президента колледжа, дав команду приготовить копченую свинину.

4 марта Черчилль и Трумэн поездом отправились в Миссури. Вместе с ними и родными бывшего премьера, агентами секретной службы и помощниками в Фултон выехали несколько десятков журналистов. За поездкой тщательно следила пресса. Радио, а затем газеты сообщали, что Трумэн даже на недолгое время заменил машиниста локомотива (можно представить себе, как волновалась секретная служба!) и на вопрос, понравилось ли ему это, ответил: «Мне это так понравилось, что я думаю теперь купить локомотив»⁵³¹, что некоторые льстивые журналисты сочли прекрасной остротой.

Если во время предыдущей встречи на Потсдамской конференции Трумэн и Черчилль относились друг к другу несколько настороженно, то теперь они всячески демонстрировали возникшую дружбу и решили называть друг друга по именам.

Хотя основное время поездки было занято игрой в бридж и беседами на бытовые темы, Черчилль все же нашел какие-то минуты для внесения исправлений в свою лекцию. Н. В. Злобин насчитал шесть сохранившихся вариантов лекции. Почти все отличия носят редакционный характер, но все же есть некоторые дополнения, внесенные в эти последние часы. Вестминстерский колледж издал выступление отдельной брошюрой, и именно этот текст стал, так сказать, «классическим», на основании которого осуществлялись все следующие публикации, в том числе и последняя, вышедшая в самом Фултоне⁵³². Как оказалось, именно в поезде Черчилль включил в текст лекции те дополнения, которые сделали ее не просто знаменитой, а одним из важных факторов разгоравшейся холодной войны.

Черчилль и Трумэн прибыли в столицу штата Миссури город Джефферсон около полудня 5 марта. Оставшиеся 40 километров до Фултона были проделаны на автомобиле, который восторженно встречали на всем пути следования.

Как рассказывает Н. В. Злобин, встреча началась неофициально в доме президента колледжа, где состоялся легкий обед. Основным блюдом, и это уже упоминалось, была копченая свинина. Черчилль оставался верным себе, и Трумэн старался идти с ним в ногу. Сэр Уинстон, любивший парадоксы, прокомментировал обед словами о том, что он любит свиней, которые относятся к людям, как к равным. Наивысшей похвалой в его устах прозвучали слова: «В этом окороке свинья достигла вершины своей эволюции». Черчилль попросил послать ему несколько окороков, а вслед за этим такую же просьбу высказал Трумэн.

Официальная процедура началась в зале колледжа, где Трумэн сказал несколько слов о лекторе, заявив, что для него — величайшая привилегия предоставить слово «выдающемуся гражданину мира». Правда, до выступления Черчилля слово взял еще президент колледжа, известивший присутствующих, что лектору присваивается почетная ученая степень⁵³³.

Одетый в мантию профессора Оксфордского университета, Черчилль начал свое выступление, совершенно спекулятивно сравнив два Вестминстера — всемирно известное

аббатство в Лондоне (не Вестминстерский университет, который получил это название намного позже — только в 1992 году) и заштатный колледж в США. Вряд ли этим вступительным словам следует придавать столь большое значение, как это делают комментаторы российской публикации текста речи, считая, что под Вестминстером имелся в виду британский парламент, что Черчилль этим подчеркнул, мол, свой политический, парламентский опыт, свою работу в качестве премьер-министра⁵³⁴.

Затем он обратил внимание на неофициальный характер своего выступления, а следовательно, тот факт, что говорит «только от своего имени». Вслед за этим Черчилль перешел к главному — своему видению современной международной обстановки и расстановки мировых сил.

Деловая часть речи была начата констатацией того, что США находятся на вершине мирового могущества, представляющего «торжественный момент американской демократии», в то же время создающий для Соединенных Штатов весьма ответственную ситуацию. Оратор довольно пренебрежительно отозвался об ООН, которая, не имея своих вооруженных сил, не способна защитить мир и противостоять тирании. Было бы безумием в этих условиях делиться через ООН с другими странами секретом атомного оружия. Война и тирания были названы главными врагами, против которых следует вести борьбу.

Назвав США и Великобританию свободными странами, бывший премьер логически удачно перешел к тому, что во многих странах мира, «некоторые из которых очень сильны», свободы не существует, у власти находятся «полицейские правительства». Противостоять тирании и тем самым сохранить мир может прежде всего «братская ассоциация англоговорящих народов. Это означает специальные отношения между Британским содружеством и империей и Соединенными Штатами Америки».

Такие «специальные отношения» простирались в мышлении Черчилля весьма далеко. Мечтая вслух о соединении вооруженных сил, военных арсеналов, национальной безопасности, разведывательных сил, он заявил, что в дальнейшем будет поставлен вопрос и о едином гражданстве. Имея в виду резкое ослабление Великобритании непосредственно после войны, тот факт, что ее империя находилась на грани развала, который и произошел в следующие годы, несмотря на страстное стремление Черчилля и других консерваторов его не допустить, фактически Черчилль пред-

рекал, как оказалось, без каких-либо к тому оснований, превращение Великобритании в новый, заморский штат Соединенных Штатов.

Он безусловно имел в виду сохранение внутреннего суверенитета Великобритании, несколько переоценивая, как это делают многие политические деятели и эксперты до настоящего времени, само понятие «штата», которое в британской интерпретации означало не автономную структуру, входящую в состав единого государства, а самостоятельное государство, вступившее в договорные отношения с другими государствами и передавшее лишь некоторые свои полномочия единому правительству стран-союзников. Кстати сказать, в этом случае североамериканское сообщество следовало бы по-русски именовать «Соединенными государствами Америки», что было бы явно неверно.

Затем Черчилль перешел к конкретике. Предупредив о необходимости выбрать дорогу мудрости, упредить болезнь, а не лечить ее, он заявил о «черной тени», легшей на сцену послевоенной жизни, состоящей в экспансионистских устремлениях Советского Союза и его желании «обратить весь мир в свою веру». Вроде бы в прямом противоречии с этими словами за ними последовало в довольно обширной тираде чуть ли не восхваление СССР и его лидера: «Я лично восхищаюсь героическим русским народом и с большим уважением отношусь к моему товарищу по военному времени маршалу (не генералиссимусу! — *Г. Ч., Л. Д.*) Сталину. В Британии — как, я не сомневаюсь, и у вас в Америке тоже — с глубокой симпатией и искренним расположением относятся ко всем народам Советской России. Невзирая на многочисленные разногласия с русскими и всяческого рода возникающие в связи с этим проблемы, мы намерены и в дальнейшем укреплять с ними дружеские отношения. Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии. Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть ее флаг на широких просторах морей. А главное, мы рады, что связи между русским народом и нашими двумя родственными народами по обе стороны Атлантики приобретают все более регулярный и прочный характер».

Но каково было истинное намерение Черчилля в оценке возникших после войны международных ценностей, стало ясно из следующего фрагмента лекции, явившегося главным и после этого бесчисленное количество раз по-

вторявшегося в качестве основного лозунга холодной войны. Это были слова о «железном занавесе», яркой метафоре, изобретенной сэром Уинстоном*: «Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море, на Европу опустился железный занавес. Столицы государств Центральной и Восточной Европы — государств, чья история насчитывает многие и многие века, — оказались по другую сторону занавеса. Варшава и Берлин, Прага и Вена, Будапешт и Белград, Бухарест и София — все эти славные столичные города со всеми своими жителями и со всем населением окружающих их городов и районов попали, как я бы это назвал, в сферу советского влияния. Влияние это проявляется в разных формах, но уйти от него не может никто. Более того, эти страны подвергаются все более осязаемому контролю, а нередко и прямому давлению со стороны Москвы».

Продолжая свою риторику, Черчилль весьма пессимистически охарактеризовал положение в Италии и во Франции и указал: «В целом ряде стран по всему миру, хотя они и находятся вдалеке от русских границ, создаются коммунистические пятые колонны, действующие удивительно слаженно и согласованно, в полном соответствии с руководящими указаниями, исходящими из коммунистического центра. Коммунистические партии и их пятые колонны во всех этих странах представляют собой огромную и, увы, растущую угрозу для христианской цивилизации, и исключением являются лишь Соединенные Штаты Америки и Британское содружество наций, где коммунистические идеи пока что не получили широкого распространения».

Во всех этих оценках было немало преувеличений, начиная со степени согласованности действий компартий и завершая их «огромной угрозой», но в основе своей это была сравнительно реалистическая оценка того, что происходило за «железным занавесом», то есть в странах Восточной Европы. Высказывая мнение, что СССР не стремится к войне, а желает, чтобы ему «досталось побольше плодов прошлой войны», и поэтому его экспансионистские устремления могут быть остановлены только силой, он за-

* Термин «железный занавес» употреблялся и до Черчилля (Ж. Клемансо, Й. Геббельсом и др.). Однако Черчилль вряд ли был знаком с этими случайными высказываниями. Можно не сомневаться, что это выражение было в очередной раз «изобретено» им самим, и с тех пор стало известным всему миру.

Уинстон Черчилль, произносящий фултонскую речь.

За спиной Черчилля — Гитлер и Геббельс.

Карикатура Б. Ефимова. 1946 г.

ключал: «Сегодня, пока еще остается время, наша главная задача состоит в предотвращении новой войны и в создании во всех странах необходимых условий для развития свободы и демократии, и решить эту задачу мы должны как можно быстрее»⁵³⁵.

Н. В. Злобин не совсем прав, высказывая мнение, что выражения Черчилля «железный занавес», «пятая колонна», «полицейское государство» и т. п. ранее употреблялись только в отношении фашистской (намного правильнее сказать — нацистской) Германии. Термин «железный занавес» почти не был известен, а «пятая колонна» и подобные определения фигурировали в международном политическом лексиконе весьма широко и встречались на каждом шагу, постепенно превращаясь из определения в грубое политическое ругательство (в качестве такового оно существует по настоящее время). Но действительно, используя в начале 1946 года эти обороты по отношению к СССР, Черчилль умело переключал отрицательные эмоции американцев на нового противника.

Всем своим поведением во время лекции и после нее Трумэн солидаризовался с Черчиллем. Выразилось это, в частности, во вручении им обоим сразу после лекции дипломов и мантий почетных докторов Вестминстерского колледжа. Получив регалии, президент заявил: «В истории еще никогда не было, чтобы мир столь сильно нуждался в моральном пробуждении. В истории еще никогда не было, чтобы мир стал предметом заботы каждого из нас. Освобождение атомной энергии в результате усилий Соединенных Штатов в войне дало нам силу, которая может принести либо счастье и благо для всех людей на Земле, либо полное разрушение цивилизации».

Эти слова несколько не вязались с отчетом о происшедшем в Фултоне, который появился на следующий день в «Нью-Йорк таймс». Эта газета писала, что Трумэн, мол, не выразил никакого отношения к речи, произнесенной Черчиллем⁵³⁶. То ли журналист газеты оказался малоквалифицированным или ленивым (что маловероятно), то ли газета, связанная с Демократической партией, а следовательно, с правительством Трумэна, попыталась «отмежевать» президента от воинственной риторики Черчилля (что похоже на истину). И поведение, и слова Трумэна означали его полную солидарность с идеями, высказанными в речи.

После состоявшейся затем встречи с родными выпускников и студентов Вестминстерского колледжа, погибших

на войне, Черчилль и Трумэн совершили обратный путь в Джефферсон, а затем на президентском поезде в Вашингтон.

В высшем советском руководстве фултонская речь Черчилля и фактическое одобрение ее Трумэном были почти тотчас оценены как формальное начало холодной войны, хотя на самом деле таковая была «зачата» обеими сторонами уже за некоторое время до этого события, причем как со стороны СССР, так и западных держав одновременно звучали стремления если не к сохранению союза, то по крайней мере к поддержанию определенной толерантности. Большинство современных ученых при всем различии их позиций сходятся в мысли, что мир постепенно вползал в холодную войну, что определенной точки, конкретного момента ее начала не было, что существовал лишь период зарождения холодной войны, в котором фултонская речь была исключительно важным, но не рубежным моментом.

В советском руководстве о фултонской речи узнали сразу из секретной информации ТАСС, которая была получена Сталиным вместе с переводом речи Черчилля и попыткой анализа поведения Трумэна на следующий день. Немедленно была заказана статья видному историку академику Е. В. Тарле, которая содержала обзор внешней политики Великобритании, но появилась в газете «Известия» под не соответствовавшим содержанию заголовком «Черчилль бряцает оружием»⁵³⁷.

Вслед за этим в печати было опубликовано сообщение ТАСС от 11 марта с пересказом речи Черчилля, причем выделялись только те фрагменты, которые можно было трактовать как открыто антисоветские. Информация о присутствии Трумэна на выступлении была подана без комментариев. Наконец, еще через три дня был произведен залп самой мощной установки — в «Правде», а затем во всех остальных газетах страны был опубликован ответ Сталина анонимному корреспонденту «Правды» («одному из корреспондентов», как значилось в газете), которого на самом деле, разумеется, не существовало. Ответ был выдержан в агрессивно-наступательных тонах. В нем извращалось содержание речи Черчилля, последний обвинялся в проповеди войны против СССР, расовой теории, сравнивался с Гитлером. Констатация существования «железного занавеса» объявлялась «смесью элементов клеветы с элементами грубости и бестактности», заявлялось, что «господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства».

Именно восхвалению новых режимов в Восточной Европе была посвящена основная часть «ответа», в конце которого выражалась уверенность, что «если господину Черчиллю и его друзьям» удастся организовать новый поход, то они будут биты⁵³⁸. Слова о «его друзьях» были единственным намеком на Трумэна, содержавшимся в этом документе.

В СССР фултонская речь была использована для нагнетания военной тревоги, для идеологической проработки деятелей литературы и искусства в пресловутых постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, в целом для ужесточения режима, который, как казалось, мог непосредственно после войны пойти по пути некоторого смягчения. Это резкое возрождение духа конфронтации было констатировано в июне 1946 года бывшим наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым. В свое время Литвинов был убежденным сталинистом, а в старости, снятый с поста заместителя министра иностранных дел (этот его пост в течение нескольких лет был лишь номинальным), прозябал в забвении. Теперь же он дал «секретное интервью» корреспонденту американского агентства Си-би-эс Ричарду Хоттелету, которое тотчас было передано шифровкой в Вашингтон как сообщение особой важности. Литвинов выражал разочарование развалом союза великих держав и, по существу дела, рвал с догматом всей своей предыдущей жизни, заявляя: «Из двух возможных путей был выбран наихудший... Корень беды — возобладавшая здесь идеологическая концепция о неизбежности конфликта между коммунистическим и капиталистическим миром»⁵³⁹.

Так президент США Гарри Трумэн вольно или невольно (скорее последнее), покровительствуя выступлению Черчилля в Фултоне и всем своим поведением одобряя содержание его лекции, способствовал дальнейшему обострению холодной войны. Неудивительно, что проведенный в том же марте 1946 года опрос Гэллапа показал, что 60 процентов американцев высказали мнение, что их страна проводит «слишком мягкую» политику по отношению к России.

3. Конфликт с Уоллесом

На протяжении 1946 года позиция Трумэна по отношению к СССР и подпадавшим под его прямое руководство странам Восточной Европы становилась все более жесткой. Единственным человеком в его правительстве, который

выступал за смягчение риторики, а вслед за этим за попытку улучшить отношения, был Генри Уоллес. Бывший вице-президент, теперь занимавший пост министра торговли, был одним из тех западных интеллигентов (подобно Р. Роллану, Л. Фейхтвангеру и др.), которые с воодушевлением приветствовали идеи Сталина.

В мае 1944 года Уоллес был направлен Рузвельтом в Китай во главе миссии «доброй воли». По дороге он сделал остановку в Якутске и Магадане, где его принимали высшие чины НКВД, которые, естественно, скрывая сам факт существования ГУЛАГа, представили тех, кого показывали американцу как мужественное содружество советских людей, добровольно осваивавших богатства Восточной Сибири и Крайнего Севера во имя совместной победы над фашизмом.

Наивный Уоллес полностью поверил спектаклю, который перед ним разыгрывали генералы НКВД С. А. Гоглидзе и И. Ф. Никишов. Вернувшись на родину, он написал книгу «Миссия в советскую Азию», которая вышла в свет как раз в 1946 году⁵⁴⁰. Фальшивки, преподнесенные ему начальством концлагерей Крайнего Севера, автор выдавал за основу «всемирной безопасности на базе широкого взаимопонимания». В свете тогда уже известных фактов выглядело совершенно анекдотически описание некоего собрания в поселке Дальстроя (то есть в концлагере), которое, по словам Уоллеса, «стало форумом открытой дискуссии, подобно городскому собранию в Новой Англии». Об этом «форуме», разыгранном НКВД, Уоллес разглагольствовал и позже, восприняв его как реальность, а не как подлую инсценировку, каковой он был в действительности⁵⁴¹.

Ближайшие советники познакомили Трумэна с книгой министра, после чего состоялась их встреча с довольно острой дискуссией. Уоллес обвинил президента, что он способствует разжиганию военной тревоги.

После встреч с Трумэном Уоллес несколько изменил свою позицию, приблизившись к изоляционистам. 12 апреля 1946 года он выступил на собрании, созданном Национальным комитетом гражданских политических акций по случаю годовщины смерти Франклина Рузвельта. К удивлению членов этого комитета, критиковавших внешнюю политику Трумэна слева (этой же точки зрения перед этим придерживался Уоллес, называвший акции президента по отношению к СССР милитаристскими и контрпродуктивными), оратор теперь призвал правительство дистанцироваться от обоих главных союзников периода войны, ибо

«мы не имеем ничего общего ни с империалистической Англией, ни с коммунистической Россией». Более того, он поставил оба государства на один уровень, а в отношении Великобритании утверждал, что США не имеют с ней ничего общего, кроме языка и литературной традиции⁵⁴².

Хотя такая позиция в первые послевоенные годы находила многих приверженцев в американском обществе, она вызвала еще большее недовольство Трумэна. В ответ Уоллес вновь усилил свою просоветскую пропаганду, произнеся целый ряд критических речей как по собственной инициативе, так и от имени Национального комитета гражданских политических акций. Широкий отзвук получила его речь в Нью-Йорке, в огромном зале Медисон-сквер-гарден 12 сентября под названием «Путь к миру», в которой он призывал идти навстречу мирным инициативам СССР. Уоллес говорил: «Наши фальшивые друзья постоянно пытаются спровоцировать войну между Соединенными Штатами и Россией. Они на самом деле не любят Соединенные Штаты. Они только мечтают о том дне, когда Соединенные Штаты и Россия уничтожат друг друга. Мы не должны допустить, чтобы нашей политикой по отношению к России руководили или оказывали на нее влияние те, кто, находясь вне Соединенных Штатов, хотят войны против России». Всем внимательным наблюдателям было ясно, что Уоллес почти солидаризовался со сталинскими ответами «Правде», что он имел в виду прежде всего Черчилля и его влияние на Трумэна.

Почти одновременно Уоллес предал гласности свое письмо Трумэну от 23 июля с критикой внешнеполитического курса США. В этом объемистом письме высказывалось мнение, что Россия имеет такие же основания бояться США, как и США — бояться России. Уоллес призывал президента быть готовым, даже при риске быть обвиненным в умиротворении, согласиться предоставить русским «разумные гарантии безопасности»⁵⁴³.

Трумэн вначале более или менее терпимо относился к выходкам министра. После его речи 12 сентября он даже записал в дневнике: «В его выступлении были несколько вещей, которые я считаю немного дикими, но я не интерпретирую их как противоречащие общей политике»⁵⁴⁴.

С таким мнением, однако, не были согласны многие министры и помощники. Бирнс, который после критики его Трумэном за мягкость занимал более жесткую позицию, выразил возмущение поведением министра торговли. Он писал Трумэну из Парижа, где в это время проходила мир-

ная конференция (на ней велись дискуссии по вопросам, связанным с подписанием мирных договоров с бывшими союзниками Германии в Европе), что чувствует себя так, как будто в него всадили торпеду, и продолжал: «В течение пятнадцати месяцев мы строили двухпартийную политику. Мы провели неплохую работу, убеждая мир, что это — постоянная политика, на которую мир может опираться. Уоллес разрушил ее за один день»⁵⁴⁵.

Становилось все более ясным, что министр занимает особую внешнеполитическую позицию, а Трумэн, естественно, не желал этого терпеть. Делалось понятным также, что убедить министра изменить свою позицию или по крайней мере не высказывать ее публично не удастся. В личных заметках президента появилась новая запись, прямо противоречившая предыдущей и изображавшая позицию Уоллеса просто в карикатурном свете: «Он хочет распустить наши вооруженные силы, передать России наши атомные секреты и одобрить целую кучу авантюр кремлевского политбюро, которое не имеет никакой морали, ни личной, ни общественной»⁵⁴⁶. Обвинив Уоллеса в том, что тот «настолько мягок к коммунизму, что это пользуется дурной славой», Трумэн 20 сентября объявил об увольнении Уоллеса из кабинета.

Генри Уоллес был последним из соратников Рузвельта, с которыми расстался Трумэн.

Оставив правительство, Генри Уоллес стал редактором левого журнала «Нью рипаблик» («Новая республика»), основал движение «Прогрессивные граждане Америки», которое вскоре преобразовалось в Прогрессивную партию, выдвинувшую Уоллеса в президенты в 1948 году. К этому мы возвратимся ниже.

4. Ужесточение противостояния

Конфликт с Уоллесом способствовал тому, что Трумэн и по собственной инициативе, и в соответствии с настроениями членов своего кабинета и других советников все более становился на путь жесткого противостояния СССР. Этому способствовали алармистские аналитические записки, которые президент получал из Госдепартамента.

Трумэн, как мы уже знаем, не был вполне удовлетворен деятельностью Бирнса по руководству американской внешней политикой, считал, что он идет на излишние

Портрет президента США Гарри Трумэна с масонскими регалиями.
Художник Г. Кемптон. 1949 г.

Беседа прибывшего в Европу президента Гарри Трумэна с американскими военнослужащими. Берлин. Июль 1945 г.

На Потсдамской конференции с Уинстоном Черчиллем и Иосифом Сталиным. Июль 1945 г.

Развалины Хиросимы. 6 августа 1945 г.

Подписание акта о капитуляции Японии
на борту американского линкора «Миссури». 2 сентября 1945 г.

Эдвард Теллер,
«отец водородной бомбы»

Роберт Оппенгеймер,
научный руководитель
Манхэттенского проекта и главный
создатель атомного оружия

Президент Трумэн подписывает закон об оказании помощи
иностранным государствам (план Маршалла). *3 апреля 1948 г.*

Выступление президента с посланием Конгрессу США, вошедшим в историю как «доктрина Трумэна». 12 марта 1947 г.

Уинстон Черчилль и Гарри Трумэн отправляются в Фултон, штат Миссури. Март 1946 г.

Джордж Кеннан, советник
посольства США в Москве

Джеймс Форрестол,
министр военно-морского флота,
затем — министр обороны США

Элеонора Рузвельт,
вдова Франклина Рузвельта,
постоянный представитель США
в Комиссии по правам человека ООН

Генерал Джордж Маршалл

Мэтью Коннэлли,
секретарь президента Трумэна
по особым поручениям

Гарри Вогэн,
военный помощник
президента Трумэна

Фред Винсон,
председатель Верховного суда США

Дэвид Лилиенталь,
руководитель Комиссии
по атомной энергии

Гарри Трумэн с президентом Всемирной сионистской организации и будущим первым президентом Израиля Хаимом Вейцманом. *Май 1948 г.*

Израильский скульптор Рене Шапшак за работой над бюстом Трумэна

Президент
Гарри Трумэн
на праздновании
пятидесятилетия
Правовой школы
Университета
Канзас-Сити.
Июнь 1945 г.

Генерал Уильям
Таннер — руководитель
перелетов
по воздушному мосту
в Западный Берлин

Гарри Трумэн с женой и дочерью на задней площадке поезда во время президентской избирательной кампании 1948 года

Победа на выборах. 2 ноября 1948 г.

Инаугурация президента США Гарри Трумэна.
Капитолий, Вашингтон. 20 января 1949 г.

Гарри Трумэн, вице-президент Олбен Баркли, их жены и дочь Трумэна Маргарет (вторая слева) на инаугурационном балу. 1949 г.

Дин Ачесон,
Государственный секретарь

Сенатор Джозеф Маккарти

Президент Трумэн подписывает дополнения к закону
о национальной безопасности. *Август 1949 г.*

Подписание заявления
о введении чрезвычайного
положения в связи
с войной в Корее.
16 декабря 1950 г.

Генерал Дуглас Макартур
со своим штабом во время
корейской войны

Гарри Трумэн
с сестрой Мэри Джейн
на встрече ветеранов
35-й дивизии.
На руке — повязка
военнослужащего
батареи «Д».
Январь 1949 г.

Гарри Трумэн
с кандидатом
в президенты
Эдлаем Стивенсоном.
1952 г.

Передача Трумэном президентских полномочий Дуайту Эйзенхауэру.
1952 г.

Бывший президент Гарри Трумэн сообщает о выходе
первого тома мемуаров. 1955 г.

Три поколения

Гарри Трумэн перед зданием Библиотеки Трумэна. *Канзас-Сити. 1964 г.*

уступки СССР. В этих условиях, стремясь удержаться на посту госсекретаря как можно прочнее и дольше, Бирнс, в свою очередь, становился более жестким. 15 мая 1946 года Трумэн получил от него секретный доклад о политике по отношению к СССР. Хотя заключительный вывод доклада состоял в том, что СССР не стремится к войне, в нем содержались рекомендации проводить в отношении него политику, основанную на силе, ибо это «единственный язык, который понимают в Кремле». «США должны также иметь в виду возможность оказать быструю и адекватную поддержку своим друзьям»⁵⁴⁷, — говорилось в докладе.

Трумэн не был вполне удовлетворен и этим докладом, считая, что в нем недооцениваются агрессивные намерения Сталина. Он распорядился сохранить американские военные базы в различных концах Земли — от Исландии до Японии и одновременно расширить радиопропаганду радиостанции «Голос Америки», начав ее в СССР.

Основанная в самом начале 1942 года, после нападения Японии на американские заокеанские владения, радиостанция «Голос Америки» вначале вела свои передачи на аудиторию в странах агрессивного блока — на немецком, итальянском, японском языках, а позже на языках стран, захваченных агрессорами, и стран-сателлитов.

Во второй половине 1946 года по указанию президента была организована русская служба «Голоса Америки», которую создавал, а впоследствии возглавил А. Г. Бармин, в прошлом советский дипломат и разведчик, в 1937 году оставивший свой пост поверенного в делах в Греции, ставший невозвращенцем, а затем перебравшийся в США. Во время войны Бармин служил рядовым в американской армии, а после войны занялся журналистской работой⁵⁴⁸.

Первая передача «Голоса Америки» на русском языке вышла в эфир 17 февраля 1947 года. Непосредственно перед этим в центральные советские газеты было направлено сообщение посольства США в Москве, в котором содержалось подробное расписание программ «Голоса Америки» с просьбой распространить информацию о передачах «для сведения советских слушателей». «Что стояло за этой просьбой — наивность или издевка, остается гадать»⁵⁴⁹, — пишет известный российский исследователь А. В. Пыжиков. Думается, что гадать здесь нечего — авторы сообщения отнюдь не были наивными. Им любопытно было проверить советскую реакцию. Реакция была предсказуемой — сообщение проигнорировали.

Однако ставшие распространяться в Москве, а затем в других городах СССР слухи о передачах, в которых неуважительно отзываются о Сталине и даже рассказывают о нем анекдоты, комментируют текущие события совершенно иначе, чем «Правда» или «Известия», вынудили высшие партийные органы действовать с привлечением авторитетов. 10 апреля в партийном органе газете «Культура и жизнь» появилась статья беспартийного, но внешне верного «линии партии» писателя И. Г. Эренбурга «Фальшивый голос: Об американском радиовещании на русском языке». Здесь обращалось внимание на совершенно второстепенное: автор «разоблачал» американскую жевательную резинку: «Если вы изобрели какие-то надувные жевательные резинки, отчего же вы вместо мирного пускания резиновых пузырей у себя дома распространяете их по всему миру?» Именно так, через жевательную резинку, опытный и хитрый Эренбург пытался отделаться от партийных чиновников, требовавших от него разоблачения империализма, что ему и удалось.

Через год, с февраля 1948 года, начали работать специальные радиоустановки — «глушилки». В ответ американские радиооператоры слегка меняли короткие волны, так что многим радиослушателям в СССР с немалыми трудностями удавалось все же настраиваться на передачи «из-за бугра», как их часто называли. Вначале пропаганда «Голоса Америки» носила несколько крикливый характер, однако со временем она перестроилась на более спокойный режим, сообщая в основном информацию, которую во что бы то ни стало стремились утаить советские власти. Впрочем, определенный налет сенсационности, пропагандистской бесшабашности в передачах сохранился, начиная с интродукции каждой передачи: «Слушайте правдивую информацию свободного радио. Слушайте “Голос Америки”!»

Можно без натяжки утверждать, что именно Гарри Трумэн был отцом русской службы «Голоса Америки».

Наряду с пропагандистскими усилиями Трумэн был инициатором оказания материальной помощи странам-союзникам, прежде всего Великобритании, а также другим государствам, которые в перспективе могли бы войти в ту или иную форму содружества с США. По предложению президента Конгресс одобрил предоставление займа Великобритании, испытывавшей серьезные послевоенные трудности, затяжной энергетический кризис, в сумме 3,75 миллиарда долларов, а вслед за этим продажу на льготных условиях вооружения ряду стран Латинской Америки.

Трумэн стал делать первые, робкие шаги в сторону деколонизации, с тем чтобы страны, освобождаемые от колониальной зависимости, оставались в сфере влияния США и ни в коем случае не попали в формирувавшийся просоветский блок. Типичным был пример Филиппин. 26 июня 1946 года Трумэн подписал закон о военной помощи Республике Филиппины.

Еще в 1934 году Конгресс США принял закон о предоставлении независимости Филиппинам, являвшимся колонией США с 1901 года, через десять лет (с сохранением американских военных баз в этой стране в течение не менее двух лет после провозглашения независимости), которые следовало использовать для подготовки страны к обретению самостоятельности. Несмотря на то что в реализацию этого акта вторглась война, Трумэн решил его осуществить. Любопытно, что названный выше закон о военной помощи Филиппинам был принят еще до официального объявления независимости, которое было провозглашено в июле 1946 года. Вслед за этим были подписаны договоры и соглашения, согласно которым на территории новой страны на 99 лет размещались американские военные базы. Этот комплекс законов и договоров стал образцом для создания новых американских баз на территории стран третьего мира в следующие годы.

В тона холодной войны был окрашен и в целом гуманный, предоставлявший широкие возможности для обучения иностранных граждан в США закон, инициированный в согласии с Трумэном сенатором от штата Арканзас Уильямом Фулбрайтом. Надо, правда, сказать, что во время подготовки закона между Трумэном и Фулбрайтом происходили оживленные, подчас резкие дискуссии. Президент стремился внести в закон такие уточнения, которые обеспечили бы прием в США только таких студентов и аспирантов, в основном из развивающихся стран, которые полностью поддерживали бы те принципы, на базе которых развивалась и существовала американская демократия. Фулбрайт всячески стремился смягчить политическую сторону. Однажды Трумэн, рассердившись, даже в беседе искал фамилию сенатора, назвав его «хафбрайтом» (здесь была игра слов: фамилия сенатора *Fulbright* означает «полностью яркий»; Трумэн же выражением *Halfbright* окрестил его «ярким наполовину»).

И все же единство мнений было достигнуто. На свет появилась программа Фулбрайта, согласно которой Госдепар-

тамент США, где было создано бюро по образовательным и культурным делам, стал предоставлять гранты на обучение в Америке иностранцам. Так впервые в мире началось обучение иностранных студентов. В соответствии с программой Фулбрайта США ныне ежегодно предоставляют восемь тысяч грантов, из которых 1600 получают американцы, четыре тысячи — иностранные студенты, 1200 — американские ученые и 900 — зарубежные специалисты. До 2014 года в программе приняли участие около 310 тысяч человек⁵⁵⁰.

Примеру США стали следовать другие страны, в частности СССР. Началось подлинное соревнование за привлечение на свою сторону иностранной молодежи, желающей овладеть знаниями и, естественно, вникнуть в культуру страны пребывания, став своего рода агентами ее влияния⁵⁵¹.

Наряду со всеми названными мерами Трумэн во второй половине 1946 года и особенно к концу года стремился найти новые инструменты и рычаги, которые позволили бы ему, заняв жесткую позицию по отношению к СССР, оправдать ее и перед населением собственной страны, и перед миром в целом. Еще в июле он поручил своему советнику Кларку Клиффорду составить перечень международных договоров и соглашений, которые систематически нарушает СССР. Клиффорд воспринял задание более объемно и вместе со своим помощником, молодым военноморским офицером Джорджем Элси с согласия президента приступил к подготовке подробного аналитического доклада о советско-американских отношениях. В результате появился 82-страничный документ, сразу же объявленный совершенно секретным.

Доклад был представлен Трумэну 24 сентября и прочитан им в ту же ночь. Президент, сочтя, что доклад Клиффорда — Элси «слишком острый», не разрешил его распространение даже среди чиновников высшего уровня и велел «запереть в сейф»⁵⁵². Однако по существу дела Трумэн счел данные и выводы доклада соответствующими действительности, выражающими мнение тех государственных администраторов, которые имели отношение к внешней политике. Фактически президент положил этот доклад (вместе с «длинной телеграммой» Д. Кеннана) в основу дальнейших акций США по отношению к СССР.

Основным положением доклада Клиффорда—Элси было утверждение, что конечной целью СССР является всемирное господство. «Генералиссимус Сталин и его окружение, — говорилось в документе, — отдают предпочтение

мощным вооруженным силам, любым возможным союзам с зарубежными странами и быстрыми темпами создают мощную самообеспечивающую экономику. Они оказались в состоянии прямо или косвенно расширить сферу своего контроля для обеспечения дополнительной безопасности жизненно важных районов СССР».

Единственным возможным средством иметь дело с Россией, делали вывод авторы, является «язык военной силы». «До тех пор, пока советское правительство будет придерживаться своей нынешней политики, Соединенные Штаты должны сохранять достаточно мощные вооруженные силы, чтобы сдерживать Советский Союз и ограничивать советское влияние его нынешними пределами. Всем нациям, находящимся вне советской сферы, следует предоставить щедрую экономическую помощь и политическую поддержку в их сопротивлении советскому проникновению».

Хотя авторы выражали надежду на возможность того, что советские лидеры изменят свое убеждение о неприимимости коммунизма и капитализма, они связывали это исключительно с пониманием того, что «мы слишком сильны, чтобы нас разбить, и достаточно решительны, чтобы нас испугать»⁵⁵³.

Трумэн счел этот доклад слишком острым только в первый момент. Именно он лег в основу дальнейшей внешней политики президента. По существу, еще более острыми были его эмоциональные оценки в небольшой записке, которую президент, видимо, тогда же (записка не датирована) написал для памяти под влиянием доклада Клиффорда — Элси. Вспоминая Потсдамскую конференцию и договоренности с СССР по вопросам Европы и Азии, Трумэн давал волю своим чувствам: «Со всем этим Россия была согласна. Но она незаконно присоединила часть Восточной Пруссии до самого Одера на западе к Польше, сама она аннексировала Латвию, Эстонию, Литву и присоединила к России часть Восточной Пруссии, как и большую часть Восточной Польши. Я говорил год назад, что мы должны защищать справедливость и не позволим сравнять себя с землей. Мы должны быть настойчивыми в этой политике, потому что они такие же скоты, и ничего больше. Мы хотим только мира и справедливости. Мы добьемся этого. Нет никакой разницы между тоталитарными режимами, как их ни называть: нацизмом, фашизмом или коммунизмом — все они одно и то же. Нынешний диктаторский режим в России ужасен так же, как всегда был ужасен царский»⁵⁵⁴.

Бессмысленно рассматривать этот текст с точки зрения современной исторической науки как какую-то попытку взвешенного анализа. Весь он — дань чувствам и непосредственным впечатлениям, окрашенным разочарованиями. Отсюда и подмена рассуждений ругательствами. Конечно же, выражение «тоталитарные режимы» было необоснованным, так как само понятие тоталитаризма включает в него всю систему социальных отношений, а не только режимы. Последние могут быть авторитарными и составлять часть тоталитарной системы, но могут существовать и вне ее.

Трумэну эти тонкости были недоступны, как, между прочим, недоступны они и некоторым современным авторам с высокими научными степенями, рассуждающим по поводу «тоталитарных режимов»⁵⁵⁵. Но Трумэн был политиком, а не историком или политологом. Его интересовали не тонкости определений, которые представлялись ему абстрактными умствованиями, а факты и оценки, которыми следовало бы руководствоваться в текущей политике.

Тот факт, что политические эмоции переполняли мозг и душу президента, виден из письма дочери от 13 марта 1947 года (Маргарет Трумэн считала данное письмо одним из самых важных документов). Смысл письма был тем более значимым, что написано оно было во время краткого отдыха, который президент начал именно в этот день в одном из прекрасных уголков Флориды — на острове Ки-Вест, венчающем гряду из 150 островков, протянувшихся цепочкой по направлению к Кубе (Ки-Вест расположен от нее всего в 140 километрах).

Трумэн жаловался на страшную усталость и тем не менее писал в основном о политических делах. В письме говорилось: «Хотя я узнал еще в Потсдаме, что нет разницы между тоталитарными или полицейскими государствами, называя их, как тебе угодно, нацизмом, фашизмом, коммунизмом или Аргентинской республикой, существует один идеалистический пример коммунизма. Он описан в Деяниях Апостолов. Попытки Ленина, Троцкого, Сталина и прочих обмануть мир и американскую ассоциацию ненормальных, представленную Дж. Дэвисом, Генри Уоллесом, Клодом Пеппером, актерами и художниками аморальной Гринвич-Виллидж, подобны так называемым социалистическим государствам Гитлера и Муссолини. Твой отец должен сказать об этом миру, но только вежливым языком»⁵⁵⁶.

Это было не первое сопоставление режимов Сталина и Гитлера. Незадолго перед этим, в ноябре 1946 года, Гар-

ри записал в дневнике: «В действительности нет различия между властью, которую представляет господин Молотов и... властью, от имени которой выступал Гитлер»⁵⁵⁷.

Так что политические настроения нашего героя теперь надо было проявить открыто.

С этого времени, между прочим, Трумэн облюбовал Ки-Вест как место своего постоянного краткого отдыха. Он приезжал сюда обычно два-три раза в год на несколько дней, чтобы слегка отдохнуть, продолжая при этом работу. Резиденцию на Ки-Вест вскоре стали называть «Малым Белым домом»*.

Ни Гарри, ни Бесс не нравилась загородная резиденция, которую создал Франклин Рузвельт неподалеку от Вашингтона в штате Мэриленд, в невысоких горах Аппалачи, которую Рузвельт назвал Шангри-Ла**. Эта резиденция вскоре пришла в упадок и была возрождена только в середине 1950-х годов следующим президентом Эйзенхауэром, который в честь своего внука переименовал ее в Кэмп-Дэвид («Лагерь Дэвида»).

Отдыхая во Флориде, Гарри Трумэн обдумывал планы серьезной реорганизации руководства силовыми структурами своей страны.

Глава четырнадцатая

НОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

1. Закон о национальной безопасности

Ветры холодной войны дули со все возрастающей мощью. В этих условиях Трумэн стремился укрепить американские вооруженные силы, не оставляя своего намерения продолжать их послевоенное сокращение. Уменьшение оборонного бюджета встречало естественное сопротивление со стороны руководителей военных ведомств, причем каждый из них жаловался, что в наибольшей степени ущемляют именно его. Министр военно-морского флота

* В настоящее время в «Малом Белом доме» находится музей Гарри Трумэна.

** Так называлась вымышленная страна, где разворачивалось действие романа английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). Это название вскоре вошло в обиход англичан и американцев как символ прекрасного места, где все люди счастливы.

Форрестол писал в январе 1947 года: «...при современном состоянии мира я являюсь одним из тех, кто не желает видеть экономию за счет сокращения наших возможностей двигаться, и двигаться быстро»⁵⁵⁸.

Действительно, казалось, что США просто безрассудно сокращают свои вооруженные силы, которые в 1947 году уменьшились почти в два раза (с 3 миллионов в 1946 году до 1,6 миллиона в следующем году).

Трумэн и его советники, идя на эти меры, полагались на атомную монополию США, но одновременно считали необходимым провести серьезную реорганизацию руководства вооруженными силами и системы государственной безопасности.

Исключительно важной новацией в области внешней и отчасти внутренней политики, связанной прежде всего с развитием холодной войны и стремлением создать четко действующую структуру военно-политических органов, непосредственно подчиненных президенту, явился закон о национальной безопасности, разработанный администрацией Трумэна.

Еще в начале 1947 года в результате совместной работы администрации и представителей военных ведомств был разработан «план унификации вооруженных сил», который был доложен Трумэну 16 января. Вслед за этим штат Белого дома около месяца работал над планом, дополнив его элементами, непосредственно не связанными с вооруженными силами, но ставившими цель укрепить национальную безопасность. Проект был многократно обсужден в Белом доме, в Госдепартаменте и других исполнительных органах. В марте комплекс предложений был представлен в Конгресс.

В отличие от многих других предложений Трумэна, встречавших противодействие конгрессменов-республиканцев, закон о национальной безопасности был утвержден на двухпартийной основе и подписан Трумэном в торжественной обстановке 26 июля того же года. Трумэн подписал закон на борту президентского самолета, который официально именовался VC-54, но был известен всей стране под названием «Священная корова» (это название придумал еще Франклин Рузвельт).

Подписание закона в кабине самолета было связано с тем, что как раз в это время Трумэн получил печальное известие о кончине своей матери и отправлялся на ее похороны в родной штат Миссури. Марта Эллен Трумэн умерла

26 июля 1947 года в возрасте девяти лет, почти до самой кончины сохранив ясность ума. Похороны состоялись 28 июля в родном поселке Грэнд-Вью, после чего Трумэн сразу же возвратился в Вашингтон.

Закон о национальной безопасности повторно был обсужден, принят и вновь в несколько измененном виде вступил в силу в сентябре 1947 года после утверждения на Капитолийском холме рядом ответственных лиц. Вторичное подписание президентом происходило уже без пропагандистской пышности⁵⁵⁹.

Этот закон был исключительно важной новацией в области внешней и отчасти внутренней политики, связанной прежде всего с развитием холодной войны и стремлением создать четко действующую структуру военно-политических органов, непосредственно подчиненных президенту.

Он предусматривал значительные изменения в структуре и организации руководства вооруженными силами и государственной безопасностью.

Закон «унифицировал» вооруженные силы США, руководство которыми, по мнению Трумэна, находилось ранее в хаотическом состоянии.

До этого существовали отдельно Военное министерство (по существу дела, это было Министерство сухопутных сил, и его часто называли армейским) и министерство военноморского флота. Новый закон создавал «зонтичное» Национальное военное ведомство (одновременно образовывалось третье подведомственное ему Министерство военной авиации). «Зонтичный» орган возглавлялся гражданским лицом, получавшим титул министра обороны, который нес ответственность за финансирование, снабжение вооруженных сил и за общее руководство всеми военными делами. Вначале, правда, министр обороны имел только ограниченные полномочия по отношению к трем названным министрам, входившим в его ведомство. По этой причине 10 августа 1949 года было принято дополнение к закону, четко устанавливавшее подчиненность отраслевых министров министру обороны; в этом же дополнении Национальное военное ведомство переименовывалось в Министерство обороны⁵⁶⁰.

Впрочем, для переименования была еще одна причина, буквально анекдотическая. Аббревиатура названия Национального военного ведомства (*National Military Establishment* — *NME* — звучала как «эн-эм-и», то есть в точности как слово *enemy*, что значит «враг»). По этому поводу в Вашингтоне, и не только там, острили, что военное ведомство

является врагом Соединенных Штатов, что отнюдь не содействовало престижу нового учреждения. Бюрократическая процедура длилась целых два года, и только потом с этим смешным недоразумением было покончено⁵⁶¹. По сей день историки ломают голову над тем, почему ведомство сразу не назвали Министерством обороны, если учесть, что во главе его с самого начала стоял руководитель в ранге министра обороны.

Закон предусматривал и другие новации, непосредственно не связанные с руководством вооруженными силами. При президенте создавался Совет национальной безопасности (СНБ), а в составе правительства образовывалось Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Существовавший ранее фактически Объединенный комитет начальников штабов (армии, авиации и флота) теперь становился официальным учреждением.

Следует кратко рассказать о новых органах.

Совет национальной безопасности создавался в связи с тем, что в условиях холодной войны Трумэн и его советники пришли к выводу, что необходим некий координирующий орган, который охватывал бы внешнюю политику, вооруженные силы и разведку.

Президент был убежден, что Госдепартамент проводит необходимую работу по «сдерживанию» СССР, по удержанию советской сферы влияния в ее существовавших рубежах. Но Трумэн считал, что деятельность внешнеполитического ведомства необходимо четко координировать с подготовкой возможного вооруженного столкновения на базе надежных разведывательных данных. Именно поэтому он и предложил создать названный совет, и Конгресс его полностью в этом поддержал.

СНБ рассматривался как основной форум, используемый президентом для обсуждения вопросов национальной безопасности и внешней политики с участием советников высшего ранга и министров и для координации деятельности соответствующих правительственных учреждений. СНБ являлся частью администрации президента и должен был снабжать главу исполнительной власти краткой, достоверной информацией и рекомендациями по основным вопросам внешней и военной политики, прежде всего в области взаимоотношений с СССР и другими странами советского блока. Предусматривалось, что СНБ будет консультировать президента и по тем проблемам внутренней жизни, которые были связаны с национальной безопасностью.

Возглавляемый президентом совет имел постоянных и непостоянных членов. К постоянным относились вице-президент (вновь напомним, что такового в 1947 году в США не было), государственный секретарь, министр обороны, председатель Объединенного комитета начальников штабов, министр юстиции (он в США носит название генерального прокурора, что совершенно не совпадает с пониманием прокурорских функций в странах Европы), директор ЦРУ, руководитель штата Белого дома (или советник президента по национальной безопасности).

Естественно, на заседания Совета национальной безопасности и предусматривалось приглашать других высокопоставленных чиновников.

Надо признать, что ни Трумэн, ни его преемники не были полностью удовлетворены работой совета, и это было естественно, так как в него входили люди со своими убеждениями, которые вступали в споры друг с другом, и президенту приходилось выбирать из предлагаемых ему решений или же комбинировать рекомендации. Исключительно важным был тот факт, что совет не зависел от законодательных органов, и это в какой-то мере расширяло исполнительную власть.

Сходным образом обстояло дело с создаваемым впервые в мирное время органом собирания секретной информации о положении за рубежом, которому сразу же были приданы и дополнительные тайные функции, в том числе подрывные и кровавые, включая покушения на зарубежных государственных деятелей⁵⁶². Этим органом являлось ЦРУ, ставшее важнейшим элементом новых структур.

Предшественниками ЦРУ были Управление стратегических служб, созданное Ф. Рузвельтом в качестве органа разведки в военные годы, и его преемники. Во главе управления стоял опытный политик и юрист Уильям Донован. Именно он еще в 1944 году рекомендовал Рузвельту создать постоянный, действующий и после войны специальный орган, который «будет собирать разведывательные данные как открытыми, так и скрытыми методами и в то же время осуществлять разведывательное руководство, определять национальные разведывательные функции и координировать сбор тайных данных всеми государственными органами»⁵⁶³.

Рузвельт не прислушался к предложению Донована. Что же касается Трумэна, то вначале он даже поступил вопреки совету опытного разведчика. Секретным распоряжением от 20 сентября 1945 года президент распределил разведы-

вательные функции между Госдепартаментом и Военным министерством, причем четкого разделения обязанностей проведено не было⁵⁶⁴. В январе 1946 года новым распоряжением президента был образован отдельный разведывательный орган, который на протяжении 1946 года дважды менял свое название (вначале он назывался Управлением специальных операций, а в конце года был переименован в Центральную разведывательную группу). Это был временный орган, носивший информационный характер, ставивший цель собирать воедино разведывательные данные, получаемые различными учреждениями (государственными и частными, военными и гражданскими, дипломатическими и хозяйственными). Именно этот орган и стал зародышем ЦРУ.

Трумэн не раз подчеркивал в качестве особо важной координационную роль ЦРУ, его роль в сведении воедино разведывательных данных, получаемых самыми разнообразными путями и органами. В июле 1950 года он писал директору ЦРУ контр-адмиралу Роскоу Хилленкоттеру: «Мое твердое убеждение состоит в том, что цели национальной безопасности требуют максимально эффективного использования существующих гражданских учреждений. Только путем постоянной интеграции этой работы с усилиями военных заведений могут быть успешно осуществлены задачи нашей безопасности и исключено ненужное дублирование»⁵⁶⁵.

Но ЦРУ, помимо этой задачи, было наделено задачей не менее важной — проводить тайные операции, в том числе связанные с кровопролитием в зарубежных странах, правда, в каждом отдельном случае по инициативе или с санкции президента.

Первыми руководителями ЦРУ были военные, которые часто сменяли друг друга, — генерал Хойт Ванденберг из военно-воздушных сил (он возглавлял Центральную разведывательную группу, которая передала свои полномочия ЦРУ), контр-адмирал Роскоу Хилленкоттер (земляк и старый знакомый Трумэна по штату Миссури, который перед этим занимал разные должности в разведывательных органах) и, наконец, генерал Уолтер Беделл-Смит. Дольше других на посту начальника ЦРУ продержался человек гражданский — Аллен Даллес (1953—1961), но это было уже при преемнике Трумэна Эйзенхауэре.

В отличие от сходных органов в других странах ЦРУ вскоре стало и является по настоящее время гражданской организацией, его работники не имеют воинских званий.

В то же время Конгресс США в 1949 году согласился освободить ЦРУ от обязанностей доводить до ведома общественности свою структуру, конкретные функции, должности сотрудников, их зарплату, численность персонала и т. д. В неопубликованных, оставшихся секретными пунктах положения о ЦРУ предусматривалось, что оно является единственным учреждением США, которое изначально имеет право проводить тайные операции (какие именно — не оговаривалось). Секретным оставалось существование программы PL-110, согласно которой предусматривалась организация бегства из своих стран важных для США специалистов и других лиц, а также содержание «важных союзников», то есть нанятых шпионов и агентов влияния из числа граждан других стран. Все функции такого рода маскировались общим положением о том, что ЦРУ вменяется «выполнение иных подобных функций и обязанностей, относящихся к разведывательной деятельности, обеспечивающей национальную безопасность, по указанию президента»⁵⁶⁶.

У самого Трумэна, несмотря на то что он санкционировал создание ЦРУ, по отношению к новому мощному учреждению (по крайней мере оно задумывалось именно таковым) были смешанные чувства. Он высказывал опасения, как бы эта структура не превратилась в «гестапо»⁵⁶⁷. Разумеется, здесь была игра в слова. Термин «гестапо» использовался в качестве политического ругательства или в лучшем случае эвфемизма с негативным оттенком, так как Трумэн отлично знал, что у подлинного, нацистского гестапо были совершенно другие функции. Это была не разведывательная организация и не организация подрыва других стран изнутри, а ведомство чисто внутреннего характера — *Geheime Staatspolizei* (Тайная государственная полиция). Иначе говоря, это был орган не разведки, а политического сыска и контрразведки, и Трумэн отлично знал об этом.

При Трумэне ЦРУ не развернуло широко свою подрывную деятельность, но все же некоторые подрывные акции им были предприняты, в частности субсидирование антикоммунистических политических и профессиональных сил во Франции и Италии в условиях, когда этим странам в конце 1940-х годов угрожал приход к власти коммунистов. Шире тайные операции ЦРУ будут развернуты при преемниках Трумэна Дуайте Эйзенхауэре и Джоне Кеннеди, чтобы вновь свестись к минимуму в дальнейшем.

Наконец, закон 1947 года возводил в постоянный орган Объединенный комитет начальников штабов как орган планирования и управления вооруженными силами. Комитет существовал и раньше, но лишь как подсобный орган при начальнике штаба армии, теперь же он получил законный статус. Комитет создавался в составе начальников штабов армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Обычно на заседания планировалось приглашать командующего морской пехотой, но официально он в состав комитета не входил.

Для новых органов требовались обширные штаты и, соответственно, помещения.

ЦРУ довольно долгое время было своего рода пасынком правительственных хозяйственных учреждений. Его штаб-квартира вначале была размещена в вашингтонском районе Фогги-Боттом, где ранее располагались временные разведывательные учреждения. Но штат управления быстро рос. Пришлось занимать ряд временных помещений. Дело дошло до того, что офисы ЦРУ одно время размещались в сорока зданиях. Трумэну неоднократно докладывали о «бедствиях» управления, но существенных мер он не принимал. Уже при его преемнике Эйзенхауэре было найдено место для комплекса зданий ЦРУ в городке Лэнгли (штат Вирджиния) в 13 километрах от Вашингтона, но еще долгое время продолжались строительные и прочие работы. Только в ноябре 1961 года президент Кеннеди торжественно открыл новый комплекс.

Значительно быстрее были разрешены хозяйственные проблемы, связанные с военными ведомствами. Еще в 1943 году было завершено строительство здания, предназначенного для всех высших военных учреждений. Спроектированное известным архитектором Джорджем Бергстромом, оно было построено в пригороде Вашингтона Арлингтоне. Здание имело пятиугольную форму и получило название «Пентагон» (по-гречески «пятиугольник»). До настоящего времени Пентагон остается крупнейшим офисным зданием в мире. Оно имеет служебные помещения для тридцати с лишним тысяч человек.

В первые годы Пентагон почти пустовал. В нем работали пять-шесть тысяч сотрудников. И только после реорганизации военных ведомств в 1947 году, по мере развертывания холодной войны и расширения военной бюрократии, кабинеты стали заполняться сотрудниками как отраслевых военных ведомств, так и Министерства обороны. Но и сей-

час, через семьдесят с лишним лет после создания этой громадины, в нем работает примерно 26 тысяч человек. На пяти надземных и двух подземных этажах гигантского здания была установлена такая система коридоров, что попасть в любое, даже самое отдаленное помещение можно было всего за восемь-десять минут. Любопытно, что в сегрегированном еще вначале военном ведомстве были построены отдельные туалеты для белых и черных сотрудников, так что, когда была проведена десегрегация, оказалось, что общее число туалетов намного превышает потребности.

Название Пентагон получил и выросший рядом в Арлингтоне городок, фактически обслуживавший военные министерства. Со временем Пентагоном стали именовать все то, что было связано с военными структурами и в целом вооруженными силами и военной политикой США, причем в СССР и других противостоящих странах периода холодной войны это слово, ставшее нарицательным, употреблялось исключительно в негативном смысле.

Трумэн предполагал назначить первым министром обороны военного министра Роберта Паттерсона, но тот не принял назначение, ушел в отставку и занялся частной адвокатской практикой. Он погиб в результате авиационной катастрофы в январе 1952 года, возвращаясь со встречи со своим клиентом⁵⁶⁸.

Вместо Паттерсона пост министра обороны получил министр военно-морского флота Джеймс Форрестол. Любопытно, что, будучи вначале против реорганизации военных ведомств, Форрестол настолько рьяно занялся реализацией закона о безопасности, что оказался на грани нервного срыва⁵⁶⁹. Он возражал против сокращения бюджета Министерства обороны, санкционированного Трумэном на протяжении нескольких лет, что вызвало подлинный конфликт между ним и президентом, который, как считал Форрестол, недооценивал советскую угрозу и отступал перед ней как в Европе, так и в Азии⁵⁷⁰. Затем последовали странные события. Во время президентской кампании 1948 года Форрестол тайно встретился с кандидатом от Республиканской партии губернатором штата Нью-Йорк Томасом Дьюи и договорился с ним, что в случае его победы он, Форрестол, останется на посту министра обороны. Факт встречи и содержание беседы проникли в печать⁵⁷¹, что привело Трумэна в бешенство. Он потребовал отставки Форрестола, которая последовала в конце марта 1949 года. Его заменил горячий сторонник трумэновской политики

реорганизации руководства вооруженными силами и сокращения военного бюджета Луис Джонсон, в свое время служивший в высшей военной администрации, а затем являвшийся одним из руководителей президентской кампании Трумэна 1948 года. У Форрестолла возникла тяжкая депрессия, он был помещен в госпиталь. Врачи предполагали даже лечить его электрошоком.

Однако 22 мая 1949 года Джеймс Форрестол покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей палаты в Национальном военно-морском медицинском центре в пригороде Вашингтона Бетесде. О его гибели вначале не было сообщено вообще ничего (пресса проинформировала лишь о факте смерти), и только 12 октября «Нью-Йорк таймс» в нескольких словах сообщила о том, как случилась кончина бывшего министра, который «выпал из окна». Результаты расследования были засекречены и опубликованы только в 2004 году⁵⁷². Они полностью подтвердили факт самоубийства.

В любом случае меры, осуществленные в соответствии с законом о национальной безопасности, значительно расширили президентскую власть, в частности в области внешней и военной политики.

С законом о национальной безопасности были связаны и некоторые другие внутривластные меры Трумэна, принятые в условиях холодной войны.

Помня собственный опыт Первой мировой войны и послевоенное пребывание в тренировочных лагерях резервистов, Гарри размышлял над тем, как усовершенствовать вооруженные силы страны, не прибегая к содержанию огромной постоянной армии. Хотя в его распоряжении уже было атомное оружие, да еще вначале монопольное, Трумэн продолжал считать, что войны выигрывают сухопутные, морские, воздушные силы на массовой основе.

Выход он видел в замене обязательной военной службы столь же обязательной военной подготовкой. Структуру сил, готовых отправиться на новую войну, коль она возникнет, он видел в трех элементах: небольшой постоянной армии, национальной гвардии — резервного военного компонента армии, формируемого в каждом штате, и прошедшем военную подготовку общем резерве.

В ноябре 1946 года президент образовал совещательную комиссию для изучения этого вопроса. Принимая его участников 20 декабря того года, он напутствовал их, заявляя, что предполагаемый проект всеобщего военного обу-

чения должен быть основан на том, чтобы «дать нашей молодежи основы дисциплины, способности уживаться друг с другом, сравнения физических возможностей и всего того, что означает заботу об этом храме, которым Господь удостоил нас». Почувствовав, видно, что он увлекся слишком подробным перечислением, Трумэн перебил себя, заявив, что главное, что должны получить резервисты, — это «чувство ответственности за республику и перед ней»⁵⁷³.

В Конгрессе предложения Трумэна, которые обсуждались неофициально на протяжении 1947 года, не встретили активной поддержки. Президент надеялся, что на Капитолийском холме с большим вниманием отнесутся к его планам в связи с тем, что истекал срок действия закона о выборочной обязательной военной службе. Белый дом не ставил вопроса о продлении действия этого закона, что вело к сокращению регулярных вооруженных сил. Действительно, в связи с этим число сторонников всеобщего военного обучения несколько увеличилось, но их было мало для подведения под президентский план законодательной базы. На протяжении следующих лет Трумэн несколько раз возвращался к этому вопросу, но пробить консерватизм законодателей так и не смог.

Постепенно энтузиазм Трумэна ослабевал, так как опытные военные (в частности Дуайт Эйзенхауэр) убеждали его, что совершенствование атомного оружия неизбежно приведет к сокращению численности вооруженных сил, что военных необходимо готовить в специальных учебных заведениях, рядовой состав формировать на базе найма, а не призыва на службу. Так до окончания трумэновского президентства вопрос о военной подготовке решен не был, а с 1948 года в порядке временного решения закон о выборочной военной службе продлевался.

2. «Доктрина Трумэна»

Президент Трумэн поведал миру о своем утвердившемся политическом курсе 12 марта 1947 года, выступая на объединенном заседании обеих палат Конгресса. Это действительно было одно из самых важных его выступлений. Оно запечатлело его имя в новейшей истории, так как идеи, высказанные здесь, получили название «доктрины Трумэна».

Еще перед этим Трумэн осуществил важное изменение в составе правительства. Взамен ушедшего в отставку

Бирнса, с которым хорошие отношения так и не сложились, государственным секретарем 21 января 1947 года был назначен Джордж Маршалл.

Трумэн знал Маршалла как военного деятеля высокого таланта, начальника штаба армии в годы Второй мировой войны, одного из творцов победы союзников на Западном театре военных действий в 1944—1945 годах. Маршалл, по общему признанию тех, кто имел с ним дело, был человеком огромного трудолюбия, энциклопедических знаний, твердого характера, непримиримости в отстаивании своих принципиальных позиций и в то же время гибким в переговорах с зарубежными деятелями. После отставки с военного поста Трумэн направил Маршалла в Китай, где тот пытался посредничать в попытке создания коалиционного правительства Национальной партии (Гоминьдана) во главе с Чан Кайши и компартии под руководством Мао Цзэдуна.

Мао вступил в переговоры с руководством Гоминьдана и китайскими правительственными деятелями по настоянию Сталина, который сомневался в способности китайских коммунистов взять и удержать центральную власть. В августе 1945 года Мао вылетел в Чунцин, где находилось правительство, провел здесь полтора месяца, встречался с Чан Кайши и Маршаллом, но от борьбы за власть не отказался⁵⁷⁴. Летом 1946 года в Китае вновь началась гражданская война, которая сперва шла неблагоприятно для коммунистов, но в начале 1948 года произошел перелом, и коммунистическим войскам удалось развернуть широко-масштабное наступление, увенчавшееся полным разгромом гоминьдановцев и провозглашением 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики.

Миссия Маршалла, таким образом, полностью провалилась, что было результатом не его неумения вести переговоры, а большого комплекса объективных и субъективных причин. Это, правда, не помешало в дальнейшем крайне правым деятелям в США обвинять генерала в том, что он допустил, мол, приход коммунистов к власти в Китае⁵⁷⁵. Но до этого было сравнительно далеко. Пока же Маршалл в начале 1947 года возвратился на родину.

Его назначение госсекретарем было выношенным решением Трумэна, который видел в Маршалле верного исполнителя своей воли, выдающегося администратора, но человека без значительных политических амбиций. По словам дочери Трумэна, президент считал Маршалла «одним

из величайших людей в истории Америки»⁵⁷⁶, возможно, именно потому, что на самый ответственный пост он не стремился. В Белом доме Маршалла по-прежнему считали генералом высшего ранга, который будет добросовестно исполнять распоряжения, а не творить политику.

Сразу после назначения Маршалла Трумэн вместе с новым госсекретарем столкнулся с проблемой все более ухудшавшегося социально-экономического положения в странах Европы, где к сохранявшимся послевоенным трудностям добавились неурожай и необычайно суровая зима.

Многие европейские города продолжали лежать в руинах, предприятия не восстанавливались, транспорт функционировал с огромными перебоями, была парализована торговля.

В этих условиях зимние холода 1946/47 года грозили превратить трудности в полную катастрофу. Только в Берлине от холода в совокупности с голодом умерло не менее 150 человек. В юго-восточной части Англии, где обычно температура почти никогда не опускалась ниже нуля, в отдельные дни она падала до 20 градусов мороза. Снегопады, ураганные ветры, обледенение дорог — все это приводило к увеличению потребления угля, запасы которого быстро истощались. Исследователь пишет: «По всей Британии угля было настолько мало, что пришлось закрыть электростанции, а подача электроэнергии промышленности сильно сократилась либо прекратилась вообще. Неожиданный дефицит энергии привел к осознанию предела нищеты, до которого опустилась Британия в результате войны»⁵⁷⁷.

Несмотря на то что еще летом 1945 года в страны Западной Европы начались американские поставки продовольствия, сохранялась строгая карточная система. Во Франции ежедневно на человека выдавалось всего 200 граммов хлеба.

Экономические тяжести вели к радикализации политических настроений. Резко усилился рост влияния западноевропейских компартий, особенно в Италии и Франции. Возникла нешуточная перспектива прихода их к власти и фактического перехода почти всей Западной Европы в советскую зону влияния⁵⁷⁸.

Ровно через месяц после назначения Маршалла, 21 февраля, ему позвонил недавно назначенный посол Великобритании лорд Инверчепел и попросил о срочной встрече. Приехав вскоре в Госдепартамент, посол сообщил, что тяжелейшее положение, в котором оказалась его страна,

вынуждает ее уже через несколько недель прекратить оказание экономической помощи Греции и Турции, а это, как понимал Маршалл и без разъяснений посла, скорее всего, приведет к тому, что обе страны окажутся в советском блоке.

Как раз накануне посол США в Греции Линкольн Маквей, пользовавшийся в высших кругах США высоким авторитетом не только как дипломат, но и как ученый-археолог, телеграфировал: «Здесьняя ситуация — настолько критическая, что нельзя терять времени в применении спасительных мер... Падение морального уровня как гражданских служащих, так и вооруженных сил, а также всего населения, связанное с низкими доходами, страхом растущего бандитизма, отсутствием доверия правительству, используемое международным коммунизмом, ведет к возможности очень быстрой развязки»⁵⁷⁹.

Вслед за нерадостным сообщением британского посла поступила телеграмма министра иностранных дел Великобритании Эрнста Бевина, подтверждавшего, что его страна прекращает экономическую помощь Греции и Турции, и обращавшегося с прямой просьбой к США взять на себя эту ношу.

Посоветовавшись с президентом, а также со своими близкими знакомыми в командовании армии и флота, Маршалл немедленно распорядился, чтобы его заместитель Дин Ачесон начал консультации с целью оказания срочной экономической и военной помощи Греции.

24 февраля состоялось совещание в Белом доме, на которое президент пригласил госсекретаря, военного министра Паттерсона и министра военно-морского флота Форрестала. Вначале были выдвинуты соображения, что вопрос о помощи Греции и Турции следует передать на рассмотрение ООН. Но вслед за этим совещание пришло к выводу, что международная организация не сможет действовать достаточно быстро, что было остро необходимо в складывавшихся условиях. Непосредственная американская помощь обеим странам была определена как первый практический шаг к сдерживанию СССР. Уже упоминавшийся сотрудник Белого дома Джордж Элси позже говорил: «Это было как раз то, в чем состояла наша внешняя политика, путь, по которому мы собирались идти»⁵⁸⁰.

Но в необходимости применить срочные меры требовалось убедить Конгресс, лидеры которого были настроены совершенно иначе — обдумывали меры по сокращению государственных расходов, в частности путем уменьшения

помощи зарубежным странам, возвращались, по крайней мере частично, к изоляционистским тенденциям. Исполнительная власть должна была теперь убедить законодательную, что курс «сдерживания» СССР отвечает жизненным интересам США, что вытекающая отсюда холодная война неизбежна и что все это требует немалых расходов.

27 февраля к президенту были приглашены лидеры партийных фракций в палате представителей и сенате. Вначале выступили руководители Госдепартамента. Маршалл, согласовавший основные положения своей речи с Трумэном, связал вопрос о Греции и Турции со всем комплексом американской внешней политики, нарочито преувеличивая существовавшие опасности: «Возникший кризис имеет непосредственное отношение к безопасности Соединенных Штатов. Советское господство может расшириться на весь Средний Восток и дойти до Индии. Никак нельзя переоценить влияние этих событий на Венгрию, Австрию, Италию и Францию. Не является преувеличением (преувеличение безусловно имело место! — *Г. Ч., Л. Д.*), что мы стоим перед первым кризисом из целой серии, которая может привести к советскому господству в Европе, на Среднем Востоке и в Азии»⁵⁸¹. Для Трумэна было исключительно важно, что влиятельный сенатор-республиканец Артур Ванденберг, согласившись с анализом ситуации, произнес: «Мистер президент, если вы заявите это Конгрессу и всей стране, я поддерживаю вас и полагаю, что большинство его членов поступят так же»⁵⁸².

По существу, это было приглашение президенту не только приобщить законодателей к новой глобальной внешней политике, правда, для начала искусственно сведенной к помощи лишь двум странам, но и сформулировать перед всем миром основы этого политического курса.

Вслед за этим начались совещания, правительственные заседания, беседы с глазу на глаз с советниками, министрами, бизнесменами, друзьями. Обсуждались различные варианты предстоявшего выступления. Были подготовлены два варианта — К. Клиффорд написал более воинственный, Д. Маршалл с сотрудниками — более спокойный. Именно вариант Маршалла был взят за основу, и в дальнейшем именно над ним продолжалась работа. Хотя было решено в выступлении не употреблять слов «СССР» или «Россия», чтобы не возбуждать излишних эмоций населения, из согласованного текста было совершенно ясно, о ком идет речь, что впоследствии отмечал сам Трумэн: «Это был ответ

Америки на все более расширявшуюся экспансию советского тиранического режима. Это должно было стать ясно без каких-либо разночтений и недосказанности»⁵⁸³.

12 марта 1947 года президент выступил с «сообщением» (*message*), как было названо его выступление на совместном заседании обеих палат Конгресса. Обычно выступавший перед депутатами в простой одежде с небрежно повязанным галстуком, Трумэн на этот раз даже своей «униформой» продемонстрировал рубежный, исторический характер своего послания Конгрессу, гражданам США и всему миру. Своеобразной демонстрацией было и то, что он не говорил свободно, лишь заглядывая в записи, как делал обычно, а медленно зачитывал текст официального документа, который предварительно был роздан присутствовавшим. От текста президент не оторвался ни единым словом.

С формально-юридической точки зрения Трумэн обращался к Конгрессу лишь с просьбой выделить 400 миллионов долларов на оказание экономической и военной помощи Турции и Греции, которым угрожал международный коммунизм, причем деньги требовалось предоставить в течение периода до 30 июня 1948 года. Однако в основном прав Н. В. Злобин, констатирующий: «Но он просил эти деньги не для того, чтобы создать еще одну программу зарубежной помощи, а для того, чтобы начать совершенно новую внешнюю политику, политику, которой еще никогда не было в истории этой страны»⁵⁸⁴.

Единственное, с чем трудно согласиться в этой оценке, состоит в том, что эта политика не была «совершенно новой» — она являлась лишь в какой-то мере новой, но в то же время логическим следствием того курса, который, начиная с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, проводил Трумэн. Теперь эта политика действительно облекалась в новые конкретные формы, означала, говоря словами помощника пресс-секретаря президента Эбена Айерса, «конец умиротворения России»⁵⁸⁵.

Отталкиваясь от примера Греции и Турции, Трумэн говорил об опасности навязывания независимым странам диктаторских режимов путем прямой или косвенной агрессии, которая подорвет основы международного мира и, следовательно, интересы Соединенных Штатов. Иначе говоря, всеобщий мир напрямую связывался с сохранением демократических политических устройств в различных странах и, в свою очередь, — с интересами США.

Так геополитические цели США напрямую сопрягались с сохранением антикоммунистических, демократических режимов, с политикой сдерживания СССР, который, повторяем, в тексте прямо не назывался. Если США не будут действовать, говорил президент, это приведет к печальным результатам не только для Греции и Турции, но и для их соседей. «В данный период мировой истории почти каждый народ должен сделать выбор между различными образами жизни. Но частично этот выбор не является свободным. Один основан на воле большинства и свободной политической системе, представительном правительстве, свободных выборах, гарантии личной свободы, свободы выступлений и религии, свободы от политических репрессий. Другой образ жизнедеятельности основан на диктате меньшинства, навязанном силой большинству. Он основан на терроре и преследованиях, контроле над прессой и радиовещанием, предопределенных выборах и отсутствии личной свободы».

Акцентируя внимание на том, что речь идет далеко не только о геополитических интересах США, а о принципах существования этой страны как нации свободных людей, Трумэн говорил: «Я считаю, что политика Соединенных Штатов должна состоять в поддержке свободных народов, сопротивляющихся попыткам вооруженного меньшинства или внешнему стремлению их подчинить. Я считаю, что мы должны помогать свободным народам самим определять свою судьбу. Я считаю, что мы должны оказывать прежде всего экономическую и финансовую помощь, что является принципиальным для стабилизации экономики и упрочения политического процесса».

Трумэн завершил свою речь спокойными, но торжественными словами: «Свободные народы всего мира смотрят на нас в надежде на поддержку в сохранении их свобод. Если мы откажемся от нашей руководящей роли, мы можем поставить под угрозу международный мир — и мы безусловно подвергнем опасности благосостояние нашей нации. Великая ответственность возложена на нас быстрыми изменениями в ходе событий. Я уверен, что Конгресс встретит эту ответственность лицом к лицу»⁵⁸⁶.

Выступление было очень кратким. Хотя Трумэн читал текст медленно, оно заняло всего 18 минут. Аудитория безмолвствовала. Слушатели ни разу не заплодировали, хотя в практике Конгресса США приветствовать президента чуть ли не после каждой его фразы было обычным делом. Только после завершения речи раздались аплодисменты.

Имея в виду, что в послании содержались принципиально новые положения об ответственности США за сохранение демократических свобод в других странах и предоставлении денежных средств на это дело, об американской руководящей роли, противостоянии советской экспансии, связи между внутренней демократией за рубежом и национальными интересами США, связи между противодействием экспансии СССР и сохранением всеобщего мира, новый документ сразу же стал известен как «доктрина Трумэна».

На вопрос, почему в качестве объектов помощи избраны именно названные две страны, давались разные ответы. Один из вариантов был чисто геополитическим, его сформулировал опытный и циничный американский журналист Уолтер Липпман, писавший: «Мы выбрали Грецию и Турцию не потому, что они особенно нуждаются в помощи, и не потому, что они являются блестящими образцами демократии, а потому, что представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза»⁵⁸⁷.

Хотя реакция Конгресса была предсказуемо положительной, некоторые депутаты и другие ответственные деятели не без основания полагали, что дело отнюдь не завершится помощью двум странам. Их опасения были основательны, так как предпосылки широкого понимания «доктрины Трумэна» содержались в самом этом документе.

Из тех, кто пользовался в стране высоким авторитетом, с кем необходимо было считаться, выделялась вдова Франклина Рузвельта Элеонора Рузвельт. После смерти своего супруга Э. Рузвельт резко активизировала свою общественно-политическую деятельность, которой пыталась заниматься и ранее вопреки позиции своего мужа. Теперь она активно участвовала в создании ООН, была назначена Трумэном постоянным представителем США в Комиссии по правам человека этой организации, созданной в январе 1947 года. Э. Рузвельт председательствовала в комиссии, играла инициативную роль в разработке Всеобщей декларации прав человека. После кончины Элеоноры Трумэн назвал ее «первой леди всего мира», подчеркивая ее роль в защите прав человека⁵⁸⁸.

К досаде президента, Элеонора Рузвельт выступила против «доктрины Трумэна». 17 апреля она обратилась к президенту с тревожным письмом, в котором предостерегала против действий в обход ООН. Более того, она полагала, что бороться надо не с коммунизмом за рубежом, а за под-

линный прогресс на родине. «Мы охвачены страхом коммунизма вместо того, чтобы вести борьбу за совершенствование демократии». Элеонора советовала Трумэну «создать небольшую группу выдающихся беспартийных экспертов», которые давали бы президенту независимые советы подобно тому, как это делал Франклин Рузвельт⁵⁸⁹. Сдерживая эмоции, Трумэн 7 мая ответил, что мы не должны «оставить незамеченным тот факт, что точно так же, как миру необходима прогрессивная Америка, американский образ жизни сохранится лишь в том случае, если другие народы, которые стремятся избрать подобный путь, смогут сделать это без страха и надеясь на успех». Трумэн писал о «все более растущем чувстве уверенности в правильности сделанных нами шагов»⁵⁹⁰.

Что же касается других деятелей, пользовавшихся той или иной степенью влияния, то единственным среди тех, кто открыто и ожесточенно выступил против «доктрины Трумэна», был Генри Уоллес, безосновательно назвавший ее «безумным шагом к войне, вызвавшим кризис в международных отношениях», документом, породившим «век страха»⁵⁹¹. Но после ухода из правительства Уоллес, ставший всего лишь редактором малотиражного журнала, не был в состоянии оказать существенное влияние на общественное мнение.

22 мая, находясь в штате Миссури, где он навестил своих родных, Трумэн подписал закон о предоставлении экономической и военной помощи Греции и Турции, принятый Конгрессом.

Сам президент ясно понимал, что провозглашенные в его доктрине глобальные цели и весьма скромный объект оказания помощи — всего лишь две страны — находятся в явном противоречии друг с другом. США, и президент в частности, не добивались мирового господства, как об этом упорно твердила советская и зарубежная коммунистическая пропаганда, но стремление к сохранению демократических режимов, прежде всего в странах Западной Европы, при учете экономической мощи США и крайне тяжелого экономического положения европейских стран объективно вело к усилению разностороннего влияния США на Европейском континенте, а также в других регионах Земли.

Трумэн понимал, что такая ситуация находит сочувственный отголосок в широких политических кругах как США, так и Западной Европы.

О том, что его доктрина получает поддержку европейских политиков, рассчитывавших на расширение круга

стран, преодолевавших послевоенные трудности и восстанавливавших политическую стабильность при американской помощи, свидетельствовали их конкретные действия. В том же марте 1947 года был подписан договор о союзе и взаимопомощи между Великобританией и Францией, который формально был направлен против возможной новой германской агрессии, но по существу стал свидетельством начавшегося сплочения западноевропейских стран перед лицом действительной или мнимой советской опасности. Было ясно при этом, что обеспечение надежной западноевропейской стабильности возможно только при помощи США⁵⁹².

3. План Маршалла: Инициатива

Еще во время подготовки документа, ставшего известным как «доктрина Трумэна», в высших американских кругах начали обсуждаться возможности создания фондов для оказания помощи и другим европейским странам. Вопрос об этом поставил генерал Дуайт Эйзенхауэр, являвшийся в это время начальником штаба армии. Эйзенхауэра поддержал его бывший военный начальник госсекретарь Маршалл, а вслед за этим и президент.

С 5 марта 1947 года начала работать межминистерская комиссия, в состав которой вошли заместитель госсекретаря Д. Ачесон, военный министр Р. Паттерсон и военноморской министр Д. Форрестол. Комиссия изучала «положение в тех частях мира, где может понадобиться подобная финансовая, техническая и военная помощь со стороны Соединенных Штатов». Доклады комиссии несколько раз рассматривались правительством с участием президента.

Вначале Маршалл в какой-то мере сдерживал инициативы комиссии и сам не участвовал в ее работе, так как именно в это время (10 марта — 24 апреля) происходило очередное длительное совещание министров иностранных дел, на этот раз в Москве, где и находился госсекретарь. Его попытки добиться согласованных решений по германскому вопросу и начать, таким образом, подготовку мирного договора с Германией не встретили понимания советского министра иностранных дел В. М. Молотова.

Молотов отверг предложение заключить договор о нейтралитете Германии. В свою очередь, Маршалл отклонил советское предложение об увеличении доли СССР

в репарациях Германии. Маршалл заявил, что Америка против превращения Германии в «приют для бедных в центре Европы». Не было достигнуто согласие и по вопросу о государственном устройстве Германии. Докладывая Трумэну о ходе совещания в Москве, Маршалл сообщал о своем выводе, что Сталину выгодно усугублять хаос в Европе, который способствует усилению там советского влияния.

Чтобы еще раз проверить это свое впечатление, госсекретарь с санкции президента позвонил Сталину. Последний, однако, решительно отказался включаться в переговоры по германскому вопросу, заявив, что нет разницы, будет ли теперь достигнута договоренность. «Мы могли бы договориться в следующий раз. Или, если не в следующий, то потом»⁵⁹³, — заявил советский вождь. Маршалл сообщал Трумэну, что слова Сталина окончательно убедили его в том, что советское руководство стремится затянуть катастрофическое положение в Западной Европе.

Каково же было удивление Маршалла, а вслед за ним и Трумэна, когда из сталинского секретариата последовало приглашение американскому дипломату встретиться с главой правительства СССР. Визит состоялся 15 апреля. Присутствовали, кроме двух встречавшихся лиц, Молотов и посол СССР в США Н. В. Новиков, который через много лет и рассказал о состоявшемся разговоре.

Как оказалось, получив информацию об экономической помощи США зарубежным странам, Сталин решил использовать этот акт для того, чтобы лишний раз бросить упрек правительству США в нарушении союзных договоренностей, причем избрал для этого просто выдуманный им предлог. Отталкиваясь от тезиса о союзной солидарности, Сталин упрекал США, что они предали эту солидарность забвению. «Чем иначе объяснить, что американское правительство до сих пор воздерживается от предоставления давно обещанного займа в шесть миллиардов долларов?» Новиков был поражен — он хорошо знал, что правительство США никогда не давало обещания предоставить СССР огромный заем. Возможно, Сталин хотел поставить Маршалла в неловкое положение, рассчитывая, что он, бывший военный, просто не знает, была ли таковая договоренность. Но обладавший великолепной памятью и хорошо подготовившийся к встрече госсекретарь наклонился к послу в Москве У. Беделлу-Смиту, что-то ему шепнул, после чего один посол написал записку другому: «Г-н Новиков!

Вы ведь хорошо знаете, что это не так. Обещания о шести миллиардах никогда не давалось. Разъясните это, пожалуйста, господину Сталину». Новиков передал записку Молотову, но тот ничего Сталину разъяснять не стал. Уже после ухода госсекретаря Сталин, явно не допустивший промашки, как полагал Новиков, а умышленно создавший провокационную ситуацию, пожелал советскому послу успехов «в единоборстве с американскими займодавцами»⁵⁹⁴.

Из-за неудачи сдвинуть с мертвой точки германский вопрос на московском совещании министров иностранных дел Трумэн сделал однозначный вывод о необходимости в перспективе распространить американскую помощь на западные зоны оккупации Германии и связать их в той или иной форме с западноевропейскими государствами.

Возвратившись на родину, Маршалл доложил Трумэну, что СССР всячески тормозит процесс реконструкции Европы с целью сделать весь континент удобным полем для распространения коммунизма. Согласившись с этим выводом, президент предложил выступить с новой, широкой программой помощи зарубежным странам. Предварительно было договорено о своего рода прошупывании почвы в двух важных выступлениях.

Маршалл выступил по радио с заявлением об итогах московской встречи, в котором констатировал: «Восстановление Европы идет медленнее, чем мы ожидали. Силы дезинтеграции становятся очевидными. Пока доктора думают, пациент умирает. Компромисс не может быть достигнут путем истощения»⁵⁹⁵.

Более подробно точку зрения главы государства должен был выразить заместитель госсекретаря Д. Ачесон в большой речи по вопросам внешней политики, назначенной в городе Кливленде, штат Миссисипи, на 8 мая. С Трумэном было договорено, что Ачесон сосредоточит внимание на экономических вопросах. В своем выступлении красноречивый заместитель госсекретаря подчеркнул необходимость широкомасштабного финансирования Соединенными Штатами стран Европы и Азии, для того чтобы эти страны стали самообеспечивающимися и, благодаря этому, способствовали внедрению в жизнь демократических институтов, свободы, человеческого достоинства.

Оратор не преминул подчеркнуть, что все это, в свою очередь, будет содействовать укреплению безопасности самих Соединенных Штатов. «Это необходимо, если мы стремимся сохранить наши собственные свободы и наши

собственные демократические институты. Этого требует наша национальная безопасность», — подчеркивал Ачесон.

Выступал вроде бы государственный служащий второго ранга. Но это была инициатива президента, а вместе с ним и госсекретаря, которые пытались выснить общественный настрой перед принятием нового важнейшего решения. Ни один авторитетный политик, ни одно крупное периодическое издание не высказались ни против радиовыступления Маршалла, ни против речи Ачесона в Кливленде. Трумэн получил, как он считал, карт-бланш на новый ответственный комплекс внешнеполитических мероприятий.

На этот раз от имени правительства выступил государственный секретарь. По договоренности с Трумэном было решено использовать для провозглашения более широкой программы, которая явилась бы логическим развитием «доктрины Трумэна», приглашение, которое получил Маршалл. Его попросили выступить на встрече выпускников Гарвардского университета. Никакого отношения к этому университету Маршалл не имел. Можно полагать, что кому-то из авторитетных выпускников этого университета* была подсказана мысль о приглашении госсекретаря, что именно в Белом доме был придуман вариант использовать столь авторитетное учебное заведение, фактически расположенное в Бостоне, но считающееся частью города Кембриджа, который фактически является районом Бостона. По-видимому, для того чтобы оправдать поездку Маршалла в университет и его выступление там, президенту учебного заведения Джеймсу Конанту была подброшена идея о присуждении госсекретарю почетной ученой степени.

По поручению Трумэна и самого Маршалла над текстом речи работали специалисты по России и СССР Чарлз (Чип) Болен, возвратившийся из Москвы Джордж Кеннан и заместитель госсекретаря по экономическим вопросам Уильям Клейтон, причем основные положения принадлежали последнему.

Неизвестно, читал ли Трумэн текст предстоявшей речи госсекретаря, но тот факт, что с основными ее положения-

* В число выпускников Гарвардского университета входят 38 будущих глав государств, 50 глав правительств, 43 лауреата Нобелевской премии, 38 лауреатов Пулитцеровской премии, огромное число политиков, деятелей бизнеса, юстиции, медицины, литературы и искусства (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Harvard_University_people#Nobel_laureates).

ми он был знаком, безусловен. Президент считал те предложения, с которыми был намерен выступить Маршалл, «второй частью одной и той же стратегии»⁵⁹⁶, имея в виду под первой частью свою доктрину.

Маршалл выступил в Гарвардском университете 5 июня 1947 года. Речь была произнесена на открытом воздухе, на обширной лужайке в центре кампуса (университетского городка) в присутствии примерно пятнадцати тысяч слушателей. В краткой речи, которая занимала немногим более одной страницы текста и продолжалась всего несколько минут, он в крайне мрачных тонах обрисовал современное состояние экономики европейских стран, возникшее в результате войны нарушение рыночных отношений, которые не восстанавливаются, а продолжают разрушаться. «Города и городские отрасли промышленности не производят нужные товары, чтобы обменять их на продовольствие у фермеров. Имеется огромная нехватка сырья и топлива. Машин... не хватает или же они полностью изношены. Фермеры не могут найти необходимые им товары в продаже. Тем временем люди в городах нуждаются в пище и топливе, в некоторых областях Европы встает призрак голода. Поэтому правительства вынуждены использовать свои бюджетные деньги и кредиты, чтобы закупать товары первой необходимости за границей. Это исчерпывает капитал, который крайне необходим для реконструкции экономики». Отсюда делался вывод, что в ближайшие три-четыре года США должны оказать странам Европы значительную помощь, в противном случае она столкнется с серьезными трудностями в экономической, социальной и политической областях. А это, подчеркивал Маршалл, неизбежно будет иметь пагубные последствия для самих Соединенных Штатов. Так в речи связывались воедино интересы европейских стран и американской нации.

В выступлении содержался антисоветский и антикоммунистический подтекст, завуалированный только для людей, совсем уж невежественных в политике. Явно напоминая о своих впечатлениях от недавно окончившегося безрезультатно совещания в Москве, госсекретарь заявил: «Никакое правительство, маневрирующее с целью заблокировать восстановление других стран, не может ожидать от нас помощи. Более того, правительства, политические партии или группы, которые пытаются увековечить человеческую нищету для того, чтобы получить политические или иные дивиденды, столкнутся с противодействием Соединенных Штатов».

Лапидарная речь завершалась на высокой ноте надежды на понимание намечаемого пока в самых общих чертах проекта со стороны американцев, которые, как надеялся госсекретарь, а вместе с ним и президент, осознают всемирную ответственность своей страны. «Огромное значение для решения этой проблемы состоит в понимании американцами характера проблемы и средств, которые будут применены для ее решения. Политическая привязанность и предубеждения не должны играть здесь никакой роли. Только в случае готовности со стороны наших людей мужественно встретить громадную ответственность, возложенную на нас ходом истории, трудности, которые я отметил, могут и будут преодолены».

В тщательно подобранных выражениях упоминалась только Европа, как будто разрушения войны не коснулись Восточного полушария. Сделано это было вполне сознательно. Именно на восстановление западноевропейской экономики, на стабилизацию политического положения в этом регионе в соответствии с представлениями руководства США и под их непосредственным влиянием, на фактическое превращение этого региона в область основных государственных интересов США был рассчитан проект, пока существовавший только в форме общего замысла.

Многих наблюдателей удивило отсутствие Китая в числе стран, на которые должна была распространиться помощь США. Н. В. Злобин по этому поводу замечает: «В Белом доме считали, что какую бы финансовую или военную помощь Америка ни была бы готова выделить, предотвратить коммунизацию Китая уже невозможно... Китай был вычеркнут из списка внешнеполитических приоритетов США, за что Америка будет долго и тяжело расплачиваться в будущем»⁵⁹⁷. Вряд ли Трумэн и его помощники делали в 1947 году столь глубокие прогнозы. Скорее, Китай «вычеркнули из списка» по другой причине — Трумэн называл власть Чан Кайши «самым коррумпированным правительством в мировой истории»⁵⁹⁸.

Злобин приводит эти слова, но не обращает на них должного внимания. Между тем они являются ключевыми — американские деятели полагали, по всей видимости, что крупные средства, предоставляемые гоминьдановскому Китаю, проваливались бы в «черную дыру», а зависимость политики Чан Кайши от американских интересов в Восточно-Азиатском регионе не увеличилась бы.

Конечно же, никакого «плана Маршалла» пока не существовало, хотя этот термин стал фигурировать в прессе, а вслед за этим в выступлениях государственных деятелей не только США, но и других стран уже в следующие дни. Правда, в первый момент кое-кто называл выдвинутый комплекс мер «планом Трумэна» (есть сведения, что так предложил назвать план советник президента К. Клиффорд), но президент, который считал, что для него достаточно быть автором «доктрины Трумэна», и опасавшийся неблагоприятной реакции Конгресса да и широкой общественности страны на восхваление лично его, решил разделить долю ответственности, сам начав употреблять термин «план Маршалла»⁵⁹⁹.

Вскоре термин стал привычным. В 1953 году Джорджу Маршаллу без должных к тому оснований (как, впрочем, в подавляющем большинстве подобных случаев) была присуждена Нобелевская премия мира «в знак признания его заслуг по восстановлению экономики Западной Европы», хотя совершенно очевидно, что присуждать эту премию (если присуждать!) надо было не генералу, а всей американской нации.

Из зарубежных деятелей первым на американскую инициативу откликнулся британский министр иностранных дел Бевин, который вроде бы воскликнул: «Это — манна небесная!»⁶⁰⁰ Бевин позвонил своему французскому коллеге министру Жоржу Бидо, посоветовав поддержать американскую инициативу с привлечением советской стороны, опираясь на то, что в речи Маршалла не было ничего сказано по поводу ограничения числа участников. На деле это было не совсем так, что уже отмечалось.

Тем не менее советская сторона в самом начале попыталась было использовать «план Маршалла» (его вначале называли в кавычках, но скоро кавычки исчезли) для возможного получения крупного американского займа, о чем Сталин, как мы знаем, говорил Маршаллу во время московского совещания министров.

Вряд ли в Москве было известно, что с самого начала американские руководители не допустят, чтобы СССР был включен в число стран, получающих помощь, и что план будет использован для того, чтобы попытаться оторвать восточноевропейские страны от советского господства. Об этом шла речь и на совещаниях у Трумэна, и в Госдепартаменте, где было решено, что страны Восточной Европы смогут участвовать в плане только в том случае, если они

откажутся от односторонней ориентации на СССР и будут активными в мероприятиях по экономической интеграции Европы.

Так что с самого начала участие СССР и стран «новой» или «народной» демократии, как их начинали называть, в плане Маршалла было проблематичным. Тем не менее Сталин дал указание положительно откликнуться на совместное британское и французское предложение о созыве 27 июня в Париже совещания министров иностранных дел для обсуждения вопросов, связанных с планом. Правительствам Польши, Чехословакии и Югославии фактически было дано указание позитивно отнестись к американским предложениям.

В мягких выражениях то же посоветовали Финляндии, оказавшейся после войны в фактической зависимости от СССР, хотя и сохранившей полную свободу предпринимательства.

Как полагали в аппарате советского министра иностранных дел Молотова, высшее руководство СССР стремилось предпринять попытку превратить план Маршалла в некое подобие ленд-лиза периода Второй мировой войны, то есть «займа-аренды» американской продукции — в той надежде, что возвращать ничего не придется. Бывший сотрудник секретариата Молотова В. И. Ерофеев (между прочим, отец видного современного российского писателя Виктора Ерофеева) так определил позицию своего начальства: «Надо было согласиться на это предложение и попробовать, если не совсем устранить, то максимально сократить все отрицательные черты, добиться, чтобы они не навязывали нам каких-то условий. Короче говоря, что-то вроде ленд-лиза. Молотов был как раз сторонником такого подхода»⁶⁰¹.

Впоследствии в советской литературе — и чисто пропагандистской, и носившей, по крайней мере формально, исследовательский характер, — всячески подчеркивалось, что план Маршалла привел к американской гегемонии над странами Западной Европы. Это — недалеко от истины, но определенная степень зависимости от США была установлена по доброй воле не только правительств европейских стран, но и их народов, избравших эти правительства на демократических началах, а привела она западноевропейские нации к бурному экономическому росту, хозяйственному процветанию в условиях политической демократии.

Между тем Молотов отправился в Париж на встречу министров, запасшись директивой, одобренной Сталиным, ключевыми пунктами которой были следующие: не допу-

скасть проверки ресурсов стран, которым предполагается оказание помощи, как и не допускать участия американских представителей в контроле за расходованием помощи. По существу, это означало отказ СССР и его сателлитов от участия в плане Маршалла.

30 июня Молотов выступил на совещании с резкой речью, заявив, что в задачу совещания «не входит составление всеобъемлющей программы для европейских стран» и что вопрос о Германии, которую также предполагалось включить в число получателей, подлежит отдельному рассмотрению и к плану Маршалла никакого отношения не имеет.

2 июля парижское совещание закончилось отказом СССР участвовать в дальнейших переговорах по плану Маршалла, что только облегчило их проведение. Бевин позже признавался Ачесону: «Уход русских сделал операции значительно более простыми»⁶⁰². Это относилось не только к вопросу о принятии западноевропейскими странами американских условий помощи, но и к прохождению конкретных мероприятий по плану через американские законодательные органы. Если бы советские представители продолжали участвовать в переговорах, это могло просто торпедировать решения Конгресса, абсолютное большинство которого явно пришло бы к выводу, что США собираются финансировать советскую империю. План Маршалла вполне мог провалиться при утверждении конкретных его мер. Сталинское руководство действительно допустило серьезнейший промах в попытках подорвать сплочение западных держав на экономической основе.

Освободившись от советского фактора, западные державы могли теперь действовать более свободно, в духе холодной войны. 3 июля Бевин и Бидо пригласили 22 страны Европы прислать свои делегации для обсуждения планов восстановления Европы. 12 июля делегации шестнадцати стран прибыли в Париж. Что же касается восточноевропейских стран, то вначале Сталин считал, что они должны появиться в Париже, чтобы разоблачить план Маршалла и уйти, хлопнув дверью. Но вслед за этим у него возникли колебания. Он опасался, в частности, что Чехословакия, где еще не полностью утвердился диктат компартии, может повести себя иным образом и это спутает все его карты. Поэтому последовали новые указания.

В результате от участия в плане Маршалла под нажимом СССР отказались шесть восточноевропейских стран, причем Чехословакия после определенного сопротивления.

В Москву были вызваны ведущие министры этой страны, от которых разъяренный Сталин потребовал полного подчинения. Министр иностранных дел Чехословакии Ян Маса́рик по возвращении на родину сказал своим друзьям: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский батрак!»⁶⁰³

Пройдет сравнительно немного времени, и 10 марта 1948 года Масарик будет обнаружен мертвым во дворе здания Министерства иностранных дел. Следствие заключило, что он покончил жизнь самоубийством. Позднейшие расследования показали, что Масарик, по всей видимости, был убит советскими агентами, хотя эта версия полностью не доказана⁶⁰⁴.

Так в практике все более разгоравшейся холодной войны, в которой подчас появлялись прямые человеческие жертвы, причудливо переплетались судьбы различных деятелей с судьбой и политикой американского президента Гарри Трумэна.

Между тем собравшиеся в Париже делегаты европейских стран стремились заполучить как можно бо́льшую долю американской помощи, зачастую прибегая к весьма сомнительным уловкам. Один из участников совещания позже заметил: «Каждый очертя голову обманывал в Париже всех остальных»⁶⁰⁵. Тем не менее на совещании был образован Комитет европейского экономического сотрудничества, который в сентябре 1947 года представил доклад, определявший нужды по восстановлению экономики стран-участников в 22,3 миллиарда долларов в течение четырех лет (именно на этот срок предполагалось предоставить американскую помощь).

В комитете не была представлена Западная Германия, три зоны оккупации которой фактически уже объединились в единое экономическое пространство, но ее представители высказывали свои пожелания и давали гарантии, что немецкие власти будут придерживаться базовых принципов предоставления американской помощи в том случае, если она будет оказана.

4. План Маршалла: Реализация

Дело теперь было за главным — президенту следовало добиться поддержки общества и, следовательно, Конгресса в реализации намечаемого плана. Трумэн мобилизовал

наиболее авторитетных своих сторонников для пропаганды плана и доказательства не просто его выгоды, а жизненной необходимости для самих Соединенных Штатов. Президент опирался, в частности, на тех деятелей республиканской партии, которые и ранее поддерживали идеи двухпартийной политики. Среди них выделялись сенатор Артур Ванденберг, член палаты представителей от штата Массачусетс Кристиан Гертер, советник Госдепартамента опытный юрист-международник Джон Фостер Даллес и особенно бывший министр обороны Генри Стимсон, который возглавил Гражданский комитет за план Маршалла. Неоднократно прибегали к авторитету единственного живого бывшего президента Герберта Гувера, который в частных письмах поддерживал инициативы Трумэна и Маршалла, а его позиция не без помощи действующего президента тотчас становилась достоянием общества⁶⁰⁶.

На протяжении второй половины 1947 года были проведены необходимые подготовительные работы — определены суммы, их распределение по странам, отраслевые приоритеты, пути привлечения капитала и т. д. Большую часть средств США предполагалось предоставить под целевые экономические программы. Часть средств намечалось передать на льготных условиях, часть безвозмездно в качестве американской помощи другим государствам. При этом предполагалось, что основная масса денег будет затрачена на закупки в США.

Одновременно формулировались, подчас откровенно, временами косвенно, те цели, которые ставил план Маршалла, причем выражались они так, чтобы, как принято было говорить в США, план наиболее удобно и выгодно было «продать» общественному мнению. Определялись три взаимно связанные цели. Во-первых, американская помощь должна была привести к восстановлению западноевропейской экономики, которая призвана была стать гарантией социально-политической стабильности в противовес возможной экспансии СССР. Во-вторых, намечаемый комплекс мер содействовал бы развитию международной торговли, прежде всего экономическому обмену между США и европейскими странами, а это, по словам Трумэна, «было важно для наших бизнесменов, фермеров и рабочих». Наконец, план ставил общемировые политико-гуманитарные цели или, как убеждал президент, должен был «внести вклад в международный мир и безопасность... путем по-

мощи тем странам, которые, как и США, стремятся к сохранению свободных институтов и прочному миру между народами»⁶⁰⁷.

Только что приведенные слова содержались в «специальном послании о плане Маршалла», с которым президент обратился к Конгрессу 19 декабря. Здесь формулировались причины, по которым США были заинтересованы в европейском восстановлении, напоминалось, как зародилась и развивалась программа, каковы были просьбы европейских партнеров, содержались конкретные предложения законодателям и формулировались причины, по которым предлагаемая программа была важна для самих Соединенных Штатов. Особо подчеркивалась необходимость энергичных самостоятельных экономических усилий со стороны всех стран-участниц, обеспечение внутренней финансовой стабильности всех этих стран, их сотрудничества в достижении поставленных целей, «решение проблем торгового дефицита путем коммерческого обмена со странами Америки, в частности путем увеличения европейского экспорта».

Трумэн подчеркивал, что европейские нации, согласившиеся воспользоваться планом Маршалла, намерены принять энергичные меры для обеспечения хозяйственной стабильности, уменьшения торговых барьеров, ликвидации препятствий к свободному передвижению людей из одной страны в другую и к общим усилиям по использованию ресурсов наиболее эффективным образом.

Трумэн рекомендовал «программы восстановления» стоимостью 17 миллиардов долларов со сроком действия с 1 апреля 1948-го по 30 июня 1952 года. В дальнейшем возможная помощь должна была определяться Конгрессом ежегодно. Расходование предоставляемых средств европейскими странами оценивалось весьма приблизительно: «Фонды, которые мы сделаем доступными, дадут возможность странам Европы покупать товары с двумя целями — чтобы жизненный уровень в Европе поднялся и стал достойным и чтобы в то же время расширить производственные способности Европы. Наши фонды дадут возможность импортировать зерно для текущих потребностей, удобрения и сельскохозяйственные машины для увеличения производства продовольствия. Они будут импортировать топливо для текущего потребления и шахтное оборудование для увеличения производства угля». Иначе говоря, внимание сосредоточивалось как на потребитель-

ской, так и особенно на производственной стороне плана Маршалла.

Что же касается организационной стороны, то президент ставил вопрос об обеспечении эффективности помощи путем постоянного контроля за использованием средств и точным выполнением условий соглашений, причем соответствующие доклады должны были предоставляться в Белый дом, Конгрессу и всему народу.

Трумэн полагал, что большинство операций могло осуществляться через существовавшие частные каналы и правительственные органы. Все же предполагалось создать Администрацию экономического сотрудничества во главе с лицом, назначенным президентом и непосредственно ему подчиненным.

В заключение своего послания Трумэн рекомендовал Конгрессу одобрить программу «в полной уверенности в ее мудрости и необходимости как важного шага в стремлении нашей нации к справедливому и прочному миру».

Обсуждение в Конгрессе продолжалось сравнительно недолго. Итоговое голосование было убедительным: за план Маршалла высказались 329 членов палаты представителей (против семидесяти четырех) и 69 сенаторов (против семнадцати). Трумэн подписал закон об оказании помощи иностранным государствам 3 апреля 1948 года, заявив при этом, что принятый закон является «блестящим проявлением того факта, что двухпартийная внешняя политика может привести к эффективным действиям»⁶⁰⁸.

В соответствии с планом Маршалла самыми крупными получателями помощи стали Великобритания (2,8 миллиарда долларов), Франция (2,5 миллиарда), Италия и Западная Германия (по 1,3 миллиарда), Голландия (1 миллиард). Вне плана из стран Западной Европы осталась только Испания, в которой у власти оставался бывший союзник Гитлера Ф. Франко.

Эффект осуществления плана Маршалла превзошел самые оптимистические ожидания. Оказалось, что осуществлять годовичные продления американской помощи после 1952 года не потребовалось. К этому времени все страны, участвовавшие в плане, превысили довоенный уровень производства, почти полностью ликвидировали безработицу, не только избавились от нищенских продуктовых карточек, но и обеспечили стабильный рост жизненного уровня всего населения. Были созданы хозяйственные и социальные предпосылки для начала интеграции Западной

Европы на базе свободного рынка, демократии и атлантического партнерства с США. Это в свою очередь было исключительно выгодно самим Соединенным Штатам. Они получили огромные экономические и политические дивиденды. План Маршалла оказался блестящей стратегической акцией США. Были созданы необходимые условия для создания военно-политического союза западных стран. Это в то же время означало, что в администрации Трумэна, в руководящих кругах развитых стран Запада стала ведущей концепция раздела Европы, а затем и всего мира на сферы влияния, которой ранее весьма остерегались Трумэн и другие американские руководители.

Трумэн гордился планом Маршалла, который, по существу дела, был именно его планом, планом Гарри Трумэна, реализацией этого плана, оценкой американской помощи западными политическими деятелями и населением, отходом последнего от коммунистического влияния, которое стало падать уже в 1948—1949 годах, прежде всего в Италии и во Франции, где утвердились демократические режимы. Трумэн был горд, что такой авторитетный политик, каким был Черчилль, написал ему: «Я преклоняюсь перед политикой, в которую Вы направили свою великую страну, и благодарю Вас из самой глубины моего сердца за все, что Вы делаете для спасения мира от голода и войны»⁶⁰⁹. Восторженная оценка прославленного британца не должна, однако, заслонять того факта, что успешная реализация плана Маршалла полностью соответствовала, как мы видели, экономическим и политическим интересам США. Уилл Клейтон, видный бизнесмен и дипломат, обращая внимание на хозяйственную сторону плана, писал, что, «в свете потребностей и интересов народа Соединенных Штатов, нам нужны рынки, крупные рынки, чтобы покупать и продавать... защитить себя экономическими средствами, которых у нас более чем достаточно»⁶¹⁰. По словам же одного из исследователей А. Милуорда, «это была акция, продиктованная на редкость просвещенным пониманием собственных интересов»⁶¹¹.

План Маршалла, являвшийся, повторяем в очередной раз, по существу, планом Трумэна, стал мощным средством возрождения и подъема экономики и в то же время экономической интеграции и политического сплочения стран Западной Европы через созданную на основании плана Организацию европейского экономического сотрудничества. Вместе с тем в ходе осуществления плана росла за-

висимость европейских стран от США, усиливался раскол Европы, стимулировалось состояние холодной войны.

В то же время план Маршалла предельно фальшиво освещался в советской пропаганде. Известный советский поэт Самуил Маршак, ставший еще в годы войны рьяным пропагандистом сталинской политики и продолжавший эту деятельность в послевоенные годы, вещал:

Европе Маршалл так помог,
Что с этой «помощи» в итоге
Теперь Европа, видит Бог,
Вот-вот совсем протянет ноги⁶¹².

Холодная война, таким образом, развивалась, пренебрегая самыми элементарными фактами. Такое пренебрежение проявлялось не только в печати и радиопередачах, но даже в закрытых, служебных материалах. Так, в информационной записке заведующего сектором Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Б. П. Вронского о поездке в США в качестве корреспондента газеты «Известия» на сессию Генеральной Ассамблеи ООН один из разделов назывался «О фашизации внутривнутриполитической жизни». Там говорилось, что «характерными признаками фашизации внутренней жизни в США являются милитаризация жизни, проводимая в широких размерах военная пропаганда и распространение шовинистических настроений, крайнее усиление фашистской демагогии». Вронский выделил основной лозунг «американской реакции», в том числе правительства Трумэна. По поводу якобы планировавшейся войны США против СССР Трумэну приписывалось заявление, что «с русскими иначе нельзя»⁶¹³. Чиновники, в соответствии с давней традицией, подстраивались под настроения и волю начальства. Что же касается «фашизации», то этот термин, будучи производным от понятия «фашизм», задолго до этого, уже вскоре после Первой мировой войны, превратился в коммунистической да и в леволиберальной пропаганде из научного определения в хлесткое ругательство⁶¹⁴.

Перед американским президентом стояли новые испытания, которые на этот раз Трумэн вначале не смог адекватно воспринять. Президента успокаивало не только начавшееся успешное развитие западноевропейских стран. Ему поступала весьма неточная информация разведывательных служб. Так, доклад ЦРУ от 17 июня 1948 года по-

будил Трумэна выступить с заявлением, что Россия теперь «действительно заинтересована в возможности ослабления напряженности между СССР и Западом»⁶¹⁵. Слова эти были произнесены за неделю до начала нового серьезного междонародного кризиса.

Глава пятнадцатая

ПРОБЛЕМЫ МНОЖАТСЯ

1. Берлинский кризис

Не прошло и трех месяцев после вступления в силу закона о плане Маршалла, как мир оказался почти на грани войны в силу того, что между двумя лагерями возникло непримиримое противостояние в самом центре Европы — в Берлине, разделенном теперь на сектора, подобно разделению Германии на зоны оккупации. Как и западные зоны, экономически слившиеся теперь в единую территорию, которую называли «Тризонией», американский, британский и французский сектора Берлина в первой половине 1947 года были объединены и возникла единая городская территория, которая и стала называться Западным Берлином.

Экономический и политический разрыв Германии распространился на Берлин. В то время как советский сектор оккупации Берлина рассматривался как столица еще не созданного, но находившегося в стадии формирования восточногерманского государства, которое неизбежно становилось советским сателлитом, Западный Берлин, находившийся в центре советской зоны оккупации Германии, формально не относился к Тризонии, хотя по всем экономическим, социальным, культурным, идеологическим признакам к ней тяготел.

Введение 18 июня 1948 года новой валюты — западногерманской марки — и включение в сферу хождения этой валюты Западного Берлина, в сущности, лишало возможности СССР оказывать значительное экономическое влияние за западную часть города. Более того, в советский сектор Берлина, а оттуда во всю восточную зону хлынул поток обесцененных марок, которые продолжали хождение в этой части Германии.

По распоряжению Сталина советские власти в Германии прореагировали весьма остро. 24 июня был введен запрет на передвижение и провоз товаров и денег Тризонии

в восточную зону и одновременно прекращены все перевозки в Западный Берлин. Началась его блокада, которая могла привести не только к голоду гражданского населения, составлявшего 2,2 миллиона человек, но и ставила в катастрофическое положение американские, британские и французские воинские части, размещенные в городе.

Правительства западных держав оказались застигнутыми врасплох. Государственные деятели просто не знали, как поступать — отказаться от Западного Берлина, пробиваться в него силой или находить еще какой-то выход. К тому же, как оказалось, право на доступ в эту часть города из западных зон оккупации, который осуществлялся с 1945 года и считался само собой разумеющимся, не был зафиксирован никакими юридическими актами и теперь вроде бы оказывался вообще незаконным.

Военный губернатор американской зоны оккупации генерал Люсиус Клей информировал Трумэна о своей решимости предпринять активные меры, чтобы направить в Берлин транспортные конвои, поддерживаемые войсками. Предвидя опасения, что это может привести к прямому военному столкновению, Клей высказывал убеждение, что такие действия «скорее предотвратят, чем усилят советское давление, которое может привести к войне»⁶¹⁶.

По указанию президента Министерство обороны запретило Клею предложенные им действия как слишком опасные, грозящие прямым военным столкновением. Но ни Пентагон, ни ЦРУ просто не знали, что делать. Не знал этого и Трумэн. Это был один из тех немногих случаев, когда он поначалу просто проявил растерянность. Единственное, что отчетливо понимал президент, — необходимо во что бы то ни стало сорвать блокаду Берлина и в то же время не допустить войны.

Вряд ли в сложившихся условиях Сталин, который был очень осторожен, пошел бы на войну в центре Европы, имея в виду сохранявшуюся еще американскую атомную монополию. Но на Западе явно переоценивали готовность советского лидера к решению возникавших проблем военным путем. Газеты писали, что послевоенный мир в один миг превратился в предвоенный.

В эти дни Трумэн каждый день выступал с заявлениями, но они носили противоречивый характер. На следующий день после объявления блокады были опубликованы его слова: «Мы не уйдем из Берлина». Еще через день он уточнил свою позицию, сказав, что западные державы должны

оставаться в городе как можно дольше, но начинать войну из-за Берлина с Советами не следует. В то же время в личном дневнике появилась запись, фиксировавшая, что его начальная позиция осталась неизменной: «Я решил оставаться в Берлине. В любом случае мы не уйдем из Берлина. Я не передам никому ответственности и не отменю никаких собственных решений»⁶¹⁷.

Но решимость президента не устраняла его растерянности. Пробные действия предпринял по своей инициативе генерал Клей. Еще до того, как он получил запрет на прорыв в Берлин, генерал 25 июня направил в аэропорт Темпельгоф блокадного города транспортный самолет с картофелем, а 26 июня второй самолет с разными видами продовольствия. Хотя это была капля в море потребностей города, рейд был показательным в том отношении, что советские войска не предприняли мер противодействия, не попытались перекрыть доступ в Западный Берлин. Разумеется, это могло произойти потому, что для оккупационных властей СССР это было неожиданностью: они просто не имели указаний высшего руководства, как реагировать на такого рода действия. Но при повторении подобных акций могли возникнуть непредсказуемые ситуации.

Однако Трумэн решил подхватить инициативу Клея и организовать массивный воздушный мост для снабжения Западного Берлина всем необходимым. 27 июня в Белом доме состоялось совещание по берлинскому вопросу, на котором были решены принципиальные вопросы, связанные с налаживанием авиаперевозок⁶¹⁸. 30 июня госсекретарь Маршалл объявил на пресс-конференции о решении президента, которое тотчас поддержало правительство Великобритании. Эксперты сообщили, что в отличие от наземного воздушное сообщение регулировалось специальным соглашением, допускавшим существование воздушного моста шириной в 32 километра.

Вначале планировалось доставлять в Западный Берлин 750 тонн груза ежедневно. Но этого оказалось крайне мало. Под руководством генерала Уильяма Таннера, назначенного с одобрения Трумэна руководителем воздушного моста, была разработана операция, продуманная до мельчайших деталей. Основными ее моментами были создание пяти уровней воздушного моста (точно установленных высот полета), предоставление каждому самолету только одной попытки посадки (в случае неудачи он должен был с грузом возвращаться на свою базу), пребывание самолета на земле

не более 30 минут (за эти считанные минуты надо было не только разгрузить воздушный корабль, но и подготовить его к обратному полету).

В результате столь четко спланированных действий, рассчитанных по секундам, самолеты совершали посадку каждые три-четыре минуты. Уже к концу июля ежедневно доставлялось не менее двух тысяч тонн груза. Полеты продолжались зимой в условиях дождя, снега, сильного ветра. 15—16 апреля 1949 года был поставлен рекорд — за 24 часа было совершено 1398 рейсов и перевезено около 13 тысяч тонн грузов.

Помимо продовольствия (порошковый картофель, сухое молоко, мука) самолеты везли уголь, бензин, медикаменты и многое другое, жизненно необходимое. Парадоксально, но нормы продуктов, которые распределялись в Западном Берлине по карточкам, в результате были повышены по сравнению со временем перед блокадой⁶¹⁹.

Трогательной страницей функционирования воздушного моста были полеты «изюмных бомбардировщиков», летчики которых перед посадкой сбрасывали детям на самодельных парашютиках пакеты с изюмом, конфетами и жевательной резинкой. Начатая по инициативе летчика Гейла Хелворсена операция «Малый провиант» вскоре охватила многие районы Соединенных Штатов, жители которых собирали сладости для германских детей⁶²⁰.

В ходе почти 278 тысяч рейсов произошло несколько несчастных случаев со смертельным исходом, в которых погибли 41 британец, 31 американец и шесть немцев. Об этих событиях напоминает установленный в 1951 году возле аэропорта Темпельгоф памятник жертвам берлинского воздушного моста, созданный немецким скульптором Эдуардом Людвигом, а территория перед этим аэропортом получила название площадь Воздушного моста⁶²¹.

Трумэн тщательно следил за функционированием воздушного моста, отлично понимая его не только гуманитарное, но и военно-политическое значение, более того, его роль в углублении раскола Европы, в формировании противоположных лагерей. В результате в его личном архиве накопилось множество документов, связанных с воздушным мостом, 126 из которых отложились в архиве Библиотеки Трумэна⁶²². Среди них многочисленные доклады Л. Клея, У. Таннера и других лиц, ответственных за воздушный мост, материалы совещаний в Белом доме, переписка Трумэна с государственными и общественными деятелями,

в частности представителями профсоюзов, резюме писем, получаемых Госдепартаментом и другими правительственными органами, резюме писем американских летчиков, участвовавших в полетах, материалы переговоров с представителями СССР и т. д.

Ни СССР, ни США не собирались воевать. Но, во-первых, каждая сторона подозревала другую в противоположном, а во-вторых, война могла возникнуть случайно, если бы какой-то самолет был сбит или упал на советский военный объект. Вероятность столкновения была высока, обе державы балансировали на грани войны.

Трумэн не был инициатором переговоров с советской стороной, имея в виду, что предварительные контакты в Москве в августе — сентябре 1948 года не дали результата. Напряженность тем временем нарастала. В этих условиях именно Сталин поручил советским представителям в ООН вступить в неофициальные беседы с американскими представителями на предмет условий снятия блокады.

10 апреля 1949 года Трумэну был передан меморандум Госдепартамента, в котором сообщалось, что 5 апреля представитель СССР в Совете Безопасности Я. А. Малик обратился к американскому представителю Филиппу Джессупу с заявлением, что СССР мог бы отменить блокаду при условии, если бы США согласились отменить «контрблокаду» (под таковой имелся в виду воздушный мост) и пойти на созыв совещания министров иностранных дел четырех держав⁶²³.

По существу, это означало капитуляцию Кремля, ибо при условии снятия блокады отпадала необходимость в воздушном мосте, а согласие на созыв совещания можно было бы обусловить встречными требованиями. В документе указывалось: «Состоявшаяся дискуссия показывает, что имеется значительная степень серьезности с русской стороны, чтобы продолжать беседы и вступить, если русские пожелают, в переговоры о действительном соглашении». Президента информировали о начавшихся по этому поводу консультациях с Великобританией и Францией.

Трумэн одобрил инструкцию для ведения дальнейших переговоров, в которой предписывалось четко определить, что конкретно имеется в виду под отменой блокады (американские представители должны были настаивать на восстановлении в полном объеме транспортной связи между Западной Германией и Западным Берлином без какого-либо советского контроля), разъяснить советским представи-

телям, что западные державы намерены в ближайшее время образовать западногерманское правительство, что совещание министров иностранных дел должно быть тщательно подготовлено, что ни образование правительства Тризонии, ни созыв совещания министров никак не влияют на отмену блокады и ликвидацию воздушного моста, являясь совершенно не связанными вопросами⁶²⁴.

Переговоры в рамках ООН завершились успешно. 12 мая блокада Западного Берлина была отменена советской стороной без каких-либо официальных условий. В связи с этим, опасаясь, как бы она не была восстановлена под каким-либо новым предлогом, Трумэн распорядился сохранить воздушный мост, который был ликвидирован только 30 сентября 1949 года.

Н. В. Злобин констатирует: «В глазах всего мира Берлинский кризис стал символом решимости Соединенных Штатов и лично Гарри Трумэна сделать все возможное для защиты Западной Европы от советской экспансии. Однако он также стал символом решимости советского руководства не отдать Западу страны Восточной Европы. По сути дела, “ничья” в Берлине зафиксировала своего рода статус-кво разделенной Европы, который вскоре получит свое юридическое оформление»⁶²⁵.

Н. В. Злобин не вполне точен в двух отношениях. Во-первых, результат конфликта все же нельзя назвать ничьей, так как, по существу дела, СССР отказался от блокады без каких-либо условий. Во-вторых, юридическое оформление разделения Европы на противоположные лагеря началось не вскоре после отмены блокады, а несколько раньше, когда 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан документ об образовании Организации Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization, NATO, НАТО*).

2. Создание НАТО

Идея создания постоянного военного союза западных держав одновременно возникла в Белом доме и в сенатских кругах. На ряде совещаний у Трумэна весной и летом 1948 года ставился вопрос о том, как обойти пункт устава ООН о праве вето в Совете Безопасности, который давал возможность СССР блокировать любое неприемлемое для его руководства решение с осуждением агрессии и особенно о принятии против нее конкретных, тем более военных, мер.

Президент и его советники обратили внимание на статью 51 Устава ООН, которая давала права государствам создавать региональные оборонительные союзы.

В это же время республиканский сенатор А. Ванденберг внес на рассмотрение законодателей проект резолюции, который рекомендовал организацию «коллективной самообороны против вооруженной агрессии в пределах Устава [ООН], но вне вето [постоянных членов Совета Безопасности]»⁶²⁶. Резолюция была принята сенатом и получила в промежутке между апрелем и ноябрем 1948 года поддержку общественного мнения, хотя и сдержанную. Институт Гэллапа провел ряд опросов касательно коллективного договора с Канадой и со странами Западной Европы, во время которых положительные ответы дали в среднем 65 процентов респондентов.

Трумэн использовал резолюцию Ванденберга, чтобы предложить заинтересованным странам вступить в переговоры о заключении коллективного договора. Они были начаты в Вашингтоне на уровне послов и специальных представителей, продолжились ранней осенью 1948 года, были прерваны в связи с американскими выборами и возобновлены в декабре.

Проходили переговоры в обстановке то усиливавшейся, то чуть ослаблявшейся военной тревоги, которая нагнеталась как советской стороной, так и американскими военными, часто с подачи военно-промышленных концернов. 13 сентября Трумэн записал в дневнике: «Форрестол, Брэдли*, Ванденберг (ген[ерал], а не сенатор!)**, Саймингтон*** познакомили меня с вопросами о базах, бомбах, Москве, Ленинграде и т. д. У меня затем возникло страшное чувство, что мы находимся очень близко к войне. Надеюсь, что это не так»⁶²⁷.

И все же президент стремился сохранить курс на разумный баланс средств, расходуемых на военные и мирные цели. Уже в 1948 году развернулись острые дискуссии по поводу военного бюджета на 1949/50 финансовый год (начинается 1 октября). Трумэн был потрясен, узнав, что Министерство обороны запросило 23 миллиарда долларов,

* Генерал Омар Брэдли занимал в это время пост начальника штаба армии.

** Генерал Хойт Ванденберг был заместителем начальника штаба военно-воздушных сил.

*** В рассматриваемый период политик из штата Миссури Стюарт Саймингтон был министром военно-воздушных сил.

что более чем в три раза превосходило военные расходы 1947 года. После переговоров с министром Форрестолом и членами Объединенного комитета начальников штабов военный бюджет был сокращен до 18, а затем до 14 миллиардов долларов. Несмотря на сопротивление военных, именно эта цифра (она и так была вдвое большей расходов предыдущего года) вошла в окончательный бюджет. Форрестол отмечал, что президент «был решителен в том, чтобы не тратить больше, чем мы получаем в виде налогов»⁶²⁸.

Такой курс Трумэна означал, что в будущем военно-политическом договоре другие страны-участницы должны будут не только опираться на финансово-экономическую мощь США, но и вносить свой посильный вклад в дело коллективной обороны.

Документ о создании Организации Североатлантического договора был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 года делегациями двенадцати стран — США, Канады и десяти их европейских партнеров — Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Дании, Норвегии, Португалии, Исландии. Со стороны США его подписал новый государственный секретарь Дин Ачесон*. Выступая после подписания договора, Трумэн назвал его актом добрососедства, оценил как краеугольный камень в истории и, обратившись к прошлому, констатировал, что, «если бы такой договор существовал в 1914 и 1939 годах и включал страны, делегаты которых сегодня здесь присутствуют, я думаю, что он предотвратил бы агрессивные акты, которые привели к двум мировым войнам»⁶²⁹. Трумэн добавил: «Этим пактом мы стремимся создать щит против агрессии и против страха агрессии, опору, которая позволит нам продолжать действительно необходимое дело правительств и общества, дело достижения более полной и счастливой жизни для всех наших граждан»⁶³⁰.

Документ вступил в силу 24 августа 1949 года после его ратификации.

Североатлантический договор создавал систему коллективной безопасности. Главной в договоре была статья 5,

* Джордж Маршалл оставил этот пост в январе 1949 года. После более чем полугодового перерыва в госслужбе (он стал в это время председателем Комиссии по военным монументам, а затем президентом национальной организации Красного Креста) он в сентябре 1950 года вернулся в администрацию Трумэна в качестве военного министра.

предусматривавшая, что все страны обязались совместно защищать каждого участника, на которого было бы совершено нападение. С момента своего создания блок НАТО был ориентирован на противодействие СССР и неизбежно должен был встретить противостояние в другом военнополитическом блоке, который, правда формально, возник через несколько лет в виде Организации Варшавского договора, но фактически существовал уже в первые послевоенные годы.

В то же время западный блок не исключал внутренних противоречий между его участниками. Правительства европейских стран настороженно относились к американскому партнеру и в то же время прилагали усилия, чтобы не допустить воссоздания милитаризованного германского государства, что в первые послевоенные годы не исключалось. Отсюда и формула первого Генерального секретаря организации британского генерала Лайонела Гастингса Исмея, что цель создания НАТО — «удерживать русских в стороне, американцев внутри, а немцев под»⁶³¹.

Трумэн не предполагал, что договор встретит серьезное противодействие законодателей. Он направил Североатлантический пакт на утверждение сената 12 апреля 1949 года. Неожиданно для него прения затянулись. Ряд сенаторов высказывали недовольство, что США отказываются от своей традиционной политики невмешательства в европейские дела, как будто само участие во Второй мировой войне и первые акты послевоенной внешней политики не означали уже отказа от изоляционизма.

Трумэну пришлось использовать разнообразные неофициальные каналы, связанные прежде всего с его прежней работой в сенате. Он приглашал сенаторов в Белый дом, встречался с ними на «нейтральной территории», убеждая отказаться от отжившего консерватизма. Усилия увенчались успехом. 21 июля из сената неофициально уведомили президента о готовности торжественно провести акт ратификации, а 25 июля эта церемония состоялась, после чего Трумэн сразу же в присутствии представителей всех стран — участниц договора подписал его и этим ввел в действие для своей страны.

Свою краткую речь по этому поводу он завершил словами: «Сегодня, когда этот договор вступает в силу, кажется особенно важным вновь заявить, что мы посвящаем себя великой задаче — сохранению стабильности и мира. Ни одна нация не должна бояться результатов нашего сотруд-

ничества во имя этой цели. Наоборот, чем более народы Атлантического содружества будут сотрудничать во имя мира, тем лучше будет для всех народов, где бы они ни жили»⁶³².

Хотя создание НАТО фактически означало завершение раскола мира на два противоположных военно-политических блока, Трумэн сохранял надежду, что с СССР можно договориться по ряду вопросов, в частности связанных с будущим Германии. В глубине души он полагал, что отношения между противоположными социальными и политическими системами можно будет строить на том базисе, который позже получил название мирного сосуществования.

Имея в виду, что к этому времени США лишились своего преимущества единственной ядерной державы (в СССР атомное оружие было создано в 1949 году), Трумэн, как он сам вспоминал, использовал дипломатические каналы, чтобы убедить Сталина в своих мирных намерениях. Он был, пожалуй, первым государственным руководителем, который пришел к выводу, что в войне с применением атомного оружия не будет победителя⁶³³.

В том, что это так, его убеждал прославленный полководец Второй мировой войны генерал Дуайт Эйзенхауэр, который занимал высшие военные посты, а после образования НАТО стал первым главнокомандующим вооруженными силами блока. Эйзенхауэр неоднократно говорил Трумэну, что разговоры о том, что наличие атомного оружия способно предотвратить войны вообще, он считает наивной глупостью⁶³⁴. Трумэн не был согласен с генералом. Наличие атомного оружия, как в то время, когда США еще обладали его монополией, так и после появления страшного оружия у СССР, он считал мощным инструментом сдерживания, предотвращения войны.

В связи с этим президент предпринимал такие неординарные шаги, как косвенные обращения к советскому лидеру. Вряд ли соответствует истине мнение Н. В. Злобина, что Трумэн продолжал верить Сталину и считал, что только Политбюро ЦК ВКП(б) мешает ему выполнять взятые на себя обязательства⁶³⁵. Занимая президентский пост уже пятый год, Трумэн избавился от иллюзий в отношении советского вождя, если таковые у него и были раньше. Заявления, с которыми он выступал, носили сугубо политический характер и ставили своей задачей попытаться вызвать сталинское руководство на конструктивный диалог, основанный на понимании недопустимости нового мирового военного кошмара.

Явно рассчитанными на низы американской публики и в то же время наполненными некими авансами по адресу Сталина (которого он по примеру Черчилля продолжал именовать англофицированным именем Джо) были его вроде бы примитивно-наивные, а на самом деле целенаправленные слова, сказанные в глухой провинции, в штате Орегон, в июне 1948 года: «Я очень сблизился с Джо Сталиным, и мне нравится старик Джо! Это честный парень. Но Джо — пленник политбюро. Он не может поступать так, как хочет. Он заключает договоры и, если бы мог, конечно выполнял бы их. Но люди, руководящие правительством, очень часто говорят ему, что ему не следует их выполнять».

Мог ли ответственный государственный деятель серьезно произносить всю эту чушь? Авторам этой книги представляется, что здесь была всего лишь игра, расчет на то, что его слова доложат Сталину, и тот, приняв Трумэна за простачка, поддастся соблазну его лишний раз одурачить. Это, в свою очередь, могло бы привести к некому новому раунду переговоров. Именно в этом контексте можно рассматривать намерение президента послать в СССР для переговоров своего специального авторитетного представителя, каковым он считал, в частности, председателя Верховного суда Фреда Винсона. В связи с этим Трумэн вспоминал: «Если мы дадим Сталину какую-то возможность открыться кому-либо с нашей стороны, кому он мог бы полностью довериться, я полагал, мы чего-то смогли бы достичь»⁶³⁶.

На этом этапе достичь, однако, не удалось ничего. Холодная война усугублялась. На предложение правительства Трумэна объединить зоны оккупации Германии в единое государство с правом собственного выбора курса как внутренней, так и внешней политики последовал жесткий отказ Кремля. Созванное для обсуждения германского вопроса совещание министров иностранных дел окончилось провалом. 21 сентября 1949 года было провозглашено образование Федеративной Республики Германии. 7 октября в качестве ответного шага была образована Германская Демократическая Республика, во главе которой стали коммунисты.

3. Государство Израиль

В то время когда происходили все эти важнейшие события, приведшие к расколу мира на два лагеря, когда во всю силу бушевала уже холодная война, Трумэну пришлось

еще раз возвратиться к сложнейшему палестинскому вопросу, наконец заняв в нем определенную позицию.

На американского президента оказывали давление как те, кто выступал за немедленное создание еврейского государства, так и те, кто во имя экономических (связанных главным образом с арабскими энергоносителями), а также геополитических мотивов пытался отложить решение этого вопроса как можно на более долгий срок. Если учесть, что в 1948 году предстояли президентские выборы, победить на которых у Трумэна было немного шансов (об этом будет рассказано ниже), он стремился почти полностью сосредоточиться именно на избирательной кампании, не отвлекаясь на дела, хотя и важные, но в данное время представлявшиеся ему второстепенными. К ним относился и палестинский вопрос, тем более что против немедленного создания государства Израиль выступал такой влиятельный член его администрации, как госсекретарь Маршалл.

И все же скорее не логикой, а каким-то малоощутимым чувством Трумэн начал склоняться в пользу еврейского государства. Когда в марте 1948 года в Вашингтон вновь приехал лидер сионистского движения Хаим Вейцман, Трумэн после колебаний дал уговорить себя встретиться с ним, вопреки отрицательной позиции Госдепартамента, считавшего, что проблема должна решаться медленно, на основе всех международных юридических норм и только в рамках ООН.

Похоже, что госдеповцы брали пример с тех рабочих организаций, которые в качестве одной из форм давления на администрацию и хозяев избирали саботаж в форме «работы по правилам». Было хорошо известно, что в этом случае операция, которая занимала в действительности, скажем, одну минуту, продолжалась пять минут, а это срывало весь производственный процесс.

Однако к этому времени вопрос о еврейском государстве приобрел в ООН существенно новые очертания. Еще 14 мая 1947 года на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, рассматривавшей вопрос о Палестине, советский представитель А. А. Громыко решительно высказался за создание еврейского государства, сопроводив это требование очередной порцией нападок на страны Западной Европы. Он говорил: «То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских пала-

чей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления»⁶³⁷.

В следующие месяцы советские представители в ООН продолжали энергичную кампанию в пользу образования независимого еврейского государства, дополнив ее предложениями и о создании в Палестине второго, арабского государства. Тем не менее акцент постоянно делался именно на государстве, куда могли бы отправиться десятки тысяч перемещенных лиц еврейского происхождения, чтобы обрести на родине предков собственную страну. На первый взгляд это были предложения гуманитарного характера, но международным наблюдателям была ясна их подоплека — при помощи своей мощной агентуры Сталин стремился завоевать на Ближнем Востоке прочные позиции в виде государства, у населения которого были бы сильны социалистические стремления. Таковые тенденции советский вождь намеревался энергично поддерживать при помощи тщательно дозированной засылки в новое государство советских военных, разведчиков, идеологических манипуляторов и т. д.

Оставаться в этих условиях в стороне, на нейтральных позициях, означало для США потерю важнейшего ближневосточного плацдарма. Можно полагать, что эту сторону дела в Госдепартаменте учитывали далеко не полностью, иначе его поведение, скорее всего, было бы иным.

Так или иначе, но в какой-то степени позиция президента разошлась с позицией подчиненного ему внешнеполитического ведомства. Не следует преувеличивать эти противоречия. Если бы у Трумэна окончательно вызрела твердая решимость поддержать формирование еврейского государства, то госсекретарю оставалось бы либо выполнять его распоряжение, либо уходить в отставку. Но президент, приближаясь к таковой позиции, пока четких указаний не давал.

Сложилось так, что Трумэн лучше Маршалла почувствовал, куда склоняется массовое сознание американцев, поверил в данном случае такому изменчивому инструменту, как опросы общественного мнения. Он с интересом познакомился с опросом Института Гэллапа 24—29 октября 1947 года, который показал, что 65 процентов американцев благожелательно относились к разделению Палестины и считали, что допуск евреев на эту территорию должен быть

проведен немедленно, 25 процентов не придерживались определенной точки зрения, и только 10 процентов были против. Любопытен был и следующий вопрос: «Если между арабами и евреями в Палестине вспыхнет война, какой стороне вы будете симпатизировать?» 24 процента оказались на стороне евреев, 12 процентов — арабов, 38 процентов высказались за нейтральность, и 26 процентов не имели никакого мнения⁶³⁸.

Именно в таких условиях 18 марта 1948 года состоялась встреча Трумэна с Вейцманом, носившая неофициальный характер и не подлежавшая освещению в прессе. По мнению президента, встреча прошла благоприятно. Он вспоминал: «Я изложил ему основы моей политики в еврейском вопросе, то, что мы заинтересованы прежде всего в установлении справедливости без пролития крови. Когда Вейцман покидал мой кабинет, я чувствовал, что он вполне понимает мою политику, а я, в свою очередь, понимал, чего хотел он»⁶³⁹.

В другом месте воспоминаний Трумэн раскрыл главное содержание беседы: он сказал, что считает целесообразным разделение Палестины на два государства, причем желательно, чтобы они находились в экономическом союзе и совместно работали по развитию региона. Такая позиция сопровождалась комментарием: «Ничего хорошего нельзя было бы сказать о решении проблемы, если оно подразумевает гибель сотен тысяч жителей, чтобы сохранить другие сотни тысяч жизней»⁶⁴⁰.

Немаловажной была и личная взаимная симпатия, которая возникла у обоих деятелей еще во время первой встречи, а теперь явно укрепилась. Через восемь с лишним месяцев, уже после создания государства Израиль, они обменивались письмами. В своем ответе Вейцману Трумэн писал: «Я был потрясен сходным опытом, который оба мы пережили в последнее время. Обоих нас покинули так называемые эксперты в нашем вроде бы проигранном деле. Но оба мы продолжали настаивать на том, что считали правильным, и оказалось, что оба мы были правы»⁶⁴¹.

Президент, однако, просто не мог да, вероятно, и не собирался немедленно давать жесткие инструкции Маршаллу и его штату касательно курса на создание двух государств, а Госдепартамент в этих условиях продолжал прежнюю линию. Как на грех, именно на следующий день представитель США в Совете Безопасности выступил с очередной речью о целесообразности впредь до создания в Палестине

самостоятельных государств в неопределенном будущем установить там международный контроль.

Трумэну приходилось пожинать плоды собственной прежней нерешительности. По его поручению Вейцману было передано, что речь американского представителя в ООН не соответствует нынешней позиции президента⁶⁴². Вейцман ответил, что полностью доверяет президенту США: «История и Провидение... отдали решение вопроса в Ваши руки, и я убежден, что Вы решите его соответственно законам морали»⁶⁴³.

Трумэн был настолько раздражен, что записал в дневнике совершенно несправедливые слова: «Государственный департамент просто выхватил ковер из-под моих ног. Сегодня утром я узнал, что они пересмотрели политику, которой я придерживаюсь по Палестине, и об этом я узнаю только из газет! Черт возьми! Я предстаю теперь самым настоящим лгуном!» Все более распаляясь, он добавил, что третьестепенные сотрудники Госдепартамента смогли просто перерезать ему горло. «Теперь он [Вейцман] будет считать меня засранцем»⁶⁴⁴.

Трумэн просто не хотел признавать, даже перед самим собой, что в том, что он говорил Вейцману одно, а представители Госдепартамента всему миру другое, виноват был он сам: он не дал госсекретарю четких и недвусмысленных указаний.

Тем временем ситуация в Палестине все более обострялась. Командиры еврейских вооруженных отрядов объявили себя временным правительством и проинформировали, что 15 мая 1948 года, в день, когда завершался британский мандат, будет провозглашено создание независимого государства, которое, как они надеются, будет признано другими государствами и международным сообществом.

Получив сообщение об этом, Трумэн поручил советнику Клиффорду подготовить материалы, связанные с предстоящим провозглашением еврейского государства⁶⁴⁵. 12 мая Трумэн созвал срочное совещание. На нем развернулась острая дискуссия между Клиффордом и Маршаллом. Клиффорд энергично выступил за немедленное признание нового государства, не исключая даже объявления об этом до его провозглашения. Маршалл отвечал жестко, со свойственной ему генеральской самоуверенностью. Н. В. Злобин полагает, что выступление Маршалла было самым резким за всю его жизнь⁶⁴⁶. Госсекретарь даже пригрозил, что, если Трумэн примет точку зрения своего советника, он,

Приемный ребенок.

Карикатура Е. Шептарда. Журнал «Панч». 20 мая 1948 г.

генерал, на предстоящих выборах будет голосовать против его избрания. Трумэн завершил заседание, не сообщив своего решения.

Вечером 14 мая одумавшийся Маршалл позвонил президенту и сказал ему, что, по-прежнему выступая против немедленного создания еврейского государства, он публично не будет высказываться против. Этого было вполне достаточно⁶⁴⁷.

По распоряжению Трумэна именно в администрации президента, а не в Госдепартаменте начали срочно готовить документы о признании. Название «Израиль» употреблялось в еврейских палестинских документах, но уверенности в том, что именно так будет названо новое государство, все еще не было. Поэтому место в документах, где следовало указать, какое именно государство признают Соединенные Штаты, оставалось пустым или употреблялось выражение «еврейское государство».

Когда часы пробили полночь и наступило 15 мая, Палестина оказалась формально без какого бы то ни было управления, так как именно в этот момент истек срок британского мандата. Не мешкая, еврейское временное правительство объявило о создании государства Израиль. Как только сообщение об этом было получено и в документы вписано наименование государства, Трумэн подписал заявление о признании еврейского государства де-факто (признание де-юре состоялось 31 января следующего года) и только после этого распорядился проинформировать о своем акте американскую делегацию в ООН. Трумэн просто не имел юридической власти для того, чтобы сразу полностью признать новое государство — для этого требовались определенные процедуры, обусловленные законодательством, в частности решение Конгресса, которому должны были предшествовать демократические выборы в признаваемом государстве.

Среди делегатов, разделявших позицию Маршалла, возникла буря негодования. Элеонора Рузвельт объявила об уходе в отставку со своего поста в ООН, другие делегаты то ли заперлись в своих кабинетах (или квартирах), то ли покинули Нью-Йорк. Маршалл, однако, выполнил свое обязательство, оставшись на своем посту.

Трумэн был удовлетворен, узнав, что первым президентом Временного государственного совета Израиля стал знакомый ему Хаим Вейцман. 25 мая Вейцман, уже будучи президентом, перед отъездом в Израиль в третий раз

посетил Белый дом — теперь для того, чтобы поблагодарить Трумэна и вручить ему еврейскую Тору, которая одновременно является христианским Ветхим Заветом. После демократических выборов в начале 1949 года Хаим Вейцман стал первым постоянным президентом государства Израиль⁶⁴⁸.

Правда, на этот раз СССР «обошел» Америку, сразу же объявив о признании Израйля де-юре. Но американское признание оказало влияние на большинство стран мира, которые, в свою очередь, более или менее быстро объявили о фактическом или сразу юридическом признании.

Государственные признания не предохранили Палестину от первого вооруженного столкновения, которое положило начало арабо-израильским войнам и вооруженным конфликтам, тянувшимся по наши дни уже на протяжении почти семидесяти лет.

Трумэн не только считал в следующие годы правильным и необходимым свое решение о признании Израйля, что привело в дальнейшем к установлению союзнических отношений между обеими странами — огромной и крошечной, но являющейся бастионом западной цивилизации на Ближнем Востоке. Полностью взяв в свои руки решение вопроса, он недвусмысленно подтвердил аксиому, которую начал проводить в жизнь еще Рузвельт, — внешняя политика определяется на основе законодательства Белым домом, а Государственный департамент существует для того, чтобы реализовывать в соответствующих формах президентские решения. Этого принципа придерживались все следующие американские президенты.

Со времени создания независимого еврейского государства его государственные и общественные деятели неизменно связывали имя Трумэна с воплощением чаяний своего народа. Главный раввин Израйля Ицхак Айзек Герцог, нанесший в начале 1949 года визит президенту США, заявил: «Бог поместил вас в утробу матери, чтобы сделать орудием возрождения Израйля после двух тысяч лет». Когда раввин произнес эти слова, присутствующие заметили слезы на глазах Трумэна⁶⁴⁹.

Конечно, Трумэн не был «отцом» государства Израиль, как некоторые публицисты его именуют. Государство сложилось в силу комплекса исторических причин и усилий многих деятелей. Но тот факт, что Трумэн сыграл немалую роль в его становлении и международном признании, безусловен.

Глава шестнадцатая

ВЫБОРЫ 1948 ГОДА

1. Нелегкое решение

Все рассмотренные явления, определившие послевоенное развитие мира, происходили одновременно с важными событиями, относившимися в равной мере к внутренней и международной жизни США. Речь идет об избирательной кампании 1948 года, во время которой Трумэн единственный раз выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

Трумэн колебался, прежде чем согласиться на свое выдвижение на высший государственный пост. На протяжении первых лет своего президентства он, отчетливо понимая, что стал главой исполнительной власти случайно, не предполагал избираться. Еще в июле 1945 года, по дороге на Потсдамскую конференцию, он заявил Дуайту Эйзенхауэру, встречавшему его в Германии, что готов оказать ему поддержку на президентских выборах 1948 года, если он объявит о своей принадлежности к Демократической партии. Тогда Эйзенхауэр решительно отклонил предложение по разным причинам, в частности потому, что тяготел к Республиканской партии. Он заявил: «Мистер президент, я не знаю, кто будет вашим соперником в борьбе за президентство, но только не я». Так, краткой фразой Эйзенхауэр определил, что от демократов на президентских выборах будет выступать скорее всего Трумэн, что сам он склоняется к республиканцам, но в выборах участвовать не намерен⁶⁵⁰.

Когда во второй половине 1947 года фактически началась предвыборная кампания, представители обеих партий в поисках наиболее проходного кандидата вновь обращались к Эйзенхауэру, известность которого в США и мировая слава превышали авторитет Трумэна. Но и на этот раз генерал от выдвижения отказался. Надо при этом сказать, что без должных к тому оснований ставя равенство между понятиями «средний американец» и «посредственность», генерал, исправно выполняя его распоряжения, смотрел на президента сверху вниз. Как-то он записал в своем дневнике: «Бедный [Трумэн] — в общем неплохой человек, который, как оказалось во время шторма, не умеет плавать... Если бы только его мудрость соответствовала его добрым намерениям»⁶⁵¹.

Оценка Эйзенхауэра в значительной степени отражала позицию конгрессменов, местных политиков, прессы и,

следовательно, широкой массы избирателей. Мероприятия Трумэна, в частности в области внешней политики, в основном поддерживали, но их рассматривали не как результат личной деятельности президента, а в качестве плода коллективных усилий министров, советников, опытных сенаторов и т. д.

Когда Республиканская партия выдвинула на президентский пост губернатора штата Нью-Йорк Томаса Дьюи, который в 1944 году проиграл Рузвельту, но с минимальным отрывом, опросы общественного мнения пророчили теперь Дьюи решительную победу. Его шансы считались особенно прочными в связи с тем, что на пост кандидата в вице-президенты он избрал популярного губернатора штата Калифорния Эрла Уоррена.

В качестве политика Дьюи снискал себе популярность прежде всего тем, что на посту губернатора объявил неприимую войну гангстерству, добился ареста и осуждения нескольких главарей крупных бандитских шайк, которые чувствовали себя хозяевами крупнейшего города.

В своей партии Трумэн также сталкивался с серьезной оппозицией. Демократические лидеры из южных штатов бурно, подчас истерически, осуждали как его внутривнутриполитический курс, в частности осторожные выступления за гражданские права негров (об этом мы расскажем ниже), так и особенно внешнюю политику, отказ от изоляционистских традиций, поддержку европейских стран. Западная Европа паразитирует на Соединенных Штатах, и главным виновником этого является Трумэн, полагали многие демократы на Юге, и не только в этом регионе. Свое мнение они высказывали публично, обычно с чувством раздражения по отношению к главе исполнительной власти.

Трумэну поступали сведения, что группа губернаторов из южных штатов, собравшись на неофициальное совещание, вела разговоры о выходе из Демократической партии, образовании новой партии и даже о возможном присоединении к республиканцам. В феврале 1948 года пять губернаторов, возглавляемых Стромом Термондом из Южной Каролины, предупредили председателя Национального комитета Демократической партии Говарда Макграса, поддерживавшего Трумэна: «Юг больше не лежит у вас в кармане»⁶⁵².

В этих условиях в преддверии съезда Демократической партии, которому предстояло определить кандидата в президенты, авторитетные демократы вновь начали поиски

более проходной кандидатуры и в очередной раз стали уговаривать Эйзенхауэра присоединиться к демократам, чтобы стать их ставленником. За кандидатуру генерала высказался сын Франклина Рузвельта Джеймс, который пользовался в партии авторитетом, скорее в качестве наследника громкого имени, нежели за свою деятельность. Правда, преимущество Джеймса, проживавшего в Калифорнии и считавшегося лидером местной организации Демократической партии, состояло в том, что он должен был представлять этот один из крупнейших штатов на предстоявшем партийном съезде.

Трумэну пришлось объясняться как с генералом, так и с сыном Рузвельта. Эйзенхауэр ответил президенту, что он «в данное время не связывает себя ни с одной политической партией и не принимает никаких предложений относительно занятия общественных должностей»⁶⁵³. Трумэн в общем удовлетворил этот ответ, хотя несколько насторожило выражение «в данное время». Его можно было трактовать и как отказ от выдвижения кандидатуры на данных выборах, и как возможность в любой момент изменить решение. Президент трактовал этот вопрос в первом смысле и оказался прав: Эйзенхауэр решительно отказался выдвигать свою кандидатуру в 1948 году.

Между президентом и генералом сохранились деловые отношения, хотя оба они недолюбливали друг друга, что не раз проявлялось в неофициальных оценках тогда и в воспоминаниях обоих деятелей позже.

Что же касается объяснений с Джеймсом Рузвельтом, то приходится довольствоваться только впечатлениями самого Трумэна, ибо его визави воспоминаний не оставил. В общем-то между обоими деятелями были неплохие отношения, они обменивались благожелательными письмами⁶⁵⁴.

Но в преддверии национального съезда демократов Джеймс Рузвельт, присоединившийся к организации «Американцы за демократическое действие», счел, что именно Трумэн завел США на тропу холодной войны, и предпринял усилия, чтобы не допустить его выдвижения. Он даже, затратив немалые личные средства, разослал всем 1592 делегатам съезда телеграммы, предлагая приехать в Филадельфию, где должен был проходить съезд, на два дня раньше, чтобы наметить «самого способного и самого сильного человека» на президентский пост⁶⁵⁵.

Трумэн так рассказывал о своей встрече с Джеймсом, внезапно занявшим враждебную ему позицию: «Я повел

его в заднюю комнату и сказал, что он заслужил, чтобы его стукнули по голове, потому что его отец не стал бы президентом без поддержки тех людей, которых он пытается теперь оклеветать. Он выскочил, чтобы не получить по голове»⁶⁵⁶.

Из этого высказывания видно, что и через 11 лет после события Трумэн оставался настолько раздраженным по отношению к старшему сыну покойного президента Рузвельта, что рассказал совершенную небылицу. Ведь подобное явно не могло произойти. Иначе все это стало бы тотчас достоянием прессы. Но так или иначе, между Трумэном и Джеймсом Рузвельтом безусловно состоялся не очень приятный разговор, после которого Джеймс отошел в тень, и это несколько увеличило шансы действующего президента.

Национальный съезд Демократической партии открылся на городском стадионе Филадельфии 12 июля. Настроение делегатов было почти отчаянным. Рейтинг Трумэна не превышал, по разным опросам, 20—30 процентов. Делегатам приходилось учитывать, что бывший вице-президент и министр Генри Уоллес основал новую — прогрессивную — партию, от имени которой стал кандидатом в президенты. Шансов у Уоллеса не было никаких, но он мог привлечь на свою сторону часть левонастроенных демократов восточных и среднезападных штатов, что еще более усилило бы возможность избрания Дьюи, который был выдвинут на съезде республиканцев в той же Филадельфии неделей ранее. Накануне съезда демократов, 10 июля, группа его участников в очередной раз обратилась с предложением баллотироваться к Эйзенхауэру и в очередной раз получила отказ.

Первым на высший пост был выдвинут судья Верховного суда Уильям Дуглас. Однако консервативные представители южных штатов считали, что Дуглас занимает слишком расплывчатые позиции, склоняется к левым демократам северо-востока. Они с облегчением вздохнули, когда Дуглас сам снял свою кандидатуру.

Тем временем агентура Трумэна развернула среди делегатов интенсивную работу, в результате которой большая их часть стала склоняться к его выдвижению как к «наименьшему злу», хотя и была почти полностью убеждена, что он проиграет выборы. На съезде ходили разговоры, что единственным человеком, который верил в победу Трумэна на выборах, был сам Трумэн. Корреспондент агентства «Ассошиэтед Пресс» еще перед съездом злобно комментиро-

вал, что «демократы выглядят так, как будто они приняли приглашение на похороны»⁶⁵⁷.

Однако ближайшие сторонники Трумэна сохраняли оптимизм. Основным их аргументом было то, что их кандидат обладает большой выносливостью и трудолюбием: накануне съезда он две недели провел в поездках по стране, побывал во многих городах, начиная с Чикаго и кончая Сиэтлом и Лос-Анджелесом.

Сам же кандидат был убежден или скорее уговаривал себя, что он убежден, в собственной победе.

Трумэн был выдвинут кандидатом в президенты небольшим большинством голосов делегатов съезда 15 июля.

Делегаты были удивлены и еще раз почувствовали разочарование в намеченном кандидате, когда Трумэн объявил, что он берет в качестве своего «спутника» (*running mate* — «спутник по гонке», как говорят американцы), то есть кандидата в вице-президенты, семидесятилетнего Олбена Баркли, своего бывшего коллегу по сенату (он был членом палаты представителей еще с 1912 года, а сенатором — с 1937-го), который, как считали некоторые, только своим возрастом еще более ухудшит положение Трумэна. Последний, однако, знал, что делал: Баркли был, в отличие от самого кандидата, превосходным оратором, обладал чувством юмора, иногда примитивным, но тем более нравящимся массовой аудитории. Его выступление на съезде было ярким и энергичным и в какой-то мере способствовало повышению авторитета Трумэна⁶⁵⁸.

Выдвижение Трумэна, однако, привело к расколу в партии. Делегат от Алабамы Хэнди Эллис заявил, что его штат «никогда не будет голосовать за Гарри Трумэна и никогда не будет голосовать ни за какого кандидата, который выскажется за гражданские права». В результате примерно половина делегации Алабамы и вся делегация штата Миссисипи покинули съезд и собрались в городе Бирмингеме (Алабама), где выдвинули кандидатом в президенты губернатора штата Южная Каролина Строма Термонда. Новая партия получила название «Демократы за права штатов», но в обыденной речи ее стали называть партией диксикратов.

Речь Трумэна с благодарностью за выдвижение была одним из немногих его выступлений, которое он не читал по бумаге — он почти свободно, подчас, правда, запинаясь, говорил, используя только краткие тезисы. Он буквально потряс аудиторию, заявив: «Мы — сенатор Баркли и я — выиграем эти выборы, нравится это республиканцам или

нет, и пусть они этого не забывают». Он со снисходительным презрением высказался о платформе соперничавшей партии, подчеркнув, что в Конгрессе представители этой партии бездельничают, тогда как демократы работают. Это, кажется, была единственная речь Трумэна (кроме его ежегодных посланий «О положении в стране»), после которой аудитория встала и проводила его овацией⁶⁵⁹.

Торжество выдвижения, оказавшееся не из легких, было слегка омрачено происшедшим вслед за этим инцидентом. Когда участники съезда с Трумэном во главе появились в центре Филадельфии, чтобы проинформировать о происшедшем страну, сестра одного из сенаторов Эмма Миллер выпустила в воздух стайку голубей, спрятанных прямо в знаменитом Колоколе свободы, установленном в городе в честь принятия в нем Декларации независимости США 1776 года. Один из напуганных голубей сел прямо на голову Сэма Рэйберна, спикера палаты представителей, как раз в тот момент, когда он стал представлять Трумэна и Баркли. Другой голубь ударился о балкон и упал на землю без движения.

Кто-то из репортеров, недружелюбных к демократам, вслед за этим уподобил Трумэна мертвому голубю, считая обреченной его якобы имевшую место политику умиротворения Сталина, и это сравнение обошло чуть ли не всю прессу⁶⁶⁰. Так что избирательная кампания начиналась не в благоприятном моральном климате.

2. Остановки «по свистку»

Республиканцы были настолько уверены в своей победе, что вели избирательную кампанию несколько снисходительно по отношению к демократам, хотя и отдавая должное их президенту, но которого, несколько поторопившись, нередко называли бывшим президентом. Они были убеждены, что все преимущества на стороне их кандидата Т. Дьюи хотя бы потому, что он был младше Трумэна на 18 лет. Снисходительностью и вялостью республиканцев воспользовался Трумэн, который сразу же после съезда развернул невиданную до того времени по своей интенсивности президентскую гонку.

Был введен в действие специальный предвыборный поезд, который называли «Фердинанд Магеллан». Поезд был оборудован всеми возможными удобствами — там были

не только спальни с ванными комнатами, но также столовая, гостиная, рабочий кабинет, небольшой зал для пресс-конференций.

В следующие три с половиной месяца неутомимый Трумэн объездил всю страну. Он предпринял две длительные поездки (20 июля — 25 августа и 6 сентября — 30 октября) и несколько краткосрочных. Его поезд останавливался на самых маленьких станциях, вроде бы по требованию собравшейся толпы, но на самом деле остановки были спланированы и организованы на местах приверженцами президента и его командой, следовавшей вместе с ним. Появились так называемые «остановки по свистку» (*whistle-stop*).

Хвостовая часть последнего вагона была оборудована чем-то вроде ораторской трибуны, снабженной микрофонами. Во время первой поездки Трумэн выступил с шестью большими, своего рода программными речами, посвященными как внутренней, так и внешней политике. Обычно оба комплекса проблем увязывались воедино, что соответствовало американским реалиям. Необходимо было доказывать, что активная международная деятельность, помощь зарубежным странам не только не противоречат внутренним нуждам страны, повышению благосостояния американцев, но, наоборот, путем расширения международного рынка для американских товаров интенсивно способствуют разворачиванию промышленного производства, сбыту фермерской продукции, сокращению или даже преодолению безработицы.

Трумэн убеждал, что преодоление нужды, рост доходов рядовых американцев будут способствовать росту авторитета США за рубежом, все большему доверию, недопущению поворота каких-либо стран и народов к коммунизму, растущему восприятию Америки как признанного центра мировой цивилизации, главной силы, противостоящей безбожному советскому диктаторскому режиму.

Помимо официальных выступлений произносилась масса кратких «спонтанных» речей, большинство во время вроде бы «случайных» остановок с «трибуны» последнего вагона. К таким общениям с публикой Трумэн готовился не менее, чем к программным речам. В них обязательно вплетался «местный элемент», создававший впечатление, что президент знаком с конкретикой даже самого заштатного городка и намерен в случае избрания заняться именно его проблемами.

Это была, по существу, низкопробная демагогия, но она срабатывала в полной мере. Действительно, жителям южного штата Западная Вирджиния приятно было слышать из уст главы государства такие слова об одном из ведущих генералов из армии рабовладельческой Конфедерации периода Гражданской войны: «В моем сердце всегда сохранялись теплые чувства к [городу] Кларксбергу. Я изучал историю войны между штатами и помню, что Стоунуол Джексон* родился именно здесь, в Кларксберге»⁶⁶¹.

В то же время, выступая в северных штатах, Трумэн представлял себя защитником гражданских прав негров, и значительную помощь ему в этом оказывал чернокожий адвокат из Чикаго Арон Пейн, который был членом поездной команды и всячески восхвалял прогрессивизм Трумэна. «Гарри Трумэн сделал для моего народа больше, чем Франклин Рузвельт»⁶⁶², — убеждал Пейн, хотя что конкретно имелось в виду, неясно, ибо действительные первые робкие мероприятия в области гражданских прав Трумэн предпринял уже после своего избрания.

Несколько иначе обстояло дело в штатах Дальнего Запада, особенно в наиболее крупном из них — Калифорнии. Здесь Трумэн столкнулся с двумя дополнительными проблемами. Одной из них было сравнительно заметное влияние Прогрессивной партии Генри Уоллеса. Это, в свою очередь, объяснялось тем, что о поддержке этой партии, которая резко критиковала внешнюю политику Трумэна и призывала полностью признать ведущую роль СССР в Восточной Европе, высказались многие известные деятели Голливуда, в том числе драматурги и сценаристы Джон Лусон, Алберт Малц, продюсер Роберт Скотт и др.

В Прогрессивной партии сильным было влияние коммунистов. Финансовая зависимость ее избирательной кампании от компартии и, следовательно, от СССР не доказана. Но лозунги, которые выдвигали ее деятели, очень напоминали коммунистические. Сам Уоллес коммунистом не стал, но в своих заявлениях не раз одобрял деятельность компартии, не признавал ее зависимости от СССР, считал

* Томас Джонатан Джексон (известный также под прозвищем Каменная Стена, или Стоунуол) был генералом Конфедеративных Штатов Америки (рабовладельческой Конфедерации) в годы Гражданской войны 1861—1865 годов. Он считался одним из самых талантливых генералов Юга. Гибель Джексона в мае 1863 года некоторые историки считают одной из важнейших причин неудач армии конфедератов.

коммунистов американскими патриотами и даже сравнивал их с «ранними христианскими мучениками»⁶⁶³.

В прессе Прогрессивную партию часто именовали зарубежной агентурой. Трумэн решил не следовать этому штампу. Он действительно способствовал быстрому падению влияния Уоллеса, сосредоточив внимание на своем глубоком уважении к традиционной двухпартийной системе, которую надо было, по его словам, совершенствовать, но ни в коем случае не разрушать. В одной из речей он говорил: «Элементарным фактом является то, что третья партия не может добиться мира, потому что она бессильна. Она не может добиться лучших условий [жизни] на родине, потому что она бессильна. Я заявляю этим обеспокоенным либералам, которые неуверенно сидят на обочине третьей партии: хорошо подумайте, не тратьте попусту свои голоса»⁶⁶⁴.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Трумэн в Калифорнии, было отношение к нему со стороны местного партийного руководства. Признанным лидером калифорнийских демократов оставался Джеймс Рузвельт. На национальном партсъезде он в конце концов склонился к кандидатуре Трумэна, но не только не проявлял активности, но, по существу, наблюдал за кампанией со стороны. Для Трумэна было большим разочарованием, когда, появившись на огромном стадионе Гилмор в Лос-Анджелесе вместе с несколькими известными голливудскими деятелями (в их числе был, между прочим, не очень удачливый киноактер и профсоюзный босс Рональд Рейган, который в то время числился демократом), он увидел, что занята не более чем одна пятая часть мест. Гарри тут же сообщили, что на выступлении Дьюи накануне присутствовало вдвое больше людей⁶⁶⁵.

И все же наибольшее внимание уделялось не выступлениям на стадионах, площадях, в театрах с большим наплывом посетителей, а живому общению во время кратких остановок поезда.

Тем слушателям, которые склонялись на сторону демократического кандидата, нравилось, что «их Гарри» — вполне добропорядочный семьянин. Неизменно рядом с ним стояла жена, а во многих случаях и дочь, которая, как и супруга, активно участвовала в кампании. Видимо, не случайно первая глава книги Маргарет Трумэн об отце посвящена не его происхождению, ранним годам и тому подобному (это все появится далее), а именно президентской кампании 1948 года⁶⁶⁶.

Почти всегда, помимо жены и дочери, вместе с Трумэном на сцене возникал кто-то из местных политиков, преподносивших кандидату подарки — корзину кукурузы или яблок, какое-то типично местное мануфактурное изделие и т. п.

Что же касалось жены, то ее обычно кандидат в президенты представлял слушателям как «моего босса», после чего Бесс выходила на первый план и дарила толпе очаровательные улыбки. В свою очередь, улыбки вызывало сходство слов — «босс» и Бесс.

Однажды дело дошло до того, что в городе Миссула (штат Монтана) Трумэн появился на задней площадке последнего вагона в купальном халате и заявил собравшимся: «Я решил продемонстрировать вам, как выгляжу без одежды». По-видимому, такой демарш не был встречен с восторгом, ибо больше он не повторялся⁶⁶⁷.

Во время второй поездки по стране Трумэн еще более интенсифицировал свою агитацию. Он выступал в среднем по шесть раз в день, а иногда и более десятка раз. Подчас он выходил из вагона, доставляя немалую головную боль своей охране, и общался с встречавшими непосредственно, пожимая руки, раздавая автографы, поднимая на руки детишек и т. п.

Ранее Трумэн был весьма посредственным оратором, сознавал и признавал это. Именно в поездках перед выборами он научился более или менее свободно говорить перед самой разнообразной аудиторией, причем публично признавал, что для него это новое, нелегкое умение. В одной из речей, которая транслировалась по радио, он заявил: «Я должен был стать “оратором”. Как-то я слышал такое определение оратора: “Это порядочный человек, который может сформулировать свою точку зрения и заставить других поверить, что он прав”. Я хотел бы быть таковым, потому что я думаю, что я прав в подходе ко всем вопросам на девяносто процентов в течение всего времени, как я занялся этим делом», то есть политикой⁶⁶⁸.

Все это требовало огромных умственных и физических усилий. Отнюдь не молодой Трумэн (ему шел шестьдесят пятый год) выдерживал эти испытания достойно — он дремал между остановками, питался бутербродами⁶⁶⁹. Не менее трудолюбивыми были члены его поездного штаба, прежде всего пресс-секретарь Чарли Росс и политический помощник Кларк Клиффорд. Клиффорд рассказывал, что позже его мучили ночные кошмары с различными сюжетами, связанными с президентским поездом. Он просыпался в хо-

лодном поту, безуспешно пытаясь вырваться из замкнутого пространства вагона⁶⁷⁰.

Усилия Трумэна и его помощников были тем более важными, что, кроме них самих, мало кто верил в победу демократического кандидата. Когда 11 октября поезд остановился на одной из маленьких станций, кто-то из сотрудников купил в станционном киоске свежий номер журнала «Ньюсуик» («Новости недели»). Как оказалось, здесь были опубликованы результаты опроса пятидесяти американских политологов, которым был задан один и тот же вопрос: кто победит на выборах? Ответы суммировались под крупным заголовком: «Пятьдесят политических экспертов единодушно предсказывают победу Дьюи»⁶⁷¹.

Однако невиданная по своим масштабам до этого времени предвыборная кампания Трумэна стала, по всей видимости, главным инструментом того, что все прогнозы оказались опрокинутыми. За время кампании Трумэн со своей командой проехал 21 тысячу миль, то есть почти обогнул земной шар, остановившись более чем в двухстах населенных пунктах. Гарри произнес свыше трехсот речей. Однажды он поставил рекорд, выступив за день 16 раз⁶⁷². По собственным подсчетам, слушали его не менее четырех миллионов человек.

Известную роль сыграла и такая новация, как десятиминутный фильм о Трумэне, который был подготовлен во время кампании и который посмотрели около 65 миллионов человек. В фильме говорилось о крупнейших мировых событиях, в которых участвовал демократический кандидат в последние годы, о его законодательных инициативах. Зрителям внушалось, что они имеют дело с человеком ответственным, решительным и трезвомыслящим⁶⁷³.

3. Победа

Трумэн постепенно овладевал положением. Ощущалось это во все большем доверии, которое проявляли к нему рядовые избиратели, оказывавшиеся под влиянием его напора, пропагандистских новаций, которые разрабатывали советники. Особенно важно было, что, несмотря на агитацию против него со стороны диксикратов, в лучшую сторону изменялась обстановка на глубоком Юге, известном своей консервативной традицией. Трумэн почувствовал это в городе Бонхэм, штат Техас.

Сюда вместе с кандидатом приехал спикер палаты представителей Сэм Рэйберн. Принимавший гостей губернатор штата Бофорд Джестер, который незадолго перед этим заявил, что Трумэн вонзает нож в спину Юга, теперь был до предела любезен. Кандидат выступил на городской площади, а затем в здании мэрии города пожимал руки участникам собрания. В какой-то момент Рэйберн заметил, что желающих обменяться рукопожатием слишком много, и затем понял, что идет круговое движение. Люди выходили через заднюю дверь и вновь возвращались через парадный вход, чтобы еще раз пожать руку. «Закрой дверь, Бофорд!» — воскликнул Рэйберн. Но дверь не запиралась, и Трумэну пришлось выдержать еще какое-то время, надев на лицо улыбку и приветливо общаясь с каждым из местных жителей во второй, а может быть, и в третий раз⁶⁷⁴.

13 октября Трумэн передал одному из своих помощников, Джорджу Элси, листок бумаги, на котором набросал предполагаемые результаты голосования в коллегии выборщиков, то есть в том органе, который избирается голосующими в выборный день, а затем собирается на специальную сессию, чтобы избрать президента. Это — пустая формальность, ибо выборщики имеют императивный мандат, то есть должны голосовать за того кандидата, за которого подано большинство голосов в данном штате.

Над такой системой смеются высоколобые критики, упрекая американскую конституцию в том, что она не предусматривает прямых выборов. Но в то же время эти критики не учитывают, что в данном случае речь идет о той дани традиции, благодаря которой Конституция США действует уже третье столетие.

Так вот, как бы делая советника своего рода судьей в своем предсказании, Трумэн написал на листке, что за него проголосуют 340 выборщиков, 108 отдадут голоса Дьюи, 42 — Термонду (кандидату диксикратов), Уоллес не получит ни одного голоса⁶⁷⁵. Действительно, как мы увидим, Трумэн оказался близок к истине.

Теперь, когда репортеры спрашивали кандидата, полагает ли он, что сможет выиграть, почти неизменно следовал приблизительно такой ответ: «Это ваша работа. Именно для этого вы здесь. Я кандидат. Кандидат не собирается комментировать. Он настроен оптимистически»⁶⁷⁶.

Вопреки настроению своих сыновей, вдова Франклина Рузвельта Элеонора, пользовавшаяся огромным авто-

ритетом в демократической партии, высказалась в пользу Трумэна. Она пыталась убедить своих потомков изменить позицию, но ей это не удалось. В кратком шестиминутном выступлении по радио прозвучал ее призыв голосовать за Трумэна. Когда же в прессе появились сообщения, что Элеонора Рузвельт высказывается за кандидатуру Дьюи, она не только опровергла эти заявления, но написала Трумэну: «Я безусловно выступаю за вас как кандидата демократов на пост президента»⁶⁷⁷. Элеонора как бы извинялась перед Трумэном за своих непослушных сыновей, которые высказывались против него.

Избирательная кампания была завершена в родном штате Миссури, где Трумэн выступил на массовом собрании в городе Сент-Луисе. В самом вместительном зале Одиториум поздним вечером 30 октября он сначала с презрением отозвался о своем сопернике Дьюи: «Из всех фиктивных кампаний республиканских кандидатов в президенты эта просто была вершиной. Он следовал за мной по пятам по всей стране, произнося речи о своем доме, о своей матери, о единстве и эффективности. Но он ничего не говорил о проблемах [страны]».

А вслед за этими совершенно несправедливыми диатрибами, ибо Дьюи обычно произносил деловые, содержательные речи, оратор неожиданно повернул в совершенно другую сторону — заговорил вроде бы интимно со своими согражданами по штату: «Вы знаете, у меня было здесь, в этом замечательном штате Миссури, четыре кампании, и у меня никогда не было бумаги, дающей право на господство. И я каждый раз смог их прихлопнуть!»⁶⁷⁸ Трудно сказать, возымела ли эта речь какое-то воздействие на другие штаты, но в Миссури она, бесспорно, прибавила немало голосов бывшему уроженцу этого штата.

Следующие два дня Трумэн отдыхал в родном Индепенденсе. Во вторник 2 ноября вместе с женой и дочерью он в десять часов утра проголосовал за самого себя, как и за кандидатов на должности в Конгресс и местные органы власти. Когда Гарри выходил с избирательного участка, окружившие его репортеры задали ему естественный вопрос, каково его финальное предположение. Трумэн, не колеблясь, ответил: «Не может быть ничего, кроме победы!» Последовал второй вопрос: «Вы собираетесь бодрствовать, ожидая результатов?» Ответ оказался неожиданным: «Я собираюсь отправиться спать. Я не ожидаю окончательных результатов до завтрашнего дня»⁶⁷⁹.

Тем временем подавляющее большинство журналистов, в том числе самых опытных и информированных, продолжали предсказывать победу Дьюи. Дрю Пирсон, чьими репортажами упивалась вся Америка, писал в своей персональной ежедневной колонке газеты «Вашингтон пост», что «узкая группа, сплотившаяся вокруг Тома Дьюи, через 86 дней окажется в Белом доме»⁶⁸⁰. Старейшина американской журналистики Уолтер Липпман в очередной статье под рубрикой «Сегодня и завтра» пророчил, что после этих выборов Соединенные Штаты могут стать однопартийным государством⁶⁸¹. Газета «Чикаго дейли трибюн» вышла под огромной шапкой «Дьюи победил Трумэна!», причем редакторы газеты, слишком поторопившись, заранее поместили этот материал в номер от 3 ноября, когда всей стране уже было известно, что результаты выборов противоположны.

В те часы, когда разыгрывались эти подлинные страсти журналистики, Гарри Трумэн действительно спал. Можно было бы подумать, что он только притворялся спокойным и даже равнодушным, но был свидетель — охранник президента, который рискнул разбудить его в четыре часа утра, чтобы сообщить, что данные из штатов, которые непрерывно шли всю ночь, круто повернули в его пользу. Еще в полночь преимущество было на стороне Дьюи, но через четыре часа стало ясно, что безусловно выигрывает Трумэн.

Итоги выборов были объявлены утром. Для подавляющего большинства американцев, для мировой общественности они оказались неожиданными. Возможно, они были неожиданными и для самого Трумэна. Но ни единым словом, ни единым жестом на протяжении всей драматической избирательной кампании он не подал виду, что хоть на миг сомневается в своей победе.

Как только стали известны результаты, Трумэн сфотографировался, держа высоко над головой злосчастный номер «Чикаго дейли трибюн» с шапкой о победе Дьюи. Последний в десять часов утра 3 ноября направил Трумэну телеграмму с признанием своего поражения.

В итоге Трумэн получил 24,1 миллиона голосов, Дьюи — 21,9 миллиона. Разница была не очень велика. Но в специфических условиях выборов 1948 года 2,2 миллиона разницы казались цифрой огромной. Еще большим был разрыв в числе выборщиков: Трумэн получил в их коллегии 303 голоса, Дьюи — 189. В своем предположении Трумэн был более оптимистичен (340 выборщиков за него и 108 — за Дьюи), но разница была небольшой.

Радостный Трумэн заявил, что он обязан своему напарнику Баркли, который впервые во время избирательной кампании использовал авиацию для быстрого перемещения из одного города в другой. Баркли, безусловно, помог Трумэну, но основную роль в победе сыграли он сам и его команда.

Надо согласиться с тем, что ряд печатных органов, предрекавших победу Дьюи, теперь повел себя так, как свойственно игрокам, признающим свое поражение. Редакция газеты «Вашингтон пост» пригласила Трумэна на свое заседание, на котором после слов раскаяния Д. Пирсон и другие журналисты стали, давась, жевать собственные газетные материалы. Трумэн, правда, не посетил этого заседания, но он объяснил отсутствие тем, что боялся неудачи в попытке их остановить, чтобы они не проглотили газетную бумагу с печатным текстом. А все дело было в том, что на здании этой газеты несколько дней красовался огромный плакат: «Мистер президент, мы готовы съесть даже ворону, если вы нам ее приготовите!» Агентство Гэллапа принесло Трумэну официальные извинения за допущенную печальную ошибку в прогнозе.

Фактически со 2 ноября 1948 года, юридически с 20 января следующего года, после инаугурации Трумэн стал не «случайным президентом», каковым был предыдущие почти четыре года, а законно избранным главой государства.

Глава семнадцатая

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

1. Закон Тафта — Хартли

Возвратимся немного назад, к последствиям предыдущих выборов, когда избирали не президента, а лишь законодательные органы.

Результаты ноябрьских выборов 1946 года не только республиканцы, но и многие демократы рассматривали как катастрофическое поражение правительственного курса демократов и в то же время как личную катастрофу президента. Его рейтинг продолжал снижаться. В начале зимы 1946/47 года, по данным Института Гэллапа, лишь 32 процента опрошенных оказывали ему доверие. Стали даже раздаваться голоса с призывом, чтобы Трумэн ушел в отставку.

Сам президент и его окружение проявили твердость. Было подсчитано, что за всю историю страны 19 президентов оставались на своем посту в условиях, когда Конгресс находился в руках оппозиции. После выборов Трумэн выступил с несколькими заявлениями, что он будет продолжать свою службу и будет исполнять ее как можно лучше, по возможности сотрудничая с законодателями.

Еще до того как новый Конгресс собрался в начале января 1947 года, Трумэну пришлось столкнуться с серьезным кризисом в отношениях между предпринимателями и рабочими профсоюзами. Этот кризис продолжался на протяжении всей первой половины 1947 года.

Президенту приходилось считаться со значительно изменившимся после войны соотношением сил в промышленности, с ростом профсоюзного движения, особенно тех союзов, которые входили в состав КПП, образованного в конце 1930-х годов в рамках «нового курса» Рузвельта. Если в 1930 году в профсоюзах числилось 3,4 миллиона человек, то в 1945 году их участники составляли 14,8 миллиона (21,9 процента всех наемных работников)⁶⁸².

Профсоюзы США, входившие и в КПП, и особенно в АФТ, были организациями умеренными и подчас даже консервативными, ограничивали прием в свой состав женщин, негров и представителей других расовых и национальных меньшинств, сравнительно осторожно прибегали к стачкам. Политически они тяготели к Демократической партии, и в силу этого Трумэн должен был с ними считаться.

В то же время непосредственно после войны в отношениях между профсоюзами и администрациями предприятий быстро росла напряженность. Имея в виду резко возросшие прибыли крупных объединений в военных условиях, рабочие организации требовали повышения заработной платы. Неудачи в переговорах, связанных с трудовыми отношениями, вели к забастовкам, в большинстве которых союзы добивались успеха. Только в 1946 году бастовали 4,5 миллиона рабочих и служащих. Наиболее крупные выступления произошли в автомобильной, сталелитейной и угледобывающей промышленности, на железных дорогах. Многократными были случаи забастовок солидарности.

Законодатели и госадминистрация были обеспокоены нарушениями производственного процесса, трудностями в перевозке пассажиров и транспортировке грузов, неизбежным ростом цен, к которому вели стачки (только за год с середины 1946-го до середины 1947 года цены выросли на

14 процентов, что крайне тревожило население). По существу дела, инфляционные процессы сводили на нет успехи забастовщиков⁶⁸³.

В печати, по радио, в законодательных органах штатов, а затем и в Конгрессе развернулась кампания за ограничение забастовочного движения законодательным путем. Особенно энергичной стала эта кампания в связи с тем, что в результате забастовок на шахтах резко подскочили цены на топливо холодной зимой 1947/48 года. Дж. Форрестол, занимавший тогда пост министра военно-морского флота, записал в дневнике, что опасается принятия «опасного ограничительного и сверхкарательного трудового законодательства»⁶⁸⁴.

Трумэн призывал к успокоению страстей, к объективному изучению индустриальных проблем, к переговорам между союзами и предпринимателями и повышению доверия между участниками трудовых споров. В нескольких случаях он сам выступал в качестве посредника и умиротворителя. Накануне стачки путейцев он пригласил к себе руководителей двух профсоюзов железнодорожников А. Витни и А. Джонстона и заявил им: «Если вы думаете, что я собираюсь сидеть здесь и позволить вам связать всю страну, вы просто сумасшедшие».

В другом случае он пригласил для переговоров энергичного и амбициозного председателя Объединенного союза рабочих автомобильных предприятий Уолтера Рейтера, тяготившего к левым политическим силам, и председателя КПП Филиппа Меррея. Когда Рейтер по каким-то причинам на краткое время вышел из комнаты, президент конфиденциально сказал Меррею: «Филипп, этот молодой человек охотится за твоей работой». — «Нет, мистер президент, — вроде бы ответил профбосс, — на самом деле он охотится за *Вашей* работой»⁶⁸⁵.

Профлидеры оказались упорными. «Наши люди требуют этого», — заявили они. Трумэн пригрозил, что, если в течение двух суток не будет достигнуто соглашение, он объявит мобилизацию железнодорожников⁶⁸⁶. Когда же забастовка на железных дорогах действительно началась, Трумэн на заседании правительства объявил, что собирается внести на рассмотрение Конгресса «чрезвычайный драконовский закон», позволяющий ему объявлять о мобилизации забастовщиков, если их действия угрожают национальной безопасности. Он даже собирался выступить по радио в этом смысле и подготовил набросок речи. Помощь

ники президента Клиффорд и Росс пришли в ужас, когда прочитали в этом тексте угрозы, разумеется, лишь эмоциональные, «повесить предателей и сделать нашу страну безопасной для демократии». Клиффорд счел этот документ наиболее безрассудным из когда-либо написанных президентом⁶⁸⁷. С большим трудом помощникам удалось успокоить Трумэна и отговорить его от выступления по радио.

Однако, когда в Конгрессе действительно началось обсуждение по поводу внесения изменений в трудовое законодательство, президент остался в стороне, и это многие наблюдатели считали его серьезной ошибкой.

С инициативой выступили председатель сенатского Комитета по труду и общественному благосостоянию Роберт Тафт и председатель Комитета по труду и образованию палаты представителей Фред Хартли. Вначале нижняя палата в апреле 1947 года утвердила проект, внесенный Хартли, который приравнивал профсоюзы к монопольным объединениям и ставил их под удар антитрестового законодательства, а также фактически сводил на нет возможности коллективных переговоров профсоюзов с администрацией. В сенате выступили против столь крайних мер, которые могли усилить социальную напряженность. Тафт предложил более мягкий проект.

В июне состоялись заседания согласительной комиссии палат, на которых был выработан компромиссный вариант, получивший название билля Тафта — Хартли. Проект, однако, не воспринят профсоюзами как антирабочий. Он действительно значительно сокращал права профсоюзов, провозглашенные законом Вагнера 1935 года, являвшимся фактически законом Рузвельта.

Новый билль ликвидировал практику «закрытого цеха», то есть найма и увольнения рабочей силы только через профсоюзы — теперь для поступления на работу не требовалась профсоюзная рекомендация, точно так же как для увольнения работника не нужно было согласие союза. Предполагалось, что союзы, как и наниматели, отныне должны будут нести ответственность за нарушение трудовых соглашений, должны будут представлять ежегодные финансовые доклады как своим членам, так и Министерству труда. Объединения наемных рабочих и служащих не получали права участвовать в политических кампаниях. В частности, профсоюзам запрещалось делать взносы в избирательные фонды лиц, добивающихся избрания на федеральные должности. Руководители союзов должны

были приносить клятву, что они не являются коммунистами, а сами союзы не должны были поддерживать связь с организациями, «стремящимися свергнуть правительство Соединенных Штатов силой или другими нелегальными или антиконституционными методами» (напомним, что нарушение официальной клятвы в США рассматривается как тяжкое уголовное преступление). Иначе говоря, акт содержал явные антикоммунистические элементы.

Важной составной частью проекта было ограничение стачечного движения. Вводился шестидесятидневный «охладительный период» перед забастовками, в течение которого должны были проводиться консультации сторон, чтобы попытаться избежать прекращения работы. Запрещались вторичные забастовки (направленные против предпринимателей, которые не являлись непосредственными нанимателями бастующих), стачки солидарности, стачки на предприятиях, связанных с обеспечением национальной безопасности (таковые в каждом отдельном случае должен был определять президент). Незаконным объявлялось пикетирование предприятий, чтобы не допустить штрейкбрехерства.

Предусматривалось создание Федеральной службы посредничества и примирения, которая должна была разрешать споры между предпринимателями и рабочими путем переговоров их представителей. Но главная роль в деле проведения в жизнь положений закона отводилась уже существовавшему Национальному управлению по трудовым отношениям, а также судам, которым принадлежало право вынесения запретительных приказов в отношении незаконных забастовок, рассмотрения гражданских исков и уголовных дел, касающихся ложных показаний о непринадлежности к коммунистической партии, политической деятельности профсоюзов и т. п.⁶⁸⁸

В начале июня 1947 года обе палаты одобрили билль Тафта — Хартли. Теперь президент должен был либо его подписать, превратив в закон, либо наложить вето, которое потребовало бы нового голосования и могло быть преодолено только в том случае, если за утверждение проголосует свыше двух третей состава каждой палаты. Трумэн колебался и, видимо, сожалел, что не вмешался в дело на более ранней стадии. Теперь вокруг акта кипели страсти. Либеральные политики и все профобъединения выражали негодование, порой даже именуя акт «законом о рабском труде», «фашистским» законом (напомним, что слово «фашизм» из

научно-политического определения все более превращалось как в США, так и в других странах в оскорбительное политическое ругательство). В то же время консерваторы и представители бизнеса, горячо поддерживая билль Тафта — Хартли, сожалели, что не прошел более радикальный проект, первоначально внесенный Хартли.

Ближайшие советники рекомендовали Трумэну наложить вето, тогда как большинство членов правительства советовали поставить подпись, аргументируя прежде всего тем, что соотношение сил в Конгрессе неизбежно приведет к преодолению вето.

После колебаний Трумэн решил все же наложить вето и использовать этот факт на будущих президентских выборах, чтобы обеспечить себе поддержку профсоюзов и либеральных политиков. 20 июня он обратился к Конгрессу с довольно острым посланием, в котором указывал, что президент разочарован принятым актом, который считал раскольническим и дискриминационным, более того, «определенной угрозой для успешного функционирования нашего демократического общества»⁶⁸⁹. Не ограничившись этим, Трумэн в тот же вечер выступил по радио, подробно проинформировав страну о причинах принятого им решения. Можно полагать, что фактически это безнадёжное вето было одним из первых свидетельств намерения Трумэна уступить в президентских выборах следующего года.

Как и следовало ожидать, Конгресс преодолел вето. 23 июня проект Тафта — Хартли стал законом под длинным именованием, занимавшим несколько строк, которое никто никогда не был в состоянии запомнить. Так и вошло в историю это драматическое решение под названием закона Тафта — Хартли⁶⁹⁰.

Можно полагать, что в действиях Трумэна в данном случае были как позитивные, так и отрицательные стороны. Своим вето он, безусловно, обеспечил себе значительную поддержку либеральной части общества. Но в то же время он явно ожесточил консерваторов. Так что определить в данном случае равнодействующую применительно к будущим выборам просто невозможно.

Любопытно, что, резко осудив закон Тафта — Хартли, Трумэн в следующие годы несколько раз использовал его для регулирования активности профсоюзов, для того, чтобы поддерживать разумный уровень мира в промышленности. Автор работы о президентстве Трумэна Д. Маккой с большим основанием считает закон Тафта — Хартли наи-

более важным актом внутреннего законодательства за все время правления Трумэна⁶⁹¹.

Уже весной 1948 года президенту пришлось в первый раз воспользоваться законом Тафта — Хартли, когда в апреле того года началась новая забастовка шахтеров, объявленная стоявшим на левых позициях и весьма активным в то время Объединенным союзом горняков. Союз требовал значительного повышения пенсий по старости, предусматриваемого коллективным договором с шахтовладельцами.

3 апреля, через две с половиной недели после начала выступления, Трумэн потребовал от министра юстиции решения о прекращении забастовки на том основании, что перед ней не было «охлаждающего периода». Профсоюз проигнорировал изданное распоряжение. Тогда его председатель Джон Льюис был привлечен к судебной ответственности за неуважение к закону. Вслед за этим шахтеры возвратились на работу, обвинения с Льюиса были сняты и открыты переговоры о решении спорной проблемы на основе существовавшего законодательства. 9 сентября 1948 года после достигнутой договоренности была начата выплата повышенных пособий по старости. Осуществлено это было без стачечного конфликта, что продемонстрировало позитивные возможности нового законодательства⁶⁹².

В следующие годы Трумэн еще несколько раз использовал закон Тафта — Хартли для урегулирования мирным путем трудовых конфликтов. Постепенно острота классовых столкновений в промышленности начала спадать. В условиях «открытого цеха» и свободного замещения стачечников теми, кого профсоюзы именовали штрейкбрехерами, само влияние рабочих объединений начало уменьшаться. На протяжении следующих десятилетий они отошли на второй план в американской социальной жизни.

2. На пути к «справедливому курсу»

Вначале выступив против закона Тафта — Хартли, а затем сравнительно эффективно использовав его для решения трудовых конфликтов, Трумэн на практике почувствовал, какими возможностями он обладает в продвижении своей страны по пути мирной социальной и политической демократической эволюции. Показательным в этом отношении было его ежегодное послание «О положении в стране», с которым он выступил перед Конгрессом 7 января

1948 года. Президент призвал законодателей объединиться с ним в концентрации сил «не на партиях, а на стране: не на вещах, которые нас разделяют, а на том, что связывает нас воедино». Президент пока в самой общей форме выдвинул проект расширения гражданских прав, разработки программ в области здравоохранения, образования, социального обеспечения, жилищного строительства. Обратив внимание на необходимость контролировать инфляцию (этот мотив начал звучать почти во всех его выступлениях), Трумэн говорил о крайней желательности укрепления национальной экономической системы путем развития и защиты сельского хозяйства, бизнеса, рабочей силы.

Естественно, на все это требовались огромные государственные средства, которые президент рассчитывал получить за счет высоких налогов, в частности на крупный капитал. По этому вопросу, однако, он столкнулся с серьезной оппозицией Конгресса. Вместо увеличения государственных расходов конгрессмены сократили на пять миллиардов долларов налоги на недвижимую собственность и дорогие подарки. Трумэн отозвался на решение законодателей заявлением 2 апреля 1948 года, в котором назвал его «безрассудным пренебрежением по отношению к здоровью нашей экономики и финансам нашего правительства». На финансовый закон Трумэн наложил вето, которое было преодолено республиканским Конгрессом⁶⁹³.

В большинстве случаев законодательные инициативы президента, направленные на расширение вмешательства государства в жизненные проблемы населения, не встречали поддержки до выборов 1948 года, то есть тогда, когда Конгресс находился в руках республиканцев. Еще в мае 1947 года Трумэн выступил с планом совершенствования системы здравоохранения. План включал меры по значительному увеличению государственных субсидий на охрану материнства и детства, на проведение исследований в медицинской области, улучшение страхования по болезни, в частности путем возмещения потерь в доходах, когда это было связано с болезнью.

Против плана сразу же энергично выступила Американская медицинская ассоциация (АМА), которая усмотрела в нем не только ущемление доходов врачей и другого медицинского персонала, но и «социализацию медицины» и даже такую нелепость, как «следование московской партийной линии». Ассоциацию поддерживали страховые и фармацевтические компании.

Вынужденный снять с рассмотрения на Капитолийском холме представленный план, Трумэн со своими советниками организовал в первой половине 1948 года всестороннее исследование проблем здравоохранения, результаты которого были опубликованы под названием «Здоровье нации — десятилетний план»⁶⁹⁴. Не случайно это издание появилось в сентябре, то есть тогда, когда избирательная кампания вступила в решающую стадию. После избрания президентом Трумэн включил свои предложения в медицинской области в значительно расширенную программу «справедливого курса».

Неблагожелательно встретили законодатели и меры президента в образовательной области. Созданная распоряжением Трумэна комиссия по высшему образованию (она была сформирована Трумэном в июле 1946 года из числа видных специалистов в области педагогики и ученых) в декабре 1947 года представила свои первые рекомендации в области образования в целом — от начального до университетского. На основании доклада комиссии в Конгресс были внесены несколько президентских предложений по выделению государственных субсидий на образовательные учреждения, на стипендии различного типа, на создание колледжей нескольких уровней — от дающих рабочую профессию до готовящих исследователей в различных областях теоретического и прикладного знания. «Тщательно разработанная программа высшего образования, вместе с программой поддержки элементарного и последующего образования безусловно укрепит нашу нацию и обогатит жизнь наших граждан»⁶⁹⁵, — заявил Трумэн, принимая членов комиссии 15 декабря.

Однако и по поводу образовательных мер развернулась критическая кампания, правда, не столь интенсивная, как в области медицины, но все же достаточно раздраженная. При этом любопытно, что противники реформы образования решительно противоречили друг другу. Одни утверждали, что трумэновские меры будут благоприятны частным школам, другие — что они облагодетельствуют публичные заведения; некоторые полагали, что реформы усилят секулярность в образовании, другие, наоборот, находили какие-то пункты, которые должны были благоприятствовать религиозной школе. В любом случае и конгрессмены, и значительная часть прессы крайне опасались государственного вмешательства в образовательную систему. В результате на этом этапе предложения президента в области просвещения реализованы не были.

Несколько бóльшие результаты были достигнуты в области жилищного строительства. В марте 1948 года по предложению Трумэна законодатели продлили ранее установленный контроль над уровнем квартирной платы на следующий год и утвердили его предложения по предотвращению незаконного выселения американцев из их домов и квартир. Подписывая соответствующий закон 30 марта, Трумэн заявил, что, если Конгресс будет способствовать строительству сотен тысяч недорогих жилых помещений, сама необходимость контроля над квартирной платой упадет. Он напомнил: «Больше месяца назад я направил в Конгресс специальное послание, содержащее серию конкретных рекомендаций по такой программе. Я надеюсь, что Конгресс скоро примет всестороннее законодательство в области жилья на основе сделанных мною рекомендаций»⁶⁹⁶.

Но это обращение не получило отклика законодателей. Как бы в противовес предложениям Трумэна Конгресс летом 1948 года принял закон о жилье, поощрявший частное строительство. Имея в виду, что в законе содержались некоторые позитивные, с его точки зрения, положения, ведущие к небольшому удешевлению домов и квартир, Трумэн подписал закон 10 августа, но при подписании произнес почти разоблачительную речь в адрес большинства законодателей. Он заявил: «Новый закон ничего не предусматривает в пользу низкооплачиваемого общественного жилья. Он не намечает никаких мер для ликвидации трущоб и развития городов... Короче говоря, Конгресс, принимая этот закон, сознательно пренебрег теми крупными группами нашего народа, которые более всего нуждаются в достойном жилье, — людей, вынужденных жить в отвратительных городских и сельских трущобах»⁶⁹⁷.

Почти так же, как проблемы здравоохранения и образования, обеспечение жильем граждан с низкими доходами осталось в наследие следующим президентам, в частности Линдону Джонсону.

Еще более сложным для послевоенных Соединенных Штатов был комплекс, связанный с гражданскими правами, прежде всего правами негров и других расовых и национальных меньшинств. Трумэн неоднократно подчеркивал, что он не верит в возможность социального равенства, ибо люди обладают различными исходными данными (наследством, природными способностями, желанием учиться и продвигаться вперед), но убежден в необходимости пра-

вового равенства, к которому, однако, следует продвигаться медленно и постепенно.

Президент должен был считаться с тем, что в годы мировой войны и непосредственно после нее расовые столкновения между белыми и черными усилились в результате расширившегося рынка труда и последовавшей за этим конкуренции в предложении рабочих рук. После войны умножились случаи линчевания негров, обычно как раз в связи с трудовыми конфликтами. Насильственные действия отмечались и по отношению к другим меньшинствам — индейцам, американцам японского и мексиканского происхождения.

Президенту непрерывным потоком шли обращения с призывами и требованиями принять государственные меры во имя расового и национального равенства. Вначале он действовал очень осторожно, главным образом в рамках Комитета по справедливой практике найма, который был образован еще Рузвельтом в 1941 году. Вмешательство комитета с подачи Трумэна позволяло ликвидировать некоторые случаи дискриминации, правда только в отдельных, особенно вопиющих инцидентах. Иначе говоря, президент действовал точечно. Он образовал комиссию по жалобам индейцев, которая в ряде случаев удовлетворила их финансовые требования.

В июле 1946 года был совершен беспрецедентный акт — Трумэн назначил черных в органы управления Виргинскими островами, а губернатором Пуэрто-Рико — коренного жителя этого острова⁶⁹⁸ (как часть Виргинских островов, так и Пуэрто-Рико входили в состав США, хотя являлись не штатами, а «территориями»). Кроме того, в Белом доме была создана должность помощника по делам меньшинств, которую занял Дэвид Найлз, работавший ранее административным помощником президента.

Но возможности действовать через Комитет по справедливой практике найма Трумэн был лишен в связи с тем, что срок деятельности этого органа истекал в 1946 году, а Конгресс отказался продлить его работу или, тем более, сделать его постоянным⁶⁹⁹.

В ответ 5 декабря 1946 года появилось исполнительное распоряжение президента о создании Временного комитета по гражданским правам. Комитет получил инструкцию расследовать состояние прав граждан по всей стране, вносить предложения по их защите и укреплению. Попутно Трумэн выступил с широковещательным, по существу дела,

торжественным заявлением: «Сегодня свобода от страха и демократические институты, которые ее обеспечивают, вновь находятся под ударом... Сохранение гражданских свобод является долгом правительств, федеральных и местных... Конституционные гарантии индивидуальных свобод и равной защиты перед законом решительно возлагают на федеральное правительство долг действовать в тех случаях, когда власти штатов и на местах отказываются защищать эти конституционные права».

В октябре 1947 года комитет представил президенту обширный доклад с предложениями создать целый ряд постоянных органов, в частности президентскую комиссию по гражданским правам и аналогичный отдел в Министерстве юстиции. В задачу этих органов в первую очередь входило обеспечение федеральной защиты против линчевания негров и контроль за отменой оплаты за право голосования, которая существовала в ряде штатов⁷⁰⁰. Трумэн высоко оценил представленный ему документ, назвав его «хартией прав человека для нашего времени»⁷⁰¹.

На основании рекомендаций 26 июля 1948 года Трумэн подписал два важных исполнительных распоряжения о десеграции федеральных учреждений и вооруженных сил. Одновременно президент направил в Конгресс послание с просьбой рассмотреть доклад Комитета по гражданским правам и разработать на его основе соответствующее законодательство. В Конгрессе эта инициатива была почти полностью проигнорирована. Дело ограничилось несколькими филибастерами, с которыми выступили наиболее консервативные республиканцы⁷⁰².

Лидеры негритянских организаций требовали от президента, чтобы он предпринял более значительные акции. Один из них, Филип Рэндольф, выступил с заявлением, что он призвет черных юношей отказываться служить в вооруженных силах, если расизм в них не будет запрещен законодательно. Трумэн продолжал придерживаться антирасистских взглядов. 12 марта 1948 года он заявил на совместном заседании правительства и Национального комитета Демократической партии: «Я продолжаю оставаться на той позиции, которой я придерживался. Я не собираюсь делать в ней никаких изменений»⁷⁰³.

Хотя законодательно инициативы Трумэна не были подкреплены, его исполнительные распоряжения действовали более или менее эффективно. Созданные на их основе Совет по справедливому найму и Комитет по равному от-

ношению и возможностям в вооруженных силах прилагали усилия по выполнению поставленных перед ними задач.

Организации черных американцев признавали, что, несмотря на ограниченность и неполноту принятых Трумэном мер, они способствовали расовой интеграции в войсках и продвижению негров по крайней мере на низшие командные должности, появлению черных в административных учреждениях Вашингтона. Негритянская газета декларировала, что распоряжения Трумэна были «беспрецедентными со времени Линкольна», что «нельзя позволить, чтобы мистера Трумэна распяли на кресте расового фанатизма»⁷⁰⁴.

3. Либеральные инициативы

Победа на выборах 1948 года далась Трумэну и его штабу нелегко. Он и его сотрудники были совершенно измотаны. Новый-старый президент решил устроить коллективный двухнедельный отдых для себя и ближайших сотрудников и провести его на самом южном острове флоридской гряды Ки-Вест. Одновременно Трумэн распорядился предоставить почти всем вашингтонским государственным чиновникам отпуск с 7 по 21 ноября, оставив в офисах только дежурных сотрудников. К. Клиффорд писал по этому поводу: «Я не знаю, как правительству удавалось работать в это время»⁷⁰⁵. К счастью, никаких кризисных ситуаций в эти недели не возникло, Конгресс находился на каникулах. Так что текущие дела вполне удовлетворительно решались дежурными рядовыми сотрудниками.

Возвратившись с новыми силами из отпуска, Трумэн на протяжении последних недель 1948-го и начала следующего года занялся тем, что Франк Пэйс, являвшийся в это время директором Бюджетного бюро, назвал «институционализацией президентства»⁷⁰⁶. Имелось в виду расширение полномочий той ветви исполнительных органов, которые создавались непосредственно при президенте. Главным из них был Совет национальной безопасности. Но наряду с ним Трумэн все чаще давал задания и консультировался с Бюджетным бюро, Советом экономических консультантов, стал все чаще создавать краткосрочные комиссии по конкретным вопросам.

Именно в начале того периода, когда Трумэн перестал быть «случайным» президентом, а стал избранным главой исполнительной власти, начал серьезно изменяться стиль

руководства государством. Если предыдущие президенты, включая Ф. Рузвельта, в основном базировались на небольшие группы советников и в основном сами приходили к тем или иным решениям, то Трумэн стремился теперь опираться на коллективное мнение специалистов и только после экспертной оценки и дискуссий на разных совещательных уровнях принимал решение. Вслед за этим появлялось его исполнительное распоряжение или соответствующее законодательное предложение направлялось в Конгресс. Только в этом случае, полагал президент, может быть обеспечена наибольшая эффективность и экономичность в деятельности администрации⁷⁰⁷.

Теперь, казалось бы, положение президента облегчалось тем, что ему приходилось иметь дело с Конгрессом, который должен был в основном благоприятно относиться к его предложениям. Избранный одновременно с президентом 81-й Конгресс находился в руках демократов — в палате представителей их было 263 (республиканцев — 171), в сенате — 54 (республиканцев — 42). Правда, ни та ни другая ведущие партии США не требуют от своих депутатов единодушного голосования — каждый конгрессмен голосует в соответствии со своими убеждениями (или, если таковых нет, по собственной прихоти). Поэтому законодательные инициативы Трумэна не раз проваливались и в новом Конгрессе.

Но все же какая-то степень схождения партийных позиций существовала. Используя личные связи с конгрессменами, убеждение, призывы к лояльности, патриотическим чувствам, подчас даже элементы заискивания, Трумэн в ряде случаев мог воплощать теперь свои программы в законодательство. Это, правда, значительно реже получалось, когда вносились предложения, связанные с проблемой гражданских прав, так как демократы из южных штатов воспринимали их как посягательства на преимущественные права белых и стремились заблокировать принятие соответствующих законов.

Кроме того, проведение либеральных программ существенно осложнялось объективными обстоятельствами, которые оказались в центре внимания общественности США: граничившими с истерией опасениями, связанными с холодной войной, боязнью советского нападения, «красной угрозы», а затем началом первого после Второй мировой войны военного конфликта, в который оказались вовлечены Соединенные Штаты, — войны в Корее.

В качестве избранного президента Трумэн впервые появился перед Конгрессом 5 января 1949 года, обратившись с посланием о положении в стране. Он начал с того, что «каждый сегмент нашего населения и каждая личность имеет право ожидать справедливого курса от нашего правительства». Так были произнесены слова, которые вслед за этим станут названием обширной программы внутренней политики Трумэна — «справедливый курс».

Готовя это послание, Трумэн искал краткую формулу, которая привлекла бы внимание не только Конгресса, но и всей Америки, да и зарубежного мира. Лишь в последний момент сам он придумал выражение «справедливый курс» и сопроводил его дополнением к посланию: «Я постоянно молю Бога оказать мне помощь. Я надеюсь, вы поступаете так же. В таком случае эта великая страна, которую Бог избрал, чтобы она вела мир вперед к миру и процветанию, добьется успеха в этом деле», имея в виду «справедливый курс»⁷⁰⁸.

Сам термин должен был подчеркнуть, что Трумэн намерен продолжать теперь ту политику, которую его предшественник называл «новым курсом», и в то же время эта политика не была равнозначна рузвельтовской, являлась ее развитием. В числе проблем, которые требовали немедленного внимания, были, по словам президента, неудовлетворительное медицинское обслуживание, низкая минимальная заработная плата, незавидный уровень общего образования, пренебрежительное отношение к естественным ресурсам. Характерно, что расовая проблема пока в числе ведущих общенациональных не затрагивалась.

Конкретных предложений было немного (установление потолка цен, новое налоговое законодательство с целью достижения баланса бюджета). Президент, однако, обещал Конгрессу вскоре выступить с соответствующими разнообразными инициативами. Речь, которая транслировалась по радио, была завершена словами: «В предстоящие месяцы, как я знаю, я смогу сотрудничать с Конгрессом. Я уверен, что Божья помощь, которая руководила нами во времена судьбоносных испытаний и славных возможностей, не изменит нам теперь. С этой помощью Всемогущего, которую мы скромно призываем на каждом поворотном пункте нашей национальной жизни, мы сможем воплотить в жизнь великие задачи, которые перед нами стоят»⁷⁰⁹.

Столь торжественное заключение, обращение к «помощи Всемогущего», которое могло в кругах вольнодумцев

вызвать улыбку, но в то же время фиксировало важность момента, свидетельствовало, что Трумэн действительно намерен был выступить со значительными инициативами, что он рассматривал начавшийся период как поворотный пункт в национальной истории.

Через два дня президент направил Конгрессу документ под скромным названием «Экономический доклад». Но по существу здесь были конкретизированы предложения по реализации «справедливого курса». Трумэн признавал угрозу инфляции и считал необходимым увеличение государственных доходов и сокращение национального долга, прежде всего путем повышения налогов на корпорации и крупные землевладения. Предусматривалось государственное поощрение некоторых отраслей промышленности, прежде всего производства стали, расширение программ социального обеспечения.

Чтобы население существенно не почувствовало рост инфляции, в докладе предусматривалось повысить минимальную зарплату и страховые выплаты по старости. Попутно сообщалось, что президент будет настаивать на разработке законодательства по гражданским правам и отмене закона Тафта — Хартли⁷¹⁰.

Прошло еще три дня, и Трумэн отправил в Конгресс послание по бюджетному вопросу, в котором очень точно (что просто поразило депутатов, прессу, общественные организации) была рассчитана стоимость намечаемых мер. Указывалось, в частности, что, если не будут приняты предложенные меры по повышению налогов, страну ожидает дефицит в 873 миллиона долларов. Введение же в действие программ «справедливого курса» (включая повышение налогов на четыре миллиарда долларов) позволит, говорилось в послании, сбалансировать доходы и расходы, существенно сократить национальный долг, сдержать инфляцию.

Обширный доклад сопровождался детальными таблицами доходов и расходов по различным статьям. Весь текст показывал, что это не было обычное представление бюджета на утверждение законодателей, а подкрепленный выкладками сугубо политический документ, претендующий на конкретизацию разрабатываемой либеральной внутренней программы⁷¹¹.

В следующие месяцы законодателям были направлены и приняты ими несколько конкретных предложений по совершенствованию работы государственного аппарата, в частности предусматривавшие обеспечение стабильности

занятости в наиболее важных федеральных учреждениях путем повышения зарплаты их сотрудников, гарантии рассмотрения президентских предложений на протяжении не более шестидесяти дней со времени их внесения и т. д.

Но в центре внимания и обсуждения на протяжении нескольких лет стояли меры, связанные со «справедливым курсом». Это выражение стало символизировать существо внутренней политики Трумэна, что уже было определенным достижением. Добившись успеха на выборах, Трумэн не только чувствовал себя победителем, он стал еще более оптимистичным. Он писал в конце ноября 1948 года: «Мы выиграем эту борьбу за гражданские права так же, как мы выиграли выборы»⁷¹².

Конкретные действия по проведению либеральных реформ президент решил начать с вопроса о гражданских правах, подразумевая, по тактическим соображениям, под этой общей формулой равные права черных и других расовых меньшинств (индейцев, испано-американцев). Это было для Капитолийского холма неожиданно, так как в послании 5 января гражданские права не упоминались вообще.

Два события начала 1949 года стимулировали Трумэна в этом отношении. Одним из них была ликвидация расовой сегрегации в вашингтонском национальном аэропорту (национальными в США называются аэропорты, осуществляющие перевозки только в пределах страны; аэропорты, занимающиеся внешними перевозками, называются международными), другим — устранение разделительной линии, отделявшей черных от белых, на инаугурации 20 января. О последнем Трумэн распорядился лично, и его сильно удивило, что требование было выполнено без каких-либо оговорок. Это были, можно сказать, микроскопические акции, на основании которых президент сделал ошибочный вывод, что и более общие меры удастся провести без серьезного сопротивления.

Трумэн встретился с рядом конгрессменов, напоминая им о своих предложениях прошлых лет в области расширения гражданских прав граждан США. Действительно, в комитетах, а затем на пленарных заседаниях были начаты, наконец, прения по внесенным еще в феврале 1948 года, то есть год назад, предложениям Трумэна в этой области. Они, однако, сразу же натолкнулись на волну филибастеров в сенате. Согласно процедуре верхней палаты, прения по обсуждаемому вопросу могли быть завершены только в том случае, если за это проголосуют две трети присутствовав-

ших сенаторов. Это на практике могло привести к тому, что прения растягивались до бесконечности, и только требования общественности, правила приличия, а иногда и возмущенные голоса избирателей заставляли сенат приступать, наконец, к голосованиям.

В феврале 1949 года вице-президент Баркли, председательствовавший в сенате, с подачи Трумэна внес предложение отменить это правило и прекращать дебаты, если этого требуют более половины законодателей. Предложение не только было отвергнуто, но ситуация еще более ухудшилась. 17 марта сенат голосами республиканцев и дикикратов-южан принял резолюцию, что для прекращения прений надо, чтобы за это проголосовали две трети всех сенаторов, а не только присутствовавших⁷¹³. Это был серьезный удар не только по администрации, но и по всем сторонникам расширения гражданских прав.

Тем не менее в апреле 1949 года Трумэн внес на рассмотрение законодателей новый пакет предложений, включавший отмену налога на право голосования, запрет дискриминации при торговле между штатами, суровые наказания расистов за линчевание. Большинство этих мер были заблокированы в сенате. Удалось добиться успеха только в отдельных конкретных случаях.

Трумэн считал важной победой, тем более что в этом случае удалось добиться одобрения сената, назначение на ответственную должность судьи апелляционного суда чернокожего Уильяма Хэсти — известного юриста и борца за права негров, который перед этим по назначению президента являлся губернатором американских Виргинских островов. Утвержденный сенатом, он работал на должности судьи 22 года⁷¹⁴. За назначение каждого нового негра на должность в федеральной администрации Трумэну буквально приходилось вести войну. Всего к концу президентства в его списке было 94 человека, и он по праву считал это своим, хотя и ограниченным, достижением.

Другие победы в Конгрессе были еще более мелкими. В октябре 1949 года президент подписал закон, предусматривавший создание больницы в городе Альбукерке, штат Нью-Мексико, в которой в равных условиях могли лечиться белые, негры и индейцы. Только подумать, больница, в которой можно было лечиться, невзирая на расу, была настолько необыкновенным явлением в Америке конца 1940-х годов, что для ее создания необходимо было решение Конгресса!

Довольно долгое время пришлось вести борьбу по другому вопросу, касавшемуся индейцев, или, как они предпочитали себя называть, коренных американцев. Трумэн представил законодателям законопроект «о реабилитации» группы племен навахо-хопи, но конгрессмены внесли в него поправки и дополнения, которые, предоставляя одни права (в частности, социальное обеспечение), отбирали другие, традиционные, в том числе считавшиеся индейцами особенно важными, в частности право собственности на водные ресурсы занимаемых ими территорий. На закон президент наложил вето, и только после внесения в него необходимых новых поправок подписал его в апреле 1950 года.

Законодательным путем, таким образом, удалось добиться очень немногого в области гражданских прав. Несколькими большими успехами были достигнуты при помощи чисто административных мер. Как мы уже знаем, ранее Трумэн образовал два исполнительных органа, которые должны были проводить в жизнь его распоряжения о «справедливом найме» на работу и о десегрегации в вооруженных силах.

Совет по справедливой практике найма провел в конце 1940-х — начале 1950-х годов ряд исследований, связанных с жалобами негров на дискриминацию при приеме на работу. Некоторые жалобы были удовлетворены, а собственники предприятий и учреждений, допустившие нарушения, оштрафованы. Однако работа этого совета наткнулась в ряде случаев на препятствия со стороны других административных органов — занимавшихся проверкой лояльности.

Довольно часто оказывалось так, что черных не принимали на работу, мотивируя это их нелояльностью. В качестве таковой рассматривались острые высказывания по адресу властей, допускающих или поощряющих расовую дискриминацию. Под давлением консервативных сил, в условиях холодной войны, сенсационных раскрытий случаев советского шпионажа и возникшей в широких кругах тревоги по поводу «красной угрозы» Трумэн в большинстве случаев становился на сторону тех, кто проверял лояльность, даже если Совет по справедливому найму оспаривал нелояльность.

Более впечатляющими были усилия Комитета по равному отношению и возможностям в вооруженных силах, более широко известному как Комитет Фэйхи по фамилии его председателя, бывшего заместителя министра юстиции

Чарлза Фэйхи, представлявшего интересы правительства в Верховном суде. Трумэн был удовлетворен энергичными усилиями Фэйхи и его сотрудников по интеграции негров в вооруженных силах.

Обратив как-то внимание, что в прессе слишком часто рассказывается о деятельности этого комитета, причем во многих случаях с негативными интонациями, президент в январе 1949 года провел совместное совещание членов комитета с руководителями отраслевых военных министерств. Выступая здесь, Трумэн подчеркнул, что он желает получить «конкретные результаты — именно к этому я стремлюсь, — а не публикации». Он даже пообещал «оторвать уши кое-кому, если в этом возникнет необходимость»⁷¹⁵.

На совещании было констатировано, что в военно-воздушных силах и в корпусе морской пехоты начата реальная работа по интеграции черных американцев. Армия отставала, причем ее руководители мотивировали это тем, что в сухопутных силах и так служит много негров. По настоянию Трумэна, однако, и в этих войсках было начато продвижение негров на командные должности, что с удовлетворением отметил Трумэн в начале 1950 года⁷¹⁶.

Корейская война, начавшаяся летом 1950 года (о ней мы расскажем ниже), подстегнула интеграцию в вооруженных силах. Вначале на корейском фронте, затем на родине и, наконец, в войсках, размещенных на Европейском континенте в составе сил НАТО, была проведена реорганизация частей таким образом, чтобы в одних и тех же подразделениях на равных началах служили белые и черные. Это было серьезное достижение администрации Трумэна.

К концу пребывания Трумэна в Белом доме путем интеграции небоевых воинских учреждений (учебных заведений, хозяйственных предприятий, вспомогательных служб и др.), национальной гвардии штатов и увеличения числа офицеров-негров сложная работа по ликвидации расовой дискриминации в вооруженных силах была в основном завершена.

Имея в виду, что большими юридическими правами в стране обладали штаты, имевшие собственное законодательство, администрация Трумэна и прежде всего министр юстиции Том Кларк прилагали усилия — уговоры, настояния, требования, обращение к истории и традициям, чтобы в штатах были приняты антирасистские законы. К концу 1952 года в одиннадцати штатах действительно были приняты законодательные акты о справедливом найме, запре-

щавшие дискриминацию при приеме на работу, 19 штатов имели законы, запрещающие дискриминацию в общей форме, только в пяти штатах были сохранены налоги на право голосования⁷¹⁷.

Трумэн отлично сознавал, что преодоление расовой дискриминации находилось пока в зачаточном состоянии. Еще почти не была затронута такая большая и болезненная проблема, как сегрегация — отделение черных от белых в местах общественного пользования — на транспорте, в общественном питании, в индустрии развлечений и т. д. Эта невероятно сложная работа оставалась в наследство следующим президентам, которым приходилось решать ее с огромными трудностями, подчас даже с применением вооруженной силы.

Была только начата борьба против дискриминации в области жилья и в судебной системе.

В 1949—1950 годах Трумэн провел ряд совещаний с руководителями органов, имевших отношение к проблеме жилья, — Администрацией жилищного финансирования, Федеральной жилищной администрацией, Администрацией по делам ветеранов. Президент потребовал от них прекратить поддержку тех строительных, страховых и прочих компаний, которые допускали ограничительные меры при продаже жилья, особенно льготного, неграм. Как правило, эти условия, не имевшие под собой законодательной базы, наткнулись на негласное сопротивление и не давали результата.

Несколько более заметный результат был достигнут в судах, особенно в Верховном суде, решения которого являлись обязательными прецедентами для всех подобных случаев и имели силу закона. Это было тем более важно, что высший судебный орган вторгся в сферу такой нетронутой еще области дискриминации, каковой являлась сегрегация.

5 июня 1950 года Верховный суд вынес одновременно три решения по обращениям Министерства юстиции в пользу черных. Согласно одному решению, признавалась незаконной сегрегация в железнодорожных ресторанах. Другое постановление указывало, что черные студенты не могут быть «физически отделены» от белых. Наконец, еще в одном решении устанавливалось, что Правовая школа в Техасе для черных не дает равного образования со Школой права Техасского университета; по этой причине жалобника полагалось принять в Техасский университет. Это, однако, были постановления, прямо противоречившие другим

установлениям того же Верховного суда, и на какие из них следовало опираться, зависело от доброй воли и гражданской ответственности чиновников.

Действительно, не во всех случаях решения Верховного суда в полной мере содействовали реализации гражданских прав. Прежде всего это касалось пресловутого решения 1896 года «Плесси против Фергюсона», широко известного под шапкой «Отдельное, но равное». Речь шла о том, что допускается отдельное обучение негров в учебных заведениях, если последние обеспечивают передачу того же уровня знаний, что и заведения для белых.

В начале 1950-х годов министр юстиции Кларк по согласованию с президентом несколько раз ставил перед Верховным судом вопрос о новом рассмотрении проблемы, о недопустимости сегрегации в учебных заведениях. Но суд откладывал слушания по этому делу. Так Трумэн и не добился отмены принципа равного, но отдельного образования до конца своего президентства. Только в 1954 году, рассмотрев дело «Браун против Совета по образованию города Топека», Верховный суд в принципе решил, что сегрегация в общественном образовании является антиконституционной⁷¹⁸.

4. Попытки реформ и лабиринты власти

Как в области решения вопроса о гражданских правах, так и в других областях «справедливого курса» Трумэн часто сталкивался с непониманием Конгресса, в котором было большинство его однопартийцев, но существовал, как уже говорилось, реальный блок республиканцев и южных консервативных демократов — диксикратов. Обычно Трумэн сдерживал свои эмоции, но в некоторых случаях просто демонстрировал раздражение по поводу несговорчивости тех, кто заседал на Капитолийском холме. 24 февраля 1949 года в обращении по случаю Дня Джефферсона и Джексона он довольно грубо высказался по поводу тех законодателей, которые «вновь пытаются напугать народ старым, обветшавшим пугалом, что в Вашингтоне приходит к власти социализм». Президент даже пригрозил обращением непосредственно к народу: «Я могу даже опять сесть на поезд и совершить новый тур по стране, чтобы рассказать людям, как работает их правительство». Это были слова, которые Трумэн не собирался воплощать в жизнь, но в Конгрессе

они весьма живо обсуждались, в основном с негативными мнениями по поводу того, что президент не относится с достаточным уважением к законодательной власти⁷¹⁹.

Это были, однако, пустые разговоры, ибо президент обязан был уважать и исполнять конституцию, одним из основополагающих положений которой было указание на разделение властей — законодательной, исполнительной и судебной. Соблюдение конституции означало соблюдение прав Конгресса. Во всех возможных случаях Трумэн стремился проводить свои меры через законодательство — это давало им устойчивость и авторитет. При этом подчас возникали парадоксальные ситуации, когда консервативный блок поддерживал его начинания, а их противники вносили в законопроект сугубо либеральные дополнения с единственной целью — сорвать их принятие.

Так было, например, с законопроектом о контроле над жильем и квартирной платой, внесенным 30 июня 1949 года. Проект предусматривал строительство на протяжении шести лет 810 тысяч квартир за счет государства с низкой оплатой, пятилетнюю программу ликвидации трущоб, займы и гранты в сумме 325 миллионов долларов на строительство жилья для фермеров. Предложение встретило поддержку большинства законодателей, но резкую оппозицию со стороны фирм, занимающихся недвижимой собственностью, которые с полным основанием сочли, что государство покушается на их прибыль. Чтобы попытаться сорвать принятие закона, лоббисты этих фирм и связанные с ними законодатели попытались внести в проект дополнение, запрещающее расовую дискриминацию в домах, строительстве и эксплуатации которых финансируется государством. Либеральные конгрессмены оказались в затруднении. Они обратились за советом к президенту, который вместе с ними распознал ловушку и отверг это казавшееся полностью соответствующим духу «справедливого курса» дополнение. В результате Конгресс принял закон без дополнения, и Трумэн 15 июля 1949 года подписал его с чувством удовлетворения.

Он заявил при подписании, что «эти далекоидущие меры открывают перспективу создания достойного жилья для семей с низким доходом, ныне живущих в запущенных трущобах». Президент выразил надежду, что в недалеком будущем каждая американская семья будет жить в достойных условиях⁷²⁰.

В этом случае, как и во многих других, Трумэн явно говорил не то, что думал. Добившись немалого успеха, он

демонстрировал теперь показной оптимизм, понимая, что до реализации задачи обеспечить всех американцев приличным жильем — дистанция огромного размера. Действительно, до окончания его президентского срока из запланированных 810 тысяч квартир было начато строительство только 156 тысяч, а к 1964 году построено менее половины количества, предусмотренного на вдвое меньший срок⁷²¹. Что же касается ликвидации трущоб, то эта часть программы и закона вообще не была реализована. Трущобы в США существуют по настоящее время, хотя социальным явлением назвать их трудно — законопослушные неимущие вполне могут получить жилье в соответствующих благотворительных центрах.

В свое время наложив вето на закон Тафта — Хартли о трудовых конфликтах, а затем использовав этот закон, чтобы преодолеть широкое забастовочное движение первых послевоенных лет, Трумэн попытался в порядке осуществления «справедливого курса» добиться отмены этого закона, который и в США, и за рубежом рассматривался левыми силами не только как антирабочий, но и как антинародный. Он внес в Конгресс соответствующее предложение, которое в мае 1949 года было отклонено. Президент более не настаивал на своем требовании, тем более что в июне 1949 года председатель объединенного союза шахтеров Джон Льюис объявил о решении начать своеобразную забастовку на шахтах с требованием повышения зарплаты: угольщики будут неделю работать, а затем неделю отдыхать, потом возвращаться на работу и через неделю снова покидать рабочие места и т. д.

Формально вроде бы в этом случае закон Тафта — Хартли был неприменим, но советники президента нашли способы использовать его и в этом случае. Когда, после срыва переговоров с шахтовладельцами, Льюис реализовал свою угрозу в середине сентября, правительство объявило, что его действия угрожают национальной безопасности, и потребовало возвращения рабочих на работу без «отпусков». Профсоюз отказался, тогда Льюис и весь союз были обвинены в «презрении к властям», что в американском законодательстве считается серьезным преступлением.

Правда, в марте 1950 года суд отказался признать профсоюзных деятелей виновными в столь серьезном грехе. Тогда Трумэн обратился к Конгрессу с предложением взять шахты под государственное управление. Это явно не соответствовало интересам ни профлидеров, ни владельцев

шахт, и они в конце концов согласились на заключение компромиссного контракта.

Конфликты происходили и в других промышленных отраслях. В этих условиях Трумэн полностью вычеркнул вопрос о законе Тафта — Хартли из повестки дня «справедливого курса».

Важной частью «справедливого курса» были мероприятия в области здравоохранения. По этому вопросу Трумэн обратился с посланием Конгрессу 22 апреля 1949 года. Предлагалось разработать специальную федеральную программу заботы о здоровье населения, которая охватывала бы льготное медицинское страхование для бедняков, значительное расширение медицинских учреждений, построенных с государственной помощью, финансирование учебных заведений, готовящих работников медицины — как врачей, так и средний персонал, широкое развертывание исследовательской работы⁷²².

Послание было встречено в штыки, прежде всего Американской медицинской ассоциацией, под все тем же предлогом президентского намерения «социализировать медицину». Меры, предлагаемые Трумэном, получили сдержанную, в основном отрицательную оценку и со стороны многих его сторонников и знакомых.

Старый приятель по штату Миссури врач Сэм Робертс из Канзас-Сити, прошедший весну 1949 года в Великобритании и непосредственно наблюдавший результаты введения бесплатного медицинского обслуживания лейбористским правительством, писал Трумэну, что в этой стране государственная медицинская помощь находится на грани коллапса. Одновременно он обращал внимание и на морально-психологическую сторону, имея в виду разрушительное влияние на человеческую инициативу, когда людям «гарантируется все от их рождения до могилы».

Первоначально Трумэн упорно отстаивал свою медицинскую программу, невзирая на мнения тех опытных медиков и социологов, которые призывали проводить ее с максимальной осторожностью, учитывая пагубный опыт бесплатной медицины в других странах. По существу, подменяя один вопрос другим, Гарри отвечал тому же С. Робертсу: «Если оказывается, что 35 процентов наших юношей и девушек непригодны для воинской службы из-за дефектов здоровья, это означает, что существует что-то порочное в здоровье нации, и я пытаюсь найти для этого лекарство»⁷²³.

Всю вину за сопротивление медицинской реформе Трумэн возлагал на коварные действия АМА, которая, по его словам, находилась во власти клики, подобной той, которая контролировала Республиканскую партию, отстраненную от власти⁷²⁴.

На протяжении 1950 года советникам удалось убедить президента, что проблемы здравоохранения крайне сложны, что, несмотря на все гуманитарные догматы, эта жизненно важная сфера являлась в то же время областью предпринимательства, что хорошие врачи, потратившие не менее десятка лет своей жизни на обучение и возвращающие затем огромные долги по займам, затраченным на овладение профессией, законно стремятся получать высокие доходы, занимаясь медицинской практикой. Федеральный администратор социального обеспечения Оскар Ивинг довольно цинично разъяснял президенту, что его меры неизбежно приведут к тому, что «большее число соперников будет означать меньшие доходы»⁷²⁵.

В 1951 году Трумэн внес в Конгресс более узкие предложения в области медицинского обслуживания. Но из этих инициатив прошла только одна — решение о федеральном финансировании строительства ряда больниц.

Неудачные попытки добиться широкого законодательства по программам «справедливого курса» привели к общему отчуждению между президентом и Конгрессом, несмотря на то, что там преобладали его однопартийцы.

С ними возникли даже личные столкновения. В мае 1949 года Гарри поделился с лидером сенатского большинства Скоттом Лукасом своими соображениями о том, что он готов отказаться от некоторых программ, но взамен просил Лукаса более энергично продвигать другие. Трумэн просто пришел в негодование, когда узнал, что об этом разговоре стало известно прессе, которая, естественно, толковала неофициальную беседу как сдачу Трумэна «на милость победителя».

Фактический конфликт с Конгрессом углубился, когда вслед за происшедшим сенат отказался утвердить ставленника президента, бывшего губернатора штата Вашингтон Мона Уолгрена на должность председателя Совета по ресурсам национальной безопасности и начал расследование деятельности руководителя Комиссии по атомной энергии известного либерала Дэвида Лилиенталя, которого обвиняли в нарушении законов и неэффективном руководстве комиссией. Трумэн выступил с заявлением о полной под-

держке Лилиенталя, о своей убежденности в его честности и высоких организаторских качествах.

Юрист и квалифицированный организатор, Лилиенталь в октябре 1946 года был назначен руководителем комиссии, образованной с целью обеспечить гражданский контроль над этим могучим источником энергии, которым США тогда владели монопольно. Своей главной задачей, одобренной Трумэном, Лилиенталь считал добиться «безвредности атома», то есть обеспечить использование атомной энергии в мирных целях⁷²⁶. Именно он наладил эффективное сотрудничество ученых-атомщиков с государственными учреждениями. Постепенно он приходил к выводу о крайней опасности атомного оружия, о возможности неконтролируемых атомных взрывов в производственных условиях, даже об угрозе выхода из строя с неконтролируемыми последствиями атомных электростанций, которые начали конструировать, о непонимании этого в кругах как промышленников, так и управленцев.

Несколько раз он вступал с Трумэном в бурные споры по этому поводу. Он говорил: «Особенно безответственно продолжать создание ряда атомных электростанций, не имея безопасных, продемонстрированных методов использования ядерных остатков»⁷²⁷. Трумэн не соглашался с доводами Лилиенталя, но безоговорочно доверял ему. В конце концов обвинения против атомного администратора были признаны безосновательными и расследование прекратилось. Однако чувствовавший себя оскорбленным председатель атомной комиссии в феврале 1950 года ушел в отставку и занялся частным бизнесом. Трумэн сожалел об этом. Его отношения с Конгрессом, включая депутатов от Демократической партии, еще более ухудшились⁷²⁸.

И все же президент, частично отказавшись от некоторых инициатив, которые были обречены на поражение, пытался провести другие меры, вписывавшиеся в программу либеральных реформ.

Он особенно энергично настаивал на сохранении и углублении антитрестовских мер, которые имели длительную историю (антитрестовские законы принимались в 1890 и 1914 годах). Они были направлены на развитие конкуренции, в какой-то мере препятствовали созданию монопольных структур и объединений в экономике, однако соблюдались неэффективно, многократно под различными предложениями нарушались. Монополистические тенденции четко проявились непосредственно после войны в условиях

стремительно развивавшейся экономики и изменений в ее структуре, связанных с начинавшейся научно-технической революцией.

Антитрестовские усилия правительства Трумэна получили определенную поддержку в Конгрессе. В 1950 году сенатор от штата Теннесси Эстес Кефвер и член палаты представителей Эммануэль Селлер (из штата Нью-Йорк) одновременно внесли согласованные ими между собой и с Трумэном предложения о дополнении антитрестовского закона Клейтона 1914 года. Конгресс сравнительно быстро, в декабре 1950 года, принял соответствующий закон, который запрещал компаниям покупать имущество своих соперников, то есть осуществлять объединение компаний в форме купли-продажи.

Исследователи считают закон Селлера — Кефвера важным антитрестовским мероприятием. Хотя один из инициаторов закона, Э. Селлер, признавал, что в результате применения этого акта «усилия антимонополистов в течение многих лет были вознаграждены только частично»⁷²⁹, закон был сравнительно эффективно использован для того, чтобы предотвратить или сорвать разнообразные махинации с целью монополизировать производство и рынок и этим «дискриминировать потребителей»⁷³⁰. Правительство использовало закон, в частности, для того, чтобы несколько затормозить создание конгломератов — крупнейших хозяйственных объединений, охватывающих одновременно несколько отраслей промышленности, банковскую и торговую систему, рынок услуг.

Трумэн предпринимал и некоторые другие усилия, которые должны были способствовать развитию малого бизнеса и поощрять торговую конкуренцию. Его администрация заботилась о том, чтобы государственные контракты распределялись не только среди крупнейших фирм, чтобы мелким предпринимателям предоставлялись займы.

Более того, после начала корейской войны он образовал Администрацию малых оборонных предприятий, которая добивалась учета интересов их собственников в условиях, когда основная масса военных заказов приходилась именно на крупнейшие фирмы. Трумэн не раз высказывался в том смысле, что без малого бизнеса Америка не в состоянии прожить.

Президентство Трумэна являлось, по признанию многих исследователей, временем процветания малого бизнеса. С 1945 по 1953 год число предприятий США увеличи-

лось с 1,9 до 2,7 миллиона, что было наибольшим ростом за соответствующий период в течение всей истории страны⁷³¹.

В целом же «справедливый курс» Трумэна, разумеется, не провалился полностью, как утверждали его недруги. Но он был осуществлен только в сравнительно небольшой своей части, в основном за счет президентских распоряжений, а не на законодательной основе. Хотя в Конгрессе с 1949 года преобладали демократы, они были крайне разобщены, по многим вопросам голосовали вместе с республиканцами, во многих случаях выражали не столько общенациональные, сколько местные интересы, подчас даже интересы отдельных фирм. Трумэн отлично это понимал. Он называл, например, Ричарда Рассела «выдающимся сенатором из Джорджии, представителем Национальной торговой палаты, компании “Кока-кола” и т. д.»⁷³².

В то же время сам Гарри вспоминал свои сенатские годы, когда Франклин Рузвельт подчас выкручивал руки конгрессменам, чтобы добиться проведения своих мероприятий. У Трумэна не хватало воли и желания действовать подобным образом. Он приглашал к себе членов Конгресса, убеждал их в правильности и необходимости намечаемых им мер, но никогда не оказывал на них решительного давления. В результате после внешнего согласия и почти-тельных поклонов конгрессмены не раз голосовали против инициатив президента. Как отмечает один из биографов, «вместо того чтобы натягивать вожжи из Овального кабинета, он предпочитал, чтобы руководители департаментов и агентств представляли перед Конгрессом»⁷³³.

В то же время к некоторым конгрессменам Трумэн относился сугубо критически и не скрывал этого, что, в свою очередь, настраивало многих законодателей против президента. Разочарованный Трумэн, который так надеялся на конструктивную работу с Конгрессом, записал в дневнике осенью 1949 года: «81-й Конгресс окончил работу после этой чертовой сессии. Разочарованные республиканцы прилагали все усилия, чтобы нарушить ход сессии. Даже “лучшие” из них объединились с демократами, чтобы разгромить программы»⁷³⁴.

Трумэн надеялся, что положение в Конгрессе изменится к лучшему в результате выборов 1950 года. В мае этого года он предпринял агитационную поездку по тринадцати штатам, поддерживая тех кандидатов своей партии, на которых рассчитывал при проведении новых либеральных мер.

Существенного результата поездка не дала. Итоги выборов, которые происходили уже в условиях начавшейся войны в Корее и связанного с ней резко усилившегося духа холодной войны, опасений перерастания локальной войны в мировую, президента разочаровали. На промежуточных выборах 7 ноября демократы потеряли 28 мест в палате представителей и пять в сенате⁷³⁵. Они, правда, сохранили большинство в обеих палатах, но диксикраты по-прежнему располагали мощными позициями.

Трумэн все больше разочаровывался в деятелях своей партии, все чаще отзывался о них презрительно или с раздражением. Тех, кого на федеральные должности рекомендовала партийная организация Нью-Йорка, он однажды назвал «мошенниками и головорезами», а демократических кандидатов в столичный апелляционный суд — «заморышами»⁷³⁶.

По мере осложнения международной обстановки в связи с корейской войной и усилением напряженности в Европе, возникновения «охоты на ведьм» в самих Соединенных Штатах с появлением маккартизма Трумэн почти прекратил выступления в пользу «справедливого курса», надеясь, очевидно, дожидаться более благоприятных времен. Он ограничивался назначением на более или менее ответственные государственные должности людей, на которых мог рассчитывать. Среди них были и черные (в очень небольшом числе и на не очень заметные посты), и женщины, которых ранее в государственном аппарате почти не было.

По всей стране обсуждалось назначение Джорджии Кларк, активной деятельницы Демократической партии, имевшей опыт работы в банках, министром финансов в 1949 году и утверждение ее на этой должности новым Конгрессом. Кларк, политически близкая к Трумэну, оставалась министром до конца его президентства. Это был пока единственный случай пребывания женщины на столь ответственном посту в истории США. Другое назначение носило чисто партийный характер, но также свидетельствовало о тенденции президента: Индиа Эдвардс, занимавшая до этого различные должности в женском отделе Национального комитета Демократической партии, была в 1950 году избрана на должность вице-председателя этого комитета⁷³⁷. Несколько женщин были назначены послами США в зарубежных странах.

Трумэну удалось назначить несколько своих ближайших сторонников на ответственные государственные по-

сты. Наиболее важным было назначение Дина Ачесона на должность государственного секретаря вместо Джорджа Маршалла, который ушел в отставку и вначале не предполагал возвращаться к государственной деятельности, но после начала корейской войны согласился стать министром обороны. 56-летний заместитель госсекретаря Ачесон, занявший важнейший внешнеполитический пост в 1949 году, с этого времени был надежным советчиком Трумэна по всем сложнейшим вопросам не только дипломатического, но и военного характера. Ачесона, как и Маршалла, президент считал своим наиболее надежным консультантом и помощником⁷³⁸.

В том же 1949 году возникли две вакансии в Верховном суде.

В отношении состава этого высшего судебного органа Трумэну повезло. Еще в 1945 и 1946 годах он назначил двоих своих сторонников членами суда в связи с отставкой одного и смертью другого судьи. Одним из назначенных был бывший министр финансов Фред Винсон, который стал председателем Верховного суда. В 1949 году буквально один за другим скончались судьи Фрэнк Мерфи и Вайли Рутледж. На их места были назначены соответственно Том Кларк и Шерман Минтон. Кларк до этого являлся министром юстиции и считался, как пренебрежительно писала «Нью-Йорк таймс», «личным и политическим другом [Трумэна] без какого-либо юридического опыта и не очень проявившимися качествами»⁷³⁹. Президенту, однако, важно было иметь в Верховном суде лично преданного ему человека. Что же касается деловых качеств Кларка, то он не раз проявлял их, аргументированно выступая в пользу программ «справедливого курса».

Была начата подлинная кампания против Кларка, в которой приняли участие даже некоторые бывшие соратники Рузвельта, например, рузвельтовский министр внутренних дел Гарольд Икес. Бывшему члену правительства ставилось на вид составление списка подрывных организаций, что было сделано по заданию президента. Дело дошло до того, что Икес в связи с номинацией Кларка заявил: «Президент Трумэн не возвысил Тома Кларка до уровня Верховного суда, он унизил суд»⁷⁴⁰. Тем не менее Кларк был утвержден сенатом при всего восьми голосах против.

Что же касается Шермана Минтона, который после пребывания в сенате, где он познакомился с Трумэном и завязал с ним если не дружбу, то приятельские отношения,

служил в судебных органах, где приобрел немалый опыт, то против него особых возражений не было. Когда же состоялось голосование в верхней палате, оказалось, что Минтон был избран всего сорока восемью голосами против тридцати шести. Голосования в американском Конгрессе, как, впрочем, и в других представительных органах, подчас были непредсказуемыми, и их результаты объяснялись случайно сложившимся соотношением сил, личными чувствами, настроением и подобными факторами, далекими от политики.

В любом случае в 1949 году в Верховном суде, состоявшем из девяти членов, четверо были назначены Трумэном, включая председателя. Нередко высший судебный орган, являвшийся одной из трех ветвей государственной власти, называли «судом Трумэна». По большинству вопросов суд выносил решения, соответствовавшие позиции исполнительной власти.

Уход Тома Кларка в Верховный суд привел еще к одному административному решению, казавшемуся важным. На его место министром юстиции был назначен сенатор Говард Макграт, известный своей энергичной поддержкой прав меньшинств и программ «справедливого курса». Однако на министерском посту Макграт не проявил должных деловых качеств, оказался медлительным и нерешительным в расследовании случаев коррупции. Он подвергся огню критики в прессе, в результате чего вынужден был уйти в отставку в 1952 году.

История здесь, впрочем, была довольно темной. Имелись свидетельства, что Макграт вначале дал согласие на расследование фактов коррупции в сталелитейной промышленности и Министерстве военно-морского флота, которые начал проводить его заместитель Ньюболд Моррис. Моррис потребовал расследования источников доходов ряда сотрудников Пентагона, обвиняя их в получении незадекларированных ценных подарков.

Однако высшие военные оспорили обвинения. В конце марта 1952 года в резиденции Трумэна на острове Ки-Вест состоялась встреча с членами Объединенного комитета начальников штабов и другими высшими военными, которые угрожали отставкой, если расследование будет продолжаться. Макграта «приперли к стенке», он согласился на прекращение расследования, чему сопротивлялся Моррис. В результате Трумэн потребовал отставки самого Макграта, что и произошло 3 апреля 1952 года. Эта версия в основном

подтверждается письмом Трумэна Макграту, которое тот хранил в своем доме и показывал многим посетителям⁷⁴¹.

Неудача с назначением Макграта и фактический скандал с его отставкой вызвали волну критики в прессе. Сверхчувствительный к обвинениям в его адрес, так и не привыкший к язвительным замечаниям журналистов, на которые они были щедры, президент в условиях свободы печати не мог дать волю своим чувствам открыто. Но его настроения достаточно четко передают заметки, не предназначавшиеся для публикации. В 1950 году он записал: «Когда газеты обращаются к новостям и публикуют рекламу, они прекрасно служат обществу. Когда они публикуют редакционные статьи и позволяют писать их лжецам, они занимаются протитупированием общественного мнения».

Весьма негативные эмоции Трумэн демонстрировал в своих заметках о таких столпах американской журналистики, как Артур Сульцбергер, братья Стюард и Джозеф Олсопы, Уолтер Липпман. Ветерану пера Липпману он даже как-то написал оскорбительное письмо о том, что ему лучше было бы работать в отхожем месте, а не в башне из словеной кости, но, одумавшись, не отправил этот текст⁷⁴².

В целом трумэновский «справедливый курс», приведя только к частичным результатам, явился в то же время стартовой площадкой для инициатив его преемников, в частности Джона Кеннеди и Линдона Джонсона.

Глава восемнадцатая

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФРОНТАЦИИ

1. «Красная угроза»

Период после избрания Трумэна президентом, наряду с его не вполне удавшимися попытками развернуть либеральные реформы «справедливого курса», стал временем, когда внутренняя жизнь Соединенных Штатов превратилась в арену конфронтационных страстей, отражавших холодную войну и многократно преувеличивавших ее реальное воздействие на жизнь страны.

Реальные факты: прекращение американской монополии на атомное оружие, раскрытие советских разведчиков и агентов влияния, в том числе в атомной области, — вы-

звали мощный всплеск политического, морального, психологического комплекса, который вскоре стали называть второй «красной угрозой» (первая была в 1919—1920 годах).

Предпосылки борьбы против «красной угрозы» стали складываться по мере развертывания холодной войны в первые послевоенные годы. В 1946 году Комитет по расследованию антиамериканской деятельности при палате представителей, созданный еще в 1934 году после прихода нацистов к власти в Германии и в первое десятилетие своей работы занимавшийся вскрытием фактов германского влияния и подрывной деятельности, перенес центр своего внимания на организации и лица, которых подозревали в связи с СССР и в коммунистической пропаганде. Под подозрение попали известные деятели культуры, в том числе режиссер и актер Чарли Чаплин, певец Поль Робсон, германский эмигрант драматург Бертольд Брехт. В 1947 году на публичные слушания были вызваны ряд деятелей Голливуда.

Но еще до этого комитет, выдвинув обвинения в не-лояльности нескольким государственным служащим, потребовал общей проверки лояльности работников государственного аппарата. Из среды республиканских членов палаты представителей и сената начались нападки на Трумэна, которого называли «розовым» и обвиняли в том, что он покровительствует коммунистам⁷⁴³.

В этих условиях 25 ноября 1946 года Трумэн создал Временную комиссию по проверке лояльности государственных служащих, в которую входили представители министерств под руководством помощника министра юстиции Дэвидта Вэйнеча. Комиссия должна была определить «стандарты лояльности» и процедуру увольнения лиц, признанных «подрывными», с федеральных постов. Вскоре, 1 февраля 1947 года, комиссия представила обширный доклад⁷⁴⁴, одобренный президентом, который рекомендовал некоторые ограничительные меры, при помощи которых Трумэн стремился ослабить напор на свою администрацию со стороны Конгресса и в то же время действительно избавиться от скрытых иностранных агентов влияния в федеральных органах.

Сам президент не верил в то, что государственные органы действительно оказались под значительным влиянием подрывных элементов. Он писал в конце февраля губернатору Пенсильвании Джорджу Эрлу: «Люди очень озлоблены коммунистическим пугалом, но я считаю, что страна находится в полной безопасности в отношении коммунизма — у нас достаточно много людей здравого ума»⁷⁴⁵.

И тем не менее 22 марта 1947 года Трумэн подписал новое исполнительное распоряжение — о проверке лояльности государственных служащих на более широкой основе. При государственных органах в центре и на местах создавались специальные советы по проверке лояльности. В случае получения ими информации о нелояльности того или иного лица предусматривалось проведение расследования, главным образом путем опроса сослуживцев, родственников, знакомых и т. д. В том случае, если возникали «серьезные сомнения» в лояльности, служащий мог быть уволен со службы. В то же время распоряжение требовало защиты государственных служащих от необоснованных обвинений.

Вслед за этим Министерство юстиции составило список подрывных организаций, члены которых не имели права работать в государственных учреждениях. Список открывали ку-клукс-клан, нацистская и коммунистическая партии, а за ними следовали вроде бы примыкавшие к ним группы. Вполне понятно, что основная направленность сосредоточивалась на коммунистических организациях, так как нацизма в США к этому времени не существовало, а ку-клукс-клан давно потерял влияние и фактически оставался лишь тенью былой мощной расистской организации.

Практическое расследование лояльности показало правоту Трумэна. В государственных учреждениях почти не обнаружилось скрытых коммунистических агентов. За три года расследования из почти четырех миллионов чиновников лишь 378 человек, то есть менее 0,1 процента, были отстранены от работы или не приняты на работу как представлявшие «риск с точки зрения безопасности»⁷⁴⁶. Ни в одном из этих случаев не было обнаружено признаков шпионажа⁷⁴⁷.

Эта формула — «риск с точки зрения безопасности» — появилась в документах, связанных с исполнительным распоряжением о лояльности в качестве более мягкого термина взамен страшно звучащего — «подрывные элементы» — и в то же время давала более широкий простор для возможности увольнения по малейшему подозрению.

Как видим, государственная система США отнюдь не поддавалась коммунистическому влиянию, если всего лишь по легкому подозрению смогли уволить микроскопическое число госслужащих. Трумэн был прав в своей оценке, высказанной в письме Д. Эрлу, но и под давлением, и по собственной инициативе «дул на холодное», чтобы коммунистическая опасность по каким-то неведомым причинам не

усилилась. А главное — он стремился утихомирить страсти тех параноидальных преследователей коммунизма, которые поднимали шум, услышав любое высказывание, которое им казалось близким к коммунистическому.

По поводу этого распоряжения Трумэна возникало тогда и позже много вопросов. Каковы были критерии, которым должны были соответствовать организации и группы, включаемые в число нелояльных? Где проходила грань между свободой слова и свободой политической принадлежности, с одной стороны, и участием в «подрывных организациях» — с другой? Почему государственные служащие подвергались дискриминации по сравнению с другими гражданами США? Почему распоряжение, по существу дела, нарушало презумпцию невиновности, то есть принятое в правовых государствах положение, что каждый человек, заподозренный в преступлении, не обязан сам доказывать свою невиновность, что он считается невиновным вплоть до того момента, когда его вина будет неопровержимо доказана и объявлена судом в качестве таковой? Почему, следовательно, государственные служащие должны доказывать свою невиновность перед комиссиями по проверке лояльности, а не наоборот — долг последних уличить их? Где доказательства, что доносы являются акциями честно мыслящих патриотов, а не попытками свести счеты, приобрести материальные и прочие выгоды?

Постепенно проверки лояльности практически прекратились, ибо осуществлялись формально и почти не давали результата. Члены и сочувствовавшие компартии почти никогда не занимали постов в государственном аппарате. Советские разведчики действительно существовали, но их были единицы, и для их раскрытия явно требовались иные методы, нежели проверка лояльности путем опросов, доносов и т. п.

Еще с 1943 года действовала секретная программа американской контрразведки «Венона» (*Venona* — несуществующее кодовое слово), позволявшая установить или подтвердить личности агентов. Именно ее результаты наиболее часто использовались при проверке лояльности, но в данном случае почти не давали результата. Кроме того, доказательства, полученные при помощи «Веноны», будучи секретными, не могли быть предъявлены в суде или общественности, и поэтому вина ряда лиц не была доказана⁷⁴⁸.

В итоге крохотная группа советских шпионов смогла добиться в США значительных результатов. Хотя архивы

советской разведки по сей день остаются секретными, существует немало свидетельств активной работы этой группы в США. В 1990 году начальник Первого главного управления КГБ (разведслужбы) Л. В. Шебаршин признавался в интервью, что у СССР были надежные источники информации во всех политических группах США. По некоторым сведениям, вклад разведки и ученых в разработку советского ядерного оружия был приблизительно равным⁷⁴⁹.

Все это было, по-видимому, так, но успехи в раскрытии разведчиков и тем более политических агентов на государственных должностях американскими спецслужбами были незначительными. Проверка лояльности была отменена следующим президентом США Эйзенхауэром вскоре после вступления на этот пост, в апреле 1953 года. Ответственность за лояльность госслужащих возлагалась теперь на руководителей учреждений и ведомств⁷⁵⁰.

Если в течение первых лет на посту президента Трумэну удавалось в основном отбивать атаки наиболее консервативных и воинственных элементов на демократические права и свободы американцев, то после выборов 1948 года делать это ему становилось все сложнее, да и сам президент оказался активно вовлеченным в борьбу с «красной угрозой».

Связано это было прежде всего с утратой США атомной монополии.

2. Утрата монополии и водородное оружие

Работы в области атомного оружия начались в СССР еще в годы войны. Несмотря на то что некоторые данные были получены советскими разведчиками, СССР отставал от США примерно на четыре года. Правда, в ноябре 1947 года была пущена «утка» — министр иностранных дел СССР В. М. Молотов в докладе о 30-й годовщине Октябрьской революции заявил, что «этого секрета давно уже не существует»⁷⁵¹. В необоснованности заявления Молотова Трумэна заверили американские разведывательные службы, сообщившие, что никаких данных о том, что в СССР были проведены соответствующие испытания, не существует⁷⁵². Эксперты ЦРУ утверждали, что в СССР атомное оружие может быть создано не ранее 1951 года, о чем руководство разведывательной службы информировало президента⁷⁵³.

Положение изменилось через два года. 29 августа 1949 года на полигоне в Семипалатинской области был проведен первый успешный взрыв атомной бомбы, который держался в секрете, но почти сразу стал известен американской разведке⁷⁵⁴. 3 сентября самолет метеорологической разведки США взял пробы воздуха в столь отдаленном от места взрыва районе, как пространство неподалеку от Камчатки, в котором вслед за этим специалисты обнаружили изотопы, указывавшие на произведенный атомный взрыв.

Хотя советские ученые уже создали оригинальный вариант бомбы, взрывать решили по схеме, переданной разведчиком Клаусом Фуксом*. Один из создателей атомного оружия, Ю. Б. Харитон, вспоминал: «Для конструкции первой советской атомной бомбы были использованы попавшие к нам благодаря Клаусу Фукусу и разведке достаточно подробная схема и описание первой испытанной американской атомной бомбы... Когда специалистами Арзамаса-16** было выяснено, что информация достоверная... было принято решение — для первого взрыва воспользоваться уже проверенной, работоспособной американской схемой. Учитывая государственные интересы в условиях накаленных отношений между СССР и США в тот период, а также ответственность ученых за успех первого испыта-

* *Клаус Фукс* (1911—1988) — немецкий физик-теоретик, в 1933 году эмигрировавший во Францию, а затем в Великобританию. С 1941 года участвовал в работах по ядерному проекту и одновременно установил связь с советской разведкой, которой передавал подробные данные о своих исследованиях и в целом о ядерных разработках. С 1943 года участвовал в американском ядерном Манхэттенском проекте, продолжая передавать разведывательные данные СССР. В 1950 году был арестован британскими спецслужбами и осужден на 14 лет заключения. Британские власти отказались выполнить требование США о передаче его американскому правосудию и тем самым спасли Фукса от смертной казни. Советские власти, в свою очередь, отказались признать Фукса агентом СССР. В 1959 году он был досрочно освобожден, лишен британского подданства и переехал в ГДР, где продолжал исследовательскую работу.

** В феврале 1947 года постановлением Совета министров СССР созданное ранее Конструкторское бюро № 11, занимавшееся исследованиями в области атомного оружия, которое находилось в поселке Саров Мордовской АССР, было отнесено к особо режимным предприятиям с превращением его территории в закрытую режимную зону. Поселок был исключен из всех учетных материалов. В 1954 году поселок Саров был переименован в город Кремлев, а в 1966-м — в Арзамас-16 при сохранении полностью закрытого статуса. С 1995-го — город Саров.

ния, любое другое решение было бы недопустимым и просто легкомысленным»⁷⁵⁵.

Еще почти три недели американские эксперты проверяли и перепроверяли полученные данные. 19 сентября Трумэну было доложено о наличии неоспоримых данных: СССР обладает атомным оружием⁷⁵⁶. 23 сентября Трумэн выступил с заявлением, которое начал с того, что в пределах, ограничиваемых интересами национальной безопасности, американский народ должен быть информирован о всех событиях, связанных с атомной энергией. Затем было кратко произнесено главное: «У нас есть свидетельства, что несколько недель назад в СССР произошел атомный взрыв. С того времени, как атомная энергия впервые была освобождена, следовало ожидать вероятного развития этой новой силы другими нациями. Эта возможность всегда принималась нами во внимание». Президент завершил заявление, указав на необходимость введения эффективного международного контроля над атомной энергией⁷⁵⁷.

Хотя заявление было внешне спокойным, в нем явно чувствовалась скрытая тревога — ведь после первых деклараций о международном контроле вслед за атомными бомбардировками японских городов США активно вопроса об этом не ставили.

Подобный характер носили тотчас последовавшие декларации правительств Великобритании и Канады.

Действительно, новость о ликвидации атомной монополии США была для Трумэна не только неожиданной и неприятной — она ставила под сомнение информированность президента. Ведь лишь за несколько месяцев перед этим он бодро заверял министров иностранных дел стран НАТО непосредственно после подписания этого договора, что по всем реальным подсчетам у него есть в запасе несколько лет⁷⁵⁸.

Ответ СССР был весьма своеобразным. В печати появилось заявление ТАСС — такая форма использовалась, когда по тем или иным соображениям Сталин считал необходимым как бы отстраниться от существа дела. В сообщении и не подтверждалось, и не отвергалось проведение атомного взрыва. Там говорилось: «В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидроэлектростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят

довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза». После этого следовало напоминание о заявлении Молотова 6 ноября 1947 года⁷⁵⁹.

Трумэну пришлось теперь принимать непростое решение.

К этому времени в узких научных кругах велись дискуссии о возможности создания ядерного оружия, во много раз более мощного, чем атомная бомба, и развернулись исследовательские и опытно-конструкторские работы в этом направлении. В начале октября 1949 года Трумэну доложили о возможности создания «супербомбы», причем предупредили, что, по мнению некоторых американских ученых, в СССР уже ведутся работы в этом направлении. Президент запросил мнение Комиссии по атомной энергии. Мнения ее членов были различными. К общей позиции, следует ли непосредственно приступать к созданию сверхмощного ядерного оружия, члены комиссии не пришли.

В то же время президент был проинформирован, что среди самих ученых-ядерщиков нет полного согласия. Один из крупнейших физиков Эдвард Теллер, являвшийся профессором Чикагского университета и заместителем директора Лос-Аламосской ядерной лаборатории, добившийся определенных успехов на пути создания термоядерного оружия, убеждал, что это будет такая сила, которая своей устрашающей мощью сможет предотвратить новые войны.

Теллер планировал создать бомбу, которую он назвал водородной, мощностью, равной 16 миллионов тонн тринитротолуола, то есть в 800 раз превышающей взрывную силу бомб, сброшенных на Японию⁷⁶⁰.

В то же время ряд ученых считали проект создания водородной бомбы не только антигуманным, ибо такое оружие было бы нацелено на огромные массы мирного населения (как будто такой же характер не носила атомная бомба!), но и технически трудно осуществимым, а работы Теллера не более чем теоретическими мудствованиями.

Среди этой группы ученых находился такой авторитет, как бывший научный руководитель Манхэттенского проекта и главный создатель атомного оружия Роберт Оппенгеймер, который с 1946 года возглавлял Институт перспективных исследований в городе Принстоне (штат Нью-Джерси), являвшийся подразделением пользовавшегося славой Принстонского университета. Оппенгеймер, занимавший пост председателя Генерального совещательного

комитета при Комиссии по атомной энергии, энергично выступил против проекта водородной бомбы, называл работу Теллера «обширной писаниной, в основном, как можно было утверждать, лишенной какого-либо технического смысла»⁷⁶¹. Кроме того, Оппенгеймер убеждал Комиссию по атомной энергии, а через нее президента, что имеющиеся ресурсы могут быть со значительно большей пользой потрачены на создание запаса атомных бомб, тем более что ядерные реакторы были настроены на производство трития, тогда как Теллер предполагал, что для создания водородной бомбы потребуется плутоний⁷⁶².

Между обоими учеными возникла личная неприязнь, переросшая во вражду, которая сопровождалась взаимными политическими обвинениями Оппенгеймера в коммунистических взглядах (он действительно в 1930-е годы поддерживал связь с коммунистами, но с началом войны порвал с ними), а Теллера в реакционности и человеконенавистничестве. Разумеется, Трумэну приходилось считаться с этими привходящими моментами.

В том, какое решение было принято президентом, проявились личные качества ученых: степень их напористости и характер аргументации. Тогда как Оппенгеймер, несмотря на свой высокий авторитет, держал себя скромно и прибегал к научной терминологии, Теллер не жалел красок, чтобы представить свой проект в максимально благоприятном свете, скрывал трудности, чуть ли не бил себя кулаком в грудь, заверяя, что именно он разрабатывает практические проблемы, тогда как «полукоммунист» Оппенгеймер укрылся в тиши университетского городка и занимается далекими от жизни выкладками.

Сказались и ведомственные интересы. Было ясно, что термоядерную (водородную) бомбу, когда она будет создана, смогут доставлять к целям только стратегические бомбардировщики (позже эта миссия будет возложена на ракетные силы), тогда как атомные бомбы сравнительно небольшой мощности, разработкой которых теперь занимался Оппенгеймер, могли оказаться на вооружении сухопутных сил. В конкуренции министерств армии и военно-воздушного флота Трумэн явно предпочел более современный род войск.

И все же некоторое время Трумэн колебался. В начале ноября 1949 года он образовал специальную комиссию фактически во главе с госсекретарем Ачесоном, в которую вошли также председатель Комиссии по атомной энергии

Д. Лилиенталь и министр обороны Л. Джонсон (формально все трое обладали в комиссии равными правами). После трех заседаний, на которых были заслушаны специалисты, комиссия пришла к мнению о необходимости начать интенсивную работу по созданию термоядерного оружия. Лилиенталь, правда, высказал сомнения, но его перекрыло единодушное мнение Объединенного комитета начальников штабов в пользу водородной бомбы.

31 января 1950 года во время краткой встречи мнение членов комиссии было доложено президенту. Трумэна убедили как военно-политические, так и экономические соображения. Он пришел к выводу, что, если даже СССР еще и не разрабатывает водородного оружия, он обязательно этим займется. США непременно должны опередить главного и фактически единственного потенциального противника. Не только военным, но и психологическим преимуществом будет обладание оружием, которого еще нет в СССР. В какой-то мере США смогут, таким образом, частично восстановить потерянную атомную монополию, рассуждал Трумэн. На президента произвела впечатление относительно скромная цифра расходов на новое оружие, которая была ему доложена, — от 70 до 100 миллионов долларов при общем военном бюджете, составлявшем около 13,5 миллиарда долларов⁷⁶³.

В этот же день президент выступил с кратким заявлением. Вот его текст: «Одной из обязанностей Верховного главнокомандующего вооруженными силами является забота о том, чтобы наша страна была способна защищать себя от любого возможного агрессора. Соответственно с этим я распорядился, чтобы Комиссия по атомной энергии продолжала работу над всеми формами атомного оружия, включая так называемую термоядерную, или супербомбу. Подобно всем другим работам в области атомного оружия, эта работа проводится и будет проводиться в соответствии с общими целями нашей программы мира и безопасности. Мы будем этим заниматься до тех пор, пока не будет выработан удовлетворительный план международного контроля над атомной энергией. Мы также будем продолжать рассматривать все факторы, оказывающие влияние на нашу программу»⁷⁶⁴.

Еще до заявления Трумэна в американской печати появились сообщения о том, что ведутся работы над созданием сверхмощного оружия. Теперь же, когда президент проинформировал, что правительство включило супербом-

бу в план дальнейшего перевооружения страны, это вызвало поддержку подавляющей части американцев. 80 процентов из них, согласно опросу, сочли, что принято верное решение⁷⁶⁵.

3. Потеря Китая, новые разоблачения и доклад № 68

Решение, по мнению американцев, особенно в верхнем эшелоне власти, было тем более правильным, что незадолго перед этим произошло еще одно событие, которое рассматривалось как поражение США в глобальной стратегии. Речь идет о том, что после гражданской войны, фактически продолжавшейся со времени завершения Второй мировой войны, властью в Китае овладели коммунисты, провозгласившие 1 октября 1949 года образование Китайской Народной Республики.

На протяжении предыдущих лет Трумэн внимательно следил за событиями в Китае. Некоторые советники рекомендовали ему значительно усилить оказание помощи правительству Гоминьдана во главе с Чан Кайши, но он воздерживался от этого, полагая, что коррумпированный гоминьдановский режим обречен. Образование КНР было встречено в США, разумеется, враждебно. Но, считаясь с реалиями, Трумэн решил не предпринимать активных действий против коммунистической власти в огромной азиатской стране. Имея в виду, что правительство Чан Кайши перебазировалось на остров Тайвань, где было объявлено о сохранении Китайской Республики, Трумэн продолжал поддерживать с этим правительством дипломатические отношения и объявил о непризнании КНР. В США развернулась кампания критики президента, которого упрекали за мягкость по отношению к коммунизму, за то, что он допустил приход коммунистов к власти в крупнейшей стране мира, что он «потерял» Китай. Эта критика превратилась просто в бурю негодования, когда стало известно, что 14 февраля 1950 года подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНР, предусматривавший, в частности, взаимную вооруженную поддержку в случае возникновения войны.

На все эти события наложились разоблачения советских агентов, которые происходили и ранее, но стали предметом особого внимания прессы именно в конце 1949-го — первой половине 1950 года. 4 февраля в Великобритании был аре-

станован Клаус Фукс, ранее занятый в Манхэттенском проекте. Он дал показания на своего связника Гарри Голда, тот вывел контрразведку на еще одного разведчика, Дэвида Грингласса. Последний, вначале молчавший на допросах, в конце концов заговорил и признал, что в шпионской сети участвовали его сестра Этель и ее муж Джулиус Розенберг. Они, судя по показаниям Грингласса, играли главную роль в атомном шпионаже: собирали данные о ядерных разработках, образцы технической документации, которые передавали советской агентуре.

17 июля 1950 года был арестован Джулиус Розенберг, а 11 августа — Этель. Если другие арестованные давали признательные показания, то супруги Розенберг упорствовали, ссылаясь на Конституцию США: она дает право отказа от показаний, которые могут быть использованы против обвиняемого⁷⁶⁶. 5 апреля 1951 года Этель и Джулиус были приговорены к смертной казни. Приговор должен был утвердить президент США. Трумэн уклонился от принятия решения, смехотворно сославшись на то, что срок его полномочий истекает (на самом деле прошло немногим более половины президентского срока!), передоверив решение о казни своему преемнику. Прессу США переполняли подробности, версии и контрверсии дела Розенбергов⁷⁶⁷.

Почти одновременно разорвалась еще одна бомба замедленного действия. Еще в августе 1948 года бывший коммунист Уиттакер Чэмберс сообщил Комитету по расследованию антиамериканской деятельности, что он получал секретные документы для передачи СССР от высокопоставленного сотрудника Госдепартамента Алджера Хисса. Вначале в комитете не поверили Чэмберсу — слишком уж невероятной была версия, что участник Крымской конференции в феврале 1945 года, главный организатор учредительной конференции ООН в апреле того же года является шпионом.

За дело, однако, взялся молодой сенатор Ричард Никсон. Получив данные секретной программы «Венона», он добился предания Хисса суду. Сведения «Веноны» не могли фигурировать в качестве доказательств, иначе пришлось бы расшифровать всю программу. Но Хисс просчитался: он под присягой отрицал свою связь с компартией, тогда как обвинение предъявило суду не только Чэмберса, но и других свидетелей. В результате шпион отделался почти легким испугом: он был приговорен всего к пяти годам заключения за дачу ложных показаний⁷⁶⁸.

Но главным в деле Хисса был не мягкий приговор, а сам факт, что ответственную должность в высшем эшелоне администрации занимал шпион.

В стране на этом фоне росла шпиономания, во враждебной деятельности обвинялись многие из тех, кто просто высказывал сомнения в правильности правительственной политики. «Красная угроза» все более нагнеталась.

В этих условиях 14 апреля 1950 года Трумэну был представлен 58-страничный секретный доклад Совета национальной безопасности № 68, который ныне рассматривается как один из важнейших документов не просто периода холодной войны, а как инструмент ее подстегивания. Утвержденный президентом доклад определил характер военно-политической стратегии и внешней политики США на следующие два десятилетия⁷⁶⁹. Правда, некоторые положения доклада показали Трумэну недостаточно обоснованными, он предложил уточнить их и в окончательном виде вновь утвердил доклад в следующем году⁷⁷⁰.

В принципе доклад формулировал промежуточный внешнеполитический курс. Он отвергал как политику разрядки (вероятно, этот французский термин *détente* — «детант», «разрядка» — впервые употреблялся в смысле смягчения международной напряженности), так и курс на «возврат» (ликвидацию советского доминирования в Восточной Европе и в восточной части Азии).

Документ определял, что США находятся перед опасностью «уничтожения не только нашей республики, но и всей цивилизации». Подтверждая «сдерживание» как основу курса по отношению к СССР, доклад трактовал его как «политику рассчитанного и постепенного принуждения». Предусматривалось значительное увеличение расходов на оборонную сферу в сотрудничестве с другими «нациями того же образа мысли».

Основные направления военной стратегии США определялись так: защита Западного полушария и других союзников до тех пор, пока они не окажутся в состоянии защищать себя сами; защита мобилизационных баз в то время, пока формируются силы, способные одержать победу; проведение наступательных операций, способных разрушить жизненные элементы вооруженных сил СССР; защита и поддержание линий коммуникаций и баз, необходимых для выполнения военных задач; оказание союзникам помощи, обеспечивающей выполнение их задач в совместных действиях.

Доклад не содержал финансовых подсчетов, связанных с выполнением задач вероятной третьей мировой войны, ибо именно таковой должна была бы стать война против СССР и его союзников, которую вели бы Соединенные Штаты совместно с другими странами НАТО и рядом стран Американского континента (Канада в данном случае выступала одновременно в обоих качествах). Однако существовавший военный бюджет (13 миллиардов долларов, запланированных на 1950 год) Трумэн считал явно не соответствующим поставленным задачам. Ежегодные расходы на оборону следовало увеличить в три-четыре раза, доведя их до 40—50 миллиардов долларов⁷⁷¹.

Определяя СССР в качестве единственного крупного возможного противника в обозримый период времени, директива указывала на его стремление к постоянному расширению сферы своего господства и предупреждала, что беспрепятственное расширение этой сферы в конце концов приведет к тому, что никакая коалиция наций не сможет ему противостоять. Противодействие СССР, таким образом, определялось как единственный способ выживания США и всей западной цивилизации.

Такому пониманию проблемы защиты Запада способствовал сам язык документа. Влияние СССР в нем определялось как «эндемия», то есть постоянное наличие в определенном регионе заболеваний, связанных с самим характером местности и условиями жизни в ней людей. Источником болезни становился СССР, а врачом, оздоровителем — США. Такое понимание сущности холодной войны определило подавляющее большинство внешнеполитических решений американской администрации в следующие годы.

Одобрение доклада Совета национальной безопасности означало, что он становится директивой правительства Трумэна. В течение трех следующих лет (1951—1953 годы) администрация почти втрое увеличила расходы на оборону, которые составили в национальном валовом продукте 14,2 процента против пяти процентов в 1950 году⁷⁷².

В числе мер, намеченных и реализованных администрацией Трумэна в связи с развитием холодной войны, были и сугубо секретные. Одним из важнейших было создание в соответствии с его директивой от 3 марта 1951 года Совета психологической стратегии, целью которого была разработка методов ведения психологической войны под непосредственным руководством Совета национальной

безопасности и ЦРУ⁷⁷³. В оставшееся время президентства Трумэна созданный совет активной деятельности не развернул. Но после начала войны в Корее по его инициативе было образовано Управление психологической войны, которое в качестве главной формы воздействия на противника использовало листовки. Только за первые дни участия в военных действиях вооруженных сил США они были напечатаны тиражом десять миллионов экземпляров и стали распространяться в основном при помощи авиации и даже артиллерии (так называемых агитационных снарядов)⁷⁷⁴.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов холодная война резко обострилась во всех аспектах, в том числе пропагандистском. В ответ на разоблачения тоталитарной системы и преступлений Сталина, воинственных намерений СССР, его желания превратить всю Европу в сферу своего господства, а затем распространить влияние и на другие регионы земного шара в СССР развернулась антиамериканская кампания, в центре которой стояла личность главы государства.

В центральных газетах Трумэн обвинялся в подготовке новой мировой войны, нагнетании военного психоза, стремлении стереть СССР с лица земли. При этом извращались персональные качества американского президента и особенно подчеркивалась его связь с мафиозными кланами, причем до предела раздувались личные отношения Трумэна с семейством Пендергаст в Миссури.

Вторая половина 1947 года была в этом отношении переломной. Если в первой половине года в центральной советской печати появлялись спокойные материалы и о США в целом, и о руководстве страны, то своего рода сигналом прозвучало «Открытое письмо» писателей В. П. Катаева, Н. Ф. Погодина, К. М. Симонова, А. Т. Твардовского, А. А. Фадеева, М. А. Шолохова и других, в котором американское руководство обвинялось в призывах к новой войне, проводилось сравнение его деятельности с фашизмом⁷⁷⁵.

В том же номере газеты был опубликован памфлет известного писателя, дважды лауреата Сталинской премии Бориса Горбатова «Гарри Трумэн», отличавшийся злобностью и искажением фактов. Трумэн у этого автора был личностью, обанкротившейся в торговле, бывшим членом ку-клукс-клана, лстецом «со скрипучим голосом», ставшим «клерком американского империализма». Трумэн сравнивался с «маленьким ефрейтором из Мюнхена», то есть с Гитлером. «Американский империализм обнажил свои

клыки, — обличал автор. — Трумэн стал поджигателем новой мировой войны»*.

Статья Горбатова привела к дипломатическому столкновению. Посол США У. Беделл-Смит направил ноту Министерству иностранных дел СССР с протестом против оскорблений главы своего государства. 1 октября в «Правде» и других газетах появилось заявление В. М. Молотова, что правительство СССР «не может нести ответственности за ту или иную статью», хотя всем было ясно, что памфлет Горбатова был материалом заказным, что он был опубликован по поручению высших советских должностных лиц, скорее всего лично Сталина. И вообще, независимой прессы в СССР, как известно, не существовало.

Молотов заявил о нежелании продолжать полемику, но все же последнее слово советская сторона оставила за собой. В той же «Литературной газете» 4 октября было опубликовано стихотворение Самуила Маршака — талантливого поэта, но человека явно зависимого, да и не очень сведущего в истории США. Чтобы лучше понять характер того, как стала развиваться советская антиамериканская пропаганда, проводившая теперь непреодолимое различие между позитивными явлениями в истории США и нынешней страной, ее лидером, приведем это стихотворение, опубликованное под заголовком «Мысли вслух», полностью:

Всемирной пользуется славой
Американец Вашингтон.
Его упорством в битве правой
Восставший край освобожден.
Мы чтим великого Линкольна,
Которому нанес удар
Работорговец недовольный,
Теряя прибыльный товар.
Нам ярко светит из тумана
Воспоминанье о втором,

* Нельзя не отметить, что и в СССР статья Горбатова была встречена неоднозначно. Жена Горбатова, известная артистка Т. К. Окуневская, писала: «Ужасная статья о Трумэне — о ней я тоже узнала последней... А через несколько дней встречаю у театра знакомых, которые как-то странно, отчужденно здороваются со мной и, не останавливаясь, проходят дальше, а в театре (Окуневская играла в Театре им. Ленинского комсомола. — Г. Ч., Л. Д.) со мной не здороваются и ведут себя так, как будто я заболела проказой» (Окуневская Т. К. Татьяна день. М.: Вагриус, 1998. С. 191—192). В 1948 году актриса была арестована «за антисоветскую агитацию и пропаганду» и провела в лагере шесть лет.

О лучшем Рузвельте — Делано,
Не запятнавшем Белый дом.
Он был силен, благоразумен,
Великодушию открыт,
Он был не то, что мистер...
Пусть мистер Смит меня простит.
Я не желаю инцидентов
И на уста кладу печать,
Но сто процентов президентов
Я не обязан обожать!

Именно Трумэн, таким образом, стал основным пугалом в советской антиамериканской пропаганде. Американские средства информации отвечали подобным образом⁷⁷⁶.

4. Президент и начало маккартизма

Но для Трумэна внешние выпады в его адрес не были столь болезненными, какими стали атаки на него и его администрацию со стороны сенатора от штата Висконсин Джозефа Маккарти, который всю свою политическую деятельность попытался построить на разоблачении коммунизма и якобы существовавшего потворства ему со стороны государственных органов США. Маккарти и порожденный им морально-политический настрой, получивший питательную среду в крайне правых кругах Республиканской партии, — маккартизм, стали основными внутренними врагами, пытающимися подорвать авторитет, саму власть американского президента.

Термин «маккартизм» для обозначения необоснованных обвинений в коммунистической деятельности и приписывании всех американских проблем коммунистическим козням впервые употребил известный карикатурист Герберт Блок (на своих работах он ставил подпись Герблок). В рисунке, опубликованном газетой «Вашингтон пост» 29 марта 1950 года, он изобразил падающую башню маккартизма, которую неохотно пытается поддержать республиканский слон (символ этой партии). Заголовок гласил: «Вы полагаете, что я намерен остановиться на этом?»

Надо сказать, что Трумэн сам невольно способствовал зарождению маккартизма — той его части, которая была связана с преследованиями по политическим соображениям со стороны Конгресса. Президент тщательно следил за работой Федерального бюро расследований, его директора

«Вы полагаєте, что я собираюсь остановиться на этом?»

Карикатура Г. Херблока «Маккартизм».

Газета «Вашингтон пост». 29 марта 1950 г.

Эдгара Гувера, выражал опасения, что ФБР действует по линии наименьшего сопротивления, сосредоточивается на личностях, которые наиболее заметны, нередко подменяет собой ответвления Конгресса, занимающиеся расследованиями. Трумэн писал жене: «Меня очень беспокоит возникшая ситуация. Эдгар Гувер отдал бы свой правый глаз за то, чтобы взять на себя эти функции (имелись в виду функции политического расследования, которыми обладал Конгресс. — *Г. Ч., Л. Д.*), а все конгрессмены и сенаторы боятся этого... Если я смогу предотвратить это, у нас не будет никакого НКВД или гестапо. Организация Эдгара Гувера делает хороший старт в направлении создания системы шпионажа за гражданами. Это не для меня»⁷⁷⁷.

Глава государства, как видим, был обеспокоен расширением масштабов политических расследований по линии ФБР и стремился их ограничить, считая это прерогативой Конгресса. Вполне вероятно, что президент был возмущен, получив информацию о внимании ФБР к великому физiku Альберту Эйнштейну. Рассекреченное в 1990-е годы прошлого века досье Эйнштейна свидетельствует, что наблюдение ФБР за ним велось еще с 1930-х годов, почти сразу после того, как он эмигрировал из нацистской Германии. Его телефонные звонки прослушивались, время от времени за ним ходили агенты. Гувер даже отдал распоряжение начать подготовку документов о лишении Эйнштейна американского гражданства⁷⁷⁸.

Однако чья-то сильная рука остановила эту возню. Скорее всего, вмешался сам Трумэн. Документов на эту тему нам обнаружить не удалось. Но ведь единственным авторитетом для директора ФБР был президент. Почему вдруг подготовка экстрадиции была прекращена? Нам представляется, что ответ на этот вопрос может быть единственным — распоряжение было отдано из Белого дома.

Именно в этих условиях произошла реанимация Комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, который распространил проверку лояльности не только на лиц, которые были заняты на государственной службе, и лишь затем на политической арене возникла фигура сенатора Маккарти. При этом в Комитет палаты представителей стали привлекаться сенаторы. Одним из первых был Ричард Никсон, будущий американский президент.

Наиболее шумевшим делом комитета стали его разоблачения коммунистической активности в Голливуде, сти-

мулом к чему оказались внутренние склоки и конкуренция в самой киноиндустрии, в частности выпады наиболее консервативных продюсеров и режиссеров против своих соперников.

Наиболее активным из тех, кто стремился свести счеты с конкурентами, обвиняя их в «подрывной деятельности», был создатель блестящих мультипликационных фильмов и в то же время жесткий и безжалостный предприниматель Уолт Дисней. Именно по его наводке в Вашингтон были вызваны 19 «недружественных свидетелей», то есть лиц, заподозренных в подрывной деятельности. Допросить удалось только десять человек, так как следствие было внезапно прервано под влиянием резко негативного отношения к нему в стране.

Трумэн внимательно следил за расследованием этого дела и еще в большей степени за следствием по делу коммунистической партии и за последовавшим затем судом. Этот процесс начался 16 января 1949 года и продолжался почти год. Генеральный секретарь партии Юджин Деннис и другие подсудимые были обвинены в деятельности, направленной на свержение правительства США в соответствии с инструкциями из-за рубежа. Все они получили пятилетний срок. Крохотные коммунистические демонстрации, которые проходили перед зданием суда, только усиливали отчуждение массы американцев от коммунизма. Чуть ли не во всей американской прессе была опубликована сентиментально-скандальная фотография маленькой девочки с огромным плакатом «Мой папа борется за мир. Боритесь за его освобождение!». Как выяснили дотошные репортеры, родители девочки никакого отношения к обвиняемым не имели, они сдали своего ребенка «в аренду»⁷⁷⁹.

Суд над коммунистическими лидерами не превратил их в героев. Наоборот, те остатки влияния, которые партия сохраняла в первые послевоенные годы, были почти полностью утрачены, компартия превратилась в крохотную секту, насчитывавшую лишь несколько тысяч членов в многомиллионной стране.

И в связи с расследованием, и после суда Трумэн предупреждал, что меры, принимаемые против компартии, ни в коем случае нельзя понимать расширительно. В специальном послании Конгрессу по вопросам внутренней безопасности в августе 1950 года он писал: «Эти меры должны применяться аккуратно, чтобы противостоять реальной опасности. Они не должны быть настолько широкими,

чтобы без необходимости ограничивать нашу свободу, ибо это было бы направлено против наших собственных целей. Неразумные или излишние меры могут нанести удар по свободе и достоинству личности, которые представляют собой основу нашего общества»⁷⁸⁰.

Во времена своего президентства Трумэн воздерживался от критики Комитета по расследованию антиамериканской деятельности. Но свое реальное отношение к практике преследования им инакомыслящих он выразил после ухода в отставку, заявив в 1959 году, что антиамериканский комитет — это «наиболее антиамериканская вещь в нашей стране»⁷⁸¹.

Но Комитет по расследованию антиамериканской деятельности казался еще сущим ангелом по сравнению с теми расследованиями, которые развернул Маккарти.

Джозеф Маккарти, родившийся в 1908 году, занимался юридической практикой в родном штате Висконсин. В годы Второй мировой войны он служил в морской пехоте. Но, как было установлено через много лет журналистами, он не участвовал в боях, а приобрел некоторый опыт в контрразведывательной службе, где также не стяжал себе лавров. Тем не менее в 1946 году он был избран в сенат от родного штата.

Будучи по природе карьеристом и интриганом, Маккарти ждал своего часа и решил, что его время пришло, когда во внешней политике США возник ряд неудач. Главными были создание советского атомного оружия и приход коммунистов к власти в Китае. В памяти оставалось и дело Алджера Хисса: миллионы американцев были недовольны, что его не засадили в тюрьму за шпионаж.

Кто виновен во всех этих неудачах? Многие думали, что вина лежит на безответственных государственных руководителях, напрасно придерживавшихся устаревших демократических норм и даже допускавших проникновение вражеских элементов в государственные структуры. Значительная часть недовольных считала, что президент Трумэн не принимает должных мер по охране интересов США как внутри страны, так и за ее пределами. Именно такими настроениями решил воспользоваться Маккарти.

В первые годы пребывания в сенате Маккарти был почти незаметен, хотя его коллеги отмечали неотесанность и грубость сенатора. Ситуация изменилась, когда 9 февраля 1950 года он произнес речь в женском республиканском клубе небольшого городка Вилинг (штат Западная Вирд-

жиния). В этом выступлении он, по существу дела, объявил войну важному элементу государственной администрации США — Госдепартаменту, а тем самым президенту Трумэну.

Оратор сообщил, что он располагает именами 205 служащих Госдепа, которые являются членами компартии, что глава департамента Ачесон, отлично зная об их партийной принадлежности, продолжает держать этих людей на своих постах. В результате этого положение США становится отчаянным, нагнетал страх Маккарти. Враг может выиграть холодную войну, потому что высшие государственные служащие покровительствуют предателям. Объявлено было, что главные враги Америки находятся не в Москве, а в Вашингтоне⁷⁸².

Речь Маккарти произвела впечатление разорвавшейся бомбы. На следующий день она была опубликована почти всеми газетами. Трумэну немедленно доложили об акции сенатора.

10 февраля Маккарти осадили толпы журналистов. Они, правда, были разочарованы и даже удручены, когда герой дня назвал им цифру, в четыре раза меньшую, — не 205, а 57 «шпионов», служащих в Госдепе, причем никак не мог объяснить, откуда взялись эти цифры — ни названная накануне, ни новая. Когда же от Маккарти потребовали, чтобы он публично огласил все эти «зловещие» имена, сенатор воспользовался незамысловатым трюком, отлично известным в следственной практике: вместо того чтобы назвать сообщников обвиняемого, которые, мол, следствию отлично известны (на самом деле это отнюдь не так), требовать, чтобы он сам назвал их и этим облегчил свою участь.

Маккарти заявил журналисту Дэну Валентину (мы цитируем дословно его бессвязный словесный поток): «Теперь, конечно, прежде чем мы дадим ему (Ачесону. — *Г. Ч., Л. Д.*) информацию, дадим ему имена коммунистов, которые мы имеем, он должен, конечно, сам иметь (если я имею их, он должен иметь их), я хочу вот чего: проявления его доброй воли. Самый лучший путь показать, то есть сказать, что по крайней мере то, что касается этих пятидесяти семи, когда вы дадите их имена, затем всю информацию об их коммунистической деятельности, об их нелояльности, мы сможем начать любое правильное расследование в комитете Конгресса. Ясно я сказал, Дэн?»⁷⁸³

Дэну, вероятно, было ясно всё. Именно поэтому он произвел в газете высказывания Маккарти, никак не редактируя их. Надеемся, ясно и читателям, которым авторы

приносят извинения за весьма неуклюжую цитату. Перед нами стояла нелегкая задача — перевести на русский язык безграмотное высказывание юриста Маккарти так, чтобы одновременно сохранить его смысл, в какой-то мере сохранить характер нелогичного речевого потока и передать текст понятным русским языком.

Маккарти попытался взять то ли в сообщники, то ли в заложники президента США. На следующий день он отправил ему телеграмму со своими обвинениями и потребовал, чтобы ему предоставили доступ к личным делам сотрудников Госдепартамента. Маккарти настаивал на получении «полного отчета о коммунистической инфильтрации в департамент», включая роль предполагаемого коммунистического шпиона Алджера Хисса. «Отказ с вашей стороны это сделать будет означать, что Демократическая партия является пособницей мирового коммунизма»⁷⁸⁴.

Взглянув на телеграмму, Трумэн тут же написал краткое письмо Маккарти, выдержанное в самых острых тонах: «Я сам работал в сенате в течение десяти лет и впервые за все это время слышу, что сенатор пытается дискредитировать перед всем миром свое собственное правительство. Вы знаете, что такие вещи не делаются честными общественными деятелями. Ваша телеграмма не только неправдива, она является наглой попыткой разрешить ситуацию, которая должна решаться между двумя людьми, но она показывает, что Вы неспособны вообще понять, как работает правительство Соединенных Штатов. Я совершенно уверен, что народ штата Висконсин крайне сожалеет, что он представлен личностью, у которой столь малое чувство ответственности, как у Вас».

Подумав, Трумэн решил не отправлять этого письма, о чем свидетельствуют надпись «Проект» на сохранившемся архивном экземпляре, отсутствие подписи и даты и, главное, то, что весь этот текст перечеркнут, вероятно самим автором⁷⁸⁵. По всей видимости, президент счел для себя недостойным вести переписку с бешеным сенатором. Ответа на телеграмму Маккарти так и не получил.

Естественно, пресса, а затем и руководство Госдепартамента настаивали, чтобы Маккарти немедленно назвал имена коммунистов, якобы работавших во внешнеполитическом ведомстве. Сенатор обещал «вот-вот объявить их», но под всевозможными предлогами сделать это отказывался. В новых выступлениях Маккарти цифры постоянно менялись, свести концы с концами он был не в состоянии.

Само выражение «цифра Маккарти» в американской прессе стало злой шуткой.

Тем временем Ачесон выступил с несколькими заявлениями, в которых сдержанно, но твердо отверг предъявленные обвинения. Трумэн был резче. На пресс-конференции 16 февраля он заверил журналистов, что «в том, что говорит сенатор, нет ни слова правды». Таким единственным предложением он оборвал дальнейшие вопросы на эту тему⁷⁸⁶.

В конце концов сенатор назвал только одну фамилию — профессора Оуэна Латтимора из Университета имени Джонса Гопкинса (Балтимор), известного специалиста по Китаю и Центральной Азии, в прошлом проводшего много лет на дипломатической службе в Китае и теперь по совместительству являвшегося консультантом Госдепартамента. Латтимор обвинялся, ни больше ни меньше, в том, что именно его рекомендации привели к поражению Чан Кайши и к победе коммунистов в Китае!

Единственное, на чем строил обвинения Маккарти, кроме клеветнических слухов, были статьи самого Латтимора в научной печати, в которых обращалось внимание на постепенно усиливавшиеся националистические оттенки в идеологии и политике компартии Китая.

Весной 1950 года по требованиям сенаторов-демократов с одобрения Трумэна была образована специальная комиссия по проверке обвинений против Латтимора. Приглашенный на заседание Маккарти не смог привести ни единого доказательства — он оперировал слухами и лживыми сведениями информаторов, имена которых отказался назвать. Комиссия признала Латтимора невиновным, а сенатору вынесла порицание за необоснованные обвинения.

На пресс-конференции 30 марта 1950 года Трумэну задали несколько вопросов о Латтиморе. Он не только решительно отверг всякие обвинения в его адрес, но и обрушился на тех (имелся в виду, естественно, Маккарти), кто пытается саботировать и разрушить двухпартийную внешнюю политику. Именно эти люди, а не вымышленные шпионы, являлись, по оценке президента, «величайшим приобретением Кремля»⁷⁸⁷.

Вслед за этим сенат образовал Комитет по расследованию комплекса обвинений, выдвинутых Маккарти, но никаких доказательств и здесь сенатор привести не смог. В связи с этим Трумэн писал министру торговли Чарлзу Сойеру: «Я считаю, что наступило время предъявить доказательства, которые поставят Маккарти в незавидное поло-

жение, а у нас больше не будет нужды упоминать его имя в связи с политикой»⁷⁸⁸.

Действительно, судьба Маккарти в тот период висела на волоске. Его расчет на массовую поддержку американцев оказался провальным. Но как раз в это время агрессией Северной Кореи против Южной началась корейская война и ветры всемирной холодной войны задули с новой силой. А это, в свою очередь, вознесло Маккарти на политическую вершину, хотя и на краткое время.

Глава девятнадцатая **КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА**

1. Агрессия и решение ООН

Ситуация в Юго-Восточной Азии к 1950 году находилась в сфере внимания американского президента, но не на первом плане. Его внимание в основном занимали европейские дела. Именно в этих условиях руководители коммунистического Китая и коммунистической Северной Кореи (Корейской Народно-Демократической Республики) Мао Цзэдун и Ким Ир Сен попытались попробовать прочность противостоящих сил путем объединения Кореи военным путем под коммунистическими знаменами, для чего им необходимо было получить согласие Сталина и его готовность оказать помощь.

Разумеется, коммунистическим лидерам не была известна некая отстраненность Трумэна от корейских дел, в частности соответствующий пункт в одобренном им докладе Совета национальной безопасности «Позиция Соединенных Штатов по отношению к Корее» (2 апреля 1948 года), где говорилось: «Соединенные Штаты не должны оказаться необратимо вовлеченными в корейскую ситуацию, имея в виду, что действия, предпринятые в Корее любой внутренней фракцией или любым другим государством, не должны рассматриваться как *casus belli* (повод к войне. — Г. Ч., Л. Д.) для Соединенных Штатов»⁷⁸⁹.

В соответствии со взятым политическим курсом Трумэн распорядился о выводе всех американских войск из Южной Кореи, где было провозглашено создание самостоятельного государства Корейская Республика (президентом был избран консервативный политик Ли Сын Ман). Последние

американские части покинули Корейский полуостров в июне 1949 года, незадолго до провозглашения Китайской Народной Республики.

Разграничительная линия между Северной и Южной Кореей проходила по 38-й параллели. Предусматривалось в сравнительно близком времени осуществить объединение Кореи, но в период холодной войны СССР и США не могли никак договориться об условиях объединения (США настаивали на проведении подлинно демократических выборов под контролем ООН; СССР пытался распространить северокорейский режим на всю территорию страны). В связи с этим по предложению Трумэна стороны фактически согласились в случае возникновения каких-либо международных неурядиц, связанных с Кореей, передавать их на рассмотрение ООН⁷⁹⁰. К тому же 12 января 1950 года госсекретарь Ачесон очертил «периметр американских интересов на Тихом океане», который не охватывал Корею. Заявление Ачесона воспринималось как выражение позиции Трумэна⁷⁹¹.

Весь этот комплекс фактов убедил Ким Ир Сена и поддерживавшего его Мао Цзэдуна в том, что США, по всей видимости, не вмешаются в корейский конфликт, если он действительно возникнет.

С начала 1949 года Ким Ир Сен многократно обращался к Сталину за получением санкции на вторжение в Южную Корею. Он писал, что правительство Ли Сын Мана не пользуется доверием трудящихся, что вторжение северокорейских войск приведет к немедленному общенародному восстанию, которое свергнет сеульский режим. Сталин, однако, опасался вмешательства США с возможным применением атомного оружия, указывал на жесткую позицию Трумэна и разрешения на вторжение в Южную Корею не давал.

Однако поведение Трумэна и его помощников, их фактическое исключение Кореи из сферы своих интересов позицию советского диктатора изменили. В то же время по его указанию СССР оказывал Северной Корее военную помощь, в результате которой армия КНДР к началу 1950 года превосходила южнокорейскую армию по всем ключевым показателям. Впрочем, по мнению некоторых авторов, Сталин занимал двойственную позицию по отношению к Ким Ир Сэну и Мао Цзэдуну. Среди этих авторов и Н. С. Хрушев. В своих мемуарах Хрушев недоумевал, почему Сталин «отозвал наших советников, которые ранее были в дивизиях армии КНДР... Он отозвал вообще всех во-

енных советников, которые консультировали Ким Ир Сена и помогали ему создавать армию».

Несколько забега я вперед по поводу позиции Сталина в корейском конфликте отмечим еще одно высказывание Хрущева, относящееся ко времени, когда северокорейская армия находилась на грани разгрома: «Когда нависла такая угроза, Сталин уже смирился с тем, что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на нашу сухопутную границу. Отлично помню, как он сказал: “Ну, что же, теперь на Дальнем Востоке будут нашими соседями Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать с ними не будем”»⁷⁹².

Сталин, таким образом, по мнению Хрущева, был убежден в миролюбивых намерениях Трумэна.

В январе 1950 года Сталин дал сдержанное согласие на проведение военной операции. Для согласования деталей в марте в Москву приехал Ким Ир Сен. Принимая его, Сталин подтвердил согласие на вторжение в Южную Корею⁷⁹³.

27 мая в Москву было сообщено, что план нападения готов и одобрен Ким Ир Сеном. К этому времени северокорейская армия была хорошо вооружена, в частности мощной советской военной техникой: танками, самолетами, артиллерией⁷⁹⁴. По данным американской разведки, с середины марта 1950 года северокорейские власти развернули мощную пропагандистскую кампанию о якобы готовившемся нападении Южной Кореи и под этим предлогом провели эвакуацию населения из пятикилометровой пограничной зоны, в начале июня ввели чрезвычайное положение на железных дорогах, по которым теперь двигались в южном направлении только эшелоны с военнослужащими и боевой техникой.

И все же вторжение северокорейских войск в Южную Корею застало американского президента врасплох. Начало июня 1950 года он проводил в поездке по стране, главным образом по родному штату Миссури. 9 июня он выступил на выпускном торжестве университета штата, на следующий день говорил на Национальном мемориале Джефферсона в Сент-Луисе. Оба выступления в значительной своей части были посвящены международным делам, причем Трумэн был на редкость оптимистичен. Выпускникам университета он заявил: «Мир, в котором ваш класс завершает сегодня свое образование, нуждается в конструктивном творческом руководстве во внешних, особенно экономических, делах». Президент хотел бы, чтобы следующая половина столетия

стала величайшей эпохой в истории, миром «невообразимых чудес»⁷⁹⁵.

Вслед за этим Трумэн возвратился в Вашингтон. В субботу, 24 июня, он на краткое время появился где-то посередине между Вашингтоном и соседним Балтимором, где участвовал в торжественном открытии нового международного аэропорта, обслуживающего оба города, а затем на выходные дни отправился вновь в Миссури, в родной город Индепенденс, на этот раз с женой и дочерью.

Семья собиралась обедать, когда из Вашингтона позвонил Ачесон и сообщил, что в ночь на 25 июня (в США еще было 24 июня) войска Северной Кореи перешли 38-ю параллель и начали продвижение вглубь территории Южной Кореи по направлению к ее столице Сеулу. По воспоминаниям Маргарет Трумэн, первоначальная реакция отца была не очень тревожной. Сообщив семье о неприятной новости, он добавил: «Я останусь здесь ночевать. Все может быть не так серьезно, как это представляется. Я хотел бы, чтобы завтра все занимались своими делами, как всегда»⁷⁹⁶. Создается впечатление, что президент пытался успокоить не только своих близких, но и самого себя.

Сделать это, однако, не удалось. Госсекретарь вскоре позвонил снова. Голос его звучал еще более нервно. Он сообщил, что северокорейские танки движутся к Сеулу, почти не встречая сопротивления. Ачесон рекомендовал немедленно созвать Совет Безопасности ООН, чтобы предложить резолюцию с призывом к членам организации принять срочные меры против прямого акта агрессии. Трумэн согласился с этим и распорядился, чтобы Ачесон немедленно объявил о созыве.

Ситуация с созывом Совета Безопасности в принципе была неоднозначной. Согласно Уставу ООН, в Совете существовал принцип единогласия пяти великих держав — США, Великобритании, Франции, СССР и Китая, который шире известен под названием «права вето». Это означало, что, если делегат хотя бы одного из названных государств голосовал против предлагаемой резолюции, она не принималась. Советское вето, безусловно, заблокировало бы резолюцию Совета Безопасности, направленную на пресечение северокорейской агрессии.

Но Сталин поторопился. Когда стало известно, что ООН отказалась исключить из своего состава Китайскую Республику, которая теперь располагалась только на острове Тайвань, и принять в организацию КНР, он распорядил-

ся, чтобы советские делегаты в знак протеста покинули учреждения ООН. СССР не вышел из состава организации, но уже в январе 1950 года ответственные делегаты вообще уехали из Нью-Йорка, а второстепенные чиновники только наблюдали за происходившим, не посещая заседаний ни одного органа ООН. Молниеносный созыв Совета Безопасности мог, таким образом, обеспечить принятие решения без участия делегации СССР.

Хитроумный Сталин ошибся. Видимо, он был убежден, что западные державы ограничатся словесными протестами, не направят в Корею свои воинские контингенты. Отлично зная миролюбивый настрой Трумэна, советский вождь, точно так же как Мао Цзэдун, был убежден, что проба сил на Корейском полуострове пройдет быстро и гладко.

Трумэн действительно оказался перед нелегким выбором. Через годы, во время встречи с молодежью в помещении Библиотеки Трумэна бывшего президента спросили, какое решение было ему особенно трудно принять, и он, не задумываясь, ответил: «Решение вступить в корейскую войну»⁷⁹⁷.

Но если Трумэн и колебался, то очень краткое время. Он решил теперь немедленно возвратиться в столицу и одновременно с указанием о созыве Совета Безопасности предложил Ачесону вечером этого же дня собрать у него всех ответственных сотрудников Госдепартамента и Министерства обороны. Находившийся вместе с Трумэном в Миссури его личный врач генерал Уоллес Грэм в этот же день заявил журналистам: «Босс намерен сильно ударить по этим ребятам»⁷⁹⁸.

Возвратившись в Вашингтон и встретившись с министрами и их заместителями, выслушав их мнения, Трумэн убедился, что его помощники и советники пришли к тем же выводам, что и он сам. Общее мнение состояло в том, что, хотя воевать начали корейцы, именно русские проверяют стойкость США и их союзников и собираются продолжить свои действия в других регионах.

В первые дни после начала корейской войны Трумэну было не до дневника. Когда же он открыл его 30 июня, сделанная им запись гласила: «Россия собирается атаковать на Черном море и по направлению Персидского залива»⁷⁹⁹. Президент явно находился в крайне нервном состоянии, если сделал столь преувеличенные выводы.

По согласованию с военными Трумэн распорядился подготовиться к нанесению удара в Корею военно-воздуш-

ными силами, затем военным флотом и, наконец, если Совет Безопасности ООН примет соответствующее решение, в случае необходимости сухопутными войсками. Иначе говоря, вступить в корейскую войну Трумэн собирался в любом случае. Одобрение Совета Безопасности было желательным, но в крайнем случае президент был намерен обойтись и без него.

После того как распоряжение было отдано, Трумэн заявил: «Я надеялся и молился, что мне никогда не придется принимать решение, подобное тому, которое я принял сегодня. Но я не вижу ничего другого, что было бы возможно для меня, кроме этого... Если коллективная система под руководством ООН может работать, ее надо заставить работать, и сейчас настало время вывести их на чистую воду»⁸⁰⁰. Что имел в виду Трумэн? Скорее всего, он не был вполне уверен в том, что Совет Безопасности безоговорочно поддержит американское намерение вступить в войну не на словах, а на деле.

Но его опасения были напрасными. Собравшийся 25 июня во второй половине дня Совет Безопасности единодушно объявил Северную Корею агрессором, а через два дня, 27 июня, утвердил новую резолюцию, рекомендовавшую членам ООН принять меры для восстановления мира в Корее.

К этому времени авиация и флот США уже начали подготовку к операции. Командующему вооруженными силами США на Дальнем Востоке генералу Дугласу Макартуру был послан приказ начать ввод американских войск на территорию Кореи. Началась транспортировка на полуостров не полностью укомплектованной и не подготовленной к боевым действиям 24-й пехотной дивизии США. Она вступила в военные действия, но сразу же понесла тяжелые потери, а ее командир генерал-майор Уильям Дин оказался в северокорейском плену. Американцы поначалу действовали весьма неуклюже и несогласованно. И лишь постепенно Макартур смог наладить несколько большее взаимодействие между родами войск.

Решения Совета Безопасности Трумэн не дожидаясь, но оно полностью оправдало его надежды. Просчет Сталина стоил дорого, правда, в основном в пропагандистском смысле. Если бы СССР наложил вето, всю ответственность пришлось бы принять США. А так всему миру было прекрасно известно, что против Северной Кореи воюют в основном американцы, но действуют они под флагом ООН.

Что же касается других стран, согласившихся принять участие в войне и послать в Корею контингенты в качестве вооруженных сил ООН, то реально в военных действиях, помимо США (до 480 тысяч солдат и офицеров), участвовала только Великобритания (63 тысячи человек). Остальные же 14 государств коалиции послали контингенты, которые можно оценить как незначительные (несколько тысяч) или символические (Бельгия — 900, Южно-Африканский Союз — 825, Люксембург — 44 и т. п.). При этом переброска войск в Корею и их ввод в военные действия проходили постепенно, тогда как северокорейская армия продолжала наступление.

28 июня армия КНДР захватила Сеул. Правда, молниеносной победы достигнуто не было, южнокорейская армия и руководство страны во главе с президентом Ли Сын Маном смогли покинуть город. Никакого общенародного восстания, которое якобы предвидел Ким Ир Сен, не произошло. Но к середине августа 90 процентов территории Южной Кореи было оккупировано войсками Севера.

Тем временем еще 7 июля очередным решением Совета Безопасности, признавшим американские войска в Корее силами ООН, командование всеми операциями на полуострове было возложено на американских генералов. Командующим силами ООН стал по совместительству генерал Макартур.

2. Военное руководство

Президент США стремился действовать в соответствии с законодательством и традицией. Перед ним, в частности, встал вопрос: следует ли объявлять состояние войны? Проконсультировавшись, он решил не делать этого. Имея в виду широкую поддержку участия американских войск в операциях под флагом ООН, Трумэн заявил: «В этом нет необходимости. Все они (граждане США. — *Г. Ч., Л. Д.*) со мной»⁸⁰¹. И все же президент решил еще раз поговорить на эту тему с конгрессменами. Их ответы на вопрос о юридической стороне дела, о том, следует ли принимать решение высшего законодательного органа, были не правовыми, а эмоциональными. Сенатор Том Коннэлли, например, ответил: «Если разбойник врывается в ваш дом, вы можете стрелять в него, не идя в полицейский участок за разрешением. Вас могут втянуть в долгие дебаты в Конгрессе, кото-

рые полностью свяжут ваши руки. Вы имеете право делать все это как Верховный главнокомандующий и в соответствии с Уставом ООН»⁸⁰².

Можно полагать, что такая аргументация была для Трумэна весомой. В полном с ней соответствии президент объявил на пресс-конференции, что Америка не ведет войны, что имеет место «полицейская акция», операция по «уничтожению бандитов»⁸⁰³.

К середине сентября 1950 года в Южной Корее находилось пять американских дивизий, около 500 танков, свыше 1100 самолетов. Это дало возможность не только перейти в контрнаступление, но осуществить десантную операцию в районе города Инчхона, что позволило отрезать армию КНДР от баз снабжения и резервов. В плену оказалось свыше 40 тысяч человек. Северные корейцы начали поспешное отступление, американцы, а также южнокорейские силы вышли на 38-ю параллель.

В этих условиях 27 сентября Трумэн положительно ответил на запрос Макартура, имеет ли он право пересекать демаркационную линию. Президент руководствовался заверением генерала, что Китай не вмешается в войну и ее можно будет завершить в течение нескольких недель. Престиж генерала после операции в районе Инчхона был очень высок, его полностью поддерживала республиканская фракция Конгресса. Любое сдерживающее выступление Трумэна неизбежно трактовалось бы как умиротворение коммунизма. Впереди маячили промежуточные выборы в Конгресс. Да и сам Трумэн был охвачен эйфорией.

Оказалось, что решение о вторжении в Северную Корею стало тяжелым просчетом и генерала, и президента.

Китайский вождь Мао Цзэдун до поры до времени внимательно присматривался к корейским событиям, но непосредственно в них не вмешивался. Размещение седьмого американского флота поблизости от острова Тайвань, которое произошло параллельно с ходом корейской войны, было первым событием, которое способствовало изменению китайской позиции. Вторжение американских войск в Северную Корею 8 октября и их быстрое продвижение к китайской границе оказались вторым и на этот раз решающим фактором.

Американские войска, которые двигались быстро, не обеспечивая своих тылов и не создавая оборонительных линий на флангах, оказались соблазнительной целью для китайских коммунистических генералов, которые совсем

недавно вышли из гражданской войны и жаждали новых военных успехов. Мао предупреждал, что в том случае, если какие-либо некорейские войска пересекут 38-ю параллель, Китай ответит военной силой. Через представительство Индии в ООН это заявление было передано американскому руководству. Но с подачи Макартура Трумэн счел этот шаг блефом, попыткой шантажировать ООН и своего решения не изменил.

Макартур встретился с президентом для краткой беседы, продолжавшейся один час, на острове Уэйк 14 октября. Перелет на отдаленный тихоокеанский остров, по существу дела небольшую полоску песка, занял сутки. Оказалось, что на острове был всего лишь один автомобиль, принадлежавший начальнику аэродрома. Президент и генерал разместились в автомобиле, остальные участники совещания — в автобусе. Привыкший уже к комфорту, Трумэн был в плохом настроении. К тому же он не любил Макартура, не без оснований считая его самоуверенным и заносчивым, в действительности не выигравшим до войны в Корее ни одного сражения.

Но Инчхонская операция стоила многого. Главные вопросы, которые обсуждались на Уэйке, состояли в том, как вести себя в случае китайского вторжения в Корею из Маньчжурии и принимать ли предложение Чан Кайши направить на Корейский полуостров армию Китайской Республики, то есть силы, находившиеся на острове Тайвань. Предложение Чана было отвергнуто, чтобы еще более не осложнять ситуацию. Что же касается хода войны, то красноречивый Макартур, несмотря на трумэновскую антипатию, произнес весьма убедительный монолог. Он уговорил всех присутствовавших, что со стороны материкового Китая нет никакой реальной угрозы, в частности потому, что Мао Цзедун, только завершивший многолетнюю войну, целиком занят внутренними делами.

Советник Трумэна Чарлз Мэрфи, сопровождавший президента, безусловно, отражал впечатление своего шефа, вспоминая речь Макартура: «Он говорил очень весомо, очень четко, очень понятно... И когда он объяснил, почему и как мы должны выиграть войну и почему другая сторона не в состоянии ничего поделать... я был убежден полностью»⁸⁰⁴. На Уэйке Трумэн подтвердил свою санкцию на действия американских войск на территории Северной Кореи.

Между тем именно в эти дни в Москву был направлен премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай, кото-

рый получил санкцию Сталина на фактическое вступление Китая в войну. 19 октября китайские войска под командованием генерала Пэн Дэхуая, которые для маскировки были названы «отрядами народных добровольцев», пересекли пограничную реку Ялу и вступили в военные действия. 25 октября почти пятисоттысячная китайская армия начала наступление. Ей удалось сравнительно быстро занять территорию Северной Кореи, а затем, перейдя 38-ю параллель, китайцы, вместе с северокорейцами, овладели Сеулом. В третий раз переходившая из рук в руки столица Южной Кореи была почти полностью разрушена.

В Корею были посланы и советские самолеты МиГ-15, которые, впрочем, не должны были подлетать к линии фронта ближе чем на 100 километров и лишь отражали атаки американских бомбардировщиков. Об участии СССР в военных действиях было известно, но американцы делали вид, что СССР остается в стороне.

В любом случае США оказались втянутыми в крупный военный конфликт, которого Трумэн никак не ожидал. Сам он продолжал проявлять немалую нервозность, несколько раз меняя свои намерения по такому вопросу глобальной важности, как возможность применения атомного оружия. Вначале он был решительно против атомной бомбардировки территории Кореи и Китая. На одном из совещаний президент вспылил, когда генерал Хойт Ванденберг заявил: «Если вступят в войну китайцы, мы используем атомную бомбу, это — составная часть нашей военной доктрины». — «Откуда вы это взяли? — взорвался Трумэн. — Не суетитесь и разработайте себе другую стратегическую доктрину»⁸⁰⁵.

Но это происходило до вторжения китайской армии. После того как американцы стали терпеть поражения, которые во всем мире, в том числе на родине, оценивались как позорные, Трумэн свою позицию изменил. 30 ноября он заявил на пресс-конференции о возможности применения в Корее атомной бомбы. На вопрос, требует ли использование атомной бомбы одобрения ООН, он ответил, что «военное командование на театре войны ответственно за использование любого оружия». Пресс-конференция была почти полностью посвящена войне в Корее и вторжению на ее территорию китайских войск. Трумэн заверил, что США предпримут все необходимые меры, чтобы исправить ситуацию.

Один из журналистов вновь спросил: «Включает ли это возможность использования атомного оружия?» Последо-

вал ответ: «Включает любое оружие, которым мы владеем». Позже в этот же день Белый дом опубликовал разъясняющее заявление, что использование атомного оружия в Корее возможно только с личной санкции президента⁸⁰⁶.

Это объяснение, однако, ни в малейшей степени не улучшило чуть ли не отчаянного состояния, вызванного декларацией Трумэна в кругах ООН и в общественном мнении стран Запада. В донесениях агентов ЦРУ, суммированных в докладе президенту от 4 декабря 1950 года, говорилось, что «заявление президента Трумэна об атомной бомбе вызвало огромное оцепенение»⁸⁰⁷.

3. Тупиковая ситуация и падение престижа

Война в Корее тем временем приобретала позиционный характер. После нескольких кратких и неудачных наступательных операций обеих сторон линия фронта стала проходить приблизительно по 38-й параллели с небольшими отступлениями на некоторых участках к северу и к югу.

Считая ответственным за неудачи в Корее Макартура, позволявшего себе к тому же, по мнению президента, заявления и действия, которые подобало делать только Верховному главнокомандующему, каковым являлся он сам, считая недопустимыми высказывания генерала о «доведении войны до победного конца» и о вероятном использовании атомного оружия (такие эскапады позволительны были уж явно только президенту), Трумэн 11 апреля 1951 года объявил об отстранении Макартура от командования войсками ООН в Корее.

Немалую роль в этом, безусловно, сыграла последняя встреча с генералом (напомним, состоявшаяся на острове Уэйк 14 октября 1950 года), на которой Макартур, как считал Трумэн, легко обвел его вокруг пальца. Простить такое было просто невозможно. Объединенный комитет начальников штабов и другие представители военной элиты поддерживали президентское решение. Командующим войсками США и их союзников в Корее стал генерал Мэтью Риджуэй, перед этим командовавший 8-й армией, который стал также командующим оккупационными войсками в Японии. В связи с этим Трумэн присвоил Риджуэю, являвшемуся бригадным генералом, звание полного генерала. Вскоре, 8 июля 1951 года, в городке Кэсоне начались переговоры

о перемирии, которые продолжались два года. В течение всего этого времени военные действия то возобновлялись с переменным успехом, то прекращались. Перемирие было подписано уже при преемнике Трумэна Эйзенхауэре⁸⁰⁸.

Неудачи в корейской войне непосредственно сказались на популярности Верховного главнокомандующего и политического руководителя Соединенных Штатов.

Пытаясь восстановить свою репутацию в условиях, когда основная часть населения США была охвачена военным угаром, опасаясь, что страна в любой момент может подвергнуться ядерному удару в условиях военной неподготовленности, Трумэн терял присущую ему рассудительность и стремление взвешивать каждый предполагаемый шаг. Отчетливо это проявилось уже в опасных заявлениях по поводу применения атомного оружия. Последовали и другие заявления о том, что единственная возможность противостоять коммунизму — это уничтожить его, что вести переговоры с Пекином бессмысленно, что он не верит в их успех. Судя по дневнику президента, такого рода декларации не были лишь политически мотивированными. Они выражали сложившиеся в начале 1950-х годов взгляды Трумэна. Очень интересна в этом отношении обширная дневниковая запись, обнаруженная Н. А. Злобиным:

«Иметь дело с коммунистическим правительством — это как честный человек будет пытаться иметь дело с разными королями мошенников или главарями наркотических структур. Коммунистическое правительство, как вожди наркотических банд и нелегальных азартных игр, не имеет понятия о чести, законах морали. Мы устали от этих фальшивых призывов к миру, когда нет намерений предпринять честную попытку установить мир. Недавно произошли события, которые позволяют сделать ясный вывод о том, что советское правительство не хочет мира. Оно нарушило практически каждый договор, подписанный в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Оно изнасилоvalo Польшу, Румынию, Чехословакию, Венгрию, Эстонию, Литву и Латвию. Граждане этих стран, кто верил в самоуправление, были либо убиты, либо находятся в рабских трудовых лагерях. Военнопленные Второй мировой войны, общим числом около трех миллионов, все еще содержатся в рабских трудовых лагерях вопреки условиям прекращения огня. В каждой стране, оккупированной Россией, тысячи детей были похищены, и никто больше о них не слышал. Ясно, что эта программа все еще продолжается. Она должна быть пре-

крашена, и прекращена сейчас. Мы в свободном мире уже достаточно долго страдали. Выкинуть китайцев из Кореи. Предоставить Польше, Эстонии, Латвии, Литве, Румынии и Венгрии свободу. Прекратить поставки военных материалов гангстерам, которые нападают на свободный мир, и установить достойную политику соблюдения договоров, которые уже были заключены. Это наверняка означает большую войну. Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Одесса, Сталинград и все работающие заводы в Китае и Советском Союзе будут уничтожены. Это последний шанс для советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы выжить или нет»⁸⁰⁹.

Пожалуй, других, столь острых записей, как эта, в дневниках Трумэна обнаружить невозможно. Он явно склонялся к превращению холодной войны в «горячую», которая неизбежно бы стала третьей мировой войной с применением атомного и, вероятно, водородного оружия.

Такого рода настроения явно свидетельствовали о душевном кризисе американского президента, на которого обрушивались теперь удары со всех сторон в связи с поражениями великой державы в небольшой восточноазиатской стране.

Были и дополнительные факторы, которые обуславливали то, что Трумэн считал начавшимся закатом его политической карьеры.

Одним из них была реакция общества на отставку генерала Макартура. Поддавшись мнению своих советников, в том числе генералов, которые видели в Макартуре не очень грамотного солдафона, фанфарона и соперника в борьбе за высшие воинские посты, Трумэн уклонился от того, чтобы представить уход дальневосточного вояки добровольным и осуществить его по возможности спокойно. Раздражение и негодование у президента возобладали. Он говорил: «Долгое время мы видели главного противника в Советском Союзе, причем наш основной приз находился в Европе. Стратегия же Макартура вовлекла нас в неправильную войну, в неправильное время и против неправильного противника»⁸¹⁰.

Макартуру быстро стало известно, что Трумэн собирается избавиться от него, ибо новость даже просочилась в прессу. Генерал преодолел чувство гордости и попросил президента дать ему возможность уйти в отставку по собственному желанию. Трумэн злорадно отказался от этого⁸¹¹.

По воспоминаниям тех, кто присутствовал, когда президент принимал окончательное решение, он заявил: «Этот сукин сын не получит отставки. Я хочу, чтобы он был уволен»⁸¹².

Трумэн называл Макартура «примадонной», «шляпой с полосками», «пятизвездным» (Макартур действительно имел высшее воинское звание, был пятизвездным генералом, но употребление термина «пятизвездный» без слова «генерал» превращало его в какое-то подобие крепкого напитка), «правой рукой Господа Бога»⁸¹³. Во время встречи на острове Уэйк Трумэн вроде бы попал под влияние Макартура, но, когда вскоре очарование рассеялось, он вспомнил, что генерал вел себя просто оскорбительно, начиная с того, что его рубашка была расстегнута, а на голове у него находилась некая грязная шапочка, «запачканная жирной колбасой и яйцами»⁸¹⁴. Впрочем, сохранившиеся фотографии встречи на Уэйке этого не подтверждают.

Расчет, что все пройдет спокойно, оказался необоснованным. На следующий день после сообщения об увольнении Макартура появилась масса заявлений политиков, журналистов, бизнесменов, рядовых американцев, выражавших недоумение и негодование по этому поводу. Оказалось так, что ни Трумэн, ни его советники не знали истинного отношения американцев к генералу. Сам Макартур и его приверженцы создали распространившийся в толпе образ героя Второй мировой войны, творца побед в Корее, которые не были реализованы из-за слабости воли высшего политического руководства страны.

Через годы, когда отставному президенту исполнилось 75 лет, журналист К. Филлипс в беседе с ним упомянул об увольнении Макартура и бросил реплику, что это решение, вероятно, потребовало от президента немалого мужества. Трумэн бросил в ответ: «Мужество тут ни при чем. Он не подчинялся, и я уволил его, и всё тут. Это было правильно, и я сделал это, и никогда я не страдал бессонницей по этому поводу»⁸¹⁵.

Все это было так. Но массового протеста против увольнения Макартура Трумэн ни тогда, ни позже не учитывал. Дело дошло до того, что популярная газета «Чикаго трибюн» по этому поводу провозгласила: «Президент Трумэн должен быть лишен должности и осужден. Он не соответствует своей должности, он ни морально, ни психологически не может занимать такой высокий пост»⁸¹⁶.

К отставке Трумэна в связи с увольнением Макартура призывали некоторые конгрессмены. Сенатор Р. Тафт за-

явил даже, что он намерен поставить вопрос об импичменте (недоверии), однако свое намерение не реализовал.

Трумэн остался на своем посту, но доверие к нему в самых различных кругах резко понизилось. Нервные срывы, чуть ли не истерические припадки возникали у него и ранее, но теперь они происходили намного чаще и заметнее для публики.

Они стали особенно заметными через некоторое время после того, как 1 ноября 1950 года была предпринята попытка покушения на жизнь президента. Трумэна попытались убить двое пуэрториканцев — Оскар Колясо и Гриселио Торресола, добивавшиеся независимости своего острова и считавшие, что правительство США проводит в отношении Пуэрто-Рико жесткую колониальную политику. Оба они были членами националистической партии Пуэрто-Рико, за два дня до этого поднявшей на острове восстание за независимость, охватившее столицу Сан-Хуан и несколько других городов. Против повстанцев была направлена регулярная армия, их позиции подверглись бомбардировке с воздуха⁸¹⁷.

Подготовку к покушению оба пуэрториканца, проживавшие в это время в Нью-Йорке, начали еще до восстания, планы которого были им известны. Они стремились убедить весь мир, что конфликты на их острове — это не ссора между группами пуэрториканцев, как заявил Трумэн еще до начала восстания, а всенародная борьба за свободу⁸¹⁸.

Убийцы рассчитывали воспользоваться тем, что в Белом доме был довольно долгий ремонт, и Трумэн с семьей переселился в соседнее здание, предназначенное для офисов сотрудников и приема гостей, — Блэр-хаус. Предполагалось, что охрана этого здания не столь строга, как Белого дома, и заговорщикам удастся осуществить задуманное, даже ценой собственной жизни. Для покушения были использованы парабеллумы системы Люгера, отличавшиеся высокой точностью стрельбы.

Рано утром 1 ноября, когда Трумэн собирался отправиться по делам (его уже ожидал автомобиль), пуэрториканцы, подойдя к Блэр-хаусу, открыли огонь по сотрудникам секретной службы, охранявшим вход в дом, пытаясь проникнуть внутрь и добраться до президента. Один из охранников, успевший произвести выстрелы, был смертельно ранен, несколько других получили ранения разной степени тяжести. Подоспевшие через несколько секунд другие сотрудники секретной службы открыли огонь по

преступникам. Торресолла был убит, Колясо схвачен. Услышав стрельбу, Трумэн выглянул из окна комнаты на втором этаже, но, услышав крик полицейского, что на дом совершено нападение, отошел вглубь. Вся схватка продолжалась не более одной минуты. Президент в течение этих мгновений толком даже не понял, что происходит.

Оскар Колясо был приговорен к смертной казни, но Трумэн помиловал преступника. Казнь была заменена пожизненным заключением. В тюрьме Колясо вел себя как знаменитость, давал интервью, убеждая в своей верности делу независимости родного острова. Он толковал об американском империализме и даже о некоем враче, который ставил смертельные опыты над его согражданами. Несмотря на то что преступник не проявлял ни малейшего раскаяния, в 1979 году, то есть через 29 лет, президент Джимми Картер отдал распоряжение о его освобождении. Колясо отправился на Пуэрто-Рико, где и умер в 1994 году. Пуэрториканцы-националисты считают его, как и Торресоллу, героем⁸¹⁹.

На самом деле это были не вполне вменяемые фанатики, которые даже толком не смогли подготовить намеченное ими убийство. Если бы они обратили внимание на ожидавший Трумэна автомобиль, покушение могло оказаться успешным. Сам факт, что его собирались убить, наложился на другие неудачи рубежа 1940—1950-х годов. Трумэн, безусловно, не был искренним, когда писал в частном письме: «Я был единственным спокойным человеком во всем этом доме. В меня стреляли специалисты, и если на пуле не обозначено имя, не надо бояться. И зачем бояться вообще?»⁸²⁰

О том, что на самом деле настроение Трумэна отнюдь не было столь спокойным, свидетельствует его просто неадекватная реакция на критический отзыв на концерт дочери Маргарет, которая к этому времени стала профессиональной певицей. Президент страны унизился до такой степени, что написал ругательное письмо рецензенту газеты «Вашингтон пост» Полу Хьюму, которое было опубликовано через полтора десятилетия. Начиналось оно так: «Только что прочитал вашу вшивую рецензию на концерт Маргарет. Я пришел к выводу, что вы злобный тип потому, что вам платят вдвое меньше, чем вы хотите». И дальше шли ругательства, подобные этим, которые были свойственны скорее пьяному мусорщику, а не президенту страны. Письмо заканчивалось словами: «Я надеюсь как-нибудь встретиться с вами. Когда это произойдет, вам понадобится новый

нос, немало бифштексов, чтобы избавиться от синяков под глазами и, пожалуй, что-то, на что надо будет опираться!»⁸²¹

Из текста письма отчетливо видно, в каком состоянии стресса находился Трумэн, если он мог позволить себе не только написать, но и отправить такой текст. Когда самой Маргарет задали вопрос об этом злосчастном письме, она сперва сочла его фальшивкой, сказав, что отец никогда не мог бы использовать такой язык. Но по здравом размышлении согласилась, что в сложившихся тогда условиях такие выражения нельзя исключить, ибо отец «был прежде всего человеческим существом»⁸²².

Это было вполне достоверное объяснение поведения Трумэна, который к тому же как раз накануне появления рецензии понес личную утрату — за своим служебным столом скоропостижно скончался Чарли Росс, его пресс-секретарь и старый друг еще по Индепенденсу.

В своем дневнике в эти дни Трумэн буквально жаловался на судьбу: «Я добивался упрочения мира в течение пяти с половиной лет, а сейчас похоже на то, что приближается третья мировая война. Я надеюсь, что пока она не произойдет, но мы ко всему должны быть подготовлены»⁸²³.

Неудачи президента в этот краткий промежуток времени, из которых главными были ничейный результат войны в Корее и связанное с ним смещение Макартура, привели к резкому падению его популярности. Проведенный в ноябре 1951 года опрос Института Гэллапа показал, что только 23 процента американцев одобряют деятельность президента. В следующие месяцы его оценка чуть поднялась, но никогда, вплоть до ухода с поста, она не превышала 33 процентов⁸²⁴.

Стремясь хотя бы в какой-то степени повысить свой рейтинг, Трумэн попытался было использовать старые зарубежные связи. Он был обрадован, когда в Великобритании в результате выборов в октябре 1951 года к власти вновь пришли консерваторы и правительство опять возглавил Уинстон Черчилль. В январе 1952 года Черчилль посетил Вашингтон. Переговоры с ним закрепили не просто союзнические отношения между обеими странами, но и роль Великобритании в качестве младшего и в то же время ближайшего партнера США⁸²⁵.

Однако к сколько-нибудь существенному повышению авторитета Трумэна возобновление контактов с Черчиллем не привело. Британскому премьеру шел уже семьдесят девятый год, состояние его здоровья быстро ухудшалось. Он

страдал сердечной недостаточностью, развивалась глухота. Через месяц после визита в США он перенес инсульт, и всем вроде бы было ясно, что вскоре он уйдет в отставку. Правда, Черчилль упорно держался за премьерское кресло. Его сменил на посту главы правительства Энтони Иден только в 1955 году, уже после отставки Трумэна. Но оставаясь во власти номинально, сэр Уинстон в действительности все больше отходил от практического руководства политикой. Так что и этот внешнеполитический инструмент в укреплении морально-политического положения американского президента не сработал.

Последний год пребывания Трумэна в Белом доме стал временем его постепенного политического заката.

Глава двадцатая

ОБЫЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

1. Уход с поста

Шестилетняя ноша холодной войны, внутренних конфликтов и с республиканцами, и с консервативными элементами в собственной партии привели к тому, что Трумэн сильно устал. Он все чаще подумывал, что выдвигать свою кандидатуру на второй срок не следует. Раздумьями о переменчивости судеб людских, о том, с чем сталкивались исторические деятели прошлого, пестрят страницы его дневника последних месяцев президентства. Он не сравнивал себя с великими людьми, на это ему хватало и рассудительности, и скромности, он просто перечислял события их жизни. Трумэн писал: «Интересно, как далеко прошел бы Моисей, если бы сначала он устроил в Египте опрос общественного мнения? Чему бы учил Иисус, если бы он все начал с опроса общественного мнения в Израиле? Где бы оказалась Реформация, если бы Мартин Лютер занялся опросами? Не опрос вместе с общественным мнением надо в данном случае учитывать. Надо принимать в расчет, что верно и что неверно. Руководитель — это человек с сильным духом, честностью и уверенностью в своей правоте — именно это создает эпоху в мировой истории»⁸²⁶. Еще раз повторим: Трумэн не ставил себя на один уровень с гигантами человеческой истории, но в какой-то степени приблизиться к их уровню он стремился, и это лишь облагораживало его облик.

Законодательных препятствий к новому выдвижению в президенты не было, имея в виду, что Трумэн избирался президентом только один раз. Сам он был инициатором еще в 1947 году принятия 22-й поправки к Конституции США, согласно которой одно и то же лицо могло занимать президентский пост не более двух раз (слова «подряд» в проекте не было, то есть лицо, уже избиравшееся два раза, более выдвигать свою кандидатуру не имело права никогда).

Конгресс утвердил 22-ю поправку и передал ее на ратификацию штатов. Согласно конституции, она должна была стать составной частью Основного закона, если в течение семи лет будет утверждена законодательными органами трех четвертей штатов. 27 февраля 1951 года, то есть как раз тогда, когда кризис президентской власти Трумэна достиг наивысшей точки, поправку ратифицировал штат Миннесота — 36-й штат, уже утвердивший ее (из общего числа сорока восьми штатов), и поправка стала законом. Она гласила: «Ни один человек не может быть избран на должность президента более чем два раза, и ни один человек, который находился на должности президента или действовал как президент в течение более двух лет после того, как другой человек был избран президентом, не может быть избран на должность президента более чем один раз. Но эта статья не относится к личности, находившейся на должности президента, когда эта статья была предложена Конгрессом...»⁸²⁷

Трумэн не предлагал второй части поправки; она была внесена самими конгрессменами, что давало ему полную возможность баллотироваться в 1952 году.

Но все обстоятельства — и внешние дела, и внутренняя обстановка, и настроение самого президента — этому препятствовали. К тому же тот факт, что США не смогли добиться победы в Корее (а затем и смещение Макартура), подлил масла в огонь недовольства в Конгрессе, а это вызвало новый подъем влияния сенатора Маккарти, о котором почти позабыли за последние пару лет. Джозеф Маккарти внезапно вырос в зловещую фигуру общенациональной значимости, правда, на очень короткий срок.

В начале 1952 года в связи с возобновившимися обвинениями Маккарти в адрес сотрудников Госдепартамента, членов администрации Трумэна, других государственных служащих сенат образовал подкомитет Комитета по международным отношениям. В суматохе как-то назвать новый подкомитет позабыли, так он и остался «подкомитетом по

*Seventy-second Congress of the United States of America;
At the Second Session.*

*Began and held at the City of Washington on Monday, the 6th
day of December, one thousand nine hundred and thirty-two.*

JOINT RESOLUTION

Proposing an amendment to the Constitution of the United States.

*Readied by the Senate and House of Representatives of the United
States of America in Congress assembled (two-thirds of each House
concurring therein), That the following article is hereby proposed
as an amendment to the Constitution of the United States, which
shall be valid to all intents and purposes as part of the Constitution
when ratified by conventions in three-fourths of the several States:*

"ARTICLE. —

*"SECTION 1. The eighteenth article of amendment to the Constitu-
tion of the United States is hereby repealed.*

*"SEC. 2. The transportation or importation into any State, Terri-
tory, or possession of the United States for delivery or use therein
of intoxicating liquors, in violation of the laws thereof, is hereby
prohibited.*

*"SEC. 3. This article shall be imperative unless it shall have been
ratified as an amendment to the Constitution by conventions in the
several States, as provided in the Constitution, within seven years
from the date of the submission hereof to the States by the Congress."*

Wm. H. Gurnea
Speaker of the House of Representatives.

Charles Curtis
*Vice President of the United States and
President of the Senate.*

Подлинник текста 22-й поправки к Конституции США,
устанавливающей, что одно лицо может избираться президентом
не более двух раз. *Национальный архив США*

расследованию» без определения, что именно он должен был расследовать.

В памяти старшего поколения, да подчас и в популярной литературе Маккарти нередко предстает как председатель Комитета по расследованию антиамериканской деятельности. Это не так. Названную должность сенатор никогда не занимал, да и вообще этот комитет не имел никакого отношения к сенату — это был орган палаты представителей. Более того, Маккарти не был председателем и сенатского подкомитета. Этот орган возглавлял сенатор от штата Мэриленд Миллард Тайдингс. Последний, однако, активности не проявлял, и фактическим заправилкой в подкомитете стал Маккарти.

Он развил бурную деятельность. По словам историка и журналиста Уильяма Манчестера, он стремился расправиться с самыми разными объектами своей оголтелой антипатии — «красными, еретиками, богемой, радикалами, идиотами, большевиками, свихнувшимися, розовыми, популистами, яйцеголовыми профессорами»⁸²⁸. Манчестер поступил совершенно правильно, смешав в кучу без разбора все эти категории, да еще и назвав одни и те же категории под разными кличками. Именно таков был строй мыслей Маккарти — между всеми этими группами у него не было большого различия.

В планы Маккарти входило расследование деятельности ученых, в частности Роберта Оппенгеймера, великого режиссера и актера Чарлза Чаплина, писателей и драматургов Артура Миллера и Бертольда Брехта и т. д. Но справиться со всеми этими нелегкими задачами Маккарти был не в состоянии, так как главным объектом оставался государственный аппарат США, окружение Трумэна и он сам. 24 мая 1951 года Маккарти выступил с речью на заседании сената, в которой, по существу дела, обвинил госсекретаря Ачесона, а через него и президента в национальной измене. Сенатор разыграл трагически-сентиментальную сцену, рассказав о некоем Бобе Смите (скорее всего, такой персонаж в действительности не существовал вообще), который «оставил свои руки и ноги на холмах возле реки Ялу» (напомним, пограничная река между Кореей и Китаем). Этот Смит, вещал Маккарти, явится к «красному Дину из Госдепартамента (то есть Ачесону. — Г. Ч., Л. Д.) и потребует, чтобы тот вместе со своим боссом (то есть Трумэном. — Г. Ч., Л. Д.) убрался из страны и отправился к тем, кому он служит такое долгое время». Чтобы до конца было понятно,

что он имеет в виду, Маккарти повторил, обращаясь к Ачесону: «Вы и ваши преступные сообщники предали нас. Вы не только должны уйти в отставку из Госдепартамента, но и убраться из нашей страны и отправиться в ту, на стороне которой вы так долго воюете»⁸²⁹. Оголтелый сенатор, почувствовав, что позиции президента ослабели, фактически объявил ему войну, заявив: «Этот сукин сын должен быть отправлен в отставку»⁸³⁰.

14 июня 1951 года к сенату вновь было приковано внимание всей страны: Маккарти выступил с очередной сенсационной речью, на этот раз обрушившись на министра обороны Джорджа Маршалла. Как вытекало из нового набора обвинений, Маршалл также был предателем. Правда, не совсем ясно было, кому именно служил он во время войны. Сначала «разоблачались» его связи с послом СССР в США М. М. Литвиновым, вслед за этим сыпались обвинения, связанные с японской бомбардировкой Перл-Харбора. Получалось, что Маршалл служил одновременно двум враждебным друг другу государствам — СССР и Японии.

Последовала целая серия сенатских расследований против Министерства обороны и других органов. «Охота на ведьм» получила на этом этапе настолько мощную поддержку самых различных кругов американской толпы, что президент Трумэн, несмотря на всю свою неприязнь, можно сказать, даже ненависть к Маккарти, вынужден был не просто мириться с его эскападами, а как бы частично следовать указаниям совершенно распоясавшегося сенатора. Ачесона он, правда, не уволил (и тем более сам не ушел в отставку!), но вынужден был в некоторых вопросах следовать курсу Маккарти.

Наиболее одиозным фактом стало распоряжение Трумэна о том, чтобы Госдепартамент провел чистки своих зарубежных библиотек, которые создавались в послевоенное время для пропаганды американского образа жизни. Из библиотек изымались произведения левых авторов⁸³¹.

Ачесон отдал распоряжение об ограничении выдачи американцам заграничных паспортов. Широко оглашенное, оно, однако, оказалось чисто формальным, ибо единственным известным лицом, которому было отказано в паспорте, был чернокожий актер и певец, симпатизант СССР Поль Робсон. По этому поводу поднялась страшнейшая шумиха, которая была на руку Маккарти и в то же время позволила администрации отменить ограничения по политическим причинам⁸³². В конце концов обиженный Робсон,

получив, наконец, свой желанный паспорт, покинул США, как он заявил, навсегда. Он жил в Восточной Германии, гастролировал в странах советского блока, но в 1963 году возвратился на родину, где прожил почти в неизвестности до смерти в 1976 году.

Маккарти продолжал свои кампании до конца президентства Трумэна. Только при его преемнике Эйзенхауэре сенатор, который вступил в крайне опасную для себя схватку с Пентагоном, стал терять авторитет и в конце концов был лишен доверия верхней палаты. А это, в свою очередь, означало и закат маккартизма как кампании политического преследования инакомыслящих.

Неудачи последних лет пребывания Трумэна в Белом доме распространились и на социально-экономическую область. Он допустил серьезный просчет во взаимоотношениях как с предпринимателями, так и с профсоюзами. Связано это было прежде всего с конфликтом в сталелитейной промышленности, где в конце 1951 года оказались сорванными переговоры о повышении заработной платы. В любой момент могла начаться стачка.

Трумэн был всерьез обеспокоен складывавшейся ситуацией, особенно потому, что с начала 1950 года стали проявляться признаки возросшей инфляции (с июня 1950-го по март 1951-го цены выросли в среднем на 8 процентов). Он опасался, что конфликт в одной из крупнейших промышленных отраслей приведет к полномасштабному экономическому кризису. 8 апреля 1952 года президент объявил, причем без ссылки на закон Тафта — Хартли, что он берет сталелитейные заводы под государственный контроль. При этом, как президент объяснил на пресс-конференции, эта его акция направлена скорее не против рабочих, а против предпринимателей. «Самой большой трудностью в сложившейся ситуации является тот факт, что собственники просто отказались от переговоров, они хотят создать новый прецедент». Имелось в виду желание собственников повысить цены на продукцию и только после этого согласиться на переговоры об уровне зарплаты. Впрочем, Трумэн, чтобы соблюсти баланс, вслед за этим произнес, что он выражает интересы подавляющего большинства американского народа против претензий как Уолл-стрит, так и тред-юнионов⁸³³.

Взяв сталелитейные предприятия под контроль, президент потребовал, чтобы они продолжали работу на прежних условиях, но направили своих представителей в Вашингтон

для встречи с делегатами союзов и продолжили переговоры. Подчинившись указанию и вступив в новый тур переговоров, концерны в то же время подали в суд, обжаловав президентское решение. Последовали одно за другим заседания судебных инстанций, каждая из которых высказывалась за снятие государственного контроля, пока дело не оказалось в Верховном суде США.

Трумэн был почти убежден, что эта высшая судебная власть поддержит его — большинство судей были связаны с Демократической партией, а четверо судей из девяти были назначены на свои посты именно им. Накануне обсуждения вопроса он несколько раз встречался с представителями разных общественных групп, заверяя их, что исполнительная власть целиком на стороне трудящихся. Выступая на банкете в честь съезда организации «Американцы за демократическое действие», он торжественно заявил: «Это ваша борьба! Это борьба всего народа!», а затем буквально обрушился на политических консерваторов из «старой гвардии» республиканцев: «Они целиком и полностью с корпорациями, а не с трудовым народом. Все это доказывает, что старый республиканский леопард нисколько не изменился. Он должен служить большой, отчетливо видной опасностью для избирателей этой страны, которым следует понимать, чего им полагается ожидать, если они передадут ее администрацию республиканцам»⁸³⁴. А вслед за этим он повторил, что президент обладает определенной властью и «они» не могут отнять эту власть у него. В ответ на вопрос, кого он имеет в виду, Трумэн прямо ответил, что речь идет и о Конгрессе, и о судах.

Но президенту и на этот раз пришлось разочароваться. 2 июня Верховный суд двумя третями голосов отменил его решение о госконтроле над сталелитейными предприятиями. Непосредственным результатом этого акта явилась стачка сталелитейщиков, которая продолжалась почти два месяца и завершилась соглашением о незначительном повышении ставок. Вся возня с госконтролем, с попыткой предотвратить забастовку оказалась тщетной. Трумэн потерпел очередное личное поражение, на этот раз на хозяйственном фронте⁸³⁵.

Между тем приближались очередные президентские выборы 1952 года.

Еще в 1950 году Трумэн принял предварительное решение не принимать в них участия. Он писал в дневнике: «Я не буду выдвигать свою кандидатуру на съезде демокра-

тов. Мне кажется, что восьмилетний срок для президента достаточен — и иногда более чем достаточен для человека. Существует притягательность власти. Она может проникнуть в человеческую кровь — точно так же, как азарт и стремление к богатству. Но у нас республика, самая великая в истории мира. И я хотел бы, чтобы эта страна продолжала оставаться республикой». «Надо найти человека, который смог бы все взять в свои руки»⁸³⁶, — записал Трумэн через три недели.

Поиски кандидата в президенты не были простыми. Наиболее проходной кандидатурой считался прославленный генерал Эйзенхауэр, который командовал войсками НАТО в Европе и явно превосходил своей славой самого президента. Считалось, что Эйзенхауэр стоит на третьем месте в мире по своей известности после премьера Великобритании в годы войны Черчилля и советского диктатора Сталина.

Отношения между Трумэном и Эйзенхауэром были далеки от идеала. Генерал не раз произносил нелюбимые слова о президенте, хотя официально, как подобает военному, выражал все признаки подчинения и уважения к Верховному главнокомандующему. Раздражение по отношению к Трумэну восходило, по всей видимости, еще к первым послевоенным месяцам, когда Дуайт написал письмо своему непосредственному начальнику генералу Маршаллу, выражая мнение, что американским военным, которые теперь будут служить на немецкой земле неопределенное время, следовало бы разрешить соединиться с семьями, а в связи с этим просил разрешения, чтобы к нему приехала супруга⁸³⁷.

С этим письмом возникла путаница. Маршалл решил посоветоваться с президентом. К его удивлению, Трумэн ответил резким «Нет!». Скорее всего, он невнимательно слушал и решил, что речь идет совсем о другом. Через много лет отставной президент рассказывал журналистке Мерл Миллер, что Эйзенхауэр якобы хотел получить развод и жениться на любовнице — именно поэтому Трумэн, мол, высказался отрицательно⁸³⁸.

Зная, что Эйзенхауэр относится к нему неприязненно, Трумэн тем не менее, учитывая исключительно высокий авторитет генерала, пригласил его на частный разговор в ноябре 1951 года, когда тот в очередной раз приехал в Вашингтон для консультаций. Беседу он начал с того, что гарантирует Эйзенхауэру полную поддержку, если тот выдвинет свою кандидатуру от Демократической партии, а это

будет означать и позитивное решение партийного съезда, которому предстояло номинировать кандидата. Однако склонившийся к этому времени к тому, что он, возможно, будет баллотироваться в президенты от Республиканской партии, Эйзенхауэр, по сведениям видного журналиста Артура Крока, почти грубо отверг это предложение: «Какие у вас основания считать, что я когда-либо был демократом? Я был республиканцем всю жизнь, и члены моей семьи всегда были республиканцами»⁸³⁹.

Получив отповедь от генерала, Трумэн некоторое время подумывал все же о возможности выдвижения своей кандидатуры. Он вспоминал опыт 1948 года, когда все предсказывали ему провал, а он удачно одолел своего соперника-республиканца. Принятая как раз в это время поправка к конституции предоставляла Трумэну право баллотироваться в порядке исключения, хотя он находился первый раз на президентском посту, не будучи избранным, более двух лет (это, напомним, исключалось для последующих случаев).

Вскоре, однако, он возвратился к прежнему решению. Он учитывал, что теперь ему, скорее всего, пришлось бы сражаться с таким мощным противником, как Эйзенхауэр, что события 1950—1951 годов резко понизили авторитет президента, что ему уже под 70 лет и он очень устал принимать высшие государственные решения, в последнее время далеко не всегда удачные. Трумэн не раз говорил, что третий президентский срок был пагубным для Рузвельта, а четвертый привел его к кончине.

29 марта 1952 года Трумэн выступил с обширной речью на обеде в честь Дня Джефферсона и Джексона. Учитывая важность речи, она транслировалась по радио и телевидению. Президент попытался подвести политические итоги пребывания демократов у власти в течение последних почти двадцати лет, весьма позитивно оценил свою деятельность как главы исполнительной власти, но заявил, что выдвигать свою кандидатуру на очередных выборах не собирается. «Кого бы ни выдвинули демократы в этом году, — говорил Трумэн, — у него есть на что опираться. Я не собираюсь быть кандидатом на переизбрание. Я долго и, надеюсь, эффективно и честно служил своей стране. Я не приму нового выдвижения. Я не чувствую, что мой долг состоит в том, чтобы провести еще четыре года в Белом доме. Мы всегда должны помнить то, что сделала Демократическая партия, и высокие идеалы, благодаря которым она стала великой партией. Мы должны придерживаться ее принципов и про-

должать свою службу народу. Если мы будем так поступать, можно быть уверенными, что в течение следующих четырех лет в Белом доме будет демократический президент»⁸⁴⁰.

Неизвестно, как себя внутренне чувствовал сам Трумэн, но его родные — и жена, и дочь — были счастливы, что глава семейства этой речью отрезал себе путь к переизбранию. Маргарет писала, что ее мать в этот день была самым счастливым человеком в Вашингтоне⁸⁴¹.

2. Выборы 1952 года

После длительных обсуждений Трумэн и его штаб решили поддержать на выборах известного деятеля Демократической партии Эдлая Стивенсона.

Это был авторитетный деятель. У него были известные предки — его дед, носивший то же имя, являлся вице-президентом США в 1893—1897 годах, его отец Люис был активным политиком в штате Иллинойс и выдвигался на пост вице-президента в 1928 году. Родившийся в 1900 году, Стивенсон принадлежал к следующему поколению политиков, нежели Трумэн. У Стивенсона было прекрасное образование — он окончил весьма престижный Гарвардский университет, получив квалификацию юриста, а затем работал в администрации президента Рузвельта, в том числе в Государственном департаменте. Пользовавшийся популярностью в своем штате Иллинойс, в частности в его столице Чикаго — втором по значению городе США после Нью-Йорка, Стивенсон в 1949 году был избран губернатором этого штата и вскоре стал известен всей стране успешной борьбой против злоупотреблений в полиции, против нелегальных азартных игр и значительным улучшением состояния шоссейных дорог штата.

Стивенсон был известен и решительным антимаккартизмом. Когда легислатура штата приняла закон, требовавший клятвы политической верности от всех служащих штата и кандидатов на ту или иную должность, губернатор наложил на него вето⁸⁴². И в штате, и во всей Америке отмечали великолепные ораторские способности Стивенсона, который в начале 1950-х годов выходил на национальную политическую арену.

В биографии Стивенсона была одна «червоточина». В 1949 году он принес клятву в том, что сотрудник Госдепартамента Алджер Хисс, который оказался, как мы знаем,

советским шпионом, был честным и лояльным государственным служащим. Это неосторожное заявление позже было использовано Маккарти, Ричардом Никсоном и другими преследователями «красной угрозы» как доказательство «мягкости к коммунизму» со стороны Стивенсона и выдвижения других политических обвинений в его адрес⁸⁴³.

Проблема, однако, состояла теперь в том, чтобы уговорить Стивенсона на выдвижение своей кандидатуры. Он колебался, рассчитывал на переизбрание на пост губернатора, опасался огромной ответственности, которую ему пришлось бы нести как главе исполнительной власти в случае избрания. Только во время съезда Демократической партии, которому предстояло выдвинуть кандидата, Стивенсон наконец согласился включиться в гонку.

Как будто перед этим его не уговаривали самые высокопоставленные государственные мужи, Стивенсон позвонил Трумэну и робким голосом сообщил, что его друзья собираются выдвинуть его кандидатуру и он согласится только в том случае, если нынешний президент не будет против этого возражать. Трумэн вспоминал: «Я взорвался и стал говорить с ним языком, которого он, как я думаю, никогда перед этим не слышал; я сказал ему, что с 28 января 1952 года я все пытался...»⁸⁴⁴ На этом месте он остановился, так и не произнеся, что он пытался сделать. Было ясно, что Трумэн просто проглотил ругательство, которым скорее всего обозвал Стивенсона, ибо уже полгода уговаривал его включиться в выборы. Именно 28 января он впервые встретился со Стивенсоном и обещал ему помощь, если тот выдвинет свою кандидатуру.

Трумэн, правда, рассматривал и другие кандидатуры, но по тем или иным причинам отвергал их. Сенатор Эстес Кефвер выиграл большинство предварительных выборов (праймериз, проводившихся в рамках каждой партии и определявших наиболее перспективного кандидата). Но Трумэн недолюбливал Кефвера, потому что тот в ходе исследований организованной преступности обвинил в связях с преступными группами некоторых демократических политиков. Трумэн рассматривал кандидатуру дипломата Аверелла Гарримана, но отказался его поддержать, так как он никогда не занимал выборной должности и не имел опыта во внутренней политике. Наконец, вице-президенту Баркли, хотя он хорошо держался, было уже 74 года, и против его кандидатуры многие политики возражали именно по этой причине.

Так что в конце концов кандидатура Стивенсона оказалась единственной подходящей для Трумэна. Он энергично поддержал ее на партийном съезде, состоявшемся в том самом городе, где Стивенсон был первым лицом. Съезд в Чикаго 21—26 июля (в этом же городе несколькими неделями ранее республиканский съезд выдвинул в президенты Эйзенхауэра) в третьем туре голосования выдвинул в президенты Стивенсона. По настоянию Трумэна в качестве кандидата в вице-президенты Стивенсон избрал сенатора Джона Спаркмэна, консерватора из штата Алабама, который должен был уравновесить леволиберальные взгляды кандидата в президенты.

Дав уговорить себя с большим трудом, Стивенсон, к удивлению и разочарованию Трумэна, развернул избирательную кампанию совершенно самостоятельно, не считаясь с мнением действующего президента и демонстративно противопоставляя себя Белому дому. Трумэн предложил кандидату всяческую помощь советами, общественными связями и т. д., от чего тот отказался.

В нескольких заявлениях Стивенсон пообещал ликвидировать «неурядицы» в Вашингтоне подобно тому, как он это сделал в штате Иллинойс. А в письменном ответе редакции одного из журналов он сообщил даже: «Как вам хорошо известно, я не желал выдвижения и получил его без обязательств с моей стороны кому бы то ни было, включая президента Трумэна», что было явной неправдой.

Последний чувствовал себя глубоко обиженным неблагодарностью Стивенсона, испытывал горечь и разочарование одинокого человека, оставленного однопартийцами во имя политической выгоды. Прочитав ответ Стивенсона журналу «Орегон», Трумэн написал кандидату в президенты письмо, которое так и не отправил. Там говорилось: «Я желаю вам вместе с вашими чокнутыми светскими деятелями с их высокозадранными носами провести кампанию и выиграть ее, если вы сможете. Самые лучшие пожелания от постороннего, который теперь ничем не интересуется»⁸⁴⁵.

Если Стивенсон все же критиковал действовавшую еще администрацию осторожно, то кандидат республиканцев Дуайт Эйзенхауэр и особенно их кандидат в вице-президенты Ричард Никсон, известный своими предыдущими связями с Маккарти, обрушились на Трумэна безжалостно. При этом Эйзенхауэр использовал опыт предвыборной кампании Трумэна — поездку по стране на специальном поезде, остановки на крохотных станциях «по свистку» и т. п.

В центре республиканской кампании стояли «три «К»»: Корея, коммунизм, коррупция. Во время выступления в городе Милуоки (штат Висконсин) произошел небольшой скандал. Журналистам был выдан текст речи кандидата, в котором, в частности, тот похвально отзывался о начальнике штаба вооруженных сил США периода войны генерале Маршалле. Когда же речь произносилась, журналисты заметили, что слова о Маршалле не прозвучали, и сразу поняли, в чем дело: рядом с Эйзенхауэром стоял сенатор от Висконсина Маккарти. Фрагмент речи был выпущен именно в угоду ему, хотя сам Эйзенхауэр отнюдь не одобрял методов Маккарти.

С оголтелым сенатором, пользовавшимся безоговорочным влиянием в родном штате, приходилось считаться. Эйзенхауэр, правда, позже позволил себе косвенно, не называя по имени, высказать свое мнение о Маккарти: «Я не собираюсь безоговорочно одобрять действия любого человека, которые, как я полагаю, являются антиамериканскими по своим методам и процедурам». На вопрос же о его отношении к Маршаллу последовал ответ, что это «человек подлинной самоотверженности», после чего было сказано: «Я не потерплю, когда кто-либо попытается найти в его прошлой службе нашей стране хотя бы что-то, за что можно его критиковать»⁸⁴⁶.

Тем не менее Трумэн был возмущен случаем с исключением имени Маршалла из речи Эйзенхауэра. Ранее относившийся к генералу с пиететом, хотя никогда не чувствовавший к нему близости, Трумэн теперь просто возненавидел республиканского кандидата. Помощник президента Мэрфи вспоминал: «Я думаю, что это взбесило президента Трумэна больше, чем когда бы то ни было по другому случаю. И я думаю, что чем больше он думал об этом, тем более бешеным он становился по отношению к генералу Эйзенхауэру»⁸⁴⁷.

Кампания проходила при примерном равновесии сил. Но в конце ее Эйзенхауэр приберег мощный удар: он объявил, что в случае избрания сразу же отправится в Корею, чтобы способствовать восстановлению мира на полуострове. Уставшие от бесплодной войны, страдающие от потерь своих близких американцы восприняли это заявление как Божий дар. Оно во многом способствовало победе Эйзенхауэра.

При этом, правда, генерал использовал один из документов 1947 года, в котором говорилось, что Корею не следует за-

пищать американским оружием, представив эту бумагу так, как будто она относилась к современности. Когда Трумэну доложили об этом, Белый дом опубликовал сей документ с точной датой⁸⁴⁸. Публика, однако, почти не обратила внимание, когда появился этот документ. Заявление Эйзенхауэра «стоило тысячи документов»⁸⁴⁹, — отмечает исследователь.

Президентские выборы состоялись 4 ноября. Эйзенхауэр получил 34 миллиона голосов (55,2 процента), Стивенсон — 27,4 миллиона (44,3 процента). 0,2 процента достались кандидату Прогрессивной партии Винсенту Хэллинану, 0,3 процента — другим кандидатам малых групп⁸⁵⁰.

3. Уход из Белого дома

Трумэну оставалось пребывать в Белом доме 11 недель до инаугурации нового президента. Политического деятеля, находящегося в таком состоянии, в США называют «хромой уткой». На следующий день после выборов Трумэн послал Эйзенхауэру поздравительную телеграмму, в которой с определенной ехидцей сказано было также, что покуда еще действующий президент готов предоставить в его распоряжение свой самолет для визита в Южную Корею, «если вы все еще собираетесь туда отправиться». Дуайт ответил, что ему подойдет любой самолет...⁸⁵¹

Еще до действительно состоявшейся поездки Эйзенхауэра в Корею (как и следовало ожидать, непосредственных результатов она не дала, война в Корее была завершена вскоре после того, как умер Сталин и начал постепенно меняться мировой политический климат) Трумэн пригласил генерала в Белый дом. Их встреча состоялась 18 ноября. Беседа была краткой, сугубо деловой. Старый президент показал новому резиденцию, познакомил с руководителями технического аппарата. Позже Эйзенхауэр вспоминал: Трумэн предупредил, что ему повезет, если не придется «выкладывать по 25 тысяч долларов в год из своего кармана»⁸⁵².

Последовавший за уходом Эйзенхауэра разговор Трумэна с помощниками показал, что неприязненное отношение к генералу полностью сохранилось. Гарри сварливо произнес: «Он будет здесь сидеть и командовать: “Сделай это! Сделай то!” И ничего не случится. Бедный Айк*! Все

* Эйзенхауэра с детства называли Айком, и эта кличка сохранилась за ним на всю жизнь.

это совершенно не похоже на армию. Он будет очень расстроен»⁸⁵³.

За несколько дней до инаугурации Эйзенхауэра, поздним вечером 15 января 1953 года, Трумэн выступил с прощальным посланием к народу. Он сидел за своим столом в Овальном кабинете Белого дома и тихим голосом разговаривал с американцами. Выступление передавалось по радио и телевидению.

Большая часть выступления была посвящена внешнеполитическим делам. О своем почти восьмилетнем пребывании на высшем государственном посту Трумэн говорил как о времени, когда «холодная война стала затмевать нашу жизнь». Не было ни одного дня, вспоминал он, когда президенту не приходилось бы заниматься связанными с ней делами, и всегда вставал вопрос об атомной бомбе. Он продолжал, что «для разумного человека является немислимым начать атомную войну. Но когда история будет говорить, что мой срок стал началом холодной войны, необходимо будет добавить, что за эти восемь лет мы выработали курс, который приведет к победе».

Трумэн признавал, что советский блок силен, обладает большими ресурсами. Но это касается только относительно краткосрочной перспективы. Если же смотреть в будущее, «силы нашего свободного общества, его идеи возобладают над системой, которая не испытывает уважения ни к Богу, ни к человеку... Свободный мир усиливается, становится более единым и привлекательным для людей по обеим сторонам “железного занавеса”».

Прощаясь со своим народом, Трумэн вспоминал: «Когда умер Франклин Рузвельт, я понимал, что существует миллион человек, лучше подготовленных, чем я, для того, чтобы занять президентское место. Но это была моя работа, и выполнять ее надо было мне. И я старался изо всех своих сил»⁸⁵⁴.

Затем прозвучали последние слова: «Никакой президент не может даже надеяться руководить нашей страной, выдерживать ношу своей должности, если ему не помогает народ. Я получал эту помощь — вы оказывали мне необходимую поддержку — во всех наших основных великих начинаниях по строительству сильного свободного мира, по сохранению мира на земле. Это великие дела. Эти дела мы вершили совместно. За это я всегда буду благодарен. А теперь настало время сказать вам спокойной ночи — и пусть Бог всех вас благословит».

Согласно традиции считалось, что утром в день инаугурации новый президент приезжает к старому, они беседуют за совместным завтраком, а затем вместе направляются на Капитолийский холм. Но приглашения «на чашку кофе» накануне не последовало, и Эйзенхауэр со своей семьей (женой и семейством сына) подъехал к Белому дому точно к тому времени, когда надо было отправляться на инаугурацию. Он был встречен у входа Гарри и Бесс Трумэн.

Затем в открытой машине они вместе медленно проехали в сопровождении эскорта мотоциклистов на Капитолийский холм, где уже собрались члены Конгресса, Верховного суда, дипломатического корпуса, высшие военные чины. В качестве почетного гостя присутствовал последний республиканский президент (1929—1933 годов) Герберт Гувер. Во время поездки старый и новый президенты, по сведениям Дуайта, почти все время молчали. Эйзенхауэр вроде бы произнес только несколько слов по поводу того, как отправится бывший президент в родной штат Миссури, и предложил для этого президентский самолет. Трумэн не ответил⁸⁵⁵.

Когда Эйзенхауэр произнес президентскую клятву, дочь Трумэна Маргарет, стоявшая рядом с ним, сказала: «Привет, мистер Трумэн!» — а затем добавила: «Что же, ты теперь не мистер президент, а мистер гражданин»⁸⁵⁶. Именно так — «Мистер гражданин» — названа была та часть архива Трумэна, которая была посвящена его личной жизни и послепрезидентским годам. Под этим же заголовком уже в 1953 году была опубликована первая небольшая книга воспоминаний Трумэна⁸⁵⁷.

Сразу после инаугурации Эйзенхауэра «мистер гражданин» поездом «Фердинанд Магеллан», тем самым, на котором он объездил всю страну во время избирательной кампании 1948 года, отправится в свой город Индепенденс.

Перед отъездом Трумэна спросили, не собирается ли он теперь убрать металлическую ограду, установленную вокруг его дома в Индепенденсе после того, как он стал президентом. «Нет, — ответил Гарри. — Иначе любители автографов просто не дадут мне покоя».

Действительно, приехав в заштатный родной город, население которого так и не увеличилось с тех пор, как почти за 20 лет перед этим он его покинул (оно теперь составляло 20 тысяч человек), Трумэн стал одновременно и величайшей местной знаменитостью, и обыкновенным гражданином.

На железнодорожной станции его встречали не менее десяти тысяч человек, еще пять тысяч собрались возле его дома. Фактически все взрослое население Индепенденса и окрестных местечек приветствовало своего земляка. Трумэн записал в дневнике: «Это плата за 30 лет чертовски тяжелой работы»⁸⁵⁸.

Собственно говоря, дом, в котором поселились теперь Гарри и Бесс, не был их собственностью. Он принадлежал матери Бесс Мэдж Уоллес и ее братьям. Властная и энергичная миссис Уоллес скончалась в Белом доме в 1952 году. Гарри записал тогда в дневнике: «Она была великолепной дамой. Когда я слышал шутки своей тещи, я не смеялся»⁸⁵⁹. Действительно, находясь на иждивении президента, Мэдж Уоллес позволяла себе высказывания по политическим вопросам, противоречившие курсу своего зятя. Она, например, осуждала признание им государства Израиль⁸⁶⁰.

Теперь с братьями Бесс было договорено, что им будет выплачена небольшая сумма в 25 тысяч долларов с условием, чтобы дом перешел в полную собственность отставного президента.

4. Старость в провинции

Новый дом Трумэнов был снят с государственной охраны. Ежедневно возле него собирались любопытствующие, главным образом туристы. Местные жители быстро привыкли к тому, что их соседом является бывший президент. Когда Трумэн выходил в город (это было не очень часто), его вежливо приветствовали, но особенно не приставали. Правда, после убийства президента Кеннеди в 1963 году решением нового президента Линдона Джонсона возле его дома была вновь поставлена охрана, которая теперь установила свой пост на противоположной стороне — на углу улицы Делавер и недавно проложенной магистрали, которая получила название дороги Трумэна.

В первые годы после возвращения к частной жизни Трумэн писал воспоминания. Вслед за первой небольшой книгой «Мистер гражданин» последовали обширные двухтомные мемуары⁸⁶¹. Как утверждал автор в предисловии, а также в разных интервью, он ставил перед собой три задачи: рассказать о том, как руководил государством, предотвратить появление книг, в которых извращалась бы его деятельность, передать свой опыт молодому поколению.

Ни одна из этих задач не была успешно реализована. Как известно, для любой мемуарной книги характерны субъективизм, предвзятость оценок, стремление оправдать решения и действия автора. Но в воспоминаниях Трумэна эти особенности видны особенно четко. Знакомство с двухтомником создает представление, что автор, и только он, верно оценивал международную и внутреннюю ситуацию, решительно отстаивал жизненно важные для Соединенных Штатов политические развязки, хотя действовал в основном в окружении враждебных или в лучшем случае безразличных деятелей.

Не повезло Трумэну и с помощниками, которые несколько раз менялись. Университетские профессора Роберт Харрис, а затем Френсис Хеллер, которые приводили в порядок его записи и диктовки, оказались не на высоте положения. Они смогли лишь чуть улучшить структуру. В значительной же степени мемуары оказались собранием отдельных, малосвязанных между собой эпизодов.

По всей видимости, Трумэн рассчитывал написать мемуары в нескольких томах, но этого не получилось. Первый том охватывал всего один, 1945 год. Это действительно был год, когда Трумэн быстро взошел на вершину политики, год, когда он овладевал искусством президентской власти, год полного разгрома Германии и Японии, Потсдамской конференции и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Написан этот том был более или менее последовательно и интересно. Исключение, правда, составлял тот раздел, который, по замыслу автора, должен был находиться в центре повествования. Рассказ о Потсдамской конференции занял основную часть тома, но, по существу, представлял собой не воспоминания одного из главных участников, а довольно нудное изложение стенографических отчетов встреч с использованием массы незначительных, малоинтересных подробностей.

Вскоре работа над воспоминаниями просто надоела. Во второй том были втиснуты все остальные семь лет, проведенные в Белом доме. Изложение неизбежно было фрагментарным, отдельные части текста мало связаны между собой.

В качестве исторического источника мемуары Трумэна были важны. Они давали будущим биографам, авторам работ по истории США и международных отношений подчас исключительно важный материал, который в то время невозможно было почерпнуть в архивных фондах, оставав-

шихся еще закрытыми. Но для широкого круга читателей воспоминания были не очень увлекательными.

Издательство «Даблдэй», являвшееся одним из наиболее солидных в США, которое взялось за публикацию мемуаров, приложило немало усилий для популяризации произведения. Отрывки печатались в газете «Нью-Йорк таймс» и широко известном журнале «Лайф». Тотчас после выхода первого тома в 1955-м, а затем и второго тома в следующем году в Канзас-Сити были устроены распродажи экземпляров с автографами автора. Во время этого «марафона», как определил сам Трумэн, он подписал тысячи экземпляров — со скоростью до десятка экземпляров в минуту⁸⁶².

Реальный доход от мемуаров был небольшим. Согласно договору, Трумэн получил 670 тысяч долларов. Однако после выплаты налогов и оплаты труда помощников ему осталось всего 37 тысяч долларов⁸⁶³.

Трумэны жили скромно, на уровне среднего слоя среднего класса. Несколько раз крупные корпорации предлагали Гарри синекурные должности с высоким жалованьем и без каких-либо обязанностей. Он, однако, все эти предложения отвергал, не желая связывать себя и подвергать риску свое доброе имя.

У Трумэна было еще одно занятие во время работы над воспоминаниями — создание своей президентской библиотеки.

Президентские библиотеки в США — это своеобразные учреждения, сочетающие музейную экспозицию, архив и библиотеку и объединенные тем, что все эти три части связаны с определенным лицом, являвшимся в то или иное время главой исполнительной власти США. С точки зрения исследователей, наиболее важной является архивная часть, с точки зрения просветительной работы — музейная часть. Эти две части комплекса уникальны. Меньшее значение имеет библиотечный сектор, так как там хранятся издания, которые можно обнаружить и в других хранилищах. Сложилась парадоксальная ситуация — та часть комплекса, которая дала ему название, оказалась наименее ценной. Можно полагать, что название учреждения сложилось случайно, когда велась подготовка к созданию первого из них. Видимо, инициаторы то ли не представляли себе вначале, что именно возникнет, то ли наивно полагали, что оригинальная документация является составной частью библиотеки. Консервативная традиция сохранила не вполне точный термин, так что постоянно приходится разъяснять, что

президентская библиотека — это библиотека лишь в последнюю очередь.

Инициатором создания первой президентской библиотеки в 1941 году был Франклин Рузвельт.

Трумэн последовал примеру своего предшественника. В 1950 году он внес на рассмотрение Конгресса законопроект, ставивший целью ввести президентские библиотеки в правовые рамки. После сравнительно продолжительного и, надо сказать, нелегкого прохождения в комиссиях обеих палат (высказывались даже мнения о противоречии существования учреждений такого рода демократическим традициям США — они, мол, создаются с целью прославления отдельных лиц, мнения о которых могут быть самыми различными) в 1955 году был принят закон о президентских библиотеках⁸⁶⁴, на основании которого создавалась обязательная сеть учреждений такого рода (обязательность распространялась только на будущих президентов, но считалось желательным создание библиотек и предыдущих руководителей государственной администрации).

Устанавливалось, что президентские библиотеки создаются частными лицами или их объединениями (с этой целью намечалось образование специальных фондов и назначенных ими администраций), а затем переходят под государственное управление. Таким образом, в организации и функционировании учреждений соблюдался смешанный, частно-государственный принцип. Закон, инициированный Трумэном, обязывал президентов передавать свои деловые бумаги, а также связанные с их деятельностью вещевые памятники в создаваемые библиотеки, что должно было гарантировать их сохранность, научную обработку и возможность доступа к ним американским гражданам, а также исследователям и туристам из других стран. Особо предусматривалось, что в президентских библиотеках следует хранить документацию и другое наследие лиц, связанных с президентами близкими родственными, дружескими или другими узами.

Иначе говоря, законодатель обращал основное внимание именно на архивную составную часть президентских библиотек. В составе названного Национального управления архивов и документации было образовано специальное подразделение — Администрация президентских библиотек, расположенная в городе Колледж-парк (штат Мэриленд), неподалеку от столицы.

Пока обсуждались вопросы законодательного оформления новых учреждений Трумэн, оставаясь еще президен-

том, активно не занимался делами, связанными с будущим учреждением. Он, правда, подумывал о месте, где она будет расположена, и в качестве одного из вариантов проверил возможность построить ее в сельском районе, где находилась ферма, на которой он жил и трудился в молодости. Однако посланный туда помощник Джордж Элси вместе с привлеченным архитектором пришел к выводу, что местность совершенно не подходит для задуманного — болотистая территория с железнодорожной линией, непривлекательный пейзаж, плохая связь с ближайшими центрами сразу же исключили ферму из обсуждаемых объектов. Так, до ухода в отставку даже вопрос о месте будущей библиотеки Трумэна не был решен.

После возвращения в Индепенденс стали поступать практические предложения. Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе сообщил Трумэну о готовности предоставить место в своем кампусе и оказать максимальную помощь в строительстве. Но Трумэн не согласился с этим щедрым предложением: он почти не был связан с Калифорнией и считал нелогичным, непонятным, если бы хранилище его документального наследия разместилось там.

В глубине души Трумэн рассчитывал на поддержку местных властей Индепенденса. Соответствующее предложение действительно поступило от мэра города, правда, после некоторого раздумья, связанного с предполагаемыми хлопотами и расходами. Было договорено, что здание разместится в парке неподалеку от центра города, рядом с одной из национальных шоссеиных магистралей № 25, что было удобно для туристов и исследователей.

После некоторых раздумий решено было построить библиотеку по проекту, представленному строительной фирмой Уильяма Мэссмена. Главным архитектором был старый знакомый Трумэна Эдвард Нийл из Луизианы, который по поручению Трумэна еще в 1930-е годы спроектировал несколько зданий в Канзас-Сити и других городах штата Миссури⁸⁶⁵. Проект напоминал древнеегипетский замок с высокими колоннами. Это и сам бывший президент, и его семья, и эксперты сочли важным для проведения на площадке перед зданием разных торжественных мероприятий.

Строительство началось в 1955 году, а официальное открытие состоялось 6 июля 1957 года. Общая стоимость работ составила 1,75 миллиона долларов. Частные пожертвования полностью обеспечили оплату.

На открытии присутствовали бывший президент Герберт Гувер, председатель Верховного суда Эрл Уоррен, Элеонора Рузвельт, руководители палат Конгресса. Это было поистине торжество Гарри Трумэна, который чувствовал себя великолепно, на время позабыв неприятности последних лет президентства. Ему было особенно приятно, что эта, вторая в истории президентская библиотека была первой, созданной в соответствии с законом, проект которого он сам внес в свое время в Конгресс. В одном из залов музейной части был воспроизведен Овальный кабинет Белого дома, в котором Трумэн работал в течение восьми лет. Именно эта копия Овального кабинета затем воссоздавалась в новых президентских библиотеках — Джонсона, Рейгана, Клинтона, отца и сына Буш.

В здании был оборудован и рабочий кабинет Трумэна, который он считал своего рода продолжением Овального кабинета. Сюда он приходил каждый рабочий день.

Пока позволяли силы, он старался продолжать привычную рутину. Поднявшись на рассвете и совершив прогулку быстрым шагом, он просматривал газеты, затем завтракал (обычно одно яйцо, кусочек ветчины или бекона, стакан сока и чашку кофе) и отправлялся в здание библиотеки. Нередко бывало так, что он приходил туда ранее официальных сотрудников и сам отвечал на первые телефонные звонки. Когда его узнавали по голосу, Трумэн чувствовал себя польщенным, но говорил обычно: «Я ведь просто человек».

Проходя мимо своего портрета в масонских регалиях, он как-то бросил реплику: «А вот римский папа!» — которая понравилась и окружающим, и ему самому. Реплика позже неоднократно повторялась. Расположившись затем в своем кабинете, Трумэн просматривал почту, отвечал на некоторые письма, принимал посетителей. Далее следовал обеденный перерыв. Гарри отправлялся домой и обедал вместе с женой, после чего возвращался в библиотеку. По вечерам он обычно читал, восполняя в старости пробелы в своем общем образовании⁸⁶⁶.

Среди посетителей Трумэна были бывшие и действующие президенты Герберт Гувер, Джон Кеннеди, такие известные политики, как Роберт Кеннеди, Дин Ачесон, Эрл Уоррен, многие зарубежные государственные деятели, включая Уинстона Черчилля. Но не менее важными посетителями считались школьники и студенты. Трумэн не только охотно проводил с ними импровизированные встречи во-

просов и ответов, но сам водил их по залам музея, вспоминая тот или иной эпизод своей прошлой работы.

Трумэн рассматривал свою библиотеку в качестве важного культурного и образовательного центра, по крайней мере для части страны, в которую он включал пространство между Питсбургом и Денвером с востока на запад, канадской границей и Мексиканским заливом с севера на юг.

В связи с этим в здании была оборудована небольшая аудитория, рассчитанная примерно на 200 человек. После этого Трумэну стало удобнее общаться с учащимися и другими посетителями.

Позже для школьников и студентов был оборудован Центр решений Белого дома, воспроизводивший часть западного крыла Белого дома. Здесь школьники и студенты включались в деловую игру: они исполняли роли Трумэна и его советников и министров, обсуждавших и принимавших решения по жизненно важным международным и внутренним вопросам. Нередко их выводы расходились с теми, которые были в свое время приняты подлинным президентом. Трумэн сдержанно относился к такого рода эпизодам, но не поощрял «вольнодумцев».

Что же касается президентской документации, то лишь часть ее была открыта для исследователей при жизни Трумэна. В ответ на просьбы открыть доступ к той или иной части документов Трумэн обычно отвечал, что это произойдет только после того, как он «будет готов», то есть расстанется с жизнью⁸⁶⁷.

Действительно, архивные фонды Библиотеки Трумэна были почти полностью открыты для исследователей после его кончины. В настоящее время там сохраняется 12,6 миллиона листов документации, в том числе около пяти миллионов листов президентских документов.

Трумэна задело, что ни на открытие библиотеки, ни позже к нему не приехал президент Эйзенхауэр. Между обоими государственными деятелями сохранялось отчуждение. Каждый из них в то или иное время произносил нелестные реплики в адрес другого. В первый раз после января 1953 года они встретились на инаугурации Джона Кеннеди в январе 1961 года, но, судя по наблюдениям журналистов, не смотрели друг на друга и не обменялись ни единым словом⁸⁶⁸. Трумэн говорил, что Эйзенхауэр — «достойный человек, но плохой президент»⁸⁶⁹. Эйзенхауэр же как-то записал в дневнике: «Трумэн разбирался в управлении не больше, чем пес разбирается в религии»⁸⁷⁰.

В ноябре 1961 года Эйзенхауэр и Трумэн встретились в Индепенденсе. Но состоявшийся между ними разговор был сугубо официальным, и взаимоотношения остались холодными.

В какой-то мере примирение произошло после убийства Джона Кеннеди в ноябре 1963 года. Инициатором оказался Эйзенхауэр. Оба бывших президента, узнав о происшедшей трагедии, прилетели в Вашингтон. Эйзенхауэр позвонил Трумэну и предложил, что заедет за ним, чтобы вместе отправиться в собор на погребальную службу. После службы Гарри пригласил Дуайта и его жену Мэйми заехать к нему на чашку кофе (наверное, оба вспомнили, как в январе 1953 года Трумэн не пригласил Эйзенхауэра на кофе в Белый дом перед инаугурацией нового президента). Теперь же состоялась почти приятельская беседа, после чего Трумэн, к ужасу секретной службы, которая опасалась любого лишнего шага подопечных, вышел на улицу и проводил Эйзенхауэров до их машины⁸⁷¹.

Значительно раньше всех этих событий, в апреле 1956 года, единственная дочь Трумэнов Маргарет вышла замуж за репортера газеты «Нью-Йорк таймс» Дэниела Клифтона (позже он стал редактором этой газеты). Молодожены поселились в Нью-Йорке. Зарботков Дэниела и Маргарет хватило на приобретение удобной квартиры в самом центре Манхэттена, на Парк-авеню. В 1957 году родился первый внук Трумэна Дэниел-младший. Позже появились на свет еще три мальчика: Уильям — в 1959-м, Гаррисон — в 1963-м, Томас — в 1966-м.

Гарри и Бесс часто приезжали в Нью-Йорк. Они не останавливались у детей, жили в гостинице «Карлайл» по соседству, но с удовольствием возились с детьми. Дэниел вспоминал, что, когда ему было всего четыре года, дед Гарри читал ему всякие истории из жизни Древней Греции и он с удовольствием слушал их. «Держа газеты под мышкой, он проходил один квартал до нашей квартиры, открывал дверь своим ключом, усаживался в гостиную и читал, пока кто-нибудь не пробудится. В нашем доме на это уходило время»⁸⁷².

Дочь Трумэна Маргарет выступала с сольными концертами как певица и одновременно занялась журналистской работой. Начав сотрудничество с радиоккомпанией «Эн-би-си», она стала инициатором специальных женских новостных передач и интервью, пользовавшихся популярностью⁸⁷³.

Важной ее инициативой было создание в 1955 году документального фильма в серии «Лицом к лицу»⁸⁷⁴, в котором Маргарет интервьюировала своих родителей в их доме в Индепенденсе. Она инициировала и создание через 20 лет художественного фильма «Трумэн», выпущенного телевизионной компанией «Эйч-би-оу» (*HBO*) и посвященного тому, как менялась личность Гарри с молодых лет до его президентского решения об атомной бомбардировке Японии. Через весь фильм проходил своего рода подзаголовок «Нужна была рука фермера, чтобы придать нации форму»⁸⁷⁵.

Неугомонная искательница нового, Маргарет, уже после смерти своего отца, попробовала силы как писательница-романистка. У нее обнаружился немалый талант в детективном жанре. Начиная с 1980-го и по 2011 год вышли 25 ее романов. Названия двадцати четырех из них начинались со слова «Убийство» (в их числе было и «Убийство в Белом доме»), а еще в одном это слово также фигурировало, но не было первым. По романам М. Трумэн ставились фильмы. Она приобрела широкую популярность. Далеко не всегда при этом вспоминали, что известная романистка была дочерью видного политика.

Возвратимся, однако, к последним годам жизни бывшего президента.

В 1956 году Гарри и Бесс совершили двухмесячную поездку по европейским странам, причем Бесс отправилась за океан впервые. Супруги посетили Париж, где Трумэн разыскал места, в которых побывал во время Первой мировой войны. Во время пребывания в Риме состоялась встреча с папой римским Пием XII. Поездка продолжилась по Западной Германии, Бельгии и Голландии. Она завершилась в Великобритании. Здесь Трумэны встретились с королевой Елизаветой II, которая дала в их честь обед, побывали в имении Черчилля Чартвелл, где вместе с сэром Уинстоном вспоминали встречи в Потсдаме и Вашингтоне. Лишь годом раньше Черчилль ушел в отставку после своего второго пребывания на посту премьер-министра, и Трумэну было особенно интересно узнавать британские новости из первых рук.

В Оксфордском университете Трумэну, не имевшему высшего образования, была присуждена степень почетного доктора, и он прочитал лекцию студентам и преподавателям о своих представлениях по поводу причин холодной войны. В основном это были воспоминания о Потсдамской

конференции и о принятии судьбоносных решений: об использовании атомной бомбы, о создании НАТО, о корейской войне.

После того как Демократическая партия вновь пришла к управлению страной на выборах 1960 года, Трумэна стали приглашать в Белый дом — вначале Кеннеди, а затем его преемник Линдон Джонсон. С ним советовались. Джонсон пригласил его присутствовать, когда подписывал один из важнейших законов своего президентства — закон о социальном обеспечении, вводивший программу медикер (медицинская забота), предусматривавшую в случае необходимости льготное медицинское обслуживание всех пожилых людей и бесплатное обслуживание бедных слоев населения.

Обсудив этот вопрос, они оба решили, что подписание закона произойдет в Библиотеке Трумэна, и Джонсон с этой целью прилетел в Индепенденс. Подписав закон, президент торжественно вручил карточки медицинского обслуживания № 1 и № 2 Гарри и Бесс Трумэн.

Постепенно здоровье Трумэна ухудшалось. Еще в 1954 году он перенес тяжелое воспаление желчного пузыря и две недели находился в больнице «Ресерч» в Канзас-Сити. Прекрасные врачи и обслуживающий персонал больницы привели Гарри во вполне приличное состояние. Он смог продолжать привычную уже активную деятельность отставного политика. Правда, после убийства Джона Кеннеди во время всех прогулок и поездок в библиотеку и другие места его сопровождал оплачиваемый государством сотрудник секретной службы.

Десять лет прошли без серьезных осложнений, хотя в 1963 году Трумэну была сделана успешная операция по удалению грыжи. Однако через год, 13 октября 1964 года, произошел несчастный случай, связанный с тем, что «скакало» кровяное давление, которое медики никак не могли привести в норму. Однажды, когда он находился в ванной комнате, Гарри потерял сознание, упал, сильно ударился. Случайно услышавшая звук падающего тела служанка обнаружила его на полу. Он не подавал признаков жизни, был весь залит кровью. На машине «скорой помощи» Трумэна отвезли в больницу, где обнаружили переломы ребер и раны на лбу и правой части головы.

Больного привели в сознание, травмы подлечили. Однако полностью прийти в себя Трумэн, которому шел уже девятый десяток, не смог. Иногда он приезжал в библио-

теку и, опираясь на палочку, с которой с этого времени не расставался, просматривал последние письма.

В 1966 году Гарри опять попал в больницу, на этот раз в связи с затяжным колитом. После этого он почти не выходил из дома. В библиотеке он побывал теперь только два раза — один раз в связи с посещением президента Ричарда Никсона в марте 1969 года, второй — на открытии дополнительного корпуса в 1971-м, в котором несколько художественных произведений принадлежали известному мастеру настенной живописи, старому знакомому Трумэна Томасу Бентону, создавшему, в частности, портрет «Старый президент».

Сознававший, что земные дни его подходят к концу, Трумэн сам разработал ритуал собственных похорон. «Чертовски красивое зрелище. Как жаль, что я не смогу его увидеть»⁸⁷⁶, — как-то сказал он.

Трумэн все чаще попадал во все ту же больницу «Ресерч». Но с каждым разом выводить его из почти безнадежного состояния становилось все труднее. 26 декабря 1972 года доктора вынуждены были констатировать «поражение всей сердечно-сосудистой системы, приведшее к смерти пациента».

Гроб с телом бывшего президента был установлен в помещении библиотеки его имени, где 27 декабря происходило прощание. 28 декабря Трумэн был похоронен перед зданием библиотеки. Похоронная процедура была предельно простой. Красочный план, разработанный самим бывшим президентом, был предан забвению. Бесс сочла невыносимым для себя и для дочери следовать тому торжественному ритуалу, который был намечен ее мужем.

Бесс прожила еще десять лет. Она скончалась 18 октября 1982 года и была похоронена рядом с супругом.

Единственная дочь Гарри и Бесс Маргарет, ставшая, как мы знаем, известной писательницей, прожила долгую и плодотворную жизнь. Ежегодно выходили ее новые романы, которыми зачитывалась публика, особенно люди простые, стремившиеся вместе с автором распутать детективные загадки, но при этом не напрягать мозги сложными философскими проблемами. Маргарет скончалась в Чикаго в возрасте восьмидесяти четырех лет в 2008 году.

Внуки Трумэна, дети Маргарет, не получили широкой известности. Они работают учителями, социальными работниками, один из них медик. Из четверых внуков ныне живы и трудятся трое. Внук Уильям в возрасте сорока од-

ного года погиб в автомобильной катастрофе в Нью-Йорке в 2000 году. Внуки носят другую фамилию — Дэниел. Редко вспоминают, что они — потомки президента Соединенных Штатов.

Младший брат Гарри Вивиан сколь-нибудь значительной карьеры не сделал. Отойдя от фермерства, он после Первой мировой войны стал работать мелким административным чиновником в родном штате, постепенно получал незначительные повышения. Самой высокой его должностью с 1948 года (в 62 года) стало руководство Федеральной жилищной администрацией в Западном Миссури. С этой должности он в 65 лет ушел на пенсию. Скончался он раньше старшего брата — в 1965 году.

Сестра Трумэна Мэри Джейн всю жизнь провела в городке Грэнд-Вью. Она не вышла замуж, не работала, занималась общественной деятельностью, являясь членом масонского ордена. Жила она скромно на средства от благотворительных организаций и небольшие вспомоществования от брата, а после его кончины — от его семьи. Мэри Джейн умерла в 1978 году.

Имя Гарри Трумэна, исчезнув из американской текущей жизни, осталось в истории страны как принадлежащее одному из видных, хотя и противоречивых президентов, своеобразной и яркой личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гарри Трумэн ушел с президентского поста в обстановке целого ряда неудач и во внешней, и во внутренней политике. Последние события, естественно, накладывали наибольший отпечаток на всю президентскую деятельность в восприятии американцев. Сам Трумэн и его окружение полагали, что при всем стремлении к принятию действенных решений, при определенных успехах, особенно в первые годы власти, в целом он был неудачливым главой исполнительной власти. Правда, уходя в отставку, Трумэн и в прощальной речи, и в переписке подчеркивал свои достижения. «Я покидаю свой пост в несравненно лучшей форме, чем какой-либо другой президент»⁸⁷⁷, — писал он одному из знакомых. Но это были успокоительные слова, прежде всего для себя самого.

Прошли, однако, годы, и представление американцев о 33-м президенте Соединенных Штатов кардинальным образом изменилось. Если в конце его власти в его пользу высказывалось от четверти до трети опрошенных, то через полстолетия большинство сограждан назвали Трумэна третьим великим президентом страны⁸⁷⁸. В других опросах он, правда, отодвигался несколько дальше, но постоянно входил в пятерку или, в самом худшем случае, десятку наиболее выдающихся американских политических деятелей.

К лучшим сторонам деятельности Трумэна внутри страны относят инициативы по проведению или, точнее, ориентации на осуществление «справедливого курса». Хотя мероприятия этого курса, являвшегося продолжением «нового курса» Франклина Рузвельта, были воплощены в жизнь лишь в минимальной степени, они определили вектор дальнейшей демократизации американского общества, которая осуществлялась преемниками Трумэна. Десегрегация воору-

женных сил США потребовала от президента особо большого мужества, ибо она была встречена в штыки не только республиканцами, но и его однопартийцами с юга страны. Создание постоянно действующей комиссии по гражданским правам позволило начать преодоление расовой дискриминации на основе определенной системы и последовательности. Впервые в истории Соединенных Штатов после Реконструкции конца 1960-х — начала 1970-х годов XIX века государственные органы стали контролировать, правда, далеко не всегда успешно, соблюдение права чернокожих участвовать в выборах и условий принятия на работу наравне с белыми.

Основополагающими были и другие меры «справедливого курса»: принятие и осуществление программы создания дешевых жилищ, совершенствование медицинского обслуживания и социального страхования. Все эти акции были зачатком создания в будущем такого общества, которое получило в социологической литературе название «общество всеобщего благосостояния». Немало инициатив «справедливого курса» заглохло в самом зачатке в результате сопротивления Конгресса, в котором правительство Трумэна не имело прочной опоры. Но и они являлись той исходной точкой, от которой начинали свою реформаторскую деятельность будущие президенты — Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон.

Трумэну принадлежала заслуга в реорганизации системы вооруженных сил страны и национальной безопасности. Его инициативы по созданию единого Министерства обороны, постоянно функционирующего Объединенного комитета начальников штабов родов войск, Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления выдержали проверку временем. Лишь с небольшими модификациями эта система существует по настоящее время.

Гарри Трумэн стал президентом на заключительном этапе войны против Германии и перед решающими схватками войны против Японии. Хотя у него был еще минимальный опыт государственной деятельности на высшем посту, он смог достойно представить свою страну на Потсдамской конференции глав великих союзных держав и внес вклад в принятие ею согласованных решений о послевоенном устройстве мира, значительная часть которых оказалась прочной, несмотря на развернувшуюся вскоре холодную войну. Деятельность Организации Объединенных Наций, мероприятия по денацификации, демилитаризации и де-

мократизации Германии оказались жизненными, несмотря на то, что они имели и обратную сторону, выразившуюся, в частности, в расколе Германии почти на столетия, в превращении Центральной Европы в одну из самых болезненных точек холодной войны.

От Трумэна потребовалось огромное мужество, когда он принимал решение об атомной бомбардировке городов Японии. Он отлично понимал, что при этом погибнут десятки тысяч женщин, детей, стариков. Но в его представлении цель — скорейшее завершение Второй мировой войны с минимальными потерями для его страны — оправдывала столь смертоносное средство.

Точно так же американский президент не колебался, когда, будучи убежденным в намерении советского лидера Сталина продолжать расширение своей империи на запад и восток, пошел навстречу развязыванию холодной войны, признав, вслед за Черчиллем, что в центре Европы опустился «железный занавес», выступив с доктриной оказания помощи странам, которым угрожала коммунистическая опасность («доктриной Трумэна»), став фактическим автором фундаментального плана послевоенного восстановления Европы, который с его подачи стали называть планом Маршалла, а затем образования военно-политического союза стран Запада — Организации Североатлантического договора (НАТО).

Трумэн всячески способствовал основанию государства Израиль в качестве единственного оплота западной цивилизации на Ближнем Востоке. В государстве Израиль его считают одним из основоположников страны, его имя там носят школы и больницы, улицы и библиотеки. В 1956 году израильский скульптор Рене Шапшак создал бюст Трумэна, который был установлен в Зале славы Национального музея в Иерусалиме. На постаменте надпись скульптора: «Нашему Гарри Трумэну — великому человеку, великой личности».

У Трумэна было немало ошибок, немало просчетов. Он нередко бывал груб не только с теми, кого считал своими недоброжелателями, но и с подчиненными, даже с друзьями и родными. На высшем государственном посту он старался оставаться простым деревенским парнем, фермером из штата Миссури, которому всего лишь повезло в жизни.

На самом деле везет многим, но лишь единицы оказываются в состоянии взвалить на свои плечи и достойно нести тяжкий груз своего везения. Гарри Трумэн оказался в числе этих избранных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 9.
- ² Ferrell R. Harry S. Truman: A Life. Columbia: University of Missouri Press, 1994.
- ³ Hamby A. Man of the People: A Life of Harry S. Truman. New York: Oxford University Press, 1995.
- ⁴ Daniels J. The Man of Independence. Philadelphia: Lippincott, 1950.
- ⁵ Steinberg A. The Man from Missouri. New York: Putnam, 1962.
- ⁶ Burnes B. Harry S. Truman: His Life and Times. Kansas City: Star Books, 2003.
- ⁷ Giangreco D. The Soldier from Independence: A Military Biography of Harry Truman. Minneapolis: Zenith Press, 2009.
- ⁸ Harry S. Truman Encyclopedia / Ed. by R. Kirkendail. Boston: G. K. Hall & Co, 1989.
- ⁹ Stone O., Kuznick P. The Untold History of the United States. New York: Gallery Books, 2012. P. 207—326.
- ¹⁰ Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М.: Колибри, 2014.
- ¹¹ Злобин Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 224—282.
- ¹² Там же. С. 227.
- ¹³ Злобин Н. Белый дом и создание государства Израиль // Континент. 2002. № 111. С. 275—287; Злобин Н. В. Известные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 156—169.
- ¹⁴ Мотылев В. В. Программы президентов США. Гарри С. Трумэн // Экономический журнал. 2012. № 25 — http://www.economi-carggu.ru/2012_1/motilev.pdf.
- ¹⁵ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. М.: Терра, 2006.
- ¹⁶ <http://www.proza.ru/2014/01/28/2146>; <http://logikologia.narid.ru/logikologia-1.html>
- ¹⁷ Аксенов В. Тайственная страсть: Роман о шестидесятниках. М.: Семь дней; Эстепона, 2008. С. 5—6.
- ¹⁸ Truman H. Memoirs: Vol. 1—2. Garden City, NY: Doubleday, 1955—1956. Vol. 1: 1945: Year of Decisions; Vol. 2: 1946—1952: Years of Trial and Hope.
- ¹⁹ Truman M. Harry S. Truman. New York: William Morrow, 1973; Truman M. Bess W. Truman, New York: Macmillan Publishing, 1986.
- ²⁰ Harry S. Truman Library, Independence, Missouri (далее — TL). Arthur Mag's Papers. Box 1. Legal Documents. 1945—1950.
- ²¹ Truman H. Letters Home by Harry Truman / Ed. M. M. Poen. New York: Putnam, 1984. P. 17—18.
- ²² Steinberg A. Op. cit. P. 17.
- ²³ Truman M. Harry S. Truman. P. 48.
- ²⁴ Ibid. P. 46.

- ²⁵ *Hamby A.* Man of the People... P. 7.
- ²⁶ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 113—115.
- ²⁷ *Miller M.* Plain Speaking: An Oral Biography of Harry S. Truman. New York: Berkley, 1974. P. 31—32.
- ²⁸ *Burnes B.* Op. cit. P. 12.
- ²⁹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 112—123.
- ³⁰ *Daniels J.* The Man of Independence. P. 58.
- ³¹ TL. Post-Presidential Papers (далее — PPP). File «Memoirs». H. Truman to C. R. Long. 1953. July 16.
- ³² *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 118—119.
- ³³ Great Men and Famous Women: Vol. 1—4 / Ed. by Ch. F. Horne. New York: SelmarHess, 1894.
- ³⁴ *Robbins Ch., Smith B.* Last of His Kind: An Informal Portrait of Harry S. Truman. New York: Morrow, 1979. P. 40.
- ³⁵ Mr. President/ Ed. by W. Hillman. New York: Farrar, Straus and Young, 1952. P. 225.
- ³⁶ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 122.
- ³⁷ *Hamby A.* Man of the People... P. 13.
- ³⁸ TL. Family, Business, Personal Affairs Papers (далее — FBP). H. Truman to B. Waller. 1911. June 22.
- ³⁹ TL. President's Secretary Files (далее — PSF). H. Truman to R. Roberts. 1950. June 12.
- ⁴⁰ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 115.
- ⁴¹ TL. PSF. Pickwick Memo. 1934. May 14.
- ⁴² TL. Miscellaneous Historical Documents Collection (далее — MHDC). № 308, 309.
- ⁴³ The Autobiography of Harry S. Truman / Ed. by R. Ferrell. Boulder: Colorado Associated University Presses, 1980. P. 18—20.
- ⁴⁴ *Ferrell R.* Truman: A Centenary Remembrance. New York: Viking, 1984. P. 39—40.
- ⁴⁵ См.: *McKinley C.* The National Guard: A Great Value for America. Washington, DC: National Guard Bureau, 2010.
- ⁴⁶ TL. PSF. H. Truman to R. Roberts. 1950. June 12.
- ⁴⁷ TL. Senatorial and Vice-Presidential File (SVPF). Pickwick Papers. H. Truman. Two Years in the Army.
- ⁴⁸ TL. Oral History Project. Ted Marx. P. 6—7.
- ⁴⁹ Dear Bess: The Letters from Harry to Bess Truman. 1910—1959 / Ed. by R. Ferrell. New York: Norman, 1983. P. 11—14.
- ⁵⁰ TL. FBP. Harry Truman to Bess Wallace. 1914. March 20.
- ⁵¹ *Barrett P., Hulston J.* The First and Only Verified Autobiography of the 33rd President of the United States // Missouri Law Review. 1991. Winter. P. 85—101.
- ⁵² TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1911. Oct. 16.
- ⁵³ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1912. Jan. 30, Dec. 17.
- ⁵⁴ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 47.
- ⁵⁵ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1912. June 22.
- ⁵⁶ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1913. Nov. 4.
- ⁵⁷ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 59.

- ⁵⁸ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1913. Oct. 29.
- ⁵⁹ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1914. May 4, 12.
- ⁶⁰ TL. File «Desk». H. Truman's Handwritten Reminiscence. 1960. July 12.
- ⁶¹ См.: *Dorsett L.* The Pendergast Machine. New York: Oxford University Press, 1968; *Larsen L., Hulston N.* Pendergast. Columbia, MO: University of Missouri Press, 1997.
- ⁶² *Truman M.* Harry S. Truman. P. 70.
- ⁶³ Ibid. P. 62.
- ⁶⁴ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1912. Nov. 6; 1913. May 23.
- ⁶⁵ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1914. Aug. 31.
- ⁶⁶ *Daniels J.* The Man of Independence. P. 74.
- ⁶⁷ TL. Mary Jane Truman Estate Papers. H. Truman to Judge Allen Southern. 1915. Aug. 3.
- ⁶⁸ TL. SVPF. H. Truman. The Military Career of a Missourian.
- ⁶⁹ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1918. March 27.
- ⁷⁰ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1917. July 14.
- ⁷¹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 59.
- ⁷² TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1917. Oct. 19.
- ⁷³ Ibid. H. Truman to B. Wallace. 1918. March 25.
- ⁷⁴ Dear Bess: The Letters from Harry to Bess Truman. P. 260.
- ⁷⁵ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1918. May 18.
- ⁷⁶ *Giangreco D.* Op. cit. P. 82.
- ⁷⁷ *Miller M.* Op. cit. P. 95—100.
- ⁷⁸ Помимо неопубликованных воспоминаний Трумэна, детали всех этих событий содержатся в его переписке: TL. FBP. H. Truman to Jay Lee. 1919.
- ⁷⁹ *Hamby A.* Man of the People... P. 76.
- ⁸⁰ TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1918. Oct. 18.
- ⁸¹ Ibid. Army Military Personnel Records of Harry S. Truman.
- ⁸² TL. FBP. H. Truman to B. Wallace. 1918. Dec. 8.
- ⁸³ TL. Mary Ethel Noland's Papers. File «Correspondence». H. Truman to Mary Ethel Noland. 1919. Jan. 20.
- ⁸⁴ *Robbins Ch., Smith B.* Op. cit. P. 33.
- ⁸⁵ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 60—61.
- ⁸⁶ TL. FBP. H. Truman's Diary. 1919. April 20 — May 2.
- ⁸⁷ *Hamby A.* Man of the People... P. 81.
- ⁸⁸ TL. BWT. H. Truman to B. Truman. 1957. June 28.
- ⁸⁹ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 81—92.
- ⁹⁰ Memories of a Cherished Home // New York Times. 1984. Apr. 22.
- ⁹¹ *Miller R.* Truman: The Rise to Power. New York: McGraw-Hill, 1986. P. 153—154.
- ⁹² *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 87; *Whitney D. and R.* The American Presidents. New York: The Reader's Digest Association, 1996. P. 281.
- ⁹³ TL. Vertical File (далее — VF). Morgan Oil Folder.
- ⁹⁴ Многочисленные деловые бумаги, связанные со всеми этими деловыми предприятиями, хранятся в: TL. FBP.

- ⁹⁵ TL. PSF. Pickwick Memo. 1934. May 14.
- ⁹⁶ *Hamby A.* Man of the People... P. 101.
- ⁹⁷ Independence Examiner. 1922. May 12; June 16.
- ⁹⁸ Ibid. 1922. July 21, 28.
- ⁹⁹ *Miller M.* Op. cit. P. 131.
- ¹⁰⁰ <http://www.pagrandlodge.org/mlam/presidents/truman.html>
- ¹⁰¹ TL. PPP. File «Family Correspondence». H. Truman to Ralph Truman. 1922. Aug. 6.
- ¹⁰² Independence Examiner. 1923. Jan. 19.
- ¹⁰³ TL. FBP. H. Truman to C. Jenkins. 1922. Sept. 16.
- ¹⁰⁴ Independence Examiner. 1922. Dec. 15; 1923. Jan. 5.
- ¹⁰⁵ Ibid. 1923. July 11.
- ¹⁰⁶ *Groathouse L.* Kansas City Blacks, Harry Truman and the Pendergast Machine // Missouri Historical Review. 1974. Oct. P. 65—82.
- ¹⁰⁷ См.: *Sinclair A.* Prohibition: The Era of Excess. New York: Little, Brown, 1962.
- ¹⁰⁸ См.: *Hakim J.* War, Peace, and All That Jazz. New York: Oxford University Press, 1995.
- ¹⁰⁹ TL. PSF. Pickwick Memo. 1934. May 14.
- ¹¹⁰ TL. Department of the Army Military Personnel Records of Harry S. Truman. Truman to the Chief of Staff, 102nd Division. 1924. Aug. 2.
- ¹¹¹ *Daniels J.* The Man of Independence. P. 126.
- ¹¹² *Miller M.* Op. cit. P. 130—131.
- ¹¹³ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 88—89.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 44.
- ¹¹⁵ TL. FBP. Copy of the Law School Yearbook. 1923—1924.
- ¹¹⁶ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 138.
- ¹¹⁷ Independence Examiner. 1927. Jan. 7.
- ¹¹⁸ Трумэн дал характеристику этим своим помощникам несколько позже, в так называемых Пиквикских меморандумах (заметках, написанных в отеле «Пиквик» в Канзас-Сити, где после 1930 года он время от времени «скрывался», чтобы привести в порядок свои мысли и суждения, в основном в 1934 году, перед тем, как он выдвинул свою кандидатуру в сенат США. См.: TL. PSF. Pickwick Memos «I Have Had Two Wonderful Associates» and «More Character Sketches».
- ¹¹⁹ TL. PSF. Pickwick Memos.
- ¹²⁰ Independence Examiner. 1927. June 17; *Hamby A.* Man of the People... P. 151.
- ¹²¹ TL. Lou Holland's Papers. H. Truman Statement. 1927. June 7.
- ¹²² Выражение А. Хэмби (*Hamby A.* Man of the People... P. 152).
- ¹²³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 141.
- ¹²⁴ *Sovey P. T. J.* Pendergast: The Man Whose Word is Good // Democracy. 1935. July. P. 4—5.
- ¹²⁵ Kansas City Star. 1930. Sept. 14, 21.
- ¹²⁶ TL. PSF. Pickwick Memos «I Have Had Wonderful Associates».
- ¹²⁷ TL. Civic Research Institute Papers. Minutes: Subcommittee on County Reorganization.

¹²⁸ TL. File «Presiding Judge». Truman H. Speeches. 1931. Sept. 25; Nov. 28.

¹²⁹ TL. Pickwick Memos «The Ideals I Tried to Make Work».

¹³⁰ Results of County Planning. Independence: Jackson County Court, 1932.

¹³¹ *Hamby A.* Man of the People... P. 158.

¹³² TL. Pickwick Memos; *Burnes B.* Op. cit. P. 100. Надо сказать, что Трумэн не был оригинален в этом злобном суждении. Он лишь пересказал стихотворение анонимного автора, опубликованное в журнале «Лайф» еще в 1905 году, в котором говорилось:

Христианин бьет челом
В воскресенье для молитвы
За проигранные битвы,
Что неделю вел с грехом (*Перевод Л. Шустера*).

¹³³ Kansas City Star. 1931. March 31; Apr. 1, 2, 4.

¹³⁴ Independence Examiner. 1932. Jan. 4.

¹³⁵ *Reddig W.* Tom's Town. Philadelphia: Lippincott, 1947. P. 202—203.

¹³⁶ См. подробнее: *Чернявский Г.* Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 234—275.

¹³⁷ Назначению Трумэна были посвящены редакционные статьи в газетах штата (Missouri Democrat. 1933. Oct. 27).

¹³⁸ [http://www.mvd.usace.army.mil/About/MississippiRiverCommission\(MRC\)/MississippiRiverTributariesProject\(MRT\).aspx](http://www.mvd.usace.army.mil/About/MississippiRiverCommission(MRC)/MississippiRiverTributariesProject(MRT).aspx)

¹³⁹ University of Missouri. Western Historical Manuscript Collection. H. Truman's Letters to and from W. Burr, B. Clark, etc. 1933—1934.

¹⁴⁰ Ibid. H. Truman to W. Burr. 1933. Nov. 24, Dec. 12.

¹⁴¹ *Hamby A.* Man of the People... P. 185.

¹⁴² Monthly Report of the Federal Emergency Relief Administration. Jan. 1 to Jan. 31 1934. Washington, DC: US Government Printing Office, 1934. P. 20—21.

¹⁴³ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1933. Apr. 23.

¹⁴⁴ TL. SVPE. H. Truman. My Impressions of the Senate, the House, Washington, etc.

¹⁴⁵ Independence Examiner. 1934. June 1.

¹⁴⁶ TL. File «Presiding Judge».

¹⁴⁷ *Hamby A.* Man of the People... P. 190.

¹⁴⁸ Missouri Democrat. 1934. Aug. 31.

¹⁴⁹ *Hamby A.* Man of the People... P. 191.

¹⁵⁰ Missouri Democrat. 1934. July 6.

¹⁵¹ *Ferrell R.* Harry S. Truman and the Modern American Presidency. Boston: Little, Brown and Co, 1983. P. 31.

¹⁵² *Truman M.* Harry S. Truman. P. 91.

¹⁵³ Missouri Democrat. 1934. Dec. 7, 14.

¹⁵⁴ New York Times. 1934. Dec. 19.

¹⁵⁵ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 142—143.

¹⁵⁶ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 134.

¹⁵⁷ Kansas City Star. 1935. Sept. 8.

- ¹⁵⁸ TL. SVP. H. Truman to C. Hester. 1938. Aug. 11.
- ¹⁵⁹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 144.
- ¹⁶⁰ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 232.
- ¹⁶¹ TL. SVP. File «Pendergast». T. Pendergast to H. Truman. 1939. Jan. 13, 27, Febr. 1, 27; H. Truman to T. Pendergast. 1939. Jan. 31, Febr. 1, March 1.
- ¹⁶² *Repetto T.* The American Mafia: A History of Its Rise to Power. New York: Henry Holt and Co, 2004. P. 223.
- ¹⁶³ Congressional Record. 75 Congress. 3rd Session. 1938. Febr. 15. P. 1962—1964.
- ¹⁶⁴ St. Louis Post-Dispatch. 1939. Apr. 7.
- ¹⁶⁵ TL. SVP. H. Truman to L. Holland. 1945. Febr. 26; *Brinkley A., Dyer D.* The American Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 2004. P. 375.
- ¹⁶⁶ TL. VF. Harry S. Truman's Senate Staff.
- ¹⁶⁷ TL. SVP. File «Vivian Truman»; *Hamby A.* Man of the People... P. 205.
- ¹⁶⁸ *Helm W.* Harry Truman: A Political Biography. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1947. P. 7.
- ¹⁶⁹ О Хью Лонге см.: *Williams H.* Huey Long. New York: Knopf, 1969.
- ¹⁷⁰ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 145—146.
- ¹⁷¹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 101—102.
- ¹⁷² Ibid. P. 90.
- ¹⁷³ TL. SVP. H. Truman's Diary. 1937. Apr. 25, July 28; FBP. H. Truman to B. Truman. 1936. Jan. 6.
- ¹⁷⁴ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1939. Aug. 5.
- ¹⁷⁵ *Kansas City Times.* 1939. Febr. 2.
- ¹⁷⁶ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 90.
- ¹⁷⁷ TL. SVP. M. Truman to H. Truman. 1935. Febr. 14.
- ¹⁷⁸ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 100—101.
- ¹⁷⁹ TL. William A. Kitchen's Papers. H. Truman to W. Kitchen. 1935. June 26.
- ¹⁸⁰ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1937. Febr. 10.
- ¹⁸¹ *Hamby A.* Man of the People... P. 209.
- ¹⁸² *Truman M.* Bess W. Truman. P. 135—140.
- ¹⁸³ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 90.
- ¹⁸⁴ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 186.
- ¹⁸⁵ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1935. Dec. 11.
- ¹⁸⁶ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 232.
- ¹⁸⁷ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1939. Sept. 24.
- ¹⁸⁸ См. подробнее: *Чернявский Г., Дубова Л.* Эйзенхауэр. С. 64—65.
- ¹⁸⁹ *New York Times.* 1936. Jan. 26, 28.
- ¹⁹⁰ *Kansas City Star.* 1935. Apr. 15.
- ¹⁹¹ *Mason A.* Harlan Fiske Stone: Pillar of the Law. New York: Viking, 1956. P. 405—418.
- ¹⁹² Columbia University (New York City). Butler Library. Columbia Oral History Project. Frances Perkins.

- ¹⁹³ Woodworth B., Armstrong S. The Brethren: Inside the Supreme Court. New York: Simon and Schuster, 1979. P. 397—398.
- ¹⁹⁴ Kansas City Star. 1935. Apr. 15.
- ¹⁹⁵ TL. SCP. H. Truman Speech. 1935. Apr. 20.
- ¹⁹⁶ New York Times. 1939. March 23.
- ¹⁹⁷ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1939. July 5.
- ¹⁹⁸ Hamby A. Man of the People... P. 216.
- ¹⁹⁹ Ibid. P. 217.
- ²⁰⁰ Dewey R. The Transportation Act of 1940 // American Economic Review. 1941—1943. Vol. 31. No. 1. P. 15—26.
- ²⁰¹ См. подробнее: Caves R. Air Transport and Its Regulators: An Industry Study. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
- ²⁰² National Aeronautics. 1939. No. 17. P. 13, 47.
- ²⁰³ New York Times. 1938. June 12, 17, 24; Congressional Record. 75th Congress. 3rd Session. 1938. May 13. P. 6854—6858; Hamby A. Man of the People... P. 218.
- ²⁰⁴ TL. CVP. H. Truman. Speech on CBS. 1939. Febr. 7.
- ²⁰⁵ Kansas City Times. 1938. May 6.
- ²⁰⁶ St. Louis Post Dispatch. 1940. Jan. 7, 8.
- ²⁰⁷ Library of Congress. Manuscript Division. Edwin Halsey's Papers. What the United States Senate Thinks of Harry S. Truman; Reddig W. Op. cit. P. 303—304.
- ²⁰⁸ Fink G. Labor's Search for Political Order: The Political Behavior of the Missouri Labor Movement. 1890—1940. Columbia: University of Missouri Press, 1974. P. 152—159.
- ²⁰⁹ TL. General File. Press Releases. 1940.
- ²¹⁰ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1939. Aug. 8.
- ²¹¹ St. Louis Post Dispatch. 1940. June 16.
- ²¹² Kansas City Times. 1940. July 30.
- ²¹³ Брошюра хранится в: TL.VF.
- ²¹⁴ Ibid. Official Manual of the State of Missouri: 1941—1942. P. 366—367.
- ²¹⁵ TL. SVP. H. Truman to L. Holland. 1941. Febr. 4.
- ²¹⁶ Речь шла о том, что, согласно закону о трудовых отношениях, проведенному по инициативе Рузвельта (закон Вагнера 1935 года), в промышленности вводилась практика «закрытого цеха», согласно которой наем и увольнение рабочей силы происходили при обязательном участии профсоюзов, причем на работу принимались, как правило, только члены определенного союза (Glick C. Labor-Management Cooperative Programs: Do They Foster or Frustrate National Labor Policy? // Labor Law Journal. 1989. No. 7).
- ²¹⁷ Congressional Record. 77th Congress. 1st Session. 1941. Febr. 10. P. 830—838.
- ²¹⁸ Hamby A. Man of the People... P. 249.
- ²¹⁹ TL. Oral History Project. Interview with John W. Snyder. 1967. Nov. 22; Schickler E. Disjoined Pluralism: Institutional Innovation and the Development of the US Congress. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. P. 159.

²²⁰ CM.: *Tap B. Over Lincoln's Shoulder: The Committee on the Conduct of the War*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1998.

²²¹ *Eisenhower D.* *At Ease: Stories I Tell to Friends*. Garden City, NY: Doubleday, 1967. P. 187—188.

²²² *Wilson Th.* *The Truman Committee: 1941 // Congress Investigates: A Documented History 1792—1974: Vol. 4.* / Ed. by R. Bruns and A. Schlesinger. Jr. New York: Chelsea House, 1975. P. 3121—3122.

²²³ *Hamilton L.* *Relations between the President and Congress in Wartime // Rivals for Power: Presidential-Congressional Relations* / Ed. Thurber J. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2009. P. 300.

²²⁴ *McCullough D.* *Truman*. New York: Simon & Schuster, 1992. P. 305.

²²⁵ *Ferrell R.* *Harry S. Truman: A Life*. P. 156—157.

²²⁶ *Truman H.* *Memoirs*. Vol. 1. P. 171—173; *Daniels J.* *The Man of Independence*. P. 224.

²²⁷ *McCullough D.* *Op. cit.* P. 307.

²²⁸ *Ibid.* P. 304—305.

²²⁹ *Schickler E.* *Op. cit.* P. 159.

²³⁰ *McCullough D.* *Op. cit.* P. 305.

²³¹ *Ibid.* P. 311.

²³² *Fleming Th.* *The New Dealers' War: FDR and the War within World War II*. New York: Basic Books, 2002. P. 246; *McCullough D.* *Op. cit.* P. 314; *Riddle D.* *The Truman Committee: A Study in Congressional Responsibility*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1964. P. 160.

²³³ *McCullough D.* *Op. cit.* P. 318.

²³⁴ TL. MHDC. № 296.

²³⁵ *Truman H.* *Memoirs*. Vol. 1. P. 186.

²³⁶ *Congressional Record*. 77th Congress. 2nd Session. 1942. Jan. 15. P. 380—291; *Wilson Th.* *The Truman Committee: 1941 // Congress Investigates: A Documented History 1792—1974: Vol. 4.* P. 3129—3131.

²³⁷ *Herman A.* *Freedom's Forge: How American Business Produced Victory in World War II*. New York: Random House, 2012. P. 275, 281, 303, 312; *Goldman R.* *The National Party Chairmen and Committees: Factionalism at the Top*. Armonk: NY: M.E. Sharpe, 1990. P. 359.

²³⁸ *Schneider C., Schneider D.* *World War II*. New York: Facts on File, 2003. P. 46—47.

²³⁹ TL. SVP. Senate Report 480. Part 5. 77th Congress. 2nd Session. 1942. May 26.

²⁴⁰ TL. SBP. Interview with R. Harkness. 1943. May 6.

²⁴¹ *Polenberg R.* *War and Society*. Philadelphia: Lippencott, 1972. P. 14—18.

²⁴² TL. Truman Committee Records. Press Releases. 1943. March 27, 29; 1944. May 26.

²⁴³ <http://www.history.com/this-day-in-history/truman-is-briefed-on-manchattan-project>

²⁴⁴ *McCullough D.* *Op. cit.* P. 338.

- ²⁴⁵ *Truman H. Memoirs*. Vol. 1. P. 186.
- ²⁴⁶ Congressional Record. 77th Congress. 1st Session. 1941. Aug. 14. P. 7117—7118.
- ²⁴⁷ Harry Truman: We Can Lose the War in Washington // *American Magazine*. 1942. November. P. 222—223.
- ²⁴⁸ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1942. Sept. 27.
- ²⁴⁹ *Steinberg A. Op. cit.* P. 195—196.
- ²⁵⁰ Billion-Dollar Watchdog // *Time*. 1943. March 8. P. 13—15.
- ²⁵¹ *Haynes R. The Awesome Power: Harry S. Truman as a Commander in Chief*. Baton Rouge: LSU Press. 1973. P. 24.
- ²⁵² The 10 Most Useful Officials in Washington // *Look*. 1944. May 16. P. 26—27.
- ²⁵³ *Злобин Н. Трумэн // Континент*. 2001. № 110. С. 233—234.
- ²⁵⁴ *Hamby A. Man of the People...* P. 267.
- ²⁵⁵ US Senate. Special Committee Investigating the National Defense Program. 77th Congress. 2nd Session. 1942. Jan. 28. Donald Nelson Testimony. P. 104025—104043.
- ²⁵⁶ См. об этом: *Catton B. The War Lords of Washington*. New York: Harcourt Brace, 1946. P. 252—256.
- ²⁵⁷ National Archives of the United States (далее — NAUS). Truman Committee Records. H. Truman. Graduation Address. 1942. June 2.
- ²⁵⁸ *Truman M. Bess W. Truman*. P. 202—203.
- ²⁵⁹ TL. VF. Secretary of the Senate Monthly Reports. 1941—1945; *Truman M. Bess W. Truman*. P. 203—204.
- ²⁶⁰ TL. SVP. H. Truman to Vivian Truman. 1941. Aug. 11, 1942. Jan. 29; June 18; Vivian Truman to H. Truman. 1942. June 13 etc.
- ²⁶¹ TL. MHDC. H. Truman to C. Harrison. 1936. March 6.
- ²⁶² См.: *Наджафов Д. Г. Нейтралитет США: 1935—1941*. М.: Наука, 1990.
- ²⁶³ См.: *Чернявский Г. Рузвельт*. С. 290—292.
- ²⁶⁴ TL. SVP. H. Truman. Speech at Larchmont. 1937. Apr. 20.
- ²⁶⁵ Ibid. H. Truman. Speech at Caruthersville, Missouri. 1939. Oct. 8.
- ²⁶⁶ *Соколов Б. В. Роль ленд-лиза в советских военных усилиях 1941—1945 годов // Загадки ленд-лиза*. М.: Вече, 2000. С. 305—312.
- ²⁶⁷ TL. SVP. H. Truman to E. Meisburger. 1943. July 23.
- ²⁶⁸ Ibid. H. Truman to L. F. Smith. 1941. Febr. 6; H. Truman to Ch. P. Schafer. 1941. May 12.
- ²⁶⁹ *New York Times*. 1941. June 24.
- ²⁷⁰ *The Churchill War Papers: The Ever Widening War*. Vol. 3: 1941 / Ed. by M. Gilbert. New York: W. W. Norton & Co, 2001. P. 835—836.
- ²⁷¹ *Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt*. New York: DaCapo Press, 1972. Vol. 17. P. 405—406.
- ²⁷² *Daniels J. The Man of Independence*. P. 229.
- ²⁷³ *Hamby A. Man of the People...* P. 270.
- ²⁷⁴ TL. PSF. Autobiographical Account. 1945; *Truman H. Memoirs*. Vol. 1. P. 169—170.
- ²⁷⁵ TL. Medical Records. Department of the Army Military Personnel Records of Harry S. Truman. 1917—1973.

- ²⁷⁶ TL. Wallgran's Papers. H. Truman to Mon Wallgran. 1945. Dec. 18.
- ²⁷⁷ Congressional Record. 78th Congress. 1st Session. 1943. Sept. 21. P. 7694—7697.
- ²⁷⁸ TL. SVP. H. Vaughan to W. Hilliker. 1941. Oct. 31.
- ²⁷⁹ Ferrell R. Harry S. Truman: A Life. P. 293.
- ²⁸⁰ Truman H. Memoirs. Vol. 1. P. 191.
- ²⁸¹ Ibid. P. 324.
- ²⁸² См. подробнее: Чернявский Г. Рузвельт. С. 458—459.
- ²⁸³ Drury A. A Senate Journal: 1943—1945. New York: McGraw-Hill, 1963. P. 137—138.
- ²⁸⁴ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1943. July 12.
- ²⁸⁵ Messer R. The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origin of the Cold War. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. 35—60; Ferrell R. Choosing Truman. Columbia: University of Missouri Press, 1994.
- ²⁸⁶ Herman A. Op. cit. P. 189—190, 247, 330.
- ²⁸⁷ Копия письма была предоставлена биографу Трумэна А. Хэмби сыном Хэннегана Уильямом (Hamby A. Man of the People... P. 281).
- ²⁸⁸ Tully G. FDR: My Boss. New York: Scribner, 1949. P. 275—277.
- ²⁸⁹ Byrnes J. All in One Lifetime. New York: Harper, 1958. P. 227.
- ²⁹⁰ Ibid. P. 228.
- ²⁹¹ Truman H. Memoirs. Vol. 1. P. 191.
- ²⁹² Messer R. Op. cit. P. 29.
- ²⁹³ Truman H. Memoirs. Vol. 1. P. 192—193.
- ²⁹⁴ Chase J. The Presidency of Henry Wallace // What If? 2: Eminent Historians Imagine What Might Have Been / Ed. by R. Crowley. New York: Putnam Adult, 2001. P. 394.
- ²⁹⁵ Truman M. Bess W. Truman. P. 231.
- ²⁹⁶ Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster, 1994. P. 424—425.
- ²⁹⁷ Steinberg A. Op. cit. P. 221.
- ²⁹⁸ См. об этом: Чернявский Г. Рузвельт. С. 473—476.
- ²⁹⁹ State Historical Society of Missouri. Western Historical Manuscript Collection. E. Mitchell's Papers. Mitchell E. The Four Horsemen of the Pendergast Machine and Truman's First Nomination for Senat Was Stolen.
- ³⁰⁰ Jordan D. FDR, Dewey, and the Election of 1944. Bloomington: Indiana University Press, 2011. P. 294, 296—297.
- ³⁰¹ Time. 1944. Nov. 6. P. 22—24.
- ³⁰² Chicago Tribune. 1944. Oct. 28.
- ³⁰³ Злобин Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 234.
- ³⁰⁴ Truman H. Memoirs. Vol. 1. P. 194.
- ³⁰⁵ Nickols K. The Road to Trinity: A Personal Account of How America's Nuclear Policies Were Made. New York: W. Morrow & Co, 1987. P. 177.
- ³⁰⁶ Compton A. Scientific Papers of Arthur Holly Compton. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 233.

³⁰⁷ *Truman M.* Letters from Father: The Truman Family's Personal Correspondence. New York: Kensington Publishing Corporation, 1982. P. 103.

³⁰⁸ *Drury A.* Op. cit. P. 374—375.

³⁰⁹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. New York: Harper, 1950. Vol. 13. P. 570—586.

³¹⁰ *Drury A.* Op. cit. P. 373.

³¹¹ TL. PPP. File «Memoirs». H. Truman to Martha and Mary Jane Truman. 1945. Apr. 11.

³¹² *McCullough D.* Op. cit. P. 342.

³¹³ *Daniels J.* White House Witness: 1942—1945. Harden City, NY: Doubleday, 1975. P. 283.

³¹⁴ Правда. 1945. 13 апреля.

³¹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1969. С. 713.

³¹⁶ *Bullock A.* Hitler and Stalin: Political Lives. New York: Random House, 1993. P. 880.

³¹⁷ *McCullough D.* Op. cit. P. 349—350.

³¹⁸ *Hamby A.* Beyond the New Deal: Harry S. Truman and American Liberalism. New York: Academy of Political Science, 1975. P. 54—55.

³¹⁹ *Forrestal J.* Diaries. New York: Viking Press, 1951. P. 43.

³²⁰ *Stettinius E.* Diaries: 1943—1946. New York: New Viewpoints, 1975. P. 315—316.

³²¹ Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman / Ed. by R. Ferrell. Columbia: University of Missouri Press, 1980. P. 15; *McCullough D.* Op. cit. P. 348. Harry S. Truman / Ed. by R. Ferrell. Columbia: University of Missouri Press, 1980. P. 15; *McCullough D.* Op. cit. P. 348.

³²² Franklin Roosevelt Library, Hyde-Park, New York. Eleanor Roosevelt's Papers. Part 2: 1945—1960. E. Roosevelt to H. Truman. 1945. Apr. 16.

³²³ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 23—24.

³²⁴ Ibid. P. 24.

³²⁵ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 253.

³²⁶ TL. PSF. H. Truman's Diary. Apr. 12. Запись датирована 12 апреля, но из последних приведенных слов видно, что сделана она была позже.

³²⁷ *McCullough D.* Op. cit. P. 354.

³²⁸ The New York Tribune. 1945. Apr. 17.

³²⁹ The New York Times. 1945. Apr. 17.

³³⁰ TL. Eben Ayers's Papers. Box 16. E. Ayers's Diary. 1945. Apr. 17; New York Times. 1945. Apr. 18.

³³¹ Злобин Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 235—236.

³³² TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1945. June 6.

³³³ Лихи писал в мемуарах: «По моему мнению, использование этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не было полезным в нашей войне против Японии. Японцы были уже разгромлены и готовы сдаться в результате эффективной морской блока-

ды и успешных бомбардировок обычным оружием» (*Leahy W. D. I Was There (The American military experience): The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time.* New York: Whittlesey House, 1950. P. 441).

³³⁴ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 215.

³³⁵ *Miller M.* Op. cit. P. 216.

³³⁶ <http://www.archives.gov/publications/prologue/1999/summer/presidential-press-secretary>

³³⁷ The New York Times. 1981. May 22.

³³⁸ TL. PSF. H. Truman to J. Daniels, 1950. Febr. 26 (unsent).

³³⁹ *Clifton Truman D.* Adventures with Grandpa Truman // Prologue. 2009. Vol. 41. No. 1 — <http://www.archives.gov/publications/prologue/2009/spring/grandpa-truman.html>

³⁴⁰ *Donovan R.* Conflict and Crisis... P. 148.

³⁴¹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 228—229.

³⁴² The New York Times. 1945. May 12.

³⁴³ *Bonnie A.* «Be a Good Boy, Harry» // First Mothers: The Women Who Shaped the Presidents. New York: Harper and Collins, 2001. P. 40—73.

³⁴⁴ *Clifford C., Holbrooke R.* Counsel to the President: A Memoir. New York: Random House, 1991. P. 49.

³⁴⁵ TL. PSF. Longhand Notes. 1945. H. Truman's Diary. 1945. June 1.

³⁴⁶ *Eden A.* The Reckoning. Boston: Houghton Mifflin, 1965. P. 621.

³⁴⁷ См. подробнее: *Чернявский Г., Дубова Л.* Эйзенхауэр. С. 168—172.

³⁴⁸ *Stettinius E.* The Diaries. New York: New Viewpoints, 1975. P. 318.

³⁴⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами и премьер-министрами США и Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941-го — декабрь 1945 года). С. 228. В переводе ответа Трумэна на русский язык допущена неточность, влияющая на смысл. Слово *late* правильнее перевести не «бывший», а «покойный».

³⁵⁰ Там же. С. 359.

³⁵¹ Там же. С. 229—231.

³⁵² *Hamby A.* Man of the People... P. 316.

³⁵³ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1945. Washington, DC: US Government Printing Office, 1969. Vol. 5. P. 231—234.

³⁵⁴ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 1991. № 110. С. 237.

³⁵⁵ FRUS. 1945. Vol. 5. P. 252—255.

³⁵⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 232—233.

³⁵⁷ FRUS. 1945. Vol. 5. P. 258; *Bohlen Ch.* Witness to History. 1929—1969. New York: W. W. Norton & Co, 1973. P. 222—223.

³⁵⁸ *Gaddis J.* The Insecurities of Victory: The United States and the Perception of the Soviet Threat after World War II // The

Truman Presidency / Ed. by M. Lacey. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1989. P. 235—272.

³⁵⁹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 77—82.

³⁶⁰ *Печатнов В. О.* От союза — к вражде (советско-американские отношения в 1945—1946 годах) // Холодная война. 1945—1963 годы: Историческая ретроспектива: Сборник статей. М.: Олма-пресс, 2003. С. 34.

³⁶¹ *Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman.* 1945. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966. P. 144.

³⁶² *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 227—228.

³⁶³ FRUS. 1945. Vol. 1. P. 998—1004.

³⁶⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 255.

³⁶⁵ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. May 22, 23.

³⁶⁶ *Потрашков С. В.* Антигитлеровская коалиция и Болгария. 1941—1944 годы. Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2005. С. 109—138; *Бережков В. М.* Сложности межсоюзнических отношений: Странное предложение // Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. С. 478.

³⁶⁷ TL. PSF. H. Truman to E. Roosevelt. 1945. May 10.

³⁶⁸ FRUS. 1945. Vol. 1. P. 903—910.

³⁶⁹ *Уткин А. И.* Рузвельт. М.: Культурная революция, 2012. С. 501.

³⁷⁰ *Lanouette W., Silard B.* Genius in the Shadows: A Biography of Leo Szilard: The Man Behind the Bomb. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 261—262.

³⁷¹ TL. White House Central Files. Confidential Files. H. Stimson to H. Truman. 1945. Apr. 24.

³⁷² *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 85—87; *Jiovanniti L., Freed F.* The Decision to Drop the Bomb. New York: Coward-McCann, 1965. P. 49.

³⁷³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 104.

³⁷⁴ *Jiovanniti L., Freed F.* Op. cit. P. 63—67.

³⁷⁵ FRUS. 1945. Vol. 1. P. 909; *Bundy M.* Danger and Survival. New York: Random House, 1988. P. 70—84.

³⁷⁶ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6: Triumph and Tragedy. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1953. P. 687.

³⁷⁷ Off the Record. P. 48.

³⁷⁸ TL. FB. H. Truman to B. Truman. 1945. July 12; Off the Record. P. 49.

³⁷⁹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 280—281.

³⁸⁰ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. July 7.

³⁸¹ Ibid. July 16.

³⁸² TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. July 16.

³⁸³ *Churchill W.* Op. cit. P. 746.

³⁸⁴ *Churchill W.* Taken from the Diaries of Lord Moran: The Struggle for Survival. 1940—1965. Boston: Houghton Mifflin, 1966. P. 302—306.

- ³⁸⁵ *Злобин Н.* Трумэн // *Континент*. 2001. № 110. С. 238.
- ³⁸⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 годов: Сборник документов. Т. 6: Берлинская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 года). М.: Политиздат, 1984. С. 39—40.
- ³⁸⁷ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 390.
- ³⁸⁸ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. July 17. Как видим, в мемуарах просто были повторены слова из дневника по поводу «динамита».
- ³⁸⁹ *Антонов-Овсеенко А. В.* Театр Иосифа Сталина // *Осмыслить культ Сталина*. М.: Прогресс, 1989.
- ³⁹⁰ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. July 17. Запись ошибочно обозначена Трумэном 16 июля.
- ³⁹¹ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1945. July 29.
- ³⁹² *Daniels J.* White House Witness... P. 278.
- ³⁹³ Off the Record. P. 55.
- ³⁹⁴ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 392.
- ³⁹⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Т. 6. С. 209.
- ³⁹⁶ Off the Record. P. 58.
- ³⁹⁷ *Stimson H., Bundy M.* On Active Services in Peace and War. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 636.
- ³⁹⁸ FRUS. 1945. Vol. 2. P. 225.
- ³⁹⁹ Off the Record. P. 55. Подробно об отношении Трумэна к проблеме испытания и использования атомного оружия см.: *Boyer P.* «Some Sort of Peace»: President Truman, the American People, and the Atomic Bomb // *The Truman Presidency*.
- ⁴⁰⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Т. 6. С. 164—178.
- ⁴⁰¹ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1945. July 18.
- ⁴⁰² *Churchill W.* Op. cit. P. 793.
- ⁴⁰³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 416.
- ⁴⁰⁴ *Eden A.* Op. cit. P. 635.
- ⁴⁰⁵ *Трухановский В. Г.* Английское ядерное оружие. М.: Международные отношения, 1985. С. 23.
- ⁴⁰⁶ *Громыко А. А.* Памятное: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 272.
- ⁴⁰⁷ *Гончаров Г. А., Рябев Л. Д.* О создании первой отечественной атомной бомбы // *Успехи физических наук*. 2001. Т. 171. № 1. С. 79—104.
- ⁴⁰⁸ *Мороз О.* Никогда не должно быть применено! // Литературная газета. 1984. 25 июля.
- ⁴⁰⁹ New York Times. 1999. Nov. 10.
- ⁴¹⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 334.
- ⁴¹¹ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81.

- ⁴¹² Гончаров В. В. Первые (основные) этапы решения атомной проблемы в СССР. М.: Изд-во Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, 1990. С. 4.
- ⁴¹³ McCoy D. The Presidency of Harry S. Truman. Lawrence: University Press of Kansas, 1984. P. 37.
- ⁴¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Т. 6. С. 448.
- ⁴¹⁵ Off the Record. P. 54.
- ⁴¹⁶ The Harry S. Truman Encyclopedia / Ed. by R. Kirkendall. Boston: G. K. & Co, 1989. P. 285.
- ⁴¹⁷ Off the Record. P. 348—349.
- ⁴¹⁸ Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М.: Госатомиздат, 1963. С. 66.
- ⁴¹⁹ Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964. С. 441.
- ⁴²⁰ Tugwell R. Off Course: From Truman to Nixon. New York: Praeger, 1971. P. 181—183.
- ⁴²¹ Reischauer E. My Life between Japan and America. New York: Harper and Row, 1986. P. 101.
- ⁴²² George Washington University. National Security Archive (далее — NSA). № 720284. Summary of Target Committee Meetings on 10 and 11 May 1945. P. 6.
- ⁴²³ TL. PSF. H. Truman's Diary. July 25.
- ⁴²⁴ Гровс Л. Указ. соч. С. 506.
- ⁴²⁵ Junk R. Children of the Ashes: The Story of a Rebirth. New York: Harcourt, Brace & World, 1961. P. 3.
- ⁴²⁶ См. подробнее: Lindee M. Suffering Made Real: American Science and the Survivors at Hiroshima. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- ⁴²⁷ TL. Atomic Bomb Collection. Letter Regarding the Atomic Bomb Project. 1945, Aug. 6.
- ⁴²⁸ New York Times. 1945. Aug. 7.
- ⁴²⁹ The Truman Presidency. P. 176.
- ⁴³⁰ TL. Public Papers. President's Public Statement. 1945. Aug. 9.
- ⁴³¹ Wainstock D. The Decision to Drop the Atomic Bomb. Westport, Connecticut: Praeger, 1996. P. 92.
- ⁴³² US Department of Energy. Archives. The Manhattan Project (An Interactive History). The Atomic Bombing of Nagasaki (August 9, 1945).
- ⁴³³ George Washington University. National Security Archive. Electronic Briefing Book. The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources. № 162. 1945. Aug. 13.
- ⁴³⁴ Bernstein B. Eclipsed by Hiroshima and Nagasaki: Early Thinking about Tactical Nuclear Weapons // International Security. 1991. No. 15. P. 149—173.
- ⁴³⁵ Brinkley A. For America, It Truly Was a Great War // New York Times Magazine. 1995. May 7. P. 54—57.
- ⁴³⁶ Frank R. Downfall: The End of the Imperial Japanese Empire. New York: Random House, 1999. P. 316—319.

⁴³⁷ *Tanaka Y., Young M.* Bombing Civilians: A Twentieth Century History. New York: New Press, 2009. P. 117.

⁴³⁸ The New York Times. 1946. Aug. 19.

⁴³⁹ Einstein on Peace. New York: Random House, 1988. P. 589.

⁴⁴⁰ *Walker S.* Recent Literature on Truman's Atomic Bomb Decision: A Search for Middle Ground // *Diplomatic History*. 2005. No. 29. April. P. 311—334.

⁴⁴¹ *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М.: Международные отношения, 1968; *Емельянов В. С.* Атом и мир. М.: Атомиздат, 1964; *Иойрыш А. И.* Атомная энергия: Правовые проблемы. М.: Наука, 1975. *Орлов А. С.* Тайная битва сверхдержав. М.: Вече, 2000; *Chinnock F. W.* Nagasaki: the Forgotten Bomb. New York: New American Library, 1969; *Evans M.* The Secret War for the A-Bomb. Chicago: Henry Regnery, 1953; *William A. W.* The Tragedy of American Diplomacy. New York: World Publishing Company, 1959 и др.

⁴⁴² *Мальков В. Л.* Феномен Франклина Рузвельта // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 137.

⁴⁴³ *Caddis J.* We Now Know: Rethinking Cold War History. New York: Oxford University Press, 1997. P. 224.

⁴⁴⁴ <http://www.chayka.org/article.php?id=852>

⁴⁴⁵ См., например: *McCoу D.* Op. cit. P. 39—40.

⁴⁴⁶ *Соколов Б. В.* Все мифы о Второй мировой: «Неизвестная война». М.: Яуза-пресс, 2012. С. 78.

⁴⁴⁷ Newsweek. 1945. Aug. 20. P. 32—33.

⁴⁴⁸ См.: *Weinberg G.* A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁴⁴⁹ *Злобин Н.* Трумэн // *Континент*. 2001. № 110. С. 239.

⁴⁵⁰ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18: 1917—1953 годы. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 201, 205.

⁴⁵¹ Правда. 1949. 2 февраля; *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. Ч. 2: Январь 1949 — февраль 1953 года. М.: Рыченков, 2012. С. 21.

⁴⁵² Правда. 1949. 4 февраля.

⁴⁵³ TL. PSF. Meeting of the President with Prime-Minister Churchill. 1952. Jan. 8.

⁴⁵⁴ Central Intelligence Agency Archives (далее — CIAA). CIA-RDP80R01731R002900430044-0.

⁴⁵⁵ См. подробно о тенденциях развития стран региона в кн.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа. 1949—1953 годы. Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. С. 227—260.

⁴⁵⁶ *Окорочков А.* Секретные войны Советского Союза. М.: Эксмо, 2008. С. 362—381; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 498—501.

⁴⁵⁷ *Сухоруков С. А.* Иран между Британией и Россией: От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009; *Forsmann J.* Testfall

für die «Großen Drei»: Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner. 1941—1946. Köln: Böhlau Verlag, 2009.

⁴⁵⁸ Off the Record. P. 74.

⁴⁵⁹ McCoy D. Op. cit. P. 74.

⁴⁶⁰ Печатнов В. О. «Союзники нажимают на тебя...» // Источник. 1999. № 2. С. 74—75.

⁴⁶¹ Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 290—291.

⁴⁶² Печатнов В. О. «Союзники нажимают на тебя...» // Источник. 1999. № 2. С. 77—78.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Злобин Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 243.

⁴⁶⁵ TL. File «Administration». Elsey's Papers. George Kennan to George Marshall («Long Telegram»); Kennan G. Memoirs. 1925—1950. Boston: Little, Brown & Co, 1967. P. 550—551. См. о Кеннане: *Gaddis J.* George F. Kennan: An American Life. New York: Penguin Press, 2011. См. о роли Кеннана в холодной войне: *Miscamble W.* George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947—1950. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

⁴⁶⁶ X. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July.

⁴⁶⁷ Lukacs J. George F. Kennan and the Origins of Containment: 1944—1946. Columbia: University of Missouri Press, 1997.

⁴⁶⁸ См.: Черняевский Г., Дубова Л. Эйзенхауэр. С. 237—238.

⁴⁶⁹ Isaacson W., Thomas E. The Wise Men: Six Friends and the World They Made. New York: Simon & Schuster, 1997. С. 24.

⁴⁷⁰ Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.

⁴⁷¹ Нитобург Э. У истоков русской диаспоры в США // США. Экономика. Политика. Идеология. 1999. № 1. С. 84.

⁴⁷² См. подробнее: Tolstoy N. The Secret Betrayal. New York: Charles Scribner's Sons, 1978.

⁴⁷³ Нитобург Э. Указ. соч. // США. Экономика. Политика. Идеология. 1999. № 1. С. 87.

⁴⁷⁴ Там же. С. 85.

⁴⁷⁵ Hitchcock W. Liberation: The Bitter Road to Freedom: The Human Cost of Allied Victory in World War II Europe. New York: Free Press, 2009. P. 225.

⁴⁷⁶ Morgan T. FDR: A Biography. New York: Simon and Schuster, 1985. P. 716.

⁴⁷⁷ TL. SVPF. H. Truman to C. Dubinsky. 1944. Febr. 8. Нельзя не отметить, что и Рузвельт после избрания президентом в четвертый раз стал более определенно высказываться в пользу решения вопроса о создании «еврейского дома» в Палестине. На обратном пути с Крымской конференции он встретился с королем Саудовской Аравии Абдель Азизом ибн Саудом, в разговоре с которым высказался за переселение евреев, выживших в Европе, в Па-

лестину. В ответ монарх стал сыпать обвинения в адрес евреев, уже находившихся в Палестине. Переговоры по этому вопросу не дали результата (*Franklyn D. Roosevelt Library, Hyde-Park, New York. President's Personal File. № 68*).

⁴⁷⁸ *Злобин Н.* Белый дом и создание государства Израиль // Континент. 2002. № 111. С. 276.

⁴⁷⁹ *Чернявский Г.* Горят ли рукописи? // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003. С. 119—133.

⁴⁸⁰ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 156.

⁴⁸¹ *Miller M.* Op. cit. P. 232—233.

⁴⁸² *Wallace H.* The Price of Vision: The Diary. Boston: Houghton Mifflin, 1973. P. 607.

⁴⁸³ TL. Collection «The Recognition of the State of Israel». H. Truman to C. Pepper. 1947. Oct. 17.

⁴⁸⁴ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 158.

⁴⁸⁵ *Hamby A.* Man of the People... P. 411.

⁴⁸⁶ *Злобин Н.* Белый дом и создание государства Израиль // Континент. 2002. № 111. С. 280.

⁴⁸⁷ CIAA. CIA-RDP83-00415R001500010008-5; CIA-RDP83-00415R001300100014-0 etc.

⁴⁸⁸ *Donovan R.* Conflict and Crisis... P. 322.

⁴⁸⁹ *Neff D.* Why President Truman Overrode State Department Warning on Palestine-Israel // The Journal of Historical Review. 1997. No. 5. P. 13—15.

⁴⁹⁰ *Noble D.* Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New York: Alfred A. Knopf, 1984. P. 5—6; *Wilcox W.* The Farmer in the Second World War. Ames: Iowa State College Press, 1947. P. 250—251.

⁴⁹¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: Vol. 1—13. New York: Harper, 1950. Vol. 13. P. 354—366.

⁴⁹² *Goulden J.* The Best Years: 1945—1950. New York: Atheneum, 1976. P. 31.

⁴⁹³ *McCoy D.* Op. cit. P. 44.

⁴⁹⁴ *Wallace H.* Op. cit. P. 474.

⁴⁹⁵ *Bowles Ch.* Promises to Keep: My Years in Public Life: 1941—1969. New York: Harper and Row, 1971. P. 127—128.

⁴⁹⁶ The New York Times. 1945. July 30.

⁴⁹⁷ TL. PSF. Box 66. J. Crug. 1945. Aug. 9.

⁴⁹⁸ TL. Executive Orders. № 9599. 1945. Aug. 18.

⁴⁹⁹ *Hand S.* Counsel and Advice: A Political Biography of Samuel I. Rosenman. New York: Garland Publishing Co, 1979. P. 226.

⁵⁰⁰ *Мальков В. Л.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 135.

⁵⁰¹ *Веллер М.* Перпендикуляр. М.: АСТ, 2008. С. 60.

⁵⁰² Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Академия, 1999; *Бэлл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: Природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000;

Galbraith J. K. The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin, 1967 и мн. др.

⁵⁰³ The New York Times. 1945. Sept. 8.

⁵⁰⁴ Off the Record. P. 68.

⁵⁰⁵ TL. Public Papers. Statement of the President Concerning Government Operation of Petroleum Refineries Closed by Strikes. 1945. Oct. 4.

⁵⁰⁶ The President's National Labor-Management Conference, November 5—30, 1945. Summary and Committee Reports. Washington: United States Department of Labor, 1946. P. 37—40.

⁵⁰⁷ TL. Public Papers. Message to the Congress on the State of the Union and on the Budget for 1947. 1946. Jan. 21.

⁵⁰⁸ www.census.gov/popest/national

⁵⁰⁹ См.: *Patterson J.* Grand Expectations: The United States, 1945—1974. New York: Oxford University Press, 1997.

⁵¹⁰ *Lubel S.* The Future of American Politics. New York: Doubleday, 1952. P. 28.

⁵¹¹ *McCoy D.* Op. cit. P. 53.

⁵¹² *Hamby A.* Beyond the New Deal... P. 82—84.

⁵¹³ The Truman Administration: A Documentary History. New York: Harper and Row, 1966. P. 65—66; TL. PSF. Bowles to Truman. 1946. Jan. 24.

⁵¹⁴ *Goulden J.* The Best Years: 1945—1950. New York: Atheneum, 1976. P. 102—106.

⁵¹⁵ *Ferrell R.* Harry S. Truman and the Modern American Presidency. Boston: Little, Brown & Co, 1983. P. 85.

⁵¹⁶ *McCoy D.* Op. cit. P. 53.

⁵¹⁷ *Ferrell R.* Harry S. Truman and the Modern American Presidency. P. 89.

⁵¹⁸ *Goulden J.* The Best Years. P. 106—107.

⁵¹⁹ TL. PSF. File «Speech». Box 23. H. Truman. Radio Address. 1946. Febr. 6.

⁵²⁰ Off the Record. P. 86.

⁵²¹ *Matusov A.* Farm Policies and Politics in the Truman Years. Cambridge: Harvard University Press, 1967. P. 36.

⁵²² *Patterson J.* Grand Expectations. P. 91.

⁵²³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 551—552.

⁵²⁴ *Губианский Л. Я.* Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положение в Восточной Европе (август — ноябрь 1945 года) // Славяноведение. 1994. № 1. С. 3—13; *Мошкин С. В.* «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // <http://www.politex.info/content/view/642/30/>

⁵²⁵ *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Гражданская война в Греции // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003. С. 54—67; *Калинин А. А.* На переднем рубеже холодной войны: Советская политика в Греции в 1947—1949 годах // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. 1 (Гуманитарные нау-

ки). С. 90—95. О ситуации, связанной с обеими странами, см.: Улунян Ар. А. Балканы: Горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком: 1945—1960 годы. М.: Российские вести, 2001.

⁵²⁶ Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 156—169.

⁵²⁷ Письмо с рукописной припиской Трумэна хранится в созданном в Фултоне Мемориале и библиотеке имени У. Черчилля: The Winston Churchill Memorial and Library Archive. Box 1. File «Churchill's visit». F. L. McCluer's Letter to Sir Winston Churchill. 1945. Oct. 15.

⁵²⁸ Ibid. President Harry Truman's Letter to F. L. McCluer. 1945. Dec. 10.

⁵²⁹ Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 158.

⁵³⁰ Harbutt F. J. The Fulton Speech and Iran Crisis of 1946: A Turning Point in American Foreign Policy. Dissertation. University of California, Berkeley, 1979. P. 54—55.

⁵³¹ The New York Times. 1946. March 4, 5.

⁵³² Churchill W. The Sinews of Peace: A Speech at Westminster College. Fulton (Missouri), 5 March 1946. Fulton, 1995.

⁵³³ The New York Times. 1946. March 6.

⁵³⁴ Уинстон Черчилль: Мускулы мира. М.: Эксмо, 2006. С. 491.

⁵³⁵ Цит. по: Уинстон Черчилль: Мускулы мира. С. 461—490.

⁵³⁶ The New York Times. 1946. March 6.

⁵³⁷ Известия. 1946. 12 марта.

⁵³⁸ Правда. 1946. 14 марта; Сталин И. В. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 года. М.: Госполитиздат, 1946.

⁵³⁹ FRUS. 1946. Vol. 6. P. 763—765; Печатнов В. О. От союза — к вражде (советско-американские отношения в 1945—1946 годах) // Холодная война 1945—1963 годов: Историческая ретроспектива. С. 56.

⁵⁴⁰ Wallace H. Soviet Asia Mission. New York: Reynal and Hitchcock, 1946.

⁵⁴¹ Tzouliadis T. The Forsaken. New York: The Penguin Press, 2008. P. 217—226.

⁵⁴² University of Iowa Libraries. Special Collections Department. Papers of Henry A. Wallace. Series X. Box 63.

⁵⁴³ Ibid. Box 64.

⁵⁴⁴ TL. PSF. File «H. Truman's Longhand Notes». 1946. Sept. 16.

⁵⁴⁵ Byrnes J. Speaking Frankly. New York: Harper and Brothers, 1947. P. 242.

⁵⁴⁶ TL. PSF. File «H. Truman's Longhand Notes». 1946. Sept. 19.

⁵⁴⁷ TL. Papers of Clark Clifford. Russian File. Department of State. Union of Soviet Socialist Republic. Policy and Information Statement. 1946. May 15.

⁵⁴⁸ См. его мемуары: *Barmine A. One Who Survived: The Life Story of a Russian under the Soviets*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. Мемуары изданы в России под совершенно неправильным, хлестким заголовком: *Бармин А. Соколы Троцкого*. М.: Современник, 1997. Ни сам Бармин, ни другие персонажи, о которых идет речь в мемуарах, никогда троцкистами не были и к Троцкому отношения не имели.

⁵⁴⁹ *Пыжиков А.* Как в СССР впервые услышали «вражеский голос» из-за океана // <http://argumenti.ru/history/2015/02/389855>
⁵⁵⁰ <http://eca.state.gov/fulbright>

⁵⁵¹ См. о Фулбрайте, в частности о его образовательной программе: *Brown E. William Fulbright: Advice and Dissent*. Iowa-City: University of Iowa Press, 1985.

⁵⁵² *Truman M. Harry S. Truman*. P. 347.

⁵⁵³ Доклад, ныне, разумеется, рассекреченный, хранится в Библиотеке Трумэна в двух экземплярах — в документации Клиффорда и Элси: TL. Papers of George Elsey. Russian File. American Relations with the Soviet Union. A Report to the President by the Special Counsel of the President. September 1946; Ibid. Clark Clifford's Papers. Russian File. American Relations with the Soviet Union.

⁵⁵⁴ TL. PSF. H. Truman. Campaign Strategy Data. Записка была обнаружена Н. В. Злобиным: *Злобин Н.* Трумэн // *Континент*. 2001. № 110. С. 244—245.

⁵⁵⁵ Вошел этот бессмысленный термин даже в учебники для вузов. См., например: *Гаджиев К. С.* Политология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001.

⁵⁵⁶ *Truman M. Harry S. Truman*. P. 343. Письмо требует некоторых разъяснений. Деяния апостолов — одна из книг Нового Завета. Автором ее считается апостол Лука. Это единственная книга Нового Завета, носящая характер исторической хроники. Под «идеалистическим примером коммунизма» Трумэн имел в виду рассказ о жизни первой христианской общины, в частности о братской любви первых христиан (4:32—37). Джозеф Дэвис — американский дипломат, в 1930-е годы являвшийся послом в СССР. Он всячески пропагандировал сталинскую политику, защищал Большой террор как разгром «пятой колонны», за что получал щедрые подарки от Сталина, а позже был награжден орденом Ленина. См. о нем статью одного из авторов этой книги: *Чернявский Г.* Нечестивый собиратель // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. С. 254—264. Клод Пеппер — сенатор от штата Флорида. В 1940-е годы — один из лидеров леволиберального крыла Демократической партии, в следующее десятилетие перешел на позиции антикоммунизма.

⁵⁵⁷ *Gaddis J. The Insecurities of Victory: The United States and the Perseption of Soviet Threat after World War II* // *The Long Peace*. New York: Oxford University Press, 1987. P. 257.

⁵⁵⁸ *Forrestal J.* Op. cit. P. 239.

⁵⁵⁹ *Vogel S.* The Pentagon — A History: The Untold Story of the Wartime Race to Build the Pentagon and to Restore it Sixty Years Later. New York: Random House, 2007. P. 29—33.

⁵⁶⁰ *Vogel S.* Op. cit. P. 29—33.

⁵⁶¹ *Kinnard D.* The Secretary of Defense in Retrospect. Lexington: University of Kentucky Press, 1980. P. 192—193.

⁵⁶² *Horton S.* New CIA Docs Detail Brutal «Extraordinary Rendition» Process // Huff Post Politics. 2009. Sept. 28.

⁵⁶³ CIAA. Factbook on Intelligence. Central Intelligence Agency. December 1992. P. 4—5.

⁵⁶⁴ CIAA. Collection: Creating Global Intelligence. 50dde104993247d4d8392354.

⁵⁶⁵ CIAA. CIA-RDP80R01731R003400150003-0.

⁵⁶⁶ См. подробнее: *Weiner T.* Legacy of Ashes: The History of the CIA. New York: Doubleday, 2007.

⁵⁶⁷ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 55—58.

⁵⁶⁸ См. о нем: *Eilher K.* Mobilizing America: Robert P. Patterson and the War Effort: 1940—1945. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

⁵⁶⁹ NAUS. Records of the US Senate. Committee of Armes Servises. Letter from James Forrestal to Chan Gurney. 1947. March 4.

⁵⁷⁰ Ценные подробности конфликта содержатся в воспоминаниях сотрудника Форрестала Феликса Ларкина, записанных работниками Библиотеки Трумэна (TL. Oral History Project. Felix E. Larkin. 1972. Sept. 18, Oct. 23). См. также: *Shultz G.* Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. New York: Charles Scribner's Sons, 1993. P. 705.

⁵⁷¹ *Zimmerman S.* The Epoch Point. Mill City: Mill City Press, 2008. P. 193—194.

⁵⁷² <http://ariwatch.com/VS/JamesForrestal/WillcuttsReport.htm>

⁵⁷³ TL. Public Papers. Remarks to the President's Advisory Commission on Universal Training. 1946. Dec. 20.

⁵⁷⁴ *Панцов А. В.* Указ. соч. С. 498—499.

⁵⁷⁵ *Tanner H.* The Battle for Manchuria and the Fate of China. Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 15.

⁵⁷⁶ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 36.

⁵⁷⁷ *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: ДеНово, 1999. С. 445.

⁵⁷⁸ *Зелев М.* План Маршалла: Замысли и итоги // Улица Московская — http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1507:plan-marshalla-zamysel-i-itogi&Itemid=263

⁵⁷⁹ *MacVeagh L.* Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933—1947. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. P. 712.

⁵⁸⁰ TL. Oral History Project. Elsey G. P. 375—376.

⁵⁸¹ FRUS. 1947. Vol. 5. P. 29—62.

⁵⁸² *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: W. W. Norton & Co, 1969. P. 219.

⁵⁸³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 205.

⁵⁸⁴ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 246.

- ⁵⁸⁵ TL. Eben Ayers's Papers. Box 16. E. Ayers's Diary. 1947. March 12.
- ⁵⁸⁶ Текст, розданный членам Конгресса и произнесенный Трумэном, см.: TL. Collection «The Truman Doctrine». 80th Congress. Document № 171. Recommendation for Assistance to Greece and Turkey.
- ⁵⁸⁷ New York Herald Tribune. 1947. Apr. 1.
- ⁵⁸⁸ *Somervill B.* Eleanor Roosevelt: First Lady of the World. New York: Capstone Press, 2005.
- ⁵⁸⁹ Franklin Roosevelt Library, Hyde-Park, New York. Eleanor Roosevelt's Papers. Part 2. 1945—1960. E. Roosevelt to H. Truman. 1947. Apr. 17; The New York Times. 2002. Aug. 26.
- ⁵⁹⁰ Ibid.
- ⁵⁹¹ Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. College Station: Texas A & M University Press, 2008. P. 31—37.
- ⁵⁹² См. подробнее: *Trachtenberg M.* A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945—1963. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- ⁵⁹³ *McCullough D.* Op. cit. P. 561.
- ⁵⁹⁴ *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата (Записки о 1938—1947 годах). М.: Политиздат, 1989. С. 381—384.
- ⁵⁹⁵ Text of a Radio Address by Secretary Marshall. 1947. Apr. 28 // Department of State Bulletin. 1947. May 11. P. 919—924.
- ⁵⁹⁶ *Chafe W. H.* The Unfinished Journey: America since World War II. New York: Oxford University Press, 1991. P. 68.
- ⁵⁹⁷ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 249.
- ⁵⁹⁸ TL. PSF. H. Truman to A. Weston. 1951. Apr. 25.
- ⁵⁹⁹ *McCullough D.* Op. cit. P. 717.
- ⁶⁰⁰ *Wilson Th.* The Marshall Plan. New York: Foreign Policy Association, 1977. P. 23.
- ⁶⁰¹ *Наринский М. М.* СССР и план Маршалла — // <http://www.xserver.ru/user/ccipm/>
- ⁶⁰² *Acheson D.* Op. cit. P. 234—235.
- ⁶⁰³ *Наринский М. М.* СССР и план Маршалла — // <http://www.xserver.ru/user/ccipm/>
- ⁶⁰⁴ *Ярошевский В.* «Господин Сталин, мне остается только уметь...» // Новая газета. 2011. 16 декабря.
- ⁶⁰⁵ *Wilson Th.* The Marshall Plan. P. 26.
- ⁶⁰⁶ См., например: Herbert Hoover Library, West Branch, Iowa. File «Arthur Vandenberg». H. Hoover to A. Vandenberg. 1947. Dec. 24.
- ⁶⁰⁷ TL. Public Papers. Special Message to the Congress on the Marshall Plan. 1947. Dec. 19.
- ⁶⁰⁸ TL. Public Papers. Statement by the President Upon Signing the Foreign Assistance Act. 1948. Apr. 3.
- ⁶⁰⁹ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 251.
- ⁶¹⁰ *Thompson K.* Cold War Theories. V. 1: World Polarization: 1943—1953. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1991. P. 151.
- ⁶¹¹ Ibid.
- ⁶¹² Крокодил. 1947. № 22. С. 2.

⁶¹³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Ед. хр. 1128. Л. 262—264.

⁶¹⁴ См.: *Чернявский Г.* Фашизм: Научная категория или политическое ругательство? // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. С. 158—165.

⁶¹⁵ TL.PSF. National Security Council Meetings. CIA Review of the World Situation. 1948. June 17.

⁶¹⁶ TL. Oral History Project. Lucius Clay. 1974. July 16.

⁶¹⁷ Off the Record. P. 145.

⁶¹⁸ TL. Collection «The Berlin Airlift». H. Truman to K. Royal. 1948. June 29.

⁶¹⁹ *Ferrell R.* Truman: A Centenary Remembrance. 1984. P. 259.

⁶²⁰ См. подробнее: *Giangreco D.M., Griffin R.* Airbridge to Berlin: The Berlin Crisis of 1948, Its Origins and Aftermath. Novato, CA: Presidio Press, 1988.

⁶²¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82

⁶²² TL. Collection «The Berlin Airlift».

⁶²³ Ibid. Memo re: Soviet Lifting of Blockade.

⁶²⁴ Ibid. Draft of Possible Statement to Be Cleared with the British and French and Then Read to Malik.

⁶²⁵ *Злобин Н.* Трумэн // *Континент*. 2001. № 110. С. 254.

⁶²⁶ *Vandenberg A.* Private Papers. Westport, CT: Greenwood Press, 1974. P. 410.

⁶²⁷ TL. PSF. H. Truman's. Diary. 1948. Sept. 13.

⁶²⁸ *Forrestal J.* Op. cit. P. 536.

⁶²⁹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 250—251.

⁶³⁰ TL. PSF. Selected NATO Documents. Draft of President Truman's Speech at the Signing Ceremony, with his Handwritten Corrections. 1949. Apr. 1.

⁶³¹ *Reynolds D.* The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 13.

⁶³² TL. White House Central Files. Official File 66 — North Atlantic Treaty. Memorandum from C. H. Humelsine of the State Department to Matthew Connelly of the White House Concerning the Entering into Force of the Treaty, with the Draft of a Proposed Statement by the President.

⁶³³ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 215.

⁶³⁴ См. подробнее: *Чернявский Г., Дубова Л.* Эйзенхауэр. С. 243, 259—262, 270—272 и др.

⁶³⁵ *Злобин Н.* Трумэн // *Континент*. 2001. № 110. С. 255.

⁶³⁶ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 215.

⁶³⁷ Правда. 1947. 15 мая.

⁶³⁸ *Benson M.* Harry S. Truman and the Founding of Israel. Westport, Conn.: Praeger, 1997. P. 187—188, 192.

⁶³⁹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 161.

- ⁶⁴⁰ *Truman H. Memoirs*. Vol. 2. P. 157.
- ⁶⁴¹ TL. C. Clifford's Papers. File «Palestine Correspondence». H. Truman to Ch. Weizmann. 1948. Nov. 29.
- ⁶⁴² *Public Papers of the Presidents of the United States*. Harry S. Truman. 1948. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966. P. 191.
- ⁶⁴³ *Weizman Ch. Trial and Error: An Autobiography*. New York: Harper, 1949. P. 474.
- ⁶⁴⁴ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1948. March 19.
- ⁶⁴⁵ *Clifford C.* Op. cit. P. 14—15.
- ⁶⁴⁶ *Злобин Н.* Белый дом и создание государства Израиль // *Континент*. 2002. № 111. С. 284.
- ⁶⁴⁷ *Hamby A.* Man of the People... P. 618.
- ⁶⁴⁸ О Хаиме Вейцмане см.: *Мельцер Д.* Первый президент еврейского государства // *Новый меридиан* [Нью-Йорк]. 2014. 5 июля.
- ⁶⁴⁹ *Steinberg A.* Op. cit. P. 308.
- ⁶⁵⁰ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000. С. 500—501.
- ⁶⁵¹ Eisenhower Library (Abilene, Kansas). President's Papers. Eisenhower's Diary Series. Box 1. 1950. Nov. 6.
- ⁶⁵² Papers of Howard McGrath. Transcript of the Conference of Southern Governors with Senator J. Howard McGrath. 1948. Febr. 23.
- ⁶⁵³ TL. PSF. Box 240.
- ⁶⁵⁴ См., например: TL. Official File. J. Roosevelt to H. Truman. 1948. May 15; H. Truman to J. Roosevelt. 1948. May 18.
- ⁶⁵⁵ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 6.
- ⁶⁵⁶ TL. W. Hillman's Papers. File «Mr. Citizen». Box 6. Truman Interview. 1959. Oct. 21.
- ⁶⁵⁷ *Lewiston Evening*. 1948. July 9; *Cohodas N.* Strom Thurmond and the Politics of Southern Change. New York: Simon & Schuster, 1993. P. 154.
- ⁶⁵⁸ *Hatfield M.* Alben W. Barkley (1949—1953) // *Vice Presidents of the United States, 1789—1993*. Washington, DC: US Government Printing Office, 1997. P. 421—430.
- ⁶⁵⁹ *Haydock M.* Harry Truman and the 1948 US Presidential Election // *American History Magazine*. 2000. December. P. 128.
- ⁶⁶⁰ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 12—13.
- ⁶⁶¹ *Ibid.* P. 22.
- ⁶⁶² *Ibid.* P. 30.
- ⁶⁶³ См. подробнее: *Schmidt K.* Henry A. Wallace: Quixotic Crusade 1948. Syracuse: Syracuse University Press, 1960.
- ⁶⁶⁴ TL. 1948 Presidential Campaign. Address at Oakland, California. 1948. Sept. 22.
- ⁶⁶⁵ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 31.
- ⁶⁶⁶ *Ibid.* P. 1—43.
- ⁶⁶⁷ *Hamby A.* Man of the People... P. 440—444.
- ⁶⁶⁸ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 25.

- ⁶⁶⁹ TL. Eben Ayers's Papers. E. Ayers's Diary. 1948. Oct. 2.
- ⁶⁷⁰ *Clifford C.* Council to the President. P. 226—229.
- ⁶⁷¹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 21.
- ⁶⁷² TL. Presidential Campaign of 1948. Introduction.
- ⁶⁷³ TL. Motion Picture Collection. The Truman Story. Production: MGM News of the Day. 1948.
- ⁶⁷⁴ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 33.
- ⁶⁷⁵ *McCullough D.* Op. cit. P. 845.
- ⁶⁷⁶ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman. 1948. P. 243.
- ⁶⁷⁷ TL. President's Personal File. Harry Truman's Papers. E. Roosevelt to H. Truman. 1948. Oct. 4.
- ⁶⁷⁸ TL. Presidential Campaign of 1948. Address at the Kiel Auditorium, St. Louis, Missouri. 1948. Oct. 30.
- ⁶⁷⁹ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 39.
- ⁶⁸⁰ Washington Post. 1948. Nov. 2.
- ⁶⁸¹ New York Times. 1948. Nov. 2.
- ⁶⁸² *Lichtenstein N.* Labor's War at Home: The CIO in World War II. New York: Cambridge University Press, 1982. P. 83.
- ⁶⁸³ *Bernstein B.* The Truman Administration and Its Reconversion Wage Policy // Labor History. 1965. No. 4. P. 216—225.
- ⁶⁸⁴ *Forrestal J.* Op. cit. P. 220.
- ⁶⁸⁵ *Zieger R.* American Workers, American Unions: 1920—1985. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 107.
- ⁶⁸⁶ *Goulden J.* The Best Years. New York: Atheneum, 1976. P. 121—122.
- ⁶⁸⁷ *Clifford C.* Op. cit. P. 54—55.
- ⁶⁸⁸ См. подробнее: *Millis H., Brown E.* From the Wagner Act to Taft — Hartley: A Study of National Labor Policy and Labor Relations. Chicago: University of Chicago Press, 1950.
- ⁶⁸⁹ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman. 1947. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966. P. 120.
- ⁶⁹⁰ 80th Congress 3020. Public Law 80—101, Enacted June 23, 1947.
- ⁶⁹¹ *McCoy D.* Op. cit. P. 99.
- ⁶⁹² *Brisbin R.* A Strike Like No. Other Strike: Law and Resistance During the Pittston Coal Strike of 1989—1990. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. P. 39—41.
- ⁶⁹³ TL. Public Papers. Veto of the Income Tax Reduction Bill. 1948. Apr. 2.
- ⁶⁹⁴ The Nation's Health — A Ten Year Plan. Washington, DC: US Government Printing Office, 1948.
- ⁶⁹⁵ TL. Public Papers. Statement by the President Making Public a Report of the Commission on Higher Education. 1947. Dec. 15.
- ⁶⁹⁶ Ibid. Statement by the President upon Signing the Housing and Rent Act of 1948. 1948. March 30.
- ⁶⁹⁷ Ibid. Statement by the President upon Approving the Housing Act. 1948. Aug. 10.

⁶⁹⁸ *McCoy D.* Op. cit. P. 106.

⁶⁹⁹ *Kennedy D.* *Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929—1945.* New York: Oxford University Press, 1999. P. 764—769, 774—775.

⁷⁰⁰ *To Secure These Rights: The Report of the President's Committee on Civil Rights.* Boston: St. Martin's, 2004.

⁷⁰¹ TL. President Personal File. № 393. H. Truman to R. Hurtley. 1949. Oct. 27.

⁷⁰² *Gardner M.* *Harry Truman and Civil Rights: Moral Courage and Political Risks.* Carbondale: Southern Illinois University Press, 2003. P. 18—20.

⁷⁰³ *The New York Times.* 1948. March 13.

⁷⁰⁴ *Chicago Defender.* 1948. July 31.

⁷⁰⁵ TL. Oral History Project. C. Clifford Oral Transcript. P. 332.

⁷⁰⁶ *Ibid.* F. Pace Oral Transcript. P. 17.

⁷⁰⁷ *McCoy D.* Op. cit. P. 164.

⁷⁰⁸ TL. E. Ayers's Papers. Box 24. H. Truman. Personal.

⁷⁰⁹ TL. Public Papers. Annual Message to the Congress on the State of the Union. 1949. Jan. 5.

⁷¹⁰ *Ibid.* Special Message to the Congress. The President's Economic Report. 1949. Jan. 7.

⁷¹¹ *Ibid.* Annual Budget Message to the Congress. Fiscal Year 1950. 1949. Jan. 10.

⁷¹² TL. Papers of Francis Matthews. H. Truman to F. Matthews. 1949. Nov. 29.

⁷¹³ *Limitation of Debate in the Senate of the United States and Legislative History of Paragraph 2 of Rule XXII of the Standing Rules of the United State Senate (Closure Rule).* Library of Congress. Washington, DC: US Government Printing Office, 2011.

⁷¹⁴ TL. Oral History Project. W. Hasty. 1972. Jan. 5.

⁷¹⁵ TL. Official File 1285F. Meeting of the President and the Four Service Secretaries with the President's Committee on Equality of Treatment and Opportunity in the Armed Services. 1949. Jan. 12.

⁷¹⁶ *McCoy D.* Op. cit. P. 170.

⁷¹⁷ *Ibid.* P. 170—171.

⁷¹⁸ *Sarat A.* *Race, Law, and Culture: Reflections on Brown v. Board of Education.* New York: Oxford University Press, 1997. P. 55—59.

⁷¹⁹ TL. Public Papers. Address at the Jefferson — Jackson Day Dinner. 1949. Febr. 24.

⁷²⁰ TL. Public Papers. Statement by the President upon Signing the Housing Act of 1949. 1949. July 15.

⁷²¹ *McCoy D.* Op. cit. P. 172.

⁷²² TL. Public Papers. Special Message on the Nation's Health Needs. 1949. Apr. 22.

⁷²³ *Off the Record.* P. 165—166.

⁷²⁴ TL. VF. H. Truman to S. Wear. 1950. Oct. 25.

⁷²⁵ *Douglas P.* *In the Fullness of Time: The Memoirs.* New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. P. 391.

- ⁷²⁶ The New York Times. 1946. Oct. 29.
- ⁷²⁷ *Rudig W.* Anti-Nuclear Movements: A World Survey of Opposition to Nuclear Energy, Harlow, Essex: Longman, 1990. P. 61.
- ⁷²⁸ См. подробнее о Д. Лилиентале: *Neuse S. David E. Lilienthal: The Journey of an American Liberal.* Knoxville: University of Tennessee Press, 1996.
- ⁷²⁹ *Celler E.* You Never Leave Brooklyn. New York: John Day, 1953. P. 147.
- ⁷³⁰ *Audretsch D.* The Celler — Kefauver Act and the Deterrent Effect // Review of Industrial Organization. Fall 1986. Vol. 2. No. 4. P. 322—337.
- ⁷³¹ *McCoy D.* Op. cit. P. 182.
- ⁷³² TL. PSF H. Truman's Diary. 1949. Aug. 30.
- ⁷³³ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 291.
- ⁷³⁴ TL. PSF H. Truman's Diary. 1949. Oct. 22.
- ⁷³⁵ Statistics of the Congressional Election of November 7, 1950. Washington, DC: US Government Printing Office, 1951.
- ⁷³⁶ TL. Eben Ayers's Papers. Box 16. E. Ayers's Diary. 1949. June 21, Aug. 8.
- ⁷³⁷ См. о Д. Кларк: *Saxon W.* Georgia Neese Clark Gray, 95, First Woman as US Treasurer // The New York Times. 1995. Oct. 28. См. о И. Эдвардс ее мемуары: *Edwards I.* Pulling No. Punches: Memoirs of a Woman in Politics. New York: Putnam's Sons, 1977.
- ⁷³⁸ См. об Ачесоне: *Chace J.* Acheson: The Secretary of State Who Created the American World. New York: Simon and Schuster, 1998.
- ⁷³⁹ *Eisler K.* A Justice for All: William J. Brennan, Jr., and the Decisions that Transformed America. New York: Simon and Schuster, 1993. P. 76.
- ⁷⁴⁰ *Hamby A.* Beyond the New Deal... P. 337.
- ⁷⁴¹ *Marcus M.* Truman and the Steel Seizure Case: The Limits of Presidential Power. New York: Columbia University Press, 1977. P. 35—36. Это письмо в бумагах Макграта, хранящихся в Библиотеке Трумэна, или его копию в других фондах архива библиотеки нам обнаружить не удалось. Неизвестно оно и сотрудникам архива.
- ⁷⁴² *McCoy D.* Op. cit. P. 189.
- ⁷⁴³ *Goldstein R.* Prelude to McCarthyism: The Making of a Blacklist // Prologue. 2006. Vol. 38. No. 3. P. 22—33.
- ⁷⁴⁴ TL. Official File. Executive Order 9806; The Report of the President's Temporary Commission on Employee Loyalty. 1947. Febr. 1.
- ⁷⁴⁵ TL. PSF H. Truman to G. Earle. 1947. Febr. 28.
- ⁷⁴⁶ *Hogan M.* A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origin of the National Security State: 1945—1954. New York: Cambridge University Press, 2000. P. 254—255.
- ⁷⁴⁷ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 301.
- ⁷⁴⁸ О программе «Венона» существует обширная литература. Наиболее значительными являются работы: *Лайнер Л.* «Венона»: Самая секретная операция американских спецслужб. М.: Олма-

Пресс, 2003; *Benson R.* Venona: Soviet Espionage and the American Response 1939—1957. Laguna Hills, Calif.: Aegean Park Press, 1996; *Haynes J., Klehr H.* Venona: Decoding Soviet Espionage in America. New Haven: Yale University Press, 2000.

⁷⁴⁹ Комсомольская правда. 1990. 21 декабря; Советская Россия. 2005. 24 марта.

⁷⁵⁰ NAUS. The Provisions of Executive Order 10450 of Apr. 27, 1953, appear at 18 FR 2489, 3 CFR, 1949—1953 Comp. P. 936.

⁷⁵¹ Правда. 1947. 7 ноября.

⁷⁵² CUA. CIA-RDP78-03097A000100070223-9/.

⁷⁵³ Ibid. CIA-RDP78-03097A000100070223-9.

⁷⁵⁴ *Гончаров Г. А., Рябев Л. Д.* О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 1. С. 79—104.

⁷⁵⁵ *Харитон Ю. Б.* Путь длиною в век. М.: Наука, 1999. С. 175.

⁷⁵⁶ CIAA. 0005301137.

⁷⁵⁷ TL. Public Papers. Statement by the President on Announcing the First Atomic Explosion in the USSR. 1949. Sept. 23.

⁷⁵⁸ TL. MHDC. Box 626. Memorandum of Conversation. 1949. Apr. 3; *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 262.

⁷⁵⁹ Правда. 1949. 25 сентября.

⁷⁶⁰ CIAA. CIA-RDP80B01676R002800300166-8.

⁷⁶¹ *Polenberg R.* In the Matter of J. Robert Oppenheimer: The Security Clearance Hearing. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2002. P. 110—111.

⁷⁶² *Hewlett R., Duncan F.* Atomic Shield: 1947—1952. Vol. 2: A History of the United States Atomic Energy Commission. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1969. P. 380—385.

⁷⁶³ Barton Bernstein on: The U. S. Decision to Build the H-bomb — <http://www.pbs.org/wgbh/amex/bomb/filmmore/reference/interview/bernstein.html>

⁷⁶⁴ TL. Public Papers. Statement of the President on the Hydrogen Bomb. 1950. Jan. 31.

⁷⁶⁵ *Gallup G.* The Gallup Poll: Public Opinion: 1935—1971. New York: Random House, 1972. Vol. 2. P. 888.

⁷⁶⁶ FBI Archives. J. Robert Oppenheimer. File No. 100-17828. P. 83—86.

⁷⁶⁷ О деле Розенбергов имеется обширная американская литература. Наиболее значительной, по нашему мнению, является работа: *Roberts S.* The Brother: The Untold Story of the Rosenberg Case. New York: Random House, 2001. На русском языке серьезных исследований нет.

⁷⁶⁸ *Орлов А.* Алджер Хисс: Советский шпион, так и не сознавший в шпионаже // Репортер. 2011. 4 марта.

⁷⁶⁹ *Hixson W.* What Was the Cold War and How Did We Win It? // Reviews in American History. 1994. No. 3. P. 507—511.

⁷⁷⁰ NCS-68: Forging the Strategy of Containment. Washington, DC: National Defense University, 1994. P. 6.

⁷⁷¹ *Bowie R., Immerman R. Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy.* New York: Oxford University Press, 2000. P. 17.

⁷⁷² *Assessing President Obama's National Security Strategy.* New York: Oxford University Press, 2011. P. 114.

⁷⁷³ CIAA. CIA-RDP80R01731R003300410050-0.

⁷⁷⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0

⁷⁷⁵ Литературная газета. 1947. 20 сентября.

⁷⁷⁶ См. подробнее: *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945—1954 годов. М.: Институт российской истории РАН, 1999.

⁷⁷⁷ TL. FBP. H. Truman to B. Truman. 1947. Sept. 27.

⁷⁷⁸ FBI Archives. Albert Einstein. Part 1 of 9. Bufile 61-7099.

⁷⁷⁹ *Чернявский Г.* «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: Нелепость сопоставления // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2005. С.249—250.

⁷⁸⁰ TL. Public Papers. Special Message to the Congress on the Internal Security of the United States. 1950. Aug. 8.

⁷⁸¹ *Whitfield S.* The Culture of the Cold War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 124.

⁷⁸² *Griffith R.* The Politics of Fear: Joseph R. McCarthy and the Senate. Amherst: University of Massachusetts Press, 1970. P. 49.

⁷⁸³ The New York Times. 1950. Febr. 11.

⁷⁸⁴ TL. PSF. J. McCarthy to H. Truman. 1950. Febr. 11; *Reeves Th.* The Life and Time of Joe McCarthy. New York: Stein and Day, 1982. P. 222—227.

⁷⁸⁵ TL. PSF. H. Truman to J. McCarthy. 1950. Febr. Draft.

⁷⁸⁶ TL. Public Papers. The President's New Conference. 1950. Febr. 16.

⁷⁸⁷ Ibid. The President's News Conference at Key West. 1950. March 30.

⁷⁸⁸ TL. PSF. H. Truman to Ch. Sawyer. 1950. Apr. 20.

⁷⁸⁹ TL. National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to Korea. 1948. Apr. 2.

⁷⁹⁰ The Historical Reillumination on the Korean War. Seoul: War Memorial Service, 1990. P. 106.

⁷⁹¹ Ibid. P. 112.

⁷⁹² *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 т. М.: Московские новости, 1999. Т. 2. С. 84, 86.

⁷⁹³ *Weathersby K.* «Should We Fear This»: Stalin and the Danger of War with America // Cold War International History Project. Working Paper. No. 39. 2002. P. 3—4.

⁷⁹⁴ *Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005. С. 74—75.

⁷⁹⁵ TL. Public Papers. Commencement Address at the University of Missouri. 1950. June 9; Address in St. Louis at the Site of the Jefferson National Expansion Memorial. 1950. June 10.

⁷⁹⁶ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 356.

⁷⁹⁷ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 321—322.

⁷⁹⁸ *Donovan R.* Tumultuous Years: The Presidency of Harry S. Truman. New York: W. W. Norton & Co, 1982. P. 195—196.

⁷⁹⁹ Off the Record. P. 185.

⁸⁰⁰ *Donovan R.* Tumultuous Years... P. 197.

⁸⁰¹ TL. Oral History Project. Frank Pace, Jr. P. 79.

⁸⁰² *Connally T.* My Name Is Tom Connally. New York: Crowell, 1954. P. 346.

⁸⁰³ TL. Public Papers. The President's News Conference. 1950. June 29.

⁸⁰⁴ TL. Oral History Project. Charles S. Murphy. P. 196—197.

⁸⁰⁵ *Rusk D.* As I Saw It. New York: W. W. Norton & Co, 1990. P. 126.

⁸⁰⁶ TL. Public Papers. The President's News Conference. 1950. Nov. 30.

⁸⁰⁷ CIAA. F-2009-01320. № 0002018088.

⁸⁰⁸ См. о войне в Корее и об участии в ней США: *Торкунов А. В.* Загадочная война: Корейский конфликт 1950—1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000; *Орлов А. С., Гаврилов В. А.* Тайны Корейской войны. М.: Вече, 2003; *Stueck W.* Rethinking the Korean War: A New Diplomatic and Strategic History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002; *Blair C.* The Forgotten War: America in Korea, 1950—1953. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2003; *Halberstam D.* The Coldest Winter: America and the Korean War. New York: Hyperion, 2007.

⁸⁰⁹ TL. PSF. Longhand Notes. 1952. Jan. 27; *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 271.

⁸¹⁰ TL. Oral History Project. Francis O. Wilson. P. 118—119.

⁸¹¹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. P. 449.

⁸¹² TL. Oral History Project. Frank Pace, Jr. P. 106.

⁸¹³ Off the Record. P. 47, 196.

⁸¹⁴ TL. Oral History Project. John J. Muccio. P. 78—80.

⁸¹⁵ The New York Times. 1972. Dec. 31. Нельзя согласиться с Н. В. Злобиным в том, что Макартур в это время был «самым знаменитым из живых американских генералов» (*Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 272). Самым знаменитым был Дуайт Эйзенхауэр, главнокомандующий союзными экспедиционными силами на европейском театре военных действий в 1944—1945 годах, принявший капитуляцию нацистской Германии в ночь на 8 мая 1945 года в Реймсе.

⁸¹⁶ *Spanier J.* The Truman — MacArthur Controversy and the Korean War. New York: W. W. Norton & Co, 1965. P. 212.

⁸¹⁷ *Maldonado-Denis M.* Puerto Rico: A Socio-Historic Interpretation. New York: Random House, 1972. P. 189—209.

⁸¹⁸ *Hunter S., Bainbridge J.* American Gunfight: The Plot to Kill Harry Truman. New York: Simon & Schuster, 2005. P. 307, 310—316.

⁸¹⁹ *Lederer S.* «Porto Ricochet»: Joking about Germs, Cancer, and Race Extermination in the 1930's // *American Literary History*. 2002. No. 4. P. 732. О судьбе Коллазо написана апологетическая книга: *Raskin J.* Oscar Collazo: Portrait of a Puerto Rican Patriot. New York: New York Committee to Free the Puerto Rican Nationalist Prisoners, 1978.

⁸²⁰ Off the Record. P. 199.

⁸²¹ *Independence Examiner*. 1966. Aug. 18; *Ferrell R. Harry S. Truman: A Life*. P. 442.

⁸²² *Ferrell R. Harry S. Truman: A Life*. P. 442.

⁸²³ Off the Record. P. 204.

⁸²⁴ *Gallup G.* Op. cit. Vol. 2. P. 1052—1053.

⁸²⁵ *Acheson D.* Op. cit. P. 626.

⁸²⁶ Off the Record. P. 310.

⁸²⁷ NAUS. 22nd Amendment Exhibit. 80th Congress. 1st Session (1947). No. 17.

⁸²⁸ См.: *Чернявский Г.* «Маккартизм» США и «большой терпор»... // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи. С. 284.

⁸²⁹ *Hamby A.* Man of the People... P. 564.

⁸³⁰ *McCarthy J.* Major Speeches and Debates of Senator Joe McCarthy Delivered in the United States Senate: 1950—1951. New York: Gordon Press, 1951. P. 264.

⁸³¹ *Beisner R.* Dean Acheson: A Life in the Cold War. New York: Oxford University Press, 2009. P. 334, 349.

⁸³² http://musplanet.narod.ru/Paul_Robeson.htm

⁸³³ TL. Public Papers. The President's News Conference. 1952. Apr. 10.

⁸³⁴ Ibid. Address at the National Convention Banquet of the Americans for Democratic Action. 1952. May 17.

⁸³⁵ Подробный рассказ об этом конфликте см.: *Marcus M.* Truman and the Steel Seizure Case: The Limits of Presidential Power. New York: Columbia University Press, 1977.

⁸³⁶ TL. PSF. H. Truman's Diary. 1950. Apr. 16, May 8.

⁸³⁷ Eisenhower Library. Pre-Presidential Papers. Box 133. Eisenhower to Marshall. 1945. June 4.

⁸³⁸ *Miller M.* Op. cit. P. 339—340.

⁸³⁹ *Krock A.* Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. New York: Funk & Wagnalls, 1968. P. 267—269. Крок утверждал, что Эйзенхауэр рассказывал об этом члену Верховного суда Уильяму Дугласу, а тот, в свою очередь, поделился информацией с журналистом.

⁸⁴⁰ EL. Public Papers. Address at the Jefferson — Jackson Day Dinner. 1952. March 29.

⁸⁴¹ *Truman M.* Bess W. Truman. P. 383.

⁸⁴² *McKeever P.* Adlai Stevenson: His Life and Legacy. New York: William Morrow & Company, 1989. P. 133—136.

⁸⁴³ Ibid. P. 144—145.

⁸⁴⁴ TL. W. Hillman's Papers. File «Mr. Citizen». Box 2. H. Truman. Interview. 1959. Sept. 9.

⁸⁴⁵ Off the Record. P. 268—269.

⁸⁴⁶ *Reeves Th.* The Life and Times of Joe McCarthy. New York: Stein & Day, 1982. P. 436—437.

⁸⁴⁷ TL. Oral History Project. Ch. Murphy. P. 425.

⁸⁴⁸ *Smith R.* The Tiger in the Senate: The Biography of Wayne Morse. Garden City, NY: Doubleday, 1962. P. 150—152.

⁸⁴⁹ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 379.

⁸⁵⁰ <http://uselectionatlas.org/RESULTS/data.php?year=1952&datatype=national&def=1&f=0&off=0&elect=0>

⁸⁵¹ *Ambrose S.* Eisenhower: The President. Vol. 2. New York: Simon & Schuster, 1984. P. 14.

⁸⁵² *Slater E.* The Ike I knew. New York: Trust, 1980. P. 37—38.

⁸⁵³ *Hersey J.* Aspects of the Presidency. New York: Ticker & Fields, 1980. P. XVI.

⁸⁵⁴ TL. Public Papers. The President's Farewell Address to the American People. 1953. Jan. 15; *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 276—277.

⁸⁵⁵ Eisenhower Library. Ann Whitman's Diary Series. Box 1. 1953. Jan. 23; Off the Record. P. 287. В воспоминаниях Трумэна о поездке говорится иначе. Сначала вроде бы произошла пикировка. Эйзенхауэр вспомнил, что он не посетил инаугурацию Трумэна в 1949 году, чтобы не отвлекать от него внимание, на что Гарри нанес ответный удар: «Дело в том, что я не пригласил вас. Если бы пригласил, вы бы присутствовали!» Затем, чтобы смягчить ситуацию, Трумэн спросил Эйзенхауэра, знает ли он, по чьему распоряжению сын собеседника Джон получил отпуск с корейского фронта. «Это сделал я», — гордо сказал он (*Truman H.* Mr. Citizen. New York: Bernard Ceis Associates, 1960. P. 15).

⁸⁵⁶ *Truman M.* Harry S. Truman. P. 558; *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 380.

⁸⁵⁷ *Truman H.* Mr. Citizen. Independence: Independence Press, 1953.

⁸⁵⁸ TL. W. Hillman's Papers. File «Mr. Citizen». Box 20. Truman, Harry S. Remarks on Return to Independence. 1953. Febr. 5.

⁸⁵⁹ *Schneider D., Schneider C.* First Ladies: A Biographical Dictionary. New York: Facts On File, 2010. P. 258.

⁸⁶⁰ *Beschloss M.* Harry Truman's Formidable Mother-in-Law // The New York Times. 2014. May 8.

⁸⁶¹ *Truman H.* Memoirs: Vol. 1—2. Garden City, NY: Doubleday, 1955—1956. Vol. 1: 1945: Year of Decisions; Vol. 2: 1946—1952: Years of Trial and Hope.

⁸⁶² *Humburger Ph.* Good of You to Do This for Us, Mr. Truman // New Yorker. 1955. No. 19. P. 120—139.

⁸⁶³ Off the Record. P. 346—347.

⁸⁶⁴ <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/44/2112>. Legal Information Institute. 44 US.Code. § 2112. Presidential Archival Depositor

⁸⁶⁵ The New York Times. 1955. July 7.

⁸⁶⁶ TL. W. Hillman's Papers. File «Mr. Citizen». Box 2. H. Truman's Interview. 1959. Sept. 10.

- ⁸⁶⁷ Ibid; Independence Examiner. 1984. Jan. 19.
- ⁸⁶⁸ *Ferrell R.* Harry S. Truman: A Life. P. 450.
- ⁸⁶⁹ Ibid. P. 390.
- ⁸⁷⁰ Eisenhower Library. C. Randall Journals. Diary. 1953. Oct. 2.
- ⁸⁷¹ TL. Oral History Project. R. Dennison.
- ⁸⁷² *Clifton Truman D.* Adventures with Grandpa Truman // Prologue. 2009. Vol. 41. No. 1 — <http://www.archives.gov/publications/prologue/2009/spring/grandpa-truman.html>
- ⁸⁷³ Time. 1955. Nov. 28.
- ⁸⁷⁴ TL. Motion Picture Collection. Person to Person. 1955. May. Production: CBS.
- ⁸⁷⁵ *O'Connor J.* Harry S. Truman: Late Bloomer // The New York Times. 1995. Sept. 8.
- ⁸⁷⁶ Harry S. Truman Late a President of the United States: Memorial Tributes Delivered in Congress. Washington, DC: US Government Printing Office, 1973. P. 117.
- ⁸⁷⁷ TL. PSF. H. Truman to C. Hatch. 1952. Dec. 1.
- ⁸⁷⁸ *Злобин Н.* Трумэн // Континент. 2001. № 110. С. 280.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАРРИ ТРУМЭНА

- 1884, 8 мая — в семье Джона и Марты Эллен Трумэн родился сын Гарри.
- 1892, сентябрь — Гарри поступил в первый класс школы в городе Индепенденсе, штат Миссури.
- 1894, январь—июнь — перенес дифтерию, за которой последовал частичный паралич.
- 1898, май — окончил неполную среднюю школу.
Сентябрь — поступил в полную среднюю школу.
- 1901, июнь — окончил полную среднюю школу.
Лето — занят на разных низкооплачиваемых работах (по апрель 1903-го).
- 1903, апрель — устроился на работу клерком в местном отделении Национального коммерческого банка.
- 1905, май — записался в Национальную гвардию.
- 1906, июнь — переселился на ферму в графстве Джексон, штат Миссури, и занялся сельским хозяйством.
- 1909 — вступил в масонский орден.
- 1914, 3 ноября — скончался отец Джон Трумэн.
- 1917, 5 августа — Гарри призван в армию.
Конец сентября — прибыл на службу в город Форт-Силл, штат Оклахома; принял участие в создании офицерской столовой.
- 1918, 22 февраля — сдал экзамен на получение звания капитана.
13 апреля — на борту транспортного корабля «Джордж Вашингтон» прибыл в порт Брест (Франция).
Май — присвоено звание капитана.
- 11 июля — назначен командиром артиллерийской батареи 129-го полка действующей американской армии.
- 29 августа — 2 октября — участвовал в боях в районе Вогез.
- 1919, 20 апреля — возвратился в США.
6 мая — уволен с воинской службы.
28 июня — свадьба Гарри Трумэна и Бесс Уоллес.
Ноябрь — совместно с Эдвардом Джекобсоном открыл магазин мужской одежды в Канзас-Сити.
- 1922, 1 августа — избран судьей (администратором) восточного дистрикта графства Джексон (штат Миссури).
- 1923, сентябрь — поступил в правовую школу университета в Канзас-Сити.
- 1924, 17 февраля — родилась дочь Маргарет.
4 ноября — проиграл выборы на должность судьи восточного дистрикта графства Джексон и возвратился к коммерческой деятельности.
- 1925, февраль — стал членом, а затем секретарем автомобильного клуба Канзас-Сити.
Июнь — прервал обучение в правовой школе.

- 1926, 2 ноября — избран судьей-председателем графства Джексон.
- 1927, 3 января — вступил в должность судьи-председателя.
- 1928, 8 мая — по инициативе Трумэна в графстве проведено голосование о выпуске дорожных ценных бумаг (бондов).
- 1930, 4 ноября — переизбран на должность судьи-председателя графства Джексон.
- 1931, 1 января — возобновил исполнение обязанностей судьи-председателя в течение второго срока.
- 1933, октябрь — назначен директором представительства Федерального агентства по ликвидации безработицы в штате Миссури.
- 1934, 14 мая — выдвинут кандидатом на пост сенатора США.
- 7 августа — победил на первичных выборах.
- 6 ноября — избран сенатором.
- Начало декабря — впервые встретился с президентом Франклином Рузвельтом.
- 1935, 3 января — принес клятву в качестве члена сената США.
- 15 мая — внес свой первый законопроект о кредитах фермерам.
- 1937, 20 апреля — выступил с речью в городе Ларчмонт в окрестностях Нью-Йорка, в которой выразил некоторое сомнение по поводу политики изоляционизма США.
- 1938, 23 июня — Рузвельт подписал закон о гражданской авиации, одним из авторов которого являлся Трумэн.
- 1939, август — Рузвельт принял Трумэна в Белом доме.
- 1940, 15 июня — Трумэн вступил в избирательную кампанию по перевыборам в сенат.
- 6 августа — победил на первичных выборах.
- 18 сентября — Конгресс принял закон о транспорте (закон Трумэна — Уилера).
- 5 ноября — Трумэн переизбран в сенат.
- 1941, 3 февраля — беседовал с президентом Рузвельтом о необходимости сенатских расследований государственных военных заказов.
- 10 и 13 февраля — два раза выступил в сенате с предложениями о создании Комитета по расследованию военных контрактов.
- 1 марта — образован Специальный комитет сената по расследованию контрактов, заключенных в рамках национальной программы обороны (Комитет Трумэна).
- 15 апреля — первое слушание на заседании Комитета Трумэна.
- 1942, 15 января — опубликован доклад Комитета Трумэна, свидетельствовавший о его роли в укреплении обороноспособности США.
- Май — реорганизация Комитета Трумэна с расширением его функций.

- 1943, 8 марта — портрет Трумэна появился на обложке журнала «Тайм».
- 1944, 29 января — выступил на церемонии спуска на воду линкора «Миссури».
- 19 июля — Трумэн выдвинут кандидатом в вице-президенты от Демократической партии.
- 3 августа — ушел в отставку с поста руководителя Специального комитета сената по расследованию контрактов.
- 7 ноября — избран вице-президентом.
- 1945, 20 января — во время инаугурации Франклина Рузвельта принес клятву верности народу США.
- 29 января — приехал в Канзас-Сити на похороны Тома Пендергаста.
- 12 апреля — скончался Франклин Рузвельт.
- 12 апреля — Гарри Трумэн принес присягу в качестве 33-го президента США.
- 13 апреля — приступил к исполнению обязанностей президента.
- 26 апреля — военный министр Генри Стимсон подробно ознакомил Трумэна с Манхэттенским проектом создания атомного оружия.
- 7—8 мая — капитуляция Германии.
- 11 мая — Трумэн подписал распоряжение о прекращении помощи по ленд-лизу.
- 26 июня — выступил с заключительной речью на учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.
- 14 июля — прибыл в Германию для участия в Потсдамской конференции вместе с Черчиллем и Сталиным.
- 17—25 июля, 28 июля — 2 августа — проходила Потсдамская конференция.
- 17 июля — Трумэн получил сообщение об успешном испытании атомной бомбы.
- 24 июля — проинформировал Сталина о создании в США нового вида оружия огромной разрушительной силы.
- 6 августа — атомная бомбардировка Хиросимы.
- 9 августа — атомная бомбардировка Нагасаки.
- 18 августа — Трумэн издал исполнительное распоряжение о содействии быстрому и упорядоченному переходу к мирной экономике.
- 2 сентября — подписан акт о капитуляции Японии.
- 6 сентября — Трумэн представил Конгрессу программу реконверсии и послевоенной реконструкции США.
- 5 ноября — произнес вступительную речь на конференции представителей предпринимателей и профсоюзов.
- 22 декабря — издал директиву о приоритетном праве въезда в США беженцев Второй мировой войны.

- 1946, 21 января — выступил с первым посланием Конгрессу «О положении в стране».
- 22 февраля — Трумэну передали телеграмму советника посольства США в Москве Джорджа Кеннана («длинную телеграмму») с обоснованием невозможности послевоенного конструктивного сотрудничества США с СССР и необходимости проведения политики сдерживания.
- 5 марта — присутствовал на выступлении Уинстона Черчилля в городе Фултоне, штат Миссури.
- 20 сентября — отправил в отставку министра торговли Генри Уоллеса в связи с его политическими взглядами.
- 25 ноября — образовал Временную комиссию по проверке лояльности государственных служащих.
- 26 ноября — подписал распоряжение о создании Комиссии по изучению последствий ядерных взрывов.
- 5 декабря — распорядился о создании Комитета по гражданским правам.
- 1947, 21 января — назначил государственным секретарем Джорджа Маршалла.
- 12 марта — выступление в Конгрессе, получившее название доктрины Трумэна.
- 21 марта — издал исполнительное распоряжение о проверке лояльности всех государственных служащих.
- 22 мая — подписал закон о предоставлении экономической и военной помощи Греции и Турции.
- 5 июня — выступление государственного секретаря Маршалла в Гарвардском университете с обоснованием необходимости экономической помощи странам Европы (план Маршалла).
- 20 июня — Трумэн наложил вето на закон Тафта — Хартли, считавшийся антирабочим (вето было преодолено Конгрессом).
- 26 июля — подписал закон о национальной безопасности.
- 28 июля — присутствовал на похоронах своей матери Марты Эллен Трумэн в поселке Грэнд-Вью, штат Миссури.
- 19 декабря — послание Трумэна Конгрессу о плане Маршалла.
- 1948, 30 марта — подписал закон о контроле над квартирной платой.
- 2 апреля — одобрил доклад Совета национальной безопасности «Позиция Соединенных Штатов по отношению к Корее».
- 3 апреля — подписал закон об оказании помощи иностранным государствам, вводивший в действие план Маршалла.
- 15 мая — объявил о признании государства Израиль.
- 25 июня — подписал исполнительное распоряжение о допуске в США 205 тысяч перемещенных лиц из стран Европы в течение предстоявших двух лет.

- 27 июня — принял решение о создании воздушного моста для связи с Западным Берлином, блокированным советскими оккупационными силами.
- 15 июля — на съезде Демократической партии выдвинут кандидатом в президенты.
- 26 июля — подписал исполнительные распоряжения о десегрегации вооруженных сил и федеральных государственных учреждений.
- 10 августа — подписал закон о жилье.
- 2 ноября — избран президентом США.
- 1949, 5 января — выступил с посланием Конгрессу «О положении в стране», в котором выдвинул программу либеральных реформ («справедливый курс»).
- 7 января — направил Конгрессу «Экономический доклад» с конкретными предложениями по реализации «справедливого курса».
- 20 января — состоялась инаугурация президента Трумэна.
- 21 января — в связи с отставкой Джорджа Маршалла назначил государственным секретарем Дина Ачесона.
- 4 апреля — подписан документ о создании Организации Североатлантического договора (НАТО). Трумэн выступил с речью при подписании документа.
- 12 мая — отмена блокады Берлина.
- 15 июля — Трумэн подписал закон о жилье, предусматривавший федеральную помощь в приобретении и аренде жилья для малоимущих и ликвидацию трущоб.
- 23 сентября — сообщил народу США о состоявшихся в СССР испытаниях атомного оружия.
- 30 сентября — распорядился о ликвидации воздушного моста связи с Западным Берлином.
- 6 октября — подписал закон о взаимном обеспечении безопасности, предусматривавший финансовую помощь странам НАТО.
- 1950, 31 января — объявил об отданном распоряжении начать на государственной основе разработку водородного оружия (термоядерной бомбы).
- 27 июня — отдал распоряжение об оказании военной помощи Южной Корее, подвергшейся нападению Северной Кореи.
- 30 июня — назначил генерала Дулласа Макартура командующим американскими вооруженными силами в Корее и приказал ему принять все необходимые меры для отражения северокорейской агрессии в соответствии с решением Совета Безопасности ООН.
- 21 сентября — назначил Джорджа Маршалла министром обороны.
- 14 октября — встретился с генералом Макартуром на острове Уэйк в Тихом океане.

- 1 ноября* — на жизнь Трумэна совершено покушение двумя пуэрториканцами.
- 30 ноября* — заявил на пресс-конференции о возможности применения атомной бомбы в Корее.
- 16 декабря* — объявил чрезвычайное положение в связи с фактическим вступлением Китайской Народной Республики в корейскую войну.
- 19 декабря* — назначил генерала Дуайта Эйзенхауэра командующим американскими вооруженными силами в Европе, что означало одновременное его назначение Верховным главнокомандующим вооруженными силами стран НАТО.
- 1951, 27 февраля* — вступила в силу 22-я поправка к Конституции США, согласно которой одно лицо не может избираться на пост президента более чем два раза.
- 11 апреля* — освободил генерала Макартура от всех постов за критику внешней и военной политики правительства США на Дальнем Востоке.
- Ноябрь* — предложил генералу Эйзенхауэру баллотироваться на президентский пост от Демократической партии и получил отказ.
- 1952, 5—9 января* — переговоры с Черчиллем, вновь избранным премьер-министром Великобритании.
- 29 марта* — Трумэн объявил о решении не участвовать в очередных президентских выборах.
- 8 апреля* — взял под президентский контроль сталелитейные заводы с целью недопущения забастовки.
- 2 июня* — Верховный суд признал решение о контроле над сталелитейными предприятиями антиконституционным.
- 4 ноября* — президентом США избран Дуайт Эйзенхауэр.
- 18 ноября* — в Белом доме состоялась встреча Трумэна с Эйзенхауэром.
- 1953, 15 января* — прощальное послание Трумэна американскому народу.
- 20 января* — после инаугурации Эйзенхауэра Трумэн выехал в город Индепенденс, штат Миссури.
- 19 ноября* — вышел первый том мемуаров Трумэна (через год был опубликован второй том).
- 1955, 8 мая* — заложил первый камень в основу здания Библиотеки Трумэна.
- 1957, 6 июля* — участвовал в открытии Библиотеки Трумэна.
- 1960, 20 августа* — объявил о поддержке кандидатуры Джона Кеннеди на пост президента США.
- 1961, 20 января* — впервые после ухода с поста президента посетил Вашингтон для участия в инаугурации Джона Кеннеди.
- 10 ноября* — принял бывшего президента Эйзенхауэра.
- 1963, 25 ноября* — участвовал в похоронах президента Джона Кеннеди. Встретился с Эйзенхауэром.

- 1964, 8 мая* — в сенате США состоялось чествование Трумэна в честь его восьмидесятилетия с его участием.
- 1965, 30 июля* — участвовал в церемонии подписания президентом Линдоном Джонсоном в Библиотеке Трумэна закона о медицинской помощи (медикер). Трумэн и его жена Бесс получили карточки медицинской помощи № 1 и № 2.
- 1971, 29 декабря* — в последний раз посетил Библиотеку Трумэна. Посмотрел фильм «Для всего народа», посвященный его жизни и деятельности, который являлся вступительной ориентацией для посетителей Музея-библиотеки.
- 1972, 26 декабря* — скончался в своем доме в городе Индепенденсе.
- 28 декабря* — был похоронен перед зданием Библиотеки Трумэна.
- 1982, 18 октября* — скончалась Бесс Трумэн.
- 21 октября* — Бесс Трумэн была похоронена рядом с мужем перед зданием Библиотеки Трумэна.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Злобин Н. Белый дом и создание государства Израиль // *Континент*. 2002. № 111.

Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // *Новая и новейшая история*. 2000. № 2.

Злобин Н. Трумэн // *Континент*. 2001. № 110.

Мотылев В. В. Программы президентов США. Гарри С. Трумэн // *Экономический журнал*. 2012. № 25.

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. М.: Терра, 2006.

Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: W. W. Norton & Co, 1969.

Barrett P., Hulston J. The First and Only Verified Autobiography of the 33rd President of the United States // *Missouri Law Review*. 1991. Winter.

Benson M. Harry S. Truman and the Founding of Israel. Westport, Conn.: Praeger, 1997.

Bernstein B. The Truman Administration and Its Reconversion Wage Policy // *Labor History*. 1965. No. 4.

Brinkley A., Dye D. The American Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 2004.

Burnes B. Harry S. Truman: His Life and Times. Kansas City: Star Books, 2003.

Clifford C., Holbrooke R. Counsel to the President: A Memoir. New York: Random House, 1991. P. 49.

Clifton Truman D. Adventures with Grandpa Truman // *Prologue*. 2009. Vol. 41. No. 1.

Daniels J. The Man of Independence. Philadelphia: Lippincott, 1950.

Daniels J. White House Witness: 1942—1945. Harden City, NY: Doubleday, 1975.

Dear Bess: The Letters from Harry to Bess Truman: 1910—1959 / Ed. by R. Ferrell. New York: Norman, 1983.

Donovan R. Conflict and Crisis: The Presidency of Harry S. Truman: 1945—1948. New York: W. W. Norton & Co, 1977.

Donovan R. Tumultuous Years: The Presidency of Harry S. Truman. New York: W. W. Norton & Co, 1982.

Ferrell R. Choosing Truman. Columbia: University of Missouri Press, 1994.

Ferrell R. Harry S. Truman: A Life. Columbia: University of Missouri Press, 1994.

Ferrell R. Harry S. Truman and the Modern American Presidency. Boston: Little, Brown & Co, 1983.

Ferrell R. Truman: A Centenary Remembrance. New York: Viking, 1984.

Gardner M. Harry Truman and Civil Rights: Moral Courage and Political Risks. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2003.

Giangreco D. The Soldier from Independence: A Military Biography of Harry Truman. Minneapolis: Zenith Press, 2009.

Goldstein R. Prelude to McCarthyism: The Making of a Blacklist // Prologue. 2006. Vol. 38. No. 3.

Groathouse L. Kansas City Blacks, Harry Truman and the Pendergast Machine // Missouri Historical Review. 1974. Oct.

Hamby A. Beyond the New Deal: Harry S. Truman and American Liberalism. New York: Academy of Political Science, 1975.

Hamby A. Man of the People: A Life of Harry S. Truman. New York: Oxford University Press, 1995.

Harbutt F. J. The Fulton Speech and Iran Crisis of 1946: A Turning Point in American Foreign Policy. Dissertation. University of California, Berkeley, 1979.

Haydock M. Harry Truman and the 1948 US Presidential Election // American History Magazine. 2000, December.

Haynes R. The Awesome Power: Harry S. Truman as a Commander in Chief. Baton Rouge: LSU Press, 1973.

Helm W. Harry Truman: A Political Biography. New York: Duell, Sloan & Pearce, 1947.

Hogan M. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origin of the National Security State: 1945—1954. New York: Cambridge University Press, 2000.

Hunter S., Bainbridge J. American Gunfight: The Plot to Kill Harry Truman. New York: Simon & Schuster, 2005.

Jiovanniti L., Freed F. The Decision to Drop the Bomb. New York: Coward-McCann, 1965.

Leahy W. I Was There. (The American military experience). The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time. New York: Whittlesey House, 1950.

Marcus M. Truman and the Steel Seizure Case: The Limits of Presidential Power. New York: Columbia University Press, 1977.

Matusov A. Farm Policies and Politics in the Truman Years. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

McCoy D. The Presidency of Harry S. Truman. Lawrence: University Press of Kansas, 1984.

McCullough D. Truman. New York: Simon & Schuster, 1992.

Messer R. The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origin of the Cold War. Chappell Hill: University of North Carolina Press, 1982.

Miller M. Plain Speaking: An Oral Biography of Harry S. Truman. New York: Berkley, 1974.

Miller R. Truman: The Rise to Power. New York: McGraw-Hill, 1986.

Mr. President / Ed. by W. Hillman. New York: Farrar, Straus and Young, 1952.

Millis H., Brown E. From the Wagner Act to Taft-Hartley: A Study of National Labor Policy and Labor Relations. Chicago: University of Chicago Press, 1950.

NCS-68: Forging the Strategy of Containment. Washington, DC: National Defense University, 1994.

Neff D. Why President Truman Overrode State Department Warning on Palestine-Israel // The Journal of Historical Review. 1997. No. 5.

Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman / Ed. by R. Ferrell. Columbia: University of Missouri Press, 1980.

Patterson J. Great Expectations: The United States: 1945—1974. New York: Oxford University Press, 1996.

Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. College Station: Texas A & M University Press, 2008.

Reynolds D. The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives. New Haven: Yale University Press, 1994.

Riddle D. The Truman Committee: A Study in Congressional Responsibility. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1964.

Robbins Ch., Smith B. Last of His Kind: An Informal Portrait of Harry S. Truman. New York: Morrow, 1979.

Spaniel J. The Truman-MacArthur Controversy and the Korean War. New York: W. W. Norton & Co, 1965.

Steinberg A. The Man from Missouri. New York: Putnam, 1962
The Autobiography of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrell. Boulder: Colorado Associated University Presses, 1980.

The Harry S. Truman Encyclopedia / Ed. By R. Kirkendall. Boston: G. K. & Co, 1989.

The Truman Administration: A Documentary History. New York: Harper & Row, 1966.

The Truman Presidency / Ed. by M. Lacey. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1989.

Truman H. Letters Home by Harry Truman / Ed. M. M. Poen. New York: Putnam, 1984.

Truman H. Memoirs: Vol. 1—2. Garden City, NY: Doubleday, 1955—1956. Vol. 1: 1945: Year of Decisions; Vol. 2: 1946—1952: Years of Trial and Hope.

Truman M. Harry S. Truman. New York: William Morrow, 1973.

Truman M. Bess W. Truman. New York: Macmillan Publishing, 1986.

Truman M. Letters from Father: The Truman Family's Personal Correspondence. New York: Kensington Publishing Corporation, 1982.

Tugwell R. Off Course: From Truman to Nixon. New York: Praeger, 1971.

Wainstock D. The Decision to Drop the Atomic Bomb. Westport, Connecticut: Praeger, 1996.

Walker S. Recent Literature on Truman's Atomic Bomb Decision: A Search for Middle Ground // *Diplomatic History*. 2005. No. 29. April.

Whitney D. and R. The American Presidents. New York: The Reader's Digest Association, 1996.

Wilson Th. The Marshall Plan. New York: Foreign Policy Association, 1977.

Wilson Th. The Truman Committee: 1941 // *Congress Investigates: A Documented History 1792—1974*: Vol. 4 / Ed. by R. Bruns and A. Schlesinger. Jr. New York: Chelsea House, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
<i>Глава первая. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО</i>	14
1. Деды, родители, ранние годы	14
2. Школа.....	20
<i>Глава вторая. ПОИСК ПУТИ</i>	24
1. Юный клерк и национальный гвардеец	24
2. На ферме	28
<i>Глава третья. МИРОВАЯ ВОЙНА</i>	36
1. Против «германских варваров»	36
2. Западный фронт	40
3. Во французском тылу.....	45
<i>Глава четвертая. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БИЗНЕС И МЕСТНАЯ ПОЛИТИКА</i>	49
1. Деловые инициативы и вхождение в группу Пендергастов	49
2. Администратор графства	54
3. Судья-председатель	61
4. Рузвельтовский курс.....	72
<i>Глава пятая. СЕНАТОР. ПЕРВЫЙ СРОК</i>	79
1. Столичные трудности	79
2. Сенатские будни	85
3. Казусы «нового курса»	91
4. Комитеты Конгресса США.....	97
<i>Глава шестая. СЕНАТОР. ВТОРОЙ СРОК</i>	101
1. Выборы 1940 года	101
2. Во главе сенатских расследований.....	105
3. Расследования военного времени	114
4. Семейные дела и общеполитические взгляды.....	121
5. Германия, СССР, война	126
<i>Глава седьмая. ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ</i>	132
1. На пути к исполнительной власти.....	132
2. Номинация и выборы	136
3. На новой должности	141
<i>Глава восьмая. КОНЧИНА РУЗВЕЛЬТА. 33-Й ПРЕЗИДЕНТ</i> ..	144
1. Печальная весть и присяга	144
2. Первые шаги нового президента	151
3. Старые и новые кадры	153

<i>Глава девятая. ПОТСДАМ И «БОМБА»</i>	160
1. Отношения с СССР в конце войны.....	160
2. Атомное оружие	170
3. На Потсдамской конференции	174
4. Информация о «бомбе»	180
5. Итоги встречи	187
<i>Глава десятая. ХИРОСИМА, НАГАСАКИ, ЯПОНСКАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ</i>	189
1. Выбор целей.....	189
2. Бомба в действии	193
3. Конец войны	198
<i>Глава одиннадцатая. «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС» НАЧИНАЕТ ОПУСКАТЬСЯ</i>	202
1. Старые и новые очаги напряженности	202
2. Курс сдерживания.....	205
3. Проблемы перемещенных лиц и Палестины.....	210
<i>Глава двенадцатая. ТРУДНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕКОНВЕРСИИ</i>	220
1. Переход к мирной жизни	220
2. Первые хозяйственные решения	224
3. Труд и капитал.....	229
4. Новые трудности и курс президента	232
<i>Глава тринадцатая. К КАРДИНАЛЬНЫМ ВНЕШНЕ- ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ</i>	238
1. США и СССР: Взаимный страх	238
2. Фултонская речь	241
3. Конфликт с Уоллесом	252
4. Ужесточение противостояния	255
<i>Глава четырнадцатая. НОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА</i>	262
1. Закон о национальной безопасности	262
2. «Доктрина Трумэна».....	272
3. План Маршалла: Инициатива	281
4. План Маршалла: Реализация	290
<i>Глава пятнадцатая. ПРОБЛЕМЫ МНОЖАТСЯ</i>	296
1. Берлинский кризис	296
2. Создание НАТО.....	301
3. Государство Израиль	306
<i>Глава шестнадцатая. ВЫБОРЫ 1948 ГОДА</i>	314
1. Нелегкое решение.....	314
2. Остановки «по свистку».....	319
3. Победа	324

<i>Глава семнадцатая. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ</i>	328
1. Закон Тафта — Хартли	328
2. На пути к «справедливому курсу»	334
3. Либеральные инициативы.	340
4. Попытки реформ и лабиринты власти	349
<i>Глава восемнадцатая. ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФРОНТАЦИИ</i>	360
1. «Красная угроза»	360
2. Утрата монополии и водородное оружие	364
3. Потеря Китая, новые разоблачения и доклад № 68 ..	370
4. Президент и начало маккартизма	376
<i>Глава девятнадцатая. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА</i>	384
1. Агрессия и решение ООН	384
2. Военное руководство	390
3. Тупиковая ситуация и падение престижа	394
<i>Глава двадцатая. ОБЫЧНЫЙ ГРАЖДАНИН</i>	401
1. Уход с поста	401
2. Выборы 1952 года	410
3. Уход из Белого дома	414
4. Старость в провинции	417
Заключение	429
Примечания	432
Основные даты жизни и деятельности Гарри Трумэна	466
Краткая библиография	473

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л.
Ч-49 Трумэн / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. —
М.: Молодая гвардия, 2016. — 479[1] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1590).

ISBN 978-5-235-03891-2

Гарри Трумэн (1884—1972) вышел на главную политическую арену США почти случайно: он занял высший государственный пост в апреле 1945 года, когда скоропостижно скончался президент Франклин Рузвельт. Это был переломный момент мировой истории, и президент США — наиболее мощной по итогам Второй мировой войны в экономическом отношении державы — должен был сделать исторический выбор, от которого зависела судьба человечества на несколько десятилетий вперед. Гарри Трумэн достойно представлял США на Потсдамской конференции глав трех великих держав, ему пришлось нести ответственность за решение об атомной бомбардировке японских городов Хиросимы и Нагасаки, резко ускорившей окончание войны. Он активно участвовал в создании ООН и блока НАТО, способствовал основанию государства Израиль, при нем начались холодная война с СССР и корейская война. Внутри страны Трумэн инициировал ряд либерально-демократических реформ, вписывающихся в программу «справедливого курса», продолжавшего «новый курс» Рузвельта.

Авторы — Георгий Чернявский и Лариса Дубова, анализируя многочисленные архивные документы, воспоминания, биографии и другие исторические труды, проследили, как провинциальный политик, не получивший полного высшего образования, порицаемый в обществе как ставленник лидера одного из мафиозных кланов и член масонской ложи, оказался в настоящее время в числе наиболее выдающихся американских политических деятелей.

УДК 94(73)(092)“19”
ББК 63.3(7)6

знак информационной
продукции

16+

**Чернявский Георгий Иосифович,
Дубова Лариса Леонидовна**
ТРУМЭН

Редактор **Е. С. Писарева**
Художественный редактор **Г. П. Демчев**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 15.01.2016. Подписано в печать 02.03.2016. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
25,2+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1604950.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03891-2

ISBN 978-5-235-03891-2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Т. Чернябский, Л. Дубо́ва

ТРУМЭН

ЖЗЛ